КАРЕЛЬСКАЯ МИТРОПОЛИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
СЕКЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОБЛЕМ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Митрополит
Константин (Горянов)

АПОКАЛИПСИСЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Санкт-Петербург
Издательский дом
«Родная Ладога»
2017

УДК 947.084.2:1(091)
ББК 87.3(2)г
К65

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви.
Присвоен номер Издательского Совета ИС Р17-714-0585

Утверждено Учёным советом Секции междисциплинарных проблем науки и образования Российской академии естественных наук

Рецензенты:
Корольков Александр Аркадьевич — д-р философ. наук, действительный член Российской академии образования, проф. Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, член Союза писателей России.
Казин Александр Леонидович — д-р философ. наук, проф., и. о. директора Российского института истории искусств, заведующий кафедрой искусствознания Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, член Союза писателей и Союза кинематографистов России, засл. работник культуры РФ.

Митрополит Константин (Горянов)
К65 Апокалипсисы революций. — СПб. : Родная Ладога, 2017. — 560 с. : ил.
ISBN 978-5-905657-22-1

Книга богослова, историка, публициста, митрополита Константина (Горянова) «Апокалипсисы революций» является сборником его избранных исторических статей, в которых автор исследует причины возникновения, процессы развития, а также трагические последствия не редких в России революционных времён. На примерах известных и малоизвестных событий русской и связанной с ней мировой истории учёный выявляет ментальные основы «русского мира», доказывает непреходящее значение Православной веры как основной силы, противостоящей внешним и внутренним угрозам. Автор, используя метод сочетания историософского анализа и научного исторического исследования, доказывает, что любая революция есть бунт деструктивных сил против божественного миропорядка. В связи с современными геополитическими реалиями многие факты и события минувших времен, о которых пишет учёный, воспринимаются актуально, позволяют лучше понять настоящее и предположить будущее. Все материалы издания написаны литературным языком, обладают глубоким аналитическим подходом, доказательностью, сопровождаются обширной библиографией. Книга достойна внимания не только специалистов — историков, философов, богословов, священников, но и широкого круга читателей, интересующихся путями и способами укрепления российской государственности.

УДК 947.084.2:1(091)
ББК 87.3(2)г

На обложке картина художника Филиппа Москвитина
«Взятие под стражу Патриарха Тихона» (фрагмент). Холст, масло, 140×200

ISBN 978-5-905657-22-1

© Митрополит Константин (Горянов), 2017
© ООО Издательский дом «Родная Ладога», 2017

Посвящается
деду священнику Никите Васильевичу Горянову —
узнику Данлага и моим родителям —
Александру Никитичу и Марии Фёдоровне

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово. *В. С. Мясников* 7

Пролог. *Митрополит Константин (Горянов)* 14

Начало дальнейшего. *Святой преподобный Иосиф Волоцкий — защитник духовных границ Руси* 25

«Поступайте осторожно, …потому что дни лукавы» (Ефес. 5:15–16). *Брестская уния 1596 года как церковно-политический плод унионального богословия, её наследие и наследники* 46

«Осолить Вселенную»: история Русской Православной миссии в Иране 83
Истоки 83
Россия и Иран: политические, экономические и культурные предпосылки создания Русской миссии 86
Краткая история христианства в Персии и деятельность западных миссий 89
Учреждение Русской миссии и её первоначальная деятельность 94
Расцвет деятельности Урмийской миссии 103
Испытания 113
Миссия на защите христианства в трагические 1914–1918 годы 115

«Апокалипсисы революций». *Санкт-Петербургские религиозно-философские собрания 1901–1903 гг.: причины, ход и неудача диалога Русской Православной Церкви и русской интеллигенции с современной точки зрения* 123

Современники: святой праведный Иоанн Кронштадтский и революционный священник Георгий Гапон. *Становление их личностей и влияние каждого на мировоззрение русского народа* 164
Введение 164
Начало премудрости 167
Духовная лествица отца Иоанна Кронштадтского 180
Карьерные ступени Георгия Гапона 186
В рабочих кварталах: священник-монархист и священник-революционер 192

Расстрелять веру 206
Путь спасения 220

Конец Русской симфонии. *Взаимодействие Государственной Думы и Русской Православной Церкви в императорской России* 224

«Не разлучившись с паствой». *Подвиг русского православного духовенства в Первую мировую войну* 255
«Бог воззовёт прошедшее» (Еккл. 3:15). *О необходимости осмысления исторической действительности Первой мировой войны* 255
«Зов, а не приказ». *Организация деятельности Русской Православной Церкви в начале войны* 258
«Сам Суворов плакал...» *Подвиг русского священства в Первую мировую войну* 266
«Россия — священная наша Держава» 284

Христианский подвиг Монарха. *Факты и подоплёки убиения Семьи Николая II* 302
Экзамен на верность Христу 304
«Да будет воля Твоя» 323
Чёрная месса революции 331
«Belsatzar ward in seibier Nacht
Von seinen Knechten umgebracht» 338
«Кругом измена, трусость и обман» 347
Каменное сердце 357
Путь Царский 377

«Горькая ошибка». *«Церковная революция» 1917 года, её последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края* 401
Введение. Церковь Христова как Богочеловеческий организм и её свойства 401
В эпицентре революционных событий 404
Предпосылки 412
Революционные иллюзии 426
Пасха Красная 446
Возрождение 461

«Свет во тьме». *О святительском подвиге Патриарха Московского и всея Руси Тихона (Василия Ивановича Беллавина)* 466
Явление любви 467
В лихолетье смуты 475
Главное событие 479
«Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас» (Ин. 15:16) 484

«Время требует подвига» 488
«Оценка предварительна и неточна» 493
Разновидности тьмы. Ватикан и русские революции 497
«Порази пастыря, и рассеются овцы» (Зах. 13:7; Марк 14:27) 500
«Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5:16) 510

День Победы. *О значении для современности проповеднического и пророческого подвига святого праведного Иоанна Кронштадтского* 514
«...Русский пыл в крови» 514
«Даждь Ми, сыне, твое сердце!» (Притч. 23:26) 522
«И судим был каждый по делам своим» (Откр. 20:13) 533
«Господь даст силу народу Своему» (Пс. 28:11) 537

Уроки Первой мировой войны, революции и цивилизационный потенциал России. *Из доклада на Панаринских чтениях в МГУ им. Ломоносова на философском факультете 20.11.2014 г.* 545

Послесловие. Взгляд в будущее человечества. *В. С. Новиков* 554

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Любезный читатель!

Мне выпала высокая честь представить читательской аудитории нашей страны замечательный труд митрополита Константина (Горянова) «Апокалипсисы революций». Сегодня всем нам стало очевидно, что наша страна должна сосредоточить все силы — духовные и материальные, чтобы преодолеть кризис. Кризис не только и не столько экономический, но в первую очередь кризис духовности.

Широкую программу преодоления этого кризиса наметило **Обращение к будущему Президенту России участников расширенного заседания Патриаршего совета по культуре 22 февраля 2012 года**. Главная идея этого обращения заключалась в том, что образование должно быть неразрывно связано с воспитанием. Воспитывать молодёжь следует в вере Православной, раскрывающей духовное око человека. Одновременно это значит и обретение любви к своей стране, и готовности посвятить свою жизнь служению Отечеству. В Обращении подчеркивается, что: «**Вера, совесть, Отечество, служение, честь, долг, любовь, уважение к семье и к достоинству ближнего, бережное отношение к истории своей страны и к богоданной природе, осознание себя как продолжателя дел предков, стремление помочь ближнему, благородные помыслы и целомудрие — эти вечные ценности создали всё величие нашей страны. Будущее нашего общества зависит гораздо в первую очередь от того, какими будем мы сами**». Прочитав это Обращение, я понял, что воплощение в жизнь этой программы должно стать всенародным делом, что это и будет для каждого из нас Служением Богу, а значит, и Служением Отечеству.

Именно этому и посвящён глубоко философский и одновременно наполненный жизненными примерами истинного служения нашей Родине сборник исторических статей и выступлений митрополита Константина (Горянова).

Среди краеугольных камней, закладывавшихся в нравственный фундамент Русского государства, есть ни с чем не соизмеримый алмаз высочайшей чистоты и поразительной многогранности. Он называет-

ся Служение Отечеству. *Служение Отечеству* — это слова, наполненные высоким нравственным и патриотическим смыслом. Русский язык богат. *Служить* в учреждении — это одно. «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — именно чиновничью службу имел в виду Грибоедов. Однако В. И. Даль дал и другое значение этого термина: *Служение — долг каждого — служение на общую пользу. Служба — жизнь для других. Служилые люди — ратные, воинские чины. Служить — исполнять воинские обязанности*.

Служение — это долг, исполнение своего долга перед Отечеством. Так это понимали не только обитатели нашей страны различных поколений. Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор писал: «Я спал, и мне снилось, что жизнь — это радость. Я проснулся и понял, что жизнь есть служение. Я стал служить и понял, что служение — радость». За несколько десятилетий до него американская поэтесса Элен Хупер опубликовала следующие строки: «Во сне мне снилось, что жизнь — это радость, // Проснувшись, я вижу, что жизнь — это долг».

Служение — это исполнение своего долга перед Отечеством. Причём служение Отечеству предполагает, что, если требуется, нужно пожертвовать и самым дорогим, что дано Богом человеку — жизнью. «Отрадно и почётно умереть за Родину», — эти слова великого римского поэта Квинта Горация Флакка (Dulce et decorum est pro patria more) в дореволюционной России знали многие, учившие в гимназиях латынь. Кстати, есть перевод этого изречения, сделанный известным путешественником по Азии П. П. Семёновым-Тян-Шанским: «Красна и сладка смерть за Отечество».

И хотя Н. М. Карамзин подчеркнул в своей богатырской сказке «Илья Муромец»: «Мы не греки и не римляне, нам другие сказки надобны», я вспоминаю это изречение не только потому, что оно было известно на Руси, но и потому, что и у нас был свой легендарный герой — Евпатий Коловрат, вместе со своей дружиной погибший в яростном бою, отражая монгольские полчища под стенами родного ему Козельска. Да и после него были сотни примеров жертвенного бесстрашия.

Служение Отечеству — это священный долг всего народа, от главы государства до каждого гражданина. Русские понимали служение Отечеству как служение Господу. «Служу Богу и Великому Государю» — говорили солдаты, матросы. Девиз офицеров, дворян был: «Душу — Богу, жизнь — Государю, сердце — любимой, честь — никому». Честь — это важнейшая составная служения Отечеству. И берегли её смолоду, потому что только с чистым сердцем, с чистой совестью можно было выступать за Отечество.

То, что служение Отечеству — это и религиозный долг православного человека, со всей силой своего таланта прозрел Николай Васильевич Гоголь. «Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей, — писал он. — А не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам»[1].

Образцом призыва послужить Отечеству является обращение Петра Великого к армии в канун Полтавской битвы: «Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. — И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за Отечество, за православную веру нашу и церковь <...> А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего!». «Служи России» — таковы были последние слова Николая I, обращённые к цесаревичу Александру.

Как наглядно показывает в своей книге митрополит Константин (Горянов), народ России, как и любой другой великой страны, например Китая, Индии, породил немало вождей и пастырей. Исторический опыт свидетельствует, что самовластие вождей, как правило, ввергает народы в пучину войн, социальных катаклизмов и других бедствий, приносящих горе, страдания и невосполнимые людские потери. Одна из сфер их деятельности — межгосударственные отношения — зачастую разобщала народы. Например, советско-китайская конфронтация в 60–80-е гг. XX столетия была обусловлена амбициями Н. С. Хрущева и Мао Цзэдуна.

Тогда как пастыри, будь то Конфуций и Лао-цзы, Сиддхартха Гаутама (Будда) и Мухаммед, святой Сергий Радонежский, святой Серафим Саровский, святой Иоанн Кронштадтский — все они врачевали раны народной души, учили межличностному контакту и тем самым закладывали основы отношений с другими народами, другими цивилизациями. Именно в этой области базовые постулаты различных религий и философских школ не противоречат друг другу.

Перефразируя известные пушкинские слова, можно сказать: «Служение Отечеству не терпит суеты». Это относится к тем, кто служит Отечеству не на поле брани, а в различных областях экономики, науки и техники, культуры и искусства, дипломатии, — к гражданскому населению. И здесь у нас есть немало примеров беззаветного служения Отечеству.

---

[1] *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. Нужно любить Россию (из письма к гр. А. П. Т...му, 1844). Письмо XIX // Духовная проза / сост., вступ., ст., коммент. В. А. Воропаева. М.: Русская книга, 1989. С. 136.

Приведу лишь некоторые имена: Михаил Ломоносов, Николай Карамзин, Александр Пушкин, Николай Гоголь, Николай Муравьёв, Геннадий Невельской, Николай Некрасов, Александр Горчаков, Дмитрий Менделеев, Антон Чехов, Фёдор Шаляпин, Патриарх Тихон, Иван Павлов, Сергей Есенин, Алексей Пешков, Сергей Рахманинов, Владимир Маяковский, Александр Твардовский, Николай и Сергей Вавиловы, Георгий Жуков, Николай Кузнецов, Сергей Королев, Игорь Курчатов, Мстислав Келдыш. Молодёжи в любой области есть «делать жизнь с кого».

Служение России невозможно без веры в Россию. Это поразительно чётко выразил крупнейший русский философ XX в. Иван Александрович Ильин. «Сливая мою жизнь с жизнью моей родины, я испытываю *дух моего народа* как безусловное *благо* и безусловную *силу*, как некую *Божию ткань на земле*; и в то же время *я отождествляю себя с этой живой силой добра*; я чувствую, что *я несом ею*, что я силён её силою, что я прав её правдою и правотою, что я побеждаю её победами; я становлюсь живым сосудом или живым *органом* моего Отечества, и в нём имею моё духовное *гнездо*. На этом пути *любовь* к родине соединяется с *верою* в неё, с верою в её призвание, в творческую силу её духа, в тот грядущий расцвет, который её ожидает. <...> Нельзя любить родину и не верить в неё; ибо родина есть *живая духовная сила*, пребывание в которой даёт твёрдое ощущение её блага, её правоты; её энергии и её грядущих одолений. Вот почему *отчаяние* в судьбах своего народа свидетельствует о начавшемся *отрыве* от него, об *угасании* духовной любви к нему. Но верить в родину может лишь тот, кто живёт *ею, вместе с нею и ради неё*, кто соединил с нею истоки своей творческой воли и своего духовного самочувствия»[1].

Кстати замечу, что именно Иван Александрович ввёл в политический оборот понятие «мировая закулиса». Напомню его слова: «<...> Подготавливаемое международною закулисою расчленение России не имеет для себя **ни малейших оснований**, никаких духовных или реально политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию»[2]. Далее он заметил: «<...> После падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: “Народы быв-

[1] *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 234.

[2] *Ильин И. А.* Что сулит миру расчленение России? // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2-х т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1. С. 255–256.

шей России, расчленяйтесь!”»[1]. «Им нужна **слабая** Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в **расчленении**. Им нужна Россия с **убывающим народонаселением, что и осуществляется за последние 32 года**. Им нужна Россия **безвольная**, погружённая в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоголосии, не способная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия **расчленённая**, по наивному “свободолюбию” **согласная на расчленение** и воображающая, что её “благо” — в распадении»[2].

Тяжкие испытания, которые выпадают на долю народа, угроза самому существованию Отечества вызывают патриотический подъём, порождают массовый героизм населения. Так у нас родился термин «Отечественная война». Дважды в своей истории наш народ поднимался от мала до велика на защиту своей земли. Это были Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 1941 г. в душе каждого зазвучал призыв: «Вставай, страна огромная, // Вставай на смертный бой // С фашистской силой тёмною, // С проклятою ордой!». А Александр Твардовский пояснил: «Бой идёт святой и правый, // Смертный бой не ради славы, // Ради жизни на Земле!». И вдохновляли нас в этом бою примеры святого Сергия Радонежского, святого Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Павла Нахимова. Закон войны суров — на полях сражений погибают лучшие сыны Отечества. Мы заплатили за свободу и независимость нашего Отечества высочайшую цену, которую не платил ни один другой народ.

Обращаясь к сегодняшнему дню, мы должны в первую очередь использовать весь духовный опыт наших предшественников в качестве образцов служения Отечеству для нынешних поколений. Это — одна из наших национальных задач. «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа», — заметил Н. В. Гоголь. Нам необходимо поднять дух народа до тех высот, которых он достигал в сложнейшие периоды нашей истории. Мы должны поставить всё лучшее, что было в нашей истории, на службу современности. Пусть «священная книга народов», как называл историю Николай Михайлович Карамзин, воодушевляет на служение сегодняшней России. К этому и призывают все страницы избранных исторических статей книги митрополита Константина (Горянова), озаглавленной «Апокалипсисы революций».

---

[1] *Ильин И. А.* Что сулит миру расчленение России? // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2-х т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1. С. 261.

[2] Там же. С. 163–164.

Что касается революций, то когда-то выдающийся русский мыслитель Георгий Петрович Федотов поставил вопрос: «Будет ли существовать Россия?». С поразительной точностью, подтвердившейся в реалиях наших дней, историк и философ указал на признаки надвигающейся катастрофы. «Можно отмахнуться от этих симптомов, — горестно замечал он, — усматривая в них лишь новые болезни интеллигентской мысли. <...> Но никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России. За одиннадцать лет революции зародились, развились, окрепли десятки национальных сознаний в её расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полуинтеллигенции, которая уже гонит от себя своих русских учителей. Под покровом интернационального коммунизма, в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России. Казанским татарам, конечно, уйти некуда. Они могут лишь мечтать о Казани как столице Евразии. Но Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам ислама»[1]. Эти строки написаны Г. П. Федотовым во Франции в 1928 г., спустя три года после того, как он покинул своё Отечество. Они основаны не на интуиции пророка, а на глубоком знании истории России и ситуации в ней в первой половине 1920-х годов.

Наблюдения Г. П. Федотова настолько верны, что сегодня они просто поражают. «Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку её внешних врагов», — утверждал он, и добавлял, что «благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, её политической зрелости и свободы от иностранного давления»[2].

Для анализа сегодняшней ситуации важно и замечание Федотова о том, что «из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших кровных братьев — малороссов или украинцев»[3]. И это самый болезненный вопрос новой России.

---

[1] *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия. — О России и русской философской культуре // Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 450–451.

[2] Там же. С. 455.

[3] Там же.

Г. П. Федотов был велик не только в своём прозрении, но и в том, что он, как бы обозревая просторы России, показывал, что есть конкретные пути преодоления кризиса, главным из которых он считал синтез культур русской и тех народов, что составляют Россию, включая и народ «древней Матери нашей» — Малороссии. Именно не на политическом, а на цивилизационном уровне, без силовых решений призывал он укрепить единство Великой и Малой России. «Россия — не Русь, — подчеркивал он, — но союз народов, объединившихся вокруг Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить друг друга гулом нестройных голосов. Для многих из нас это всё ещё непривычно, мы с этим не можем примириться. Если не примиримся — то есть с многоголосностью, а не с нестройностью, то и останемся в одной Великороссии, то есть Россия существовать не будет»[1].

Конечно, на пути сохранения и возрождения Отечества есть препятствия. И не только политические или экономические. Сегодня и у нас, и за рубежом исторические материалы пытаются фальсифицировать и широко использовать для формирования постмодернистского общественного мнения. Однако, как писал русский философ В. С. Соловьёв: «Фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением, фабрикуемый и продаваемый по дешёвой цене оппортунистической прессой, ещё не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для истинно русской идеи»[2].

«Россию упрекают в том, что она изолируется. <...> Говорят, что Россия сердится. Нет, Россия не сердится. Она собирается с силами» [La Russie <...> serecuelle], — писал в 1856 г. в своём послании к русским дипломатам, находившимся за рубежом, канцлер Александр Михайлович Горчаков. И сегодня мы собираемся с силами. Нужна идея, которая объединила бы всех, кто стремится к возрождению Отечества. В канун 2016 г. при освящении храма святого Александра Невского Святейший Патриарх Кирилл сказал: «История — колыбель идеологии». О путях реализации этих слов и повествует представляемая читателям книга митрополита Константина (Горянова).

Академик Российской академии наук
В. С. Мясников

---

[1] *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия. — О России и русской философской культуре // Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 455.

[2] *Соловьёв В. С.* Смысл любви. Избранные произведения. М., 1991. С. 49.

ПРОЛОГ

Любовь никогда не перестаёт,
хотя и пророчества прекратятся,
и языки умолкнут, и знание упразднится.
(1 Кор. 13:8)

Начать книгу под названием «Апокалипсисы революций» хочу с конца — с осмысления понятия апокалипсиса, предопределённого и неотвратимого, являющегося обязательным событием истории земного мира, которая когда и как бы ни закончилась, не погребёт под своими обломками Любовь, Премудрость, Могущество, Милосердие Творца этого мира, мира, пронизанного божественными энергиями. Богоначалие, как пишет Дионисий Ареопагит, «является некой превышающей бытие Сверхблагостью, не как Разум или Могущество, не как Мышление или Жизнь, или Сущность, но как (нечто) совершенно исключающее какое-либо изменение, свойство, жизнь, воображение, представление, наименование, разум, мысль, мышление, сущность, состояние, основание, предел, беспредельность, то есть всё, что присуще сущему»[1]. Бога невозможно познать в Нём Самом, в Его сокровенной тайне, но мы можем познать по Его действованиям в мире, по незыблемым закономерностям, одной из которых является Апокалипсис (ἀποκάλυψις — раскрытие, откровение) или Судный День — Омега обычного земного бытия.

Понятия «последних времен» и Апокалипсиса в нашем представлении связаны с катастрофой, с концом человечества, с очистительным огнём, с кончиной этого мира. Это событие является следствием наступившей эпохи Нового Завета, которая ознаменовалась победой Господа Иисуса Христа над диаволом: *«Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон»* (Ин. 12:31). Православное вероучение признаёт эру Нового Завета качественно отличной от Ветхого. Настоящий период истории спасения человеческого рода, открытый Воскресением

[1] *Св. Дионисий Ареопагит.* Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 593.

Христовым, уже является «истинным Царствием Христовым, которое... подлинно и совершенно реально для верующих»[1]. Поэтому можно говорить об «осуществившейся эсхатологии», которую исповедали и защищали апостолы Христовы и Святые Отцы Церкви, подчёркивая реальность Боговоплощения и «её действенность в настоящем»[2].

«Последний день» — день явления Господа Бога для спасения человека — настал с Первым Пришествием Христа Спасителя, с воплощением Бога Слова. Этот «День» таинственно продолжается в жизни Церкви сквозь ткань времени исторического, в котором существует видимый мир, и найдёт свою кульминацию во Втором Пришествии Господнем[3].

Второе Пришествие Христа на землю, по учению свт. Иоанна Златоуста, будет внезапным. Предварительно явится на небе знамение Креста для изобличения неуверовавших. А вслед за ним придёт и Сам Господь на облаках, в сопровождении всех ангелов и святых. Одновременно со Вторым Пришествием Христа на землю произойдёт всеобщее воскресение мёртвых. Целью Второго Пришествия Христа будет Страшный Суд над людьми, как воскресшими из мёртвых, так и оставшимися в это время в живых.

«Второе Пришествие Христово принадлежит к цепи событий мировой истории и одновременно завершает их. Христианство без ожидания Второго Пришествия — лестница, обрывающаяся в пустоту»[4].

Но в век андронного коллайдера и возможностей связи с другими космическими мирами человек правомерно задаёт вопрос — после Судного Дня эта лестница не окажется ли также обрывающейся в пустоту? Апокалипсис будет абсолютным концом Вселенной и Времени, или всё начнётся сначала? Для ответа на эти вопросы нужно осмыслить категории Времени, Пространства, Міра на стадиях их творения и существования. Это уже сделано богословами и отчасти математиками. Согласно учению богословов Григория Нисского и Максима Исповедника, Время безначально — это одно из Имён Бога-Творца. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядёт, Все-

---

[1] *Мейендорф И., протопресвитер.* Жизнь и труды св. Григория Паламы. СПб., 1997. С. 264.

[2] Там же.

[3] Эсхатологическое учение подробно рассматривается в статье «Эсхатологическое учение в творениях Святых Отцов и его значение в современном мире» в книге: *Константин (Горянов), архиепископ*. И познаете истину. СПб.: Родная Ладога, 2011. С. 17–61.

[4] *Флоровский Г., протоиерей*. О последних вещах и последних событиях // Догмат и история. М., 1998. С. 455.

держитель» (Откр. 1:8). Св. Максим Исповедник, византийский монах, исследовал этапы творения Міра и уже в VII в. создал общую динамическую теорию материи. Мір творится временем, оно из неподвижного состояния, которое Максим Исповедник называет эоном, преобразуется во время движущееся. В предшествующем Міру состоянии происходило творение всех небесных сил бесплотных. Следствием видимого движения Времени является создание Пространства, вмещающего всё сущее и в целом видимого Міра, который заканчивается при завершении существования пространства или времени.

Современная математическая наука[1] осмысливает эти категории и процессы с помощью математического аппарата, а именно, используя понятия порядковой и количественной бесконечностей. В случае конечных чисел эти бесконечности совпадают, в случае потенциальной бесконечности или неограниченной продолжительности — последовательность конечных количеств завершится быстрее конечных порядков. То есть сосчитываемых вещей в мире больше, чем нумеруемых. Учёные соотносят понятия «количества» (сколько?) и «пространства», «порядка» (который?) и «времени» соответственно. Количественные и порядковые множества характеризуют пространство и время. Отсюда делается вывод, что бесконечность времени больше бесконечности пространства, то есть эволюцию Вселенной можно интерпретировать и в богословском, и в физическом плане. Говорить о конце мира или Міра можно, сравнивая эти бесконечности и понимая, что возможное разрушение пространства не обязательно сопровождается разрушением времени, которое может породить новое Пространство и новую Вселенную. Могут происходить локальные апокалипсисы, не означающие конца Міра и Времени. И это во многом зависит от любимого творения Господа — от человека.

Виктор Иванович Несмелов (1863–1937), профессор метафизики Казанской Духовной академии, автор двухтомной «Науки о человеке», отец русской систематической антропологии лучше всего, на наш взгляд, изложил двойственность человеческого бытия в этом мире. С одной стороны, человек — дитя природы, «простая вещь» физического мира, подвластная жёстким законам биологии, физиологии. Человек даже 6 минут не может прожить без кислорода. Эти законы равнодушны к тому, что человек, существующий как неповторимая личность, разрушается подобно всему остальному. С другой стороны, человек, обладающий разумом,

[1] Основываемся на статье д-ра физ.-мат. наук *С. А. Векшенова*. Размышления математика об Откровении Иоанна Богослова // Христианство и наука. М., 2003. С. 269–276.

свободой и нравственностью, ясно сознает свою безусловную ценность, выходящую за пределы мира вещей. Несоответствие идеальной природы личности человека реальным условиям приковывающего его мира делает его существо двусмысленным, исполненным внутреннего конфликта.

В человеке есть безусловное, надприродное начало — разум, самосознание, свобода и нравственность; значит, безусловное начало есть и вне человека, ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет. И здесь Несмелов делает сильнейший ход, выдвигая небывалую идею религиозной антропологии: человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всём объёме её природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом». Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях. Бердяев даже называл это «несмеловским» доказательством бытия Божия. Мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например в уме, а в совокупности всех проявлений личности, продолжается в православной концепции «богословия образа».

Несмелов убедительно доказал, что человек — не только элемент видимого мира, но и участник инобытия, безусловного и сверхчувственного миропорядка: сознание «я» указывает на действительное существование человеческой личности в качестве метафизической сущности. В самосознании человек выходит за пределы этого мира. Человек сознает себя личностью высшего порядка, а не вещью природного порядка, и это сознание не могло возникнуть из мира вещей, из порядка низшей природы. Сознание своего богоподобия есть сознание не от мира сего. Это сознание родилось из мира иного.

Люди приходят к религии через двойственность своей природы, через заложенное в них богоподобие наряду со звероподобием или природоподобием. В учении Несмелова о реальном отображении Бога в человеке — ключ ко всей его метафизике, к его истолкованию идей спасения и искупления. Ведь противоречивая двойственность человеческого бытия есть не только факт жизни, но и свидетельство виновности человека.

Голос совести указывает человеку, что в чувственном мире существует сверхчувственный порядок «должного быть», как установление Высшей

Воли, Которая судит человека за отступление от этого сверхчувственного порядка. Нравственность не создает религию, а только осуществляет её. Из этих религиозных интуитивных познаний и переживаний логически в человечестве развиваются понятия о Боге как Верховном Законодателе и Судии, а далее как о Промыслителе и Спасителе человека. Но почему и от чего человека надо спасать? Зачем и за что судить?

Существует образная, оригинальная версия и психологическая история первого преступления в духовных космических мирах, созданная Несмеловым, изложенная им во втором томе «Науки о человеке. Метафизика жизни и христианское откровение». Мы подробнее остановимся на этой «психологической истории первого преступления», поскольку она является, на наш взгляд, архетипом великих бунтов земной истории, тем, что сейчас принято называть «технология революции».

Библия говорит нам, что абсолютная святость Бога даже «в Ангелах Своих усматривает недостатки» (Иов. 4:18). Духовный Ангельский мир имеет свою иерархию. По библейскому указанию (1 Тим. 3:6), первый виновник падения (Люцифер или по-славянски Денница) *возгордился* высотою своего положения «и возымел желание подчинить себе мир, *чтобы заменить собою* для него Бога. С точки зрения психологического анализа, — пишет Несмелов, не может быть никакого сомнения в том, что в положении падшего духа были достаточно веские основания для безмерного проявления его гордости... Следовательно, сжигая себя мыслию о божеской чести, он, при указанных обстоятельствах, всё-таки мог стремиться не к тому, чтобы *заменить собою Бога* для мира, а лишь к тому, чтобы ему *пользоваться божескою честию* в мире, и притом пользоваться этой честию только ему одному (здесь и далее курсивом выделено Несмеловым. — *авт. ст. М. К.*).

Поэтому, ввиду охватившего его чудовищного эгоизма, он, естественно, должен был почувствовать тайную зависть к Богу, и в силу этой зависти у него, естественно, должно было появиться такое желание, что *для него* было бы весьма хорошо, если бы Бога совсем не было. Но он достоверно знал, и не мог не знать, что Бог существует, потому что, претендуя на божеское достоинство, он всё-таки положительно знал, что он — вовсе не Бог, что своим ограниченным бытием он в действительности обязан лишь творческой силе истинного, самосущего Бога... Поэтому, видя в Боге препятствие к её осуществлению, он уж, естественно, стал думать не о бесконечной благости Бога и не о всемогущей силе Его, а исключительно только о том, что Его существование является для него единственным препятствием, из-за которого он не может достигнуть божеской чести. И вот он увидел в Боге своего врага и воспылал к Нему чувством непри-

миримой ненависти. Под влиянием этого чувства, если только о характере падшего духа можно судить по всем дальнейшим действиям его в человеческой истории, он, вероятно, разразился дерзкой хулой на Бога, вероятно, именно — постарался приписать Богу все те нравственные недостатки, которые выросли из его собственной гордости и исказили в нём его богосозданную природу. По крайней мере, иначе совершенно невозможно объяснить, хотя бы только и относительный, успех его замыслов.

По косвенным библейским указаниям (напр., Ефес. 6:12), он, несомненно, увлёк за собою немалое число бесплотных духов». Апостол Павел, упоминая некоторые степени иерархии в духовном мире, пишет: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Ефес. 6:11–12). «А ведь для того, — продолжает Несмелов, — чтобы чистые духи при положительном знании их о своём существовании как о свободном даре Божией благости могли всё-таки пристать к явному врагу Бога, для этого необходимо, чтобы в них самих возбудилось враждебное чувство к Богу. Стало быть, виновник их падения успел возбудить в них это чувство, и в таком случае не может подлежать никакому сомнению, что он шёл к своей цели путём клеветы. Если мы поставим вопрос: как в самом деле добрые духи могли вдруг оказаться неблагодарными в отношении Творца своей жизни? — то психологически здесь возможен только один ответ: они могли оказаться неблагодарными по отношению к Богу лишь в одном и единственном случае, если именно каким-нибудь образом им пришло на мысль и они уверились в том, что будто Бог создал их *только ради Себя самого,* чтобы было над кем Ему властвовать, и было бы кому славословить Его.

А если мы поставим вопрос: каким образом добрые духи могли вдруг оказаться враждебными Богу? — то психологически и здесь также возможен только один ответ: они могли сделаться врагами Бога лишь в том единственном случае, если им пришло на мысль и они себя уверили в том, что будто, в пределах своей природы и сил, они могли бы достигнуть гораздо более высокого положения, чем какое они занимают в действительности, если бы только Богу угодно было поставить их в наиболее благоприятные условия жизни, но что Ему будто бы не угодно этого сделать из опасения потерять в них своих покорных рабов. Такое представление о Боге, естественно, конечно могло определять собою только враждебное чувство к Нему, потому что, выставляя Бога таким существом, которое *по нежеланию добра* своим разумным созданиям *намеренно препятствует* им в достижении их насущных целей, оно тем са-

мым, конечно, выставляет Бога явным врагом своих созданий, и вследствие этого оно уж, естественно, должно вызывать собою такое именно отношение к Богу, какое возможно только в рассуждении *личного врага*.

Мы имеем достаточно веские основания, чтобы определить, по крайней мере, психологически-вероятный процесс древней небесной катастрофы... Эта катастрофа, вероятно, совершилась таким образом, что первый ненавистник божественного миропорядка, прикрываясь мнимой любовью к своим собратьям и будто бы ратуя за их интересы, искусно забросил в них ложную мысль о действительных основаниях божественного творчества, что будто Бог создал мир только в удовлетворение своему эгоизму; и затем он, вероятно, забросил в них другую ложную мысль, что будто, при других условиях существования, они могли бы достигнуть такой высокой степени совершенства, что были бы достойными божеской славы; и наконец, ещё он забросил в них третью ложную мысль, что будто насущные интересы их жизни, как жизни свободно-разумных существ, не только чужды, но и совершенно противны Божиим намерениям, так что в Боге они будто бы имеют лишь своего бессердечного повелителя и потому, в сущности, оказываются лишь роковыми жертвами Его мнимой тирании.

Первая из этих мыслей, разумеется, достаточно сильна, чтобы в принявшем её духе она могла подорвать собою веру в безусловную святость Бога и, в силу этого, поколебать в нём чувство благоговейного поклонения Богу; и вторая мысль, конечно, также достаточно сильна, чтобы в принявшем её духе она могла возбудить чувство самолюбия и могла бы направить его мысль к мятежным мечтам о новых условиях жизни; и наконец, третья мысль также достаточно сильна, чтобы возбудить в принявшем её духе чувство протеста против несообразного с его природой мнимого гнёта и таким образом вызвать в духе чувство вражды к Богу.

Само собой, понятно, что можно не принимать этих мыслей, потому что весьма легко можно разоблачить их грубую лживость; но если уж кто принял эти мысли, о том можно прямо сказать, что он пал, потому что принять эти мысли значит то же самое, что и определить себя на путь бессмысленной вражды к Богу... По библейскому свидетельству, часть бесплотных духов действительно примкнула к своему мятежному руководителю и образовала из себя гордое сонмище открытых врагов Бога. Но превратные замыслы их честолюбивого вождя всё-таки не оправдались при этом восстании на Бога, потому что он не в состоянии был увлечь за собою всего духовного мира»[1].

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1906. Т. 2. Метафизика жизни и христианское Откровение. С. 220–230.

По словам библейского учения, «произошла на небе война; Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе, и низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:7–9)... «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звёзд и поверг их на землю» (Откр. 12:3–4). Сын Божий Иисус Христос также говорит: «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк. 10:18).

Гениально изложенная Несмеловым психология бунта в духовном мире является метафизическим архетипом технологии революций, в том числе и современных «цветных», в частности, «оранжевых». Это неоцененная современниками заслуга Несмелова, на которую при его жизни не обращали внимания, современными нам событиями подтверждена и заставляет признать правильность теории учёного.

После грехопадения и войны в духовном мире Люцифер перенёс свою бунтарскую деятельность в пределы земли. Здесь также находились свободно-разумные существа и благоговейные чтители Бога — это были первые люди. Диавол подействовал на людей не путём внутреннего голоса их собственной мысли, а через говорящего змия, то есть путём внешнего голоса физической природы. Диавол провоцирует конфликт между людьми и Богом по вышеприведенной и уже апробированной в духовном мире схеме: *«знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло»* (Бытие 3:5). Ева была изумлена и заинтересовалась своим открытием. Она нарушила заповедь, вкусив запретный плод с древа познания добра и зла, не имея враждебного чувства к Богу, чего добивался змий. Ева думала только о себе самой и обольстилась необычайно лёгкой возможностью достигнуть божеского ведения с помощью материального внешнего средства, запретного плода, приняв его внутрь. «Следовательно, — делает вывод Несмелов, — она преступила Божию заповедь только по несчастной ошибке, то есть *не назло Богу, не в видах намеренного противодействия воле Его*, а лишь на мнимое добро себе самой»[1].

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. 3-е изд. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; послесл. и ком. протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 1994, Т. 2. 1906. С. 242.

Ожидая чуда, что они станут, как боги (знание — сила — власть), люди пристально наблюдали за собой. Вожделенное чудо не произошло. Появившееся затем чувство стыда следует рассматривать как продолжение греховного процесса. Запоздалое сознание того, что это ещё и запрещённое Богом древо, поразило их чувством ужаса. Люди у Бога не просили прощения потому, что сами себе простить не могли своего преступления. Грехопадение извратило всё. В частности, преступление же состояло в том, что люди захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития ими своих духовных сил, а от физического питания их известными плодами; они, в сущности, захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялась не ими самими, а внешними материальными причинами. «Своим суеверным поступком люди добровольно подчинили себя внешней природе и сами добровольно разрушили то мировое значение, которое они могли и должны были иметь по духовной природе своей личности»[1]. Люди дарованную им Богом свободу подчинили закону материальной причинности, закону плоти. Потом диавол будет искушать Христа в пустыне тем же набором: хлеб, чудо, власть.

С грехопадением человек изменился не в существе своей природы, а только в соотношении её элементов. Он не потерял ни ума, ни чувства, ни свободной воли и сохранил ту же самую физическую организацию. И, тем не менее, он всё-таки действительно стал совсем другим человеком, потому что его падение осуществило в нём то роковое противоречие тела и духа, которое, как наличный закон его природы, подчинило его физическому закону греха и одновременно поставило его в ненормальное отношение к Богу. Апостол Павел свидетельствует: «знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:18–19). Изменилось также отношение человека и к миру: «И сказал Господь Бог... проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей... в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:14, 17, 19).

Первозданная иерархия в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем её в мир, — перевёрнута. Дух должен был жить Богом,

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. 3-е изд. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; послесл. и ком. протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 1994, Т. 2. 1906. С. 252.

душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе. Душа становится паразитом тела — поднимаются страсти, которые губят тело (болезни «на нервной почве»). А потом и тело становится паразитом, убивает, чтобы питаться. Люди вначале были вегетарианцами. В силу падения людей и всё творение потеряло разумную цель своего бытия, «потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего её, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8:20–22).

Так с грехопадения прародителей началось блуждание человека по дорогам истории в поисках истины и смысла жизни, в поисках спасения и искупления греха. В Лице Иисуса Христа в мир неправды явился праведник в собственном смысле этого слова. Никогда не следуя внушениям человеческой плоти и крови, Христос действительно раскрыл в своей человеческой жизни такую полноту нравственного совершенства, которая возможна только в жизни истинного человека от Бога. Его земная жизнь явилась совершенным воплощением мысли о жизни Самого Небесного Отца. Он — Иисус Христос, впервые осуществил вполне Божию мысль о бытии. Уже одним тем, что Сын Божий жил в этом мире, Он вполне оправдал Божие дело создания мира, то есть Христос явил оправдание Бога в Его творческой деятельности. Но это ещё не оправдание людей пред Богом за их уклонение от Божия Закона жизни.

В настоящей книге приведены и осмыслены исторические примеры, связанные с трагическими событиями русской истории, в которой, казалось, не раз происходили «локальные апокалипсисы», образно названные Максимилианом Волошиным «апокалипсисами революций». Спровоцированные извне сокрушительные революции и смутные времена, иноземные вторжения и собственно национальные трагические ошибки, о причинах, фактах и последствиях которых рассказывается в книге, неразрывно связаны с нарушением человеком Господних заповедей и предусмотренных Господом законов мироустройства.

Великий русский философ Н. А. Бердяев считал революцию апокалипсисом истории. «...Смысл революции есть внутренний апокалипсис истории. Апокалипсис не есть только откровение о конце мира, о страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории, внутри исторического ещё времени, о суде над историей внутри самой истории, обличение неудачи истории. В нашем греховном, злом мире оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нём всегда накопляется много зла, много ядов, в нём всегда происходят и процессы разложения. Слиш-

ком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил... История потому и должна кончиться, должна быть судима Богом, что в истории не осуществляется правда Христова. Революция есть малый апокалипсис истории, как и суд внутри истории. Революция подобна смерти, она есть прохождение через смерть, которая есть неизбежное следствие греха. Как наступит конец всей истории, прохождение мира через смерть для воскресения к новой жизни, так и внутри истории и внутри индивидуальной жизни человека периодически наступает конец и смерть для возрождения к новой жизни. Этим определяется ужас революции, её жуткость, её смертоносный и кровавый образ. Революция есть грех и свидетельство о грехе, как и война есть грех и свидетельство о грехе»[1].

По избыточному накоплению этих нарушений в мире, несмотря на постоянно расширяющееся Пространство, Время может разрушить его, низвести до начальной точки и породить новую Вселенную. Но уже без нас. Понимание этого должно заставить вспомнить человечество о своих духовных корнях и богоподобии, пока не наступил последний Апокалипсис. Как говорит Иоанн Богослов, он наступит при завершении самого Времени: *«И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков... что времени уже не будет... и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков»* (Откр. 10:1, 5–6; 11:15).

Настоящая книга имеет целью предостеречь людей и показать, что не исчерпаны возможности спасения нашего земного, зримого мира, если смыслами его дальнейшего развития будут любовь, жертва, милосердие, творчество в пределах Божественной и богоданной человеку свободы. Мы не должны забывать заветы. *«Ей, гряди, Господи Иисусе!»* — восклицает со дерзновением святой апостол Иоанн (Откр. 22:20), возлюбленный ученик Христов, подавая нам всем пример истинного упования и надежды, которые никогда не должны покидать христианина, как и ответственность за предотвращение возмущения среды, из которой может быть взят Удерживающий, и тогда в мир хлынет «беззаконие». В этом смысл нашего деятельного теперешнего существования.

Митрополит Константин (Горянов)

---

[1] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 54.

НАЧАЛО ДАЛЬНЕЙШЕГО

Святой преподобный Иосиф Волоцкий —
защитник духовных границ Руси

Актуальная бесконечность Божественного бытия определяет
динамическую бесконечность человеческого пути и подвига,
в котором всегда есть начало дальнейшего —
даже за пределами земной жизни и самого времени.
свт. Григорий Нисский (335 — ок. 395)

70-летие Великой Победы нашего Отечества, спасшего мир от смертоносного фашистского порабощения, промыслительно совпало по времени с ещё двумя памятными датами в истории России, которые также имеют спасительное содержание. Это 1000-летие со дня кончины святого князя Киевского Владимира — крестителя Руси и 500-летие памяти великого русского святого — монаха Иосифа Волоцкого. Победа святого князя Владимира над языческой тьмой стала залогом всех последующих побед Руси-России. Борьба Иосифа Волоцкого — тоже победоносное сражение, духовное и физическое, битва за чистоту Православия, которым была сильна Русь, Москва — Третий Рим.

Наблюдается некая объективная, пугающая человека величинами, сопоставимыми с человеческим веком и до ста раз превышающими его, закономерность в соседстве чисел — 70 лет, 500 лет, 1000 лет. Нам, сегодняшним, знающим на собственном, если не на реальном, то в пределах родовой памяти опыте, что значит жертвенное сражение за Отечество, события, отстоящие от века нынешнего на тысячелетие и полтысячелетия, кажутся из разряда непостижимых, выходящих за мыслимые количественные границы, устремлёнными к бесконечности.

В христианстве истинной бесконечностью является онтологическая бесконечность Бога. Только к ней может быть применён апофатический подход, подразумевающий непостижимость Божества. Бесконечное или Абсолютное в Боге не допускает никакого определения. Но любое число определяется своей конечностью, поэтому в матема-

Икона преподобного Иосифа Волоцкого

тике можно рассматривать бесконечность как математически определённую собственно бесконечную величину и оперировать с ней. Теорией множеств Кантора и интуицией актуально-бесконечного — через полторы тысячи лет были подтверждены древние богословские постулаты святителя Григория Нисского о том, что в актуальной Божественной бесконечности, то есть не имеющей предела, содержится динамическая бесконечность человеческого пути и подвига, определяющаяся присущей каждому человеку мерой постижения Бога. Именно с этой мерой, с этой «вместимостью» связаны подвиги русских святых, среди которых преподобный Иосиф Волоцкий находится в ряду духовных водителей Православного Отечества. Его подвиг борьбы с ересью, потрясшей основы Державы и Православной Церкви, был самопожертвованным и настолько успешным, что антирелигиозные и либеральные силы России в течение веков (и поныне) пытались исказить факты его деяний и умалчивали об истинных смыслах его побед.

Для того чтобы это понять, надо вспомнить определение ереси и обратиться к истории возникновения так называемой «ереси жидовствующих» на Руси в конце XV века. Ересью называется ошибочное учение, искажающее фундаментальные основы Христианской веры, а его последователи называются еретиками. Слово это происходит от греческого αἵρεσις (выбор, направление, учение, школа) и означает личный произвол, стремление противопоставить полноте христианской истины своё субъективное выборочное мнение. Указывая на свои иудейские корни, апостол Павел говорил: «Жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи; они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению (αἵρεσιν)» (Деян. 26:4, 5). Религиозная партия, испове-

довавшая то или иное учение, также могла называться ересью: «Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезывать [язычников] и заповедывать соблюдать закон Моисеев» (Деян. 15:5); «Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу» (Деян. 5:17, 18). В 1-м Послании к Коринфянам апостол Павел использовал это слово для обозначения «разномыслий», возникших в христианской общине по поводу «вечери Господней»: «Но, предлагая сие, не хвалю [вас], что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю. Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные. Далее, вы собираетесь, [так, что это] не значит вкушать вечерю Господню; ибо всякий поспешает прежде [других] есть свою пищу, [так] [что] иной бывает голоден, а иной упивается». Однако эти «разномыслия — ереси» не носили догматического характера, а под ересями здесь понимаются беспорядки при трапезах и возникавшие при этом несогласия и раздоры, поэтому апостол Павел продолжает: «Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что сказать вам? Похвалить ли вас за это? Не похвалю» (1 Кор. 11:17–22). При некотором разнообразии значений слова «ересь» в раннехристианских текстах, уже апостолы употребляли его и в том значении, какое прочно закрепилось за ним впоследствии в догматическом сознании Церкви. «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси, — предостерегал апостол Пётр, — и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Петр. 2:1).

Апостол Павел дал и практическое предписание в отношении еретика: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит. 3:10, 11). Он особенно призывает своего ученика Тита остерегаться рукополагать во пресвитера и епископа обрезанных: «Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста: они развращают целые домы, уча, чему не должно, из постыдной корысти» (Тит. 1:10, 11). Постыдная корысть, особенно у обрезанных священников, была уже проблемой в раннем христианстве.

В XV в. на Русь обрушилась так называемая «ересь жидовствующих», учение, представляющее смесь тайного иудаизма, астрологии и чёрной

магии. Это общепринятое у историков устоявшееся название мы не будем менять, хотя оно и не соответствует определению ереси, о чём будет сказано ниже. Выдающийся историк Церкви Е. Е. Голубинский пишет: «Необходимо принимать, что ересь жидовствующих в её собственном виде, — ибо она была ещё в виде несобственном, — представляла собой не что иное как полное и настоящее иудейство или жидовство с совершенным отрицанием христианства»[1]. Она явилась очередным вызовом величию Руси, которое к тому времени стало очевидным для всего мира. После заключения в 1438–1439 гг. Ферраро-Флорентийской унии и завоевания в 1453 г. Константинополя турками Русская земля в глазах русских людей стала единственной хранительницей истинного (Православного) христианства. Эта национальная идея Святой Руси проникла в сознание мыслящего русского общества XVI в. и укрепилась в нём не без борьбы, не без препятствий.

Итак, «ересь жидовствующих» ведёт своё начало с 1470 г., когда в свите приглашённого в Новгород киевско-литовского князя Михаила Олельковича оказался «жидовин Схария». Новгородский ересиарх Схария тождественен Захарии бен Аарону га-Когену, который переписывал рукописи в Киеве[2]. Это произошло следующим образом. «Автономные новгородцы, напрягавшие последние силы, чтобы отстоять свою самостоятельность от Москвы, — объясняет историк Церкви А. В. Карташёв, — пригласили к себе в 1470 г. на кормление, по сговору с Польской Короной, православного киевского князя Александра Михайловича Олельковича. Князь прибыл в Новгород со своей свитой из другого мира, с интеллигентными помощниками, принесшими сюда идейные новинки с Запада. И ещё специфичнее — новинки не христианского Запада, а западного еврейства. В свите князя был его лейб-медик еврей Схария»[3]. Вскоре в Новгород, по сообщению преподобного Иосифа, явились «инии жидове». Иудеи не случайно начали нападки на Православие с Новгорода. Этот важный торговый центр Руси был ближе всего к Западу, любое вольнодумство быстро достигало этого города по торговым путям вместе с привозными товарами. Современные исследователи считают, что Схария был сыном знатного и богатого гену-

---

[1] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Репринт. изд. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 592.

[2] См.: *Алексеев А. И.* Жидовствующие // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 185.

[3] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 513.

эзца Винченцо де Гизольфи, семья которого занималась крупной торговлей как на побережье Чёрного моря, так и в «генуэзских колониях» на Таманском полуострове[1].

Прибыв в Новгород, Схария с пособничеством своих соплеменников прельстил священников Дениса и Алексея. Иудеи выступали против христианского учения, отрицали Святую Троицу, отвергали Божество Спасителя и Его Воплощение, отрицали Второе Пришествие Христово и Его Страшный суд, отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание, монашество и т. д. «В строгом смысле, это была не ересь, — уточняет выдающийся историк и богослов митрополит Макарий, — а полное отступничество от Христианской веры и принятие веры иудейской. Схария и его товарищи проповедовали у нас не какую-либо ересь христианскую, а ту самую веру, которую содержали сами, в том виде, в каком исповедуют её все иудеи, отвергшие Христа Спасителя и Его Божественное учение»[2].

В частности, преподобный Иосиф писал, что Схария также «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству и чернокнижию, звездозаконию же и астрологы...», то есть он обладал навыками психотехники внушения. Начали иудеи с того, что в Завет Бога с Авраамом, в Законы Моисея и в некоторые выражения учительных и пророческих книг Библии включили формулу: «это Завет вечный в роде родов». Если Христос «пришёл не разрушить Закон, а исполнить», то силлогизм о неотменности Ветхого Завета получает видимость убедительности.

Кроме того, Схария был человек умный, коварный, образованный и хорошо подготовленный к пропаганде. «Во времена Схарии у евреев уже существовали многочисленные полемические сочинения против христиан; в этих полемических сочинениях уже собран был весь, какой можно было собрать, арсенал оружия против христианства в применении как к одной, так и к другой области... Геннадий Новгородский в послании к Собору епископов 1490 г. настоятельно советует, чтобы на Соборе никаких речей с еретиками не плодили и в объяснении своего настояния откровенно говорит, что отцы собора, пожалуй, не в состоянии будут препираться с ними. А в послании к Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому, даёт знать, что у еретиков были лучшие

---

[1] *Коняев Н., Коняева М.* Русский хронограф. От Рюрика до Николая II. 809–1894. М.: Центрполиграф, 2014. С. 266.

[2] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 4. Ч. I. С. 53.

собрания христианских писателей, чем у православных и чем у него самого — Геннадия»[1].

По свидетельству преподобного Иосифа, воспылавшие страстью религиозной революции протопопы Денис и Алексей обратили в свою новую веру и своих жён, и детей. «Алексей и Дионисий до того возревновали о жидовской вере, что с ними всегда пили и ели, и от них научились жидовству, и не только сами учились, но научили жидовству своих жён и детей. Хотели даже обрезаться в жидовскую веру, но жиды им не велели, говоря: если узнают о вас христиане и вздумают освидетельствовать, то будете обличены, а держите жидовства тайно, явно же христианство»[2]. Самому пылкому неофиту протопопу Алексею позволено было только переименоваться в Авраама, а жене его — в Сарру. По всем признакам это дело принципиально было поставлено как секретный заговор. Целых десять лет удавалось отступникам сохранять свой конспиративный быт. Перекочевала эта ересь и в Москву, где просуществовала в тайне ещё семь лет. «Такое искусство конспирации, — замечает А. В. Карташёв, — не в духе экспансивного славяно-русского темперамента. Напрашивается гипотеза, что секретный характер нового еретического сообщества составлял основную черту его конституции»[3].

Действительно, в организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая конспиративность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства, магические ритуалы, включающие «обряд» поругания святыни. Являясь непримиримыми врагами христианства, жидовствующие скрывали свою ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушить его изнутри. Обольщая астрологией и чернокнижием, Схария и другие прибывшие с ним иудеи хвалились каббалою, древними преданиями, якобы дошедшими до них от Моисея, уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, что знают все тайны природы, могут объяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать духами — всё то, что даёт власть. Вадим Кожинов полагает, что именно этот иудейский магизм каббалы, дающий силу влияния, и обольстил новгородских попов, а они, в свою очередь, — целый ряд очень влиятельных русских людей, начиная с самого́ Великого

---

[1] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Репринт. изд. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 598.

[2] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 4. Ч. I. С. 53.

[3] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 514.

князя Иоанна III. Особо обращает внимание то, что яростной еретичкой, отступницей от Православия, сделалась мать наследника престола царевича Дмитрия — Елена Стефановна «Волошанка». Едва ли иудаизм как таковой мог увлечь русских людей, которые при Киевском князе Владимире уже сделали свой выбор[1].

Историки, философы ищут ответы, как могло случиться, что в конце XV в. в Московской Руси, которая провозгласила себя Третьим Римом, так легко прижилась и укоренилась эта ересь. Рассуждая об успехах ереси жидовствующих, Голубинский пишет: «таким образом, повторяем, весьма непонятный факт принятия русскими людьми иудейства или жидовства может быть до некоторой степени объясним. Но мы решительным образом думаем, что его объяснение главным образом должно быть полагаемо в тех словах преподобного Иосифа о Схарии, что он был научен чародейству же, и чернокнижию, звездозаконию же и астрологы. В тайные науки чародейства и чернокнижия и звездозакония или астрологии верили в Средние века не только люди невежественные, но и самые просвещённые... И мы с уверенностью думаем, что именно эти тайные науки и должны быть принимаемы главным образом за то средство, при помощи которого удалось Схарии совершить столь трудно изъяснимое дело совращения в иудейство или жидовство двух новгородских священников. Схария легко мог возбудить в священниках желание быть посвящёнными в эти привлекательнейшие науки. Но предлагая им одновременно науки и жидовство, он мог представлять им, что одно от другого неотделимо, и что посвящение в науки возможно только под условием принятия жидовства»[2].

Итак, в первую очередь это было магическое искушение властью, влиянием и силой, а затем уже шёл иудаизм. Приходит на ум параллель с искушением Христа в пустыне: «Опять берёт Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне» (Мф. 4:8–9).

В дальнейшем распространителями «ереси» были уже не иудеи, а совращённые ими священники — Алексий и Дионисий, постоянно и умело носившие личину православных христиан. «Первый научил жидовству зятя своего Ивана Максимова, и отца его попа Максима, и многих других попов, и диаконов, и простых людей. Дионисий научил также

---

[1] *Кожинов В. В.* История Руси и русского слова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 459–460.

[2] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Репринт. изд. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 594.

многих жидовству и, между прочим, софийского протоиерея Гавриила. В числе множества совращенных в жидовство, преимущественно священников, диаконов, дьячков, клирошан, находился и сын одного лица, имевший великую власть в Новгороде, Григорий Тучин»[1]. Через них лжеучение «распространилось не только в Новгороде, но и по сёлам, и всё чрез попов, которые, напившись и наевшись, без страха совершали литургию. Некоторые отступники нарочно ставились в попы, чтобы удобнее совращать своих духовных детей. Если замечали кого-либо твёрдым в вере и Православии, то таились пред ним и старались казаться православными. А встречая людей простых, слабых и преданных тяжким грехам, увлекали таких в свою прелесть и отпускали им все грехи. Когда же кто из православных начинал обличать их самих в ереси, они отрекались от неё с клятвою, величали себя православными и даже проклинали еретиков, считая и клятву и проклятие за ничто»[2].

Проникла «ересь» и в Москву, когда оба тайных еретика с помощью магических приёмов психотехники так ловко сумели обольстить Великого князя Иоанна III, прибывшего в Новгород, что были в 1480 г. взяты им в столицу и даже назначены настоятелями Кремлевских Успенского и Архангельского соборов. Однако дело было не только в личном влиянии новгородских попов на князя. Дело было сложнее, глубже и опаснее для Православия. «Надо думать, — полагает Карташёв, — что этот почётный перевод — не единоличный вымысел Великого князя, а подсказан ему самим тайным союзом жидовствующих, московская ветвь которых завелась уже при самом дворе Ивана III и возглавлялась его министром иностранных дел, дьяком Посольского приказа Феодором Васильевичем Курицыным. Курицын только что вернулся из длительного посольства в Венгрии, где, вероятно, и был посвящён в модное тайное общество, интерес которого был далеко шире только иудейской пропаганды. Если попов соблазняла эмансипация от церковной ортодоксии, то людей светских, как дьяк Курицын, увлекала эмансипация от средневекового церковного мировоззрения вообще... В Москве расширилось через Курицына и светское крыло ереси. За министром пошли и статс-секретари, дьяки Великого князя Истома и Сверчок, купец Семён Кленов и тогдашний интеллигент, по профессии книжный переписчик, и сам владевший пером, Иван или Ивашка Чёрный»[3]. Таким образом,

---

[1] *Макарий (Булгаков), митрополит*. История Русской Церкви М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 4. Ч. I. С. 53.

[2] Там же. С. 57–58.

[3] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 515.

«ересь» приобрела себе сильных покровителей, которые содействовали её распространению и привлекали многих обаянием вольномыслия и распущенностью нравов. Всё было шито-крыто до 1487 г., когда в Новгороде конспирация провалилась, как говорится, «по пьяному делу».

XV–XVI вв. — это, образно говоря, эпоха Фауста, астрологии, алхимии, каббалы. На наш взгляд, должно иметь место в рассматриваемой здесь исторической ситуации мнение выдающегося православного философа А. С. Панарина. «Для закабаления природы требуется — как и почти для всякого закабаления — спровоцировать в системе подлежащего завоеванию бунт низших элементов против высших. Первой закабаляющей стратегией, известной со времён Ренессанса, было высвобождение фаустовским знанием низших, механических сил и использование их примитивной энергии против высших, органических элементов природы, в которых она являет себя как сложная живая целостность.

Личность фаустовского типа, лишённая пиетета перед космосом, организуя этот бунт низших сил против высших, в перспективе намечает полное прибирание природного космоса к рукам. Никаких благодатных импульсов, никаких законодательных, образцовых гармоний она в нём не видит. Социум здесь растёт за счёт природы, путём неуклонного её отступления. Это и есть модель линейного времени прогресса, в противовес православной циклической модели, при которой автономная общественная эволюция, заходящая в тупики греховности, прерывается космическим отшельничеством харизматиков, превращающих свои кельи в новую модель общежития и на основе этой модели обновляющих социальную жизнь»[1]. Такой харизматической личностью в своё время и был святой Иосиф Волоцкий, почувствовавший опасность нового «греховного тупика», в который стремились завести Россию сторонние силы, по сей день мечтающие прибрать её к рукам.

Антитезой личностям западного фаустовского типа стал православный монах Иосиф. Здесь мы не будем распространяться об отличиях католической и православной аскетики. Кратко отметим, что Православие осуждает прелесть как самообман.

Прелесть — это состояние **духовного заблуждения**, ложное духовное состояние. Она состоит в усвоении человеком лжи, принятой им за истину. Само слово «прелесть» происходит от слова «лесть». Падшие духи, постоянно старающиеся погубить человеческий род, льстят (лгут) под-

---

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 130–131.

вижнику, и если он принимает их ложь, их лесть за правду, то попадает в духовное рабство к ним. «Люди так страстно желают обладать даром сводить себе с неба исключительно счастье — обладать даром чудотворений и предвидения будущего, что готовы покупать его ценою отречения от всякой веры (через продажу своих душ диаволу): какою же привлекательною и заманчивою должна была казаться им вера, которая и выдавала себя за истинную, и обещала им обладание страстно ими желаемого»[1].

За «светлый космос» человеческого бытия в Православной вере и против ересей, организующих беспорядочную «искусственную среду управляемого хаоса», пошёл воевать монах Иосиф, имея в себе великую «меру» постижения Бога. А конкретнее, — он пошёл воевать за Россию, которая не может существовать без веры в Бога. «Іосифъ (Санинъ), преп. волоцкій, родился въ 1439 или 1440 г., скончался 9 сентября 1515 г., основатель монастыря около гор. Волоколамска, который скоро пріобрелъ громкую известностъ своимъ высокимъ иноческимъ уставомъ, выведеннымъ препод. Іосифомъ; его борьба противъ ереси жидовствующихъ занимаетъ видное место въ исторіи русской церкви. Причисленъ къ лику святыхъ 20 декабря 1578 г.». Это всё, что говорится о святом в Полном православном богословском энциклопедическом словаре, изданном П. П. Сойкиным в 1912 году. Много к тому можно и нужно добавить.

Какой же глубокой, непоколебимой верой должен был обладать монах Волоколамского монастыря Иосиф, вышедший практически в одиночку на борьбу за истинное Православие против таких мощных в своём богоборческом единении сил!? Его борьбу с ересью можно назвать героической, так как приходилось бороться с государственной властью и влиятельными иерархами родной Церкви. Без помощи Божией такая, на протяжении многих лет, самоотверженная борьба не увенчалась бы успехом. Значит, за святое, за Господнее дело пошёл монах Иосиф. Он не боялся смерти, уверенный в бесконечности бытия.

Иосиф Волоцкий никогда не стремился занять важное место в церковной иерархии, он был упорным молитвенником, скромным тружеником, все силы отдавал на создание своего монастыря, видя в нём воплощение священства на земле. Вот как поясняет различия восточной духовной доктрины, раскрывающейся в логике «космос — человек — социум», и ей противостоящей западной модели «социум — человек — космос» А. С. Панарин, из чего можно понять нравственные причины

---

[1] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Репринт. изд. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 596.

стояния за свои принципы Иосифа Волоцкого, благие последствия героического подвига которого простираются в наше время и имеют актуальное значение. Говоря о смыслах православного бытия, А. С. Панарин выводит следующую структуру: «Человек удаляется от социума, повязавшего его в грехе, пребывает в отшельнической тишине, совершая при этом нечто вроде феноменологической редукции: он выносит социум со всей его греховной мирской суетой за скобки, чтобы в сосредоточенном уединении услышать голос Благодати. Но благодать потому и носит своё имя, что отличается энергетийным характером — она источает себя во вне, возвращается в социум, который тем самым становится другим, просветлённым. Православное домостроительство, как показывает история, воплощает именно такую структуру»[1]. Личность человека праведного и грешного являлась неотъемлемой частью пастырской заботы преподобного Иосифа и его духовного попечения, потому что святой монах неизменно веровал в то, что «по образу Божию человек создан самодержавным и господствующим. Нет никого более Бога — так и на земле нет никого более человека, ибо Бог сотворил его, чтобы владычествовать над всеми. “По подобию” Божию человек создан быть милостивым и щедрым ко всем, в особенности же к врагам, как Бог, Который озаряет солнцем и злых, и добрых»[2].

«Он (Иосиф) действовал и силою своего необыкновенного благочестия и вместе своим разумом и книжной мудростью, своим редким даром слова и увлекательными, всегда назидательными беседами. Воины и воеводы, бояре и вельможи, сановники и князья — все искали возможности видеть его, послушать его сладкой речи, воспользоваться его наставлениями и советами, а многие избирали его себе в духовника. И слово святого старца приносило чудные плоды: грешники обращались к покаянию и оставляли свои злые обычаи; люди гордые и свирепые делались смиренными и кроткими... Участь бедных, поселян и слуг составляла предмет его особенной заботливости. Он убеждал господ, иногда писал им, чтоб они не отягощали и не обижали своих слуг и крестьян, обходились с ними по-человечески, согласно с внушениями нашей святой веры. И многие господа слушали его уроков, а слуги благословляли его имя»[3].

---

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 127.

[2] *Преподобный Иосиф Волоцкий.* Просветитель. Слово I, Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994.

[3] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 4. Ч. I. С. 67.

Монастырь становится воплощением особой духовной власти, не обременённой никакими привычными «социальными заказами» и обязательствами. «Такая власть космоцентрична, а не социоцентрична, и обладает особыми источниками легитимности, не имеющими ничего общего с выяснениями политической, княжеской власти или велениями толпы»[1].

Осознанно и мудро неся на себе бремя этой власти, преподобный Иосиф сразу откликнулся на зов о помощи архиепископа Геннадия Новгородского (ум. 1505 г.), в духовных владениях которого еретики или, как их называли «отступники», предприняли свой первый, достаточно удачный идеологический штурм. Архиепископ Геннадий сам был выдающимся пастырем, он сыграл важную роль в истории отеческой религиозной мысли как инициатор создания большого числа религиозно-философских сочинений, имевших влияние на всю последующую богослужебную жизнь Русской Православной Церкви и на духовную жизнь России.

В 1485 г. святитель Геннадий открыл эту ересь, о чём сообщил Московскому митрополиту Геронтию и Великому князю. От Ивана III был получен ответ: «того беречи, чтоб то лихо в земли не распростёрлося»[2]. Однако обыск в Новгороде почти ничего не дал, так как подозреваемые в ереси хорошо усвоили дисциплину тайного общества. Они проявили самые упорные запирательства, божились и, отпираясь, употребляли всевозможные клятвы, целование икон и Креста. Помогло свт. Геннадию то, что «один из совращённых священников по имени Наум, отрёкся от жидовства и снова возвратился к Церкви: священник этот сообщил ему сведения о существе и учении секты и достал ему книги, по которым они совершали свои молитвы»[3]. Что общество было конспиративное, видно из того, что поп Наум при всей решительности своего покаяния смог назвать из сообщников только четырёх человек: двух священников и двух дьяков. Архиепископ Геннадий всех их арестовал и «довольно наивно, — как пишет Карташёв, — выдал их на поруки людей надёжных». Однако обвинённые в ереси убежали из Новгорода в

---

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 129.

[2] Цит. по: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Репринт. изд. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 563.

[3] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Репринт. изд. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 564.

Москву, рассчитывая там найти защиту у протопопа Алексея и Фёдора Курицына, которые пользовались величайшим и исключительным расположением Великого князя. «Никаких особых церковно важных мотивов, связующих московского Великого князя с новгородским попом, и придумать нельзя, кроме дурмана чар тайного общества. Чутьё подсказало Геннадию, что Москва саботирует, если не замалчивает столь тревожный материал, доверенный им авторитету державного»[1].

Московский митрополит Геронтий, продолжавший свою вражду к Геннадию и в то же время находившийся в весьма плохих отношениях с Великим князем, не придал делу особого значения. Совершенное невнимание Государя и митрополита к представлениям архиепископа имело своим следствием то, что даже те новгородские еретики, которые покаялись, снова обратились к жидовству и сбежали из Новгорода в Москву. Геннадий справедливо упрекал Москву, что там «конца еретикам не учинили». А в Москве для заметания следов даже пустили слух, будто бы архиепископ Геннадий не заботится об истреблении ереси. «С 1480 г. в Москве сидели носители жидовства, протопопы Алексей и Денис, но, конечно, ни эти доморощенные малообразованные провинциалы были мозгом еретичества, — убеждён Карташёв, — а человек широкого европейского горизонта — Фёдор Курицын... Странный либерализм Москвы проистекал от временной “диктатуры сердца” Ф. Курицына. Чарами его секретного салона увлекались сам Великий князь и его невестка, вдова рано умершего его старшего сына Елена Стефановна Волошанка. Лукавым прикрытием их свободомыслию служила идеалистическая проповедь свободной религиозной совести целой аскетической школы так называемых заволжских старцев — этих русских исихастов»[2].

Только через полтора года после смерти митрополита Геронтия был подыскан и поставлен ему преемником митрополит Зосима (1490). Такая загадочная проволочка объясняется засилием при дворе Великого князя еретической интриги. При Зосиме ересь пышно цвела и распространялась. Начались гонения на бесстрашного обличителя ереси архиепископа Геннадия. «При Московском дворе, — как пишет Карташёв, — как и подобало тогдашним интеллигентам высшей марки, в моде были астрология и магия, вместе с соблазнами псевдонаучной ревизии всего старого средневекового мировоззрения. Ни о каком обрезании и речи не мог-

---

[1] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 516.

[2] Там же. С. 518, 520.

ло быть. Это просто широкое интеллигентское вольнодумство, соблазны просветительства и власть моды...»[1]. Преемником отошедшего в сторону и вскоре скончавшегося архиепископа Геннадия по расследованию еретической отравы явился в ту пору ещё более пламенный ревнитель, интеллектуально более подготовленный к идейному разгрому ереси, знаменитый игумен подмосковного Волоколамского монастыря Иосиф (Санин). Он был достаточно осторожен в своей тактике подавления ереси. Он заботливо собрал большой полемический материал против всех сторон нового лжеучения, что и составило содержание его объёмистой книги «Просветитель», состоящей из шестнадцати Слов.

Как пишет историк Голубинский: «на счастье православных, митрополит-еретик сам помог им свергнуть себя с кафедры. Зосима был человек вовсе не святительской частной жизни: он предан был пьянству и содомитизму, — и Великий князь, которого, может быть, и не успели убедить в еретичестве, нашёлся вынужденным удалить его с кафедры за сейчас указанные его пороки»[2]. В этих пороках Московского митрополита Зосиму, ставленника Великокняжеского Двора, бесстрашно обличал монах Иосиф. Он также собирал обвинительный материал и против всесильного временщика Курицына. Зосима, по мнению Карташёва, — «как пассивное зеркало, отражал в себе весь теоретический и моральный комплекс ереси. Ересь была астрологическим псевдогносисом, диалектически ведущим примитивных древнерусских начётчиков к отрицанию православных догматов и срыву в нравственный либертинизм. Преподобный Иосиф свидетельствует, что подвыпивший Зосима кощунственно болтал: «а что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых? А ничего того несть — умер кто, то и умер, по та места и был». Прибавляя к этому ещё содомский грех, не случайно модный в вольнодумную эпоху Ренессанса, с запозданием докатившийся до Москвы, уже заражённой извращением и от Востока во времена татарщины, получаем в лице Зосимы законченный тип опустившегося московского “интеллигента”-вольнодумца»[3].

Зосима был удалён с кафедры 17 мая 1494 г. Великий князь вынужден был пойти на это неудобное для него дело, потому что, как отмеча-

---

[1] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 522.

[2] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Репринт. изд. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 575.

[3] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 523.

ет Карташёв: «скандал был для ревнителей Православия, по существу, грандиозный, только что утвердились в мысли, что Москва — единственный оплот Православия во всём мире, Третий Рим, и вдруг во главе её — еретик. Зосима продержался на митрополии более 3,5 лет. Наконец моральная цензура ревнителей вынудила Зосиму покинуть свой высокий пост»[1]. Можно сказать, что деятельность монаха Иосифа спасла честь Москвы — Третьего Рима.

Курицыну не удалось заменить одного еретика другим, и новый митрополит Симон, поставленный из игуменов Троице-Сергиева монастыря 20 сентября 1495 г., был православный и враг ереси. После смерти Курицына, влиявшего на Великого князя, поборники Православия с митрополитом во главе получили доступ к государю, чтобы раскрыть ему глаза на ересь. В 1503 г. в Москве состоялся Церковный Собор, на который был вызван и преподобный Иосиф Волоколамский, уже приобретший тогда особое уважение Великого князя. Тогда Иван III действительно каялся преподобному Иосифу, что он знал про ересь жидовствующих, и в 1504 г. состоялся Собор против жидовствующих, осудивший эту ересь.

Известно, что Вселенские Соборы, как правило, собирались для борьбы с ересью, потрясающей Церковь. В результате этой богословской борьбы на Соборах христианские догматы облекались в точные формулировки, не допускающие перетолкований. Нечто подобное произошло и в Московской Руси. Архиепископу Геннадию ересь жидовствующих подала повод к весьма важному книжному предприятию, а именно — к собранию всех Книг Священного Писания в один состав, который получил название Геннадиевская Библия, чего у нас дотоле не было. Лишь отсутствие книгопечатания помешало этому великому труду стать достоянием широких русских православных кругов. Через 80 лет эта самая Геннадиевская Библия с поправками и дополнениями напечатана была в Остроге (1580–1582) как первопечатная церковно-славянская Библия, первая на всём православном Востоке.

Святитель Геннадий составил Пасхалию на 70 лет и ввёл понятие о великом миротворном круге — через каждые 532 года числа Пасхи повторяются в точности. Тогда это имело огромное значение: в 1492 г. завершалось седьмое тысячелетие церковного счёта времени от Сотворения мира, и в обществе царило всеобщее ожидание Конца света и Второго Пришествия. Но Конец света не наступал, чем тут же восполь-

[1] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 522.

зовались жидовствующие. «Если Христос был Мессия, то почему не является Он в славе, по вашим ожиданиям?» — проповедовали ересиархи. Церковный Собор в Москве утвердил Пасхалию на первые двадцать лет восьмого тысячелетия от Сотворения мира и принял решение начинать летосчисление в России с 1 сентября вместо 1 марта. Святитель первым поднял вопрос об устройстве училищ для духовенства и создал школу в Новгороде.

Преподобный Иосиф Волоцкий составил «Просветитель», который можно назвать первым русским «Догматическим Богословием». Ясность мысли монаха Иосифа, сокрушительная логика и обширные знания текстов Писания и Святых Отцов действовали на православного человека убеждающе. Литературный труд глубоко и доказательно изобличал ересь жидовствующих. Однако напечатан был «Просветитель» только спустя 356 лет.

По своим деяниям Иосиф Волоцкий, казалось, следовал заветам святого Сергия Радонежского, отказавшегося оставить обитель ради высокой церковной должности. Иосифо-Волоколамский мужской монастырь, находящийся вблизи Москвы, был основан около 1479 года. Как сообщает историк Н. И. Костомаров, ссылаясь на сочинения преподобного Иосифа, «монастырь на собственные средства содержит нищих, странников, совершает поминовения по тем, которые давали вклады, и потому для них нужны свечи, хлеб и ладан; автор приводил примеры из Ветхого Завета, из византийских законов, из соборных определений; вспоминал о том, что русские князья, начиная с самых первых, давали в монастыри вклады, записывали села, и, наконец, приводил самые убедительные доказательства, что если за монастырями не будет сёл, то нельзя постригаться в них знатным и благородным людям, а в таком случае неоткуда будет взять на Руси митрополитов и прочих архиереев»[1]. Такими доводами переубедил преподобный Иосиф на Церковном Соборе Великого князя Ивана III, руками которого верхушка властной элиты — «личности фаустовского типа, лишённые пиетета перед высшим» (А. С. Панарин), стремились прибрать к своим рукам имущество монастырей, лицемерно поддерживая «нестяжателей», во главе с преподобным Нилом Сорским.

Тем самым Иосиф Волоцкий спас Русскую Церковь, деятельность которой светские власти попытались реформировать социально-политическими методами, и на какое-то время продлил жизнь Святой Руси.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Воениздат, 1993. С. 391.

Великой Державой Русь к концу XV в. стала во многом и потому, что и политическое, и духовное её развитие проходило в едином творческом русле. На это единство и покусился внешний враг, искавший новые направления, как сейчас говорят, «гибридной войны», которая на самом деле имеет глубокие исторические корни.

Возникает ещё вопрос: почему появление на Руси ереси жидовствующих совпало с выходом нашей страны на мировую арену, со становлением её как мировой Державы? Если действительно к нам был занесён извне идеологический вирус, то почему для этого был выбран именно конец XV века? Эти вопросы разъясняет выдающийся современный историк Игорь Яковлевич Фроянов: «А что это был за исторический момент — конец XV века? Это было время, о котором К. Маркс писал, что изумлённая Европа обнаружила на своей восточной окраине появление мощного Государства. То есть с этого времени Россия выходит на международную арену как мощная мировая Держава. Естественно, наши европейские соседи занервничали и отреагировали, как умели. Именно с “ереси жидовствующих” начинается систематическое наступление Запада на Россию, которое попеременно принимало форму то “холодной”, то “горячей” войны. И “ересь жидовствующих”, на мой взгляд, была первым опытом информационно-психологической агрессии против нашей Страны. Скажу больше, то была первая попытка взорвать Россию изнутри. К счастью, в конце XV — начале XVI вв. еретиков удалось подавить. Это произошло, в основном, благодаря усилиям Святителя Новгородского Геннадия и, особенно, настоятеля Волоколамского Монастыря Преподобного Иосифа Волоцкого»[1].

Много вековых наслоений лежит на истории борьбы преподобного Иосифа Волоцкого с ересью, которые возникли даже не столько из-за фактических ошибок, сколько, выражаясь термином современного французского философа Поля Рикера, вследствие «конфликта интерпретаций». «Одушевленный ревностью по вере, готовый потерпеть за неё страдания и смерть, Иосиф смело выступил против еретиков (около 1493 г.). Он не щадил отступников от христианства, и в особенности главу их — митрополита Зосиму, называл его Иудою, предателем, предтечею антихриста, первенцем сатаны, злодеем, какого не бывало даже между вероотступниками»[2]. Как всегда, здесь столкнулись либеральная и консервативная интерпретации истории. Даже известный

---

[1] http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2008/nov/n327.html

[2] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. М.: Издво Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 4. Ч. I. С. 68.

русский философ Георгий Федотов уверенно писал, что Иосиф Волоцкий проявлял суровость не только к еретикам, но и к своим идеологическим врагам, таким как Нил Сорский. Это в корне не верно, и подмена самобытной точки зрения, присущей преподобному Нилу Сорскому, находящемуся с преподобным Иосифом Волоцким в духовном согласии, идеей вражды была выгодна еретикам, стремящимся между отцами Русской Церкви спровоцировать конфронтацию. Миф о противоборстве двух великих русских святых, не имеющий, как отмечают современные историки, фактических доказательств, но восходящий к таким светским деятелям, как, например, «либерал» князь Василий Патрикеев, стремящимся дискредитировать достижения святого Иосифа Волоцкого, имеет и современных защитников.

Но кто бы о чём ни мечтал, история свидетельствует, что в 1503 г., через 25 лет после увлечения Великим князем речами «еретических» новгородских священников, состоялась беседа преподобного Иосифа с Иваном III, в которой правитель Православной Руси признал ошибочность и опасность своего одобрения «ереси» и покаялся перед преподобным Иосифом. Этот факт не вызывает сомнения, так как подтверждён посланием, написанным собственноручно преподобным Иосифом духовнику Великого князя — архимандриту Андроникова Митрофану.

Трудно, конечно, современным людям, далёким от понимания духовных вершин Святой Руси, возвращающимся постепенно, со смущением, к церковной жизни после почти века богоборчества, судить об уровне жестокости и о степени справедливости борьбы за чистоту Православия в XV веке. И всё же, когда мы сами стали свидетелями современной чудовищной лжи-пропаганды, которой подвергаются руководители современной России, стоящие на защите её географических и ментальных границ, когда сегодня против России ведётся всем миром жесточайшая информационная и культурологическая война, когда просыпаются древние мечты о католической мировой экспансии, нам многое открывается в подвиге преподобного Иосифа Волоцкого, причинами активной жизненной позиции которого стали также внешние обстоятельства.

«Главная цель жидовствующих — это разрушение Русского Государства, — убеждён Фроянов. — Из “ереси жидовствующих” вытекали реформы, направленные в первую очередь на изменения традиционного Государственного строя Московской Руси и в первую очередь отношений между Церковной и Государственной Властью. К концу XV в. главным нервом Русского Государства была неразрывная связь трёх звеньев:

Православного Царского Самодержавия, Православного Священства и Единой Истинной, общей для всех граждан России Православной Веры. Стало быть, когда еретики целились на Православную Веру и Священство, то всякий раз они наносили удар и по Государству. Таким образом, объективно проповедь ереси должна была привести к разрушению нашего общего Дома — Великой России и всей веками формировавшейся политической системы Русского Общества. Но вот ведь в чём дьявольская изобретательность этих людей: в своих целях они использовали Великокняжескую Власть, более того, публично они выступали за укрепление Самодержавной Власти!»[1].

Как говорит историк Сергей Перевезенцев, преподобный Иосиф, воспитанный в духе иноческого подвижничества, был полностью проникнут верой в то, что Христос — это Истина и Любовь, что единственное средство для измерения человеческой природы и общества есть страх Божий. Он хотел привести человека и всё общество к покаянию, очистить от скверны, а затем привести к посмертному спасению как главной цели человеческой жизни. «Представление о церкви как о мощном орудии, организующем общество на христианских началах, и идея страха Божия как главного средства церкви, и стали краеугольными камнями всего учения, созданного Иосифом Волоцким, и позднее прозванного “иосифлянством”»[2].

Имя преподобного Иосифа имеет государственное значение, на «иосифлянстве» основывается идеология Русской Православной Церкви XVI–XVII веков. Преподобный Иосиф Волоцкий одним из первых понял, что еретичество направлено на подрыв государственных устоев Руси, и борьба с ним была борьбой за сохранение суверенитета страны. К этой теме обращается в своих исследованиях известный прозаик и историк Николай Коняев. Он говорит: «Случайно ли, что распространение ереси достигло своего пика в 1480 году? В том самом году, когда стоянием на Угре завершено было начатое ещё святым Дмитрием Донским освобождение Руси от татаро-монгольского ига. Святая Русь, которую не удалось сокрушить извне, оказалась приведённой на грань внутреннего саморазрушения. Трудами и молитвенными подвигами святителя Геннадия Новгородского и преподобного Иосифа Волоцкого удалось искоренить новую страшную опасность... Именно тогда, когда уничтожена была ересь, псковский игумен Филофей, словно бы подво-

---

[1] http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2008/nov/n327.html

[2] *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. С. 214–215.

дя итог и определяя направление развития России на будущее, написал “Москва — третий Рим. Вторым Римом была Византия, но, приняв унию, она изменила христианству и пала. Четвёртому же Риму не бывать”»[1].

Очевидно, преподобный Иосиф Волоцкий много способствовал усилению роли Церкви в обществе и роли самого́ государства. Будучи приверженцем личного аскетизма, он решительно выступал за оставление монастырям земельной собственности, так как понимал, что только обладая материальной независимостью, монашество сможет заниматься своим главным делом — молитвой и нести в народ Слово Божие. Поначалу он, действительно, проповедовал принцип превосходства священства над царством. Но впоследствии понял, что без поддержки власти, без помощи Великого князя Церковь не сможет осуществить в полной мере свою миссию, и склонился к приоритету власти государя. «В своих посланиях, обращаясь к Великому князю Московскому Василию Ивановичу, он постоянно именовал его не просто великокняжеским титулом, но и “самодержцем”, “царём” и “государем всей Русской земли”, то есть титулами, которыми Василий Иванович официально ещё не обладал. Больше того, одним из первых в то время Иосиф Волоцкий задумался и начал говорить о Божественном происхождении власти русского государя»[2].

Говоря о личности преподобного Иосифа Волоцкого, Святейший Патриарх Московской и всея Руси Кирилл в своём слове отметил: «Сегодня мы празднуем 500-летие со дня блаженной кончины святого преподобного Иосифа Волоцкого... Скажу, что все эти идеи (Схарии) нашли своё место в западно-европейском протестантизме, причём в самых крайних его проявлениях. И мы знаем, к чему привела Реформация на Западе — она расколола всю западную цивилизацию, расколола Церковь, породила огромное количество конфликтов, включая так называемые религиозные войны, на которые и сегодня ссылаются люди нецерковные, доказывая, будто Церковь и вера не могут играть важной роли в обществе. А религиозные войны были порождены теми же идеями, что проповедовал здесь Схария за 20 лет до начала западно-европейской Реформации, и проповедовал сильно, убедительно»[3].

---

[1] *Коняев Н. М.* Что читал Государь в Тобольске. СПб.: Русь, 2013. С. 299.

[2] *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. С. 219.

[3] *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Просветитель. Слово в праздник Крестовоздвижения в Иосифо-Волоцком монастыре // Новая книга России. 2015. № 11. С. 2–3.

Большое количество ссылок и цитат из современных источников, приведённых в этой сравнительно небольшой статье, необходимо не только для создания более полного представления образа преподобного Иосифа Волоцкого и его эпохи, но и для подтверждения его присутствия в нашем времени и мире. Свидетельства многих людей, ощущающих необходимость и возможность обращения к личности святого монаха, являются теми связями с преподобным, где подтверждается «бесконечность человеческого пути и подвига, в котором всегда есть начало дальнейшего — даже за пределами земной жизни и самого времени» (свт. Григорий Нисский). Проще об этом сказал академик В. О. Ключевский: «Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало всё временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом»[1].

И в этом смысле мне кажется допустимым предположение некоторых современных исследователей древнерусских икон, считающих, что гениальный иконописец Дионисий, для которого преподобный Иосиф Волоцкий был другом, наставником, вдохновителем, специально создал нетипичный монументальный образ Николая Мирликийского в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря. Осмысление темы борьбы Николы с Арием, происходившей более чем за 1000 лет до рождения преподобного Иосифа Волоцкого, Дионисий перенёс на современную ему действительность и вложил в образ Николая Мирликийского проникновенное ви́дение и понимание своего возлюбленного брата Иосифа, также непримиримо и успешно сражавшегося с опасной для Православия ересью. В этом слиянии и взаимопроникновении иконописных образов двух святых отражается не только историческая правда, но содержится свидетельство спасительной возможности соприкосновения, стремящегося в пределе к слиянию, динамической бесконечности человеческой жизни, выходящей за свои физические границы, с актуальной божественной бесконечностью.

---

[1] *Ключевский В. О.* Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913. С. 140.

«ПОСТУПАЙТЕ ОСТОРОЖНО, …ПОТОМУ ЧТО ДНИ ЛУКАВЫ»[1,2]

(Ефес. 5:15–16)

Брестская уния 1596 года как церковно-политический плод унионального богословия, её наследие и наследники

В современном мире кажется привычным звучание слов «уния», «униаты». Но, несмотря на разветвлённые, глубокие исторические корни этих понятий, в них и сегодня чувствуется нарочитость и противоречивость. И это можно объяснить, если обратиться к истории и причинам возникновения событий, обозначающихся этими словами.

I

Как известно, унией называется объединение (союз) Православной и Римо-католической церквей с признанием главенства папы римского при сохранении традиционных форм православной обрядности; униатами называют последователей церковной унии. Эти краткие поясне-

---

[1] Статья является расширенным вариантом доклада автора на научно-богословской конференции, посвящённой памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 16–19 сентября 1996 года.

[2] На эту тему митрополитом Константином опубликованы статьи:

Брест-Литовская уния 1596 г. как церковно-политический плод догматически бесплодного унионального богословия // Материалы научно-богословской конференции, посвящённой памяти предобномученика Афанасия, игумена Брестского, и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 16–19 сентября 1996 г. Минск: Изд-во Православного братства во имя Архистратига Божия Михаила, 1997. С. 18–23.

Брест-Литовская уния 1596 г. как церковно-политический плод догматически бесплодного унионального богословия // Христианское чтение. СПбДАиС, 1997. № 14. С. 149–156.

Брестская уния 1596 г. как церковно-политический плод унионального богословия // Родная Ладога, 2013. № 1. С. 167–191.

ния, имеющиеся в любом толковом словаре, даже в малой доле не передают степени тех трагедий в жизни христианской Церкви и в судьбах многих христиан, которые явились следствием унии. Уния была, в свою очередь, результатом катастрофического, полного разрыва между Восточными Православными и Римо-католической церквами, произошедшего в XI веке. Но если этот разрыв возник на догматической почве, то унициональная история определяется не только причинами обрядово-догматическими, но во многом и политическими. Каковы же были исторические предпосылки и прецедент Брест-Литовской унии 1596 года? Именно в **сфере политики** (здесь и далее выд. авт. ст. — *М. К.*) следует искать причины Лионской унии 1274 г. и особенно Ферраро-Флорентийской унии, принятой на соборе 1439 г., ставшей своего рода прототипом Брест-Литовской унии 1596 года.

«Как же смотреть на это соединение Церквей, Восточной и Западной, совершившееся во Флоренции?», — задается вопросом известный церковный историк митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), — и тут же отвечает: «Это поистине было соединение незаконное и недействительное, а только мнимое, призрачное»[1]. Незаконность Ферраро-Флорентийской **церковной** унии состояла в её **политической** цели, которую, с одной стороны, преследовал византийский император Иоанн Палеолог, желая получить военную помощь Рима в борьбе с мусульманскими завоевателями, а с другой — папа Евгений IV, стремящийся утвердить свою абсолютную власть (главенство) над всем христианским миром.

Для достижения вышеприведенной цели обе стороны в отношении прибывших на собор православных делегатов избрали политику «кнута и пряника», подкрепляемую инквизиционной моделью устройства западноевропейского общества. Симфония императора и папы римского пришла на смену византийскому православному принципу симфонии властей. Чтобы принудить греков к принятию римо-католических лжедогматов и заключить унию, в ход были пущены все средства, физические и моральные. Так, например, за упорное нежелание греческих богословов принять Filioque папа пошёл на хитрость и обман: взяв на себя все финансовые обязательства по содержанию православных греческих делегаций, прибывших на собор, папа начал урезать средства на их содержание, и, в конце концов, вовсе прекратил их финансирование, так что бедные греки вынуждены были терпеть крайнюю нужду и голод, а также предпринимать попытки бегства.

---

[1] *Макарий (Булгаков), митрополит*. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 3. С. 355.

Император запретил греческим иерархам при любых обстоятельствах покидать Флоренцию и не скупился на разные обещания и подарки, а также «укорял их в нерадении об общем благе, напоминал им о бедствиях отечества, выставлял выгоды от заключения мира с латинами, грозил своим гневом»[1]. Убеждения императора, а также санкции папы (голод и отсутствие денег на еду) заставили греков уступить. Единственный русский епископ, приведённый митрополитом Киевским и всея Руси Исидором на этот собор, Авраамий Суздальский, также принуждён был признать своим «господином» папу римского и, после недельного заключения в темнице, приложить свою руку: «Смиренный епископ Авраамие Суждальский подписую».

Вскоре все греческие иерархи, за исключением Марка Ефесского, уступили папе во всём и «признали его главою Церкви, наместником и местоблюстителем Иисуса Христа, с тем, однако ж, чтобы сохранены были права и преимущества Восточных Патриархов; приняли и латинское учение о чистилище, об освящении даров и об опресноках в Евхаристии с условием, чтобы Таинство могло быть совершаемо и на квасном хлебе... Они были доведены до того, что самый акт о соединении с латинами подписали, не прочитав его предварительно: содержание его знали только составители его... И такое ли соединение церквей можно назвать законным? Такой ли собор — Собором Вселенским? Нет, он не заслуживает иного имени, кроме имени лжесобора»[2].

Однако, несмотря на то, что долгожданная уния была подписана, желаемого политического результата она не принесла. 29 мая 1453 г. Константинополь взят был турками, и Византийская империя окончательно пала. Базельский собор подтвердил решение Констанцского собора (1414–1418) о примате Вселенского Собора (соборной власти епископов) над папой, объявил о низложении Евгения IV и избрал другого папу под именем Феликса V, впоследствии признанного антипапой. «Не утешили папу и греки: они решительно не хотели принимать привезённого из Флоренции соединения... А прочие Патриархи Востока — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, узнав о состоявшемся на Флорентийском соборе соединении с Римом, объявили этот собор нечестивым и уполномочили митрополита Кесарийского Арсения всюду и пред всеми проповедовать против беззаконного соединения (1443). В то же время знаменитый Марк Ефесский своими

---

[1] *Макарий (Булгаков), митрополит*. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 3. С. 352.

[2] Там же. С. 354, 356.

окружными посланиями заклинал всех православных удаляться этого соединения как богоненавистного. И голос великого поборника Православия имел неотразимую силу на всех. Флорентийский собор не только не привлёк к папе, не покорил ему греков, а ещё сильнее возбудил в них нерасположенность к нему и ненависть»[1].

Первый опыт унициональной политики, связанный с Русской Церковью, приходится на это же время и принадлежит митрополиту Киевскому и всея Руси Исидору (с кафедрой в Москве), принимавшему участие в Ферраро-Флорентийском соборе, выдающемуся богослову своего времени, с именем которого греки надеялись одержать «догматическую» победу над римо-католиками. Однако, дав клятву ревностно стоять за Православие, он вовсе и не думал исполнять её. В деле Флорентийской унии русскому митрополиту Исидору (по национальности он был грек или огреченный болгарин) принадлежит первостепенная роль инициатора и главного её устроителя. Исидор первый начал доказывать необходимость принятия унии на условиях, предложенных папой, и решительно повлиял на императора, пользуясь своим авторитетом.

Что же побудило Исидора стать ярым поборником унии? Церковные историки объясняют такое поведение митрополита его крайним патриотизмом в отношении к Византии. Так, например, по мнению историка Голубинского, слепое «желание и надежда спасти отечество при помощи папы и западных государей и составляли причину, побудившую Исидора к тому, чтобы он решился изменить отеческой вере»[2].

Другой причиной его доброжелательности в отношении к латинянам было то, что Исидор был более гуманистом по убеждениям, чем богословом, о чём свидетельствует его активная переписка с итальянским гуманистом Гуарино Гуарини. По словам А. В. Карташёва, Исидор «...был **гуманист**, то есть человек, настолько отрешившийся от твёрдой почвы церковности, что для него были совершенно безразличными мелкие вероисповедные разности отдельных церквей. С этим предположением как будто гармонирует и образ поведения Исидора на соборе. Он — многосведущий философ, на диалектику которого греки возлагали большие надежды, молчит во всё время, пока продолжаются богословские рассуждения (догматика не трогает его сердца; он к ней ин-

---

[1] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 3. С. 357–358.

[2] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М.: Университетская типография, 1900. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. С. 442.

дифферентен), и начинает говорить только тогда, когда богословию пришёл конец и наступил момент практической сделки...»[1].

Возможно, полагает Голубинский, «что к этому присоединялось и личное честолюбие — желание занять то блестящее и высокое положение в римской иерархии или латинском духовном царстве, которое он потом действительно занял»: кардинал-пресвитер и легат от ребра апостольского (*legatus de latere*) для провинций: Литвы, Ливонии, всей России и Польши (то есть, вероятно, Галичины)[2].

Возвратившись в Москву, Исидор был низложен как «латинский прелестник и еретик». Вместо него Собором русских епископов на Московский престол был возведён Иона, епископ Рязанский, что «послужило началом для самостоятельности Русской Церкви и независимости от Цареградского Патриарха, хотя ещё не всецелой; началом и для нового периода истории Русской Церкви»[3].

Отголоски унии с новой силой зазвучали в России вновь уже в XVI веке. Слышатся они и сегодня. Неспроста ещё недавно наш выдающийся современник, церковный пастырь и мыслитель-богослов митрополит Иоанн (Снычев) предупреждал, обращаясь к нерадивым христианам, о недопустимости отпадения от благодатной полноты Вселенского Православия и уклонения «к словам лукавым», напоминая образную мысль псалма Царя Давида: «Не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных» (Пс. 140:4). Как пишет митрополит Иоанн (Снычев): «В течение тысячи лет после Рождества Христова Единая Святая Соборная Апостольская Церковь, внимая этим словам, строго следила, чтобы никакое чуждое учение не могло смутить народ церковный и стать поводом для пагубных разделений и разномыслий.

Но это исповедническое стояние во истине Православия оказалось не всем по силам. Римские епископы, основываясь на центральном положении Рима как имперского города, и на происхождении кафедры от первоверховного апостола Петра, уже с III в. после Рождества Христова начали претендовать на особое, главенствующее положение во всей Церкви. Доколе Рим хранил чистоту Православия, Господь за веру миловал Западную церковь, и претензии римских первосвященников не могли

---

[1] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 369.

[2] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: первая половина тома. М.: Университетская типография, 1900. С. 442.

[3] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 3. С. 360.

разрушить всецерковного единства. Всех ещё связывала общность веры, Таинств и сознание принадлежности к единой Апостольской Церкви... Но, к несчастью для христианского мира, с течением времени амбиции римских первосвященников росли, гордыня всё глубже и глубже пускала свои ядовитые корни в церковную жизнь Запада... Всё это привело к отпадению католицизма от полноты Божественной благодати и от соборного единства Вселенской Православной Церкви»[1].

Основные прегрешения Римо-католической церкви, приведшие к расколу Вселенского Православия, можно кратко сформулировать так: вопреки словам Христа «Когда же придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15:26), апостольским заповедям и Вселенским Соборам **поместная** Римская церковь дерзнула внести искажение во **Вселенский** Никео-Константинопольский Символ Веры (вставка «Filioque»); измыслила и догматически утвердила положения о всемирном главенстве римского папы и его непогрешимости; презрела и исказила древнюю церковную традицию в свершении Таинств, ввела обязательный целибат для духовенства и т. п.

Сегодня, во времена заметной миссионерской активности Римо-католической церкви на территории России, Белоруссии и особенно на родственной нам православной Украине, на западных землях которой под прикрытием так называемой «унии» католицизм развернул очередное наступление на Православие, надо здраво оценивать смысл такой активности. А для этого не лишним будет обратиться к трагическому историческому опыту, полученному Россией в XVI в., а именно, к нуждающемуся в дополнительном современном осмыслении Брест-Литовскому церковному собору 1596 г., который объявил о заключении религиозной унии между Римо-католической церковью и несколькими западно-русскими православными епархиями, находившимися на территории Великого Княжества Литовского, Русского и Жмудского, входившего в состав Речи Посполитой.

Предпосылками этого исторического события были не только намерения и амбиции Римо-католической церкви, о чём уже упоминалось выше, но и региональные внутриполитические и социальные особенности жизни. Так, в XVI в. сложилась очень серьёзная ситуация в Литовской Руси, где литовско-русское дворянство легко поддавалось иезуитской пропаганде вследствие своего давнего тяготения к поль-

---

[1] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Русский узел. СПб.: Царское дело, 2001. С. 327.

скому католическому дворянству. Кто из дворян не переходил в католичество, тот склонялся к протестантам. «С щеголеватым ксендзом, привыкшим господствовать в обществе, или с либеральным, светским протестантским пастором в доме пана нельзя было и думать стать рядом русскому попу или монаху в его грубой одежде, в чеботищах, смазанных дёгтем, с хлопскою речью и манерами»[1]. Высшая знать тоже находилась под влиянием иезуитов, которые всячески старались смутить её тем фактом, что польская знать заседает в сенате, куда Речь Посполитая постыдится допустить иерархов, подчинённых Константинопольскому Патриарху — рабу турецкого султана.

Портрет князя Константина Константиновича Острожского

Король Стефан много помог иезуитам, назначая на православные епископии и настоятельства людей, наиболее подходящих для целей унии, большей частью из дворян, не пригодных к духовному служению. Но особенно постарался воспитанный иезуитами ярый католик Сигизмунд III, вступивший на престол в 1587 году. Для Православной Церкви наступили тяжёлые времена, самой церковной иерархии приходилось отступать в духовной борьбе. Но интересно, что защитниками Православия на литовской земле стали аристократы, и главные из них — сбежавший из Москвы от Царя Ивана Грозного князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583) и князь Константин Константинович Острожский (1526–1608), киевский воевода, имевший обширные владения в Галиции и на Волыни. Князь Курбский посвятил защите Православия все свои средства и силы. Он занимался миссионерской деятельностью среди местной знати, предостерегая одинаково её от католичества и протестантства.

[1] Миссиология: учеб. пособие / под. ред. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород: Изд-во Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. С. 51.

Считая самым действенным средством борьбы книги, князь занимался переводческой и издательской деятельностью. Даже сам взялся за переводы, выучившись латинскому языку в почтенном возрасте. Князь Острожский, будучи человеком состоятельным, в 1580 г. открыл у себя в Остроге высшую школу, в которой была типография, где работал известный первопечатник диакон Иван Фёдоров. Здесь была издана знаменитая Острожская Библия (1580–1581).

Помощь Православной Церкви от аристократов осуществлялась, однако, недолго. Многие паны благодаря иезуитам ополячивались, а следующие поколения вовсе отвергали Православие, которое в основном укоренилось к тому времени в городских общинах и братствах, то есть в народе. Братства и простые священники, несмотря на тотальную, всепроникающую католическую пропаганду, в первую очередь осудили и категорически не приняли унию.

Казалось бы, уже сам факт заключения унии с представителями православных христиан, которых к тому времени уже несколько поколений не только римо-католических мирян, но и облачённых в священнические одежды римо-католических богословов объявили злостными еретиками или, в лучшем случае, схизматиками, должен был явиться эпохальным событием в истории всей Римо-католической церкви. Но для неё Брест-Литовская уния была лишь одним из многих подобных религиозных соглашений, которые заключались римским престолом с самыми различными категориями христиан — от месопотамских несторианов и сирийских монофелитов до православных русинов в Австрии и православных румын в Трансильвании как до 1596 г., так и в последующие столетия. Столь определённо проявившая себя в истории Римокатолической церкви униональная тенденция свидетельствует о наличии в римо-католической богословской традиции определённых предпосылок для постоянного возвращения римо-католической церковной иерархии к идее разрешения противоречий, которые существуют между ней и остальным христианским миром. Но если для Римо-католической церкви эта уния была делом текущим, можно сказать, привычным, то для Русской Православной Церкви она имеет не только историческое значение, но и даёт повод к богословско-догматическому исследованию, являющемуся необходимым звеном духовного образования.

Для настоящего исследования особый интерес представляет проблема рассмотрения богословских аспектов события, без понимания которых не только богословская, но и историческая оценка Брест-Литовской унии окажется весьма поверхностной и для православной церковной жизни совершенно бесплодной.

II

Конец XVI в. явился временем, когда все важнейшие вероучительные расхождения между римо-католической и православной богословскими традициями были уже не только сформулированы богословами, но и, по крайней мере, частично закреплены соборами Римо-католической церкви в качестве общеобязательных, догматически значимых отличительных черт её вероучения. При этом статус догматических расхождений придавался даже исторически приходящим обрядовым особенностям богослужения, с неизбежностью возникавшим при столь различных культурно-исторических условиях, в которых происходило развитие римо-католической и православной литургических традиций.

Казалось бы, такое положение вещей требовало предпослать заключению унии обстоятельный, открытый для участия широких кругов церковного народа богословский диалог римо-католических и православных церковных иерархов и богословов. В ходе него богословские расхождения, которым обе стороны придавали догматический характер, были бы устранены. Необходимость подобного богословского диалога представлялась тем более очевидной, что Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. (подменивший дискуссию между римо-католическими и православными богословами навязыванием византийским церковным иерархам Символа Веры, искажённого Филиокве (Filioque), и других латинских новшеств в обмен на военно-политический союз Рима с Константинополем) не сумел обеспечить признание своих решений в Православном мире.

Как утверждает выдающийся православный богослов XX в. В. Н. Лосский (1903–1958): «Именно Filioque и был единственной догматической причиной, был “первопричиной” разделения Востока и Запада; остальные доктринальные разногласия — только его последствия»[1]. Восьмой член Вселенского Никео-Константинопольского Символа Веры гласит: «Верую... и в Духа Святаго, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки».

Филиокве (лат. *Filioque* — «и от Сына») — добавление, сделанное Римской церковью к восьмому члену Вселенского Никео-Константинопольского Символа Веры об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но «и от Сына». Святые Отцы Второго Вселенского Собора, проходившего в Константинополе в 381 г., ввели в восьмой член Сим-

[1] *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Изд. центр «СЭИ», 1991. С. 45.

вола Веры о Святом Духе слова Иисуса Христа из Евангелия от Иоанна: «Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, **Дух истины, Который от Отца исходит**, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15:26). Таким образом, точно опираясь на первоначальный текст Символа Веры, принятого в Константинополе, Древняя церковь, согласно Евангелию от Иоанна (Ин. 15:26), учила об исхождении Святого Духа от Бога Отца. Римо-католики в первоначальный текст Символа Веры («Верую... и в Духа Святаго, Господа Животворящего, **Иже от Отца исходящаго**, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки») добавили к словам Христа своё выражение «**и Сына исходящего**». В итоге у римо-католиков этот член Символа Веры приобрёл такую искажённую форму: «Верую... и в Духа Святаго, Господа Животворящего, **Иже от Отца и Сына (*ex Patre Filioque*) исходящего**...», что, в свою очередь, является горделивым уточнением слов Самого Христа Спасителя.

Ошибка латинян в данном случае состоит в том, что они игнорируют то очевидное положение, что «Изведение» Святого Духа есть не общее свойство Природы (*Сущности*) Святой Троицы, а отличительное свойство Ипостаси (*Личности*) Отца. Утверждение Отца и Сына единым началом *личного* бытия Святого Духа нарушает единоначалие Отца и смешивает Ипостаси (*Личности*) Отца и Сына. «Греческие отцы всегда утверждали, что начало единства в Святой Троице — Личность Отца... Поэтому Восточная церковь и воспротивилась формуле Filioque, которая как бы наносила урон единоначалию Отца... По выражению греческих Отцов «Один Бог, потому что один Отец»[1]. Так, например, характеризуя Filioque как ересь, святой Фотий, Патриарх Константинопольский (IX в.), пишет, что если принять это учение, «то имя Отец теряет свой смысл и становится пустым. Характеризующее Его (Отца) свойство (изводить Святой Дух) уже не принадлежит Ему, и две Божественные Ипостаси смешиваются в одно Лицо. И вот возрождается Савеллий или скорее некое новое полусавеллианское чудовище»[2].

В развитие учения об исхождении Святого Духа «от Отца и Сына» внёс свой вклад блаженный Августин (IV в.). По учению Августина, Бог Отец и Бог Сын ниспосылают друг другу Святого Духа. Следовательно, Святой Дух есть взаимный дар Отца Сыну и Сына Отцу. Святой Дух

---

[1] *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Изд. Центр «СЭИ», 1991. С. 45.

[2] Цит. по: *Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит, Исайя (Белов), архимандрит.* Догматическое богословие. Курс лекций. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1995. С. 276.

есть, будучи Их взаимным даром, **союз любви**, связывающий между собой Отца и Сына. Кстати сказать, блаженный Августин совершенно не намеревался изменять текст Символа Веры, навязывая всей Церкви свое частное богословское мнение.

Согласно блаженному Августину Святой Дух трактуется как любовь между Отцом и Сыном, между Богом и людьми: «Бог-Любовь есть Дух Святой... Именно на Духа указывает этот текст: “Бог есть любовь” (1 Ин. 4:8)... Дух есть та общая любовь, которой взаимно любят друг друга Отец и Сын... Дух Святой, когда даётся человеку, зажигает его любовь к Богу и ближнему, Сам будучи любовью».

При этом блаженный Августин совершенно игнорирует многочисленные места в Священном Писании, в которых любовь усвояется и Отцу, и Сыну. Например, «Ибо так **возлюбил Бог (Отец)** мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16), «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и **любовь Бога Отца**, и общение Святаго Духа со всеми вами» (2 Кор. 13:13), «Ибо **Отец любит Сына** и показывает Ему всё, что творит Сам» (Ин. 5:20), «**Я люблю Отца** и, как заповедал Мне Отец, так и творю» (Ин. 14:31), «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как **Я возлюбил вас**, [так] и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34) и др. Поэтому в Православии Божественная любовь рассматривается как **общая** энергия Святой Троицы.

В современном римо-католическом вероизложении так и написано, что Святой Дух — есть **связь** любви между Отцом и Сыном. Приведём свидетельство современного богослова Римо-католической церкви кардинала Поля Пупара, президента Папского Совета по диалогу с неверующими, президента Папского Совета по культуре, из его книги «Вера Католической церкви»: «Евангельское Откровение — это приоткрытые небеса, это интимность Божественной Жизни, раскрывающая перед людьми свою глубочайшую тайну любви: Единый Бог внутренне троичен в самой сокровенной жизненной глубине, в Своих мыслях и Своей любви. И Трое — не что иное, как Одно. Таинственная печать Их единства есть Дух Любви. **Святой Дух, Параклет — это как бы Любовь, соединяющая Отца и Сына**: взаимная Любовь, вечно объединяющая Того и Другого, пребывающих в вечном единении через этот взаимный дар жизни, источник которого — Отец»[1].

Приведём свидетельство ещё одного современного римо-католического богослова: «Отец в совершенстве знает Сына, и из этого знания

---

[1] *Пупар Поль, кардинал.* Вера Католической церкви: пер. с франц. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 76–77.

изливается бесконечная Любовь, которая полностью отдаёт себя Сыну. Также и Сын в совершенстве знает Отца, и из этого знания изливается бесконечная Любовь, которая отдаёт себя целиком Отцу. **Это вечное созерцание между Отцом и Сыном вызывает взаимное восхищение, взаимную Божественную Любовь, не остающуюся бесплодной, Божественную Любовь, имеющую божественное содержание, которое выражается в Третьем Божественном Лице, Которое есть Дух Святой или Дух Любви** (выд. аббатом Полем. — *авт. ст. М. К.*). Отец и Сын единятся тесной любовью, могучей и пронизывающей всё Их существо, откуда исходит Святой Дух. Подобным образом и на земле двое существ, любящих друг друга, составляют одно и, в конце концов, становятся третьим. Отец и мать взирают на своего ребёнка, который является совершенным выражением их любви и который свидетельствует об их плодотворном единстве»[1].

Итак, согласно православному учению **Божественная Любовь — это общая энергия Святой Троицы**, которая присуща Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Святой Дух теряет Свой ипостасный (***личный***) облик, если Его отождествлять с любовью. Святой Дух из Личности превращается у римо-католиков в любовную связь между Отцом и Сыном. С таким умалением Святого Духа — Третьего Лица Святой Троицы — православные никогда не согласятся.

Что же касается непосредственно самих исторических предпосылок возникновения догмата о Filioque, то здесь необходимо отметить следующее. В эпоху Раннего Средневековья (476–900) разгромленная дикими ордами гуннов, готов, вандалов, норманнов, лангобардами, франками и различными германскими племенами цивилизация западной части Римской империи являла собой печальное зрелище во всех отношениях.

Захват и разграбление Рима в 410 г. королём вестготов Аларихом I (ок. 370–410) произвели огромное впечатление на современников. Вестготы придерживались арианской ереси, которая умаляла Божество Второго Лица Святой Троицы — Сына Божия Иисуса Христа. Под впечатлением этого события блаженный Августин написал своё сочинение «О граде Божьем», в котором рассматривал гибель Рима как закономерное наказание за бесчисленные грехи.

В 430–440-х гг. римляне с трудом отразили нападение вождя гуннских племен Аттилы (вождь с 434 по 453 гг.), прозванного «бичом Божи-

---

[1] *Поль, аббат*. Замысел Божий и чудеса Его милосердной любви. Изложение христианского вероучения: пер. с франц. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. С. 62.

им», опустошавшего с помощью своего 700-тысячного войска провинции западной части Римской империи.

Новое тяжёлое испытание выпало на долю Рима в 450-е гг. в связи с вторжениями вандалов на Сицилию, в Сардинию и Италию. Так, в конце мая 455 г. вождь вандалов Гейзерих под предлогом отказа римского императора Петрония Максима сочетать браком сына Гейзериха с дочерью императора Валентиниана III Евдокией подвёрг Рим 14-дневному разграблению. В итоге Сицилия, Сардиния, Корсика и Балеарские острова перешли под власть вандалов. Тем самым Западная Римская империя уменьшилась до размеров Италии.

Со времени вторжения Алариха власть императоров Западной Римской империи стала чисто номинальной. Реальная власть находилась в руках военачальников, преимущественно варварского происхождения. В 475 г. командующий войсками римский патриций Орест, бывший некогда секретарем гуннского вождя Аттилы, а при императоре Непоте обладавший фактической властью, объявил императором своего 16-летнего сына Ромула Моммилия Августула (475–476), который стал последним официальным императором Западной Римской империи. Уже в следующем, 476 г., наёмные войска подняли бунт. Во главе взбунтовавшихся наёмников стоял Одоакр (ок. 431–493), ругиец по происхождению, служивший в преторианской гвардии. Он умертвил Ореста и свергнул с престола Ромула Августула. Объявленный наёмниками королём, он отказался от императорского титула, **отослав инсигнии (регалии, знаки власти) императорской власти в Константинополь**. Одоакр мотивировал это тем, что сами италийцы и римский сенат считают существование самостоятельной империи на Западе уже не нужным. **Именно это событие 476 г. считается официальной датой гибели Западной Римской империи.**

Именно в этот период борьбы с завоевавшими Пиренейский полуостров вестготами (еретики-ариане) Испанской церковью впервые в Никео-Константинопольский Символ Веры было введено Filioque. Ариане не только умаляли Личность Второго Лица Святой Троицы — Сына Божия, но и отрицали Его единосущие Богу-Отцу. Испанские епископы воспользовались авторитетным на Западе мнением блаженного Августина и добавили в Символ «и от Сына». На Третьем соборе в Толедо 589 г. это стало официальным учением Испанской церкви. Епископы в борьбе с еретиками-арианами, чтобы сильнее подчеркнуть Божественность Христа, проявили готовность пойти на умаление в высказываниях относительно Святого Духа. «Должно думать, — пишет выдающийся православный догматист епископ Сильвестр (Малеван-

ский), — что и король Рекаред не случайно избрал означенную формулу для исповедания веры в Духа Святого. Сделал он это, конечно, наперёд убедившись в том, что его сторонники по арианству более всего готовы были согласиться на эту формулу»[1]. Действительно, на соборе был подтверждён переход Рекареда (Рикаретто), короля западных готов, из арианства в кафолико-православную веру. Следовательно, мотив присовокупления Filioque в данном контексте был ещё совершенно наивным: следовало сказать о Втором Лице Троицы нечто такое, что «возвысило» бы Сына Божия. Выдающийся богослов священник Павел Флоренский снисходительно оценил этот поступок испанских провинциалов как «наивное порождение излишнего благочестия и недоношенного богословия». Понятно, почему Рим отказывался включать Filioque в Символ Веры вплоть до XI в. и вынужденно сделал это только под давлением германского императора Генриха II.

Чтобы укрепить свое владычество над папским престолом и не дать франкам захватить администрацию церкви, просвящённые римляне издали законы избрания пап: кандидатами на папство могли быть только кардиналы, диаконы и пресвитеры Рима, которые, кроме того, должны быть римской национальности. Эти запретительные меры от захвата высшей церковной власти дикими завоевателями и для закрепления папского престола за римлянами были провозглашены на соборе, состоявшемся в Риме в 769 г. в присутствии 13 франкских епископов.

В те времена, если не считать Испании, ни одна из Западных церквей не включила Filioque в Никео-Константинопольский Символ Веры вплоть до эпохи короля франков и лангобардов Карла Великого (742–814), покорившего Италию в 773–774 годах. После 787 г., когда потерпел неудачу проект династического брака между Константином, наследником Константинопольского престола, и Ротрудой, дочерью Карла Великого, сильно обострилась враждебность франкского королевства против восточной части Римской империи (позднее название — «Византия») со столицей в Константинополе, который тогда процветал. Карл Великий, чувствуя себя оскорблённым, окончательно отвернулся от императоров Нового Рима — Константинополя.

Итак, после окончательного падения западной части Римской империи (476) несколько столетий единственным императором Римской

---

[1] *Сильвестр (Малеванский), архимандрит.* Опыт Православного догматического богословия: в 5-ти т. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. Т. 2. С. 587.

империи был император Нового Рима — Константинополя, у которого была прерогатива коронации королей Западной Европы. В 800 г. короля франков и лангобардов Карла Великого папа Лев III венчал золотой короной и провозгласил Римским императором. Это был беспрецедентный случай, и понятно, что единственный Римский император Константинополя — Нового Рима не признал Карла ещё одним римским императором.

В 809 г. император Карл Великий созывает собор в своей столице Аахене (небольшой город в современной Германии), который специально рассматривал вопрос Филиокве. Несмотря на личное председательство императора и его давление, на соборе было проявлено большое разногласие, попытка богословски оправдать Филиокве оказалась безуспешной, и поэтому решили оставить восьмой член Символа Веры неизменным. Однако Карл, желая подчеркнуть свою независимость от Константинополя, а также своё значение в церкви, обратился к римскому папе Льву III (понтификат 795–815 гг.) с просьбой утвердить недавно появившееся учение о Святом Духе (Filioque) и внести его в Никео-Константинопольский Символ Веры. Это необходимо было императору Карлу, чтобы иметь не только политические, но и религиозные основания для военных действий против богатого Константинополя. Например, с VI по X вв. Париж был небольшим городом на о. Сите, тогда как в Константинополе в IX в. было около миллиона жителей. Чтобы обвинить греков в ереси, лучше всего было заставить папу включить в текст Символа Веры ту вставку (Filioque), которую православные отбрасывают принципиально. И тогда франки будут «иметь право» обращаться с ними как с еретиками, проще говоря, грабить «с чистой совестью». Таким образом, будет уничтожено то первенство Константинополя, которое за ним оставалось в вопросах веры, политики и экономики.

Папа Лев III отвечает императору Карлу, что Второй Вселенский Собор, проходивший в Константинополе в 381 г., и последующие соборы не включили Filioque в Символ Веры не по небрежности или греческому невежеству, а нарочито. И далее папа Лев III по Божественному вдохновению «и ради любви и защиты Православной веры, — по выражению *liber pontificales* — повелел поместить справа и слева исповедального входа базилики святого Петра в Риме на серебряной доске текст Никео-Константинопольского Символа Веры без Filioque на греческом и латинском языках». Таким образом, тогда «Спор о Filioque ... не был конфликтом между Патриархатами старого и нового Рима, а был **конфликтом между франками и всеми римлянами, как на Западе, так и на Вос-**

токе», — подчеркивает профессор Догматического богословия Фессалоникийского университета в Греции протоиерей Иоанн Романидис[1].

В ответ на враждебные действия против миссии святых Кирилла и Мефодия на Балканах франкского и германского духовенства (перекрещивали тех, кто крестился у греческих священников, осуждали женатое духовенство, 300 православных священников были посажены в тюрьму и проданы иудеям и мусульманам в рабство) святой Патриарх Фотий в 866 г. пишет «Окружное послание предстоятелям Восточных церквей». В нём ставится уже назревший вопрос о догматических расхождениях вероучений Римской церкви и Восточных церквей. В этом очень обширном послании Фотий перечисляет беззакония латинского духовенства: с одной стороны — пост в субботу, а с другой — разрешение сыра и молока в первую неделю Великого поста, обязательный целибат, вторичное помазывание Миром тех, кто уже был помазан православным священником. Большой перечень упреков латинскому духовенству завершается у святого Фотия упоминанием о Filioque как о «венце безобразий», как о «диавольском деянии», как о ереси.

На Великом Свято-Софийском Соборе 880 г., проходившем в Константинополе в 879–880 гг. (Собор 383 Отцов), — последнем в истории Соборе, в деятельности которого принимали участие делегаты всех пяти Патриархатов Древней Церкви: Римского, Александрийского, Антиохийского, Константинопольского, Иерусалимского — было принято важное решение о недопустимости никаких изменений в Символе Веры и осуждена вставка Filioque. Знаменательно, что под деяниями этого Собора подписались легаты римского папы Иоанна VIII, поскольку в самом Риме в это время Символ Веры читался ещё без Филиокве[2]. Трудно переоценить значение этого Великого Собора, явившегося наглядным ярким свидетельством единства в Православии церквей Рима и Востока перед наступившим через полтора столетия кризисом этого единства.

Однако постепенно под давлением франкских и германских императоров, а также вследствие человеческих амбиций — Filioque к концу X в. распространяется по всему Западу, кроме Рима. Римские папы отстаивали неизменность Никео-Константинопольского Символа Веры дольше всех.

---

[1] *Романидис Иоанн, протоиерей*. Филиокве. Доклад на конференции Православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris, 1975. № 89–90. С. 89.

[2] См.: *Лебедев А. П.* История разделения церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1905. С. 297–298.

В Риме вставка Filioque в Символ Веры была сделана лишь 14 февраля 1014 г. при короновании германского императора Генриха II папой Бенедиктом VIII по категорическому настоянию императора. Даже римский папа Иоанн Павел II вынужден признать этот факт, пусть и в смягчённой форме: «Это уточнение ни в чём не изменяло сущности прежней веры, однако сами римские папы принимали эту формулу неохотно, в силу уважения к прежней общепринятой формулировке, звучащей также и в базилике святого Петра. Новая формула, введённая на Западе без особого сопротивления, вызвала много нареканий и споров среди наших восточных братьев, упрекавших Запад за введение существенных изменений в области веры»[1].

А сорок лет спустя 16 июля 1054 г. кардинал Гумберт яростно бросил на престол храма святой Софии в Константинополе буллу, содержащую анафему на Патриарха Михаила Керулария, обвиняя греков в том, что это они выбросили из Символа Веры Филиокве и, «Подобно Пневматомахам («духоборам»), или Феумахам, отсекают в Символе Веры исхождение Духа Святого от Сына». Было добавлено к этому ещё и много других обвинений канонического и литургического порядка гораздо менее значительных (например, запрет причащать женщин во время месячных), а иногда и бессмысленных. В то время Патриарх Антиохийский Пётр в ответ на этот поступок Рима писал Патриарху Михаилу: «Искренне выражая своё мнение, если бы латиняне согласились вычеркнуть вставку в Символ, я бы от них не требовал ничего более, почитая в числе вещей неважных со всем прочим даже вопрос квасного хлеба. В конце концов, эти латиняне — наши братья, хотя их грубость и невежество, их приверженность к собственному чувству иногда и уводит их от прямого пути. Не следует требовать от этих варварских народов той совершенной точности, которую мы требуем от наших, воспитанных в тонкостях культуры. И то уже много, если они правильно исповедуют тайну Животворящей Троицы и тайну Воплощения»[2].

1054 год считается датой «разделения церквей», но это выражение неточное. На самом же деле Римский Патриархат отделился от остальных четырёх Патриархатов: Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского.

Что же касается слов папы Иоанна Павла II — «новая формула, введённая на Западе без особого сопротивления», следует отметить следу-

---

[1] *Иоанн Павел II.* Верую в Духа Святого Господа Животворящего. М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998. С. 304.

[2] Цит. по: *Плакид (Дезей), архимандрит*. Блаженный Августин и Filioque // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris, 1982. № 109–112. С. 221.

ющее: в высокообразованных богословских кругах на Западе продолжалось сопротивление незаконной вставке в Символ Веры Filioque ещё два с половиной столетия после его принятия папой Бенедиктом VIII. В XIII в. в результате разногласий среди преподавателей в Париже на левом берегу Сены (современный латинский квартал) открывается ряд независимых колледжей, прародителей современной Сорбонны. Как пишет директор Восточного института в Эрлангене (Германия) профессор Карл Христиан Фельми: «Тем не менее, вплоть до 1240 г. Filioque не было в Символе Веры, который читался в Париже»[1]. По этому поводу профессор — протоиерей Иоанн Романидис также пишет: «Однако последствия франкского Филиокве были приняты не всеми христианами западных провинций, завоёванных франко-латинским христианством и его схоластическим богословием. Остатки библейского Православия и благочестия кое-где выжили и, может быть, когда-нибудь все части воссоединятся, когда в полноте своей откроются последствия святоотеческой традиции и духовный опыт, как основа учения»[2].

Об этом следует помнить российским криптоуниатам (тайным униатам) и филокатоликам. Однако автор статьи из своего опыта знает, что они часто бывают бóльшими католиками, чем римский папа.

Итак, в период Средневековья римо-католической иерархии достаточно было просто везде насаждать убеждение, что Филиокве изначально было в Символе Веры, а попытки обосновать эту незаконную вставку богословски, исходя из текстов Священного Писания, появились гораздо позже. Для учения о Filioque в Священном Писании нет никакого явного основания. Даже папа Иоанн Павел II признаёт, что в текстах Нового Завета об этом прямо не говорится[3]. Мы можем понять кардинала Поля Пупара, когда он в своей книге «Вера Католической церкви» пишет: «Иисус обещает нам: “Придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины... Когда же придёт Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину” (Ин. 15:26; 16:13)»[4]. Зачем почтенно-

---

[1] *Фельми Карл Христиан.* Введение в современное Православное богословие: пер. с нем. М.: Просветитель, 1999. С. 63.

[2] *Романидис Иоанн, протоиерей.* Филиокве. Доклад на конференции Православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris, 1975. № 89–90. С. 115.

[3] См.: *Иоанн Павел II.* Верую в Духа Святого Господа Животворящего. М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998. С. 306.

[4] *Пупар Поль, кардинал.* Вера Католической церкви: пер. с франц. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 77.

му кардиналу, президенту Папского Совета пришлось из вышеприведённой цитаты (Ин. 15:26) «Придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины» выбрасывать слова «**Который от Отца исходит**» и ставить вместо них три точки? Он счёл, что будет честнее вообще опустить это место из Евангелия, чем насиловать тексты Священного Писания, выводя из них Filioque.

Автор самого популярного учебника по догматическому богословию протоиерей Н. Малиновский в сжатой форме высказывает общепринятое мнение по этому поводу: «Вообще же при взгляде на доказательства из Писания, представляемые в защиту Filioque, нельзя не видеть, что это учение образовалось независимо от Писания, и лишь потребность обосновать его на Писании вынуждает искать в Писании подтверждающих его свидетельств, а за отсутствием таковых — прибегать к явно насильственным толкованиям изречений Писания»[1]. Незаконность вставки Filioque ещё более усиливается от того, что Римо-католическая церковь является поместной, то есть **одной** из церквей, а дополнение ею было сделано в Символе Единой, Святой, **Вселенской (Соборной)** и Апостольской Церкви.

В завершение краткого историко-богословского экскурса возникновения Filioque мне бы хотелось вновь привести цитату из труда профессора-протоиерея Иоанна Романидиса, в которой, на мой взгляд, содержится своего рода квинтэссенция всего вышесказанного: «...как ересь, Филиокве столь же вредно, как арианство»[2]. Арианство унижает Второе Лицо Святой Троицы — Сына Божия, а Филиокве — Третье Лицо Троицы — Святого Духа. Если на Востоке Дух исповедуется равным Отцу и Сыну, а поэтому в Православии царствует Дух, духовная свобода и созерцание Живого Бога, то на Западе Дух мыслится в подчинённом положении (связь любви), отсюда другое понимание Таинств, боязнь всего таинственного, рационализация христианства[3].

Теперь Рим защищает Filioque как святой догмат (римский папа ведь, согласно ещё одному нововведённому в 1870 г. римо-католиками

---

[1] *Малиновский Н., протоиерей.* Очерк Православного догматического богословия. 2-е изд. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. С. 169–170.

[2] *Романидис Иоанн, протоиерей*. Филиокве. Доклад на конференции Православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris, 1975. № 89–90. С. 115.

[3] См.: *Мейендорф И., протопресвитер.* Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1983. Репр.: Вильнюс, 1992. С. 244.

догмату, не может ошибаться, он обладает непогрешимостью в вопросах вероучения)...

III

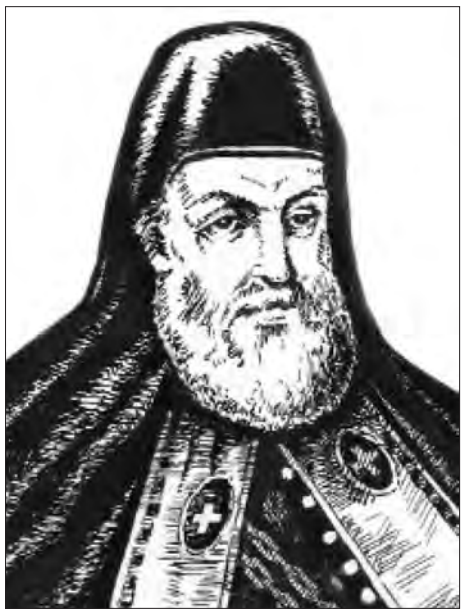
Итак, после принятия в Риме в 1014 г. Filioque в статусе догмата, охраняемого теперь уже анафемой, Римо-католическая церковь стала насаждать мнение о «греках» (то есть о четырёх Восточных Православных Церквах), как о еретиках-духоборах, обвиняя их в том, что это они исказили Символ Веры, выбросив из него Filioque. За тысячу лет на Западе это стало повсеместным мнением в обыденном религиозном сознании. Римо-католическая церковь, где только могла, преследовала православных как еретиков за «искажение» Символа Веры и, где только могла, массово перекрещивала их. С теми же, кто сопротивлялся этому, поступали на основании Евангелия от Марка: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Марк 3:28–29). «Вечное осуждение» православных в католических странах начиналось уже здесь, на земле...

События, предшествовавшие объявлению унии на Брест-Литовском соборе, исключали возможность широкого церковного обсуждения вероучительных противоречий, которые разделяли тогда римо-католиков и православных, а составленные в ходе подготовки Брест-Литовского собора церковные документы имели характер церковно-политических деклараций, в которых догматические вопросы или обходились молчанием, или упоминались как неведомым образом разрешенные. Уже первый, обозначивший возможность унии между Римом и группой западно-русских епископов акт, тайно составленный на Брестском соборе 1590 г. четырьмя епископами, полностью проигнорировал догматическую проблематику. «Соглашаясь отдать нашу волю и мысль в послушание святейшему отцу и подчинить церкви Божии верховной власти святейшего папы римского, — писали епископы, — мы выговариваем себе только то, чтобы святейший папа римский оставил нам до скончания века неотмененными и ненарушимыми все церемонии и обряды, то есть службу Божию... А его королевская милость, пан наш милостивый, обеспечил бы нам его указами наши привилегии и утвердил бы артикулы, которые нам будут представлены».

Полагая в основу своего вхождения в состав римо-католической церковной иерархии не вероучительное единство, а лишь сохранение

внешнего богослужебного обряда и приобретение православными епископами общественных привилегий, которыми обладали в Речи Посполитой римо-католические иерархи, четыре западно-русских епископа предлагали Риму догматически «облегчённый» и в то же время ориентированный на церковно-политическую конъюнктуру вариант унии.

Именно такой вариант унии и был первоначально принят представителями римского престола. Похоже, что поднаторевшую в интригах католическую дипломатию это вполне устраивало, потому что ей была известна мудрость: «увяз коготок — и всей птичке пропáсть». Этот вариант предопределил содержание второго документа, предвосхитившего Брест-Литовскую унию — акта 2 декабря 1594 г., который был составлен двумя главными инициаторами унии среди западно-русского епископата, епископом Луцким Кириллом (Терлецким) и епископом Владимирским Ипатием (Потеем). В этом самом расплывчатом с вероучительной точки зрения унинальном документе в качестве главного основания для признания западно-русскими епархиями власти папы римского выдвигалась прагматическая необходимость обрести внешнее единство христианского мира под эгидой римского первосвященника перед лицом наступавшего протестантизма. «От времён Христа Спасителя и апостолов предки наши всегда признавали одного старшего первопрестольника и пастыря в церкви Божией — святейшего папу римского», — подчёркивалось в акте от 2 декабря 1594 года. «И до тех пор, пока это было, в Церкви был порядок, и ересям трудно было распространяться. Но когда стало много старших и первопрестольников, которые начали приписывать себе ту власть, мы теперь видим, до какого разделения дошла Церковь Божия, и какую силу приобретают еретические секты. Посему, не желая, чтобы и впредь гибли человеческие души от такого разделения, мы



Портрет епископа Луцкого Кирилла (Терлецкого)

умыслили, с Божией помощью, соединяться, как было и прежде с братиею нашею — римлянами под одним видимым верховным пастырем».

Портрет епископа Владимирского Ипатия (Потея)

Окончательно предопределившее объявление унии на Брест-Литовском соборе «Соборное послание к папе Клименту VIII», которое было составлено 12 июня 1595 г. и подписано позднее митрополитом Киевским Михаилом (Рогозой) и шестью епископами, вновь подтвердило выраженную в предшествующих документах тенденцию игнорировать при заключении унии догматические расхождения с Римом и обосновывать её лишь церковно-политической целесообразностью. При этом сохранение незыблемым восточного литургического обряда должно было создать у православной паствы иллюзию вероучительной оправданности с православной точки зрения заключавшейся унии. «Мы, — утверждали авторы “Послания”, — поручили... предложить, чтобы Ваша Святыня согласился оставить нас всех при вере, Таинствах и всех церемониях и обрядах Восточной церкви, ни в чём их не нарушая, и утвердил бы то для нас за себя и за своих преемников. В таком случае мы уполномочили названных братьев наших (Ипатия Потея и Кирилла Терлецкого. — *авт. ст. М. К.*) принести от имени всех нас, архиепископа, епископов, всего духовенства и всех наших словесных овец, покорность седалищу святого Петра и Вашей Святыне и поклониться Вашей Святыне, как нашему верховному пастырю. Когда всё, о чём просим, мы получим от Вашей Святыни, тогда и сами с нашими потомками станем послушными тебе и твоим преемникам и будем всегда под управлением Вашей Святыни».

Во время тайных переговоров в Риме в ноябре-декабре 1595 г. епископы Ипатий (Потей) и Кирилл (Терлецкий) были приняты с подобающей честью, удостоились поцеловать папскую ногу и 2 декабря 1595 г. от имени всего западно-русского епископата заявили о признании ими

всех решений не только Ферраро-Флорентийского, но и Тридентского соборов, то есть по существу всех догматически значимых соборных установлений Римо-католической церкви. Папа Климент VIII проявил осторожность и официально не подчеркивал подобного признания западно-русских епископов. Поэтому в торжественно утверждённой папой римским 21 января 1596 г. «конституции», которая фактически объявляла о заключении унии между римским престолом и западно-русскими епископами, положение о полном принятии представителями последних римо-католической догматики весьма дипломатично скрывалось. Зато главное значение придавалось положению о сохранении в западно-русских епархиях восточного богослужебного обряда при условии упразднения в нём всех не соответствующих римо-католическому вероучению особенностей. «Мы, — утверждалось в заключительной части этой “конституции”, — настоящим нашим постановлением принимаем досточтимых братьев, Михаила архиепископа-митрополита и проч. епископов русских со всем их клиром и народом русским, живущим во владениях Польского короля, в лоно Католической церкви, как наших членов во Христе. И во свидетельство такой любви к ним, по апостолическому благоволению, дозволяем им и разрешаем все священные обряды и церемонии, какие употребляют они при совершении божественных служб и Святейшей литургии, также при совершении прочих таинств и других священнодействий, если только эти обряды не противоречат истине и учению католической веры и не препятствуют общению с римской церковью, — позволяем и разрешаем, несмотря ни на какие другие противоположные постановления и распоряжения апостольского престола».

Чем же было обусловлено это стремление Рима скрыть свою богословскую победу в документе, который объявлял о совершении унии почти за девять месяцев до Брестского собора? В первую очередь, это стремление было связано с верным церковно-политическим опасением, что объявление о догматической «капитуляции» представителей западно-русского епископата в Риме может вызвать не только у подчинённых ему православного духовенства и паствы, но и у некоторых западно-русских епископов желание отмежеваться от действий инициаторов унии. Римо-католические организаторы последней считали, что продекларированное представителями западно-русского епископата безусловное догматическое подчинение Риму не является единственно возможной основой заключения унии. Оно может рассматриваться как желательная, но весьма отдалённая перспектива формально канонически объявленного и реально политически подкреплённого господ-

ства папского престола на территории западно-русских православных епархий. Ведь столь явная недооценка важности догматического начала в деле восстановления единства церковной жизни, проявленная Римом как в ходе подготовки Брест-Литовской унии, так и в ряде других аналогичных уний, которых, как отмечалось выше, было немало в истории Римо-католической церкви, безусловно, явилась проявлением общей тенденции римо-католической иерархии рассматривать догматические принципы как средства осуществления церковной политики, направленной на распространение папской власти в христианском мире. И во времена Брест-Литовской унии одним из главных догматических противоречий между римо-католиками и православными являлось дополнение в Никео-Константинопольский Символ Веры термина «Filioque».

В то же время веками развивавшееся в Римо-католической церкви учение об особом характере папской власти (наместник Христа на земле) привело в XVI в. к существенным изменениям в экклезиологическом сознании католической иерархии, в результате которых формально каноническое признание власти папы римского той или иной группой христиан стало восприниматься в Риме как краеугольное догматическое основание для вступления этих христиан в Римо-католическую церковь и одновременно как безусловная гарантия их дальнейшего уподобления римо-католикам в богословско-каноническом и литургическо-обрядовом отношениях. Так, догмат о папской власти, правда, тогда ещё не получивший своего окончательного соборного оформления, но уже ставший доминантой догматических представлений римо-католической иерархии, стал иметь для римо-католических иерархов неизмеримо большее значение, нежели необходимость трудного или невозможного для Рима разрешения догматических разногласий. Короче: признай власть римского папы, а всё остальное со временем придёт само собой.

Оставляя в стороне чрезвычайно интересный вопрос о том, насколько характерный для западной схоластики богословский рационализм мог способствовать отмеченному выше церковно-политическому утилитаризму унионального богословия, отметим ещё одно проявление этой тенденции в документах, подготовивших Брест-Литовскую унию. В качестве одного из важнейших условий успешного заключения унии обе стороны признавали сохранение в западно-русских епархиях восточного богослужебного обряда, словно игнорируя тот очевидный факт, что православная литургическая традиция являлась, может быть, самым концентрированным выражением не только глубоко отличной в это время

от западной — мистико-аскетической традиции православного Востока, но и догматического учения Церкви эпохи Вселенских Соборов, уже основательно римо-католически «переработанного» на Западе в XVI веке.

Сознательное церковно-политическое лукавство или неосознанное богословское заблуждение, допускавшее возможность выражения римо-католического вероучения в категориях православной литургической традиции, были впоследствии опровергнуты дальнейшими событиями церковной жизни западно-русских епархий, вовлечённых в Брест-Литовскую унию. Переход части униатов к западному богослужебному обряду, превращение их в «полноценных» римо-католиков, с одной стороны, и постоянная инфильтрация элементов западного литургического богословия и богослужебного обряда, с другой стороны, наглядно показали невозможность органичного церковного синтеза римо-католического богословия и православного богослужения. Попытка же представить православный богослужебный обряд лишь в качестве проявления этнокультурного своеобразия восточных славян в Римо-католической церкви также оказалась несостоятельной в связи с явно проявившейся в эпоху Контрреформации тенденцией к унификации литургической жизни римо-католиков в соответствии с богослужебными традициями, сложившимися в латинском мире. Так, недооценка в унициональной политике Рима догматической стороны церковной жизни оказалась усугублённой недооценкой зависимости от догмата литургического обряда, и только безусловный **политический успех** Брест-Литовской унии мог на какое-то время создать иллюзию духовно-исторической самодостаточности этой унии для разрешения всех проблем, существовавших в отношениях между римо-католиками и православными в Речи Посполитой.

Возможно, не без подспудного осознания этого обстоятельства обе стороны уже в процессе подготовки Брест-Литовской унии и, в особенности, во время церковного собора в Бресте стремились заложить в фундамент унионального соглашения в качестве одного из его главных оснований разрешение уже совсем выходившего из сферы догматических, канонических и литургических проблем вопроса о получении западно-русскими епископами, подписавшими акт об унии, общественных привилегий, которыми обладала в это время в Польше римо-католическая иерархия. Тем самым богословский утилитаризм идеологов Брест-Литовской унии получил своё неизбежное завершение в политическом прагматизме участников этого церковного соглашения.

Весьма показательной особенностью периода практической подготовки Брест-Литовской унии, начавшегося ещё зимой 1594 г., яви-

лось то обстоятельство, что все переговоры о заключении унии велись Римом исключительно с представителями западно-русского епископата, позиция которого отождествлялась римо-католиками с отношением к унии всего православного духовенства и мирян Западной Руси. В этом нарочитом стремлении принимать во внимание лишь позицию епископов, безусловно, проявила себя коренящаяся в специфике церковного сознания римо-католической иерархии тенденция клерикализации церковной жизни, когда иерархическое начало, восходящее к «сверхепископской» власти папы римского, постепенно начинает подменять собой начало соборности. Однако избежать соборной процедуры объявления уже принятой западно-русскими епископами унии было невозможно, и именно поэтому 6 октября 1596 г. в Бресте открылся церковный собор, которому было предназначено лишь озвучить уже состоявшееся в тайне решение епископов-предателей для всего православного населения Речи Посполитой.

О том, какой своеобразный состав членов собора был необходим принявшим унию епископам для того, чтобы собор исполнил предназначенную ему весьма скромную роль, красноречиво свидетельствовал королевский универсал о созыве собора, опубликованный ещё 14 июня 1596 года. Подчеркивая, что на Брестский собор приглашались «католики римского костела и греческой церкви, которые к этому единству принадлежат», универсал лишь допускал возможность, что «будет вольно и всякому православному явиться на собор, только со скромностью и не приводить с собой толпы». Таким образом, приглашая на собор лишь тех христиан, которые ещё до его открытия признали унию, универсал определённо подчеркивал заговорщицкий характер созываемого собора.

Широко распространившееся среди православного духовенства и мирян впечатление догматической и канонической ущербности униатского собора не только привело к открытию в Бресте альтернативного православного Собора, возглавлявшегося Экзархом Константинопольского Патриарха архидиаконом Никифором, но и вынудило двух епископов, некогда поддержавших унию, епископа Львовского Гедеона (Болобана) и епископа Перемышльского Михаила (Копыстенского) выступить против присоединения православных христиан западно-русских епархий к Римо-католической церкви.

Уверовавшие во всемогущество римо-католического клерикализма, оказавшего им неоценимую поддержку в подготовке унии, западнорусские епископы оказались всё же неспособными преодолеть клерикальными методами соборное неприятие православным народом объ-

явленной в Бресте унии. «Уния в действительности была и оказалась расколом, — писал один из крупнейших русских богословов XX в. протоиерей Георгий Флоровский. — Она расколола западно-русскую церковь, разъединила иерархию и народ... Уния была делом епископов, действовавших в отрыве от церковного народа, без его свободного и соборного согласия».

Икона преподобномученика Афанасия Брестского

Одним из немногих служителей Православной Церкви, кто предвидел трагический результат унификации церквей задолго до унии и ценой своей свободы и жизни пытался предотвратить сговор и его последствия, был преподобномученик Афанасий Брестский, святой Русской Православной Церкви. Афанасий Брестский (фамилия или отчество Филиппóвич), известный общественно-религиозный деятель, публицист, композитор, монах, ярый противник решений Брестского собора 1596 г., предположительно родился в западной части Белоруссии, имел хорошее образование, позволившее ему служить при дворе Льва Сапеги в качестве домашнего учителя. «Поняв ошибочность того света», то есть аристократического общества, он оставил службу и удалился в Виленский Свято-Духов монастырь, где был пострижен в монашество. Позже там же, в Вильне, был возведён в сан иеромонаха. Всю жизнь искал защиты Православной веры. Даже обращался к российскому Царю Михаилу Фёдоровичу, пытался убедить его начать войну с Речью Посполитой, ссылаясь на то, что ему якобы явилась Богородица и сказала: «О, Афанасий! Иди до Царя Михаила и скажи ему: победи неприятелей наших, ибо уже время пришло»[1].

[1] *Мельников А. А.* Путь непечален. Минск: Изд. Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, 1992. С. 208.

Преподобный Афанасий пытался защитить православные храмы от посягательств униатов, выступая на польском Сейме, открыто требовал от короля Владислава IV прекращения гонения на православных и отмены унии. За это неоднократно арестовывался как «государственный преступник». В вину Филиппóвичу ставилось то, что он «унию святую хулил и проклинал»[1]. В ответ на это обвинение непреклонный Афанасий отвечал: «проклята теперешняя ваша уния. И знайте о том наверняка, если её из панства своего не выкорчуете, а православную церковь восточную не успокоите, гнев божий над собой наживёте»[2].

За эти слова суд постановил, что Филиппóвич заслуживает смертной казни. Его заковали в колодки и бросили в каземат. Не убоявшись приговора, преп. Афанасий уже в камере подтвердил свои убеждения проклятием унии перед важными польскими государственными лицами — бискупом Гембицким и канцлером Альбрехтом Радзивиллом. Перед казнью преподобномученика Афанасия Брестского подвергли многим пыткам, пытали огнем, а потом дважды выстрелили из мушкета в священника, стоявшего над вырытой для него могилой. Но, будучи мёртвым, он в неё не упал, а остался стоять, припав к сосне и как будто повторяя свои слова, сказанные перед смертью: «Что я уже говорил, то говорил, с тем и умираю»[3]. С 1996 г. Афанасий является святым покровителем Люблинской и Холмской епархии Польской Православной церкви.

За годы заключений непримиримый монах написал духовным стихом ряд произведений, в которых изложил свои взгляды на историю Брестской унии и показал её вред для Православия и самогó польского государства. Следует отметить, что в своих трудах, обличающих унию, он не затрагивал церковно-догматическое богословие, что являлось следствием его убежденности в политическом механизме унии. Он был уверен, что стремление польских феодалов и католической церкви, заручившейся поддержкой некоторых православных иерархов, к унификации двух вероисповеданий имеет не религиозную, а исключительно политическую подоплёку. Поэтому преподобный Афанасий

---

[1] *Гедзімін Л. А.* V Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 24–26 мая 1999 г.). Ч. 1. Минск: Европейский гуманитарный ун-т, Бел. университет культуры, 2000.

[2] *Пятроў М., Жук М.* «...То не чалавек стаяў, стаяла вера» // Беларуская думка. Минск, 1997. № 3. С. 164.

[3] *Мельников А. А.* Путь непечален. Минск: Изд. Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, 1992. С. 214–215.

обличал в первую очередь шляхтетско-магнатские круги Речи Посполитой[1].

Действительно, после принятия унии положение Православной Церкви сделалось совершенно невыносимым, особенно в Литве, на Волыни и в Галиции. В Малороссии, благодаря казачеству, было относительно спокойно. Учитель виленской братской школы Мелетий Смотрицкий в 1610 г. горько оплакивал бедствия Православия в своём сочинении «Фринос положительно или Плач церкви Восточной», которое поразило своей трагической правдой даже самих латинян. Один волынский депутат Лаврентий Древинский выступил в защиту Православия с пламенной речью на сейме 1620 года. «Уже в больших городах, — говорил он, — церкви запечатаны, церковные имения расхищены, в монастырях нет монахов, — там запирают скот. Дети мрут без крещения; покойников вывозят из городов без погребения, как падаль; мужья с жёнами живут без благословения; народ умирает без причащения. Так делается в Могилёве, Орше, Минске. Во Львове неуниат не может к цеху приписаться; к больному со Святыми Тайнами открыто идти нельзя. В Вильно тело православного покойника нужно вывозить в те только ворота, в которые из города вывозят нечистоту...»[2]. Православные постоянно подвергались оскорблениям и насилиям и от уличной черни, и от рыцарей, и от иезуитских школяров. Защиты не было, оставались лишь казачьи отряды, после унии возрастала сила вольного степного казачества. Угнетённое по национальному и религиозному признаку мужское население толпами убега-

Портрет польского иезуита Петра Скарги

[1] *Козел А. А.* Философская мысль Беларуси. Минск: Амалфея, 2004. С. 159.

[2] Миссиология: учеб. пособие / под. ред. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород: Изд-во Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. С. 54.

ло в степь к казакам. И здесь сложилась новая общность, противостоящая унии, — вольное запорожское казачество получило неожиданное новое и весьма высокое звание, став под знамя веры и народности.

Православной Церкви приходилось надеяться только на свои силы, которых у неё оказалось, к счастью, достаточно и даже больше, чем у униатской церкви. Так, на известное сочинение польского иезуита Петра Скарги против Православного Собора того же года, осудившего унию, Христофор Филалет ответил убедительным сочинением «Апокрисис, альбо Отповедь», где доказывал право участия мирян в церковных делах. Позже во Львове вышло ещё одно сочинение против унии «Перестрога» (предостережение). Поддержка шла с Востока с письмами Патриарха Александрийского Мелетия Пигаса и от русских иноков с Афона. Так, русский монах Иоанн Вишенский посылает униатским епископам «Краткое извещение о латинских прелестях», в котором обличает упадок веры и благочестия.

Кроме братских школ, существовавших и после унии, Православная Церковь находит духовную опору в своих монастырях. Вместе с подъёмом просвещения борьба с унией повлияла на подъём нравственного уровня в обществе и иерархии, на оживление монашеской жизни. Несмотря на изъятие у православных множества обителей и перераспределение их униатам, число православных монастырей было больше, чем у униатов, они отличались бóльшим количеством монахов, имели в своих стенах 80, 100, а иногда и 200 человек. Тогда как униатские монастыри стояли почти пустые. Униатская иерархия обращала внимание не столько на монастырскую жизнь, сколько на их функции, которыми они пользовались для своих практических надобностей.

В течение первых 20 лет унии, самых тяжёлых для Православной Церкви, возникло даже десять новых православных монастырей. С конца XVI в. Почаевский монастырь становится центром духовной жизни на западных землях Руси. В 1597 г. монастырь получает в дар от местной помещицы Анны Гойской значительные земельные угодья, имения и, самое дорогое сокровище, — Чудотворный образ Божией Матери, с завещанием при этом хранить Православную веру на вечные времена. Начинают процветать Виленский Святодуховский и Киевский братский монастыри, ставшие со временем оплотами Православия для целых краев России: первый — для Волыни, второй — для Литвы, третий вместе с Киево-Печерской Лаврой — для Малороссии.

В 1599 г. архимандритом Киево-Печерского монастыря был поставлен Елисей (Плетенецкий), один из замечательнейших деятелей своего времени, сделавшийся истинным отцом обители, упрочивший её само-

Портрет архимандрита Киево-Печерского монастыря Елисея (Плетенецкого)

стоятельность против покушений униатов, восстановивший, украсивший её, поднявший иноческую жизнь, поддержавший просветительское движение и религиозную борьбу. Подобных примеров в истории униатской церкви этого времени нет.

Таким образом, будучи порождением римо-католической традиции, к концу XVI в. уже глубоко отличной по характеру своего богословия от Православной церковной веры и сводившей всю полноту православной церковной жизни лишь к своеобразию восточного богослужебного обряда и этнокультурной специфике западно-русского населения Польши, **Брест-Литовская уния не достигла желаемого результата**. Она оказалась мертворожденным экклезиологическим (церковным) плодом, обречённым на духовно-историческое отторжение от православной церковной жизни Западной Руси. Ощущение церковно-исторической бесперспективности унии вскоре стало проявляться в действиях даже некоторых инициаторов унии из числа западно-русского епископата, которые, подобно Ипатию Потею, стремились представить её лишь как переходный этап к дальнейшей латинизации православно-русского населения Польши и превращения новосозданных униатов в «полноценных» римо-католиков.

Уже в процессе подготовки Брестского собора осознавшие невозможность реализации унии в церковной жизни западно-русского народа церковно-каноническими средствами руководители унии вынуждены были возложить основное бремя трудов по её насаждению в Польше на королевскую власть, тем самым резко изменив в неблагоприятном направлении и без того сложную религиозно-политическую жизнь Речи Посполитой. Как справедливо подчеркивал Карташёв, «начался новый мученический период Православной Церкви в Польском госу-

дарстве, как гонимого меньшинства, с протекционным насаждением унии, с борьбой православного населения, переходившей часто в гражданскую войну в виде казацких восстаний. А всё это повело через полстолетия к отпадению русской Украины к Москве. А в дальнейшем эта близорукая борьба за покорение Руси под унию ускоряла конец и самой Польши, и её детища — унии, исчезнувшей в XIX в. в пределах уже России»[1]. Вскоре уния в Польше стала верою низшею, простонародною, недостойной высшего класса.

Приведу пример из истории нашей страны. Упомянутый выше князь Константин Константинович Острожский (1526–1608) на деле ревностно защищал Православие и во время униатского собора, и после него. Однако два его старших сына стали «полноценными» католиками (не униатами), а его младший сын не захотел стать «полноценным» католиком и был отравлен. В 1636 г. старшие сыновья с внучкой Анной Алоизией выкопали кости отца, омыли их и перекрестили с чтением Символа Веры с Filioque.

Этот пример показывает, во-первых, насколько римо-католики упорно держались за это нововведение Filioque (для них это был принципиальный вопрос, никакого богословского диалога здесь не могло быть, догматические уступки предполагались автоматически лишь с православной стороны), а, во-вторых, признание римского папы «наместником Христа на земле» и «епископом над епископами» порождает гордыню у латинян и ненависть к православным. «Католики, признавая главою церкви папу, настоящую Главу церкви — Христа потеряли и остались без Главы, — пишет святой праведный Иоанн Кронштадтский. — Вся история папства свидетельствует, что у католиков нет Главы, потому что они творят неподобные вещи, воинствуют против Православной Церкви не духовно, а по плоти, — ненавистью, злобою, мщением, ругательствами всякими, убийствами из-за угла, поджогами, мятежами, буйством, непокорством, сепаратизмом, несмотря на то, что полякам в России живётся вольно, льготно, попустительно, в довольстве всяком, как и прочим нациям. Ненависть католиков к православным — историческая, самая исступлённая: ксендзы и епископы католические, да и польские интеллигенты многие готовы живьём проглотить нас»[2].

Я даже сейчас, в конце XX в., на основании своего личного опыта архиерея, который служил в Западной Белоруссии, могу сказать, что если

---

[1] *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 709.

[2] Живой колос с духовной нивы протоиерея Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского. СПб.: Синодальная типография, 1909. С. 37.

спросить простую польскую монахиню: «Почему вы называете православных схизматиками и еретиками?», она ответит: «Схизматик — потому что откололся от римского папы, еретик — потому что исказил Символ Веры, выбросив из него Filioque». Со времени Иоанна Кронштадтского мало что изменилось: «Католики виноваты, между прочим, в том, что несправедливо считают нас еретиками и схизматиками, — пишет он, — ругают и проклинают нашу святую, праведную, непорочную иерархию, кафолическую церковь, не хотят проследить наше православное учение, по презорству, гордости и отвращению, не хотят ступить даже ногой в нашу церковь, считая это осквернением. Ненависть сатанинская!»[1] Конечно же, на экуменических встречах с русскими выпускник Дипломатической академии Ватикана такого сейчас прямо не скажет. Но что у иезуита в мыслях?..

К сожалению, мысли претворяются в дела. И религиозная ненависть имеет и имела на протяжении веков трагические последствия. В XVIII в. православный народ в Беларуси и на правобережной Украине, оставшийся в пределах Речи Посполитой, терпел неслыханные страдания. Католическое духовенство вынудило правительство Польши на ужесточение мер против православных подданных. Было запрещено строительство новых церквей, для рукоположения православных священников требовалось соизволение короля. Ксендзы натравливали католическую шляхту на православных. Православных священников часто били плетьми, сажали в тюрьмы, травили собаками, отрубали пальцы саблями. Сжигали святые обители, грабили или для оскорбления религиозных чувств православных верующих их храмы продавали арендаторам-евреям, которые взимали плату за то, что открывали храм для богослужения.

Святитель Георгий (Конисский) так описывал жизнь православных в Польше: «Духовные и сильные мирской властию гоняли православный народ, как овец, в костёл или униатский храм. Во время самого чтения Евангелия входил в храм приказчик, бил народ плетью и гнал его, как скот из хлева... Детей били розгами перед глазами матерей, матерей — перед глазами детей... На моих глазах несколько раз секли девицу сперва розгами, потом шиповником, чтобы отреклась от веры — и не отреклась. Женщину с грудным младенцем полгода держали в тюрьме, младенца она лишилась там же, а муж бит и замучен особо; ей самой жгли пальцы, чтобы отреклась от нашей веры — и не отреклась. Другая

[1] Живой колос с духовной нивы протоиерея Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского. СПб.: Синодальная типография, 1909. С. 33.

закована была в кузницу (железный ошейник) и удавлена»[1]. Жутким гонениям подвергались православные архипастыри.

В своих гонениях на православных католики и униаты зашли так далеко, что пришлось вмешиваться русским властям. Это было сделать легче, когда на польский престол взошёл король Станислав Понятовский, который искал дружбы с Россией и хотел дружить с Екатериной II. Шляхта вошла в конфронтацию с королём и развязала настоящий террор против православных на Украине. Убивали женщин, детей, стариков, мучили священников и монахов. Надо отметить, что в Польше дискриминации и преследованиям подвергались и протестанты. Поэтому ноты протеста последовали не только от государства Российского, но и от Английского, Прусского, Шведского и Датского. В таких обстоятельствах прусское правительство предложило разделить территорию Польши, и в 1772 г. произошёл первый раздел Польши. Россия получила восточную часть Белоруссии с Могилёвом и Витебском. На отошедших к России территориях униаты массами возвращались сами в Православие.

Но притеснения православных в Польше не прекращались. Многие священники были вынуждены бежать в Россию. В самой Польше начались междоусобные смуты, образовалась антироссийская Торговицкая конфедерация. В ответ на это Екатерина опять послала войска в Польшу, а с запада двинулась прусская армия. 3 июля 1793 г. гродненский сейм принял требования России и Пруссии, состоялся второй раздел Речи Посполитой. По нему к России отошли исконно русские земли — Минская область, половина Волыни, Подолье. Тогда же была учреждена отдельная Минская епархия.

Через полгода в Польше вспыхнул новый мятеж. Было совершено нападение на русский гарнизон, погибло более 2000 русских солдат. Бунт был подавлен войсками А. В. Суворова. Вслед за взятием Варшавы последовал третий раздел Польши. К России отошла Литва с городом Вильно, Гродненская область и Курляндия. Ни пяди исконно польских земель Россия не взяла — они были присоединены к Австрии и Пруссии. На возвращённых территориях более 2300 униатских приходов с более чем миллионом прихожан воссоединились с Православной Церковью.

Так религиозная ненависть привела к гибели великого государства Речи Посполитой. Сегодня этим примером вдохновляется Украина, где религиозный фактор является одним из превалирующих, хоть

---

[1] *Цыпин В., протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синодальный период. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. С. 93.

он и скрывается за политическими и националистическими лозунгами. Брожения среди духовенства на современной Украине имеют давнюю закваску, XX в. добавил свои бедствия. После революции Петлюровская Директория отменила автономию Украинской Церкви, установленную Всероссийским Церковным Собором, и провозгласила самочинный Священный Синод, который распался после прихода в Киев Красной армии. В 1920 г., воспользовавшись новой оккупацией Киева польской армией, клирики и миряне нескольких приходов объявили о создании новой Всеукраинской церковной рады, которая, открыто попирая святые каноны, отвергла всех епископов, как ставленников Москвы, и провозгласила автокефалию. Патриарх Тихон, чтобы прекратить трагические события в Украинской Церкви, упразднил её автономию и установил для неё статус экзархата. Экзарх Михаил (Ермаков) впоследствии стал митрополитом Киевским.

IV

В конце XX — начале XXI вв. обострилась этно-политическая ситуация на границе римо-католического и Православного миров, вновь активизировалась деятельность сторонников восстановления унии между Римом и православными народами Украины и Белоруссии. Уния лживо выставляется как национальная религия украинцев или белорусов в противовес наднациональным Православию и Римо-католицизму. Замалчивается факт заключения унии с другими народами. И в этой очевидной связи между обострением этно-политических противоречий и активизацией усилий по возрождению Брест-Литовской унии вновь проявила себя природа унициональной деятельности римо-католической иерархии. Ватикан стремится утвердить власть римского первосвященника, прежде всего там, где национальные и общественные конфликты вынуждают христиан искать их разрешения даже путём вероучительных компромиссов во имя сулящего им «благоденственное и мирное житие» существования «под римским престолом». Если таких конфликтов нет, западные покровители Украины не гнушаются их спровоцировать, скольких бы человеческих жизней и каких бы территориальных потерь это ни стоило Украине, которая в данном случае не воспринимается сувереном.

Сейчас успех унии на территории западных областей Украины объясняется следующими основными факторами:

1. Наличием подогреваемого этнического конфликта между «западенцямы и москалямы». Это материя унии, а её энергия — это энергия ненависти.

2. Наличием «легковоспламеняющегося горючего материала». Это политические диссиденты, ренегаты, маргинальные элементы, которые со времён Иуды Искариота были, есть и будут. Их спектр весьма широкий: от «бескорыстных» шизоидов до продажных или выгнанных из Православной Церкви за дисциплинарные проступки людей.

3. Наличием влиятельных зарубежных кругов, заинтересованных в межнациональных и межрелигиозных конфликтах на территориях России, Украины, Белоруссии. Социальные и политические конфликты приобретут более ожесточённый и длительный характер, если там появится религиозный компонент.

4. Позицией Ватикана, который в своих интересах пытается использовать сложную ситуацию. При этом догматические различия отодвигаются на задний план и замалчиваются, как и 400 лет назад. На первый план выдвигаются соображения политического и прагматического характера.

Под политико-прагматические были замаскированы причины украинского Майдана, результатом которого стала потеря Украиной независимости. Внешнему заокеанскому руководству, как когда-то Гитлеру, не нужна мощная единая всеукраинская Церковь, поэтому будут поддерживаться филаретовцы, униаты, католики, американские секты, захватываться православные церкви, вплоть до кровавой расправы с православными священниками. Большая вероятность, что в скором будущем Украина не сможет сохранить государственную целостность и будет разделена, как когда-то Польша, которая сегодня, заинтересованная в отторжении в свою пользу западноукраинских земель, всячески поддерживает процессы и результаты Майдана.

Из сказанного видно, что в земной истории Церкви Христовой можно обнаружить немало событий, исторический смысл которых может быть постигнут лишь при сопоставлении их духовного содержания с основополагающими для этого содержания богословскими началами. При таком способе постижения конкретных событий церковной истории всё духовно подлинное и исторически значимое в этих событиях становится ещё более впечатляющим и величественным, и в то же время всё духовно призрачное и исторически бесплодное проступает в них с особенной очевидностью. Однако не всякому духовному зрению эта очевидность доступна, поэтому дело человеческого спасения в лоне Святой Православной Церкви требует от нас и сегодня отношения не менее осознанного и разумного, чем в прошлые трагические времена. Сегодня, когда в обществе умножаются разногласия и смуты, когда человека неослабно одолевают искушения и соблазны, поучительно и ак-

туально звучат слова святого апостола Павла: «Смотрите, поступайте осторожно,... потому что дни лукавы» (Ефес. 5:15, 16).

Можно с уверенностью сказать, что предостережение святого апостола Павла не забывает современное руководство нашей Церкви. В качестве примера можно отметить мудрость иерархов Русской Православной Церкви, которую на своём Архиерейском соборе они проявили в выработке единодушно-сдержанного отношения к так называемому Всеправославному собору на о. Крите. Организаторами собора было задекларировано, что собор *«станет новым органом православной церкви, который будет созываться на регулярной основе»*. Русской Православной Церкви такой узаконенный, постоянный «комиссариат» по аналогии с ЕСовским, не нужен. Лукавству современных дней должна противостоять допустимая степень осторожности, чтобы это лукавство не стало для России причиной новых «смутных времён» и «апокалипсисов революций».

«ОСОЛИТЬ ВСЕЛЕННУЮ»

История русской православной миссии в Иране[1]

Истоки

Неимоверно тяжёл крест высокого подвига Христова апостольства в иноверных странах. Но именно такой крест возложила на себя группа русских людей в одном из городов далёкой от нас Персии. Мы неспроста вспоминаем сегодня о Русской Православной миссии, основанной в персидском городе Урмия в конце XIX — начале XX века. Урмийская миссия, действовавшая с 1898 по 1918 гг. среди присоединившихся к Православной Церкви ассирийцев-несториан, проживавших в пограничной с Россией персидской провинции Азербайджан, к западу от озера Урмия, была одной из наиболее молодых и недолгих заграничных православных миссий. Но своей героической, подвижнической деятельностью она прочно вошла в историю Русской Православной Церкви. В трагической судьбе этой, сегодня почти забытой миссии нашёл своё воплощение уникальный опыт миссионерства среди несториан, впервые за полторы тысячи лет в составе целой епархии вошедших в состав Православной Церкви и тем подготовивших возможность воссоединения с Православием всей Несторианской Церкви вместе с её Патриархом. История Урмийской миссии свидетельствует, что в какой-то момент (незадолго до войны 1914 г.) эта возможность казалась очень близкой и достижимой, но из-за революционных катастрофических событий в России в 1917 г. она осталась нереализованной.

Сегодня, когда Церковь в России только-только оправляется от постигшего её векового разорения, когда дома дел невпроворот, мало говорится о великой истории многочисленных русских миссий, также

[1] Статья написана на основе доклада митрополита Константина на тему: «Русская Православная миссия в Урмии (1898–1918) и её вклад в изучение Ирана». Доклад прочитан на международной конференции в Тегеране 21 декабря 2004 года.

Главное здание Урмийской Духовной миссии

как вопрос о возрождении миссионерской деятельности русского Православия пока только намечается. Хотя по причине духовного упадка современного общества и в связи с активной религиозной экспансией некоторых инославных церквей, а также сектантской деятельностью назрела необходимость возрождения миссионерства Русской Православной Церкви.

Эта необходимость тем более насущна, что история миссионерства восходит ко временам Евангельским, вернее, Ветхозаветным. В те времена миссионерство осуществлялось призванием Господом к проповеди пророков и сводилось изначально к одному — к проповеди о Боге среди народа иудейского, который стал отступать от Господа. Однако эта проповедь не ограничивалась пределами Израиля, но распространялась и на язычников, живущих по соседству с иудеями. Чтобы проповедь была более действенной и убедительной, Господь осуществлял Своё покровительство и помощь в деле пророческого служения. Он повелевал Своим посланникам быть мужественными перед лицом неправды и скорбей. Доказательством истинности слов пророка являлось не только исполнение его предсказаний, но и чудеса, творимые от имени Всевышнего. Можно заметить, что призвания великих пророков очень похожи между собой. Они имеют одинаковые признаки и цели. В пророческом призвании и служении, очевидно, много общего и с но-

возаветным призванием Иисусом Христом апостолов, начавшимся с того самого момента, когда «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним» (Мф. 4:18–20).

Таким образом, миссионерская деятельность — есть выражение апостольской природы Церкви, призванной Святым Духом на служение миру. Миссионерство распространяет свидетельство присутствия Божия в человеческой истории. Поэтому миссия Церкви состоит в том, чтобы приближаться к миру, обновлять его, просвещать Евангельским светом многие народы, принимая местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразовывать их в средства спасения.

Русская Православная Церковь явила миру высокое апостольское достоинство, в прошлом засвидетельствованное подвигами великих равноапостольных мужей, таких как святитель Стефан Пермский — апостол зырян, святитель Иннокентий (Вениаминов) — апостол Якутии и Камчатки, святитель Николай (Касаткин) — апостол Японский, святитель Патриарх Тихон (Белавин) — просветитель Аляски, и многих других. Их духовные завещания и наставления актуальны поныне. Как, например, и то, что в 1910 г. на миссионерском съезде в Иркутске архиепископ Томский и Алтайский Макарий (Невский) (впоследствии митрополит Московский) говорил: «Мудрость уподобила первых веропроповедников соли, долженствующей *осолить Вселенную*», с таким притом предостережением, что если «соль» эта потеряет силу, то «она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на попрание людям» (Мф. 5:13)[1].

Несмотря на трагедии церковной истории в XX в., очевидно, что эта «соль» всё-таки не потеряла силу, потому что содержание миссионерства, являющегося основным смыслом церковной деятельности, не меняется, передавая последующим поколениям спасительные истины как норму жизни.

На Архиерейских Соборах Русской Православной Церкви (1994, 2000, 2008) вопрос о возрождении активного миссионерского служения Церкви был поставлен как особо значимый. Святейший Патриарх Алексий II неоднократно говорил о необходимости самой серьёзной

[1] Миссиология: учеб. пособие / под ред. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород: Изд-во Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. С. 10.

постановки вопроса возрождения миссии. В связи с возобновлением православного миссионерства в России большое значение приобретает приобщение к историческому опыту и традициям Церкви в деле апостольского служения. Благодатный опыт предшествующих поколений православных священников, бесспорно, поможет в возрождении миссионерского делания. В этом ряду познавательна и поучительна история Русской Урмийской миссии (северо-запад современного Ирана).

Россия и Иран: политические, экономические и культурные предпосылки создания Русской миссии

Идеи мистического единства арийских народов, теории общего происхождения, гипотезы, объясняющие схожесть путей развития, элементов культур и особенностей национального характера, — все эти факторы, порой вне зависимости от степени достоверности и соответствия исторической истине, господствующей в данный период времени, являются реальными настолько, насколько они оказывают своё влияние на мировосприятие современников и, вследствие этого, на весь ход последующей истории и судьбы цивилизации[1].

Эпизодические контакты торгового и политического характера сопровождали историю отношений России и Ирана на протяжении всего периода обозримого прошлого. Иран — название страны, которая в течение многих веков была нашим южным соседом, происходит от названия из среднеперсидского языка «Ираншахр», проистекающего в свою очередь от словосочетания «Арианам хшастра», что на древнеперсидском означало «Арийцев страна»[2]. Арийские племена, создавшие самостоятельные государственные образования на обширном территориальном пространстве Евразии к I тысячелетию до н. э., считаются общими предками нынешних иранских и славянских народов[3]. Регулярные дипломатические и торговые связи между Россией и Иранским государством в эпоху достоверной истории были установ-

---

[1] *Базиленко И. В.* Россия и Иран: военно-политический и культурологический аспекты двухсторонних отношений в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПбГУ. Восточный факультет. СПб.: Студия НП-Прин, 2011. С. 33.

[2] *Бартольд В. В.* Иран. Цит. по: История Ирана. Киев-М., 2003. С. 14.

[3] *Чайлд Г.* Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2005. С. 15; *Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2007. С. 75–96.

лены с приходом к власти в Иране самого блистательного монарха из династии Сафавидов (1502–1736) — Аббаса I (1587–1629). Сафавиды создали в Иране персидское национальное государство. Многие исследователи утверждают, что шах во время междоусобиц, раздиравших Россию в Смутное время, «оказал многие опыты чистосердечнейшей дружбы к российскому двору»[1].

Отношения русских и иранцев были несравненно лучшими, чем отношения с турками — давними общими противниками. Российские солдаты чаще дезертировали в Иран, где местное население к ним относилось вполне терпимо, особенно в вопросах вероисповедания. Интересный исторический факт: беглецы эти пользовались в Иране совершенной свободой, не знали никакой подчинённости, но в военное время они «обращаются в жертвы, которых первыми ведут в огонь, и всегда замечалось, что дерутся они лучше всех Персидских войск»[2]. Особенно русские дезертиры отличились в сражении с турками при Топрак-кале (1828). Интересно, что в полку, где состояли на службе русские дезертиры и военнопленные, служили также молодые люди из числа местных ассирийцев и армян. Солдат не склоняли к принятию ислама, но для адаптации русских беглецов к жизни Ирана рекомендовалось «обручать их всех с армянками»[3]. Наличие русских беглецов в иранской армии в немалой степени способствовало ослаблению влияния британских инструкторов. Во второй половине XIX в. Россия и Великобритания настолько укрепили свои позиции в Иране, что без участия одной из сторон не происходило ни одного сколько-нибудь важного общественно-политического события в стране.

В 60–70-е годы XIX в. влияние России на иранскую действительность значительно возросло благодаря развитию совместной торговли, экспорту российского капитала в Иран, активному освоению российскими промышленниками и предпринимателями Северного Ирана, превратившегося к концу века почти полностью в зону жизненно важных интересов России как экономических, так и политических. С появлением консульских учреждений России в различных городах Ирана, представлявших интересы российских подданных, увеличилось число путешественников, исследователей, инженеров, врачей, купцов из России, отправлявшихся в Иран с разными целями и задача-

---

[1] *Броневский С. М.* Историческая выписка о соотношениях России с Персией... РАН. Институт востоковедения. СПб., 1996. С. 51.

[2] Российский государственный архив ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 16/456. Л. 1.

[3] АВПРИ. 1824–1825. Д. 3. Л. 8.

ми. По возвращении часть из них публиковала свои отчёты, мемуары, путевые дневники, результаты исследований. Среди наиболее известных — сочинения И. Ф. Бларамберга, Ф. А. Бакулина, Г. Д. Батюшкова, В. А. Жуковского.

Гораздо скромнее вклад иранской стороны в изучение северного соседа. Наиболее известны сохранившиеся мемуары «шаха-путешественника», или Насер ад-Дин-шаха, предпринявшего три путешествия в Европу. Россия оказалась первой страной на пути путешественника, которой он уделил довольно много места в своём дневнике. Следует отметить, что все характеристики, которые шах дал российской действительности того времени, отличаются возвышенными эпитетами и сравнениями. Россия поразила иранцев своей чистотой, красотой, надёжностью транспортных средств, совершенством техники, доброжелательностью населения, роскошью и изяществом дворцов, изобилием памятников старины, разнообразием средств досуга и многим другим.

Тесным было сотрудничество в военной сфере. Так, в 80-е годы XIX в. с помощью русских офицеров были усовершенствованы военные силы Ирана, организована русская военная миссия и сформирована Персидская казачья бригада. В скором времени она стала самой боеспособной частью иранской армии, настоящей школой подготовки офицерских кадров, давшей Ирану первых представителей военной интеллигенции. Таким образом, русским офицерам удалось совершить то, в чём не добились успеха французские и английские инструкторы, неоднократно пытавшиеся создать регулярную иранскую армию европейского типа.

Соперничая в Иране с более развитыми экономически западноевропейскими странами, Россия чаще одерживала верх, когда прибегала к своему богатейшему культурному наследию. Общеизвестные гибкость и широта приемлемости русского национального сознания, рациональная веротерпимость и уважительное отношение к инородным традициям выгодно отличали россиян в целом в глазах иранцев в сравнении со сдержанным европейским прагматизмом. Многие достижения российской внешней политики в Иране проистекали из национально-культурных особенностей и духовно-психологических корней, объединявших россиян и иранцев. Знаменателен тот факт, что в начале XX в. среди иранской знати было модно говорить на русском языке.

Очевидно, что такой культурно-политический вектор российско-иранских взаимоотношений наилучшим образом отвечал интересам представителей различных духовных и национальных культур и был

весьма далёк от задач «европеизации» восточных народов, решаемых западноевропейцами и бахаитами — агентами их влияния из среды торговцев-компрадоров и вестернизированной части туземной интеллигенции. Русские представители чутко реагировали на симптомы этого явления в Иране и отрицательно отзывались о нём.

Внешнеполитический курс Ирана с учётом интересов России вызывал крайнее недовольство Великобритании. Стремясь ослабить русское влияние в Иране, британцы не только заигрывали с конституциалистами и революционерами, но и предоставляли мощную финансовую и политическую поддержку сепаратистским движениям и шиитским духовным лидерам.

Однако в связи с тем, что со второй половины XIX в. произошло значительное численное увеличение русской колонии в Тегеране, явившееся следствием укрепления взаимовыгодных торговых связей (в разных городах открывались русские лавки и магазины, русские товары всё в большем количестве появлялись на иранском рынке), в Иране стало необходимым и возможным постоянное присутствие православного духовенства.

Краткая история христианства в Персии и деятельность западных миссий

Христианская религия пришла в Парфянскую (Персидскую) империю (ныне территория Ирака и Ирана) очень рано[1]. Истоки Персидской Церкви (Ассирийской Церкви Востока) по преданию восходят к иудео-христианским общинам, возникновение которых связано с миссионерской деятельностью святых апостолов Петра и Фомы, а также апостолов от 70-ти Аддая и Мари (апостолов Востока) среди арамеоязычного населения Междуречья в I в. по Р. Х. Апостол Пётр в своём 1-м Послании, адресованном «пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии» (*территория современной Турции*), пишет, что «приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне» (1 Петр. 5:13). Церковное предание сообщает нам об обращении апостолом Фаддеем в христианство Авгаря, царя Эдессы, столицы Осроены в Месопотамии.

Имеются указания на то, что в Адиабене (местности к востоку от Тигра, входившей в Персидскую империю) во II–V вв. по Р. Х. был осу-

[1] См.: *Спасский А.* Сирохалдейцы-несториане и присоединение их к Православной Церкви // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1898. № 5. С. 202–243.

ществлён перевод Библии на сирийский язык (так называемая Пешитта). Поскольку сирийский язык — это эдесский диалект арамейского языка, то перевод осуществлялся в регионе г. Эдессы. Кроме того, Адиабена с её большой иудейской диаспорой также являлась родиной перевода ветхозаветных книг на сирийский язык.

Несмотря на гонения в III–IV вв. со стороны зороастрийских властителей Персии, число христиан в империи увеличивалось. В конце IV столетия Церковь Персии, возглавляемая Селевкийско-Ктесифонским епископом, носившим титул Католикоса, реорганизовалась, сохранив полноту общения со всей христианской ойкуменой[1].

Расцвет Персидской Церкви приходится на V–VI века. В это время, благодаря деятельности несториан-миссионеров, христианство впервые проникло в Индию, в Среднюю Азию, Монголию и Китай, а также на территории современных Йемена и Катара[2]. Несмотря на присутствие ислама, Церковь Востока в последующие столетия достигла своего расцвета.

Так, например, в VIII в. возникают митрополия в Самарканде и епархии в Бухаре и Ташкенте. В XIII в. ассирийцы-несториане упоминаются среди пришедших на Русь монголо-татар.

К концу XII — началу XIII вв. в каноническом ведении Патриарха — Католикоса Ассирийской Апостольской Церкви, резиденция которого

---

[1] Так, Собор в Селевкии (410) под председательством Католикоса принял не только Никейский Символ Веры, но и дисциплинарное и организационное устройство Церкви, аналогичное тому, которое преобладало в Римской империи и было санкционировано правилами Никейского собора. Однако Собор в Маркабте (424) провозгласил свою независимость в вероучении и дисциплине от «западных Отцов». Такая изоляционная политика была избрана для того, чтобы зороастрийские правители не могли обвинить персидских христиан в пособничестве Риму. По той же причине Церковь Востока не приняла и последующие Вселенские соборы — Эфесский 431 г. и Халкидонский 451 г., считая их внутренними соборами Римской (Византийской) Церкви, не имеющими отношения к Персидской Церкви. К тому же персидским христианам, говорившим по-сирийски, были чужды греческие богословские термины. Неприятие Церковью Востока Эфесского собора, осудившего Нестория, послужило причиной того, что эту Церковь стали называть «несторианской», хотя никакой исторической связи с Несторием она не имела. См.: *Мейендорф И., протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: ДИ-ДИК; Правосл. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2000. С. 83–84.

[2] Следует отметить, что к концу правления Сасанидов зороастрийская религия стала сильно сдавать свои позиции, и если бы не исламская экспансия в середине VII в., Персия стала бы христианской страной. См.: *Сергий (Лавров), игумен.* Последние события в Несторианской Церкви // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1904. № 12. С. 427–428.

находилась в Багдаде, насчитывалось 30 митрополичьих округов, более 200 епархий с многомиллионной паствой, простирающейся от Сирии и Месопотамии до Средней Азии, Индии и Китая. У несториан были свои богословские школы, развитая церковная письменность, монашеская жизнь, научная мысль, церковное искусство — всё то, что делало полнокровной жизнь Церкви.

Однако в период владычества Тамерлана (1336–1405) и последующих правителей — Тимуридов — христианство было практически полностью уничтожено[1]. Большинство ассирийцев-несториан было замучено либо насильно обращено в мусульманство. К началу XIX в. общая численность ассирийцев-несториан, проживавших сравнительно замкнутым компактным обществом в районе к западу от озера Урмия в Персии и в горах Хаккяри в сопредельной Персии Восточной Турции к югу от озера Ван, достигала 120–150 тысяч человек — всё, что осталось от некогда многомиллионной паствы[2]. Число епархий также сократилось до 15-ти. Резиденция Патриархов была перенесена из Багдада в селение Алькош на севере современного Ирака (с XVII в. и до 1914 г. — селение Кочанис в турецком Курдистане). Полностью была разрушена образовательно-просветительская инфраструктура Персидской Церкви. Минимальная церковно-книжная образованность сохранялась лишь в духовном сословии, где в священнических родах сами священники готовили себе преемников[3]. Единственное, что, пожалуй, осталось неизменным — это классический сирийский богослужебный язык, на котором совершался полный круг ежедневного богослужения и существовала древняя литургия.

Так, в XIV–XV вв. под давлением правителей — Тимуридов — Сиро-Персидская Церковь потеряла своё влияние и место, которое она

---

[1] Так, сохранилось лишь небольшое количество христиан в горах Восточной Анатолии.

[2] Следует добавить, что в северной Месопотамии в районах от Мосула до Диярбекира проживало значительное число (150–200 тыс. чел.) халдеокатоликов или несториан-униатов с Римом, которые отделились в XVI–XVII вв. и имели свою иерархию и церковный строй. См.: *Алексий (Кузнецов), иеромонах.* Несторианство и современное движение его в Урмии среди сирийцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 12. С. 31–32.

[3] В Несторианской Церкви священнический сан, впрочем, как и епископский (патриарший), как правило, сохранялся в одном и том же роду и переходил по наследству. Так, например, в патриаршем роду новый Католикос избирался и поставлялся из племянников предыдущего. См.: *Софония (Сокольский), епископ.* Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии... СПб., 1876. С. 202–205.

прежде занимала на мусульманском Востоке. Лишившись большинства своих епархий, она замкнулась несколькими общинами-островками в иноверном окружении. Среди наиболее крупных поселений в первую очередь необходимо упомянуть урмийских несториан, то есть ту часть ассирийцев-несториан числом до 30 000, проживавших в Адербейджанской провинции Персии, в обрамлённой горами живописной долине вдоль западного побережья озера Урмия, с центром в одноименном городе, основателем которого, по преданию, был внук Хама — Нимврод, известный охотник и зверолов[1].

Во времена правления династии Каджаров (конец XVIII — первая половина XX в.) коренным образом меняется весь контекст истории Персидского царства. За этот период оно постепенно лишается своих обширных территорий в пользу соседних государств и попадает под возрастающее давление европейских держав, особенно Британской империи, интерес которых к Персии был вызван не столько как к стране древней цивилизации, великолепной и таинственной, но, в первую очередь, как к экономическому объекту колониальной экспансии.

В конце XVIII — начале XIX в. Персидское шахство из «закрытого» превращается в «открытое» государство, благодаря чему на его территории вместе с колонистами одна за другой появляются западные миссии. В Урмии это: американская — пресвитерианская (с 1830-х гг.), французская — католическая и английская — епископальная, или «миссия архиепископа Кентерберийского» (с середины 1880-х гг.). Деятельность вышеупомянутых миссий включала в себя организацию школ для детей, распространение грамотности, перевод на народный язык Священного Писания, основание типографий и издание различной литературы, ходатайство за несториан (через дипломатические представительства) перед персидскими властями[2]. Таким образом, ко времени прихода в

---

[1] Также по преданию Урмия считалась родиной Патриарха Авраама и пророка Валаама, а также одного из трёх волхвов, пришедших на поклонение Богомладенцу Христу в Вифлеем (его гробница находилась в древнейшей несторианской церкви, Март (Мат)-Мариам, т. е. Матерь-Мария). Помимо этого Урмия искони славилась мудрецами, в числе которых называют Зороастра. См.: *Диаковский Д.* Заря Православия в глубине Азии (К положению Русской Духовной миссии в Урмии среди сирохалдейцев) // Странник. СПб., 1902. Т. I. С. 475; *Синадский В., священник.* Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 14. С. 528–529.

[2] См.: *Кирилл (Смирнов), архимандрит.* Речь начальника Православной Духовной миссии в Урмии // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 8. С. 276–277.

Урмию Русской миссии в самом конце XIX в. христианское население данной провинции условно разделялось на три группы.

Первая, находясь под влиянием американских протестантов, значительно отошла от древней сирохалдейской Церкви. Она имела своих священнослужителей и проповедников по образцу пресвитериан, собственные школы, городскую семинарию, которая лучших учеников посылала учиться в Америку для получения высшего образования[1].

Другая, меньшая часть несториан, была обращена в униатство французскими монахами-лазаристами[2] и имела своим центром селение Хусрава к северу от Урмии в области Салмас, где располагалась резиденция католического епископа. Католическая миссия была влиятельной силой в Урмии, где, благодаря своим методам работы и воспитания, она закрепилась и пустила глубокие корни[3].

Третья группа — несториане, находящиеся со своим духовенством под защитой и покровительством английских миссионеров. Английская миссия, в отличие от американской и католической, своею целью провозглашала поддержку древней Ассирийской Несторианской Церкви, как Церкви-сестры. Прибыла она в Урмию по приглашению Католикоса в 1885 г. и состояла из особо расположенных к восточным христианским Церквам представителей «высокой» Церкви в Англии[4]. Миссия организовала сеть сельских школ, училище для подготовки образования духовенства, печатала богослужебные книги Ассирийской Церкви, в том числе Книги Священного Писания по тексту «Пешитта» с параллельным текстом на ново-сирийском разговорном языке, и, вообще, материально и духовно поддерживала духовенство и храмы этой Церкви[5].

---

[1] Впрочем, школы американской миссии посещали не только пресвитериане, а часть паствы этой миссии впоследствии легко перешла в Православие. См.: *Синадский В., протоиерей.* Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 17. С. 599–601; *Алексий (Кузнецов), иеромонах.* Жизнь современных сирохалдейцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 12. С. 26.

[2] Ещё до монахов-лазаристов в Персии работали монахи-кармелиты, и католичество в Салмасе восходит к XVIII веку. См.: *Синадский В., протоиерей.* Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 17. С. 597–599.

[3] См.: *Алексий (Кузнецов), иеромонах.* Жизнь современных сирохалдейцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 12. С. 26–27.

[4] Там же. С. 28–29.

[5] См.: *Синадский В., протоиерей.* Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб. 1898. № 19. С. 661–663.

Кстати, эта миссия и её принципы[1] пользовались симпатией и покровительством К. П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода Русской Церкви, который переписывался с английскими миссионерами, содействовал им в России (при проезде к месту служения) и дружески принимал их в Петербурге. Это было ещё до учреждения Русской миссии в 1898 году[2].

Под влиянием западных миссионеров, особенно их соперничества между собой за влияние, у урмийских несториан со временем стал проявляться некоторый индифферентизм в вопросах церковности, соблюдения иерархии, исполнения обрядов; появилась лёгкость при переходе из одной христианской конфессии в другую по соображениям выгоды. Это бросалось в глаза и отталкивало многих работавших в Урмии миссионеров. В защиту несториан свидетельствует то, что до прихода западных миссионеров в XIX столетии они очень строго блюли свою христианскую веру в мусульманском окружении, идя за неё на лишения и гонения, а секуляризация и индифферентизм явились уже следствием западного (особенно пресвитерианского) влияния.

Учреждение Русской миссии и её первоначальная деятельность

На момент создания Русской миссии в городе Урмия насчитывалось 30 тыс. жителей разных национальностей — персов, сирийцев, армян, много европейцев. Урмия заметно отличалась от других персидских

---

[1] Так, первоначально английские миссионеры утверждали, что для них целью является восстановление единства Ассирийской Церкви с Восточной (Православной) Церковью, от которого она когда-то отпала, и их деятельность среди несториан будет готовить будущее единение. См. напр.: Исторический очерк Восточной Сирийской Церкви и учреждение миссии. СПб.: Син. тип., 1897. С. 32–55. Эта книга является переводом отчёта Английской миссии за 1896 г. и издана по распоряжению обер-прокурора, по-видимому, в преддверии присоединения несториан к Православной Церкви. См. также письмо английского миссионера Э. Рапли к обер-прокурору К. П. Победоносцеву от 5/17 авг. 1897 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 165. Д. 1663. Лл. 231–232. Как оказалось впоследствии, англичане поддерживали силы, враждебные Русской миссии. См. письма начальника миссии архимандрита Кирилла за 1902–1903 гг. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 938.

[2] См.: *Кирилл (Смирнов), архимандрит.* Речь начальника Православной Духовной миссии в Урмии // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 8. С. 277–278; *Сергий (Лавров), игумен.* Последние события в несторианской церкви // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1904. № 12. С. 424–426.

городов, считалось, что это уголок Европы. Славилась Урмия и своими природными особенностями, в частности озером, в котором много соли, поэтому в нём не водилась рыба. Купание в озере, в котором нельзя утонуть, было не только очень полезным, но обладало мистическим воздействием на местных жителей. Кроме того, через это озеро на баржах был самый удобный и короткий путь из Урмии на Тавриз и на Джульфу в Россию и обратно, что играло немаловажную роль в сближении двух стран. Тем более что на момент создания миссии в Урмии стояли русские войска, так как эта территория считалась пограничной с Турцией.

Отношение ассирийцев-несториан к России ещё с конца XVIII в., когда последняя, войдя в союз с единоверной Грузией, вплотную приблизилась к пределам Персидской империи, было самое расположенное и дружественное. Русская Церковь почиталась ими единоверной, и вступление под покровительство России в единство с Русской Церковью было вожделенным как для иерархии, так и для простого народа[1].

Для сбора необходимой информации Святейший Синод по согласованию с авторитетными в «восточных делах» иерархами (митрополитом Московским Филаретом[2] и епископом Тамбовским Феофаном) послал в персидское пограничье архимандрита Софонию (Сокольского). Он, выполняя в 1861–1865 гг. роль эмиссара к православным ассирийцам

---

[1] Так, в 1770-е гг. тогдашний несторианский Католикос желал стать союзником Грузии и России и выступить со своими воинами в войне с общим врагом — Турцией. Позже, в XIX в., в результате победоносной войны России с Персией в 1827–1828 гг., урмийские ассирийцы-несториане чуть было полностью не переселились на отошедшие к России земли Армянской области (впоследствии — Эриванской губернии). Но осуществить это сумела лишь сравнительно небольшая группа урмийцев, поселившись в 1830-е гг. в нескольких селениях близ Эривани. Вскоре же по переселении они присоединились к Православию и составили отдельные ассирийские (айсорские) приходы в Эриванской губернии, подчинённые русскому архиепископу — Экзарху в Тифлисе. Над обустройством и просвещением этих приходов впоследствии, в 1860-е гг., потрудилось «Общество восстановления Православного Христианства на Кавказе». См.: *Эйвизов П.* Некоторые сведения о селе Койласаре и об айсорах // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 284–326; Обзор деятельности Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910.

[2] Мнения митрополита Филарета (Дроздова) «о несторианах» в делах. РГИА. Ф. 797. Оп. 29. Д. 347. Лл. 123–124 об.; Д. 347-б. Лл. 98–103 об., 128–131. См. также: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского... М., 1887. Т. V. Ч. 1. С. 74–75, 324–338, 418–421.

в Эриванской губернии, в результате двух продолжительных поездок (1-я, главная поездка — с ноября 1861 по август 1862 гг., 2-я — с августа 1864 по март 1865 гг.) представил в Синод замечательные по полноте справки о несторианах в Персии и Турции и их движении к Православию[1]. Для русского посланца были собраны подписи и печати епископов, духовенства, сельских старшин со всей Урмийской области, а также доставлены известия от Патриарха и епископов из турецких областей. Со многими несторианами Софония лично общался, будучи в Эривани и в Тифлисе. Не оставалось сомнения, что весь ассирийский народ желал единения с Русской Церковью, хотя и понимал под единением, прежде всего, покровительство единоверной России[2]. К сожалению, в тот период по различным действительным и надуманным причинам политического, материального, церковно-административного характера не удалось осуществить воссоединение урмийских ассирийцев с Русской Церковью. Дело отодвинулось ещё на треть века, что, несомненно, послужило во вред ему. Многих проблем, с которыми Урмийская миссия столкнулась в конце 1890-х — начале 1900-х гг., можно было избежать в 1860-е годы.

Следующая серьёзная попытка сближения была предпринята в 1890-х годах. Инициатором сближения стал ассирийский епископ Мар-Ионан (Иоаханн или Иона), имевший кафедру в урмийском селении Супурган. Получив от Мар-Ионана прошение с просьбой о присоединении его с паствой к Русскому Православию, Святейший Синод поручил Экзарху Грузии архиепископу Владимиру командировать в Урмию духовных лиц для тщательного изучения дела на месте (Указ от 29 марта 1895 г. № 1456). Выбор Экзарха пал на настоятеля Эриванского собора протоиерея Виктора Синадского. Помощником и переводчиком протоиерея Виктора стал православный священник из ассирийцев Симон Алаверанов. Поездка в Персию отца Виктора длилась полгода

---

[1] Главный отчет архимандрита Софонии содержится в деле Архива Св. Синода (РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 968). См. также: Ф. 797. Оп. 29. Д. 347. На основании собранных сведений епископ Софония впоследствии издал замечательный труд: Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии... СПб., 1876. VII. Об этой же поездке к несторианам архимандрита Софонии см.: *Титов Ф. И., священник*. К вопросу о присоединении сирохалдейских несториан к Русской Православной Церкви. Киев, 1900. С. 1–63.

[2] См.: *Синадский В., протоиерей*. Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 20. С. 692–695.

(с мая по ноябрь 1897 г.)[1]. За это время он встретился с епископом Мар-Ионаном и другими представителями ассирийского духовенства, объехал почти все ассирийские поселения Урмии, собрал обширную информацию о населении, о религиозной ситуации в регионе, об Ассирийской Церкви[2].

По возвращении из командировки протоиерей Виктор представил в Святейший Синод подробнейший доклад о поездке[3]. Именно материалы, собранные в Урмии отцом Виктором, побудили Синод принять окончательное решение о воссоединении урмийских ассирийцев с Православной Церковью. Указом Святейшего Синода от 17 марта 1898 г. прошение ассирийского епископа Мар-Ионана о присоединении его с паствой к Русской Церкви было удовлетворено[4]. Профессором Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотовым для этого случая был даже составлен особый Чин присоединения несториан к Православной Церкви[5].

В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта 1898 г., в столице Российской империи Санкт-Петербурге в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялось торжественное присоединение епископа Мар-Ионана, архимандрита Илии Армудачагского, священника Давида Вениаминова, священника Георгия Беджианова, священника Сергия Бадалова и диакона Якова Бабаханова к Православной Церкви[6].

---

[1] *Восторгов И., протоиерей.* Православие в Персии (Необходимое разъяснение) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1901. № 51–52. С. 1879–1880.

[2] *Синадский В., протоиерей.* Среди сирохалдейцев-несториан (Назначение Православной миссии в Персию к сирохалдейцам-несторианам области Урмийской) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 26. С. 893–896.

[3] Доклад и материалы, собранные священником В. Синадским и представленные Экзархом архиепископом Владимиром в Синод, находятся в деле Архива Св. Синода (РГИА. Ф. 796. Оп. 165. Д. 1663).

[4] См.: Определения Святейшего Синода от 17–21 марта 1898 г. № 1017, о воссоединении сирохалдеев-несториан с Православной Церковью // Церковные ведомости. СПб., 1898. № 13. С. 67–70.

[5] См.: Исповедание Веры, произнесённое в присутствии Святейшего Синода епископом Супурганским Ионою // Церковные ведомости. СПб., 1898. С. 70–75; *Восторгов И., протоиерей.* Православие в Персии (Необходимое разъяснение) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1901. № 51–52. С. 1880–1881.

[6] Подробное описание Чина присоединения несторианских депутатов и связанных с этим торжеств см.: *Синадский В., священник.* Новое Торжество Православия: присоединение несториан к Православию (Из писем русского

Так говорилось в журнале «Русский паломник» за 1906 г. (№ 40. С. 640) о цели миссии: «Назначение миссии — служить перевоспитанию сирийцев, коренного населения Урмии, на началах Православия и возможно полному объединению их с русскими братьями по вере».

Надо отметить особое внимание православных изданий к предпосылкам возникновения и осуществления Русской миссии в Персии, сочувственное отношение к миссионерскому подвигу русских православных людей, которые понимали необходимость миссионерской деятельности и благодаря прессе видели, какие трудности приходится героически преодолевать русским священникам в далёкой стране. Но, несмотря на многие неблагоприятные условия, среди которых приходилось работать миссии, она осознанно и с великим успехом выполняла свои главные задачи — *богослужебную, просветительскую и благотворительную*. Первым, кто поднял тему миссии в настоящее время, является зав. библиотекой СПбДА иеромонах Стефан (Садо); также представляет интерес диссертация настоятеля русского Никольского прихода в Тегеране игумена Александра (Заркешева), оказавшего содействие автору статьи[1].

Начало образования миссии относится к 1898 г., когда сирийцы-несториане Урмии и всей Урмийской области пожелали просить Русскую Церковь принять их в её лоно. Стеснённые местным мусульманством, они, с одной стороны, осознавали правоту Православной веры и то, что эта вера близка вере древних сирийских святых Исаака и Ефрема, с другой стороны, надеялись найти защиту у русских от мусульманских притеснений.

Российская Православная миссия в Урмии была учреждена определением Святейшего Синода от 26 марта 1898 г. (№ 1121). Целью самой молодой из зарубежных миссий Русской Церкви являлось оказание содействия епископу Мар-Ионану в деле утверждения Святого Православия как среди его паствы, так и миссионерская деятельность среди остальной части ассирийцев Урмийской области. Как уже упоминалось выше, в Урмии уже действовали богатые и просвещённые западные миссии, и ново-

---

миссионера) // Церковный вестник. 1898. № 13. С. 453–456; Присоединение к Православной Церкви из несторианского вероисповедания епископа Супурганского Ионы и других состоящих при нём клириков. СПб., 1898. С. 1–63.

[1] См.: *Стефан (Садо), иеромонах.* Российская Православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. СПб., 1996. № 13; а также *Александр (Заркешев), игумен.* Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). Курсовое сочинение выпускника 1990 г. СПбДА, 2001 (канд. дисс., машинопись).

обращённым несторианам было с чем и с кем сравнивать новых миссионеров. Определением Синода от 26 марта 1898 г. первым начальником Урмийской миссии был назначен недавний выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии иеромонах (с 1990 г. — архимандрит) Феофилакт (Клементьев). Помимо него в первый состав миссии вошли: протоиерей Виктор Синадский, два иеромонаха — Анатолий (Мостинский) и Тихон (Мурачейнко), монах Вячеслав (Маршалек), эриванский ассириец диакон Михаил Саргизов и псаломщик Василий Мамонтов[1].

Первые шаги жизни и деятельности народившейся Урмийской Православной миссии при первом её начальнике отце Феофилакте были очень трудны. Не было у миссии собственного дома, приходилось нанимать помещение у сирийцев, живущих в городе; православного храма тоже не было, пришлось приспособлять для православных служб позже освящённую несторианскую Март (Мат)-Мариамскую церковь, весьма тесную и неудобную. Миссионеры не были знакомы с местным сирийским (айсорским) языком, и потому в деле проповеди и в беседах с сирийцами являлась необходимость прибегать к помощи переводчика Михаила Саргизова. Что же касается совершения церковных служб на сирийском языке, то миссионеры прибегали к такому способу: со слов переводчика записывалась на сирийский язык русскими буквами та или другая служба, которая по этим записям и служилась. Так продолжалось, пока миссионеры не научились читать, писать и говорить по-сирийски[2]. Всё это, конечно,

Древнейший храм Март (Мат)-Мариам в Урмии

[1] См.: *Александр (Заркешев), игумен.* Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). Курсовое сочинение выпускника 1990 г. СПбДА, 2001 (канд. дисс., машинопись). С. 76–77.

[2] *Громцев В., священник.* Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. № 9. С. 186.

мешало правильной и спокойной жизни миссии, неблагоприятно отражалось на первоначальных её успехах.

Доброе отношение Ирана к северному соседу сохранилось при преемнике Насер ад-Дин-шаха — Музаффаре ад-Дин-шахе (1896–1907). Традиционная опора на собственные мировоззренческие ориентиры и национальные духовные ценности неизменно давала официальным русским представителям обнадёживающие и долговременные результаты, значительно укреплявшие уважение иранцев к России[1]. За начальный период своего существования в Урмии миссия совершила присоединение к Православию приблизительно 15 тыс. ассирийцев, включая духовенство[2].

Главной задачей миссии из трёх, отмеченных выше, — являлась богослужебная. Храм — лучшая школа христианина, особенно начинающего, и духовная потребность возрождающегося во Христе сирийского народа должна была удовлетворяться, прежде всего, в храмах. Здесь сирийцы могли на деле приобщиться к литургической, евхаристической, та́инственной жизни Православной Церкви, к правилам и нормам христианской жизни. Поэтому миссия обращала первостепенное внимание на создание храмов. Так, в 1900 г. от персидского шаха Музаффара ад-Дин-шаха в г. Урмия в дар был получен участок земли, где по проекту и под наблюдением монаха Вячеслава (чеха по национальности и инженера по образованию) были сооружены само здание миссии с прекрасной пятикупольной церковью Святителя Николая[3] рядом с древней несторианской церковью Март (Мат)-Мариам[4]. Хотя позже храм был разрушен, цокольный этаж его сохранился до настоящего време-

---

[1] *Базиленко И. В.* Россия и Иран: военно-политический и культурологический аспекты двухсторонних отношений в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПбГУ. Восточный факультет. СПб.: Студия НП-Прин, 2011. С. 63.

[2] В числе прочих к Православию присоединился несторианский епископ Мар-Савришо Авраам родом из пограничной с Турцией области (скончался в мае 1913 г. с титулом епископа Марсаргизского). Кроме того, к Русской миссии обращался сам Патриарх Мар-Шимун Рувел, и об этом о. Феофилакт доносил Синоду. См.: *Диаковский Д.* Заря Православия в глубине Азии (К положению Русской Духовной миссии в Урмии среди сирохалдейцев) // Странник. СПб., 1902. Т. I. С. 472–473.

[3] Храм был разрушен курдами после летнего наступления турецких войск в 1918 году.

[4] См.: *Диаковский Д.* Заря Православия в глубине Азии (К положению Русской Духовной миссии в Урмии среди сирохалдейцев) // Странник. СПб., 1902. Т. I. С. 477–479; *Мальцев А. П., протоиерей.* Православные церкви

ни. В этом помещении устроена крипта для захоронения духовенства. Впоследствии в ней был погребён протоиерей Виктор Синадский. На каменном надгробии выбита надпись: «Первый Православный миссионер в Урмии, настоятель Эриванского собора протоиерей Виктор Синадский»[1].

Возвращаясь к истории первой миссии, можно сказать, что, несмотря на многие достижения, деятельность первого состава миссии проходила не совсем удачно. Главным камнем преткновения, препятствовавшим успеху миссионеров, стали настроения и распри между самими членами русской миссии, особенно в период с осени 1900 по лето 1901 гг., когда между начальником миссии отцом Феофилактом и монахом Вячеславом, с одной стороны, и иеромонахами Тихоном и Анатолием — с другой, возникла сильная вражда и противостояние. Распри в миссии делались предметом огласки в Урмии, появились партии приверженцев той и другой стороны, каждая из которых посылала в Синод жалобы и обвинения друг на друга[2]. Всё это было на руку инославным миссионерам, в особенности американским, которые при случае распускали между сирохалдейцами и мусульманами весьма нелестные (как оказалось позже, достаточно обоснованные) отзывы о русских миссионерах, что, в свою очередь, породило большой соблазн среди новообращённых. Они ждали в порыве высокого религиозного одушевления от членов Российской Православной миссии живого и действенного примера всецелой самоотдачи, которая, по крайней мере, выражалась бы в явном покровительстве России своим единоверцам и в улучшении их положения в мусульманском государстве[3]. Надо заметить, что вражду среди сотрудников миссии и среди иранской паствы постоянно искусно поддерживал и подогревал британский консул в Урмии А. Парри.

и русские учреждения за границей (Справочник с календарём). СПб., 1906. С. 408–409.

[1] *Александр (Заркешев), игумен.* Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). Курсовое сочинение выпускника 1990 г. СПбДА, 2001 (канд. дисс., машинопись). С. 77.

[2] Епископ Мар-Ионан и архимандрит Феофилакт находились в хороших отношениях, и епископ всегда выступал в защиту начальника перед Синодом, тогда как иеромонахов и враждебную Мар-Ионану партию поддерживала Английская миссия.

[3] *Семёнов А.* Труды и надежды Православно-Русской миссии среди сирохалдейцев (Из дневника студента сирохалдея) // Церковный вестник. СПб., 1900. № 14. С. 428; Православная миссия в Урмии к 1912 году // Православный благовестник. М., 1912. Т. I. № 6. С. 250–251.

Кроме того, ещё осенью 1898 г. большие споры вызвала смерть протоиерея Виктора Синадского, причина которой не предавалась огласке, но, конечно же, не осталась полностью сокрытой. У о. Феофилакта, к тому же, через некоторое время по прибытии в Урмию возникли не совсем доброжелательные отношения с Тавризским консулом А. А. Петровым, по настоянию которого и по докладу протоиерея Иоанна Восторгова, посланного осенью 1901 г. Синодом в Урмию с ревизией[1], весь состав миссии был полностью изменён. Так, были отозваны оба иеромонаха (Тихон и Анатолий) «за неблаговидное поведение» с помещением их под строгий монастырский надзор в России[2]. Начальник миссии архимандрит Феофилакт и строитель — монах Вячеслав — были в целом оправданы в результате проведённой ревизии, но по настоянию министра иностранных дел в Урмию больше не возвращались[3].

Ещё одним существенным недочётом миссии явилась плохая организация высшего церковного управления в Урмии, когда во главе всех новообращённых в Православие был поставлен епископ Мар-Ионан, не имевший в Урмии безусловного авторитета[4], из-за чего, по-видимо-

---

[1] Восторгов был командирован в Урмию архиепископом Флавианом и очень профессионально провёл ревизию, опросив большое число людей (132 человека) и собрав все необходимые материалы, которые были представлены в Синод в декабре 1901 г. вместе с его собственными очень здравыми суждениями о нуждах Урмийской миссии. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 2394. За эту ревизию он был награждён Золотым Крестом из кабинета Его Императорского Величества.

[2] Оба иеромонаха явно не годились ни на миссионерское, ни на какое другое церковное служение (с иеромонаха Тихона вскоре был снят сан за многочисленные преступления, а иеромонах Анатолий впоследствии сам снял с себя сан и возвратился в мирское состояние).

[3] Отец Феофилакт ещё в августе 1901 г. был отозван в Петербург и ждал решения по результатам ревизии. Он так отзывался об иеромонахах в письме к Экзарху архиепископу Флавиану: «Ради Самого Господа, Владыко Святый, поскорее удалите его [о. Тихона] из Урмии. Иначе, в один день я с о. Вячеславом и послушниками просто убегу отсюда. Нет сил и терпенья!», и в другом месте: «Ведь это же — чистый позор и посрамление русского имени и Православия». По окончании ревизии и после оправдания от обвинений о. Феофилакт желал хотя бы временно с о. Вячеславом возвратиться в Урмию для исправления дел: «После того страшного нравственного погрома, какой произвели мои милые “сотрудники” — не подорвёт ли в конец, не погубит ли нашего дела неопытность моего преемника, которому, без сомнения, достанется очень и очень печальное наследство».

[4] Южная часть Урмийской области, имевшая прежде епископом Мар-Гавриила, не желала управления Мар-Ионана. Впоследствии Синод исправил этот недочёт, возведя во епископы архимандрита Илию, бывшего

му, не сразу вошли в единение с Православием многие желавшие этого. Таким образом, неудачный состав первой миссии значительно поколебал начатое дело, и следующему новому составу с большим трудом пришлось исправлять неблагоприятное впечатление после первых двух лет работы миссии[1].

Таким образом, мягко говоря, не совсем удачный миссионерский опыт первой Урмийской миссии стал своеобразным уроком для членов Российского Святейшего Синода и его обер-прокурора К. П. Победоносцева, на тот момент не до конца осознававших всей сложности и особой деликатности предстоящей деятельности новообразованной Русской миссии[2]. Учли этот урок члены следующей миссии. Так, один из её участников, а впоследствии и руководитель, архимандрит Сергий с болью в сердце сообщал собранию духовенства, имея в виду, в основном, сирийских священников: «Духовенство — самое слабое место в устроении церковной жизни. Наследованное миссией от епископальной миссии, в половине малообразованное, в другой — крайне пёстрое по подготовке (учившееся и у католиков, и у протестантов, и домашнего образования) в общем, являет мало удовлетворительный тип православного пастыря. Не пользуясь должным пастырским авторитетом, даже непривычное к нему, такое духовенство, можно сказать, тормозит утверждение Православия»[3].

Расцвет деятельности Урмийской миссии

Второй состав Урмийской миссии по многим критериям отличался от предыдущего в положительную сторону. Возглавил её опытный и энергичный архимандрит Кирилл (Смирнов), будущий митрополит и один из кандидатов на Патриаршество на Всероссийском церковном соборе 1917 года. Тщательно были подобраны и его сотрудники: по-

---

кандидатом во епископы ещё в несторианстве. См.: Первое общее собрание членов Урмийского Кирилло-Сергиевского Православного Братства // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1905. № 9. С. 386–387.

[1] См.: *Стефан (Садо), иеромонах.* Российская Православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. СПб., 1996. № 13. С. 82.

[2] Ещё до отъезда миссии в Персию российский посол в Тегеране писал в своё министерство, что «со стороны персидских властей не ожидается препятствий по отношению посылаемой Духовной миссии, а если таковые и появятся, то будут устранены, однако же успех воссоединения урмийских айсоров всецело будет зависеть от такта, благоразумия, доброго поведения и осторожности её членов» (Ф. 796. Оп. 165. Д. 1663. Лл. 786–786 об.).

[3] *Громцев В., священник.* Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. С. 192.

мощником начальника миссии стал иеромонах Сергий (Лавров), окончивший в 1902 г. вторым по списку Санкт-Петербургскую Духовную академию, членами миссии назначены священник Сергий Бадалов, диакон А. Тихонов, кандидат богословия И. Я. Иванов. Из старого состава были оставлены хорошо себя зарекомендовавшие диакон Михаил Саргизов и псаломщик Василий Мамонтов, в октябре 1902 г. рукоположенный во диаконы. Позже, в 1903 г. к ним присоединились иеромонах Ювеналий (Масловский) и три послушника Валаамского монастыря, из которых выделялся своим усердием Сергеев, в январе 1904 г. постриженный в монашество с именем Виталий и рукоположенный в иеродиаконы[1].

По прибытии в Урмию в конце августа 1902 г. архимандрит Кирилл приступил к активной деятельности: при нём упорядочилась богослужебно-литургическая жизнь[2], была создана переводческая комиссия по переводу православных книг на классический сирийский язык[3], открыта типография[4]. Православной миссией были налажены доброжелательные отношения с другими инославными миссиями. Также были налажены добрые отношения с Генеральным консулом в Тавризе[5].

Усилиями отца Кирилла в 1903 г. для содействия Русской миссии в Урмии было открыто Российское вице-консульство[6], а в Санкт-Петербурге под покровительством Императрицы Марии Фёдоровны

---

[1] Православная Духовная миссия в Урмии (по отчёту за время с сентября 1902 по август 1903 г.) // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 27. С. 1013.

[2] До того среди урмийского духовенства царил конфессиональный разброд, не существовало почти никакой дисциплины, подчинения епископу, правильного ведения приходских дел; некоторые священники бродяжничали по России, собирая в свою пользу милостыню и бросая свои приходы.

[3] Собрание духовенства 26 сентября 1902 г., созванное по распоряжению начальника миссии, постановило о переводе Православных богослужебных книг на древнесирийский язык вместо нового разговорного. Переводческая комиссия начала трудиться 3 октября 1902 года.

[4] См.: Собственноручный отчет Урмийской миссии с сентября 1902 г. по август 1903 г., составленный архимандритом Кириллом (РГИА. Ф. 796. Оп. 185. Д. 2922. Лл. 3–27) и письма его митрополиту Антонию (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 398); Православная Духовная миссия в Урмии (по отчёту за время с сентября 1902 г. по август 1903 г.) // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 27. С. 1014–1018.

[5] См.: Православная миссия в Урмии к 1912 году // Православный благовестник. М., 1912. Т. I. № 6. С. 251–257.

[6] К сожалению, впоследствии отношения миссии с урмийским вице-консульством не всегда были доброжелательными, а иногда выливались в конфликты (например, с вице-консулом Л. Михайловым в 1905–1906 гг.).

создано Кирилло-Сергиевское Урмийское Братство, в которое вошли товарищ обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер (он был его бессменным председателем вплоть до 1917 г.) и некоторые другие известные и влиятельные лица (например, императорский Российский вице-консул в Урмии Л. П. Михайлов, граф А. А. Голицын-Кутузов, граф А. Н. Зубов и др.)[1]. Целью Братства являлось содействие утверждению Православия в Урмии и, вообще, — обращение несториан в Православие и привлечение к миссии внимания русского общества. Усилиями Братства для Урмийской миссии покупалась утварь, книги, собирались финансовые средства[2]. «Главное же это то, что миссионеры вели безупречный образ жизни, который прежде всего в чужой стране бросается в глаза и друзей, и недоброжелателей и сопутствует проповеди миссионеров»[3].

В Урмии архимандрит Кирилл столкнулся с бюрократической проблемой — двойственностью подчинения Святейшему Синоду в Санкт-Петербурге и Грузино-Имеретинской синодальной конторе в Тифлисе. Однако начальник миссии с помощью Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) решил и этот вопрос. Русская Духовная миссия в Урмии была напрямую подчинена Святейшему Синоду. Это было важным нововведением, посредством которого миссия, безусловно, повышала свой статус и ускоряла принятие решений Синода, касающихся её деятельности. Деятельность архимандрита Кирилла в Урмии была недолгой, в 1904 г. он назначается епископом Гдовским, викарием Санкт-Петербургского митрополита. Впоследствии, уже в епископском сане, он привлекался к делам Урмийской миссии (ревизовал её в 1907 г. и участвовал в обсуждении положения её дел в Синоде).

Самым плодотворным и результативным был период третьего состава миссии, хотя из российских сотрудников постоянно в Урмии находился только её начальник — архимандрит (с декабря 1913 г. — епископ) Сергий (Лавров), бывший до этого помощником начальника

---

[1] См.: Открытие Кирилло-Сергиевского Урмийского Братства // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1904. № 5. С. 177–179; Устав Кирилло-Сергиевского Урмийского Братства. СПб., 1904. С. 1–15.

[2] Например, в 1905 г. Братством в Берлинской библиотеке и во Французской Национальной библиотеке в Париже были заказаны снимки с Православных сирийских (мелькитских) рукописей для их препровождения в Урмийскую миссию для переводческой комиссии.

[3] *Стефан (Садо), иеромонах.* Российская Православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. СПб., 1996. № 13. С. 84.

Последний состав Урмийской миссии.
В центре епископ Сергий, справа от него архимандрит Пимен, слева — иеромонах Димитрий, по краям о. иеродиакон и священник Мамонтов

миссии, проявивший себя в этом служении с самой лучшей стороны и пользовавшийся безусловным доверием.

Помимо отца Сергия, в третий состав миссии вошли: иеромонах Пимен (Белоликов), выпускник Киевской Духовной академии, направленный в 1904 г. на усиление миссии (1904–1911, 1912–1914, 1916–1917); иеромонах Корнилий (Соболев), долгое время заведовавший Урмийским городским училищем, а также получивший широкую известность благодаря переводам с древне-сирийского языка (1904–1907), учёные иеромонахи Сергий (Шемелин) — 1904–1905 гг., Алексий (Кузнецов) — 1908 г., Антоний (Марценко) — 1914–1915 годы. Неизменным тружеником миссии оставался диакон Василий Мамонтов, в 1908 г. рукоположенный во священники. Очень дельным и полезным в Урмии был также иеродиакон (с 1911 г. — иеромонах) Виталий (Сергеев) из присланных в 1903 г. в миссию Валаамских послушников, работавший в миссии до самого исхода в 1918 году. Помимо этого, на службе в миссии состояло много коренных ассирийцев, обращённых в Православие и усердно трудившихся для укрепления дела миссии на поприщах свя-

щенническом, учительском, переводческом, типографском. Особенно хорошо себя проявили: диакон Михаил Саргизов, иеромонах Григорий (Ушанов), священник Елисей Даниилов, диакон Авраам Иосифов, священник Моисей Геваргизов, священник Авдий Георгиев, Анна Бадалова (заведующая городской школой для девочек), священник Ионан Геваргизов, священник Александр Алхасов и другие[1].

Отец Сергий (Лавров) вскоре по прибытии в Урмию (в 1902 г.) освоился с ассирийским народным языком и книжным классическим настолько хорошо, что легко общался со своими пасомыми, участвовал в переводческой деятельности, а впоследствии был для урмийцев очень значимой и авторитетной фигурой[2]. При нём на территории Духовной миссии было завершено строительство её главного корпуса. По урмийским селениям было обустроено более сорока православных храмов. Все эти храмы были построены по православному плану — с престолом посреди алтаря, жертвенником и завесами на отверстиях алтарной стены. Это были светлые, опрятные, правда, с небогатым ещё убранством, храмы. Некоторые храмы строились сирийцами на их собственные средства, что свидетельствует о пробуждающейся заботливости населения о церковном благолепии.

Новосооружаемая в г. Урмия церковь во имя св. Иоанна Предтечи

Богослужения совершались миссионерами неукоснительно. Чтобы не оставлять сирийцев без слышания Слова Божия, миссионеры и местные священники сами ходили в си-

---

[1] См.: *Александр (Заркешев), игумен.* Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). Курсовое сочинение выпускника 1990 г. СПбДА, 2001 (канд. дисс., машинопись). С. 78–79.

[2] Министр иностранных дел граф Ламздорф, сообщая товарищу обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблеру о неимении со стороны МИД препятствий к назначению игумена Сергия начальником миссии, писал: «Позволяю себе выразить надежду, что игумен Сергий приложит все старания к тому, чтобы управлять вверенной ему Духовной миссией столь же успешно, как его предместник, и предупреждать повторение печальных и в высшей степени вредных с точки зрения обаяния русского имени явлений, происходивших в Урмии до прибытия туда архимандрита Кирилла». См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 2839. Л. 135 (отношение от 3 июня 1904 г.).

рийские села для совершения богослужений и проповеди в местных храмах. Туда, где были свои постоянные священники, миссионеры отправлялись в дни особенных национальных праздников для увеличения торжественности и придания им православного характера.

Миссия не забывала и о своей просветительской задаче. Практически во всех православных селениях было открыто, в целом, свыше 60-ти церковно-приходских школ с 2500 учащихся обоего пола[1]. В Урмии были учреждены семиклассное училище для мальчиков[2] и трёхклассное для девочек, готовившее педагогов для сельских женских школ и образованных христианских супруг и матерей[3]. Преподавание всех предметов в училищах и школах велось на сирийском языке, хотя учащиеся знакомились как с русским, так, в особенности, и со славянским богослужебным языком.

Как уже отмечалось, Российская Духовная миссия с первых месяцев своего существования столкнулась с проблемой языка и чина богослужения новообращённой паствы. Разговорный язык урмийских ассирийцев — новосирийский — довольно сильно отличался от языка сирийского классического, на котором совершалось богослужение в Ассирийской Церкви Востока (несторианской) на протяжении полутора тысячелетий её существования. Западные миссии, действовавшие в Урмии задолго до прихода Русской миссии, имели некоторый опыт в этом вопросе. Вначале Русская миссия отчасти использовала этот опыт. И лишь с 1902 г., по прибытии второго состава миссии, богослужебное дело было определено как первостепенное, и ему уделялось повышенное внимание. Было решено обучать православных ассирийских священников по чину и порядку, каким оно совершается в Русской Православной Церкви. Для этого в домовом храме миссии

---

[1] *Громцев В., священник.* Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. С. 192.

[2] В последние предвоенные годы оно являлось гордостью Русской миссии, и на его выпускников справедливо возлагались большие надежды в деле тесного приобщения народа к Православию. Семиклассное училище представляло собой учебное заведение по типу русских семинарий, лишь с некоторыми отличиями. Выпускники его, а выпусков до 1914 г. было по 40 и более человек, могли по направлению Синода поступать сразу в 5 и 6 классы российских семинарий. Из выпускников училища получались ревностные работники миссии, образованные священники и учителя. См.: *Пимен (Белоликов), архимандрит.* Печальная судьба христиан Персии (Наблюдения и воспоминания миссионера) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1915. № 38. С. 2089.

[3] См.: *Всесвятский П. Н.* Урмийская Православная миссия // Русский паломник. СПб., 1906. № 40. С. 641.

было заведено ежедневное богослужение, которое совершали священники, приглашаемые поочередно из различных урмийских приходов. Кроме того, было принято решение перевода богослужебных книг не на новый, разговорный, а на старый сирийский язык, освящённый молитвенной традицией многих веков. Основную роль здесь сыграла стойкая традиция ассирийцев почитания сирийского (арамейского) языка, как родного языка Господа нашего Иисуса Христа, языка Его земной проповеди.

И для Церкви, и для школы, и для обычного наставления в истинах Православной веры миссии были необходимы книги. Поэтому вставала ещё одна сложная задача — издательская. Она вставала настоятельно ещё и потому, что в этих вопросах наша миссия чувствовала тяжёлую зависимость от американской инославной миссии. Американцы ведь брали с русских священников двойную плату за предоставляемые им свои издания. И даже совсем могли прекратить продажу книг, когда видели, что нашей миссии они особенно нужны. Эти обстоятельства, с другой стороны, способствовали успехам собственной издательской деятельности в миссии.

Первым на ассирийский язык был переведён сборник ежедневных молитв, утренних и вечерних. В марте 1903 г. был завершён перевод на сирийский язык Чина литургии святого Иоанна Златоуста. Исправления и дополнения к Чину принадлежали выдающемуся русскому сириологу П. К. Коковцеву. В них отразилась глубокая специальная эрудиция учёного, знание сирийских богословских и богослужебных текстов, а также деликатность и бережность, проявленные учёным в столь редком для востоковеда практическом применении своих знаний в миссионерском деле.

Переводческая и издательская деятельность продолжалась до осени 1914 г., то есть до начала войны России с Турцией. Типография миссии печатала православную богослужебную и духовную литературу. Были переведены и изданы Чин Божественной литургии святого Иоанна Златоуста (отпечатан в 1907 г.) на 68 страницах плотной бумаги тиражом 400 экземпляров, последования служебника, требника, книги молебных пений; службы Октоиха, праздничной Минеи[1]. Для нужд городского училища и сельских школ изданы Катехизис, семинарские учебники (по догматике, нравственному богословию и др.), раз-

[1] См.: Годичное собрание Кирилло-Сергиевского Урмийского Братства // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1913. № 47. С. 2186; *Громцев В., священник.* Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. С. 193.

личные назидательные книги, полемика с инославными[1]. Регулярно на русском и ассирийском языках издавался журнал «Православная Урмия»[2]. Всё это не могло не сказаться на успешной работе русских миссионеров.

Следует отметить и благотворительную деятельность миссии. Несмотря на огромные расходы по удовлетворению духовных нужд православных сирийцев, миссия оказывала им, где было возможно, также и материальную поддержку.

Но ещё более благодатное значение имела помощь иного рода. Участь христиан-сирийцев, живущих под владычеством мусульман, была невыносимо тяжёлой. Чтобы облегчить эту тяжесть, миссия старалась поддерживать дружественные отношения с важнейшими лицами и учреждениями Урмии. Благодаря этому миссия являлась истинной помощницей и заступницей единоверного нам народа.

Всё это способствовало тому, что на Соборе православного духовенства, созванном в Урмии в 1908 г., присутствовало уже три епископа и более двадцати ассирийских священников. Всё более росло число желающих присоединиться к Православию, причём обращались не только уроженцы урмийской области[3], но и ассирийцы-несториане из Турции[4]

---

[1] Перевод со славянского на сирийский был сделан усилиями иеромонаха Сергия и переводческой комиссии и в 1903 г. представлен в Святейший Синод для суждения. После рецензий на него профессоров Духовной академии Ивана Троицкого и Санкт-Петербургского университета Павла Коковцова перевод был возвращён в Урмию с разрешением напечатания (после исправления неточностей). Помимо этого, отцом Сергием был составлен 15 000 русско-сирийский словарь; выполнен перевод на новосирийский язык нравственного богословия профессора М. А. Олесницкого; Евангелия от Матфея и Марка в противовес сильно искажённому изданию пресвитерианской миссии. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 5662; *Пимен (Белоликов), игумен.* Вести из православной Урмии (Персия) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1909. № 39. С. 1841.

[2] Об этом в деле: РГИА. Ф. 796. Оп. 190. Д. 261. 1 стол. 6 отд.

[3] Так, осенью 1912 г. в Православие приняты из несторианства жители нескольких селений ассирийцев-горцев области Тергявар на границе с Турцией (селения Мавана и Курана — 90 домов — 500 душ). К 1913–1914 гг. практически все тергяварцы подпали под влияние Русской миссии вместе со своими священниками. В ноябре 1913 г. к Православию присоединены ассирийцы-несториане, проживающие в нескольких селениях в области Сулбдуз, к югу от Урмии.

[4] Так, в 1909 г. с такой просьбой обратился к русскому вице-консулу один из несторианских епископов в Турции Мар-Саргиз, глава епархии Джилу, База и Рикана. Архимандрит Сергий, так же, как и российский вице-консул в Ване С. П. Олферьев, считали очень важным и желательным для России поддержать это прошение и начать проникновение в самый центр Кур-

и халдео-католики из г. Салмаса, для которых в 1911 г. было открыто особое Отделение миссии, которое возглавил новорукоположенный иеромонах Виталий (Сергеев)[1].

Касаясь обрядовой стороны, архимандрит Сергий с сожалением подчеркивал в своём отчёте то, что в сирийских храмах не введено ещё приношение просфор на проскомидию, нет пока продажи восковых свечей (у сирийцев-несториан икон не было, а свечи употреблялись лишь стеариновые и только для освещения помещения). Кроме того, новообращённые сирийцы не привыкли, например, к тарелочным и кружечным церковным сборам, к заказным молебнам и панихидам и т. д. Приходилось наблюдать такую картину: в день Крещения Господня в одном селении собралось на водоосвящение до 1000 православных сирийцев. Но ни один из них не пожертвовал на блюдо в пользу церкви ни одной копейки, никто не купил и не поставил пред иконой хотя бы копеечной восковой свечки. Или ещё в другом сирийском селении, на утрени в Вербное Воскресенье с вербами и зажжёнными свечами стояли только офицеры и нижние чины русского отряда, сирийцы же — с пустыми руками. Сколь медленно и слабо прививались к новообращённым сирийцам православно-религиозные обряды и обычаи, столь трудно искоренялись у них противоправославные обычаи и обряды, к которым привыкли они в несторианстве. Миссии приходилось много работать, чтобы отучать православных сирийцев от этих обычаев и обрядов. Таких как, например, причащение без исповеди, венчание браков до среды Крестопоклонной недели, служение в большие праздники Божественной литургии одним священником два или три раза в день, приношение животных, в частности баранов, в жертву, особенно в церквах священномучеников Сергия и Вакха, близ г. Урмии, где по преданию находятся святые мощи этих угодников[2].

дистана. Но по настоянию посла в Константинополе и Министерства иностранных дел Синод предоставил Мар-Саргизу обратиться с прошением о принятии Православия к Антиохийскому Патриарху, к области которого Ванский вилайет относится. На этом дело и закончилось. См. об этом в деле: РГИА. Ф. 796. Оп. 190. Д. 261. 1 стол. 6 отд.

[1] См.: *Сергий (Лавров), епископ.* Начало Православия в Салмасе (в Персии) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1914. № 10. С. 544–548, и дело: РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. См. также: Годичное собрание Кирилло-Сергиевского Урмийского Братства // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1913. № 47. С. 2188.

[2] См.: *Громцев В., священник.* Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. № 9. С. 190–192.

Но, благодаря самоотверженности и твёрдости отца Сергия, дело утверждения бывших несториан в Православии постепенно продвигалось и, в конце концов, стало на твёрдую почву. Миссия оказывала своё русское православно-христианское влияние не только на сирийцев-христиан, но и на мусульман. Сначала крестился один мулла и один курд, потом ещё два, потом шестеро и мулла, потом 12 мусульманских семейств. Очевидцы отмечали, что им редко доводилось видеть такую святую радость, какую испытывали эти бывшие мусульмане после совершения над ними Таинства крещения: с каким благоговением лобызали они в храме миссии святые иконы, с каким умилением подходили они, бывшие поклонники Магомета, за благословением к священнослужителям миссии.

В 1913–1914 гг., то есть перед самой войной, у миссии открылись замечательные перспективы — сам Патриарх Мар-Шимун Биньямин и несториане-горцы захотели войти в единство с Русской Церковью[1]. По их свидетельствам, это желание было осознанным, они убедились в правоте и истинности нашей Православной веры и лишь на Русского Царя возлагали свою надежду, что только он один может защитить их от курдского рабства и гнёта, а потому твёрдо решили породниться духовно с русскими и теперь терпеливо ждут единоверия с ними. Однако из-за того, что турецкое правительство всячески препятствовало подчинению несториан Русской Церкви, было предложено формально включить присоединившихся несториан в Антиохийский Патриархат с

[1] Так, в мае 1913 г. архимандрит Сергий получил от Патриарха прошение о соединении с Православной Церковью с изложением условий, на которых оно могло бы совершиться. Начальник миссии телеграммой в Синод (26 мая 1913 г.) сообщает о прошении Патриарха: «Мною получено подлинное заявление Патриарха Мар-Шимуна [на имя] Святейшего Синода [о] желании его со всей церковью принять Православную веру в Русской Церкви. Но он ставит условия присоединения: первое — оставить его Церкви старый богослужебный чин; второе — патриаршую власть над сирийцами; третье — сирийцы-несториане Персии и России подчиняются ему; четвёртое — Патриарх единолично сносится с Синодом как главою; пятое — миссия открывает школы где нужно; шестое — епископ и духовенство назначаются Патриархом, миссия помогает им материально; седьмое — расход на строение церквей и жалование учителям идут через Патриархию; восьмое — миссионеры посылаются теперь же; девятое — сирийцам дается возможность самозащиты выдачей оружия; десятое — обещание, что православные получат защиту от притеснений мусульман. Все условия требуют внимательного обсуждения. Моя поездка в Кудчанис [и] приезд со мною, если окажется возможным, Патриарха [в] Петербург были бы лучшим путём к устроению святого дела. Архимандрит Сергий». См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1407. Лл. 15–16.

предоставлением им широкой церковной автономии, хотя сам чин присоединения должны были провести русские миссионеры[1].

25 марта 1913 г. в день Благовещения Пресвятой Богородицы миссия праздновала 15-летие своего существования. В этот день в Свято-Никольской церкви были торжественно отслужены литургия и молебен преосвящённым Мар-Илией, епископом Супурганским и Урмийским. По окончании литургии в речи, обращённой к сирийскому народу, преосвящённый Мар-Илия вспоминал о достопамятном дне присоединения сирийцев к Православию в Петербурге, в 1898 г., отмечал значение этого события, призывал всех сирийцев объединиться под знаменем Русского Православия и быть благодарными Русскому Царю и русскому народу за заботы о сирийцах.

Ввиду важности Урмийской Духовной миссии в ноябре 1913 г. Государь Император Высочайше утвердил доклад Святейшего Синода о возведении начальника миссии архимандрита Сергия во епископа с титулом «Салмасский». Особой торжественностью отличалась встреча Владыки Сергия в новом сане в Урмии. Встречали Владыку в 20 верстах от города. Его встречали русские военные отряды, выстроенные шпалерами, гремела музыка. В отрядных церквах Владыку ждали отрядные священники, приветствуя его краткими речами, служили недолгие молебны, после которых Владыка сам говорил речи и благословлял чинов отряда. Радостно встречали Владыку сирийцы — улицы и плоские крыши домов были заполнены народом. Возведение в епископский сан начальника Урмийской миссии считалось событием особой важности в истории Русской Церкви и, особенно, Сирийской.

Таким образом, теперь миссия, имея во главе епископа, с увеличением своего состава и при наличности русских отрядов в Азербайджане, занимала, безусловно, первенствующее положение среди других миссий в Урмии.

Однако война и революция всё смешали...

Испытания

Успехи миссии были очевидны. Но понятно, что внешние силы не хотели допускать укоренения Православия на землях Персии и противодействовали этому всеми силами, например, организуя грабежи и разбои с помощью курдов. И вообще, период с 1904 по 1908 гг. для

[1] См.: РГИА, Ф. 797. Оп. 83. Д. 425. 2 отд. 3 стол. Лл. 35–36; РГИА. Ф. 797. Оп. 83. Д. 425. 2 отд. 3 стол. Л. 37. См.: также: Годичное собрание Кирилло-Сергиевского Урмийского Братства // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1913. № 47. С. 2188–2189.

миссии был очень трудным[1]. Особенно он был связан с тем ударом, который нанесла по авторитету России, покровительницы миссии, неудачная война с Японией и вызванные ею революционные события в России и, в частности, в Закавказье. Как известно, революция перекинулась и на Персию, более всего — на Тавриз и Азербайджан, где власть долгое время находилась в руках революционеров.

Особо тяжёлое испытание пережила миссия во время революционного брожения в персидском Азербайджане, когда курды начали творить грабеж и насилие по отношению к христианскому населению Урмии (1908–1910). По настоянию начальника Русской Духовной миссии и вице-консула в Урмию в 1909 г. прибыла сотня казаков из Тавризского сводного отряда, а в 1911 г. были введены регулярные части, после чего дело миссии успешно продвигалось дальше.

Не стоит забывать, что в Хосрове уже давно существовала католическая миссия, и поэтому русским священникам приходилось противостоять пропаганде католицизма и провокационным выходкам католических миссионеров. Это испытание для православной миссии заключалось время от времени в урегулировании противодействия, возникавшего со стороны инославных миссий (пресвитерианской и католической), выступавших с обвинениями в печати, интригами, недоброжелательством по отношению к русским миссионерам. Такое спланированное сопротивление сильно расшатывало влияние на паству православных миссионеров.

Кроме того, англиканская миссия стремилась всячески возродить и поддержать в Урмийской области несторианскую партию, которая с помощью шахского правительства попыталась даже отобрать у православных все бывшие несторианские храмы (в том числе и городскую Март (Мат)-Мариам), но энергичными усилиями архимандрита Кирилла и российского консула в Тавризе эти попытки были пресечены.

Было время, когда у начальника миссии не складывались отношения с урмийскими епископами Мар-Ионаном и Мар-Илией, особенно в 1905–1907 годах. Иногда эти отношения переходили в состояние открытого взаимного противостояния с жалобами в Синод друг на друга[2]. Русские миссионеры жаловались на беспринципность и стрем-

---

[1] В отчёте за 1907 г. архимандрит Сергий писал: «1907-й год в общем больше год разочарования, чем успеха и надежды» (РГИА, Ф. 796. Оп. 189. Д. 8246. Лл. 2–14).

[2] В период работы в Урмии Русской миссии церковно-административная ситуация не оставалась неизменной. До 1904 г. все православные селения в Урмии подчинялись епископу Мар-Ионану Супурганскому и Урмийскому.

ление к материальной выгоде со стороны урмийских епископов, из-за чего расстраивались многие планы миссии.

Миссия на защите христианства в трагические 1914–1918 годы

С началом Первой мировой войны, в которой Россия и Турция, как известно, были противниками, ассирийцы, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, выступили на стороне России. Были сформированы ассирийские добровольческие дружины, которые с оружием в руках воевали против турецких войск и курдов, вырезавших христианское население. Преследование со стороны курдов, безучастность со стороны персидского правительства заставили христиан Персии устремить свои взоры с надеждой на Россию. В это время перед миссионерами встаёт вопрос как о самом существовании миссии, так и о судьбе православных ассирийцев и ассирийцев-несториан, которые, будучи теснимы курдами, хлынули в Урмию из пограничных с Турцией районов.

Несмотря на сложное положение, миссия просуществовала с сентября по декабрь 1914 г., вплоть до отступления казачьих частей к северу — в сторону России[1]. Урмийская область оказалась без прикрытия войсками, а поскольку приказ об отступлении до самого последнего момента оставался тайным, то тысячи христиан в Урмии остались под угрозой

После посвящения в Санкт-Петербурге в январе 1904 г. Мар-Илии во епископа Тергяварского Синод определил, чтобы ему подчинялась южная, Барандузская часть Урмии, епископу Мар-Ионану — северная, Назлучайская часть, а епископу Мар-Аврааму — селение Марсаргиз. См.: Наречение и хиротония во епископа сирохалдейского архимандрита Илии // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 5. С. 174–177. После кончины Мар-Ионана в 1910 г. Мар-Илия управлял епархией Супурганской и Урмийской. К этому времени начальник миссии архимандрит Сергий уже не считал возможным всё управление отдать в неподведомственные миссии руки. С 1914 г., когда Сергий стал первым русским епископом в Урмии (титул «Салмасский»), он желал всё управление православной паствой взять в руки миссии.

[1] Так, на вопрос епископа Сергия, можно ли ассирийцам ввиду возникшей военной опасности отправлять семьи свои в Россию, а также — как быть Урмийской миссии в данном случае, наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков отвечал, что наличные силы в Урмии достаточны для защиты этого округа. Представитель Министерства иностранных дел также считал целесообразным оставаться христианам-урмийцам на месте: «что касается Духовной миссии, то ей надлежало бы оставаться в Урмии по примеру иностранных миссий, которые решили разделить тяготы войны со своей паствой до последней крайности». Обер-прокурор Саблер в телеграмме епископу Сергию также соглашался с нежелательностью выезда миссии из Урмии. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 84. Д. 149. 2 отд. 3 стол. Л. 49.

полного истребления со стороны фанатичных мусульман, которые объявили «священную войну» христианам. Беспорядочное бегство в сторону России свыше десяти тысяч урмийцев приняло хаотический характер. Часть ассирийского народа, не успевшая бежать и оставшаяся в Урмии и в селениях, была уничтожена курдами и турками, причём на некоторых убитых были явные следы мученичества: так, например, православный епископ Мар-Илия после истязаний был выкуплен у мусульман под огромный залог (12 000 рублей); епископ Мар-Дынха расстрелян турками вместе со многими другими христианами; позже в г. Урмия было убито до 50-ти молодых христиан; в селении Абдула-Канди священник о. Моисей был курдами изрезан кинжалами за отказ принять мусульманство; в селении Диза-Гакля православный священник о. Иоанн пригвождён ко кресту; другой священник, о. Зайя, сожжён в храме; несторианский епископ Мар-Гавриил сожжён заживо со своими 12-ю спутниками; также сожжены были 14 сирийцев селения Шейбани; православного священника селения Назлу о. Сархоша Георгиева обезобразили, отрезав ему уши, бороду и нос; всего из числа православного клира: 14 священников ушли в Россию, 3 убиты мусульманами и 10 умерло от болезней и нужд[1]. Множество христианских храмов было обращено в конюшни.

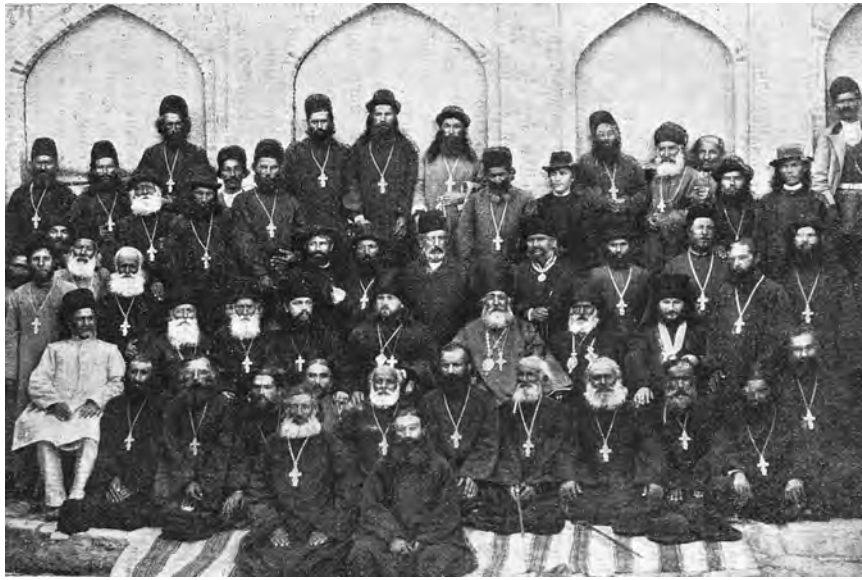
В декабре 1914 г. миссия была эвакуирована в Закавказье — в Тифлис и Эриванскую губернию. Вместе с миссией успели выехать дети городского училища-пансионата в количестве 60-ти человек с учителями и часть урмийских священников. Епископ Сергий очень много сил отдал организации помощи православным урмийцам-беженцам. Для этого в Закавказье — в Тифлисе и в Эриванской губернии — привлекались беженские комитеты, различные благотворители, а в Петроград в Синод посылались рапорты. По благословению церковной власти по храмам Империи объявлялся сбор на христиан Урмии. Кирилло-Сергиевское Урмийское Братство также старалось, чем могло, помочь беженцам[2].

После весеннего наступления Кавказского фронта в 1915 г. миссионеры вновь вернулись в Урмию, где нашли всё своё имущество разграбленным. Что же касается православной паствы, то ситуация была совер-

---

[1] Примеры этого приведены в статье: *Пимен (Белоликов), архимандрит.* Печальная судьба христиан Персии (Наблюдения и воспоминания миссионера) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1915. № 38. С. 2086; № 39. С. 2102–1204, 1206.

[2] См.: *Пимен (Белоликов), архимандрит.* Печальная судьба христиан Персии (Наблюдения и воспоминания миссионера) // Церковные Ведомости (прибавления). СПб., 1915. № 39. С. 2105–2106.



Сирохалдейские православные священники с архимандритом Феофилактом в центре

шенно трагической: многие погибли, другие рассеялись, и все вообще нищенствовали и голодали.

Таким образом, после возвращения из эвакуации Духовная миссия в Урмии уже не могла продолжать свою деятельность. Вся предыдущая миссионерская деятельность (образовательная, издательская, переводческая) была прекращена. Теперь первоочередной задачей миссии было духовное окормление оставшейся паствы и русских войск, оказание помощи многочисленным ассирийцам-горцам из Хаккяри, бежавшим вместе с Патриархом Мар-Шимуном от зверств, чинимых турками и курдами.

В эти поистине подвижнические времена начальником миссии был назначен уже потрудившийся в Урмии архимандрит Пимен (Белоликов), возведённый впоследствии в сан епископа. При нём в течение 1915–1916 гг. состоялось несколько встреч с Патриархом Мар-Шимуном, но это, конечно, были не богословские собеседования, а, прежде всего, обсуждение вопросов, чем Россия и миссия могут помочь голодающему и погибающему народу. К тому же епископ Пимен пробыл в Урмии недолго (с октября 1916 по сентябрь 1917 гг.). В условиях военного времени средств на содержание миссии катастрофически не хватало. В итоге миссионеры, сами терпящие лишения, не были в состо-

янии помочь всем нуждающимся[1]. В сентябре 1917 г. епископ Пимен, назначенный на епископскую кафедру в город Верный (современный Алматы; г. Верный в своём статусе просуществовал с 1867 по 1921 гг.), покидает Урмию. Миссию вплоть до 1918 г. фактически возглавляет священник Василий Мамонтов.

После Февральской революции, а особенно с лета 1917 г., русская армия на Кавказе, столь сильная и грозная для врага прежде, разложилась буквально за считанные месяцы. Как только большевики объявили свой сепаратный мир, армия хаотически стала отходить, из-за чего весь Кавказский фронт рухнул, столь значительные завоевания русских армий пропали, а турки захватили Закавказье, принеся горе тамошнему христианскому населению (армянам и грекам). Для Урмии это обернулось ещё большей катастрофой, чем в 1915 году. Летом 1918 г. натиск регулярных турецких сил уже не могли остановить немногочисленные ассирийские дружины, и всё христианское население Урмийской области было вынуждено выступить и двигаться на восток в сторону Хамадана под защиту английских войск. В этом страшном переходе погибла значительная часть ассирийцев-урмийцев и горцев[2].

Православная миссия — её уцелевшая часть — отступила вместе со всем народом. Из русских миссионеров оставались в ней иеромонах Виталий, священник Василий Мамонтов и диакон Фёдор Пиденко. Священник В. Мамонтов, не выдержав тягот перехода, скончался в Хамадане в августе 1918 года.

Из Хамадана англичане бóльшую часть ассирийцев перевезли в Ирак, где они поселились в Багдаде, Бакубе и в районе Мосула. Уже оттуда в 1920-е гг. часть урмийцев вернулась в свою область в Персии. Остатки православной урмийской паствы в 1920–1930 гг. имелись в Урмийской области, в Тавризе, в Тегеране, в Багдаде, в Мосуле и в других городах. Православными ассирийцами в Урмии управлял до смерти в декабре 1928 г. епископ Мар-Илия, в ведении которого было несколько священников. Подчинялся Мар-Илия епископ Урмийский Русско-

---

[1] Начальник миссии слал в Синод отчаянные телеграммы: «Урмийская миссия, служа России вблизи района войны, доселе остается без всяких средств. Положение критическое. Вынуждаюсь требовать немедленной помощи русскому делу в Персии (от 24 апреля 1917 г.)», «Выручите меня из Урмии. Положение невозможное. Рубля персы не берут. Миссионерская деятельность невозможна. Лучше псаломщиком в Россию, чем епископом в Урмию» (от 14 июля 1917 г.). РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Лл. 189, 183, 241.

[2] Ужасы этого 25-дневного перехода и события до 1922 г. изложены в докладе иеромонаха Виталия митрополиту Антонию. ГАРФ. Ф. 4363. Д. 261. Лл. 2–5.

му Заграничному Синоду в Сербии. Вскоре в Урмийской области совсем не осталось православных священников.

В Багдаде священником православного русского Свято-Андреевского прихода был в 1920-е гг. бывший сотрудник Урмийской миссии священник Моисей Геваргизов. В декабре 1931 г. он был посвящён во епископы в Белграде митрополитом Антонием (Храповицким) с титулом Урмийского и Салмасского и с именем Иоанн (Мар-Юханнан) и направлен в Багдад для окормления православных ассирийцев в Ираке. В начале 1950-х гг. он эмигрировал в Америку, где скончался на покое в 1962 году[1].

В Тегеране православным русским Свято-Никольским приходом в ведении Заграничного Синода в период с октября 1918 и по 1946 гг. управлял архимандрит Виталий (Сергеев), последний, кто заведовал Урмийской миссией[2].

Исходом православной паствы из Урмии в Хамадан в июле 1918 г. заканчивается собственная история Российской Урмийской Духовной миссии.

В настоящей статье представлена лишь краткая канва событий, связанных с историей миссии. Внешне не яркая, не сопровождающаяся громкими успехами, Урмийская миссия заслуживает внимательного изучения и осмысления, как и любое событие в истории христианской Церкви, в котором явлен был Божий промысл. За время своего трудного существования, за время своего духовного сеяния Урмийская миссия подготовила условия для прорастания этого своего посева. Если бы не трагические времена, из урмийцев смогло бы получиться достойное поколение православных священников и благодатная паства. О таком поколении в те времена мечтали выдающиеся русские учёные, такие как В. В. Болотов и П. К. Коковцев. Но, может быть, богатейший опыт этого миссионерства не пропал даром? Возможно, грядут времена, когда понадобятся свидетельства героического служения наших соотечественников, востребуется их опыт.

---

[1] Согласно «Журналу Московской Патриархии», 1950. № 10. С. 33, епископ Мар-Иоанн в 1945 г. в Багдаде подавал прошение Патриарху Алексию (Симанскому) о воссоединении с Московской Патриархией.

[2] Указом Заграничного Синода от 31 октября 1922 г. иеромонах Виталий возведён в сан архимандрита и утверждён в должности Начальника Урмийской Духовной миссии. Пребывая в Тегеране, он поддерживал письменные связи со многими священниками и учителями рассеянной православной урмийской паствы. До 1927 г. он подписывался, как «начальник Урмийской Православной Духовной миссии», с 1928 г. — «настоятель Свято-Никольской церкви г. Тегерана». ГАРФ. Ф. 4363. Д. 261. Л. 84.

Выступление архиепископа Константина на Тегеранской конференции, 2004 г.

* * *

Урмийская миссия — неотъемлемая часть истории Русской Церкви конца XIX — начала XX вв., так же как и особенный и единственный эпизод в истории всей Православной Церкви, а потому опыт её работы и труды миссионеров не должны быть преданы забвению.

Дело посланничества Христова продолжается в Его учениках до сего дня. В то же время истинное восприятие Христа возможно только в Церкви, в Духе Святом. Православная миссия стремится к проекции в земную реалию вечных отношений Лиц Святой Троицы. По слову апостола Иоанна Богослова, «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» (1 Иоан. 4:16), поэтому миссия Церкви — это в первую очередь миссия Божественной Любви. Познавший Бога обретает Любовь Его в себе и жаждет открыть её тем, кто нуждается в ней. Потребность миссионера делиться этой обретённой радостью выражена апостолом Павлом: «...Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая [обязанность] моя, и горе мне, если не благовествую! (1 Кор. 9:16)».

Архиепископ Константин и профессор И. В. Базиленко на Тегеранской конференции, 2004 г.

Сегодня, когда мы сталкиваемся с феноменом множественности проповедуемых евангелий, с многоразличными человеческими интерпретациями истинного Евангелия Христова, когда Православной Церкви навязывается идея возможности сотрудничества с так называемыми «христианскими сообществами», от неё отделившимися, эти слова имеют важнейшее значение. И первостепенное значение имеет собственно миссионерская деятельность, в примерах, сохраняющихся в вековых, богатейших традициях Русской Православной Церкви, которые сегодня необходимо вспоминать, изучать и претворять в жизнь. И да будут в помощь современным православным миссионерам на их труднейшем пути слова молитвы о миссионерах преподобного Макария (Глухарева), сказанные в конце XIX в.: «Господи, дай рабам Твоим со всею смелостию говорить Слово Твое; простирай руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес Именем Святого Сына Твоего Иисуса»[1].

[1] *Макарий (Глухарев), архимандрит*. Мысли о способах к успешнейшему распространению Христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской Державе. СПб.: Типография Снегирёвой, 1894. С. 63.

P. S. Автор этой статьи принял участие в Тегеранской конференции по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. При личной встрече Святейший разрешил мне снять со скуфьи крестик на время моего пребывания в Иране, чтобы не провоцировать мусульман на конфликт. Однако в том не оказалось необходимости, поскольку в этой исламской республике докладчик встретился с исключительно доброжелательным отношением к себе на всех уровнях и даже на улице. Раздражающе моя церковная форма архиерея действовала только на западных участников конференции, которые не считали нужным скрывать своё негативное отношение к православному докладчику из Русской Православной Церкви.

«АПОКАЛИПСИСЫ РЕВОЛЮЦИЙ»

Санкт-Петербургские религиозно-философские собрания: 1901–1903 гг.: причины, ход и неудача диалога Русской Православной Церкви и русской интеллигенции с современной точки зрения

Одной из задач Церкви является духовно-просветительская. Это даже не задача — это миссия, не только внешнее, но важнее, внутрироссийское содержание которой стало осознаваться особенно в начале революционного XX века. Хотя уже в 50-е годы XIX в. Церковью была осознана необходимость гласного обсуждения наболевших вопросов. Настоящей, народной проповеднической деятельностью можно назвать проповедничество св. Иоанна Кронштадтского, которое он начал в противодействие сектантским чтениям и молитвенным собраниям. Появилась насущная необходимость в проведении бесед пастырей вне богослужений. «Общество просвещения народа в духе Православной Церкви» проводило свои чтения не только в храмах, но и в других помещениях — в Думе, в Соляном городке, в народных училищах, работали воскресные школы. Отдалённым слоем оказалась интеллигенция, не охваченная храмовыми стенами. Она удовлетворяла свои духовные искания в западной литературе и философии, являвшимися в большинстве не только не православными, а зачастую — даже не христианскими. Постепенно у интеллигенции накопилось столько вопросов и «замечаний» к Православной Церкви, что в начале XX в., когда Россия оказалась втянутой в водоворот военных и политических событий, когда будущее виделось в эсхатологических красках, интеллигенция сама обратилась к Церкви за помощью.

Уникальным общественным явлением в начале XX в. стали Религиозно-философские собрания (Р-ф. с.), 1901–1903 годы. Со времени их организации минуло более ста лет, но они оставили заметный след в истории русской культуры, гуманитарной и политической мысли, дали опыт в общении Церкви и интеллигенции и тем интересны спу-

стя век. За это время мир неузнаваемо изменился. Цивилизация, несомненно, многого достигла, многим обогатилось человеческое общество с научно-технической точки зрения, но не в гуманитарной сфере: можно заметить, что смыслы культуры обеднели, уровни ответственности и творческие способности понизились. По крайней мере, трудно назвать среди современных русских философов и писателей имена, сравнимые с именами Соловьёва, Булгакова, Бердяева или таких участников Р-ф. с., как Мережковский, Розанов, Тернавцев. С другой стороны, сегодня нет богословов, равных, например, епископу Сергию Ямбургскому, будущему Патриарху — постоянному председателю этих собраний, историку Бриллиантову, которые участвовали в этих встречах...

Тем не менее, несмотря на высокую художественную ценность культуры Серебряного века, мы имеем перед её носителями одно значительное преимущество: осознание апокалиптического опыта этого века. Как сказал Максимилиан Волошин:

Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций[1].

Солженицын писал: «Если бы чеховским интеллигентам, всё гадавшим, что будет через двадцать-сорок лет, ответили, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать голову человека железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами... а самое лёгкое — избивать в кровавое мясо, ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом»[2]. Однако, за некоторыми исключениями, русский народ в сумасшедший дом не пошёл, а выжил, и, кажется, вынес некие уроки из происшедшего. Особенно интеллигенция. Ей, запальчиво тиражировавшей в начале века фразу из Ф. М. Достоевского — «кровь освежает», стали понятнее слова Анны Ахматовой: «мы узнали навсегда, что кровью пахнет только кровь».

Исходя из кровавого и страшного опыта XX в., вместившего в себя и Русскую трагедию, и торжество Русской святости, мы можем по-особому взглянуть на Серебряный век и его религиозно-философскую проблематику, в том числе и на Религиозно-философские собрания 1901–1903 годов. Сейчас мы имеем возможность дать этому времени объективную

---

[1] Потомкам. См.: *Волошин М.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Петербургский писатель, 1995. С. 281.

[2] *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. Гл. 3. Следствие // Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 5. С. 75.

оценку *sine ira et cura*[1], отобрать то, действительно ценное, что может быть пригодным в XXI веке. Причём, видя полезный опыт Религиозно-философских собраний, нельзя пройти и мимо возникавших проблем, которые следует не только выявить, но и проанализировать. То, что в Собраниях было подлинно ценным, уникальным — это опыт встречи, попытка искреннего и честного диалога между Церковью и интеллигенцией, которому, конечно, многое мешало.

Валентин Александрович Тернавцев

Интеллигенция, как наиболее чуткая часть общества, чувствовала, что на переломе веков изменялось «самое чувство жизни» (Г. Флоровский), переживала вместе со страной неоднозначные духовные процессы, результатом которых становилось отчуждение народа от Церкви, в среде городской бедноты умножалось количество сект, агрессивных антирелигиозных настроений. Часть интеллигенции, разделявшей с народом политическую активность, поддерживала эти настроения. Другая часть, которая открыла для себя прежде не известный ей мир русской святости, нуждалась в объяснении своих личных духовных поисков. Духовная инфантильность, легкомысленность её «богоискательства» были следствием более серьёзных, вековых процессов и ошибок предшествующих поколений, приведших к религиозно-психологическому разделению русского общества.

В начале XX в. происходил «перевал сознания» (протоиерей Г. Флоровский), понимание необходимости восстановления единого «духовного дома». В предреволюционную эпоху это было связано с апокалиптическими предчувствиями, с предвидением скорого конца мира и истории. Кроме того, к этому времени между Церковью и интеллигенцией накопилось достаточно взаимных обид, недоразумений и подозрений. Начиная с XVIII в., народ и дворянство стали говорить на разных языках. Пётр I разрушил *симфонию* отношений церковной и граждан-

[1] Без гнева и пристрастия (лат.).

ской властей, проводя церковную реформу по протестантскому образцу. За два столетия, прошедших после Петровских реформ, интеллигенция в значительной степени оторвалась от народа, от его духовных корней и расцерковилась. Показательно высказывание Чехова: «Я давно растерял свою веру и с недоумением смотрю на верующего интеллигента»[1]. Те сравнительно немногие интеллигенты, которые приходили к церковности, обрекались на непонимание и изоляцию, своего рода духовный остракизм, и даже великие деятели русской культуры, вроде Лескова и Достоевского, не были исключением[2].

Не удивительно, что многие выдающиеся представители Церкви рассматривали интеллигенцию как сословие атеистическое по преимуществу и уже не принадлежащее России[3]. Вот слова святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Отчего гордые интеллигенты стремятся в опекуны и правители народа, не понимая этого народа и его действительных нужд и не любя его? Оттого, что у всех них оскудела вера в Бога, в Его праведные вечные глаголы; оттого, что она отпала от Церкви Божией, единой руководительницы к святой христианской жизни»[4]. Святой Иоанн пророчески предупреждал: «Россия, если ты отпадёшь от своей веры, как уже отошли от неё многие интеллигенты, не будет тебе счастья. Накажет тебя Господь, отнимет Православного Царя и пошлёт самозваных правителей, которые зальют страну кровью». Опыт нигилизма и отречения шестидесятых годов XIX в. был весьма тяжёл и не располагал к открытости со стороны Церкви.

Со своей стороны, интеллигенция обвиняла Церковь (далеко не всегда справедливо) в конформизме, в равнодушии к земным проблемам и

---

[1] *Ельчанинов А., протоиерей.* Дневник. Париж, 1934. С. 53.

[2] Показательны слова Александра Блока о Достоевском семидесятых годов (время его дружбы с Победоносцевым: «Бекетов (дед поэта, ректор Санкт-Петербургского университета), встречаясь с Достоевским, по мягкости характера не может его ненавидеть» (примечания к поэме «Возмездие»). Ещё более показательны слова А. П. Чехова о С. А. Рачинском — замечательном математике, философе, педагоге, деятеле российского просвещения: «Да, он замечательный педагог, но я своих детей бы ему не отдал: слишком религиозен».

[3] К сожалению, эта участь не миновала и носителей «нового религиозного сознания». Весьма характерны по-своему жуткие и, безусловно, несправедливые слова Мережковского о Гоголе: «Как в исполинском зеркале отразилась в нём вся Россия, но вместо человеческих лиц уставились на нас какие-то дряхлые страшилища, и ужаснула мёртвая душа России — душа народа-младенца в разлагающемся трупе Византии». *Мережковский Д. С.* Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 53.

[4] *Иоанн Кронштадтский.* Творения. М., 1992. С. 304.

страданиям народа, излишнем аскетизме, в борьбе не только со свободомыслием, но и с самой мыслью. И всё же встреча состоялась. И это было знамением времени, свидетельством обращения интеллигенции от грубого позитивистского материализма к религиозным интересам. Более того, инициатива собраний исходила именно от интеллигенции, от группы писателей и философов во главе с Дмитрием Сергеевичем Мережковским (1865–1940), и духовная власть в лице митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) лишь откликнулась на неё. Вернее, после консультаций инициаторов Собраний с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и аудиенции у митрополита Антония, было дано разрешение на диалог Церкви и интеллигенции столицы в виде регулярных собраний под председательством ректора Петербургской Духовной академии епископа Сергия (Страгородского), будущего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

Конечно, мотивации участников диалога значительно различались. Вот как обосновывает поэтесса Зинаида Гиппиус (1869–1945) со своей стороны этот шаг: «Мысль Религиозно-философских собраний зародилась в наших литературно-эстетических кружках. Они тогда стали раскалываться. Чистая эстетика уже не удовлетворяла. Давно велись новые споры и беседы. И захотелось эти домашние споры расширить — стены раздвинуть. В сущности, для петербургской интеллигенции и вопрос-то религиозный вставал впервые, был непривычен, а в связи с церковным — тем более. Мир духовенства был для нас новый, неведомый мир»[1]. То есть от скуки, от исчерпанности надоевших интеллигентских споров, а не в поисках Бога. Представители Церкви пошли на этот диалог по миссионерским соображениям. Какая-то лукавая двусмысленность в этом первом шаге присутствовала

Епископ Сергий (Страгородский)

[1] *Гиппиус З. Н.* Задумчивый странник // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 150.

изначально, и Гиппиус с издёвкой комментирует: «Главный наш козырь был “сближение интеллигенции с Церковью”. Тут очень помогло нам тщеславие пронырливого, неглупого, но грубого мужичонки Скворцова, чиновника при Победоносцеве. Миссионер, известный своей жестокостью, он, в сущности, был добродушен, и в тщеславии своём, желании попасть “в хорошее общество”, — прекомичен. Понравилась ему мысль “сближения Церкви с интеллигенцией” чрезвычайно»[1]. В общем, это начиналось как провокация пресытившейся, уверенной в своей интеллектуальной исключительности интеллигенции, однако чувствовавшей наличие иного, духовного мира.

Первую встречу «этих миров» так описывает один из основателей Религиозно-философских собраний, художник, историк искусства А. Н. Бенуа (1870–1960), в своих «Воспоминаниях»: «Именно с целью войти в контакт с духовными пастырями и в надежде, что это сближение поможет нам во многом (и в самом главном) разобраться, были предприняты шаги, среди которых одним из самых важных, казалось нам, было личное знакомство с Петербургским митрополитом Антонием. Участвовали в этой поездке супруги Мережковские, Тернавцев, Минский, Розанов, Философов, Бакст и я. Д. С. Мережковский и Минский изложили Его Высокопреосвященству наши вожделения и надежды, и главную среди них надежду на то, что духовные пастыри не откажутся принять участие в наших собеседованиях. Запомнилось, как, между прочим, до поездки обсуждался вопрос, подходить или не подходить под благословение — и как это производить, лобзать или не лобзать руку иерея... Отмечу ещё, что в нашей группе двое были евреи (Минский и Бакст), один “определённо жидовствующий” — В. В. Розанов, один католик — я. В общем, всё шло как нельзя лучше»[2].

Обе стороны были искренни в своём желании выслушать, понять и, если возможно, объединиться. Особенно ярко это стремление выражалось со стороны церковной, прежде всего — постоянного председателя этих собраний Сергия (Страгородского), епископа Ямбургского, ректора Санкт-Петербургской Духовной академии (1867–1944). Его личность и духовный авторитет во многом повлияли на характер собраний. По словам Мережковского, «дух пастыря почил на пастве и определил счастливый и совершенно неожиданный успех собраний... Епископ духом сво-

---

[1] *Гиппиус З. Н.* Задумчивый странник // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 150.

[2] *Бенуа А. Н.* Религиозно-философское общество. Кружок Мережковских. В. В. Розанов // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 132–133.

им показал, как надо вести себя: своего не искать, а чужое беречь... Тщеславие и самолюбие умерли, а забила живая струя духовных интересов»[1].

Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус

Мережковский, не склонный идеализировать церковный мир, тем не менее, нашёл для деятелей Церкви, участвовавших в собраниях, такие тёплые слова: «Они шли навстречу миру с открытым сердцем, с глубокой простотой и смирением, со святым желанием понять и помочь, "взыскать погибшее". Они сделали всё, что могли»[2]. Столь же искренни в своих стремлениях первоначально были и представители интеллигенции. Мережковский так передаёт атмосферу этих собраний: «Как будто стены зала раздвигались, открывая бесконечные дали, и это маленькое собрание становилось преддверием вселенского собора. Произносились речи, подобные молитвам и пророчествам. Рождалась та огненная атмосфера, в которой казалось всё возможным: вот-вот совершится чудо, разделяющие людей перегородки растают, и произойдёт соединение, дети найдут свою мать»[3]. К сожалению, этого не произошло. Двадцать два собрания (с ноября 1901 по март 1903 гг.) были весьма многообразны и насыщены по своей программе: Мережковский прочёл весьма актуальный доклад об отлучении Л. Толстого, а также — о Гоголе, Толстом и Достоевском, князь С. М. Волконский — о свободе совести, Розанов — «о святой плоти» (его доклад послужил основой для пяти заседаний, посвящённых браку), целый ряд собраний занимался вопросом о «догматическом развитии»[4]. Однако, при целом ряде достижений, эти встречи всё же не

---

[1] *Мережковский Д. С.* Революция и религия. М., 1907. С. 25.

[2] Цит. по: *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 470.

[3] *Мережковский Д. С.* Революция и религия. М., 1907. С. 26.

[4] Собственно говоря, обсуждалась не сама проблема развития догматических формулировок, а возможность принципиально нового откровения, так называемого «Третьего Завета». См.: *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 470–471.

Василий Васильевич Розанов

привели к серьёзным практическим результатам и к действительному обращению интеллигенции к Церкви.

Религиозно ищущая интеллигенция ждала обновления в первую очередь от Церкви, а наиболее радикальные её представители — явного революционного действия, нового откровения, даже — Третьего Завета. Следует отметить, что политическое фрондирование и революционные выступления на этих собраниях — не случайность, не дань общественному умонастроению, не «милая либеральная болтовня», по выражению Ф. М. Достоевского, а нечто гораздо более глубокое и страшное. Мережковский и представители «Нового религиозного сознания» подводили под революцию религиозную почву довольно сомнительного характера. Несколько позднее в своём труде «Не мир, но меч» Мережковский ясно и откровенно выразит то, о чём, почти не стесняясь, говорили участники собраний: «Русская революция, низвергающая русское самовластие, имеет смысл религиозный»[1]. «Если Христос реально и воплощённо есть Царь на земле, не может быть иного Царя, иного Первосвященника, кроме Христа, сущего до скончания века»[2]. Государство огулом и чохом объявляется началом безбожным и антихристианским: «Подмена лика Христова человеческим ликом или личиной есть абсолютная ложь, абсолютное антихристианство. Кто может стать на место Христа? Только антихрист...»[3].

Итак, перед нами, казалось бы, типично сектантское требование сугубо духовной Церкви и немедленного Небесного Царствия на земле, без долгих размышлений о том, насколько к этому готово человечество. У одних это проявлялось в понятиях Реформации и Возрождения с его гуманизмом. В гуманизме — самоутверждённом, самодостаточном —

---

[1] *Мережковский Д. С.* Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 34.

[2] Там же. С. 45.

[3] Там же.

место Богу «на окраине». Стволом этой идеологии является Реформация, бесцерковное христианство, нижней частью ствола — иудаизм, корнем — атеизм. Подземный корень такого атеистического гуманизма раскрылся пышной кроной в так называемых принципах революции: «Свобода, равенство, братство» с последующими многомиллионными жертвами и бесправием. Но это только один аспект проблемы. На самом деле, положение вещей ещё хуже: не только протестантство служит источником подобного духовного анархизма, но и тёмное полуязыческое, оккультистское русское сектантство-хлыстовство, духоборство и скопчество; не случайны следующие кощунственные строки Мережковского: «В хлыстовстве и скопчестве проявляется такая сила религиозного алкания, “взыскания”, какой мир не видел с первых веков христианства... Отрицание “града настоящего”, то есть государственности, как начала антирелигиозного, утверждение “града грядущего”, *то есть безгосударственной религиозной общественности*[1] и есть движущая сила всего великого русского раскола-сектантства — религиозной революции, которая рано или поздно должна соединиться с ныне совершающейся в России революцией социально-политической»[2].

---

[1] В феврале 1917 г. исполнилась мечта Мережковского — рухнула русская государственность, на время воцарилась безгосударственная религиозная общественность, но её семимесячное господство развалило страну столь стремительно, что даже коммунистическое государство (подлинно атеистическое) казалось для многих благом по сравнению с этой революционной анархией. История сыграла злую шутку с хулителями Русского Православного Царства, предъявив им для сравнения подлинно безбожную и антихристианскую государственность, в появлении которой они вольно или невольно участвовали. Мережковский и Гиппиус, в отличие от Блока, не приняли Великий Октябрь, но это мало что изменило. Показательны слова Гиппиус о двух революциях — Февральской и Октябрьской: «Как вспыхнувшая зарница — радость революции. И сейчас же тьма, грохот, кровь и — последнее молчание. Тогда время остановилось и мы стали “мёртвыми костями, на которые идёт снег”. Наступил восемнадцатый год» // *Гиппиус З. Н.* Задумчивый странник // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 179.

[2] Там же. С. 39. Последние слова достойны внимания: они объясняют ту огромную заинтересованность, с которой некоторые большевики (в том числе — А. В. Луначарский и в особенности В. Д. Бонч-Бруевич) изучали и защищали сектантов. В них кроется также объяснение того покровительства, которое большевики оказывали сектантам после своей победы: в то время как Православная Церковь, начиная с Гражданской войны, подвергалась свирепым преследованиям, напротив, сектантов (духоборов, толстовцев, чуриковцев и т. д.) власти не только не трогали, но временами и оказывали помощь в организации «религиозных коммун». Очевидно, речь шла не только об использовании сектантов в борьбе против Церкви, но и о духовной близости их к большевизму.

Те, кто в наше время пострадал от тоталитарных сект (а именно таковыми по своему характеру являлись скопцы и духоборы) или просто соприкоснулся с ними, может по достоинству оценить и так называемую духовную прозорливость, и трезвомыслие, и любовь к свободе, и социальную полезность этого почтенного философа. Естественно, что никакие здравомыслящие духовные и светские власти с такими безумными и взрывоопасными высказываниями примириться не могли и предпочли в духе той эпохи подобные собрания запретить от греха подальше.

Частичный неуспех Религиозно-философских собраний связан не только и не столько с разномыслием, но в большей степени с разночувствием их участников. Не следует забывать, что со стороны интеллигенции тон задавали так называемые «декаденты», о которых Мережковский писал следующее: «Русское декадентство было явлением глубоко жизненным... Русские декаденты первые в русском образованном обществе, вне всякого церковного предания самозародившиеся мистики»[1]. На чём же основывалась декадентская мистика? На учении Владимира Соловьёва о Софии, в котором было «много мутного и тёмного», как гностического, так и языческого. Декаданс — эпоха, когда многих соблазняла мысль о синтезе христианства и язычества, причём дело гораздо больше идёт именно о язычестве, чем о христианстве[2].

Особенно характерно учение Соловьёва и Мережковского о «Третьем Завете», где Дух Святой должен замениться Пресвятой Богородицей, или «Вечной Женственностью»: «Третье место Троицы остаётся пустым, и его не может наполнить трепетание крыл голубиных, ибо голубь — не явление, а только символ Духа. Не отвлечённо-созерцательная, а воплощённо-действенная Троица — Отец, Сын и Матерь Божия. В православном почитании Богородицы — уклон всего христианства от религии Сына к религии Матери... Первоначальное явление Веч-

---

[1] *Зеньковский Василий, протоиерей.* История Русской философии. Л., 1991. Кн. 2. Ч. 2. С. 56. Показателен акцент на приходе из «ниоткуда», вне всякой генетической, родовой линии. Выражение «самозародившиеся», с одной стороны, напоминает гомункула из «Фауста» (что заставляет усомниться в жизненности явления), с другой — невольно ассоциируется со словом «самозваный». Впрочем, в этом изречении Мережковского есть изрядная доля лукавства и неблагодарности к своим подлинным историческим корням: он забывает упомянуть о масонстве (о котором он в других местах отзывается с большой похвалой), о гностицизме, язычестве...

[2] Там же. То, что многие деятели Серебряного века в душе своей были язычниками, показывают слова В. В. Розанова, сказанные Бердяеву: «Я молюсь богу, да не вашему. Я молюсь Осирису». См.: *Zernov N.* Russian Religious Renaissance. London, 1969. P. 262.

ной Женственности — Матерь Божия в христианстве, последнее явление в Апокалипсисе — Жена, облечённая в Солнце — откровение Духа Святаго, Плоти Святой, Церкви как Царства, Богочеловечества в Богочеловеке»[1]. Подобные высказывания с православной точки зрения являются кощунственными, ибо вместо веры в Триединого Бога предлагают троебожие и поклонение твари, пусть даже самой святой и возвышенной — Пресвятой Богородице, Которая, по словам великого католического богослова Бернарда Клервосского, не нуждается в ложной славе.

Владимир Сергеевич Соловьёв

Мережковский возрождает худшее язычество, вводя категории пола в Божество и делая из Троицы триаду из Отца, Сына и Матери. Подобной языческой догматике соответствовала и языческая мистика: следует напомнить, что В. С. Соловьёв занимался спиритизмом, а его стихотворение «Три свидания», рассказ о встрече с Вечной Женственностью — великолепный пример любовной лирики. Это неслучайно, ибо на основе подобных «богословских построений» могла вырасти только мистика духовного блуда.

Последствия подобного синтеза и мистического опыта печальны и очевидны: достаточно вспомнить творчество Блока, в котором София становится Прекрасной Дамой, причудливо перерождаясь в блудницу Незнакомку и, наконец — в уличную девку Катьку из революционной поэмы «Двенадцать». Как замечательно сказал о. Георгий Флоровский, «Блок ходил по демоническому рубежу и знал это»[2]. Этот пример доведения Соловьёвской мистики «до последних столбов» необходим нам

---

[1] *Мережковский Д. С.* Последний святой // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 123.

[2] *Флоровский. Г., протоиерей.* Пути Русского богословия. Париж, 1937. С. 469. Весьма характерен следующий факт: на полях «Лествицы» Иоанна Лествичника напротив слов о бесе печали Блок пометил: «Этот дух необходим для художника».

для должной и объективной оценки «самозародившихся мистиков», в том числе и Д. С. Мережковского.

Мережковский и его последователи стремились синтезировать христианство и античность, античную культуру, как бы не замечая того, что за полтора тысячелетия до них это уже совершили Святые Отцы. На пути иного, неоязыческого синтеза противостояло историческое христианство или Церковь. По мнению Мережковского, «историческое христианство отжило свой век, оно было односторонним выражением христианского благовестия — ибо не вместило в себя «правды о земле», «правды о плоти»[1]. Для человека, серьёзно знакомого с христианским вероучением, подобное утверждение должно выглядеть весьма странным. Как может не вмещать в себя «правды о плоти» то христианство, которое в Пасху, «Праздников Праздник», торжественно исповедует — «Слово стало плотию и обитало с нами полное благодати и истины»; прославляет Пресвятую Богородицу, как «землю обетования и источник божественного воплощения»; христианство, почитающее освящённую плоть в мощах многих святых и даровавшее русскому народу (и не только ему) чувство Святой Земли? Тогда возникает законный вопрос: какую плоть и какую землю искал Мережковский?

Отчасти мы получаем на него ответ, когда сталкиваемся с обвинениями исторического христианства в одностороннем аскетизме. Как считает Мережковский, односторонний аскетизм свойственен христианству по самому существу: как «аскетическое, то есть подлинное, христианство и современная культура взаимно непроницаемы». Опять-таки, странно это слышать от младшего современника Достоевского и Лескова, человека, жившего в эпоху Оптинских старцев, с одной стороны, Васнецова и Нестерова, с другой. Такая постановка вопроса весьма непонятна и по существу: *askesis* — аскеза, понятие, связанное с упражнениями и тренировками, не может быть противоположно культуре, которая требует и того, и другого.

Не в меньшей степени, но в иной форме мистика духовного блуда присуща творчеству В. В. Розанова (1856–1919). Самый неистовый критик христианской Церкви, увлечённый Талмудом, каббалой и еврейским религиозным бытом, он для начала христианство растворяет в иудаизме[2]. Метафизические искания в сфере пола не могли не приве-

---

[1] *Мережковский Д. С.* Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 7. С. 58.

[2] Свидетельство Глинки Александра Сергеевича, выступавшего под псевдонимом Волжский. См. его статью: *Волжский.* Мистический пантеизм Розанова // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I / сост. вступ. ст. и прим.

сти Розанова к конфликту с христианством. Сближало Розанова и Мережковского на рубеже веков именно антихристианство. Врагами они стали потом... А тогда богоискательство Розанова было направлено во имя «нового теизма», возрождающего древний теизм Востока, иудаизм и тёмные глуби Вавилона и Египта, Сидона и Тира, фаллизма и астартизма. По мере погружения Розанова в эту иррациональную область тёмная стихия пола незаметно вытесняет духовное начало, а витали-стический психологизм сужается до поэтизации собственно сексуальности, до культа «фаллоса». И именно тогда в его философии особенно ощутимо проявляются те демонические черты, которые многим так импонировали: «Боги сливаются с демонами, бесами, духами зла в непроницаемой мгле, в глуби религиозных туманностей древнейших верований, сливаются и срастаются в единстве общего генеалогического древа»[1]. Доклады Розанова, где противопоставлялись Новый и Ветхий Заветы, причём Новый Завет дискредитировался, а всё важное и подлинное находилось в Ветхом Завете, принесли ему известность на Религиозно-философских собраниях в 1901–1903 годах. «Розанов демонстрировал поразительную остроту ума в нахождении всё новых и новых аргументов в защиту своих антихристианских тезисов. Критика Розановым христианства, по оценке исследователей, была очень сильной, убедительной, как ни у кого»[2]. Позже, в 1915 г. А. Селивачев в докладе «Иудействующие нового времени» подчеркнёт: «Еврейским знакомым Розанова его антихристианство было столь же приятно, как и его юдофильство»[3]. Тогда Розановым восхищались и называли «душой общества».

Если Бог и пол у Розанова неразрывны, то Мережковскому необходимо было, во-первых, дематериализовать христианство (он договари-

---

В. А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. С. 512. (Русский путь). С. 452. Об иудейском «культе» Розанова свидетельствуют многие, в том числе Бенуа: «Увлечение Розановым в нашем кружке имело ещё и то специальное обоснование, что Левушка (Лев Бакст), будучи убеждённым евреем, особенно ценил в Розанове его культ еврейства». См.: *Бенуа А. Н.* Религиозно-философское общество. Кружок Мережковских. В. В. Розанов // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. / сост. вступ. ст. и прим. В. А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. С. 512. (Русский путь). С. 138.

[1] *Волжский А.* Мистический пантеизм Розанова // В. В. Розанов: Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 452.

[2] *Фатеев В. А.* Публицист с душой метафизика и мистика // В. В. Розанов: Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 9.

[3] *Селивачев А.* Психология юдофильства. В. В. Розанов // В. В. Розанов: Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 238.

вался даже до того, что «христианство» якобы «уничтожило плоть»[1]), во-вторых, целиком и полностью связать его с аскетизмом, в-третьих, дискредитировать аскетизм, чтобы заменить историческое христианство новым религиозным сознанием. «Отныне должна раскрыться во всемирной истории правда не только о духе, но и о плоти, не только о небе, но и о земле»[2]. И всемирная история со школьной наглядностью открыла эту правду в XX в., с его мировыми войнами, революциями, голодом, естественным и искусственным, террором, лагерями, эпидемиями, небывалым терзанием плоти и страшным томлением духа. Такова цена, которую мир заплатил за отвержение «исторического христианства», то есть Церкви. «Новое религиозное сознание», господствовавшее в Европе в начале XX в., неоязыческое и синкретическое по сути, не могло не способствовать появлению оккультно-тоталитарных режимов вроде нацистского и, отчасти, коммунистического[3].

---

[1] Там же. С. 238. На самом деле христианство спасло плоть и от язычества, которое плоть растлевало, и от манихейства, которое плоть аннигилировало. По словам Сергея Сергеевича Аверинцева: «Против энкратитов различного толка Церковь отстаивала свой выбор: быть не буддийской “сангхой” и не манихейским “обществом совершенных”, но “народом Божиим”, в котором всем есть своё место — и мирянам, и аскетам». См.: *Аверинцев С. С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1988. С. 31–32. Весьма характерны слова великого аскета — св. Пимена: «Нас не тело учили умерщвлять, но страсти». Там же. С. 230. Ещё более показательны 9, 10, 13 правила Гангрского собора (IV в.). «Если кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетавшимися, да будет отлучён» (10 канон). Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинского. СПб., 1912. Т. II. С. 41.

[2] *Мережковский Д. С.* Грядущий хам. СПб., 1906. С. 123.

[3] Вопрос об оккультном начале в коммунистической идеологии и советском режиме, а также о личном участии коммунистических вождей в оккультизме очень сложен. С одной стороны, «сатанинские стихи» раннего Маркса, начало Манифеста Коммунистической партии, яростная «мистическая» антирелигиозность большевиков свидетельствуют в пользу активного влияния оккультизма. Многие «старые» большевики были членами мистических кружков и лож. Имеются свидетельства о принадлежности к масонству Льва Троцкого, Анатолия Луначарского (Ложа «Великий Восток») и др. Сам Ленин до 1914 г. числился во французской ложе «Союз». См.: *Первушин А.* Оккультные тайны НКВД и СС. СПб.–М., 1999. С. 133. «Коммунистическая доктрина, как и любая революционная теория начала века, должна была нести в себе эзотерические элементы, иначе она не смогла бы привлечь на свою сторону достаточный для захвата и удержания власти процент населения». (Там же). Однако под влиянием Сталина в середине — конце тридцатых годов, параллельно с нейтрализацией «ленинской гвардии», происходит отход от ряда первоначальных идей, которые принято отождествлять с масонством и оккультизмом. К счастью, СССР не стал оккультной империей,

Линия Мережковского–Розанова во многом обусловила частичный неуспех Религиозно-философских собраний, когда его участники либо ломились в открытые ворота, не зная или не желая замечать реалии церковной жизни и вероучения, либо шли против рожна. Это характерно и для программного доклада В. А. Тернавцева «Интеллигенция и религия», открывшего чтения. На нём мы сосредоточимся особо: как в силу невозможности в одной статье осветить все заседания, так и ввиду особенной выразительности и показательности данного выступления для характеристики Религиозно-философских собраний и умонастроения его участников.

В нём привлекает многое: во-первых, — искренняя тревога о судьбах России, ощущение предгрозовых раскатов над ней, и трезвый социальный анализ, а также понимание того, что Россия уже вовлечена в своего рода глобализацию. «Внутреннее положение России сложно и почти безнадежно... Все общественные силы, исходя из разных мировоззрений, разно понимают природу человека, разно понимают и саму Россию, борются между собой и глухо подавляют друг друга»[1]. «Нам придётся встретиться с враждебными силами уже не домашнего поместно-русского порядка, а силами мировыми, явно и открыто борющимися с христианством на арене истории»[2].

Во-вторых, Тернавцев (1866–1944) чувствует, что рано или поздно «найдёт свой конец та язычественная вера в человека, которая, оказавшись подъёмом и творчеством в эпоху Возрождения, долго и безраздельно владела полем истории»[3]. «У интеллигенции падает доверие к спасающей силе тех условий политической жизни, для приобретения которых приносилось столько жертв и которые представлялись высочайшими благами сами по себе. Осчастливливать других, просвещать, приобщать их к сокровищам своего мировоззрения стало невозможно, как только эти сокровища оспариваются совестью как мнимые. Душу сжигает потребность высшего, чем собственное знание, просвещения,

---

тем более что изначально среди большинства большевиков была более сильна тяга скорее к «научному» атеизму, нежели к оккультизму.

[1] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 8–9.

[2] Там же. С. 11. Справедливость этих слов подтверждает ряд работ (см., например, *Назаров М.* Мировая закулиса и Русская революция // Тайна России. М., 1998. С. 5–163), ясно показывающих участие неких весьма влиятельных антихристианских интернациональных закулисных сил в трёх русских революциях и в разрушении Российской империи. Слова Тернавцева весьма актуальны и сейчас, когда эти силы уже почти не таятся (см.: *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну: Россия на исходе XX в. СПб., 1999. С. 800).

[3] Там же. С. 17.

высшего примирения, чем то, которое мы сами можем себе дать. Всё знание оказывается бесчеловечным и пустым, ибо бессильно разрешить мучительные сомнения о высшем смысле существования»[1].

Возрождение России по Тернавцеву возможно только «на религиозной почве». И, «если сила России в религиозной вере её, то мы не можем остаться безнадежными»[2]. Должен быть осознан трагизм власти. «Виновность в зле, безбожие жизни и общественной гибели обращает совесть власти в арену внутренних переживаний, могущих иметь глубочайший религиозно-жертвенный смысл. Здесь открывается некая священная магия во власти. Это новое в христианстве, и в этом для России путь религиозного творчества и откровения о всемирном спасении. Это даётся человечеству раз в тысячелетие». Тернавцев подчёркивает: «И можно считать уже вполне совершившимся фактом, что действенно проповедовать в России, значит проповедовать на весь мир»... Апокалиптическая напряжённость, это новая черта у Тернавцева, знак времени, — она является и у Соловьёва в последние годы (срв. Острый интерес к Апокалипсису у Льва Тихомирова и его кружка)»[3]. Мотивы Апокалипсиса резко звучали на многих собраниях.

Следующее, что привлекает в докладе Тернавцева, — поиск серьёзной религиозности, подлинной церковности. Он выступает против желания «сделать веру Церкви более легкомысленной, как в догматическом учении, так и в религиозно-нравственном подвиге», так как это «обкрадывает её». «Христианство без Церкви, таинств и креста не утолит духовной жажды человека. Для успеха проповеди подменить христианство стоицизмом или моралью, которая эстетикой “хороших поступков” прикроет религиозную пустоту их, — преступно. Бога жаждут люди, Живого. “Я нуждаюсь в руках, простертых ко мне”»[4].

Наконец, Тернавцев временами, может быть, против своей воли, высоко оценивает Русскую Церковь, в особенности — её народность:

---

[1] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 19.

[2] Там же. С. 10.

[3] *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 471–472.

[4] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 17. Отметим, для подобных слов в ту эпоху требовалось определённое духовное мужество, ибо они означали не более и не менее, как посягательство на авторитет великого «гуру» — графа Льва Толстого, который как раз и проповедовал христианство без креста и яростно отрицал таинства, фактически подменяя его морализмом с «эстетикой хороших поступков». Тем более подобные обличения Толстого должны были восприниматься почтеннейшей публикой всего через десять месяцев после его отлучения в феврале 1901 года.

«Русская Церковь народна. Она не покидала народ среди всех его унижений и в трудные времена крепостного права была с ним. Она дала его гражданскому терпению религиозный смысл особого жертвенного делания. Она спасла его с одной стороны от бунта, с другой стороны от отчаяния и тихого помешательства. Церковь была главной причиной того, что освобождение было принято народом честно и с достоинством. Ничто так не народно в России, как Церковь. Интеллигенция не видит, не понимает этого»[1].

Однако все эти замечательные мысли смешиваются с высказываниями, в которых чувствуются идеологические штампы, закоснелые предубеждения «интеллигентского ордена» против Церкви, а также шоры «нового религиозного сознания».

Часто несправедливость этих суждений бросается в глаза. Так, Тернавцев выдвигает следующее обвинение: «Проповедники Русской Церкви наставлены в вере в большинстве односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знают и ещё меньше понимают всю значительность мистической и пророчественной стороны христианства»[2]. Штрих к характеристике эпохи: В. А. Тернавцев окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию и служил чиновником для особых поручений при обер-прокуроре Синода, был современником святого Иоанна Кронштадтского, более того, практически жил с ним в одном городе. Не заметить этого пастыря, пророка и подлинного мистика, раскрывшего для десятков тысяч православных людей «значительность мистической и пророчественной стороны христианства» мог только слепой или предубеждённый человек, или искатель иной мистики и иного пророчества.

Самое страшное для Тернавцева было другое: «Но самое главное, в христианстве они видят один только загробный идеал, оставляя земную сторону жизни, весь круг общественных отношений пустым, без воплощения истины»[3].

Опять-таки, только сильно предубеждённый человек мог не заметить огромной социальной, благотворительной деятельности Русской Православной Церкви на рубеже веков, строительства народно-церковного образования, а в области учительства и общественной мысли таких личностей как святой Иоанн Кронштадтский, митрополит (тогда — епископ) Антоний (Храповицкий), Михаил Грибанов-

---

[1] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 13.

[2] Там же. С. 11.

[3] Там же.

Виктор Иванович Несмелов

ский, Леонтьев, Победоносцев, Рачинский, Тихомиров, Несмелов[1], Соллертинский, каждый из которых по-своему пытался решать проблему истины в «земном воплощении». Вся церковная предреволюционная мысль у Тернавцева укладывается в презрительную формулировку: «Единственно, что они хранят, как истину для земли и от земли — это Самодержавие, как некий начаток нового порядка и как бы “новой земли”»[2].

Напротив, интеллигенция удостаивается у Тернавцева особых похвал, в которых присутствует ряд парадоксов. Неверующий интеллигент для него — Савл, только и ждущий того, чтобы стать Павлом. «В интеллигенции, теперь неверующей, скрыт особый тип служения и благочестия»[3]. Интеллигенция, по Тернавцеву, имеет своё единство, нравственное лицо и свой мартиролог. Хочется спросить, из кого этот мартиролог состоит, не из казнённых ли революционеров-террористов и цареубийц? Несмотря на то, что интеллигенция в значительной степени была скомпрометирована нигилизмом, народничеством и терроризмом, в особенности — убийством Царя-освободителя Александра II 1 марта 1881 г., Тернавцев яростно отстаивает её статус как силы преимущественно нравственной, и именно на этом основании он не видит для неё особого места в современной ему Церкви: «Все сословия России имеют в Церкви своё определённое место. Одна интеллигенция, будучи силой нравственной по преимуществу, чужда Церкви и не находит в ней места». Не знаешь, чему удивляться.

[1] Автору книги принадлежит первая публикация биографии, а также фотографии Несмелова в 5 и 6 номерах «Вестника Белорусского Экзархата» за 1990 год.

[2] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 13.

[3] Там же. С. 14.

Во-первых, Тернавцев отказывает в нравственности всем прочим сословиям. Посещавший в начале XX в. философский кружок Н. В. Болдырев уже после революции писал: «В старое время было как-то неловко называть интеллигентом опытного, изощрённого монаха, по-военному образованного генерала, искусного жандармского офицера, удачного и смелого промышленника; и очень хорошо, потому что нам *теперь ясно*, что они по природе своей не интеллигенты, а носители народного интеллекта»[1]. Во-вторых, Тернавцев также и Церковь не считает за нравственную силу. В-третьих, искони русский народ считал носителями своего совестного начала по преимуществу именно священство и монашество. Подобное утверждение означает самоощущение интеллигенции себя как некоей «Церкви», которой неплохо бы заменить Церковь официальную, пусть даже «непросвещённый» народ считает её своей совестью и сердцем. Что из этого вышло, мы знаем: вначале — Февраль 1917 г., распадение страны, а затем — жесточайшая диктатура партийной интеллигенции, от последствий которой мы не оправились до сих пор.

Что особенно возмущает Тернавцева в Церкви и вдохновляет в интеллигенции, так это — отношение к власти: «Деятели Церкви настаивают на божественном происхождении и помазании власти и призывают народ к должному повиновению ей. Но сами, оставаясь безучастными к общественному спасению, они не могут дать ни религиозных указаний власти, ни Христовой надежды и радости народу в его тяжком недуге. Интеллигенция с большими жертвами для себя отстаивает понимание власти как ответственности. Правительство же она нравственно принимает и понимает не иначе как очаг виновности и вменяемости за темноту и злополучие народа как целого. Этим обличением и упрёком в разных формах и под всяческими личинами проникнута созданная ей литература, и равнодушие людей Церкви к этому обличению её возмущает и соблазняет больше, чем самое деление христианства на конфессии»[2].

Здесь В. А. Тернавцев, во-первых, несколько грешит против правды, забывая о таких монументальных фигурах, как митрополиты Московские Филарет и Иннокентий, его современник митрополит Санкт-Петербургский Антоний, св. Иоанн Кронштадтский, которые именно давали и власти религиозное указание, и народу надежду. А во-вторых, в его словах об интеллигенции, что воспринимает власть как ответственность и принимает правительство как очаг виновности и вменяемости,

---

[1] *Болдырев Н. В., Болдырев Д. В.* Смысл истории и революция. М., 2001. С. 60.

[2] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 15.

скрыто неразрешимое нравственное противоречие. Как можно призывать к ответственности и в то же время безответственно и огульно критиковать власти, считая их изначально виновными во всём, заранее делая правительство «козлом отпущения» за все беды народные и принципиально не замечая всего того положительного, что оно делает? А, как мы теперь знаем, в это время делалось немало доброго[1]. Такая позиция не только неконструктивна, с точки зрения нормального честного человека она аморальна. И поэтому, понятно, что трезвомысленные церковные люди просто не желали мараться в этой грязи безответственного критиканства, «воплощённой укоризной предстоять перед отчизной». Наконец, возмущение политической индифферентностью, более чем церковными расколами, показывает уровень религиозности и церковности интеллигенции, для которой политические скандалы были важнее мира и единства Церкви.

Если говорить о моральной стороне дела, то доклад Тернавцева, помимо его воли, с поразительной силой раскрывает некоторые нравственные черты интеллигенции. Прежде всего — её гордыню: «Она чувствует эти запросы над своею головой то как проклятие, то как венец, ибо они дают ей сознание её избранности и *духовного верха* над всеми окружающими»[2]. Тернавцев прекрасно отразил также нераздумчивую агитаторскую нахрапистость интеллигенции: «Интеллигенция создала тип безрелигиозного проповедника-агитатора, подвизающегося в пространстве, бесстрашного, напролом прошедшего всю русскую жизнь со своим словом и делом»[3]. Да, действительно этот агитатор прошёл через

---

[1] Достаточно сказать, что две трети больниц в Санкт-Петербурге были выстроены до революции. Как показал замечательный русский писатель Борис Можаев, три четверти мужского населения России к 1913 г. были грамотными, и в этом — несомненная заслуга системы церковно-приходских школ, получивших особое развитие во время Императора Александра III, благодаря трудам консервативного министра просвещения, столь хулимого либеральной прессой графа Д. Толстого и С. А. Рачинского. Показателем положительного развития России, в частности, являлся небывалый рост населения: за время правления Императора Николая II население страны увеличилось на 50 миллионов, т. е. почти на треть. Сравним это с нашими временами, когда с 1989 по 2006 гг. Россия потеряла 17 миллионов человек — по 1 миллиону в год в среднем.

[2] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 16.

[3] Там же. С. 13. Благодаря кроткому царствованию Александров и Николая II Тернавцев, по-видимому, забыл жутковатый смысл сочетания «слово и дело», столь страшившее современников Петра I. Советская ленинско-сталинская действительность с её безумно жестокими приговорами за слова, а иногда — за шутки и даже обмолвки, заставила об этой фразе вспом-

русскую жизнь со своим карающим «словом и делом» так основательно, что чуть не оставил от неё одно пустое пространство, ибо в нём одном он и привык подвизаться. После такого агитаторского опыта впору вспомнить слова Лескова: «Поцените же вы, господа, хоть святую скромность Православия».

Тем не менее, интеллигенция оказалась в мировоззренческом кризисе, но и в этих условиях она желает разговаривать с Церковью только на равных, если не чуть свысока. Для Тернавцева непереносима сама мысль о «проповеди среди интеллигенции», о том, что хорошие идут учить плохих. По его мнению, обращение интеллигенции возможно только целиком. Здесь явно чувствуется влияние Соловьёва с его «глобализмом», нежелание рассматривать спасение в личностном плане, а лишь — в общем. По существу, в докладе Тернавцева речь идёт о принципиально ином — не о воцерковлении интеллигенции, а о синтезе её и Церкви, что должно явиться источником небывалых сил, возрождения России и «низведения Духа с небес». Причём Тернавцев отводит скромную роль Церкви в этом возрождении, прямо говоря: «Только в России, но не от России, в Православии, но не от Православия, а от Бога, Который больше и России, и Православия»[1]. Тогда возникает законный вопрос: каким образом придёт Бог, если не через Православную Церковь? Тернавцев отчасти отвечает на него, так отзываясь о современных ему деятелях Церкви: «Нужной здесь широты религиозного замысла, веры, разверзающей небеса и низводящей Духа Святаго, говорю это не в переносном смысле, в них нет»[2]. Итак, по его мнению, необходимо новое откровение, новое ниспослание Святаго Духа, Третий Завет, совсем в духе любимых идей Соловьёва и Мережковского: «Первый Завет — религия Бога в мире, Второй Завет Сына — религия Бога в человеке — Богочеловека, Третий — религия Бога в человечестве — Богочеловечество»[3]. Этот новый завет приведёт к открытию сокровенной правды о

нить. Так или иначе, знаменательно совпадение между петровскими гвардейцами, хватавшими всех подряд за «слово и дело государево», всё строившими заново как бы в пустом пространстве, и революционным агитатором Тернавцева, подвизающимся в пространстве, бесстрашным, напролом прошедшим всю русскую жизнь со своим словом и делом. Общность проявляется в небрежении традицией, презрении к коренной народной жизни, как обычной, так и духовной, в пафосе строительства «нового мира» и в стремлении к насильственному благодетельствованию.

[1] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 10.

[2] Там же. С. 11.

[3] *Мережковский Д. С.* Не мир, но меч // Полное собрание сочинений. СПб., 1908. С. 28.

земле — учение и проповедь о христианском государстве, а также — религиозное призвание светской власти, общественного во Христе спасения»[1]. Духовное содержание «сокровенной правды о земле», из которой была создана плоть и которая возвратится в землю, было нами раскрыто выше, здесь лишь следует добавить несколько слов о характере «религиозного призвания власти»: Тернавцев прямо говорит о «священной магии власти»[2]. Эта новая священная власть должна была прийти на место старого Самодержавия — «религиозного по своему происхождению и помазанию, и носительницы величайших вероисповедных упований»[3], но неспособного к возрождению, как «действующего через безрелигиозную и равнодушную к общественному благу бюрократию». Иными словами, революционная интеллигенция устами деятелей Религиозно-философских собраний предлагала Церкви отказаться от Самодержавия и благословить и оправдать её деятельность по построению оккультно-тоталитарного общества[4].

Неудивительно, что церковная власть в лице епископа Сергия, будущего Патриарха, отвергла подобные авансы. С самого начала епископ Сергий заявил: «Не по рясе только, а на самом деле я являюсь служителем Церкви, верным выразителем Её исповедания. Я бы счёл себя поступившим против совести, если бы хоть немного уклонился бы этого, из какого-либо угодничества или ложно рассчитанного стремления к миру. Горе говорящим “мир, мир”»[5]. После доклада Тернавцева епископ Сергий выступил с кратким словом, в котором отверг предлагае-

---

[1] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 25.

[2] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 24. Не исключена связь подобных представлений с идеями Соловьёва, выраженными им в работах «Будущность теократии», «Оправдание добра» и т. д., подразумевающими некое магическое и теургическое начало у власти (примечательно, что позднее в «Трёх разговорах» Соловьёв отказался от своих представлений как антихристианских, носитель его ранних надежд и упований на поверку оказывается антихристом).

[3] Там же. С. 8.

[4] К сожалению, оккультно-тоталитарный проект далеко не был чужд Серебряному веку. Помимо трудов Соловьёва следует упомянуть работы Н. Фёдорова — на поверку представляющих собой оккультно-тоталитарную теорию, согласно которой люди должны преобразовывать окружающую природу, а затем живые — воскрешать мёртвых, во исполнение родового долга (см.: *Фёдоров Н. Ф.* Философия общего дела. М., Т. 1. 1906. М., Т. 2. 1913). Некоторые моменты этой теории были позднее использованы большевиками (пафос преобразования природы, культ революционеров, мавзолей и попытки сохранить тело Ленина).

[5] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 5.

мый Церкви неоязыческий и революционный соблазн «новой правды о плоти и о земле». «Когда представители Церкви действительно стремились к небесному, то достигали и земного: Николай Чудотворец, Сергий Радонежский. Не здесь причина разделения Церкви и интеллигенции... Интеллигенция не доверяет искренности духовенства... Церковь проповедовала истину небесного идеала и высшего достоинства человека. Этим, а ничем иным она достигла отмены рабства... Интеллигенция, если она действительно хочет христианства, а не социализма без веры, не имеет причин восставать против Церкви. Христианство не может отречься от неба, а, не отрекаясь от неба, не может поставить во главу святого служения "правду о земле", но, изрекая своё исповедание небесного идеала, произносит суд и о земном»[1].

Необходимо вспомнить ещё об одном неизбежном противоречии между философско-интеллигентской стороной и церковной в Религиозно-философских собраниях. Тернавцев бросил упрёк Церкви в том, что она не имеет своей истории. «Вся её история — в житиях Святых». Таким образом, он закамуфлированно упрекнул Церковь в «индивидуализме и антиобщественности». Подобные обвинения показывают глубинное непонимание сути христианства, которое спасает, прежде всего, личности, а лишь затем — народы и сообщества. Святость в Церкви — персонолистична, личностна. «Если не скажет человек в сердце своём, что двое нас в мире, я и Бог, не найдёт покоя душе своей», — говорит авва Алоний[2]. Относительно возможности всеобщего спасения соборный голос Церкви всегда отзывался отрицательно. Скептически относились Отцы Церкви и к перспективе спасения целых сословий и классов. Как говорит святитель Иоанн Златоуст в толковании на Евангелие от Матфея: «Хотя Христос и говорит, что богатые с трудом спасаются, тем не менее, показывает, что не все они погибнут, и не все бедные спасутся, но и из тех и из других и спасаются, и погибают»[3]. Практически в этом споре Церковь выступила в защиту персонализма, прав личности, её свободы против утопичной «почти религиозной веры во всеобщее счастье» (по выражению Тернавцева)[4], против оккультного тоталитаризма. Здесь весьма уместно привести слова Виктора Несмелова (1863–1937) из его замечательной работы «Наука о человеке», которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме:

---

[1] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 37.

[2] *Аверинцев С. С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1988. С. 214.

[3] P.G. T. 58. 704.

[4] Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906. С. 18.

«Христос даровал людям вечную жизнь. Но послужит ли вечная жизнь действительно во спасение людям, или же она явится для них жизнию в погибель, — это всецело будет зависеть от того, какими люди войдут в неё. Кто может сделаться чистым от греха и найдёт в себе способность и силу жить духовною жизнью чистого ангела, того, несомненно, обрадует вечность, как условие непрерывного развития нравственных сил, как возможность действительного воплощения нравственных идеалов жизни. Кто же поработил себя власти земли, о земле только думает и землёю живёт, и не допускает ничего, что выходит за пределы земли, того вечность будущей жизни скорее всего, конечно, поразит чувством ужаса, так как она представится ему непрерывным отрицанием желательных для него условий жизни»[1].

В действительности, интеллигенцию, ищущую духовного знания, в большей степени интересовали необходимости реформ, преобразований, подстраиваний под современную политическую ситуацию. То, что они ничего не уразумели в сути Церкви, следует, например, из заявления «богоискателей» о недвижности Церкви как явного признака её духовной смерти. Элементарная богословская неграмотность этих глубоко образованных людей удивляет. Движение — есть существенная сторона, заложенная Творцом в творение. По мысли Максима Исповедника, движение творения — кинезис — есть его движение к Богу. Цель и конец движения статис — недвижность, пребывание в Боге. Церковь — дом Божий, где осуществляется этот акт, а не инструмент в руках политических манипуляторов. «Недвижность» Церкви — есть её положительный признак.

Постепенно в Религиозно-философских собраниях элемент «говорильни», моды и политической фронды стал преобладающим. Приведём свидетельство о собраниях А. Н. Бенуа, искусствоведа, человека политически незаангажированного, но духовно чуткого: «С течением времени они стали приобретать тот характер суесловных говорилен, на который обречены всякие человеческие общения, хотя бы основанные с самыми благими намерениями. Мне лично становилось всё более и более ясным, что тут, как и во всём на свете, дело складывается не без участия Князя Мира сего — иначе говоря, не без вмешательства какой-то силы мрака, всегда норовящей ввести души людские в соблазн и отвлечь их от всего подлинно-возвышающего. Каково же было моё изумление, когда я удостоверился в *“реальном” присутствии* бесовского начала!

---

[1] *Несмелов В.* Наука о человеке. Метафизика жизни и христианское Откровение. 2-е изд. Казань, 1906. Т. 2. С. 359.

Дело в том, что из-за помянутой чёрной классной доски в углу зала выглядывали два острых торчка, похожих на рога. Меня это заинтересовало... Я заглянул за доску, и тут меня обуял настоящий ужас! Передо мной стояло гигантского роста чудовище, похожее на тех чертей, которые меня преследовали в моих детских кошмарах и какие были изображены на лубочных картинках, представлявших "Страшный Суд". У этой гадины были настоящие волосы на голове и на бороде, а всё тело было покрыто густой чёрной шерстью. Из оскаленной пасти кровавого цвета торчали длинные загнутые клыки, пальцы рук и ног были вооружены колючими когтями, а на голове торчали длинные рога. Страшнее же всего были выпученные глазищи идола, с их свирепым, безжалостным выражением. Это был идол, вероятно, когда-то привезённый из глубокой Монголии или Тибета ... Чудовищное безобразие этого дьявола было передано прямо-таки с гениальной силой, а нахождение идола в данном помещении в качестве какого-то притаившегося наблюдателя — показалось мне до жути уместным. Оно наглядно символизировало то самое, что мне начинало мерещиться, выслушивая длинные, безнадёжно топчущиеся на месте прения и присутствуя при схватках, в которых было всё меньше и меньше искания истины и всё больше и больше самого суетного софистского тщеславия... Когда я (Мережковского) свёл за доску, он на минуты выразил крайнее изумление, а затем, привычным жестом пригладив бороду, криво улыбнулся и чуть ли не радостно воскликнул: "Ну, разумеется! Это — *он*! Надо было ожидать, нечего и удивляться..."»[1].

Церковному руководству стало ясно: главное, чего от Православия желали, чтобы Церковь повела за собой народ на баррикады против Царя, а интеллигентские разговоры о Христе — это для презираемых ими же попов и религиозных тогда масс. Вспомним, что ещё террористы, готовившие покушение на Императора Александра II, искали по указанию заказчиков на роль исполнителя-убийцы священника. Против России готовилась многоплановая провокация, и в первую очередь надо было скомпрометировать Царя и Церковь, лучше всего столкнув их. 5 апреля 1903 г. по указанию обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева было принято решение о дальнейшей нецелесообразности Религиозно-философских собраний. В 1903 г. Санкт-Петербургскую Духовную академию окончил священник Георгий Гапон (поп Гапон), посещавший эти собрания...

---

[1] Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 135.

В 1904 г. началась Русско-японская война, и в Таврическом дворце вести о поражении русских войск интеллигенция встречала аплодисментами стоя[1]. «Отметим, что из выделенных Японией средств на революцию в России досталось кое-что и Ленину. Полученные им деньги пошли на организацию и проведение Третьего съезда РСДРП, а также издания газеты “Вперед”»[2]. В начале 1905 г. — «Кровавое воскресенье»...

Последующие события ещё более ярко доказали нецелесообразность Собраний с государственной и церковной точек зрения. После 9 января 1905 г., благодаря активной поддержке ряда деятелей Религиозно-философских собраний (Мережковского, Гиппиус, Философова, Карташёва, Тернавцева и др.) и на основе их идей образовалось так называемое «Христианское братство борьбы» во главе с Эрном и Свенцицким. Целью его явилось не только теоретическое обоснование так называемой «христианской общественности», но и практические действия по ниспровержению Самодержавия и решительному реформированию Церкви. Читая воззвания этого братства, перестаёшь понимать, где Свенцицкий, а где — Мережковский. «Христианская общественность заключалась в анархизме. Всякая власть человека над человеком должна быть упразднена, а языческое отношение к Царю, как Помазаннику Божию — уничтожено. В Церкви должно действовать выборное начало. Программой максимум являлся социализм. Деятельность братства заключалась в распространении листовок, революционных воззваний, попытке устроить стачку “ради правды Христовой”»[3]. Нетрудно увидеть в этой программе контуры будущего обновленчества, принесшего столько бед и страданий Русской Православной Церкви.

Вместо закрытого «Собрания» в 1907 г. открылось уже Религиозно-философское общество, председателем которого с 1909 г. был А. В. Кар-

---

[1] Весьма показательны строки А. А. Блока, мыслившего в орбите «нового религиозного сознания» и близкого к Мережковскому и Гиппиус, которые были написаны по поводу Цусимского разгрома:

Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей.
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей.

Подобная иррациональная (лучше сказать — сатанинская) ненависть к своей Родине и Церкви в конечном счёте и привела Блока к духовной катастрофе и сотрудничеству с ЧК.

[2] *Сикорский Е. А.* Деньги на революцию: 1903–1920. Факты. Версии. Размышления. 2-е изд., доп. и перераб. Смоленск: Русич, 2004. С. 77.

[3] *Свенцицкий В. П.* Христианское братство борьбы и его программа. М., 1906. С. 15–16.

ташёв (1875–1960). Он в свою бытность доцентом церковной истории Санкт-Петербургской Духовной академии имел серьёзный разговор с ректором академии епископом Сергием. Сущность разговора сводилась к следующему: или серьёзная академическая наука, или церковно-политическая интрига. Карташёв выбрал последнее. «Общество», возглавляемое им, было настроено ещё более агрессивно и антицерковно, чем Религиозно-философские собрание. Карташёв, этот будущий обер-прокурор Синода при Временном правительстве, в 1914 г. на заседании «Общества» (Суд над Розановым) даёт язвительную оценку прошлым Собраниям и их членам: «Розанов был столпом и соловёем Религиозно-философских собраний, существовавших не по закону, а по благодати до 1903 года. Эта эпоха была совершенно другая сравнительно с теперешней; другая и для Религиозно-философского общества, и для всей русской жизни в её целом. То было время самых широких сочетаний весьма разнородных лиц и общественных групп, чаявших освобождения России. То же полусознательное, полуинстинктивное предчувствие кризиса произвело на свет Божий и это причудливое сочетание епископов, архимандритов, миссионеров, литераторов из салонов кн. Мещерского и Суворина с "нечестивой" компанией из "мира искусства" с прибавкой нескольких народников, получившее название "Религиозно-философских собраний". Но всё это было давно. Заниматься теперь старческими воспоминаниями о тех "Собраниях", как делали сегодня некоторые, значит старчески ослепнуть по отношению к настоящему. То было и быльём поросло»[1].

Антон Владимирович Карташёв

Прошло всего 11 лет, но члены «Общества», тем не менее, позволяли себе роскошь время от времени пинать отцов-основателей за их устарелость и какие-то остатки церковности и здравого смысла, а некото-

[1] Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 202.

рых из них — привлекать к суду[1]. Так, 26 января 1914 г. в «Обществе» состоялся суд над Розановым. Главный обвинитель Д. В. Философов, для начала громко заявив, что «религия и философия требуют свободы. Но такой свободы в России нет», инкриминирует Розанову два жутких в глазах Совета этого «Общества» преступления. Первое — Розанов в статье «Не надо амнистии» выступает против возвращения в Россию из эмиграции революционеров Плеханова, Кропоткина и народовольца Морозова: «Блудного сына надо простить, но только *раскаявшегося*, а нераскаявшегося: Христос не указал». Философова возмущает даже факт публикации этой статьи в церковном журнале: «С точки зрения свободы слова нельзя бороться с Розановым. Он проявляет своё святое право на свободу мнений. Но такая свобода нам кажется мерзостью из мерзостей, ...потому что во имя насилия здесь привлечено имя Христа... И заметьте, статья помещена в "Богословском вестнике", органе Московской Духовной академии... Нет, мы не верим, мы не хотим думать, что Розанов действительно душа Религиозно-философского общества. Это наваждение»[2].

Философов бросает второе обвинение: «Но Розанов не останавливается на своём призыве к последней жестокости. Он пошёл дальше. Я говорю о его выступлении по делу Бейлиса... Розанову, этой душе Религиозно-философского общества, пришлось перекочевать в татарскую орду "Земщины". 5 декабря 1913 г. в "Земщине" появилась статья Розанова "Андрюша Ющинский"... Но Розанову и этого мало. В той же газете... он помещает обширную статью: "Наша кошерная печать"»[3]. По этому поводу позже в «Воспоминаниях об отце» Т. В. Розанова напишет: «В этот же злополучный 1914 г. в нашей семье разразились следующие события, имевшие громадное влияние на всю последующую нашу семейную жизнь. Моего отца, Василия Васильевича, по желанию Мережковского, Зинаиды Гиппиус и её двоюродного брата В. В. Гиппиуса[4]

---

[1] Невольно напрашивается параллель с «Бесами» Достоевского. Р-ф. о. относилось к Р-ф. с. примерно так же, как Верховенский-младший к Верховенскому-старшему, который «устарел».

[2] Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 189.

[3] Там же. С. 190.

[4] В. В. Гиппиус не играл столь значительной роли в организации «суда» над Розановым — главными фигурами были Д. С. Мережковский, Д. В. Философов и А. В. Карташёв; В. В. Гиппиус признался позже Н. В. Розановой-Верещагиной, что вопрос об исключении Розанова был поставлен по требованию масонской организации (см.: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 137–139). См.: *В. В. Розанов*. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 466.

исключили из Религиозно-философского общества за его правые статьи в "Новом времени" против евреев во время "дела Бейлиса". Дело было очень громкое, в нём принимали участие адвокаты, врачи, и все настаивали, что в XX в. невозможны такие фантастические изуверские случаи. Отец же настаивал на своём и указывал на каббалу и Талмуд, где видел намеки на возможность этого ритуального убийства. У отца был Талмуд, который был весь испещрён его заметками»[1].

Следует отметить, что многие были против исключения из «Общества» Розанова. Вспомнили, что когда он глумился над святыней, над Церковью, над монашеством, воспевал Талмуд и критиковал Евангелие — он был «душой общества». Один из участников «Общества» С. А. Алексеев так и выразился: «Мы все прекрасно знаем Розанова. Разве он когда-нибудь был осторожен в своих словах, разве было время, когда он не был ядовит и зол? Мы это прекрасно знали, и когда ядовитость Розанова распространялась на Церковь, ядовитость иногда злобная, мы только благодушно говорили: "Василий Васильевич, по обыкновению, нам сегодня наврал", — и больше ничего. Теперь мы вознегодовали, когда злое слово Розанова направилось в ту сторону, которая, по убеждению Совета нашего Общества, является противоположной Розанову»[2].

Завязалась дискуссия, многие были против исключения Розанова из «Общества». И тогда поразительно ясный, потрясающе откровенный приговор, раскрывающий всю подоплеку суда, произнёс председатель «Общества» Карташёв. Вина Розанова в том, что он стал на путь покаяния, на путь возвращения к Православию: «Эта реакционная и вместе религиозная сила заключена не в каком-то невменяемом преступнике или выродке, не в простом пошляке, а таится в талантливой, Богом помазанной личности, которой дано чрезвычайно много писательских возможностей. Таких песен, которые поёт и ещё воспоёт Розанов, хотя бы, например, современному чудовищу национализма, не способен петь никто из его собратьев. Все эти Столыпины, Меньшиковы, Ренниковы в сравнении с ним — атеисты, прозаики, деревяшки. Розанов истинный поэт и гипнотизёр, хватающий за сердце. И он входит теперь в новую силу, он, как блудный сын, из скитаний по идейным чужбинам, возвращается теперь в родное ему лоно славянофильского национализма и Православия. И Церковь с радостью принимает его, прощает ему

---

[1] *Розанова Т. В.* Воспоминания об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. I. СПб.: РХГИ, 1995. С. 71.

[2] Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 193.

все грехи, все кощунства, ибо умеет ценить такие силы, ей они до зарезу нужны. А Розанову, окрылённому этим мощным союзом, предстоит ещё вспыхнуть ярким пламенем таланта писательского, пламенем новых, истерически-любовных слов националистических и церковных, и затем вскоре зачахнуть, пропасть, умереть для жизни, ибо на этом роковом пути есть только соблазн разрешения вопросов жизни, а не само разрешение. Этот путь изжит, исчерпан до конца, соблазн его колоссальный, а конец — удушение и смерть. И это упрёк не только русскому национализму и русскому Православию, а и всем их подобиям, всем вероисповеданиям во всём мире[1]. Таково наше отношение к Розанову как к религиозно-общественной силе. Наш долг — размежеваться с нашим религиозно-общественным антиподом, но мы не выдвигали на первый план этого специфического мотива, зная, что он пока ещё не стал общепонятным. Мы выдвинули лишь общепонятную интегральную часть нашего главного критерия — общественную непорядочность»[2].

Карташёв признается, что это тяжёлый крест, расставаться с Розановым, бывшим «душой общества»[3], который сделался изменником и переходит в Православие. Для особо непонятливых Карташёв задаёт риторический вопрос: «Мы признаём, что Розанов действительно значительный деятель религиозно-философской мысли в России, но чей он слуга? Какого из двух религиозных духов? Какого из двух религиозных лагерей? И какому духу должно служить наше Религиозно-философское общество?.. Под именем Розанова мы от глубины души боремся с величайшими культурными и религиозными соблазнами того националистического и церковного лагеря, для которого Розанов так характерен. Нам совершенно неважно, в какую юридическую форму облечь наше разделение с Розановым, важно лишь провозгласить, что мы не с его лагерем, что мы не в духовном общении ни с ним, ни с его пакостями, ни с его идеалами!»[4]

---

[1] Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 208. Яснее невозможно выразить сущность синкретической философии масонства, которая стремится к слиянию и уничтожению всех религий, всех вероисповеданий.

[2] Следует отметить этот приём — прикрытия истинных целей общепонятными «общечеловеческими» предлогами, а равно чисто интеллигентский способ расправы и диффамации — расплывчатого обвинения в «непорядочности» вместо вменения конкретных грехов и проступков.

[3] Там же. С. 207.

[4] Суд над Розановым // В. В. Розанов. Pro et contra. Кн. II. СПб.: РХГИ, 1995. С. 210.

Подобная логика характерна для людей с тоталитарным сознанием типа коммунистического. Следовательно, можно говорить о том, что за три года до революции в «Обществе» уже была тоталитарно-оккультная дисциплина с «духом», который прямо противопоставлялся Православию.

Напомним, что Временное правительство в 1917 г. назначило Карташёва обер-прокурором Святейшего Синода. В эмиграции Карташёв писал широко тиражируемые книги по Истории Русской Церкви.

Итак, деятели «Нового Религиозного Сознания», начав с призыва к свободе, кончили бесправием, напоминающим порядки тоталитарной секты. Провозгласив вначале объединение с Церковью и народом, завершили дело моральным террором против сторонников «русского национализма и русского Православия», и это в 1914 году. Борясь вначале за «права человека», перешли затем к попранию всякого права. Пренебрежение прежними идеалами свободы, единства и правосознания, столь дорогими прежде для интеллигенции, весьма характерно для предреволюционной эпохи: российская национальная элита своими руками готовила себе гибель. «Вся подготовительная работа для большевиков была сделана вековыми усилиями интеллигенции; потому-то, вероятно, Ленин и изображается в монументах в позе срывателя спелой груши: вытянутая кверху рука, слегка откинутый назад корпус на согнутых коленях и сладострастный оскал лица, ожидающего струю сладкого сока...»[1].

Отрезвление значительной части петербургской интеллигенции началось сразу же после Октябрьской революции, когда Петроградскую ЧК возглавил Моисей Соломонович Урицкий[2]. Д. С. Мережковский с супругой З. Гиппиус, Философовым и Злобиным, воспользовавшись доверием большевиков (во что трудно верится, возможно, это масонский сговор), под видом командировки для чтения лекций в красноармейских частях выбрались из Петрограда, пересекли польско-большевистский фронт, а далее последовали Бобруйск, Минск, Вильно, Варшава и Париж. «Сделавшая своё дело интеллигенция стала больше не нужной, и революция обрушилась на неё со всей своей истребительной силой. Разгром интеллигенции завершился торжественным и символическим актом высылки (в 1922 г.) почётных представителей интеллигенции за границу»[3]. О том же свидетельствует Бердяев: «Большевизм

---

[1] *Болдырев Н. В., Болдырев Д. В.* Смысл истории и революция. М., 2001. С. 56.

[2] См. на эту тему: *Коняев Н. М.* Гибель красных Моисеев. М.: Вече, 2004.

[3] *Болдырев Н. В., Болдырев Д. В.* Смысл истории и революция. М., 2001. С. 56–57.

Священник Стефан Щербаковский 1903 г.

воспользовался всем для своего торжества... Он воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с лёгкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся. Он впитал в себя и русское интеллигентское сектантство, и русское народничество, преобразив их согласно требованиям новой эпохи»[1].

Значительная часть интеллигенции как в России, так и за рубежом, в результате осознания смысла и последствий «апокалипсиса революций» вернулась в лоно Церкви. Казалось бы, совершенно расцерковленный и атеизированный класс дал Церкви множество мирян, пастырей и даже святых.

Хочу низко поклониться своим предкам, своим родителям, которые в самые страшные богоборческие времена сохраняли верность Христу, никогда не отступались от Церкви. По отцовской линии у меня многие родственники — священнослужители. Прадед Стефан Щербаковский служил полковым священником, участвовал в Русско-японской войне, в 1918 г. расстрелян в подвалах одесской ЧК. Дед Никита Васильевич — стал диаконом в 1932 г., был рукоположен митрополитом Одесским Анатолием (Грисюком), священномучеником, причисленным к лику Российских новомучеников. В ту пору, когда уже вовсю шли богоборческие гонения и репрессии, принятие сана было шагом мужества и самопожертвования. Дед был репрессирован, с 1937-го по 1939-й находился в заключении в Данлаге.

Мой отец, Александр Никитич, во время Отечественной войны был призван из Одесского медучилища, тогда ему было 18 лет. Он служил военфельдшером, спасал и лечил раненых, участник героической обороны Одессы, был ранен: потерял глаз, осколком перебило ногу, а после войны окончил Одесский медицинский институт. Мать, Мария Фёдоровна, была верной помощницей на его трудном жизненном поприще.

[1] Русский Вестник. № 9, 2017. С. 13.

Унтер-офицер
Никита Васильевич Горянов

Священник
Никита Васильевич Горянов

Обращение интеллигенции к Церкви, «смирение гордого человека» — один из важнейших результатов XX столетия, который простирается и в новый, XXI век. Причём, это обращение, происходящее на наших глазах, такое массовое, искреннее, счастливое, как стремление ребёнка к матери, с которой он был надолго разлучён. Но тернист и каменист путь, по которому мы стремимся к нашей Матери-Церкви.

Справедливы и сегодня слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, сказанные им на XI Международных Рождественских образовательных чтениях 26 января 2003 г.: «Наша культура получила всемирное признание благодаря одухотворяющим её духовно-нравственным идеалам. Сегодня мы встали на путь возрождения Святой Руси. Однако нам нужно преодолеть тяжкое достояние, оставленное XX веком. Отторжение человека от Бога и веры усилило нетерпимость и вражду, привело к господству безбожной тоталитарной идеологии, превознесло материальные ценности над нравственными основами бытия. Можно ли избавиться от всего этого без возрождения подлинной культуры, без обращения к духовным первоистокам? Конечно, нет. Вот почему нашему обществу, особенно детям и молодёжи, так необходимо сегодня знакомство с православной культурой. Люди — включая

Будущий митрополит Константин с родителями Марией Фёдоровной и Александром Никитичем в день архиерейской хиротонии. Жировицкий Свято-Успенский монастырь. Белоруссия. 16 июня 1991 г.

школьников и учителей, студентов и профессоров, — всё больше осознают, что Православие имеет неоценимое значение для понимания нашего прошлого, для устроения нынешней жизни и для созидания лучшего будущего».

И сегодня, как и век назад, интеллигенция, особенно учащаяся молодёжь, обуреваемы мировоззренческими исканиями, стремятся к узнаванию традиции и к духовному сближению с Русской Православной Церковью. Но сегодняшний опыт новых встреч и общений более перспективный и плодотворный. Церковь поняла, что народу нужен не только диалог, но пастырское наставничество, духовное просвещение, помощь в воцерковлении. Только тогда отпадут многие трудные для интеллигенции вопросы. Общение может иметь и лекционную составляющую, происходить в академическом зале, но урок должен закрепляться в храме, в литургической жизни Русской Церкви, получившей наибольший дар Света Божия, обладающей несметными сокровищами — светочами — русскими подвижниками разных чинов святости.

Можно привести немало положительных примеров общения представителей Церкви и современной интеллигенции Санкт-Петербур-

га, инициатором и руководителем которых мне посчастливилось стать в бытность Ректором Санкт-Петербургской Духовной академии. Первой такой организацией стал Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга, объединивший ведущих учёных города — представителей естественных направлений, медиков, гуманитариев, военных. Большие тематические конференции и общие паломничества, подготовка сборников и совместные богослужения — лишь часть жизни и огромной работы этой организации. Один из многих примеров — издание сборника «Православие и нравственность» (СПб., 2006. 321 с.), содержащего материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проведённой общественной организацией «Собор православной интеллигенции во имя святого преподобного Серафима Вырицкого» 17–19 февраля 2006 года. Это уникальное издание предваряет приветственное обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Важное современное значение имеет опубликованный в сборнике первый пленарный доклад «Социальная угроза нравственности молодёжи» архиепископа Тихвинского Константина, ректора СПбДА, профессора, Почётного председателя «Собора православной интеллигенции». В сборнике также содержатся выступления преподавателей многих вузов, представленных в Ассоциации 60-ю докторами и кандидатами наук, активно участвовавших в подготовке и проведении последующих конференций Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга. На пленарных заседаниях и на пяти секциях было обсуждено моральное состояние общества, а также пути его духовно-нравственного оздоровления с опорой на Православие.

Уникальным проектом стало создание в 2002 г. по инициативе Совета ректоров вузов СПб Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров», куда во время моего ректорства (1996–2008) приняли и Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Впервые ректор Духовной академии был избран членом Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга. Совет ректоров возглавлял Виктор Егорович Романов, ректор Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна, а благословение было получено от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Президентом Ассоциации был избран епископ Тихвинский Константин, вице-президентом — ректор Российского государственного педагогического университета Г. А. Бордовский. Ассоциация по мере постепенного расширения стала насчитывать около 40 ведущих гражданских и военных вузов Санкт-Петербурга и других городов России. Целью «Покров» ставит возрождение в молодёжной студенческой среде духовных ценностей Православия, организацию

Заседание Межвузовской ассоциации «Покров» в СПбДАиС. 2005 г.

духовно-нравственного просвещения. Формы работы организации разнообразны и обширны: от научных исследований до социально-благотворительной работы. Во многих вузах открываются храмы. Создано единственное в России студенческое университетское благочиние, которое включало на момент создания 15 храмов.

Были приложены заметные усилия для большей открытости СПбДА, что способствовало активизации научной работы. Заключены договора о сотрудничестве с Университетами, Эрмитажем, Русским музеем, Военно-космической академией и др. Впервые привлечён ряд университетских профессоров для преподавания в СПбДА. Архиепископ Константин неоднократно получал награды и благодарности от Совета ректоров «за многолетний плодотворный труд, обеспечивавший устойчивое взаимодействие Православной и светских высших школ Санкт-Петербурга в борьбе за духовность молодёжи России».

Особое просветительское значение имеют чтения, которые проводятся на базе вузов: Покровские, Знаменские, Татьянинские, Кирилло-Мефодиевские. Сегодня борьба за умы молодёжи — тот же фронт, требующий от священников полной самоотдачи и профессиональной грамотности. Ассоциация регулярно выпускает материалы Покровских чтений.

АНИС: архиепископ Константин с президентом В. В. Аксёновым и генеральным конструктором С. П. Непобедимым. 2009 г.

Например, «Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций. Духовная культура как основа безопасности и здоровья личности, семьи, общества» (СПб., изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. 291 с.). Сборник открывается статьей архиепископа Тихвинского Константина на тему: «Русская Православная Церковь и Государственная Дума».

Главным межвузовским праздником, проводимым Ассоциацией «Покров», является день св. мученицы Татианы, покровительницы российского студенчества. Этот праздник из чисто церковного стал церковно-государственным. Церемония вручения наград и почётных знаков святой Татианы проходила в Казанском и Исаакиевском соборах. Золотым Татьянинским крестом награждены представители городской власти, в том числе В. И. Матвиенко (ныне Председатель Совета Федерации), а также деятели образования и религиозных институтов — В. Е. Романов, архиепископ Константин, почётной грамотой награждён главный редактор журнала «Фома» — Владимир Легойда. Некоторые студенты получали бесплатные путёвки на паломническую поездку во Святую Землю.

По инициативе православной интеллигенции Петербурга, по благословению Патриарха Алексия II и митрополита Владимира осенью 2005 г. был создан Народный православный университет (НПУ). Он

Общественно-педагогический форум, организованный Центром Национальной Славы России. Санкт-Петербургский государственный университет, 2008 г.

стал уникальным учебным заведением — единственным в России. Университет с трёхгодичной программой обучения даёт возможность всем желающим получить знания в области православного богословия, культуры, церковной истории, литургики и т. д. Ректором НПУ стал ректор Санкт-Петербургского государственного института внешнеэкономических связей, экономики и права С. М. Климов. Архиепископ Константин возглавлял попечительский совет НПУ. Аналогов Ассоциации «Покров» и Православного народного университета в стране не было[1].

По инициативе православной интеллигенции Петербурга была также создана уникальная «Школа народного искусства Императрицы Александры Фёдоровны». Школа выпускает материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы православного образования и воспитания», например, «Новая дорога к старой школе. СПб, 2008». Названный сборник предваряет статья архиепископа Константина «Воспитание православного победителя».

[1] Более подробно см. книгу: Санкт-Петербургская Православная Духовная академия / под общ. ред. архиепископа Тихвинского Константина. СПб., 2008.

Показателем высокого градиента взаимоотношений школ разных уровней, восходящих даже к Академии, является сотрудничество Церкви с Российской академией естественных наук. По инициативе епископа Тихвинского Константина и генерал-майора медицинской службы, заслуженного деятеля науки РФ, академика, профессора В. С. Новикова в 2001 г. впервые на базе СПбДАиС состоялось общее собрание Северо-Западного отделения Российской академии естественных наук (РАЕН). Являясь членом Президиума РАЕН, Владыка Константин многие годы активно участвует в деятельности Академии, выступает с пленарными докладами. Имеет публикации в «Вестнике РАЕН». Награжден почётным знаком РАЕН «За заслуги в развитии науки», а также высшей наградой РАЕН «Звезда Академии» I ст.

Научные вопросы экологии и безопасности человека сегодня также рассматриваются учёными совместно с богословами. Митрополит Константин является членом Международной академии наук, экологии и безопасности (МАНЭБ).

Духовное окормление и членское присутствие иерархов церкви и рядовых священников является существенной особенностью такой раз-

Общее собрание Северо-Западного отд. РАЕН, СПб, 2014 г.
В президиуме: президент РАЕН О. Л. Кузнецов, вице-президент РАЕН В. С. Новиков, член президиума РАЕН архиепископ Константин

Общее собрание Международной академии науки, экологии и безопасности человека (МАНЭБ), СПб, 2008 г. В центре — президент МАНЭБ В. А. Рогалёв и архиепископ Константин после вручения ему ордена МАНЭБ св. Иоанна Кронштадтского

ветвлённой международной организации, как Академия Российской словесности. Она, возглавляемая сегодня известным писателем и учёным Юрием Антоновичем Беляевым, является идейной правопреемницей Российской Академии, созданной Указом Екатерины II в 1783 г. для защиты и пропаганды российской словесности. Санкт-Петербургский филиал этой значимой в деле сбережения национального духовного кода и распространения достижений современной культуры Академии, занимается просветительской деятельностью. По благословению и при участии митрополита Константина (Горянова) совершаются паломничества деятелей культуры из Санкт-Петербурга и других городов Северо-Западного региона по историческим и святым местам, например, по монастырям Псковской области, по Пушкинским местам и др., где проводятся творческие встречи и конференции. Члены петербургской делегации обычно принимают участие в церковных службах и беседах со священнослужителями посещаемых церквей и монастырей.

Приведённые примеры благотворного современного взаимодействия Церкви и интеллигенции вскрывают основную причину неуспеха диало-

Выездное заседание Академии Российской словесности. Псково-Печерский монастырь. Сентябрь 2012 г. 1-й ряд: архиепископ Константин (Горянов), председатель Псковской писательской организации прозаик Игорь Смолькин, историк Церкви Николай Коняев, поэт, литературный критик Валентина Ефимовская; 2-й ряд: поэт, главный редактор журнала «Родная Ладога» Андрей Ребров, главный редактор сайта Русская народная линия Анатолий Степанов, секретарь Псковской Общественной палаты Валерий Павлов

га между Церковью и интеллигенцией в начале XX века. Он завершился относительной неудачей в силу, конечно, целого ряда объективных причин, но одной из главных я бы назвал — недостаточность «апостольского отклика». Важны и сегодня слова о. Г. Флоровского, сказанные о святителе Тихоне Задонском, который «писал для этого мира, свидетельствовал о Спасителе погибающему миру, и не ищущему спасения. Это был апостольский отклик на безумие вольнодумного века. Это была первая встреча с новым русским безбожием»[1]. Хочется надеяться, что в XXI в. в результате искреннего, трудоёмкого «апостольского отклика», общество обратится к пути спасения, и настанет эпоха окончательного примирения между Церковью и интеллигенцией, которое послужит их творческому взаимодействию, направленному на благо России и всего мира.

---

[1] *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 124.

СОВРЕМЕННИКИ: СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ ГАПОН

Становление их личностей и влияние каждого на мировоззрение русского народа

Самое неистовое и разрушительное зло — это бывшее добро — падший ангел, становящийся демоном. Мировые трагедии тоталитаризма не обходятся без змия-искусителя, предпочитающего играть не на худших, а на лучших чувствах. Заполучать худших — не большая заслуга «профессионала» зла. Настоящий азарт мефистофельской игры состоит в том, чтобы совратить лучших. Худшие по природе никогда не будут так неистовы, так вдохновенны и талантливы в злобе, как лучшие, совращённые духом максимализма.

Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире

Введение

История, как стихийный, непрерывный процесс, на первый взгляд, не имеет внутреннего смысла. Кажется, не существует законов, с помощью которых можно было бы описать, а тем более спрогнозировать историческое движение, кажущееся набором случайных событий, подвластных как человеку, так и человеческому сообществу. Если взять во внимание одну человеческую личность и рассмотреть её существование вне зависимости от других, то покажется, что она абсолютно свободна и может руководствоваться лишь своей волей. Если же эту личность рассматривать в связи с другими такими же личностями, то становится очевидным действие непреложных законов, ограничивающих её свободу, влияющих на формирование самой личности.

Особенно гармонично происходит становление личности в христианстве, где человек понимается не как случайный росток слепой хаотичной природы, а как носитель Божественного образа — образа Того, Кто Сам является Личностью и позволяет наследовать это свойство че-

ловеку. Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность.

В человеке есть безусловное, надприродное начало: разум, самосознание, свобода и нравственность — значит, безусловное начало есть и вне человека: ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет. Эту мысль развивает известный христианский богослов и философ, профессор Казанской Духовной академии Виктор Иванович Несмелов (1863–1937). В своём фундаментальном труде «Наука о человеке» он выдвинул идею, что человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всём объёме её природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом»[1]. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях. Эта мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например, в уме, а в совокупности всех проявлений личности — продолжается в православной концепции «богословия образа»[2].

Как рассуждали Святые Отцы, «можно было бы спросить, почему же Бог создал человека свободным и ответственным? Именно потому, что Он хотел призвать его к высочайшему дару — обожению, то есть к тому, чтобы человек в устремлении бесконечном, как бесконечен Сам Бог, становился по благодати тем, что Бог есть по Своей Природе. Но этот зов требует свободного ответа. Бог хочет, чтобы порыв этот был порывом любви. Соединение без любви было бы механическим, а любовь предполагает свободу, возможность выбора и отказа»[3]. Таким образом, наличие и возможность свободы предполагает и возможность бунта. «Только сопротивление свободы придаёт смысл согласию...»[4].

Для понимания существа личности определяющее значение имеет **выбор**, принятие и исполнение человеком определённых социальных действий, внутреннее отношение к ним. Человек, как индивидуум, свободно и осознанно принимает ту или иную социальную роль, сознаёт возможные последствия своих действий по её осуществлению и прини-

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Казань, 1905. Т. 1. С. 270.

[2] *Константин (Горянов), епископ.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Журнал Московской патриархии. 1996. № 7. С. 55–62.

[3] *Лосский В. Н.* Догматическое богословие // Богословские труды. М.: Изд. Московской Патриархии, 1972. Сб. 8. С. 156.

[4] Там же.

мает всю полноту ответственности за свои поступки: «человек должен сам заложить основу своего будущего явления как человека; он должен сам, через “духовные упражнения” соткать ткань, в которую облечётся в будущем»[1]. Процесс становления личности осуществляется в многообразных социальных связях и отношениях на протяжении всей жизни человека.

Особенную роль в развитии личности имеют, по слову святителя Феофана Затворника, юношеские годы, когда происходит определение целевой установки человека, в основном, на всю оставшуюся жизнь. К чему в процессе формирования личности приводит различие целевых установок, можно видеть на примере судеб священников Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона. Юношеские годы, этот ответственный период становления характера, пришёлся у обоих на бытность в русских Духовных школах: училище, семинария, Санкт-Петербургская Духовная академия. Несмотря на схожие обстоятельства жизни, целевые установки у них оказались коренным образом различны.

В переломный предреволюционный период истории России складывались характеры, системы жизненных ценностей этих двух конкретных людей — святого праведного Иоанна Кронштадтского (1829–1909), всероссийского пастыря, великого молитвенника и чудотворца, предсказавшего трагические события русской истории XX в., и Георгия Гапона (1870–1906), известного своим участием в революционном движении. Как утверждает исследователь жизни и деятельности последнего: «Можно с уверенностью сказать, что в 1905–1906 гг. ни одно русское имя не вызывало во всей Европе столь же жгучего интереса, как имя Георгия Гапона. Его превозносили, его низвергали, на него клеветали»[2].

Велика нравственная бездна, разделяющая святого батюшку Иоанна Кронштадтского и священника Георгия Гапона (лишённого сана в 1905 г.), ставшего провокатором и одним из растлителей народного духа. Базовые условия жизни этих двух людей подобны, но не схожи личности. «Свободное испытание границ области Христа и антихриста и есть смысл личной жизни каждого из нас — на земле и после земли. Однако всё лучшее в глубине имеет личный характер. Вера, надежда, любовь, счастье — равно как и неверие, безнадежность, ненависть, горе — су-

---

[1] *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология развития человека. М., 2000. С. 17.

[2] *Кавторин В. В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 227.

губо личные качества/энергии человека»[1]. Почему один стал светочем Церкви, а другой был лишен священнического сана? Почему сформировались противоположные друг другу характеры? Как известно, своего рода «ключ» к пониманию мировоззрения человека — его жизненный путь. Поэтому для начала необходимо кратко, в сравнительном аспекте, изложить основные вехи биографий святого Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона, останавливаясь на тех моментах, которые являются наиболее существенными и имеют непосредственное отношение к раскрытию их взглядов и деятельности.

Начало премудрости

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии 19 октября 1829 г. в семье бедного причётника Ильи Михайловича Сергиева (1808–1851)[2]. Позже о. Иоанн в автобиографии напишет:

«С самого раннего детства родители приучили меня к молитве... Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем и утешителем...». Грамота давалась тяжело, «но, будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неуспехах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение. На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище»[3]. Училище будущий «всероссийский батюшка» окончил в 1845 г. уже в числе успевающих и был «назначен к поступлению в Архангельскую семинарию»[4].

Административно Архангельская семинария была причислена к Петербургскому Духовному округу и находилась в зависимости от столичной Духовной академии. В организационном отношении Духовные учебные заведения Архангельска после реформы 1809 г. представляли собой трёхступенчатую структуру, включавшую в себя Архангельскую

---

[1] *Казин А. Л.* Homo Russicus: Маленькая национальная энциклопедия. СПб.: Алетейя, 2014. С. 123–124.

[2] Наиболее полную биографию см.: *Вениамин (Федченков), митрополит.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000.

[3] Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев / сост. и ком. А. Н. Стрижев. М.: Отчий дом, 1997. С. 14. *Примечание:* цитируемая автобиография незначительно отличается от автобиографии, помещённой в издании: Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М.: Отчий дом, 2004. С. 8–9.

[4] *Вениамин (Федченков), митрополит.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000. С. 56.

Духовную семинарию и подведомственные ей училища: приходское и уездное. Каждая из трёх названных ступеней служила подготовительным этапом к последующей и, в свою очередь, делилась на «отделения» или «классы». Так, в приходском Духовном училище было два класса — младший и старший, или первый и второй, в которых дети обучались часослову, псалтыри, чистописанию, правописанию, грамматическому разбору, арифметике, священной истории, сокращённому катехизису и нотному обиходу.

Уездное Духовное училище состояло из двух двухгодичных отделений — высшего и низшего. В течение четырёх лет ученики изучали русскую и славянскую грамматику, арифметику, священную историю, пространный катехизис, географию, устав, нотное пение, латинский и греческий языки.

Обучение в семинарии длилось 6 лет, оно было также разделено на три двухгодичных цикла или отделения. В низшем отделении больший упор делался на изучение риторики и поэзии, а потому обучающиеся на нём студенты назывались «учениками словесности». В среднем — «философском» отделении курс наук дополнялся патристикой, философией, в высшем — «богословском» отделении, помимо продолжения изучения многих уже названных дисциплин, уделялось особое внимание богословским наукам и изучению иностранных языков (французского, немецкого или еврейского)[1]. В отдельные периоды преподавалась медицина, так как врачи и фельдшеры располагались в более крупных населённых пунктах и требовали за визит значительных гонораров, а у крестьян не всегда на это находились средства. Поэтому священникам часто приходилось выполнять функции врача. Семинарская программа была Высочайше утверждена и обязательна для выполнения.

Обучение в семинарии не было бесплатным: частично оно оплачивалось государством, а частично — родителями. Ученики, оплата содержания которых в Духовных школах полностью шла из казны, назывались «бурсаками»; наполовину — «полубурсаками»; остальные находились «на коште родителей». Число бурсачных и полубурсачных мест было строго ограничено, а священно- и церковнослужителей, по бедности не имевших возможности платить за обучение своих детей, всегда находилось гораздо больше. На учёбу не хватало средств, воспитанники ходили по разным учреждениям и в канцеляриях выпрашива-

[1] *Балакшина Ю. В.* Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских Духовных школах (1838–1851) // Альманах «Кронштадтский пастырь». Вып. 2. М.: Отчий дом, 2010.

ли себе для заработка бумаги для переписывания. В столичных семинариях была также распространена практика именных стипендий, когда обучение лучших или беднейших учеников оплачивалось каким-либо значительным и состоятельным лицом. В Архангельской Духовной семинарии была учреждена только архиерейская стипендия. Иван Сергиев стал её стипендиатом в 1850–1851 учебном году. Спустя полвека, в 1900-е гг., получив уже всероссийскую известность, о. Иоанн смог материально помогать таким же бедным студентам, каким когда-то был он сам, и учредил ряд стипендий в различных Духовных учреждениях страны, в том числе и в Архангельской семинарии.

Надо отметить, что в 40-е годы в Духовных училищах Архангельска обучались сразу два брата Сергиевых — будущий о. Иоанн Кронштадтский и его младший брат, тоже Иван. Родители дали второму сыну такое же имя, как и первому, поскольку была слишком мала надежда на то, что слабый от рождения старший Иван останется жив. Когда обучался только старший Иван, его отцу ещё удавалось собрать денег на учёбу. Когда же в училище поступил ещё и младший сын, материальное положение стало критическим.

В архиве сохранились прошения отца будущего пастыря Иоанна Кронштадтского — Ильи Сергиева, и самого семинариста, — к семинарскому начальству о предоставлении последнему казённого содержания. Начальство всегда отказывало под тем предлогом, что Иван Сергиев имеет пономарское место, как источник дополнительного дохода, которого, однако, не хватало на учёбу, что видно из «покорнейшего» прошения самого Ивана: «Отец мой Илья Сергиев, проживающий в Сурском приходе Пинежского уезда дьячком, имеет кроме меня и брата моего Ивана Сергиева, обучающегося в первом приходском классе, в семействе четыре человека. По бедности своей он не только не в состоянии мне доставлять приличного для ученика одеяния, но и с величайшею трудностию пропитывает меньшего брата моего, который содержится на его собственном иждивении уже третий год. По сему покорнейше прошу Семинарское правление, не соблаговолено ли будет меня принять на полное казённое содержание, и тем избавить отца моего от крайней бедности. О чём учинить милостивейшее благорассмотрение и решение.

К сему прошению вышеозначенный ученик Низшего класса Иван Сергиев руку приложил.

1842 года

Сентября 11 дня»[1].

[1] ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 237. Л. 698.

Тем не менее, Иван Сергиев в 1845 г. успешно оканчивает Высшее отделение Архангельского Духовного уездного училища и поступает в Низшее отделение семинарии. И в июле этого же года епископ Архангельский и Холмогорский Георгий (Ящуржинский)[1] утвердил Ивана Сергиева, студента семинарии, писцом уездного училища с положением скромного жалованья по 17 рублей 16 копеек в год, то есть по 1 рублю 43 копейки в месяц, что уже было большим успехом. Но обязанности письмоводителя Иван Сергиев исполнял очень недолго. 30 июля 1845 г. на Архангельской кафедре сменился епископ. Место преосвященного Георгия, утверждавшего Ивана в должности писца, занял преосвященный Варлаам (Успенский)[2]. И уже в январе 1846 г. епископ Варлаам устно предложил Семинарскому правлению найти на должность писца нового ученика. Истинные причины такого решения неизвестны.

Однако, несмотря на все трудности, за годы обучения в семинарии Иван Сергиев зарекомендовал себя весьма способным и примерным воспитанником, в результате чего он был даже назначен «старшим над архиерейскими певчими». Правда, по воспоминаниям о. Иоанна, эта должность «над самой некультурной, пьяной и распущенной в прежнее время частью бурсы» едва не сгубила его.

Претерпевая всевозможные испытания и искушения, Иван Сергиев в 1851 г. оканчивает семинарию первым учеником выпуска. И именно ему выпала честь от лица выпускников произнести речь. Как подчёр-

---

[1] Епископ Георгий (Ящуржинский) (1778–1852) возглавлял Архангельскую и Холмогорскую епархии с 1830 по 1845 г. Примечательно, что в 1832 г. получил выговор от Святейшего Синода за участие в церемонии открытия памятника М. В. Ломоносову, поскольку в это время Церковь негативно относилась к возведению памятников в честь людей. См.: *Пивоваров Б., протоиерей.* Архиепископ Георгий (Ящуржинский) // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 40.

[2] Епископ Варлаам (Успенский) (1801–1876) возглавлял Архангельскую и Холмогорскую епархии с 1845 по 1854 г. Причём поводом для его перевода в 1854 г. на Пензенскую (позже на Тобольскую) кафедру послужило следующее обстоятельство. Во время Крымской войны Владыка обвинил архангельского военного губернатора вице-адмирала Р. П. Бойля, англичанина по происхождению, в покровительстве английскому флоту, вошедшему в Белое море и грабившему монастыри и храмы на островах. Святейший Синод провёл расследование по данному делу и вынес приговор не в пользу архиерея. В сентябре 1854 г. Владыка Варлаам докладывал дело Императору Николаю I, после чего был оправдан. Правда, тогда же последовал его перевод на Пензенскую кафедру. См. *Артоболевский А.* Вице-адмирал Бойль и преосвященный Варлаам, епископ Архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // Русская старина. 1905. № 6. С. 671–680.

кивает митрополит Вениамин: «В его речи уже виден будущий человек “опыта”, а не только знаний; уже наметился пастырь-молитвенник. Нередко мы в юности склонны бываем критиковать наших отцов, не так было у Ивана Сергиева... Благодарит сначала архиерея, как высокого отца за “неоценённые блага образования”. Кто читал творения отца Иоанна, особенно его “Дневник”, тот знает, как высоко всегда отзывался он о богословском образовании; никогда он не унижал его... А потом будущий всероссийский молитвенник и чудотворец обещает — от лица всех окончивших курс — молиться перед престолом Божиим за архипастыря своего, зная, что почти все они, хоть не все в одно время, будут служителями алтарей. Не всем известно, что в мои годы на это служение уходили от 10 до 20 %, а в академии даже и менее: во время же отца Иоанна “почти все”... И — Правдою Божиею — были наши школы закрыты потом, как “малоплодные смоковницы”»[1].

Отец Ивана Сергиева, Илья Михайлович, скончался, когда юноша оканчивал семинарию. Его мать, Феодора Власьевна (1808–1871), осталась вдовою с двумя дочерьми, поэтому Иван сразу же хотел пойти на приход псаломщиком, чтобы содержать семью. Однако решительная мать настояла, чтобы её сын, первый ученик, по направлению ехал на учёбу в Санкт-Петербургскую Духовную академию. И 28 июля того же года будущий пастырь выехал из Архангельска в Санкт-Петербург[2]...

Теперь обратимся к жизненному пути Георгия Гапона.

Он родился 5(17) февраля 1870 г. на Полтавщине в селе Беляки. Отец — Аполлон Фёдорович — казак, мать — крестьянка. Семья верующая, православная, и Георгий с детства был весьма религиозен. Дед часто рассказывал ему жития святых, которые на семилетнего мальчика оказывали такое влияние, что он, молясь, часами простаивал со слезами на глазах перед иконами.

Его отца 35 лет подряд выбирали волостным писарем, но он никогда не брал взяток и, окончив службу, оказался беднее, чем был раньше. Честность унаследовал и сын. Позже, когда Г. Гапон стал известным свя-

---

[1] *Вениамин (Федченков), митрополит.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000. С. 24–25. Примечание: митрополит Вениамин сравнивает со временем своего обучения в Тамбовской Духовной семинарии (1897–1901), а затем в Санкт-Петербургской Духовной академии (1903–1907); в 1911 г. он был назначен на должность инспектора Санкт-Петербургской Духовной семинарии.

[2] Более подробно об учёбе в Архангельских Духовных школах см.: *Балакшина Ю. В.* Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских Духовных школах (1838–1851) // Альманах «Кронштадтский пастырь». Вып. 2. М.: Отчий дом, 2010.

щенником, увлёкшимся революцией, через него проходили значительные финансовые суммы, но никто из соратников не мог его упрекнуть в воровстве. Последние месяцы жизни Гапон проживал в бедности.

Гапон в мемуарах с гордостью пишет о своём отце и с болью о своей Родине: «Вопреки крестьянскому обыкновению, отец никогда не бил детей. Из его разговоров я узнал о всех несправедливостях, сделанных властью по отношению крестьян, узнал о том, как каждый вершок Украины, теперь отданный правительством разным тунеядцам, был полит кровью казаков, сражавшихся за свободу и народное благо и служивших оплотом западному христианству против турок и татар с Востока»[1].

Мы видим, что Георгий Гапон, как и Иоанн Кронштадтский, тоже был выходцем из провинциальной глубинки, из простой семьи. Как и Иоанн Кронштадтский, он окончит Духовное училище, семинарию, а потом и Санкт-Петербургскую Духовную академию, и примет сан священника. Базовые условия жизни этих двух людей подобны. Но возникает вопрос, почему сформировались противоположные друг другу характеры?

Попробуем изложить в сравнительном аспекте основные вехи биографии святого Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона, останавливаясь на тех моментах, которые являются наиболее существенными и имеют непосредственное отношение к раскрытию их взглядов и деятельности, повторяя и подчёркивая, что особенную роль в развитии личности имеют, по слову святителя Феофана Затворника, юношеские годы, когда происходит определение целевой установки человека, в основном, на всю оставшуюся жизнь[2].

Уже первые события биографий Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона позволяют судить о разном характере их воспитания. Духов-

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 4. *Примечание:* мемуары написаны в мае—июне 1905 г. в Лондоне. Это практически единственный источник, повествующий о детских и юношеских годах Г. Гапона. Следует иметь в виду, что писал мемуары не Гапон, а Давид Соскис (1866–1941), родившийся в Бердичеве в семье еврейского купца Вольфа Соскиса и его жены Баси Либы. Соскис получил юридическое образование, стал революционером, в 1898 г. иммигрировал в Англию. После Кровавого воскресенья Гапон некоторое время скрывался в доме Соскиса в лондонском районе Хаммерсмит. В это время Соскис, знавший русский язык, совместно с Дж. Перрисом по рассказам Гапона написал его биографию «История моей жизни», вышедшую под именем Гапона. В 1917 г. Соскис приехал в Россию и стал личным секретарём А. Ф. Керенского.

[2] Епископ Феофан (Говоров), затворник Вышенский, бывший ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (1857–1859), причислен к лику святых.

ное развитие личности будущего светила праведности — Иоанна Кронштадтского с раннего детства было сопряжено с Богом-Творцом через молитвенное обращение к Нему. А маленького Георгия Гапона в особо экзальтированное состояние приводили жития святых, а также разговоры о несправедливости, которые пробуждали в нём бунтарский дух. Стра́стной, склонной в некоторой степени к театрализации натуре будущего народного агитатора более близкими были жанровые житийные эпизоды. Особо его привлекали в некоторых житиях апокрифические мотивы:

«Помню, как меня поразил случай из жизни святого Иоанна, епископа Новгородского, когда он усердно молился, а злой дух, всеми способами стараясь смутить его, прыгнул в чан с водою, стоявший в келии, а святой муж поспешил перекрестить чан и тем закабалил чёрта. Чёрт взмолился, чтобы его выпустили, и обещал сделать всё, что пожелает святой Иоанн. Епископ пожелал быть немедленно перенесённым в Иерусалим, и в ту же ночь они съездили туда и обратно, и святой освободил чёрта. Рассказ этот произвёл на меня большое впечатление: я заплакал, но в то же время желал, чтобы мне представился такой же случай поймать чёрта»[1].

Это поразившее воображение Гапона событие ясно обозначает некие самые яркие черты его характера, врождённые и сформировавшиеся в детстве, а затем проросшие у взрослого — авантюризм и желание поиграть с тёмными силами. Отец Георгий Гапон без особых на то причин и особых духовных трудов был уверен в своей нравственной, духовной силе, верил в лёгкую победу над злом, с которым не боялся заигрывать, и об истинной мощи которого имел, вероятно, весьма смутные представления. Амбициозность и убеждённость в собственном могуществе свидетельствуют о том, что в душу Гапона с детства не было заложено понятие священного страха Божия, который есть начало премудрости.

Душу Гапона рано поразила бацилла бунта, и отчасти виной тому был его отец, который враждебно относился к существующим на Полтавщине порядкам. На всю жизнь Гапон запомнил сцену, когда при виде проезжающей мимо коляски помещика отец сказал: «Смотри, как он гордо глядит, а ведь его коляска и всё, что он имеет, досталось ему нашим трудом». Гапон тогда схватил с земли камень и швырнул вслед проехавшей коляске[2]... Таким был первый практический урок из «революционной теории», усвоенный Георгием Гапоном ещё в детстве.

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 5.

[2] Там же. С. 4.

Интересно отметить, что с Полтавщиной связаны также родовые корни Гоголя и Мазепы. Николай Васильевич Гоголь, гениальный русский писатель, мистический и одновременно молитвенный, тоже заглянул в демонические бездны и в ужасе отпрянул от них, выбрав мучительный, трагический путь ко Христу. Иван Мазепа, поучившись в иезуитской коллегии Варшавы, взял на вооружение методы «совратителя человечества» и стал слугой пяти господ: «Покоевым шляхтичем короля Яна — Казимира, — раз. Ротмистром надворной хоругви правобережного гетмана Дорошенко, союзника Турции и врага Польши, — два. Генеральным есаулом при левобережном гетмане Самойловиче, враге Дорошенко и вассале Москвы, — три. Гетманом Войска Запорожского Его Царского Величества Петра, — четыре. Союзником короля Швеции Карла XII, врага Его Царского Величества, — пять»[1]. Мазепа постоянно предавал то одних, то других, но в гордыне переоценил свои человеческие возможности на поприще зла и обмана и позорно себя погубил. Однако в 2016 г. президент Украины Пётр Порошенко принял участие в торжествах по случаю открытия в Полтаве памятника Мазепе. Этот продувшийся предатель и обманщик возведён в ранг национального героя современной Украины. Из Полтавы также был родом и верный царский фельдмаршал Иван Паскевич, граф Эриванский (1782–1856), который как полководец не проиграл ни одного сражения, чем может сравниться только с Суворовым. Кстати, в своё время в Полтавской семинарии, также как и Гапон, учился Симон Петлюра. Родом из Полтавщины был будущий убийца Гапона Рутенберг Пинхас Моисеевич, выпускник Петербургского технологического института.

Но вернёмся к эпизоду с епископом Иоанном и бесом, в котором просматривается некая мистическая параллель с судьбой Гапона, тоже желавшего поймать и оседлать чёрта и заглянуть в бездну. Не подозревая о существовании третьего закона Ньютона, гласящего, что *материальные точки взаимодействуют друг с другом с силами, имеющими одинаковую природу, направленными вдоль прямой, соединяющей эти точки, равными по модулю и противоположными по направлению*; не зная мысль Фридриха Ницше: «кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем, и если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя», Гапон засмотрелся в эту бездну, из которой неимоверными усилиями удалось вырваться его земляку Гоголю. И был ею поглощён... Но с чего же началось падение?

---

[1] *Бузина О.* Тайная история Украины–Руси. М.: Эксмо, 2016. С. 262–263.

Вероятно, в детстве следует искать условия возникновения столь различной степени почитания своих родителей святым Иоанном Кронштадтским и Гапоном. Отец Иоанн всегда крайне уважительно, послушно и с любовью относился к матери и отцу. Достаточно упомянуть его отказ от употребления непостной пищи в Великом Посту, когда врачи настаивали на этом ввиду серьёзности болезни юноши. Причина отказа была — отсутствие благословения матери. Позже, будучи знаменитым священником, о. Иоанн, несмотря на огромный поток посещающих его людей, не забывал навестить родное село Суру, где жила его мать, а когда не мог приехать сам, вызывал её к себе в Кронштадт. С сыновней нежностью он всегда целовал ее руку на ночь, в сыновнем неутолимом горе проводил мать в последний путь, похоронив на городском кладбище Кронштадта.

Отношения Георгия Гапона с родителями вызывают к ним сострадание. В своих мемуарах он говорит, что в детстве любил отца и мать, но тут же признаётся, что «восставал против деспотизма своей матери», «нарочно бросался в реку, чтобы не идти с ней в церковь», бывал «пойман в пятницу за поедание хлеба с молоком». О матери своей он впоследствии писал как о «запутавшейся в текстах религиозного формализма», а в конце жизни признавался, что даже не знает, как и где она поживает. И отец Гапона, «не способный убить даже муху», якобы имел хорошее влияние на сына, но непонятно, какое именно, если в зрелом возрасте священник признавал, что необходимо «с оружием в руках сбросить самодержавие... не останавливаясь перед жертвами».

Родители отправили Георгия Гапона в Полтавское Духовное училище, где по результатам вступительных экзаменов его приняли сразу во второй класс. В училище один из педагогов, Иван Михайлович Трегубов, давал ему почитать некоторые из запрещённых тогда сочинений Л. Н. Толстого, которые, как признает сам Гапон, «оказали громадное влияние на моё мышление ... Я пользовался каждым случаем, чтобы высказывать эти новые для меня идеи, в особенности у себя в деревне во время праздничных вакаций»[1].

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6. Трегубов Иван Михайлович, кандидат богословия, в одной из своих заметок пишет: «Я давал ему (Гапону) разные книги, которые имелись в училищной библиотеке, и, между прочим, запрещённые сочинения Льва Толстого, ходившие тогда в рукописях, которые я усердно распространял, несмотря на запрещение, среди моих учеников и семинаристов, посещавших меня». Источник: журнал «Освобождение», Париж, № 66, 1905 г., заметка о Г. Гапоне его учителя, толстовца И. М. Трегубова.

Желанием поделиться с односельчанами «новыми идеями» или же самоутверждением и самолюбованием была продиктована эта сформировавшаяся потребность покритиковать и позлословить? Вероятнее всего — и тем и другим.

После Духовного училища Г. Гапон поступил в Полтавскую семинарию. Там произошло уже более тесное соприкосновение молодого семинариста с учением графа Л. Н. Толстого: двое из семинарских преподавателей оказались его последователями: это упомянутый выше Трегубов и Исаак Борисович Фейнерман. Гапон толстовцем не стал, но наставления подобных «учителей», вовлекавших в социальные столкновения, изранили душу не закалённого в подобных сражениях семинариста.

Как отмечает биограф Гапона Д. Сверчков, он «под влиянием толстовца Фейнермана продолжал открыто порицать лицемерие служителей Церкви. За это Гапон был лишён стипендии и стал добывать средства к жизни, давая уроки в богатых домах...»[1]. А вот что сам несостоявшийся пастырь пишет о своём увлечении: «Когда я поступил в семинарию, то и там, под влиянием одного толстовца — Фейермана, я продолжал открыто порицать окружающее меня лицемерие, пока один из священников и один из наставников не донесли на меня семинарскому начальству, что я развращаю товарищей, насаждая семена ересей»[2].

Конечно, еретические увлечения предусматривали «двойную жизнь». Трегубов вспоминает об этом так: «...Я не верил уже в православие, но, тем не менее, я ходил с учениками в церковь, говел и причащался. То же самое делали и мои молодые друзья, которые тоже уже не верили в православие. Некоторые из них, не переставая в душе отрицать православие, поделались потом даже священниками для того, чтобы, под прикрытием священнического сана, успешнее разрушать православие и проповедовать усвоенный ими христианский идеал. Я уверен, что этот самый идеал и соединенный с ним иезуитский принцип были усвоены и Гапоном, и эта-то смесь божеского с дьявольским и погубила его»[3].

Увлечение толстовством оставило след в развитии мировоззрения Гапона, оно подготавливало его к будущему разрыву с Православной Церковью, которую Л. Толстой обвинял в лицемерии. Именно в это

---

[1] *Сверчков Д.* Георгий Гапон. Опыт политической биографии. М., 1920. С. 11.

[2] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6. Гапон пишет «Фейерман», но это явная описка.

[3] Цит. по: *Шубинский В. И.* Гапон М.: Молодая гвардия, 2014. С. 15. (Серия ЖЗЛ).

время Гапон, как он сам пишет, «всё яснее видел противоречие между евангельским учением и обрядностями и догматами Церкви»[1].

Учение графа Л. Толстого было известно и о. Иоанну Кронштадтскому. Очевидно, что оно оставило след и в его душе, но не сочувственный, как у Гапона, а ожоговый. Всероссийский батюшка не побоялся, защищая святую Русскую Православную Церковь, растлеваемый русский народ, открыто опровергнуть заблуждения всемирно известного писателя, причём здесь он был как никогда строг и непреклонен: «Господи, сколько (о ужас) ругается над Тобой и Церковью Твоею, над учением Твоим, над таинствами и богослужением Твоим толстовщина и вся одурманившаяся так называемая интеллигенция».

Святой Иоанн пророчески заметил: «Горе Льву Толстому, не верующему в Господа и умирающему во грехе неверия и богохульства. И смерть Толстого будет ужасом для всего мира».

Небезосновательно граф Толстой Лениным был назван «зеркалом русской революции», поскольку его религиозное учение способствовало подрыву авторитета Православной Церкви в российском обществе и подготавливало почву для построения тиранического богоборческого режима. Поэтому в духовно-нравственной эволюции Гапона увлечение толстовством является далеко не случайным эпизодом. Как известно, после Кровавого воскресенья Гапон так сформулировал свои новые взгляды, возможно, навязанные западной философией: «Бога больше нет!», и очевидно, что к этой мысли он пришёл не сразу, а в результате своего духовного падения, окончившегося гибелью.

Философ А. С. Панарин отмечает, что в XX в. тоталитарное зло выступает в превращённой форме искушения: «Метафизика зла здесь на порядок усложняется, ибо зло теряет свою природную изначальность в качестве особой никчёмной субстанции и становится результатом инверсии. Самое неистовое и разрушительное зло — это бывшее добро — падший ангел, становящийся демоном. Мировые трагедии тоталитаризма не обходятся без змия-искусителя, предпочитающего играть не на худших, а на лучших чувствах. Заполучать худших — не большая заслуга “профессионала” зла. Настоящий азарт мефистофельской игры состоит в том, чтобы совратить лучших. Худшие по природе никогда не будут так неистовы, так вдохновенны и талантливы в злобе, как лучшие, совращённые духом максимализма»[2].

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6.

[2] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 209–210.

Поэтому, наверное, так охотно, бахвалясь, что идут на смерть во имя своих идей, примкнули к радикальным партиям и взялись за террор молодые люди, юноши и девушки 20–25 лет. Немало ушло в революцию и семинаристов. С 1860-х гг. слово «семинарист» приобрело смысл революционера-разночинца. Достоевский под впечатлением деятельности Добролюбова и особенно Чернышевского, который заявлял «я — семинарист», записал в своём дневнике: «Я обнаружу врага России — это семинарист». Действительно, некоторые молодые воспитанники Духовных школ открыто заявляли, что Бога нет, и Царство Божие им придётся устанавливать на земле без Бога. И как народу было не поверить им, ближе других знавшим о духовном мире? Эта примета времени была следствием навязанного извне столкновения «православно-лютеранского исповедания» со святоотеческим, происходившего во многих академиях и семинариях, особенно столичных. Именно в Духовных школах тайно действовали и укоренялись пропагандистские силы, призывавшие изменить православные убеждения на революционные, что являлось следствием попыток приспособления Православия к духу европейского гуманизма — «по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Некоторые учащиеся пропаганде поддавались. Автор этой книги, как бывший ректор семинарии и академии с 18-летним стажем, а также архиерей с 26-летним стажем, свидетельствует, что и сейчас некоторые становятся священниками, чтобы «успешнее разрушать Православие» и особо стремятся к преподавательской деятельности в Духовных школах, являющихся для укоренения их идей благодатной средой.

Очевидны выводы, которые можно сделать на первом этапе сравнительного анализа жизни двух современников — святого Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона. Эти выводы подтвердятся и дальнейшим ходом сопоставления мировоззрений и поступков двух исторических деятелей. А состоят они в том, что личность формируется в первую очередь в процессе отношения с другими себе подобными личностями. В служении на поприще любви и благодати формировалась личность Иоанна Кронштадтского. Личность Георгия Гапона, человека, бесспорно, незаурядного, ищущего, разрушалась самоуверенным пренебрежением государственными законами и осуждением священных основ жизни. Закономерным следствием стала её нравственная и физическая гибель.

В 1893 г. Гапон окончил семинарию и собирался поступать в Томский университет на медицинский факультет. Однако этот путь для Гапона оказался закрыт. Из документов, хранившихся в Синодальном архиве, стало известно, что причиной получения Гапоном диплома вто-

рой степени, помешавшей ему поступить в университет, была грубая выходка по отношению к преподавателю Догматического богословия В. П. Щеглову. «Для меня это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня в жизни, — вспоминает Гапон. — Некоторое время я жил уроками и занимался статистикой в земстве... Теперь я увидел бедноту в цифрах и данных, собранных с больших площадей... и это ещё более укрепило во мне желание посвятить свою жизнь служению рабочему классу и, первым делом, крестьянам»[1].

Очевидно, что уже на первом этапе пастырского служения Гапон утратил уважение к большинству православных священнослужителей, архиереев, да и к самой Православной Церкви, а естественным и последовательным изменением его личности стало отвержение Самого Бога. Это произошло через десять лет после принятия сана священника, якобы «ради верных Христу».

Гапон не хотел быть священником, а мечтал стать врачом. Когда он подрабатывал уроками, то познакомился с дочерью полтавского купца. «Я часто разговаривал с нею, и, когда она узнала о моих планах на будущее, она высказала свое мнение, что положение священника далеко лучше положения доктора для осуществления тех целей, которые были мне дороги... Когда я возразил ей, что *мои принципы противоречат* (выд. авт. ст. — *М. К.*) учению Православной Церкви, она ответила, что этого мало, так как главное дело — быть верным не Православной Церкви, а Христу, Который есть идеал служения человечеству... Это убедило меня, и я решил сделаться священником»[2]. Налицо толстовское противопоставление Христа и Его Церкви, которая является мистическим Телом Христа, а Христос — её Главою.

В 1894 г. Гапон женится и через два года принимает сан священника. Добрый, снисходительный епископ Иларион[3] определил его на хорошее, доходное место при кладбищенской церкви в Полтаве. Там молодой проповедник учредил братство для бедных и развернул активную социальную деятельность. Народ его полюбил. Часть духовенства осуждала неординарного коллегу, но архиерей продолжал относиться доброжелательно и покровительствовал ему.

Вспоминая свой полтавский период жизни, Гапон напишет: «Женат я был четыре года, а священником был два года. У нас было двое де-

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6.

[2] Там же. С. 7.

[3] Епископ Иларион (Юшенов) (1824–1904) возглавлял Полтавскую и Переяславскую епархию в 1887–1904 годах.

тей — девочка и мальчик. После рождения мальчика жена моя серьёзно заболела... И она умерла на моих руках, ...мне казалось, что всё светлое отлетело из моей священнической жизни... Я был так удручён, что стал опасаться за свои мозги»[1].

В 1898 г. Гапон покинул ставшую ему постылой Полтаву и на следующий год по ходатайству епископа Илариона и при содействии обер-прокурора К. П. Победоносцева поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию.

Духовная лествица отца Иоанна Кронштадтского

Иван Сергиев по окончании Архангельской Духовной семинарии был принят в Санкт-Петербургскую Духовную академию в 1851 г. на казённый счёт. Следует отметить, что ректором академии был епископ Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский, известный своими фундаментальными богословскими и церковно-историческими трудами и строгостью, которая являлась неотъемлемой частью всего учебного процесса в академии, и особенно дисциплины. Владыка Макарий, будучи ректором академии с 1850 по 1857 гг., очень внимательно относился ко всем сторонам академической жизни, но больше всего к воспитательной, поскольку до этого, с 1844 по 1850 гг., являлся инспектором столичной же академии. Примечательно, что уже через месяц после своего назначения на пост ректора Владыка Макарий предложил усилить инспекторский надзор за студентами даже в учебное время: «Было, что для постоянного наблюдения за воспитанниками полезно было бы, если бы они находились под надзором инспектора и его помощников не только в жилых комнатах во время свободное от классических занятий, но в самых классах при слушании наставнических лекций, которые продолжаются шесть часов ежедневно»[2].

«Нынешней свободы в академических стенах тогда не было и в зародыше. За студенческим поведением строго следили даже в классах во время профессорских лекций. Инспектор и помощники его, согласно “представлению” “Внутреннего академического правления” (от 6 февраля 1851 г., № 43) на имя С.-Петербургского митрополита Никанора (8 февраля подписавшего: “согласен”), обязаны были и в аудиториях наблюдать за студентами, как последние вели себя в присутствии про-

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 7–8.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2227. Журналы заседаний членов внутреннего Академического правления. Л. 2.

фессоров. Нарушения академических правил поведения карались внушительно и непопустительно. Когда, напр., инспектор архим. Иоанн сообщил (1 сентября 1854 г.) о студенте Викторе Никольском, что последний был им замечен “в беспорядочном препровождении времени, соединённом с нетрезвостью”, то академическое правление распорядилось посадить взрослого человека просто-напросто “в карцер на два дня” и об его проступке вписать “в книгу поведения”... Времена были “серьёзные”»[1].

Впоследствии о. Иоанн, сравнивая начало XX в. со своими временами обучения в Духовных школах, писал: «...теперь в семинариях преподавание наук совсем другое, да и всё пошло не так»[2].

Вероятно, это «не так», это послабление порядка, академических правил обучения, произошедшие в поздние времена, когда семинаристом был Г. Гапон, тоже поспособствовало изменению личности будущего священника, не проявлявшего должного почтения не только к образовательному процессу, но и к самим преподавателям.

Отец Иоанн Кронштадтский всегда с неизменным уважением отзывался о духовном образовании. Так, в проповеди в день памяти своего небесного покровителя преподобного Иоанна Рыльского он подчеркнул: «При слабых физических силах прошёл я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души»[3].

Сразу бросается в глаза разница в оценке духовного образования, которую давали о. Иоанн Кронштадтский и о. Георгий Гапон.

«Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной академии, имела на меня особое благоприятное влияние, — писал отец Иоанн. — Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили моё миросозерцание, и я, Божиею благодатию, стал входить в глубину бого-

---

[1] *Бронзов А. А.* К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. (Некоторые справки из архива С.-Петербургской Духовной академии) // Душеполезное чтение, 1909. Ч. 1. С. 390–391.

[2] *Духонина Е.* Как поставил меня на путь спасения о. Иоанн Кронштадтский. Дневник духовной дочери. М., 1998. С. 163.

[3] *Иоанн Кронштадтский.* Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев / сост.: Т. И. Орнатская и др. М.: Отчий дом, 2004. С. 24.

словского созерцания, познавая более и более глубину благости Божией, создавшей всё премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все создания твёрдым, жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, *вземлющего грехи мира* (Ин. 1:29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было во мне вселено́ ещё благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних Отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божием в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слёзы, сгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил моё желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведён был на высоту священнического сана»[1].

Учёбу Иван Сергиев совмещал с работой: за гроши переписывал в канцелярии по ночам бумаги. После смерти отца он остался единственным кормильцем в семье. Скудное жалование Иван пересылал матери. Но первый заработок за переписку сочинений старшего товарища он употребил на покупку толкования святителя Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и радовался этой покупке как сокровищу из сокровищ[2].

В связи с тем, что творения святителя Иоанна Златоуста окажут большое влияние на о. Иоанна Сергиева, о чём будет сказано ниже, можно обратить внимание на следующий факт. Данная покупка была совсем не случайной. Дело в том, что именно в 1840–1850 гг. Санкт-Петербургская Духовная академия переводила в систематическом порядке творения святителя Иоанна Златоуста, тогда как остальные три академии поделили между собой творения других Святых Отцов и Учителей Церкви. Впоследствии, в 1895–1906 гг., столичная академия издаст уже полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста в 12-ти томах. И в

---

[1] *Иоанн Кронштадтский.* Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев / сост.: Т. И. Орнатская и др. М.: Отчий дом, 2004. С. 25.

[2] Святой праведный Иоанн Кронштадтский: проповеди, воспоминания современников и родственников / сост. С. М. Шемякина, Т. Н. Шпякина. М.: Издательский совет РПЦ, 2002. С. 10.

1907 г., когда весь христианский мир отмечал 1500-летие со дня кончины святителя, о. Иоанн преподнесёт это издание Императору Николаю II, за что тот через правящего митрополита ответит: «Академию благодарить»[1]. Примечательно, что второе издание выходило как раз в период обучения в академии священника Георгия Гапона, но на него труды святителя Иоанна, если он вообще их читал, не оказали никакого влияния.

Уединённое помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьёзному студенту Ивану Сергиеву ещё бóльшую возможность заниматься своим образованием и в особенности чтением трудов Святых Отцов. В студенческие годы он отличался в учёбе особым прилежанием. Кроме добросовестного изучения обязательных предметов Иван читал и великих богословов, особенно любил творения святого Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг начинал хлопать в ладоши святому Златоусту, до такой степени восхищала его красота и глубина ораторства Вселенского учителя. Такое творческое проникновение в труды Великого святителя, вероятно, определяется не только художественной и духоносной их гениальностью, но особым талантом восприимчивости души неравнодушного читателя этих трудов — будущего о. Иоанна Кронштадтского, который от уважения и благоговения к людям, его окружавшим и послужившим ему, постоянно возрастал в благоговении к Самому Творцу и Спасителю мира.

В связи с этим хочется повторить, что, согласно святоотеческому учению и на примере служения самóго Иоанна Кронштадтского, — личность формируется в правильном направлении, если в ближнем мы видим образ Божий, и общение с подобными нам людьми должно научать нас верному отношению к Богу.

Иван Сергиев в разрядных списках занимал по возрастанию места под номерами: 18, 25, 26, 29, 33, 35, 36... (из 39-ти)... Академический курс он окончил под № 35 (из 39-ти)[2]. В аттестате было отмечено, что Иван Сергиев «в августе 1851-го года поступив из Архангельской Духовной семинарии в Санкт-Петербургскую Духовную академию, обучался

---

[1] Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1907/1908 учебный год. СПб., 1908. С. 93.

[2] *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-и курсов Санкт-Петербургской Духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. LXV. Вместе с отцом Иоанном академию в 1855 г. окончил такой выдающийся в будущем профессор Санкт-Петербургской академии, как М. О. Коялович, доктор церковной истории и крупнейший специалист по истории Западной Руси и Брестской унии.

в ней, при способностях хороших, прилежании и поведении очень хороших...»[1].

Такой авторитетный исследователь жизни и трудов святого праведного Иоанна Кронштадтского, как митрополит Вениамин полагает, что «с товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более весёлых товарищеских пирушек. Подобно древнему святому Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднословия было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него всё время и внимание»[2].

Однако воспоминания самого́ о. Иоанна вносят некоторые коррективы в эту характеристику, словно иллюстрируя известную мысль В. Лосского о том, что любовь предполагает свободу, то есть возможность выбора бунта или отказа от него. Запись в дневнике от 15 ноября 1906 г. позволяет увидеть о. Иоанна обыкновенным живым студентом:

«Вспомнил я свою Санкт-Петербургскую академию и жизнь мою в стенах её, которая была не безгрешна, хотя я был весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем сердцем.

Грехи мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина, и только один Бог хранил меня от беды, что я не попадался начальству академии и не был выгнан из неё, как был выгнан студент Метельников (Вас. Иванович, из Нижегородской семинарии), напившийся до бесчувствия и отморозивший себе руки за стенами академии. (Ворота были заперты на ночь, и он не мог попасть в академию.) Благодарю Господа за милость и сокрытие моих грешных поступков. А то ещё был случай: в один двунадесятый праздник было приказано мне за всенощной стоять и держать митру архимандриту Кириллу, экстраординарному профессору и помощнику инспектора академии, а я <митру> не снял, и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сделал, ответил: “Сам снимет”. Как мне сошла эта грубость, не знаю, но только архимандрит, видимо, обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня. Он читал Нравственное богословие и был родственник ректора академии епископа Макария Винницкого. Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор

---

[1] *Бронзов А.* К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского (Некоторые справки из архива С.-Петербургской Духовной академии) // Душеполезное чтение, 1909. Ч. 1. С. 393.

[2] *Вениамин (Федченков), митрополит.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000. С. 27.

Иоанн (Соколов), лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника»[1].

Вместе с Иваном Сергиевым на этом курсе обучался А. И. Предтеченский, будущий блестящий и талантливый профессор академии и первый редактор академического журнала «Церковный Вестник», окончивший курс под 2-м номером.

В академии у Ивана Сергиева появилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине среди аборигенов Сибири и Северной Америки. Подтверждением этого является тот факт, что «студент Сергиев в числе семи состоял ещё слушателем на (не обязательном) “миссионерском” отделении (или “классе”)»[2].

В 1855 г. о. Иоанн окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия, представив работу «О Кресте Христовом в обличении мнимых старообрядцев». Однако, пожив в столице четыре года и осмотревшись, он решил, что полезнее будет заняться пастырско-духовной работой. «Размышляя однажды о предстоящем служении Церкви Христовой во время уединённой прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда ещё не был»[3].

В этом же 1855 г. ключарь Кронштадтского Свято-Андреевского собора протоиерей Константин Несвицкий овдовел и по болезни ушёл на покой. На его место 12 декабря того же года был назначен священник Иоанн Ильич Сергиев, женившийся на дочери своего предшественника Елизавете Константиновне[4], с которой они ранее познакомились на академическом вечере. Диаконскую хиротонию 10 декабря (по ст. стилю) совершил ректор академии, епископ Винницкий Макарий (Булгаков), а через два дня, 12 декабря, была хиротония во пре-

---

[1] *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. М., 1995. С. 172–173.

[2] *Бронзов А.* К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского (Некоторые справки из архива С.-Петербургской Духовной академии) // Душеполезное чтение, 1909. Ч. 1. С. 392.

[3] *Пантелеимон, архимандрит.* Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Б. м., 1976. С. 4.

[4] О семье Иоанна Кронштадтского подробно см.: *Шемякина С. М.* Св. Иоанн Кронштадтский и семья Несвицких // Свято-Иоанновские чтения. Церковно-научная конференция. Вып. 1. СПб.: Изд-во Леушинского подворья, 2001. С. 38–41.

свитера, которую совершил Христофор, епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургского митрополита.

Карьерные ступени Георгия Гапона

Священнику Георгию Гапону поступить в Санкт-Петербургскую Духовную академию было непросто из-за плохих семинарских документов. Не особо помогло и хорошее рекомендательное письмо епископа Илариона. Но его выручила дерзкая настойчивость в сочетании с вкрадчивостью и удивительной способностью находить в разговоре неожиданные, но точные ходы. Практически получив отказ при аудиенции у обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, соискатель понял, что все его надежды рушатся, и это вызвало в нём негодование и протест: «“Но, Ваше превосходительство, — крикнул я, — вы должны меня выслушать, это для меня вопрос жизни. Единственное, что мне теперь остаётся — это затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу, я не могу примириться с отказом”. Очевидно, в моём голосе было что-то, что остановило его. Он повернулся ко мне, с удивлением слушая меня, и, пристально глядя мне в глаза, вдруг сделался милостив ко мне. — “Да, епископ Иларион говорил мне о вас; хорошо, идите к отцу Смирнову на дом — он живёт теперь в Царском Селе — и скажите ему от меня, что он должен прислать благоприятный доклад в Святейший Синод”»[1].

В итоге получилось так, что Победоносцев — имперский охранитель и воспитатель Царя — четверть века положивший на то, чтобы остановить, предотвратить, задержать революцию, сам способствовал переселению в столицу человека, которому суждено было нажать спусковой крючок[2]. Кстати, Гапон одновременно воспользовался помощью своей покровительницы — богатой полтавской дамы, владевшей домом на Адмиралтейской набережной в Петербурге, где он и поселился. Все современники отмечали обаятельность о. Георгия Гапона и его умение устраиваться. Следует подчеркнуть, что поступление в Санкт-Петербургскую Духовную академию для священника Георгия Гапона было единственной возможностью перебраться из провинции в столицу.

Великий пастырь Иоанн Кронштадтский не кричал, как Гапон, о необоримом желании овладеть наукой, чтобы «помогать народу». Он владел ею в совершенстве с юных лет, с тех лет, когда на всю жизнь взял за образец слово Божие и подвиг Христов.

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 10.

[2] *Шубинский В. И.* Гапон. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 29. (Серия ЖЗЛ).

Непримиримый Гапон очень быстро остыл к духовной науке, если вообще когда-нибудь у него был искренний к ней интерес. «Я думал, — пишет несостоявшийся богослов, оправдывая своё небрежное отношение к учебе, — что в этом святилище науки, тем или другим путём, я приобрету то, что поможет мне служить правде и народу, но надежды мои совсем не оправдались... Только профессор истории Церкви Болотов составлял исключение. Это был серьёзный и очень умный человек; остальные вовсе не соответствовали своему назначению»[1]. Действительно, профессор по кафедре истории Древней Церкви Василий Васильевич Болотов (31 декабря 1853 (12 января 1854) — 5 (8) апреля 1900) являлся самым выдающимся профессором Санкт-Петербургской Духовной академии синодального периода[2].

Однако приведённое критическое отношение Гапона к профессорско-преподавательской корпорации столичной высшей богословской школы совершенно не соответствует действительности, поскольку в те времена в Санкт-Петербургской Духовной академии преподавали и другие известные не только в России, но и за её пределами профессора. Особого внимания заслуживает научно-исследовательская и педагогическая деятельность таких профессоров, как Николай Никанорович Глубоковский[3] — по кафедре Нового Завета, «ипат византологов» Иван

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 10.

[2] В научных трудах Болотов следовал изначально принятому правилу публиковать всегда только исключительно что-либо новое. Василий Васильевич знал около 20 языков. В 1896 г. за многочисленные капитальные труды Болотов получил степень доктора церковной истории honoris causa. Современники на этот счёт говорили следующее: «Да и что могла прибавить докторская степень к его учёной славе. И без этой степени он давно уже был и для академии, и для всех учёных кругов — как бы прирождённый доктор. Но сама докторская степень как бы принижалась тем, что её не имел Василий Васильевич». Болотов оказал большое влияние на развитие богословской науки в России. К началу XX в. сложилась так называемая «болотовская» церковно-историческая школа, к которой принадлежали его последователи и ученики (прот. М. И. Орлов, прот. П. И. Лепорский, прот. Д. А. Лебедев, академик Б. А. Тураев и др.). Его последними словами были: «Как прекрасны последние минуты! Христос идёт, Бог идёт. Иду ко Христу». См.: *Уберский И. А.* Памяти проф. В. В. Болотова // Христианское чтение. 1903. Ч. 1. № 6. С. 821–849; Ч. 2. № 7. С. 3–26; № 9. С. 265–277; № 10. С. 399–406; *Бриллиантов А. И.* Проф. В. В. Болотов: Биографический очерк // Христианское чтение. 1910. № 4. С. 421–442; № 5/6. С. 563–590; № 7/8. С. 830–854; *Константин (Горянов), архиепископ.* «Сторичный плод». К 100-летию со дня кончины В. В. Болотова // Родная Ладога. 2014. № 4. С. 66.

[3] Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) — занял кафедру Нового Завета в столичной академии, с которой связал свою жизнь на весь

Егорович Троицкий[1] — по кафедре общей церковной истории, Николай Васильевич Покровский[2] — по кафедре литургики и церковной археологии, Александр Александрович Бронзов[3] — по кафедре нравственного богословия, Александр Павлович Лопухин[4] и Николай Афанасьевич

последующий период вплоть до 1918 года. В 1898 г. защитил докторскую диссертацию «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование». С 1904 г. и вплоть до 1911 г. состоял редактором «Православной богословской энциклопедии» (1900–1911). В 1909 г. был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности. После закрытия академии Глубоковский эмигрировал в Болгарию, где и скончался в 1937 г., оставив после себя колоссальное наследие в области библеистики и церковной истории. Был избран членом-корреспондентом Болгарской академии наук, почётным членом Библейского общества в Лондоне. Н. Н. Глубоковский, ставший гордостью духовной школы России, был одним из самых выдающихся православных богословов своего времени, соединившим христианскую ортодоксальность с научными методами европейского просвещения. См.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского учёного. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. 1008 с.

[1] Троицкий Иван Егорович (1834–1901) — доктор богословия. Вот что пишет о нём профессор СПбДА И. И. Соколов: «Имя этого учёного окружено ореолом высокой талантливости, беззаветной любви к греческому востоку, превосходным знанием его языка и истории, изумительным пониманием основных задач византиноведения и необыкновенною продуктивностью в научных работах этой отрасли знания. ...И вообще, сделал для византиноведения так много, что его почтенное имя всегда будет стоять в первом ряду византологов востока и запада» См.: *Соколов И. И.* Иван Егорович Троицкий — «ипат византологов», его учёные труды и историческое значение // Христианское чтение. 1904. Т. 1. Февраль. С. 314–315. Троицкий придавал самое серьёзное значение первому настоящему научному опыту студента — кандидатской диссертации. В своём духовном завещании он предоставил Санкт-Петербургской академии две тысячи рублей с тем, чтобы проценты с них ежегодно выдавались за лучшее кандидатское сочинение по «Истории Восточной Церкви после Седьмого Вселенского Собора».

[2] Покровский Николай Васильевич (1848–1917) — ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургики, директор Императорского Археологического института; основатель церковно-археологического музея при Духовной академии. См.: *Пивоварова Н. В.* Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 41–118.

[3] Бронзов Александр Александрович (1858–1936/37) — богослов, церковный историк, духовный писатель, публицист, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии по кафедре нравственного богословия в 1894–1918 гг. См.: *Бовкало А. А., Богданова Т. А.* Бронзов А. А. // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 262–263.

[4] Лопухин Александр Павлович (1852–1904) — профессор, известный своей более чем активной научной, публицистической и издательской де-

Скабаланович[1] — по кафедрам всеобщей и новой гражданской истории, Иван Саввич Пальмов[2] — по кафедре истории славянских церквей. И это далеко не полный перечень выдающихся учёных, успешно подвизавшихся в столичной академии на рубеже веков.

Ректором академии после епископа Бориса (Плотникова) с 1901 г. стал епископ Сергий (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси, который уже в то время зарекомендовал себя весьма неординарной личностью, выдающимся богословом и иерархом.

Достаточно упомянуть, что именно в период своего ректорства епископ Сергий был председателем Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, которые стали «"встречей" русской богоискательной интеллигенции и Православной Церкви, своеобразным ответом на возросший интерес части интеллигенции к религиозно-философским

ятельностью. Чтобы по достоинству оценить творческий потенциал и колоссальную работоспособность А. П. Лопухина, достаточно упомянуть, что помимо преподавательской деятельности он с 1893 г. был ещё редактором одновременно двух академических журналов «Церковный Вестник» и «Христианское чтение» (до этого для редактирования каждого журнала назначался отдельный человек), а с 1899-го ещё и журнала «Странник». Особо следует упомянуть, что в связи с изданием современной «Православной энциклопедии», где задействованы лучшие и довольно многочисленные учёные силы Православной Церкви, в самом начале XX в. первая попытка издания подобной энциклопедии принадлежала именно Александру Павловичу, который приступил к реализации проекта без посторонней помощи и используя свои собственные средства. Первые пять томов энциклопедии вышли под редакцией А. П. Лопухина в 1900–1904 гг. в качестве ежегодного бесплатного приложения к журналу «Странник». См.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского учёного. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 249–303.

[1] Скабаланович Николай Афанасьевич (1848–1918) — профессор по кафедре новой общей церковной гражданской истории, известный также своими трудами по истории Византии в послесоборный период. Особое место среди работ Н. А. Скабалановича занимает фундаментальное сочинение «Византийское государство и Церковь в XI в.». Скабаланович был также редактором академического журнала «Церковный Вестник» с 1886 по 1892 гг., где поместил большое число научных и публицистических статей и заметок. См.: *Лебедева Г. Е.* К истории изучения творческой биографии Н. А. Скабалановича // Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI в. от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексия I Комнина: в 2-х кн. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. Кн. 1. С. 5–22.

[2] Пальмов Иван Саввич (1855–1920) — заслуженный ординарный профессор, крупнейший знаток истории славянских народов. См.: Профессор И. С. Пальмов (К 30-летию его профессорской деятельности) // Церковный вестник, 1911. № 36. Стлб. 1117–1120.

вопросам»[1]. Эти собрания были очень популярны и вызвали большой интерес в обществе[2]. «И когда правительство в 1903 г. запретило Религиозно-философские собрания в Петербурге, это запрещение, как ни странно, усилило традиционную заинтересованность интеллигенции в дискуссиях по вопросам общерусской важности»[3]. Эти собрания посещал и о. Георгий Гапон.

Что же касается деятельности студентов помимо учёбы, то при академии действовали Общество студентов-проповедников (с 1887 г. под патронатом «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви») и Студенческое психологическое общество (с 1900 г.). Посильно продвигались студенты под руководством наставников в деле распространения религиозно-нравственного просвещения. Немногие из них пошли на революционные баррикады в 1905 г. и кричали о бедственном положении Церкви, а большинство скромно и молитвенно исполняли своё предназначение.

Профессор Н. Н. Глубоковский так вспоминал об этих временах: «Студенты ограничивались своими специальными академическими кружками (пастырским, проповедническим) и вели скромную работу, видимо, столь благовидную и памятную, что уже при большевиках, когда разрушались чтимые часовни и осквернялись чудотворные иконы, один из них, потом митрополит Петроградский Вениамин [(Казанский), мученически убиенный в 1922 г.], получил дорогую митру и всегда при обозрении приходов был провожаем целыми толпами народа с пением и горящими свечами, пока ему не запретили угрожающе даже переезд за Неву на Охту...»[4].

Таким образом, Санкт-Петербургская Духовная академия в конце XIX — начале XX вв. переживала свой небывалый расцвет не только в

---

[1] *Половинкин С. М.* На изломе веков. О Религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005. С. 490.

[2] См.: *Константин (Горянов), епископ.* Опыт встречи. К 100-летию Религиозно-философских собраний // Журнал Московской патриархии. 2003. № 1. С. 64–71.

[3] *Богачевская-Хомяк М.* Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей / под ред. Н. П. Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург, 1975. С. 87 (машинопись).

[4] *Глубоковский Н. Н.* С.-Петербургская Духовная академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. Сремски Карловци, 1936. С. 58.

научной, но и в общественной деятельности, который в силу малой духовной чуткости и потери интереса к богословию (если вообще этот интерес был) не увидел или не захотел увидеть о. Г. Гапон.

О пребывании Гапона в Петербургской Духовной академии (1898–1903) сохранились воспоминания священника М. С. Попова, на основании которых И. А. Бухбиндером написана статья «Из жизни Г. Гапона». Попов близко знал Гапона, они вместе учились в академии и одновременно служили в детском приюте. Что же касается обучения и поведения Гапона в академии, то есть свидетельства, что «Гапона студенты сразу невзлюбили. Он отличался большой практичностью, неприятно бросавшейся в глаза. Так, например, в общежитии студенты жили по 10–15 человек в одной комнате. Гапон каждый раз так устраивался, что занимал самостоятельно комнату. Однажды для этого он выселил служителя канцелярии, сообщив начальству академии о том, что тот не имеет права жить в академии. В другой раз он заявил, что болен, и поселился в отдельной комнате в больнице. Он занимал её долгое время, и врачу — заведующему больницей — пришлось вести с Гапоном долгую борьбу. Лекции Гапон посещал очень редко»[1].

Да и сам о. Георгий Гапон, вспоминая об этом времени, оправдываясь, признаётся, что: «постепенно я потерял всякий интерес к лекциям и понял, что никаких серьёзных познаний от профессоров я не получу»[2]. Очевидно, что интересы и устремления Гапона были уже совсем другими.

На радость Гапона викарный епископ Вениамин приглашает его участвовать в миссии для рабочих, созданной при церкви на Боровой улице. Работа в миссии дала ему возможность определиться со своим мировоззрением в области социального служения. «На собрании миссионеров, где обсуждался дальнейший ход работы, я высказал своё мнение, что для укрепления работы миссии необходимо сорганизовать рабочих для взаимной поддержки и кооперации, чтобы они могли улучшить экономический быт своей жизни, что я и считал необходимой предварительной стадией для их нравственного и религиозного воспитания»[3].

Таким образом, о. Георгий Гапон приходит к выводам, диаметрально противоположным тем, которые сделал в своё время о. Иоанн Кронштадтский. Гапон принимает примат внешнего делания над духовным и необходимость вначале накормить рабочего, а затем уже тре-

---

[1] *Бухбиндер И. А.* Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец, 1922. № 1. С. 101–102.

[2] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 11.

[3] Там же.

бовать от него духовной жизни. Соблазном социализма, материалистической идеологией проникся священнослужитель. Это ли не трагедия личности, призванной владеть своей природой и природой мира, но вместо этого подчиняющей себя и ближних требованиям природы и ставящей свою нравственность в прямую зависимость от материальных нужд? Вскоре Гапон оставляет миссионерство ввиду невозможности распространения своего мировоззрения.

Гапон жалуется на ухудшение здоровья, и администрация Духовной академии, о которой он неоднократно отзывался так пренебрежительно, отправляет своего студента в Крым на поправку. Там молодой священник был любезно приглашен епископом Таврическим Николаем провести время лечения в Георгиевском монастыре, где неудавшемуся миссионеру был оказан почёт и уважение. Однако вместо чувства благодарности поправившийся священник Гапон потом напишет в своей биографии: «Всюду заброшенные богатства и праздная, даже непорядочная жизнь. С каждым днём я убеждался, что все эти тысячи монастырей только питомники порока и рассадники народного суеверия»[1].

Хорошее впечатление на Гапона произвели только художник Василий Верещагин, писатель Янчин, дворянин Михайлов, искренне советовавшие пастырю душ человеческих навсегда снять рясу, чтобы стать более свободным в грядущем служении народу[2].

Очевидно, что этот кризис личности Гапона, выразившийся в переоценке исконных ценностей, стал закономерным результатом начавшегося с юности духовного разрушения. Гапон был отравлен классовой ненавистью, соблазнён идеями толстовцев. Это под влиянием толстовцев (вирус, который вызывает уродливую мутацию даже в здоровом организме, если нет иммунитета) Гапон начал отходить от Православия.

И именно в это время начинает нарастать в нём стремление как-то проявить себя, своё «я». Истероидные черты личности (холерик по темпераменту), очевидно, присущие Гапону, провоцировали в нём тщеславие, гордыню, демонстративно показное поведение.

В рабочих кварталах: священник-монархист и священник-революционер

Вернувшись в Петербург, священник Гапон продолжил свою проповедь в рабочей среде. Позже товарищем обер-прокурора Святей-

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 13.

[2] Там же. С. 12.

шего Синода Владимиром Карловичем Саблером он был привлечён к постоянной миссионерской деятельности в рабочих районах. Замечательно, что сначала Победоносцев, потом Саблер — верные служители монархии, не предвидя последствий, оказались покровителями будущего борца с самодержавием. Надо сказать, что государство задолго до Гапона озаботилось религиозно-нравственным просвещением рабочих, проводимым под патронатом Церкви. По предложению Саблера Гапон стал вести нравственные беседы в церкви Всех Скорбящих Радость в Галерной гавани. В этой западной приморской части города, страдавшей от наводнений, находились судоверфи и множество других промышленных предприятий. Беседы организовывало Общество религиозно-нравственного просвещения, возглавляемое протоиереем Философом Орнатским, будущим священномучеником (убит в 1918 г. во время «красного террора»). Конечно, такой представительский уровень льстил самолюбию Гапона. Он был очень увлечён своей деятельностью, понимая, что его сан во многом помогает проповеднику проявить себя в массах. На проповеди Гапона собиралось (по его сведениям) до 2 тыс. человек. Беседы страстного молодого священника приходил послушать даже отец инспектор Сергий (Страгородский), будущий борец с обновленчеством и Патриарх в советской России. Однако Гапон быстро терял интерес только к дидактическим нравоучениям. Его темперамент требовал организационной работы, ему хотелось руководить массами.

Георгий Гапон становится своим человеком в рабочих кварталах, там его знают и любят. Эффектная, красивая внешность, незаурядный ораторский талант, умение производить впечатление на духовных и светских начальников обеспечили ему популярность среди прихожан и сравнительно неплохие места службы. «Меня стали приглашать в салоны титулованных особ, близких к придворным сферам, где я вскоре совсем освоился. В это время я познакомился с различными представителями придворной знати... В обществе этом была женщина, которую я глубоко уважал. Это была Елизавета Нарышкина, старшая гофмейстерина при императрице, дама высшего аристократического круга, весьма любимая царём и императорской фамилией. Женщина добрая и умная, она была основательницей многочисленных благотворительных учреждений, вполне удовлетворявших своему назначению»[1].

Когда ещё Гапон учился на втором курсе академии, ему предложили место главного священника во втором приюте Синего Креста — от-

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 15.

делении Общества попечения о бедных и больных детях. Вторым священником в приютской церкви был однокашник Гапона священник М. Попов, по воспоминаниям которого мы можем составить себе представление о не совсем обычном «демократичном» поведении Гапона на этих должностях. С детьми Гапон охотно играл в лапту, в церкви организовал вокальное трио, к бедным прихожанам ходил пить чай со своим чаем и сахаром, отдал бедняку сапоги, а сам ходил в каких-то женских туфлях. Неудивительно, что паства столь необычного батюшки быстро увеличивалась. «Видя успех его проповедей, начальство души в нём не чаяло, он всех словно околдовал, ему приносили корзины фруктов и вин, — сообщает М. Попов, — в приюте не полагалось квартиры для духовенства, но для Гапона сделали исключение»[1]. Биограф Гапона В. Шубинский приходит к выводу, что «отец Георгий не был оратором в обычном смысле слова. Скорее, он обладал талантом режиссёра. Важны были не слова, которые он говорит, а особые приёмы, безошибочно воздействовавшие именно на этих, в этот час, в этом месте собравшихся людей... Сам Гапон тоже любил их — не только девочек, но и того бедняка, которому жертвовал сапоги, и того, с кем пил чай, и всю свою паству... На лицемерии далеко не уедешь, даже в соединении с талантом. Он любил, и его любили»[2].

Св. Иоанн много раньше о. Георгия Гапона пошёл в народ, он проводил благотворительную работу со своею паствой не на словах, а на деле и имел в столице не меньшую популярность. Следует отметить, что о. Иоанн начинал свою социальную деятельность в середине XIX в. в гораздо худших условиях, чем Гапон в начале XX в., когда Россия находилась на пике экономического развития. Отец Иоанн служил в Кронштадте, который был в его время местом административной ссылки мелких преступников (воришек, пьяниц, бродяг и т. д.): «Кронштадт переполнен неимущим людом. Подвалы и чердаки, наполненные бедняками, представляют явление, не поддающееся описанию, но в них ютятся дети, иногда круглые сироты. И в этих-то смрадных трущобах зачинается их первый детский нравственный рассвет, а порок во всей наготе и дикости является главным, если не единственным их воспитателем»[3]. И о. Иоанн пошёл с действительной, а не с пропагандистской

---

[1] *Бухбиндер И. А.* Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец, 1922. № 1. С. 104.

[2] *Шубинский В. И.* Гапон. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 42–43. (Серия ЖЗЛ).

[3] *Михаил (Семёнов), иеромонах.* Отец Иоанн Кронштадтский. Полная биография. СПб., 1903. С. 34.

помощью к этим падшим, несчастным, отринутым людям. Он стал посещать их убогие жилища, беседовал с бедняками, утешал, ухаживал за больными, оказывал им материальную поддержку, зачастую раздавая им все свои деньги, так что епархиальное начальство принуждено было выдавать жалование его супруге. Вначале окружающие не понимали подвига св. Иоанна, смеялись над ним, даже преследовали, но он всё превозмог своим подвигом веры и любви[1]. Его непоколебимым убеждением была уверенность, что «нужно любить всякого человека и в грехе, и в позоре его». «Не смешивай человека — это образ Божий — со злом, которое в нём, потому что зло есть только болезнь, мечта бесовская, но существо его — образ Божий — всё-таки в нём остаётся»[2].

Постепенно кронштадтцы прониклись уважением к благотворительной деятельности о. Иоанна и стали откликаться на его призывы соучаствовать в ней. Так, в 1872 г. значительный отклик вызвало опубликованное в «Кронштадтском вестнике» обращение батюшки Иоанна «ко всем жителям, имеющим какое-либо состояние»: «Братья мои, кого интересует благо человечества, пусть соберутся и сплотятся в дружное общество, и будем посвящать свои досуги и собирать нравственные и материальные силы сограждан на приискание дома трудящихся и на снабжение его потребными вещами, также и на устройство ремесленного училища». В результате инициативы о. Иоанна и содействия кронштадтцев в 1874 г. было создано при Андреевском соборе приходское попечительство для помощи бедным. С большими трудами создавался первый в России «Дом трудолюбия», который был открыт 12 декабря 1882 года. В нём о. Иоанн устроил рабочие мастерские, где в течение года работало 25 000 человек, женские мастерские, вечерние курсы ручного труда, школу на 300 детей, детский сад, сиротский приют, загородный дом для детей, бесплатное призрение для бедных женщин, народную столовую с небольшой платой и благотворительными обедами, бесплатную лечебницу, воскресную школу[3].

В 1888 г. благодаря заботам о. Иоанна был выстроен ночлежный дом, а в 1891 г. — странноприимный. Ежедневно перед домом о. Иоанна собирались до тысячи нищих, которым он раздавал деньги, достаточные для того, чтобы купить 4 килограмма хлеба на каждого. Соци-

---

[1] *Александр (Семёнов Тян-Шанский), епископ.* Отец Иоанн Кронштадтский. Париж, 1990. С. 34.

[2] *О. Иоанн (Сергиев).* Полное собрание сочинений. СПб., 1892. Т. II. Полный годовой круг слов, поучений и бесед. С. 135.

[3] *Александр (Семёнов Тян-Шанский), епископ.* Отец Иоанн Кронштадтский. Париж, 1990. С. 39–43.

альная работа о. Иоанна доказывает несостоятельность мнения тех, кто считает, что Церковь должна заниматься только духовной работой и не заботиться о материальных нуждах своих чад. Как и его современники — радетели народного просвещения К. П. Победоносцев и С. А. Рачинский, св. Иоанн Кронштадтский придавал огромное духовное и социальное значение христианскому образованию и воспитанию, особенно детей. Он писал: «При образовании чрезвычайно вредно развивать только рассудок и ум, оставляя без внимания сердце, — на сердце больше всего нужно обращать внимание; сердце — жизнь, но жизнь, испорченная грехом; нужно очистить этот источник жизни, зажечь в нём чистый пламень жизни так, чтобы он горел и не угасал, и давал направление всем мыслям, желаниям и стремлениям человека, всей его жизни. Общество растленно именно от недостатка воспитания христианского». С 1857 г. св. Иоанн преподавал Закон Божий в городском училище, затем с 1862 г. также и в классической гимназии Кронштадта. У него не было неспособных учеников, все любили его и ждали. Любовью и вниманием к детям он добивался того, чего нельзя было достичь угрозами и наказаниями.

Впоследствии уже при Доме трудолюбия была устроена продуманная и дифференцированная система образования как для взрослых, так и для детей из малоимущих и нуждающихся семей. В 1890 г. были открыты воскресная школа для взрослых, в которой обучалось более 250 человек в год в возрасте от 14 до 45 лет, бесплатная начальная школа для детей, которую посещали более 250 человек в год, 2 бесплатных начальных училища — для мальчиков (на 200 человек в год) и девочек (на 150 человек). Причём обучение в последних велось по программе Министерства народного просвещения и было рассчитано на 3 года[1].

Отец Иоанн также оказывал духовную и материальную поддержку бедным обителям, в отличие от Гапона, который «убедился, что все эти тысячи монастырей только питомники порока и рассадники народного суеверия». Иоанн Кронштадтский не только посещал Важеозерский монастырь в Олонецкой епархии (Карелия), но постоянно жертвовал свои средства на восстановление храмов после пожара. 1 августа 1892 года он освятил в монастыре вновь построенный пятиглавый Спасо-Преображенский храм с колокольней. Настоящим богатством храма стала сделанная в виде гробницы, украшенная снаружи бронзовыми и золочёными рельефными головками херувимов, посеребренная рака, рас-

[1] *Сурский И. К., [псевд. Ильяшевич Я. В.]* О. Иоанн Кронштадтский. М., 1994. Т. 1. С. 32.

положенная над местом упокоения преподобных Геннадия и Никифора. На ней была выгравированная в золочёном венке надпись: «Св. рака сооружена в благоверное царствование Императора Александра III, Преосвящённого Павла Епископа Олонецкого и Петрозаводского, настоятелем Вениамином, сотрудником иером. Геннадием, на пожертвование благотворителей; освящена о. протоиереем Кронштадтского Андреевского собора Иоанном Ильичем Сергиевым 1892 года». Иоанн Кронштадтский и далее не оставлял своим попечением эту обитель.

Кроме того, с помощью святого праведного Иоанна Кронштадтского, сделавшего Задне-Никифоровскую пустынь (так тогда назывался Важеозерский монастырь в Карелии) широко известной за пределами Олонецкой епархии, были найдены щедрые благотворители, которые пожертвовали для будущего подворья этого монастыря земельные участки в Санкт-Петербурге. По благословению о. Иоанна Екатерина Антоновна Гайлевич и Параскева Михеевна Фадеева подарили Задне-Никифоровской пустыни участки земли и выделили средства для строительства. Кроме того, городским головой тайным советником Владимиром Александровичем Ратьковым-Рожновым был выделен соседний участок для постройки на нём каменного храма. А местный житель Феликс Юсов присоединил к пожертвованиям ещё и свой личный участок. Таким образом, общая площадь территории подворья составила 2170 кв. сажен. 22 ноября 1895 г. о. Иоанн Кронштадтский возглавил освящение монастырского подворья и его временной деревянной часовни во имя преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских (освящение совершали семь священников, в том числе иеромонах Геннадий). Это событие привлекло огромное число петербуржцев, стремившихся увидеть о. Иоанна. В 1897 г. Кронштадтским пастырем на подворье был заложен просторный каменный храм на три тысячи человек в два этажа, с двухъярусной колокольней, спроектированный епархиальным архитектором Н. Н. Никоновым в русском стиле XVI века. Задне-Никифоровская пустынь не располагала свободными капиталами, храм строился на деньги жертвователей, которых привлекал о. Иоанн Кронштадтский. Каменная церковь возводилась в течение десяти лет. Её сооружение посвящалось чудесному спасению императора Александра III с семьёй при крушении поезда близ станции Борки в 1888 году. Храм имел шесть приделов, освящённых поочередно в 1901–1907 годах.

В 1903 г. освятили главный престол на втором этаже церкви в честь Успения Божией Матери. Дом трудолюбия, расположенный в примыкающем к храму четырёхэтажном корпусе, был рассчитан на 200 чело-

Подворье Важеозерского монастыря в Санкт-Петербурге, ул. Крупской, д. 5

век и оказывал большую помощь окрестному фабричному населению. Неимущие горожане получали там пищу и временное пристанище, трудясь на строительстве. При нём существовала церковь во имя благоверного князя Александра Невского. Настоятель подворья иеромонах Геннадий не дожил до окончательного устройства подворья: он положил все свои силы и здоровье на ответственное и трудное дело большого строительства для своей обители. Его погребли в склепе новой каменной церкви. К 1913 г. монастырское подворье включало каменный храм, два каменных и пять деревянных домов, одну квартиру. Братия занимала одно каменное здание целиком и половину другого, всё остальные сдавались под жильё и приносили доход. Большая часть пожертвований поступала в монастырь с петербургского подворья. В июне 1929 г. храм был закрыт и переоборудован под магазин, в послевоенное время там размещался цех завода электробытовых приборов. Позже здание занимали суд и военкомат. Дом трудолюбия был национализирован. Первая Божественная литургия после долгого перерыва была совершена на первом этаже Успенской церкви 28 августа 2014 г., в день главного престольного праздника храма. Сейчас это возрождающееся подворье в Санкт-Петербурге находится по адресу ул. Крупской, дом 5.

Св. Иоанн Кронштадтский своими деяниями, простирающимися и в наше время, всей своей жизнью показал, что возможен путь спасения, что источник спасения — Церковь Христова, она же — единое тело, Глава которого Сам Иисус Христос, а душа — Святой Дух. Для Гапона это понимание было недоступно, главная его идея была противоположна Нагорной проповеди, где заповедано искать прежде Царствия Божия, а о земных благах сказано, что они сами тогда уже «приложатся» нам. Гапоновская установка на материальный быт, как первейшее усло-

вие духовной жизни человека, была для России не нова. Достоевский не уставал предупреждать, что идея, лежащая в существе социализма, есть дьяволово искушение — превратить камни в хлебы. По мысли митрополита Иоанна (Снычева) подлинное «новаторство» Гапона заключалось в том, что он стал оправдывать дьяволово искушение от имени Церкви. «Христианство в пределах только падшего естества» в лице Гапона, сумевшего идеалы безбожного социализма привить христианству, достигает высшей точки.

Естественно, что он стал охладевать к богослужениям, прежнего самоотвержения как не бывало. «Гапон теперь стал хорошо одеваться, купил зачем-то *бурку казацкую* (выд. авт. ст. — *М. К.*). Однако в деньгах он постоянно нуждался. У него стали частыми недоразумения из-за неплатежей по счетам. Далее часто брал он взаймы у знакомых и не спешил возвращать. С начальством приюта у него выходили часто споры. Фруктов, вин и подарков от дам-патронесс приюта уже не появлялось»[1]. Задумаемся, почему Гапон купил казацкую бурку? Не потому ли, что под священнической рясой стала бурлить немирная кровь казацкой вольницы?

Его деятельность быстро политизируется, и в этом он представляет резкий контраст св. Иоанну Кронштадтскому, который при всём своём всероссийском значении и огромной общественной деятельности принципиально уходил от всякой политики и, будучи членом Святейшего Синода в последний год своей жизни, уклонялся от участия в его заседаниях.

А Гапон вскоре оказался замешанным в скандале, заставившем его покинуть приют. «Вдруг матери девочек, воспитанниц этого приюта, стали усиленно брать своих детей из него... — пишет биограф Гапона, — было проведено расследование. Оказалось, что Гапон так “своеобразно” держал себя с воспитанницами старших классов, что пребывание их в этом приюте становилось положительно неудобным»[2].

Когда об этой истории узнал викарный епископ Иннокентий, он тотчас исключил Гапона из Духовной академии и запретил ему служить. Отношения Гапона с попечительским советом приюта настолько обострились, что 2 июля 1902 г. он произнёс перед многочисленной паствой речь, направленную против начальства приюта. Разрыву с детским приютом способствовал тот факт, что в 1902 г. его воспитан-

---

[1] *Бухбиндер И. А.* Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. № 1. С. 104.

[2] *Феликс Г. А.* Гапон и его общественная роль. СПб., 1906. С. 20.

ница, старшеклассница Александра Уздалева, стала гражданской женой Гапона. Православный священник не имеет права вступать в брак повторно.

Впрочем, своё неблаговидное увольнение с прихода Гапон сумел обставить как гонение и произнёс горячую, обличающую руководство проповедь. Громко хлопнув дверью, он уехал в Полтаву с Уздалевой, которая оставалась его гражданской женой до самой смерти Гапона. Но судьба опять ему даёт удивительно редкий шанс. Вернувшийся митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) принял Гапона и восстановил в звании священника и студента академии[1]. Гапон снова стал принимать у себя своих друзей рабочих и разговаривать с ними об их нуждах, о благе народа.

Надо сказать, что в то время далеко не весь пролетариат бедствовал, многие рабочие, особенно высококвалифицированные, были обеспечены. Например, классный слесарь получал в среднем от 80 до 100 рублей в месяц, что в четыре-пять раз превышало зарплату земского учителя или соответствовало зарплате офицера в чине капитана или ротмистра. Такой рабочий жил по стандартам «среднего класса», мог себе позволить снимать квартиру из нескольких комнат или купить собственный домик. Заработки некоторых специалистов — электриков, наборщиков, машинистов-железнодорожников — были ещё выше. Именно эти, не самые бедные рабочие, составляли ядро «революционного пролетариата». Почти все они были грамотными, начитанными, хотя времени на углублённое самообразование столичным рабочим, конечно, не хватало. Но тяга к знаниям у русских фабричных была порой даже жадной. При больших заводах обычно были школы и библиотеки. На многочисленных фотографиях того времени рабочие упитаны и хорошо одеты, на них мы видим белые рубашки, хорошие костюмы, галстуки, их жёны в модных платьях.

Когда был утверждён Петербургский союз рабочих, ректор академии епископ Сергий (Страгородский) произнёс речь, в которой, напомнив о коммуне первых христиан, увещал рабочих не завидовать чужому богатству, а стараться честным трудом, трезвостью и взаимной помощью улучшить условия своей жизни. Однако этот христианский совет разочаровал Гапона, так как он ожидал более радикальных призывов. На этом собрании Гапон был уже не в рясе, а в костюме, что тогда, в присутствии своего ректора, архиерея, было просто вызывающе.

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 16.

Весной 1903 г. перед выпускными экзаменами в Духовной академии о. Г. Гапон наконец-то стал заниматься наукой и задумался о своей будущей жизни. Ректор, епископ Сергий, предложил ему принять монашество, но Гапон, находившийся в гражданском браке с молодой Александрой Уздалевой, понятно, категорически отказался. Свой отказ он, однако же, мотивировал в свойственной ему критической манере следующим образом: «Среди монахов, с которыми я сталкивался в академии, был только один, нравившийся мне. Это был инспектор (архимандрит Феофан Быстров), которого любили все студенты, но и он мне казался сухим и ограниченным человеком. Меня тогда тревожили религиозные сомнения, но, когда я ему о них сказал, он пришёл в ужас и, заявив, что меня искушает сатана, посоветовал читать жития святых»[1].

Летом 1903 г. Гапон оканчивает Санкт-Петербургскую Духовную академию, написав кандидатскую диссертацию «Современное положение прихода в православных церквах греческой и русской». В отзыве на сочинение Г. Гапона было отмечено, что работа по объёму небольшая — 70 страниц. Это лишний раз подтверждает свидетельство современников о том, что священнику Георгию Гапону было не до учёбы ввиду его активной деятельности среди рабочих. Сочинение «состоит из трёх отделов — изложенных в двух главах: вторая делится на два отдела. Первая часть (стр. 6–23) “О приходе в греческой церкви”. Эта часть ни в фактическом материале, ни в выводах не оригинальна: она повторяет нашу книгу “Собрание уставов Константинопольского Патриархата” (Казань, 1902). Работа Г. Гапона в этой части ограничилась простым перифразом»[2]. Примечательно, что кандидатский диплом, несмотря на просьбу священника Георгия Гапона, не был вообще выдан ему на руки, так как он не сдал в фундаментальную академическую библиотеку казённые книги: «1) Гомера “Илиада”, в переводе Кречмера, ч. II-я — 1 руб. 25 коп.; 2) Кюнера “Греческая грамматика”, в переводе Носова — 1 руб. 25 коп. и 3) Носова “Греческая Хрестоматия” — 1 руб. 25 коп.»[3].

Любопытно обратить внимание на то, кого Гапон избрал своим научным руководителем, словно почуял родственную душу. Это был переведённый в 1902 г. из Воронежа выпускник Казанской Духовной академии иеромонах Михаил (Семёнов), к этому времени уже магистр

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 19.

[2] См.: Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское чтение». СПб., 1903. С. 341.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 430. Л. 9.

богословия. Гапон стал его первым диссертантом. В 1905–1906 гг., тогда уже архимандрит, Михаил станет довольно активно выступать с проповедями социалистического толка. Более того, в 1906 г. он вступил в Трудовую народно-социалистическую партию. Безусловно, такая активная общественная и публицистическая деятельность не могла не привести к серьёзным последствиям. В конце 1906 г. он был уволен из академии, а в 1907 г. перешёл к старообрядцам. (Дело в том, что многие старообрядцы тогда активно боролись с самодержавием, а некоторые состоятельные купцы и промышленники типа Саввы Морозова финансировали революционное движение.) Однако в последующие годы он больше всего занимался именно литературной деятельностью[1]. Когда Михаил трагически скончался в 1916 г., Религиозно-философское общество даже посвятило ему отдельное заседание. Сложно сказать, оказал ли какое-нибудь влияние профессор иеромонах Михаил на взгляды Гапона. А учитывая, что руководство научной работой зачастую в академии сводилось к двум встречам, когда во время первой предполагаемым научным руководителем и студентом обсуждается тема, а во время второй — предоставляется итоговый текст, скорее всего, что нет. Но однозначно утверждать это нельзя.

Главный недостаток образованного духовенства Гапон видел в том, «что оно так поглощено обрядностью и догматами, что не может понять настоящую сущность религии»[2]. Автор данной статьи, бывший в течение 18-ти лет ректором Минской Духовной семинарии, Санкт-Петербургской Духовной академии, и профессор догматического богословия знает, что в Духовных школах существует такой психологический тип студентов, у которых Догматическое богословие — это самый нелюбимый предмет, и эти студенты склонны к бунту. Но ведь и они потом становятся священниками!? Догматическое (на Западе называется «Систематическое») богословие можно сравнить в медицине с нормальной анатомией человека, а в технике — с сопроматом. Дисциплина трудная, базовая, но её игнорирование ведёт к духовной аварии. У Гапона, неспособного к богословскому систематическому мышлению, догматы всегда вызывали только раздражение, и слово это он использовал как ругательное. Дело в том, что догматы всегда проводят чёткую границу

---

[1] См.: *Боченков В.* Несколько штрихов к биографии епископа Михаила (Семёнова) // Михаил (Семёнов), еп. Собрание сочинений: Т. 1: Статьи из старообрядческой периодики 1906–1908 гг.; «Беседы против сектантов» (1908); «О вере и неверии» (1908–1909). М.-Ржев, 2011. С. 6–23.

[2] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 20.

между истиной и ложью, а священник, любитель вольницы/свободы, не переносил никаких рамок. Гапон не понимал духовной сути того величайшего и труднейшего священнического служения, которое в тиши храмов несли его современники и соотечественники. По-видимому, у Гапона вообще атрофировалось возвышенное чувство священного и таинственного.

По месту направления он не поехал и, отказавшись от места преподавателя в провинциальной семинарии, целиком ушёл в рабочее движение. Озабоченный поиском организаторского поприща, Гапон обдумывал хитрую, как ему казалось, идею — создать легальную, но независимую рабочую организацию под полицейским прикрытием, но без полицейского контроля. Поэтому он охотно принял предложение властей сформировать и возглавить новую организацию — «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». По замыслу, членство в этом собрании должно было быть открыто только лицам «русского происхождения и православного вероисповедания». Тогда под русскими понимали также и украинцев, и белорусов. Гапон взялся за дело, как всегда вдохновенно, но почти сразу к молодому батюшке для обмена опытом были прикреплены еврейские революционные лидеры — Вильбушевич, Шаевич и другие из Еврейской независимой рабочей партии[1]. В результате этого внедрения рабочее движение начало постепенно мутировать.

Следует отметить, что это «Собрание» находилось под влиянием жандармского полковника С. В. Зубатова, начальника Особого отдела департамента полиции (1902–1903). Зубатов приобрёл широкую известность благодаря созданной им системе легальных рабочих организаций, получивших у революционеров название «зубатовщина». Смысл заключался в том, чтобы царское правительство поддерживало экономические требования рабочих, которые они предъявляли к фабрикантам, чтобы рабочие жили сытно и, главное, спокойно. Революционерам этот «экономизм» не нравился: у них был лозунг — чем хуже, тем лучше для начала революции. Предприниматели также крайне негативно относились к зубатовским инициативам. И добро бы ещё сами рабочие бунтовали — а тут они получают поддержку государственной власти. «В официальных изданиях, сегодня контролируемых уже внуками революционеров и террористов, облик жизни и вклад С. В. Зубатова в безопасность России отражён едва ли на 1/10, а духовный подвиг это-

[1] *Шубинский В. И.* Гапон М.: Молодая гвардия, 2014. С. 70–71. (Серия ЖЗЛ).

го человека никак не освещён. Суть его состояла, во-первых, в последовательном осуществлении позиции русского православного человека в обеспечении безопасности своего государства и народа и, во-вторых, в предоставлении руководству царской России научно-обоснованной концепции преодоления революционного взрыва России и выхода на эволюционный путь развития»[1].

На новой должности Гапону приходилось изворачиваться, чтобы и социалисты видели в нём своего, и верноподданные старые рабочие, поклоняющиеся царским портретам, не сомневались в благонамеренности батюшки, и с полицией не портить отношения. Уже на стадии формирования организации среди её руководителей начали возникать разногласия. Например, при разработке макета печати нового общества возник спор о необходимости изображения креста наряду с изображением молота с наковальней. Были противники такого соседства, выступавшие против креста. И только пламенная речь Гапона в защиту православной символики поспособствовала принятию решения в пользу изображения христианского символа.

Другой спор касался приглашения на церемонию открытия Собрания о. Иоанна Кронштадтского. Это предложение исходило от старых рабочих. Сам Гапон к прославленному батюшке относился сдержанно, несмотря на то, что знал о. Иоанна, видел его, когда был студентом Духовной академии, позже вместе с ним служил, но осуждал. Гапон осуждал Иоанна Кронштадтского за то, что тот ему казался орудием в руках царской власти. Были предложения о приглашении на открытие Собрания о. Сергия (Страгородского). Но «левые» члены общества на открытии Собрания присутствия духовных лиц категорически не захотели. Зато для чтения рабочим лекций по вопросам культуры и общим экономическим вопросам ими был приглашён помощник присяжного поверенного Марк Александрович (по паспорту Мордехай Айзекович) Финкель, он же был юристом Собрания[2]. Финкель в своих лекциях касался вопросов особенно интересных для рабочих: о заработной плате, о профессиональных болезнях. Этот лектор был явных социалистических взглядов.

---

[1] *Максимов В. В., Пугачев А.* Православие и национальная безопасность России (на примере духовного подвига жандармского полковника С. В. Зубатова) // Православие: ответ на вызовы XXI века. Материалы научно-практической конференции Собора православной интеллигенции. СПб., 2003. С. 70.

[2] *Шубинский В. И.* Гапон. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 101. (Серия ЖЗЛ).

Впоследствии Гапон вступил в конфликт с Финкелем, агитировавшем за скорейшее вступление членов Собрания в открытую борьбу с властью. Но механизм уже действовал, и было поздно, Гапон не мог нейтрализовать агитацию Финкеля, пытавшегося использовать рабочих в нужных ему целях. Тогда о. Георгий стал разъяснять рабочим, «что интеллигенты вроде Финкеля хотят использовать рабочих в своих целях, “а после и сядут на нашу шею и на мужика; он уверял, что это будет хуже самодержавия”»[1]. Конфликт с Финкелем не носил национального характера, известно, что Гапон мог самоотверженно вступиться за обиженного полицейским старика еврея. Год спустя Гапон, много за это время повидавший и узнавший, так говорил своему приятелю Грибовскому: «Для них рабочий служит как пушечное мясо для их целей... Им всем хотелось бы поднимать и опускать рабочую массу по своему усмотрению»[2].

Очевидно, Гапон мечтал о славе о. Иоанна Кронштадского, в чём-то ему подражал. В «Истории моей жизни» о. Г. Гапон упоминает о нескольких встречах с протоиереем Иоанном Кронштадтским, где даёт свою оценку маститому пастырю, который уже имел всероссийскую известность и почитание. Очевидно, что о. Иоанн произвёл большое впечатление силой своей проповеди и неподдельной искренностью на молодого священника и студента академии о. Г. Гапона.

«Не могу не сказать несколько слов о моих встречах с этим замечательным священником. Его манера раздавать на улице большие суммы денег привлекала в Кронштадт массу нищих, которая только и жила подаянием и всё более и более теряла охоту к честному труду. Первый раз я встретился с ним на освящении церкви в Ольгинском приюте.

Отец Иоанн был приглашён совершить богослужение вместе со мною и ещё одним священником. Я внимательно всматривался в него. Он небольшого роста; глаза его проницательны, борода короткая, седая; движения резкие, нервные; одет он был в великолепную рясу... Вскоре я встретил его в доме одного купца, где он также совершал богослужение. Его сопровождала одна из 12 его постоянных спутниц, одетая в белое, поведение которой было скорее кривлянием, чем поклонением... Когда новая церковь Красного Креста была окончена, княгиня Лобанова-Ростовская пригласила меня и отца Иоанна совершить богослужение. Там был и третий священник, молодой студент академии. Нас

---

[1] *Шубинский В. И.* Гапон. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 112. (Серия ЖЗЛ).

[2] Там же. С. 113.

с отцом Иоанном затем пригласили к столу, но студента почему-то демонстративно не позвали... Однако в другой раз, проповедуя в техническом училище, о. Иоанн произвёл на меня сильное впечатление силою своей проповеди и очевидной искренностью. Он говорил о смерти и воскресении и сказал, что каждый человек ежедневно умирает и воскресает и что каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет его славой новой жизни. Иногда он приезжал в академию, где студенты прямо обожали его»[1].

Не о такой ли славе мечтал Г. Гапон, не осознавший своего предназначения, растративший данные ему Богом дары — пытливый ум, чистую совесть, физическое здоровье и энергию. Он, как блудный сын, прожил все свои духовные богатства в том возрасте, в котором студент Иван Сергиев тихо, спокойно и внешне незаметно созидал на Святых Отцах и догматике Православной Церкви фундамент для здания своего великого будущего пастырства. Гапон к Догматическому богословию относился изначально пренебрежительно, об изучении трудов Святых Отцов не вспоминал вообще ничего. В священники он пошёл не по призванию, хотя изначально тяга к Богу у него была. На таком фундаменте невозможно выстроить своё здание служения народу.

Расстрелять веру

При сопоставлении личностей, к которым прислушивался и которым верил народ предреволюционной России, и, говоря об их влиянии на общество, следует сказать, что первостепенным здесь является вопрос идеологический, вопрос об отношении к Царской власти. Будучи ключевым вопросом национального русского мировоззрения, он даёт возможность оценить истинное значение для России тех взглядов, которые высказывали св. Иоанн Кронштадтский и о. Георгий Гапон, и может стать своеобразной «лакмусовой бумагой», показывающей истинное отношение человека к России и Православной Церкви.

Св. Иоанн относился к Царской власти как к проявлению Промысла Божия, как к некоему дару свыше, тесно связанному с божественным даром веры. Царское служение, по мысли святого Иоанна Кронштадтского, неотделимо от подвига христианской жизни вообще, оно базируется на христианских бытийственных и нравственных основаниях и есть постоянная жертва собой ради ближних, общества и, прежде всего, ради Бога.

---

[1] *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 22–23.

«Царь земной есть образ Царя Небесного, Бог един и Царь един», — пишет святой батюшка. «Как разум наш обобщает все явления в мире и возводит их к единству, так и Царь... Многоразличная земная служба наша Царю и Отечеству есть образ главного, долженствующего продолжаться вечно, служения нашего Царю Небесному». Однако подобная консервативная лояльность, базирующаяся на символическом миропонимании, не мешала св. Иоанну Кронштадтскому видеть беды и грехи России, в том числе и социальные. Во время Японской войны в 1905 г. он сурово обличает: «Настоящая кровопролитная война наша с язычниками есть праведный суд Божий за грехи наши».

Одним из интуитивных убеждений св. Иоанна Кронштадтского была уверенность в том, что только Царствие Божие непоколебимо, а земные царства преходящи и погибают в зависимости от силы действующего в них греха, и причиной их крушения является материалистическая, языческая жизнь народа, а прежде всего — безбожие (часто активное) элиты.

Св. Иоанн ясно видел ложь русской революции и понимал её как следствие отступничества (апостасии) от Бога и Церкви. Будучи свидетелем террора против правых, верных законной власти сил, св. Иоанн называл революцию разливом греховности и безумия, духовным умопомрачением, грехопадением. Нелишне напомнить, что «в 1906–1907 гг. были совершены покушения на видных деятелей Союза русского народа: руководителя Одесского отдела графа Алексея Коновицына; председателя Почаевского отдела, настоятеля Почаевской Лавры архимандрита (впоследствии архиепископа) Виталия (Максименко); почётного председателя Тифлисского патриотического общества священника Сергия Городцева (будущий митрополит Варфоломей получил семь пуль от убийцы, чудом выжил, стал архиереем, прошёл впоследствии советские лагеря и умер уже после Великой Отечественной войны) и др.

Однако главным объектом революционного террора были не руководители, а простые рабочие и крестьяне, которые чаще всего становились жертвами убийц. На этот факт как-то не обращается должного внимания до сих пор. А между тем, по данным, которые приводил в своей книге «Борьба за правду» присяжный поверенный П. Ф. Булацель (расстрелянный ЧК в 1919 г. как заложник), только с февраля 1905 г. по ноябрь 1906 г., то есть меньше чем за два года, были убиты и тяжело ранены 32 706 (!) человек. Можно представить размах революционного террора в то время»[1].

---

[1] *Степанов А. Д.* Монархия рушилась, а где же были монархисты? К 100-летию Февральской революции // Родная Ладога, 2017. № 1. С. 78.

Фотография праведного Иоанна Кронштадтского с дарственной надписью «Благословенному Харьковскому Союзу Русского Народа благословение. Протоиерей Кронштадтского Собора Иоанн Сергиев. 28 янв. 1907»

Отношение о. Гапона к власти оставалось прагматическим и беспринципным. Об этом убедительно говорит известный публицист и беллетрист Николай Симбирский (Насакин): «Получалась такая психология: сидит Гапон у всесильного и грозного министра фон Плеве, беседует с ним, и министру кажется, что пред ним преданнейший слуга режима, который за деньги готов служить ему до конца дней своих. Гапон оставляет министра в этом блаженном неведении, ибо ему нужно сделать дело через этого министра, и ему глубоко безразлично, что в данную минуту министр о нём думает. Важно, чтобы он сделал то, что нужно Гапону и рабочим в настоящее время»[1]. Впрочем, по-видимому, не более искренно он относился и к революционерам, судя по всему, его эсеровские друзья были для него такими же пешками, как ему казалось, в его личной игре, а революционные «спонсоры» — такими же дойными коровами, как и власти предержащие. Гапон провоцировал и использовал тех и других и заигрался... Другое дело, что грубо эгоистическая мотивация в его деятельности отсутствовала: деньги он тратил не на себя, а на рабочих, точнее — на рабочее движение, и всё-таки в отношении ряда людей у Гапона отчётливо проявлялась явно нехристианская установка.

В нём жил авантюрист, игрок, лихой казак. Его священство ещё сохранялось, но уже отступило на второй план. Гапон понимал, что должен самолично возглавить уже ставшее политизированным рабочее движение, постараться вовлечь в него как можно больше народа, чтобы

[1] *Симбирский Н.* Правда о Гапоне и 9 января. СПб., 1906.

властям было действительно трудно с ним справиться. Во-первых, так он надеялся заставить власть пойти на уступки, во-вторых, считал, что это может стать отсрочкой его неизбежного поражения. Гапон с опозданием стал осознавать грядущий проигрыш своей политики, но выбора у него уже не было.

Один из активистов «Собрания» помощник Гапона большевик А. Е. Карелин, участвовавший в обсуждении стачки и демонстрации к Зимнему дворцу отмечает, что Гапон был категорически против подачи петиции Царю. Он считал, что время ещё для неё не наступило, и с ней ничего не получится. Рабочий Н. Петров[1] подтверждает слова Карелина и свидетельствует, что на Гапона оказывалось огромное давление: «Большинство настаивало на подаче петиции с тем, чтобы поддержать её стачкой». Эту ситуацию поясняет авторитетный исследователь «Кровавого воскресенья» М. С. Пазин: «Поскольку Гапон оказывал упорное сопротивление в подаче петиции, то против него был устроен заговор — оппозиция, связанная с ушедшими интеллигентами, решила подать петицию без него. Был вброшен компромат на Гапона — что он получает от правительства 6 тысяч рублей в год и последнюю получку получил за неделю до этого — 20 декабря 1904 года. (На самом деле это была его зарплата священника в 2000 рублей в год). В этих условиях Гапону деваться было некуда, и он сдался... Таким образом, решение подачи петиции, принятое Гапоном, было вынужденным, под сильнейшим прессингом, оказанным на него рабочими под влиянием «еврейской» (по словам самого Гапона) интеллигенции»[2].

Он уже следовал в русле революционных событий, которые вышли из-под его контроля и развивались по своим объективным законам. Можно было выйти из игры, но для Гапона это было бы унизительным провалом и позором. Вместе с тем он, будучи священником, чувствовал свою ответственность за доверившихся ему людей. Он не мог их оставить на полпути, и сознательно, давший клятву на служение народу, вместе с ним пошёл к Зимнему дворцу под пули — за обещанной «головой» Помазанника Божия, которую впоследствии в буквальном смысле получили алчные враги России.

Было в этом саморазрушающем поступке Гапона что-то от царя Ирода, который, дав клятву, не смог не выполнить её, даже осознавая весь

---

[1] Записки о Гапоне рабочего Н. П. Петрова // Всемирный вестник. № 1. 1907.

[2] *Пазин М. С.* «Кровавое Воскресенье». За кулисами трагедии. М.: Яуза–Эксмо, 2009. С. 301.

ужас своего положения. Ради обещания, произнесённого прилюдно, Ирод даже не пожалел Иоанна Крестителя, *зная, что он муж праведный и святый, и берёг его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его* (Марк 6:20). Даже осознавая, что исполнение клятвы приведёт к исторической трагедии, *но ради клятвы и возлежавших с ним, не захотел отказать* (Марк. 6:26). Гапон был поставлен в положение царя Ирода, и клятва, данная людям (творению), оказалась для него предпочтительней клятвы, данной Творцу. Наверное, потому, что исполнение клятвы, данной Богу, требует сил особенных и выполнение её намного сложнее. У о. Иоанна Кронштадтского священническое служение Триединому Богу было на первом месте, а всё остальное вытекало из этого служения.

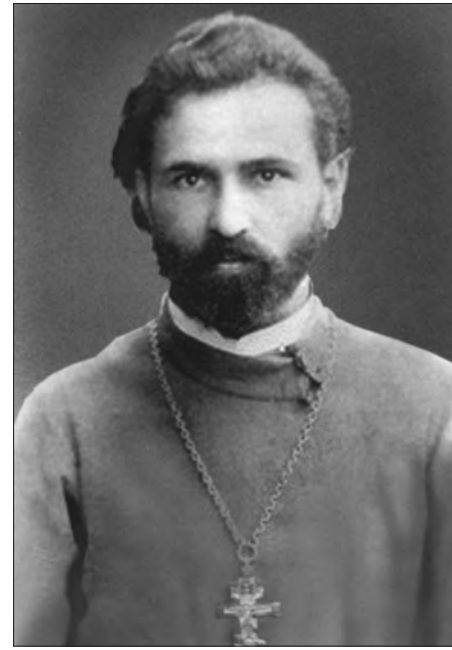
9 января 1905 г., в условиях всеобщей забастовки, Гапон встал во главе 150-тысячной процессии демонстрантов, шедших к Зимнему дворцу вручать петицию Царю. Наверное, он чувствовал себя подобным великому пророку Моисею, который выводил Израиль из египетского рабства. Гапон горделиво представлял себе, что выводит рабочий класс из «самодержавного рабства». При этом он знал, что Царя в Зимнем дворце нет, но не мог повернуть вспять, так как ядро его организации уже находилось под властью революционеров. Основная масса многотысячной демонстрации не знала о революционных целях, а текст петиции от народа скрывался. К Гапону был приставлен в качестве «комиссара» Пинхас Моисеевич Рутенберг [в партии социал-революционеров (эсеров) кличка Мартын или Мартын Иванович][1].

---

[1] Из: «Электронной Еврейской энциклопедии»: КЕЭ. Т. 7. Кол. 552–555. Опубликовано в 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eleven.co.il/article/13626

Рутенберг Пинхас (Пётр Моисеевич; 1878, Ромны, Полтавская губерния, — 1942, Иерусалим), деятель революционного движения в России, сионист, один из лидеров ишуваи создателей современной промышленности в Эрец-Исраэль. Родился в традиционной еврейской семье, отец — купец 2-й гильдии, мать — дочь раввина Пинхаса Марголина из Кременчуга. Рутенберг учился в хедере, реальном училище, а затем в Петербургском технологическом институте (весной 1899 г. исключён за участие в студенческих беспорядках, выслан в Екатеринослав, осенью 1900 г. восстановлен), который окончил с отличием. В студенческие годы Рутенберг активно участвовал в революционном движении, вначале в социал-демократическом, а с возникновением партии социалистов-революционеров (эсеров) стал членом этой партии (партийный псевдоним Мартын) и был связан с её Боевой организацией. Для вступления в брак с Ольгой Хоменко (с которой впоследствии имел троих детей) принял православие.

В 1904 г. работал начальником инструментальной мастерской Путиловского завода и сблизился со священником Г. Гапоном, возглавлявшим организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города



Священник Г. А. Гапон

Революционерам необходимо было разрушить связь в триаде: Православие — Самодержавие — Народность. Для этого им обязательно нужна была кровь (вспомним «Бесов» Ф. М. Достоевского) и расстрел демонстрации. Они умело вели дело к этому. Приказ о расстреле демонстрации никто из властей не давал. Был выполнен Устав караульной службы по охране особо значимых государственных объектов. Такой Устав действует во всех странах мира. Кроме того, следует помнить, что шла война. А, например, в советской России по законам военного времени расстреливали на месте за гораздо меньшие преступления, даже за разговоры. Один из соратников Гапона, революционер Варнашев, прямо говорил: «Будут стрелять, расстреляют идею Царя! А жертвы — так и этак неизбежны»... Полтора года спустя Матюшинский, бывший сотрудник газеты «Новости», в своей исповеди, напечатанной в парижском журнале «Красное знамя», признавался: «Я её (прокламацию) написал по предложению Гапона в твёрдой уверенности, что она объединит полусознательную массу, подведёт её к царскому дворцу, и тут, под штыками и под пулями, эта масса прозреет, увидит и определит цену тому символу, которому она поклоняется»[1].

Гапон, будучи в прелести, мечтал, собрав огромную массу народа, что заставит Царя быть народным Царём, принудит его быть Царём-

---

Санкт-Петербурга». Во время событий так называемого Кровавого воскресенья (9 января 1905 г.) Рутенберг сопровождал Г. Гапона в шествии к Зимнему дворцу, спас его во время расстрела демонстрации, а затем помог бежать за границу. По решению ЦК партии эсеров Рутенберг был назначен руководителем военной организации, занимавшейся боевой подготовкой масс и приобретением оружия.

[1] Цит. по: *Шубинский В. И.* Гапон. М.: Молодая гвардия. 2014. С. 136–137. (Серия ЖЗЛ).

батюшкой. Вот что он напишет позднее в письме министру внутренних дел Святополку-Мирскому: «Пусть он выйдет как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию, иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор ещё существовала между русским царём и русским народом».

О том, что Царя в Зимнем дворце нет, было отлично известно и Гапону, и революционерам, и власть предержащим. Дело в том, что накануне, 6 января по ст. стилю, а по нов. 19 января, был праздник Крещения Господня. Во время водосвятия на Неве (так называемая Иордань) присутствовал Царь. Водосвятие сопровождалось праздничным салютом. Одним из орудий был произведён, вместо холостого, выстрел картечью в сторону Царя. В Зимнем дворце были выбиты окна, а стоявший рядом с Царём полицейский Романов (удивительное совпадение фамилий) получил тяжёлое ранение картечью в голову. Если на Александра II было совершено семь покушений, и во время восьмого его убили, то на Николая II было задумано и совершено целых семнадцать неудачных покушений. О выстреле картечью в Санкт-Петербурге знали все. Сразу после этого Император уехал в Царское Село. «Возможно, — считает Пазин, — что заговор против Царя 6 января 1905 г. устроили масоны. Теперь-то уже известно, как сильно было масонское подполье в России — подавляющее большинство из членов Временного правительства 1917 г. были именно масонами. Поскольку руководящие органы русских масонов располагались в Англии и во Франции, то им не нравилась активность царской политики на Дальнем Востоке — русско-японская война»[1]. Кстати, буквально через три дня, 9 января 1905 г. на Николая II тоже готовилось покушение. Если бы он вышел к народу на Дворцовую площадь, то его бы непременно убили.

Хорошо это или плохо, но вера в Бога на Руси неразрывно была связана с верностью Царю. Вот что рассказывал помощник Гапона рабочий А. Е. Карелин (впоследствие большевик) о том, что происходило после того, как войска, после многократных предупреждений, открыли огонь, когда на окраинах уже строились баррикады: «Со страхом шли мы в свои отделы, а как пришли, убедились, что пришёл конец и Царю, и Богу, что нет для рабочих ни Бога, ни Царя. В отделах люди, не только молодые, а и верующие прежде старики топтали портреты Царя и иконы, и особенно топтали и плевали те, кто прежде в отделах заботился о том, чтобы пред иконами постоянно лампадки горели, масло в них под-

[1] *Пазин М. С.* «Кровавое Воскресенье». За кулисами трагедии. М.: Яуза–Эксмо, 2009. С. 120.

ливали, лампадочники, и те веру в Царя и Бога потеряли». Случай показательный: если Царь плохой, то и Бога нет, а значит — по Достоевскому — всё позволено. Апофеоз этой вседозволенности есть массовое беснование, известное как революция.

Гапон в слепой гордыне не понимал, что стал марионеткой закулисных сил. Шествие 9 января носило явно провокационный характер со стороны его организаторов (мы не касаемся здесь мотивации действий простых рабочих, которые были обмануты своими вождями и явились жертвой провокации). Текст петиции среди рабочих не распространялся умышленно, ибо требования петиции были принципиально неприемлемы, тем более во время русско-японской войны, и носили демагогический характер в силу их невыполнимости.

Идёт война. Путиловский завод выпускает оружие, которое в огромном количестве пожирает фронт. А петиция требует 8-часовой рабочий день. То же самое касается «отмены сверхурочных работ». А вот как к забастовке относились сами рабочие по воспоминаниям рабочего Петрова: «Было решено забастовать сперва пароходной мастерской и после снимать всех, а корабельную снимать объединёнными силами... Я вышел на работу в свою корабельную мастерскую, попробовал было уговаривать рабочих бросить работу, идти домой, но, получив отпор, оставил несколько своих товарищей продолжать уговаривать рабочих, а сам бегом побежал в пароходную... К глубокому моему удивлению, я увидел, что вся мастерская работает. Мы, человек пять, зашли с конца мастерской и насильно снимали с работы, бились долго, почти уже не хватало сил; тогда я послал одного погасить освещение, другого остановить машину и дать звонок о прекращении работ. Приходилось почти насильно заставлять одеваться, и так бились долго — не идут и всё... Везде приходилось силой снимать, выгонишь всех из мастерской, а они идут обратно с другого конца. Приходилось по два раза одну мастерскую снимать с работы»[1]. Итак, по свидетельству самого же зачинщика стачки, рабочих отрывали от работы насильно. Сами они бастовать не желали. В последующие дни насильственное снятие рабочих со своих мест примет массовый характер.

Революционные организации рассчитывали использовать мирное хоругвеносное шествие рабочих в своих интересах. На совещании большевиков 7 января было решено предложить выступить, «организованным рабочим собраться и иметь при себе заготовленные знамёна»,

[1] Записки о Гапоне рабочего Н. П. Петрова // Всемирный вестник. 1907. № 1. С. 46–47.

Пинхас Моисеевич Рутенберг (тов. Мартын Иванович)

естественно, красного цвета и с революционными надписями, чтобы, как пишет жандармский полковник Кременецкий в своей записке от 8 января, «в случае замешательства выкинуть флаги с преступными надписями, чтобы создать обстановку, что рабочие идут под флагами революционных организаций». Замыслы революционеров шли и далее: согласно мемуарам Кржижановского в толпе рабочих находились революционные боевики с оружием.

Самое отвратительное в этой истории состояло в том, что политическая провокация прикрывалась псевдоцерковными и псевдонародными ризами. Кто мог бы повести за собой невиданную дотоле толпу питерских рабочих, в большинстве вчерашних крестьян, как не любимый ими священник? И женщины, и старики пошли за батюшкой, умножая собою массовость народного шествия. В пользу революционных источников этой провокации говорит и та, позже растиражированная ложь, что Гапон якобы был сотрудником царской охранки. Распространённые в позднейшей историографии утверждения, будто Гапон был корыстолюбив и ради денег продался Тайной полиции Российской империи, никакими документами не подтверждаются и серьёзными историками отвергнуты. Выгодна эта версия была только революционным кругам, пытавшимся, используя Гапона, скомпрометировать русское правительство и Церковь.

Трагедия 9 января достаточно полно исследована и многократно описана. Стоит добавить лишь несколько деталей. По распоряжению митрополита Антония накануне был наложен запрет на любые церковные шествия. Вследствие этого староста церкви Казанской иконы Божией Матери отказался выдавать рабочим иконы и хоругви, однако рабочие отобрали их силой, совершив таким образом грех святотатства. Шествие возглавлял священник Георгий Гапон. Рядом с ним слева шёл опытный эсер-боевик Рутенберг Пинхас Моисеевич. Если бы передача петиции всё же из рук в руки состоялась, последний должен был выстрелить в Царя.

Спас Гапона, помог ему сначала укрыться в доме Горького, а затем покинуть Россию, тот же Рутенберг. Он и партия эсеров считали, что за границей Гапон будет знаменем революции и объединит организованные и боевые силы социал-демократов (Ленин, Плеханов) и социалистов-революционеров. Сбежавший после трагедии 9 января в Лондон Гапон, пообщавшись с профессиональными революционерами, понял, что он никакой не «пророк Моисей» рабочего класса, а революционеры втёмную использовали его в своих целях, что он всего лишь винтик в хорошо отлаженной машине по разрушению России. Продолжающаяся война — очень подходящее для этого время. К разоблачению японского участия в организации беспорядков 9 января подключилась и Русская Православная Церковь. 14 января Святейший Синод опубликовал Послание за подписью митрополита Санкт-Петербургского Антония, в котором он призывал рабочих «беречься ложных советников, наёмников врага». Относительно Гапона он высказался, что этот «недостойный священнослужитель... не устыдился дать в руки обманутым рабочим насильственно взятые из часовни... святые иконы и хоругви, дабы под охраной чтимых верующими святынь вернее вести их к беспорядку, а иных на гибель». Позже, в 1906 г., в Петербурге опубликована брошюра под названием «Изнанка революции. Вооружённое восстание в России на японские средства», в которой были опубликованы документы, добытые русской контрразведкой о прямом финансировании русских революционеров Японией.

Гапон в Лондоне, 1906 г.

Не понимал возомнивший себя спасителем трудового народа, уже лишённый сана 10 марта 1905 года Гапон[1], чьи интересы он отстаива-

[1] Святейший Синод 10 марта 1905 года своим определением № 1320 утвердил рапорт митрополита Санкт-Петербургского Антония, и Гапон был лишён звания священника, а также исключён из духовного звания.

ет, и не знал, что «во время волнений 1905–1906 гг. к министру Двора графу Фредериксу дважды являлась депутация видных евреев — барона Гинсбурга и Полякова, которые просили доложить Государю, что если он дарует евреям равноправие, все народные беспорядки мигом прекратятся и не нужно будет учреждать никакой Государственной Думы»[1].

За границей Гапон, повстречавшись с Лениным, Плехановым, Верой Засулич и другими видными деятелями революционного движения, помыкавшись среди социал-демократов, эсеров и бундовцев, понимания среди них не нашёл. Все хотели воспользоваться им как символом борьбы с самодержавием, но до реального дела его не допускали и даже посмеивались над его политической необразованностью. Много шуму наделал приезд Гапона в Женеву. Он побывал во всех революционных организациях, приходил и к социал-демократам (большевикам). Между тем Гапона активно обхаживал Владимир Ильич Ульянов, который находился в эмиграции с краденым паспортом на имя Николая Ленина. Ленин и Крупская приняли бывшего священника, так как он был живым свидетелем событий в Петербурге. Крупская в своих воспоминаниях дала меткую и неприглядную характеристику «этому сыну богатого крестьянина в поповской рясе, человеку беспринципному, хитрому, не способному воспринять новое, не могущему вести ежедневную кропотливую работу». Как она выразилась, «поповская психология застилала ему глаза»[2]. Но через получившего европейскую известность Гапона шли большие финансовые средства на революцию, и Ленину не претило брать деньги у этого «чёртова попа». «В дверь постучали; в комнату вошёл Ленин. Он отозвал Гапона вглубь комнаты и пошептался с ним; затем Гапон на глазах О. С. Минора вынул из бумажника пачку ассигнаций и передал её Ленину, который тотчас удалился очень довольный»[3]. Да, Ленин деньги брал, но это не помешало потом вождю мировой революции объявить Гапона провокатором и агентом царской охранки, кем тот на самом деле не являлся.

В эмиграции, в мире революции, где жизнь человека стоила очень мало, где привычные нравственные нормы отметались ради высоких целей, где конспирация и поиски провокаторов были частью каждодневного быта, бесславный конец Гапона был предрешён. И у самого Гапона понимание своей роли в русской революции начало постепенно менять-

---

[1] *Воейков В. Н.* С Царём и без Царя. Воспоминания. М.: Родник, 1994. С. 65. (Текст печатается по 1936 г., Гельсинфорс).

[2] Коммунисты. Сборник. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 45.

[3] *Шубинский В. И.* Гапон. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 256. (Серия ЖЗЛ).

ся. За границей вся политическая интрига была обнажена, и своих враждебных по отношении к России планов никто особо не скрывал. Следует отметить, что революционеры отлично понимали, что на откровенных европейских политических сборищах Гапон узнает много лишнего и неизвестно, как потом себя поведёт. Но даже из того малого, что успел услышать Гапон, он понял всю неблаговидность и временность своей роли в этой политической игре. Но лишённый сана и благодати Божией, бывший священник оказался теперь беззащитным и бессильным перед новыми испытаниями, он шёл к своей закономерной гибели.

Последние месяцы жизни Гапона и последовавшие за его смертью события полны тайн, которые не раскрыты до сих пор. После царской амнистии Гапон возвратился в Россию и жил довольно бедно. У Гапона были какие-то весьма важные документы, которым он сам придавал исключительное значение. Что содержалось в этих документах, остаётся только предполагать. Возможно, это были финансовые бумаги, расписки о получении революционерами денег от японского Генштаба, американских банков Якова Шиффа и английских спонсоров. Гапон прятал их у доверенных лиц, но, в конце концов, вручил своему адвокату Марголину. После убийства Гапона Марголин исчез за границей, где при загадочных обстоятельствах внезапно умер, пропали бесследно и документы. Добытые Гапоном сведения, его разочарование своей ролью в революционном деле, по мнению лиц, стоявших в тени революционных событий 1905–1906 гг., могли нанести непоправимый вред революции. Поэтому Рутенбергу поручается ликвидация Гапона, сделавшего своё дело.

Казалось логичным, что 28 марта (10 апреля) 1906 г. прозревшего Гапона «сознательные рабочие» повесили уже как провокатора. Он был убит на даче г-жи Звержинской в Озерках, в близком пригороде Петербурга, дача была снята на подставное лицо. Убийство организовал и руководил им соратник Гапона революционер Пинхас Рутенберг. Позже Л. Д. Троцкий (Бронштейн) в своих воспоминаниях напишет: «Нам невольно вспоминаются проницательные слова Виктора Адлера, вождя Австрийской социал-демократии, который после получения первой телеграммы о прибытии Гапона за границу сказал: “Жаль... для его исторической памяти было бы лучше, если бы он так же таинственно исчез, как появился. Осталось бы красивое романтическое предание о священнике, который открыл шлюзы русской революции” ... “Есть люди, — прибавил он с той тонкой иронией, которая так характерна для этого замечательного человека, — которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии”»[1].

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2-х т. М., 1990. С. 97.

А. А. Дикгоф-Деренталь

Но всё тайное становится явным, тем более что среди убийц Гапона оказался один член партии, впоследствии советский писатель, Дикгоф-Деренталь, а тогда студент Военно-медицинской академии, участник боевой дружины, возглавляемой в 1906 г. Рутенбергом. Он оставил мемуары, но его воспоминания об убийстве Гапона отличаются от воспоминаний Рутенберга.

Как следует оценить деятельность Гапона? Помимо прямой и непосредственной ответственности за пролитую кровь (130 убитых, столько же серьёзно раненных в Кровавое воскресенье), Гапон также ответственен за растление народного духа: он не только способствовал расстрелу веры в доброго Царя, на которой много держалось в русской жизни, он нанёс тяжелейший удар по народной совести и нравственности. По сути дела, он явился одним из творцов мифа о «Николае Кровавом».

Безусловно, Гапон не единственный виновник событий 9 января, значительная доля ответственности за них лежит и на тех царских слугах, которые в силу ленивого благодушия, близорукости, трусости и страха за своё положение, а некоторые — может, и в силу преступного сговора с закулисой, не сумели предотвратить трагедию — арестовать Гапона с вожаками, разъяснить рабочим истинное положение вещей или, по крайней мере, вместо Царя вступить с ними в переговоры и направить движение в более лояльное русло. К сожалению, царская администрация в начале века не умела предупреждать возможные угрозы престолу, даже их прогнозировать, а лишь со значительным опозданием отвечать на них, часто достаточно неуклюже.

Что касается деятельности «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» под руководством священника Гапона, текста Петиции, «Кровавого воскресенья» и его политических последствий, то М. Пазин приходит к следующим выводам:

1. Либералы, воодушевлённые решением Парижской конференции (1904), за кулисами которой стояли японцы, активно склоняли Гапона к подаче петиции. Они же вписали в неё ряд политических требований.

2. Социал-демократы тоже внесли в петицию ряд требований, однако, возглавить рабочее движение не смогли в силу своей малочисленности и негативного отношения к Гапону.

3. Промышленники разыграли свою карту и, пользуясь случаем, от имени рабочих выдвинули претензии к правительству по поводу строительства военных кораблей за границей.

4. Рабочие были введены Гапоном в заблуждение, о подлинном тексте петиции не знали и считали, что идут лишь просить Царя удовлетворить их нужды...

5. Немаловажную роль сыграли высшие чины МВД — министр Святополк-Мирский и директор Департамента полиции Лопухин, во всём поддерживавшие либералов. Последний даже пошёл на должностное преступление, позволив им собираться и выносить антиправительственные резолюции...

Труп Гапона, повешенного «сознательными рабочими» под руководством Рутенберга

6. Был ли Гапон полицейским провокатором? Однозначно не был, но принцип: «цель оправдывает средства» исполнял неукоснительно...

Вывод из всего этого можно сделать один: рабочими воспользовались как либералы, так и социал-демократы вкупе с предпринимателями. Каждая из этих группировок преследовала свои цели и после «Кровавого воскресенья» получила определённые выгоды: революционеры раздули это событие в революцию 1905 г., народное представительство, о чём так страстно мечтали либералы, было введено Манифестом 17 октября 1905 г., а японцы одержали победу в войне[1].

[1] *Пазин М. С.* «Кровавое Воскресенье». За кулисами трагедии. М.: Яуза–Эксмо, 2009. С. 279–281.

Однако всё это нисколько не извиняет Гапона; из всех участников трагедии 9 января, как православный священник, традиционный носитель нравственного начала и государствообразующих ценностей, в том числе — царелюбия, он должен был ведать, что творил, ибо «горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18:7). Была разбита триада Православие — Самодержавие — Народность. Царь со всей Семьей в 1918 г. был расстрелян, по Православной Церкви был нанесён сокрушительный удар, народ ввергнут в братоубийственную страшную гражданскую войну.

Гапон в детстве мечтал оседлать чёрта и на нём съездить в Иерусалим, как в житии святого Иоанна Новгородского. Но чёрт революции сбросил лихого казака в пропасть... А в Иерусалиме в последние годы своей жизни преуспевающе жил «человекоубийца» (Иоанн 8:44) Пинхас Моисеевич Рутенберг, будучи весьма состоятельным человеком[1].

Путь спасения

Апофеозом краткосрочной славы Гапона стало так называемое «Кровавое воскресенье». Гапон оказался спусковым курком революции, оружием в чужих руках. Революцию 1905 г. готовили; было выбрано время Русско-японской войны, в обществе царили пораженческие настроения, общество было революционизировано, поэтому так легко и возникла революция. Бог по Своей милости к России противопоставил Гапону святого Иоанна Кронштадтского, который сумел своим авторитетом переломить общественное сознание народа. Революция

---

[1] Из: Электронной Еврейской энциклопедии: КЕЭ. Т. 7, Кол. 552–555. Опубликовано в 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eleven.co.il/article/13626

С середины 1906 г. Рутенберг жил в Германии, а в 1907–1915 гг. — в Италии (одно время у М. Горького на Капри). Он работал в Северной Италии инженером и специализировался в области ирригации и гидротехники, изобрёл новую систему строительства плотин для гидроэлектростанций (запатентовал в 1914 г.). В эмиграции у Рутенберга произошла переоценка ценностей, он вернулся к иудаизму (выполнил по собственной инициативе средневековый суровый обряд покаяния отступника), стал интересоваться еврейскими национальными проблемами и безоговорочно принял сионизм. В июле 1917 г. (после Февральской революции) Рутенберг вернулся в Россию, где А. Керенский назначил его заместителем губернского комиссара (введена вместо должности губернатора) Петрограда по гражданским делам. В середине 1919 г. Рутенберг навсегда оставил Россию и уехал в Палестину в Эрец-Исраэль. Своё весьма значительное состояние он завещал на создание Фонда Рутенберга и на строительство Хайфского университета. Пинхас Моисеевич закончил свою жизнь в 1942 году в Иерусалиме.

не распространилась, потому что народ прислушался к голосу Всероссийского пастыря, благословившего создание Союза русского народа. Этим объясняется жгучая ненависть революционеров к Иоанну Кронштадтскому.

Первая революция пресеклась Божией волей и священническим подвигом о. Иоанна. Почти десять лет было дано Царю и его верноподданным для того, чтобы смести революционную почву. Много было сделано, но невозможным оказалось противостоять мировому заговору, ради свержения самодержавия втянувшему Россию в мировую войну. Как позже вспоминал Дворцовый комендант Государя Николая II генерал-майор свиты Владимир Николаевич Воейков, «мнения многих дипломатов совпадали с выраженной Его Величеством мыслью: говорилось, что никогда Германия не начала бы войны, если бы знала, что Англия выступит на стороне союзников. Сбылось то, чему трудно было верить, но что мне в 1912 г. выдавалось за факт: говорили, что в 1911 г. в Риме состоялся масонский съезд, постановивший вовлечь европейские державы в войну с целью свержения тронов»[1]. По мнению В. Н. Воейкова, популярность войны тоже была на руку внешним силам и внутренним врагам России. Патриотическое настроение подогревалось ими с пониманием, что для нанесения удара по России необходимо ослабление кадрового элемента войск, которое возможно лишь при том условии, если Россия будет втянута в войну. С началом войны было внесено изменение в существовавший до того закон о черте еврейской оседлости: семьям призванных из запаса евреев-ремесленников разрешено было повсеместное жительство.

Апофеозом вечной славы Иоанна Кронштадтского стала его вера и служение Отечеству. Приобщая людей Телу Христову, он, вдохновлённый Духом Святым, видел значение Церкви и всю жизнь боролся с современными ему лжеучениями, против еретиков и раскольников, совершающих тягчайший грех, нарушающих заповеди Христа. Целью жизни о. Иоанна Кронштадтского было вхождение в полноту христианского совершенства через покаяние, через стяжание благодати Святого Духа. Опытом всей своей подвижнической жизни св. Иоанн укреплял мысль, что лишь человеческими усилиями невозможно достигнуть совершенства, необходимо принадлежать к Церкви Христовой. «Христианину православному нужна сильная поддержка свыше от Бога и от святых воинов Христовых, победивших врагов силою благодати Хри-

[1] *Воейков В. Н.* С Царём и без Царя. Воспоминания. М.: Родник, 1994. С. 61. (Текст печатается по 1936 г., Гельсинфорс).

стовой, и от Церкви земной, Православной, от пастырей и учителей, потом — общественной молитвы и таинств. Вот такая-то помощница человека-христианина в борьбе с невидимыми и видимыми врагами есть именно Церковь Христова, к которой милостью Божией мы и принадлежим»[1].

Сила молитвы и веры св. Иоанна Кронштадтского подтверждена не только его прижизненной деятельностью и свидетельствами его современников, но и событиями нашего времени. Когда, в конце злополучного XX в., Россия вновь оказалась у революционной пропасти, пышущей пламенем гражданской войны, великий молитвенник и заступник русского народа у Престола Господня Иоанн Кронштадтский был причислен к лику святых. Это произошло 8 июня 1990 г. на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, на котором также был избран на Патриарший престол митрополит Ленинградский Алексий (Ридигер), ставший Патриархом всея Руси Алексием II, много сделавшим для примирения народа в смутные 90-е. Нет сомнения, что о. Иоанн Кронштадтский молитвенно сопровождал и духовно помогал Патриарху в его подвиге спасения России. Кронштадтский батюшка был свечой, освещающей путь для многих людей в те трагические и во все предыдущие и последующие времена.

Его молитвами наш народ в наше время постепенно выздоравливает от тяжких и отвратительных болезней безбожия и предательства. И мы должны быть бдительны, не допустить развития рецидивов этих болезней. Несмотря на возрождение России, на её очевидные геополитические успехи, нельзя успокаиваться, ведь так отчётливо прослеживаются взаимосвязи и аналогии в данном наблюдении профессора-философа А. Л. Казина, говорящего о старых вызовах и новейших технологиях их достижения. И нельзя не согласиться здесь с учёным: «Что касается XIX столетия, то всё оно прошло под знаком возрастающей агрессии демократических сетей против миропорядка Священного Союза, от коронованного революцией генерала Бонапарта с его буржуазным кодексом до февральской (масонской) революции 1917 г. в России, свергнувшей последнюю великую христианскую корону в мире. Относительно интернационала-коммунизма отметим только, что первый съезд РСДРП в Минске собрал всего 9 делегатов — это ли не пример тайного могущества сети в новейшей истории? Вершиной сетевой политики, на мой взгляд, является разрушение СССР — сверхдержавы середины XX в.,

[1] Цит. По: Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / под пед. митрополита Иоанна (Снычева). СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 202.

сокрушившей фашизм, вышедшей в космос, но оказавшейся совершенно беззащитной перед скрытой работой внутренних сетевых сообществ (собственной "закулисы", как сказал бы И. А. Ильин)»[1].

Эта «закулиса» и в наше время, спустя век, не унимается, выпестовала немало «гапонов-березовских-ходорковских». Некоторые из них, так же как революционный священник, тешили себя поддержкой Туманного Альбиона и в гордыне разума не понимали истинной своей роли обыкновенных провокаторов. А когда начинали осознавать своё унизительное положение и пытались вырваться, то хозяева навеки усмиряли их удавкой. Не похожа ли на судьбу Гапона судьба и кончина небезызвестного Бориса Абрамовича Березовского? А ведь тоже был опытен и хитёр... Повесился ли он сам? Или, решивший повиниться, подготовивший письмо Президенту России, он вовремя от своих «благодетелей» получил удушающий шарфик, дабы не стал полезным Родине? Это неизвестно. Хотя известно, что предателю — кары не миновать.

Но праведнику путь спасения известен — это наша вера, «победившая мир» (1 Ин. 5:4), которая спасительна только в единстве с Церковью. Истинная же Церковь, пребывающая единою, неразделённою, единоспасающею — только Восточно-Православная. «Ни одно исповедание Христианской веры кроме Православия, — пишет Иоанн Кронштадтский, — не может привести христианина к совершенству христианской жизни или святости и к совершенному очищению от грехов, и к нетлению, потому что другие исповедания содержат "истину в неправде" (Рим. 1:18), примешали суемудрие и ложь к истине и не обладают теми благодарованными средствами к очищению, освящению, возрождению, обновлению, коими обладает Православная Церковь»[2]. Звучит очень актуально и предостерегающе от вызовов XXI века. Воистину нет временны́х границ предвидения св. Иоанна Кронштадтского, который является и нашим современником, и мудрым пастырем человечества на века.

---

[1] *Казин А. Л.* Homo Russicus. СПб.: Алетейя, 2014. С. 183.

[2] Цит. По: Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / под ред. митрополита Иоанна (Снычева). СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 204.

КОНЕЦ РУССКОЙ СИМФОНИИ

Взаимодействие Государственной Думы
и Русской Православной Церкви в императорской России

Конец XIX — нач. XX вв. в Российской империи проходил под знаком борьбы за демократию. Европейские буржуазно-демократические революции будоражили умы и укрепляли надежды «доктринеров от демократии», обнадёживали борцов за всевозможные свободы. Вероятно, существовали к тому объективные причины, но как подчёркивал И. Ильин, демократия — течение творческое, возможное при наличии ряда предпосылок и условий. Среди главных: народ должен нуждаться в свободе, обладать достаточным уровнем правосознания, образования и хозяйственной самостоятельности, иметь политический опыт и другое. Россия, как государство, была создана сильной государственной властью, ею исторически и управлялась. Борцы за демократию в начале XX в. боролись, по сути, с этой властью, их борьба за лучшее будущее выливалась в борьбу против государства, подрывала и внутренний порядок, экономику и обороноспособность. Показательна история учреждения в России Государственной Думы. В своей думской форме российский парламентаризм возникал в XX в. дважды, и всякий раз — после кровавых революционных потрясений. Но, как сегодня, так и в начале прошлого века Государственная Дума России не могла не вступать во взаимодействие с Русской Православной Церковью.

Выборы в Государственную Думу в 1906 г. вовсе не были первыми выборами для России. Как известно, к этому времени уже привычным явлением было, например, избрание городских органов власти и земских собраний. Не были эти выборы, строго говоря, и первой попыткой общенационального представительства. Даже если не упоминать о Земских соборах, ещё в XVIII в. состоялось избрание депутатов «изо всех уездов и городов империи» в Уложенную комиссию, призванную обсуждать новые законы.

Выборы в I Государственную Думу

Идея же созыва Государственной Думы впервые стала реализовываться зимой 1905 г. вслед за трагическими событиями «Кровавого воскресенья»[1]. «Кровавое воскресенье» 9/22 января 1905 г. утвердило деморализующий миф о расколе между Царем и народом — тот миф, который на протяжении последующих лет стал орудием в информационной войне и использовался всеми оппозиционными партиями и различными тайными обществами. Триединство: Православие, Самодержавие и Народность оказалось разбитым, из-под монархии выбивалась опора — народное доверие; а затем со всеми расправились поодиночке.

Восемнадцатого февраля 1905 г. Государь Император Николай II подписал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором тому предлагалось разработать проект закона о созыве в России законосовещательной Думы[2]. В июле 1905 г. под председательством

[1] *Зырянов П. Н.* Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. С. 41–58.

[2] *Дорская А. А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 42–58.

Государя в Петергофе было созвано специальное совещание, итогом которого явилось издание Высочайшего манифеста 6 августа 1905 г., который предусматривал созыв законосовещательной Думы. Закон об учреждении Думы определялся, в частности, как восстановление нарушенной Петром I в угоду западничеству гармонии земства (земство исторически имело место в обществе: дружины, вече, боярские думы) и государства, воплощение идеи соборности народной. Народные избранники должны были заниматься предварительной разработкой и обсуждением законодательных предложений и рассмотрением росписи государственных доходов и расходов. Тогда же было принято решение и о суточном довольствии, которое от казны должен был получать член Государственной Думы на время её занятий. Положенные ему 10 рублей в день казались огромными деньгами не только представителю крестьянства, но и подавляющему большинству клириков. Также члену Думы один раз в год возмещались путевые издержки от места жительства до Санкт-Петербурга и обратно. Эти правила материального обеспечения членов Государственной Думы, принятые в августе 1905 г., сохранялись и в дальнейшем, хотя разрастание революции и помешало правительству реализовать идею создания законосовещательной, так называемой булыгинской Думы.

Тем не менее, российское духовенство с нетерпением и надеждой ожидало созыва Государственной Думы. 14 октября 1905 г. столичная цензура дозволила издание брошюры «Государственная Дума и пастыри Церкви», которая выходила в свет от имени группы петербургских священников. «Давно желанное слово скоро перейдёт в ожидаемое с трепетом сердечным дело, — писали не желавшие называть свои имена авторы. — Не сегодня-завтра начнутся выборы в Государственную Думу. Кому не понятно, как важно для России, из кого составится Дума? Люди какого направления, каких взглядов, какого устоя войдут в Думу? И ещё трепетнее забьётся сердце, когда подумаешь, как могут быть проведены выборы. <...> Хочется молить Бога, хочется просить людей, хочется увещевать, умолять, разъяснять, призывать, чтобы выборы были проведены честно и неподкупно, умно и обдуманно, без всякого вмешательства и богатеев-мироедов, и мелких и крупных властей, с соблюдением интересов правды и истины, интересов всей России, и особенно изможднного от нищеты и приниженного бесправием народа»[1]. Таковы были чаянья столичного духовенства в ту восторжен-

[1] От группы петербургских священников // Государственная Дума и пастырь Церкви. СПб., 1905. С. 3–4.

ную пору. Но дальнейшим ходом революционных событий в России законосовещательная булыгинская Дума вскоре была сметена.

После революционных выступлений, забастовок и аграрных беспорядков, под давлением графа Витте и Великого князя Николая Николаевича, было получено согласие Государя на созыв народных представителей по шаблону западно-европейского парламентаризма. 17 октября 1905 г. манифестом «Об усовершенствовании Государственного порядка» Государь пообещал созвать уже Думу законодательную. Провозглашались гражданские свободы: неприкосновенность личности, свободы совести, сло́ва, собраний и союзов. Указывалось также, что теперь ни один закон «не мог вступить в силу без одобрения Государственной Думы»[1]. Показательно отношение к этому государственному событию представителя аристократической элиты графа Сергея Дмитриевича Шереметева, человека исключительно преданного Отечеству и Царю. К Манифесту от 17 октября 1905 г. он отнесся резко отрицательно. По этому поводу граф писал Великому князю Владимиру Александровичу в Царское Село: «Национальное чувство никогда не было так глубоко принижено и оскорблено всячески». С. Д. Шереметев, как и многие его единомышленники, к Государственной Думе относился отрицательно, считая, что учреждение «иноземного духа» не может быть «выразителем духа русского».

Сергей Юльевич Витте

Премьер-министром был назначен граф С. Ю. Витте. Сергей Юльевич был крупнейшим экономистом-политиком Российской империи, критиковавшим марксизм: «Маркс силен отрицанием и ужасно слаб созиданием», — говорил он[2]. Витте сумел ввести золотую валюту, что защищало от инфляции, на-

[1] Цит. по: *Дроба Сергей, священник*. Церковь, государство и общество XX века. Тверь, 2010. С. 19.

[2] Там же. С. 20.

чал строительство Транссибирской магистрали, упорядочил систему налогообложения, создал денежный запас на случай стихийных бедствий, преобразовал Крестьянский банк, упорядочил торговые отношения во внешней экономике, выступал против увеличения таможенных тарифов. Подготовил реформу высшего церковного управления, понимая, что принципиальные политические изменения в стране делают невозможным дальнейшее пребывание на посту обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Царь с доводами премьер-министра согласился и распорядился оставить своего старого учителя только членом Государственного Совета, статс-секретарем и сенатором.

В декабре 1905 г. в Царском Селе под председательством Государя было созвано очередное совещание, в задачу которого входило обсуждение возможностей расширения сословного представительства в Государственной Думе. Речь шла о том, чтобы предоставить избирательные права тем группам населения, которые были лишены их по закону от 6 августа 1905 года. 11 декабря 1905 г. закон о выборах был издан. Тем самым к земледельческой, городской и крестьянской куриям оказалась прибавлена ещё и курия рабочая. Куриальная система была заимствована из опыта выборов в земские и городские представительные учреждения. Избирателей разделили на четыре курии — землевладельцев, городских жителей, крестьян и рабочих. Выборщики, непосредственно избирающие членов Государственной Думы, выбирались раздельно по четырём куриям.

Достоинством законодательства о выборах являлось право избирателей присутствовать при подсчёте голосов на избирательных участках в городах, учитывая, что участковые комиссии состояли всего из трёх членов. Примечательно также, что Царским указом 8 марта 1906 г. в целях защиты свободы и правильности выборов в Государственный Совет и Государственную Думу были установлены весомые меры уголовной ответственности. Как отмечал Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нескольких созывов Б. В. Грызлов, «выборы в первую Государственную Думу проходили при наличии устойчивой системы местного самоуправления, в то время как сейчас такая система ещё только создаётся»[1]. Дворцовый комендант

[1] *Грызлов Б. В.* Парламентские выборы и развитие многопартийности в современной России // Вешняков А. А. Выборы в первую Государственную Думу — первый опыт демократизации Российского государства // «100-летие выборов Государственной Думы: история и современность». Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 г. М., 2006 (Прилож. к журн. «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации»). С. 5.

В. И. Воейков вспоминал, что «все, до последнего четвёртого созыва, Думы хранили традицию протеста всякому начинанию, исходившему от Высочайшего Имени. Попадали в них элементы случайные, иногда даже чуждые условиям жизни своих выборщиков: например, в одну из Государственных Дум монархист В. М. Пуришкевич, забаллотированный своими земляками бессарабцами, был избран по Курской губернии»[1].

Закон о выборах в первую Государственную Думу в ряде исследований характеризуется как недемократичный на том лишь основании, что он не предусматривал всеобщего избирательного права. Такие оценки, без учёта исторических реалий того времени, представляются некорректными и не вполне объективными. Даже если сравнивать с законами европейских государств того времени, мы увидим, что ни в одной другой стране избирательное право тогда не было всеобщим, женщины нигде не допускались к выборам, во многих странах существовали имущественные и сословные цензы. В США избирательного права были лишены все афроамериканцы, а также малоимущие; действовали и другие цензы. В 1906 г. Царское правительство уравняло в избирательных правах мужчин и женщин. Касалось это, правда, только Великого княжества Финляндского, пользовавшегося правами широкой автономии в Российской империи.

Нельзя было не учитывать и то, что подготовка к выборам в первую Думу проходила в «смутное время». Декабрьские вооруженные революционные выступления в Москве и других городах, бунты и террористические акты преследовали цель парализовать деятельность правительства. За полгода со дня издания октябрьского Манифеста в России были убиты или ранены более полутора тысяч чиновников, военных и полицейских. Власть принимала ответные меры. В 41 губернии действовало военное положение, в 27 губерниях — режим «усиленной охраны», а в 15 — «чрезвычайной охраны». За четыре дня до открытия заседания первой Думы Государь утвердил «Основные государственные законы Российской Империи». В этот же день была брошена бомба в московского генерал-губернатора вице-адмирала Ф. В. Дубасова.

I

Торжественное открытие первой Государственной Думы и начало её работы 27 апреля 1906 г. стало крупным общественным событием. Признали новый парламент и его «старшие братья» в Европе. Что же ка-

[1] *Воейков В. Н.* С Царём и без Царя. Воспоминания. М.: Родник, 1994. С. 65. (Текст печатается по 1936 г., Гельсинфорс).

сается духовенства, то в первой Государственной Думе заседало всего 6 клириков: отцы Клавдий Афанасьев, Павел Воздвиженский, Василий Гума, Авдий Концевич, Николай Огнев и Алексий Поярков[1]. Основной вопрос, который эта Дума пыталась рассмотреть, был аграрный. Хотя собственно церковные вопросы первая Государственная Дума рассмотреть не успела, это вовсе не означает, что её депутаты были равнодушны к религиозной проблематике. Так, 49-ю депутатами, большинство из которых состояли в самой многочисленной кадетской фракции (в первой Думе ей принадлежало 179 мест), 12 мая 1906 г. была подана записка председателю Государственной Думы С. А. Муромцеву. Записка содержала просьбу внести приложенные к ней основные положения законопроекта о свободе совести на рассмотрение Думы и признать рассмотрение спешным. Среди подписавших записку были известные общественные деятели и учёные: М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, князь Д. И. Шаховской, В. Д. Набоков, П. И. Новгородцев. Свою подпись поставил и депутат от области войска Донского православный священник Клавдий Афанасьев. Однако было бы совершенно неверно рисовать картину идиллического сотрудничества между светскими депутатами Государственной Думы и теми немногими священнослужителями, которые также оказались её членами. Провинциальное и военное духовенство было возмущено антипатриотической настроенностью многих думцев. В этой связи заслуживает упоминания заметка священника Авдия Концевича «Пастырский голос в Государственной Думе», которая была напечатана в «Известиях по Санкт-Петербургской епархии» в № 9 за 1906 год.

«Когда я ехал в Петербург в качестве члена Государственной Думы, — писал о. Авдий Концевич, — я преисполнен был горячего желания вложить и со своей стороны в сокровищницу созидательной работы Думы свою лепту. <...>

Поэтому я был страшно поражён, когда мне пришлось в течение нескольких дней слушать зажигательные речи о том, что на Руси святой всё гнило и что даже следует выключить из проекта самые дорогие для русского сердца слова “русский народ” и “русская земля”.

Под впечатлением этих речей, из которых некоторые были положительно бестактны, мне показалось, что образ России, которую все русские люди привыкли символически изображать в виде стройной прекрасной девы с короной на голове и с крестом и мечом в руках, потускнел в

[1] *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.) М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002. С. 345.

глазах многих членов Думы и представляется им в виде трупа, распухшего, посиневшего, со следами крови, страданий и позора на лице.

Поэтому, когда Дума перешла к обсуждению того пункта своего адреса, где сказано было, что Государственная Дума в числе неотложных своих задач считает широкое удовлетворение давно назревших требований отдельных национальностей, племён и народностей, духовное объединение коих возможно лишь при удовлетворении всех этих племён сохранить и развивать "своеобразие" в отдельных сторонах быта, — у меня явилось страстное желание заставить Думу высказаться точно и определённо по вопросу, считает ли Дума своей неотложной задачей озаботиться о сохранении "своеобразия" России или, быть может, Дума намерена посягнуть на самобытность России и дать России новый облик, новое имя?»[1]

Сегодня, с высоты прошедших с тех пор лет, трудно не усмотреть известной проницательности в словах священника Авдия Концевича. Пройдёт менее 20 лет, и страна, перевёрнутая Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революциями, примет не только новый облик, но и новое имя — Союз Советских Социалистических Республик.

Революционные настроения в первой Государственной Думе проявлялись и в том, что многие депутаты популистски высказывались за введение полной религиозной свободы в России. Они пребывали в убеждении, что именно это является первой обязанностью первого русского парламента. Депутаты полагали, что только полное осуществление свободы совести «может восстановить то доверие и нравственную связь отдельных народностей, без которых невозможно процветание, благоденствие и мощь России...»[2]. Вполне понятно, что государственная власть не могла согласиться с требованием этой группы депутатов таким образом решить вопрос о свободе совести, чтобы полностью уничтожить законодательно закреплённое традиционное первенство Русской Православной Церкви как государствообразующей религии. Тем более что основные положения законопроекта о свободе совести в наихудшее положение ставило именно Православную Церковь. В разгар революции санкционировать разрушение издревле существовавшего церковно-

---

[1] *Концевич А.* Пастырский голос в Государственной Думе // Известия Санкт-Петербургской епархии, 1906. № 9. С. 28–29.

[2] Дело по проекту основных положений, предлагаемых изменений в законе о свободе совести. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 297, 14. Цит. по: *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.). М., 2002. С. 348.

государственного союза было бы равносильно политическому самоубийству, но именно к такому самоубийству и стремились подтолкнуть многие члены Думы государственную власть в России.

Хотел бы добавить, что учреждение Государственной Думы России привело к существенному преобразованию и Государственного Совета Российской империи: он превратился в верхнюю палату российского парламента, получившую право одобрять или не одобрять принимаемые Государственной Думой законы. В период первой Государственной Думы половина членов Государственного Совета избиралась на тех же принципах, что и депутаты Государственной Думы, поэтому в Государственный Совет 1906 г. были избраны такие уважаемые люди, как академик В. И. Вернадский и др. Таким образом, мы можем говорить о почтенной, вековой истории демократического формирования не только Государственной Думы, но и Государственного Совета.

Следует иметь в виду, что уже с первых дней работы Думы депутатское большинство сконцентрировало своё внимание на ожесточённой критике правительства и вовсе не было настроено на конструктивную работу. Партия кадетов пользовалась самой мощной финансовой поддержкой по сравнению со всеми остальными партиями, в том числе проправительственными. В Москве, например, на предвыборные цели кадеты истратили более 700 тысяч рублей, в то время как «умеренные» — около 335 тысяч, а проправительственные монархисты — немногим более 10 тысяч[1].

Правительственная печать также была неспособна создать благоприятное для власти общественное мнение. Все попытки власти исправить это положение, в том числе путём преобразования существовавших и выпуском новых изданий за казённый счёт, не дали ощутимого эффекта. В то же время издания, ориентированные в своей деятельности на государственный переворот, выходили миллионными тиражами. Именно с помощью прессы в обществе было сформировано критическое отношение к действиям верховной власти. Если добавить, что даже газеты право-монархического направления подвергали суровой критике правительство, то причины полного проигрыша властью «информационной войны» становятся понятны. Правые партии не провели ни одного кандидата.

---

[1] *Вешняков А. А.* Выборы в первую Государственную Думу — первый опыт демократизации Российского государства // «100-летие выборов Государственной Думы: история и современность». Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 г. М., 2006 (Прилож. к журн. «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации»). С. 10.

Таким образом, на волне преобладающих антиправительственных настроений большинство мест в Думе получили враждебно настроенные по отношению к власти депутаты. Депутаты даже отказали правительству поддержать его заявление, осуждающее революционный террор. Вот некоторые примеры наиболее громких террористических актов, совершённых в это время. 14 мая эсеры бросили бомбу на Севастопольской набережной в генерала Неплюева, коменданта Севастополя, убито и покалечено более 100 человек. 19 июня Государственная Дума принимает законопроект об отмене смертной казни. 28 июня застрелен у себя на даче главный адмирал Черноморского флота Чухнин. 2 июля в Петербурге убит генерал Козлов. Известия о террористических актах Дума встречает с ликованием. Она бойкотирует правительство, требуя подчинения ей Совета министров и роспуска Государственного Совета, настаивает на амнистии всех политических заключенных.

Вице-адмирал Г. П. Чухнин

Неудивительно, что в правительственной декларации, изданной 20 июня 1906 г., говорилось, что Дума разжигает смуту. 9 июля опубликован манифест «О роспуске Государственной Думы и о времени созыва таковой в новом составе». Итак, выборы в Думу не оправдали надежд, возлагавшихся на них властью и народом, который хотел спокойной жизни и процветания. Дума не смогла наладить конструктивное взаимодействие с правительством и начать вместе с ним постепенно и взвешенно решать накопившиеся в стране острые проблемы. За 1906 г. террористами убито 768 и ранено 820 представителей и сотрудников законной власти.

II

Распустив первую Государственную Думу, правительство созвало вторую Думу, выборы в которую проводились на основе прежнего избирательного закона. Из 13 клириков к правым относились только 4 депутата — епископы Евлогий (Георгиевский), Платон (Рождественский)

и двое священников. Правительство рассчитывало, что вторая Дума будет по своему составу более умеренной, но Дума, начавшая работу 20 февраля 1907 г., оказалась ещё более левой.

В стране каждый день совершались политические убийства, почти через день — взрывы бомб. Бомбы взорвались: 24 февраля — в Кутаиси (сразу три), 26 февраля — в Ялте, 1 марта — в Харькове. Тем не менее правительство рассчитывало на конструктивную работу с Думой. Уже в своём первом выступлении 6 марта 1907 г. председатель Совета министров П. А. Столыпин напомнил депутатам о том, что свобода совести, неприкосновенность личности, жилища, тайна корреспонденции остались ещё не нормированы законодательством. «Вследствие сего, — говорил П. А. Столыпин, — в целях проведения в жизнь начал веротерпимости правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру всё действующее законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 г.»[1]. Председатель также заявил о призвании власти оберегать полную свободу внутреннего управления Церкви. При этом, однако, указывалось, что права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий. Речь Столыпина вызвала бурные аплодисменты правой части Государственной Думы. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) откликнулся на неё приветственной телеграммой, в которой охарактеризовал выступление премьера как полное достоинства, авторитета и власти. В ответ Столыпин написал о своей глубокой вере в спасение Православной Руси по молитвам русских людей.

Столыпин, будучи председателем Совета министров, проводил в основном реформы, направленные на укрепление преимуществ Русской Православной Церкви и села. Подготавливая проект о преобразовании государственного управления России, он считал существовавшее положение Церкви, возглавляемой обер-прокурором, неудовлетворительным. Необходимо было создание министерства исповеданий, а восстановление Патриаршества могло этому помочь. Но такие реформы были не нужны ни эсерам, ни большевикам, ни социал-демократам, ни либералам, мечтавшим о процессе всеобщего расцерковления. Процесс укрепления России и Русской Православной Церкви можно было остановить, лишив жизни великого политика, что и произошло с негласного согласия многих заинтересованных лиц 5 сентября 1911 г. в Киеве.

---

[1] Государственная Дума (1909, 2-IV). С. 1754.

Вспоминая именно эти времена, митрополит Вениамин (Федченков) писал: «Только один раз явился у трона многообещающий яркий человек П. А. Столыпин. Он бросил дерзновенно-крылатое слово революционной Думе: “Не запугаете!”»[1]

12 марта Столыпин представил на рассмотрение Думы практически все законоположения, направленные к осуществлению свободы совести, которое разработало МВД. 13 марта на заседании Думы обсуждался вопрос об отмене временного закона о военно-полевых судах. Столыпин выступил с речью. Он задал вопрос депутатам: «Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся опасности, сделать гласную уступку революции?» 10 апреля в Думе рассматривалась Декларация правительства по аграрному вопросу. Знаменитая речь Столыпина на заседании Думы завершилась словами: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Здесь уместно сказать, что некоторые представители русского духовенства в оценке тогдашних политических событий частенько оказывались прозорливее не только тогдашних светских политиков, но даже некоторых нынешних историков. Уже упомянутый нами митрополит Вениамин (Федченков), восхищавшийся дерзновенно-крылатым столыпинским «Не запугаете!», в то же время признавал: «Это было сказано более смело, чем исторически прозорливо. Сам же он был убит в киевском театре, где был и Царь, провокатором Богровым, а революция продолжала тихо расти. <...> Ему приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого “хуторского” хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение. <...> Тогда я жил в селе и отчётливо видел, что народ — против неё. И причина была простая — из существующей площади, — даже если бы отнять все другие земли: удельные, помещичьи, церковные и монастырские, — нельзя было наделить все миллионы крестьян восьмидесятинными хуторами, да и за них нужно было бы выплачивать. Значит, из более зажиточных мужиков выделилась бы маленькая группочка новых “владельцев”, а массы остались бы по-прежнему малоземельными. В душах же народа лишь увеличилось бы чувство вражды к привилегиям новых “богачей”. Да и вообще, спасать русский народ лишь буржуазным соблазном личной корысти было совсем неглубоко, недуховно, негосударственно. Православный вели-

[1] *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. С. 130.

корусский народ привык к общинному укладу жизни. И хутора в народе “провалились”»[1].

3 июня 1907 г. П. А. Столыпин совершил так называемый третьеиюньский переворот. Поводом для этого послужило обвинение членов социал-демократической фракции в военном антиправительственном заговоре. Правительство потребовало от Думы временно устранить от заседаний всех социал-демократов и арестовать 16 человек из их состава. И хотя депутаты не возражали против обсуждения предложенного вопроса, реализоваться таковое желание уже не смогло. 3 июня подписан манифест «О роспуске Государственной Думы, о времени созыва новой Думы и об изменении выборов в Государственную Думу». В новой Думе будет уменьшено представительство от нерусских народов. Этим, по словам публициста М. Меньшикова, «державная власть отказалась давать средства революции».

Итак, «Дума народного гнева», проведя всего 53 заседания, также оказалась не способной на конструктивное сотрудничество с властью.

III

Таким образом, Дума первого и второго созывов не обсуждали вопросы, касавшиеся положения Православной Церкви. Они по наследству перешли в третью Государственную Думу, которая начала работу 1 ноября 1907 г. и просуществовала весь положенный пятилетний срок.

В отечественной исторической науке утвердилось мнение о крайне консервативном характере третьей Государственной Думы. Эта точка зрения в значительной степени основывается на ленинской характеристике: «III Дума — не соглашательская, а прямо контрреволюционная...». Однако резкое снижение «революционной активности трудящихся масс» после 1907 г. объясняется не столько «разгулом реакции», столько явным повышением благосостояния рабочих. С 1909 г. в России начинается мощный подъём индустрии (от 13 до 19 % в год). В Духовных семинариях вводится отдельный предмет «Обличение (критика) социализма». Изменения в политическом климате наблюдались не только в среде пролетариата, но и среди интеллигенции. Одним из выражений такого настроения стал сборник статей «Вехи».

В третью Государственную Думу были избраны 45 священников и 2 епископа — Евлогий (Георгиевский) и Митрофан (Краснопольский), который был также председателем Комиссии по борьбе с пьянством.

---

[1] *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. С. 130.

Ещё 4 (17) июня 1909 г. в № 6 газеты «Социал-демократ» Ленин выступил со статьей «Классы и партии в их отношении к религии и церкви». Поводом, побудившим Ленина подготовить статью для этой нелегальной газеты, являвшейся центральным печатным органом РСДРП, стало выступление в Государственной Думе епископа Митрофана (Краснопольского) от 16 апреля 1909 года. Преосвященный Владыка, бывший тогда депутатом от Могилевской губернии, откровенно заявил: «первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтённым высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая бы все стороны освещала со своей этической точки зрения. <...> Что же причиной, что мы не пришли к этому идеальному положению? <...> Вина тех, которые разделяют с вами (то есть с кадетами и "левыми") эти скамьи, именно, депутаты духовенства, принадлежащие к оппозиции»[1].

Действительно, ещё 2 ноября 1907 г. священники, избранные депутатами третьей Государственной Думы, представились митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию. Похоже, что именно во время этой встречи депутаты-клирики сообщили Владыке о своём неумном решении не обособляться в отдельную «клерикальную» фракцию.

Тем, кто принимал это роковое решение, по всей видимости, не были известны слова Ленина двухлетней давности, опубликованные 27 (14) мая 1905 г. в «Пролетарии»: «Брожение среди духовенства, стремление к новым формам жизни, выделение клерикалов, появление христианских социалистов и христианских демократов, возмущение "иноверцев", сектантов и т. д., всё это играет как нельзя больше на руку революции, создавая благоприятнейшую почву для агитации за полное отделение церкви от государства. Вольные и невольные, сознательные и бессознательные союзники революции растут и множатся не по дням, а по часам. Вероятность победы народа над самодержавием усиливается»[2]. Однако вряд ли те клирики, что твёрдо решили не обособляться в отдельную «клерикальную» фракцию, не ведали о глубоком убеждении такого выдающегося православного мыслителя как Л. А. Тихомиров, который подчеркивал, что «духовенство, пригодное к общественной деятельности, не должно иметь других партий, кроме своего

---

[1] Государственная Дума (1909, 2-III). С. 2229.

[2] *Ленин В. И.* Третий съезд // Полное собрание сочинений. М.: ГИПЛ, 1960. Т. 10. С. 218.

церковного круга»[1]. Л. А. Тихомиров предвидел, что разбитые по отдельным политическим фракциям священники совершенно утратят самостоятельное значение в российском парламенте и станут выражать интересы партий, конфликтуя между собой. Но именно из опасения, что этого вдруг-то и не произойдёт, Ленин так опасался возможности «чистого клерикализма». Зато Владимира Ильича радовало всякое церковное обновленчество, подрывавшее единство Русской Православной Церкви. Как политик, Ленин оказался гораздо дальновиднее духовенства, а 45 человек в Думе — это немало, и они могли оказывать серьёзное влияние на принятие решений.

И уж глубочайшее внутреннее удовлетворение у будущего создателя атеистического Советского государства вызвало выступление в третьей Государственной Думе социал-демократа П. И. Суркова (1876–1946). Этот депутат от рабочих костромской губернии, по мнению Ленина, «один из всей Думы поднял прения на действительно принципиальную высоту и сказал без обиняков, как относится к церкви и религии пролетариат, как должна относиться к ней вся последовательная и жизнеспособная демократия». А далее лидер большевиков уже просто цитировал: «Религия есть опиум народа. <...> Ни одного гроша народных денег этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание». И Ленин одобрительно заключал: «этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространят его в массах, которые сумеют, когда придёт время, претворить его в революционное действие»[2].

Трудно не признать эти ленинские слова восхищения рабочим-ткачём Сурковым за мрачное пророчество. Не пройдёт и десяти лет, как антиклерикальные настроения думских депутатов отзовутся в душах тех «сознательных» пролетариев, которым захочется громить храмы и расстреливать священников. Жертвой «красного террора» в 1919 г. падёт и епископ Гомельский Митрофан. И уж затем, воистину, такое жуткое «*придёт время*», когда миллионы пролетариев станут воплощать своё погромное настроение «*в революционное действие*» в ходе всех последующих «пятилеток безбожия».

В 1909 г. восхитивший Ленина депутат-большевик лживо называл священство «*кровавыми врагами народа*». А кто в это время террористи-

---

[1] *Тихомиров Л. А.* Духовенство третьей Думы // Колокол. 1907. 18 ноября.

[2] *Ленин В. И.* Классы и партии в их отношении к религии и церкви // Полное собрание сочинений. М.: ГИПЛ, 1961. Т. 17. С. 438.

ровал население? Ведь кроме убитых тысяч государственных чиновников, жандармов, полицейских было и очень много «простых выходцев из народа»[1]. Что, — это священники бросали бомбы в народ? Но пройдёт менее двадцати лет, и объявлять «кровавыми врагами народа» и, соответственно, расстреливать станут уже тех «героев великого октября», которые с таким воодушевлением по заданию Ленина осуществляли репрессивную политику в отношении Русской Православной Церкви. Но в годы, ещё столь далекие от сталинских «чисток», такого разворота исторических событий материалистически настроенные умы социал-демократических членов Государственной Думы просто не могли предвидеть. А Ленин меж тем их подбадривал: «Заявив с думской трибуны, что религия есть опиум народа, наша фракция поступила вполне правильно и создала, таким образом, прецедент, который должен послужить основой для всех выступлений русских с.-д. по вопросу религии»[2]. Истинно, «воздастся каждому по делам его» (Мф. 16:27).

Складывается впечатление, что молодой российский парламентаризм, закладывая на протяжении ряда лет идейную основу для взрыва духовных основ существовавшего общественного и государственного строя, в конечном счёте, выносил смертный приговор себе самому. И этот смертный приговор с некоторой отсрочкой исполнения должен был обрушиться как на либеральные, так и на революционные тенденции в стане приверженцев парламентской демократии. Как повелось говорить уже после 1917 г., «за что боролись, на то и напоролись».

Но правомерен ли такой вывод по отношению к депутатам третьей Государственной Думы? Ведь в советской исторической науке эта Дума традиционно клеймилась как «черносотенная» и «контрреволюционная». Между тем, если мы обратимся к свидетельствам некоторых членов третьей Государственной Думы из числа духовенства, например, к сочинениям священника-миссионера Саввы Богдановича, то традиционная для советской исторической науки характеристика российского парламента тех лет может быть поколеблена. Так, в 1911 г. о. Савва Богданович, характеризуя психологический настрой третьей Государственной Думы, пишет: «18-го сего мая в думском заседании одно незначительное обстоятельство вызвало извержение огромного огненного потока из глубины революционных сердец, раскалённых агитациею

---

[1] См. *Степанов А. Д.* Империя рушилась, а где же были монархисты? // Родная Ладога. № 1. 2017. С. 76.

[2] *Ленин В. И.* Об отношении рабочей партии к религии // Полное собрание сочинений. М.: ГИПЛ, 1961. Т. 17. С. 425.

масонского социализма. <...> Вся думская гвардия “внеподданных” и “внерусских” с иудейскими сиятельствами и превосходительствами во главе, выдрессированная под масонскую дудку “русской группы междупарламентского союза”, торжественно поклялась <...> очистить вводимое в западных губерниях земство от всякого участия православного духовенства»[1].

Не вдаваясь в детали политического конфликта вековой давности, о котором пишет о. Савва Богданович, следует всё-таки признать, что антиправославные настроения были достаточно сильны и в третьей Государственной Думе. Выступления архиереев, как и следовало ожидать, вызывали резкую неприязнь и критику слева — от кадетов до социал-демократов. Последние в традиционной обличительной манере заявили, что господствующая в России Церковь — служанка государства, поддерживающая его во всех начинаниях. Изрядное число депутатов и в третьей Государственной Думе смотрело на Церковь, прежде всего, как на политический институт и заявляло о монополизации веры в России «официальным исповеданием». В ответ на резкие суждения «левых» депутатов священники и архиереи приводили факты и примеры активной католической экспансии даже в тех местах, где поляки почти не жили.

Уже в первый год работы третьей Государственной Думы стало очевидно, что многие депутаты воспринимали церковные вопросы исключительно как «ведомственные», не затрагивающие интересы большинства русского народа. Примером могут послужить огромные трудности с финансированием церковно-приходских школ. Ко времени обсуждения вопроса об ассигнованиях таких школ в России было уже 42 000, то есть почти одна треть всех школ империи. Их программы были не хуже программ других школ, а качество религиозно-нравственного воспитания — несравненно выше. Во всех церковных школах империи на 1 января 1907 г. обучалось 1 988 529 человек, из которых почти 50 000 не принадлежали к православному исповеданию. Однако Дума не пожелала финансово поддержать эти школы. Впрочем, священники-депутаты сумели добиться учреждения Особого совещания по вопросу о церковных школах, но и Совещание не помогло — «Дума упорствовала». Не помогло даже напоминание Императора: уже на последнем заседании третьей Государственной Думы вопрос о церковно-приходских школах снова был поставлен на повестку дня, но как только его стали обсуж-

[1] *Богданович С.* Поход на духовенство // На страже Православия. СПб., 1911. С. 6–7.

дать, депутаты начали поодиночке покидать зал заседаний, и ко времени голосования кворума уже не было.

Пётр Аркадьевич Столыпин

Если вопрос о школах напрямую затрагивал интересы Православной Церкви, то рассмотрение пакета вероисповедных вопросов касалось её опосредованно. Здесь сложность состояла в том, чтобы увязать юридически закреплённое традиционное первенство Православной Церкви в империи с возможностью осуществления идеи свободы совести. Необходимость такой увязки осознавала и исполнительная власть. Окончательно это стало ясно после речи П. А. Столыпина, с которой он выступил 22 мая 1909 года. Выступление Столыпина в Думе по вероисповедным вопросам было показательно уже тем, что государство публично заявило о своём намерении разрешить вопрос свободы совести и предложило для этого ряд законопроектов. Напомнив депутатам, что начало религиозной свободы в России было положено законами 12 декабря 1904 г., 17 апреля и 17 октября 1905 г., премьер подчеркнул, что планируемые преобразования не могли осуществиться «вне вопроса о тех преимуществах, которые сохранены основными законами за Православной Церковью»[1].

Практически все выступавшие в своих речах касались положения Православной Церкви — её настоящего и будущего, в случае принятия законопроекта. Главное, на что так или иначе обращали внимание все докладчики, заявлявшие о необходимости отстоять церковные интересы, был вопрос о положении Православия в Западном крае. Характерно выступление епископа Евлогия (депутата Люблинской и Седлецкой губернии от православного населения), которого член Государственной Думы Караулов упрекал в том, что епископ «забыл о страданиях своей

[1] Государственная Дума (1909, 2–IV). С. 1754.

паствы, о страданиях несчастного холмского народа»[1]. Преосвященный Владыка тогда ответил: «Смею уверить г. Караулова, что я об этом не забыл, что мне слишком дорога и памятна многострадальная история нашего бедного, несчастного и забитого холмского народа. Она всегда тяжёлой скорбью лежит на моём сердце, и если я о ней вспоминаю здесь, то вовсе не для красного словца, не для стенограммы, не для шумных аплодисментов, как это, может быть, делают некоторые другие. Но если уж углубляться в воспоминания, то я имею больше оснований упрекать г. Караулова, что у него память коротка. Ему следовало бы вспомнить, господа, не то, о чём он здесь вспоминал; ему следовало бы вспомнить и о польских батогах, которые гуляли по спинам наших холмских мужиков, ему следовало бы вспомнить о тех страшных насилиях и преследованиях, которыми его обращали в унию и католичество. Ему следовало бы вспомнить о закрытых православных церквах в нашей несчастной Холмщине, об отдаче этих церквей в аренду евреям, о чём и доселе поёт свои скорбные песни наш холмский народ; ему следовало бы вспомнить, какие злые силы искалечили душу нашего холмского народа, который, будучи искони русским, православным, почти потерял теперь своё религиозное национальное самосознание»[2]. Сейчас Холмщина — это восточная часть Польши.

Итак, даже в консервативной, по сравнению с предшествовавшими созывами, третьей Думе отношение к Православной Церкви было непростым. Взаимоотношения между Думой и Церковью, писал впоследствии митрополит Евлогий (Георгиевский), «были безысходной коллизией двух сторон, друг к другу чуждых, а порой и враждебных». Депутаты прекрасно понимали, что, предъявляя претензии к Святейшему Синоду, они высказывают недовольство самой «симфонической» светской властью. Официальный докладчик в Государственной Думе по церковным делам — обер-прокурор Святейшего Синода — был фигурой политической — членом Совета министров и личным представителем Государя в Синоде.

Депутаты стремились в Думе вмешиваться и во внутренние дела Церкви. А Император Николай II, как верховный ктитор Православной Церкви, не хотел допускать Думу до решения внутренних церковных дел. Насколько драматичной была ситуация в Государственной Думе

---

[1] Вопросы: Приходской, Старообрядческий, Вероисповедный. Речи и доклады в III Государственной Думе. Сессия II-я 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 126.

[2] Там же. С. 126–127.

после убийства П. А. Столыпина, можно судить по стенограмме 29-го заседания от 23 ноября 1911 года. Заседание открылось в 8 часов 50 минут под председательством М. Я. Капустина, который сразу же предоставил слово Маркову 2-му.

Марков 2-й: «Речь министра внутренних дел, вновь назначенного, Александра Александровича Макарова, я от всей души приветствую, особенно приветствую ту часть речи, где говорится о беспощадной борьбе с крамолой. Давно уже не слыхала матушка Русь Православная столь твёрдого голоса представителя власти. Так именно и должен говорить истинный, верный слуга русского Самодержца, которого не запугаешь, как говорил благородный, покойный Пётр Аркадьевич Столыпин (в зале шум)...»

Председательствующий: «Покорнейше прошу не шуметь».

Марков 2-й: «...которого не собьют с единого, верного, единого правого пути, не собьёшь его ни злодейской пулей гнусного жида, не собьёшь его ни беснованием рабов революции и притонодержателей крамолы, не собьёшь его ни зловещим клеветническим шепотом златомундирных шантажистов. Да, конечно, министр внутренних дел не должен был с этой кафедры раскрывать тайну государственной полиции, не должен был идти в ту ловушку, которую ему так любезно открывали с этих скамей». (Голоса слева: «А как вас баба побила»).

Председательствующий: «Покорнейше прошу без резких выражений».

Марков 2-й: «Он не должен был, конечно, обнаруживать, как он будет бороться с революционерами, как он будет ловить преступников и какие меры он имеет принять, дабы этих людей было поменьше там, где им не следует быть. Я согласен — клин надо вышибать клином: раз революционеры наняты жидами, пользуются, и чрезвычайно искусно пользуются, сыском, шпионажем и прочими подлыми способами борьбы, то, конечно, ради самосохранения государство должно поневоле пользоваться этими же способами, посылать сыщиков, посылать шпионов, дабы излавливать негодяев в их болоте...»

После убийства П. А. Столыпина 1 сентября 1911 г. Мордко Богровым, который был внедрён революционерами в агентуру Киевского охранного отделения, правительство решило отказаться от разработки многих, в том числе и церковных вопросов.

IV

В работе четвёртой Государственной Думы, первая сессия которой состоялась 15 ноября 1912 г., духовенство также принимало активное

участие. Причём, как и в предыдущей Думе, среди депутатов были два архиерея: епископ Кременецкий Никон (Бессонов) и епископ Елисаветградский Анатолий (Каменский). В целом же численность священников в Думе сохранилась на прежнем уровне — в Таврическом дворце они получили 48 мест.

Государственный Совет, своего рода «вторая палата» российского парламента, члены которого частью избирались, а частью назначались Государем из высших сановников империи, был не согласен со многими положениями думского законопроекта по вероисповедным вопросам, полагая необходимым максимально «охранить» права Православной Церкви. В результате создали согласительную комиссию, которая выработала «компромиссный» вариант. Однако после этого Дума уже не торопилась с повторным рассмотрением законопроекта: до конца 1912 г. депутаты так и не решили этот вопрос. Не был решён он и в период работы четвёртой Государственной Думы.

Пятилетний опыт участия духовенства в законодательной работе заставлял задуматься над тем, стоит ли его продолжать. Четвёртая Государственная Дума создала три специальные комиссии (комиссию по делам Православной Церкви вновь возглавил В. Н. Львов), в которых рассматривались вопросы свободы совести. Но в успех дела тогда уже мало кто верил. Ещё до начала работы народного представительства, 3 ноября 1912 г., министр внутренних дел А. А. Макаров отозвал законопроекты, в 1907 г. внесённые на рассмотрение депутатов П. А. Столыпиным, для дальнейшей доработки в МВД.

Что же касается четвёртой Государственной Думы, то вопросы религиозной нетерпимости стояли в её повестке дня не менее остро. Откроем стенограмму заседаний за «благополучный» 1913 год. Вот лишь небольшой отрывок (от 29 октября):

Шингарев: «...Мы знаем положение массы магометанского населения, которое во многом неравноправно... (Голоса справа: “о-о-о”) ...мы знаем положение массы польского населения, которое страдает от неравноправия и религиозного».

Пуришкевич (с места). «Переходите скорей к жидам...»

Шингарев: «...сию минуту, депутат Пуришкевич, если вы будете вести себя тихо. И мы знаем, наконец, вопрос самый крупный из всей этой категории вопросов, вопрос еврейского неравноправия... (Голоса справа: “о-о-о”)»[1].

При таком накале депутатских страстей вокруг межэтнических и межконфессиональных проблем нетрудно догадаться, что четвёртая

[1] Государственная Дума (1913, 2–IV). С. 2443.

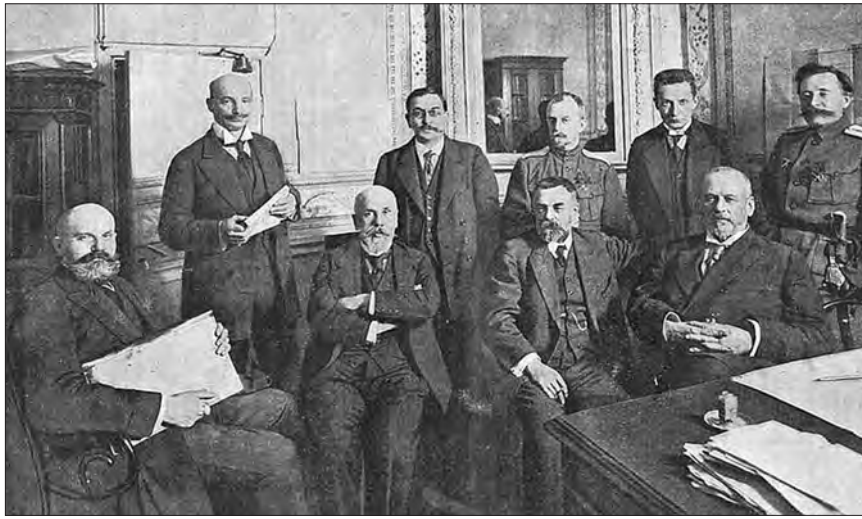
Государственная Дума также была одержима «революционным неврозом». В конце декабря 1913 г. Святейший Синод принял решение, запрещающее лицам духовного звания принимать участие в деятельности политических партий и движений.

Вплоть до начала Первой мировой войны думское духовенство не высказывалось о необходимости созыва Поместного Собора, занимаясь обычной законотворческой работой. Впрочем, этот вопрос активно обсуждался светскими депутатами, особенно «левым» графом А. А. Уваровым, В. Н. Львовым и кадетами П. Н. Милюковым и С. С. Липяговым. Начало войны нарушило ход работы Думы, сессии стали созываться нерегулярно, церковные вопросы окончательно перешли в разряд второстепенных.

25 августа 1915 г. в Думе был образован «прогрессивный блок», руководимый П. Н. Милюковым, С. И. Шидловским и В. В. Шульгиным. В него вошло две трети депутатов. Усугубление внутриполитических проблем, в том числе рост социальной нестабильности, влияние так называемых «тёмных сил» (иначе говоря, Григория Распутина) и многое другое практически полностью завладело вниманием депутатов. Как говорил В. М. Пуришкевич, в правительстве идёт «министерская чехарда». Вместо отправленного в отставку И. А. Горемыкина председателем Совета министров стал ставленник Г. Е. Распутина германофил Б. В. Штюрмер, считающий, что Россия должна заключить мир с Германией и выйти на хороших условиях из войны. Распутин, предвидя революцию и свержение монархии, был убеждён, что все силы надо сосредоточить на решении внутригосударственных проблем.

«В Империи имеется до 900 миллионов пудов избытка главнейших хлебов, — сказал министр земледелия А. Н. Наумов, выступая перед депутатами Думы. — Это — третья часть годовой потребности». Россия — единственная из стран, участвовавших в Первой мировой войне, так и не ввела продуктовых карточек. Продуктов было достаточно, в обороте были золотые деньги. 9 августа 1916 г. уволен со своего поста министр иностранных дел С. Д. Сазонов, ориентировавшийся на продолжение войны в союзе с Англией и Францией. Его портфель отдан Б. В. Штюрмеру. Начало работы думской комиссии по борьбе с «немецким засильем».

О Церкви вспоминали лишь в контексте указанных проблем, как это было, например, при обсуждении финансовой сметы в феврале 1916 года. Наряду со светскими депутатами откровенно выступали против «немецкого засилья» и депутаты-священники. Причём в Таврическом дворце они не занимали левых скамей. О «тёмных силах» говорил цент-



Временное правительство.
Исполнительный Комитет Государственной Думы.
Сидят (справа): М. В. Родзянко, С. В. Шидловский,
В. А. Ржевский, Вл. Н. Львов
Стоят (слева): В. В. Шульгин, И. И. Дмитрюхов, полковник
генерального штаба Б. А. Энгельгардт (комендант
петроградского гарнизона), А. Ф. Керенский и М. А. Караулов

рист о. Симеон Крылов. Особенно горяча была речь «националиста» священника Вениамина Немерцалова, предлагавшего Государственной Думе выдвинуть лозунг: «Долой тёмные силы от святых врат Церкви, долой немецкое засилье в вопросах веры и Церкви»[1].

Произошло то, о чём часто писали и чего так боялись многие православные клирики и миряне: Церковь оказалась втянутой в политику. Государственная Дума, где депутаты-священники традиционно поддерживали правительство, стала трибуной для тех из них, кто считал пагубным влияние на церковные дела «царского друга» Распутина, а также всех, кого молва нарекла сторонниками сибирского странника. Противостояние распутинцев и антираспутинцев было исключительно болезненным, ибо заставляло переносить внутрицерковные пробле-

[1] *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002. С. 389.

мы в политическую плоскость, указывать на церковные нестроения и необходимость проведения реформ в тех условиях, когда политическая оппозиция ставила исполнительной власти собственные требования. В тех условиях, как о некой панацее, современники вспоминали о Поместном Соборе, первые надежды на созыв которого появились ещё в 1905 году.

К осени 1916 г. противостояние думской оппозиции и правительства достигает своего апогея. Так называемый «прогрессивный блок» был настроен по отношению к существующей власти решительно и непримиримо. Власти, казалось бы, тоже не хотели уступать либералам, но при этом не проявляли твёрдой политической воли[1]. В таких сложных условиях и началась очередная сессия Государственной Думы.

С тех далёких времён до сего дня в общественном сознании наших граждан глубоко запечатлелся риторический вопрос лидера конституционно-демократической партии и «прогрессивного блока» П. Н. Милюкова: «Глупость или измена?» 1 ноября 1916 г., в день открытия зимней (последней) сессии Государственной Думы, он обвинил премьер-министра и Государыню Императрицу в измене, в желании заключить сепаратный мир с Германией. Неслучайно современники назвали речь Милюкова «штурмовым сигналом революции».

Штурм власти, начатый Милюковым, был продолжен В. В. Шульгиным. В своём выступлении от 3 ноября он, хотя и в более корректной форме, также подверг правительство жёсткой критике и практически солидаризировался с милюковским «штурмовым сигналом революции». 19 ноября В. М. Пуришкевич, выступая в Думе, обвинил Г. Е. Распутина в измене России. В это время истощённая войной Германия направляет державам Антанты ноту, в которой сообщает, что государства Центральной Европы готовы к переговорам. 17 декабря ночью в петербургском дворце князя Феликса Юсупова при соучастии дипломатических представителей Франции и Англии был зверски, символичным способом убит Григорий Распутин. Французский врач С. Лазоверт безуспешно травил Распутина цианистым калием, русские участники покалечили сибирского старца, агент английской разведки, сотрудник британского посольства Освальд Рейнер в конце всего выстрелил Григорию в лоб. Большинство членов преступной группы со-

[1] *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. Фракция правых в IV Государственной Думе в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 125.

стояло между собой в гомосексуальной связи. Так был убит «развратный» Распутин[1]. 23 декабря 1916 г. — начало наступления 12-й русской армии генерала Д. Р. Радко-Дмитриева на Митаву (Елгаву). Операция провалилась, ряд полков отказались идти в наступление. Это — первое массовое неповиновение русских войск.

Стоит ли поэтому удивляться, что к февралю 1917 г. Государственная Дума, попросту говоря, превратилась в центр революции. Трудно не согласиться с мнением доктора исторических наук А. Б. Николаева о том, что «в дни Февральской революции существовало два центра революции — думский и советский. Особенность функционирования этих центров состояла в том, что при решении важнейших задач революции они создавали совместные структуры (использовали другие формы сотрудничества). В результате этого происходило слияние (соединение) этих центров в один (думско-советский) центр в вопросах практической деятельности при значительном преобладании думского элемента над советским»[2].

25 февраля (10 марта) 1917 г. Император Николай II подписал Указ о роспуске четвёртой Государственной Думы. Главная причина — война.

V

Таким образом, антиклерикальные настроения, характерные для первого этапа российского парламентаризма, создавали духовно-политические предпосылки для тотального погрома Русской Православной Церкви, произошедшего в первые два десятилетия советской власти. И вместе с тем окончательное крушение советской власти в октябрьские дни 1993 г., когда в Москве расстреливали защитников Белого дома, привело к удивительным метаморфозам думской формы современного российского парламентаризма.

Полезно напомнить, как 28 сентября 1993 г., в период резкого нарастания конфронтационной динамики между двумя ветвями государственной власти в России, X Съезд народных депутатов обратился к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. При этом сообщалось, что X Съезд народных депутатов принял дважды отвергнутый Б. Н. Ельциным Закон Российской Федерации «О свободе вероисповедания»,

---

[1] См. подробнее: *Стариков Н.* Кто и за что убил Григория Распутина? // https://nstarikov.ru/blog/47326

[2] *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная Дума (27 февраля — 3 марта 1917 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 592.

закрывающий дорогу в Россию «беснующимся зарубежным проповедникам и мракобесам». Вместе с тем съезд просил Патриарха «приложить все усилия для преодоления распада России и развязывания гражданской войны и достижения национального согласия нашего великого многонационального Отечества»[1].

На следующий день Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II выпустил «Воззвание», в котором говорилось: «Россия — на краю пропасти. Ныне мы перед выбором: или остановить безумие, или похоронить надежду на мирное будущее России. Особенно трагично то, что сегодня может распасться Российская держава. Если это произойдёт, будущие поколения проклянут нас.

Противостояние на пределе нервов вокруг Белого дома в любой миг может взорваться кровавой бурей. И поэтому я слёзно умоляю стороны конфликта: не допустите кровопролития! Не совершайте никаких действий, могущих разрушить донельзя хрупкий мир! Не пытайтесь решить политические проблемы силой! Не предавайтесь безумию, не переставайте уважать человеческое достоинство друг друга! Имейте мужество не поддаваться ни на какие провокации, как бы больно они ни задевали вас! Помните, что нынешней смутой могут воспользоваться экстремисты, преступники, да и просто нездоровые люди.

Одна пуля, выпущенная около Белого дома, может привести к катастрофе, кровавое эхо которой прокатится по всей стране. Вот почему я призываю любыми мирными средствами ослабить вооружённое противостояние. В нынешний, сложный момент надо милосердно относиться к любому человеку. Никакие политические цели не могут препятствовать обеспечению находящихся в Белом доме медикаментами, пищей и водой, медицинской помощью. Нельзя допустить, чтобы физическое истощение спровоцировало людей на неконтролируемые насильственные действия.

От имени Церкви я призываю противостоящие стороны к диалогу и предлагаю любую форму необходимого посредничества в это судьбоносное время. В связи с происходящими событиями созывается экстренное заседание Священного Синода.

Всех православных христиан прошу молиться о спасении России. Пусть и те, кто ни разу в жизни не обращался к Богу, возопиют ныне к Нему. Верю: “Господь даст силу народу Своему; Господь благословит

---

[1] *Зевелев А., Павлов Ю.* Расколотая власть. 14 дней и ночей гражданской войны в Москве осенью 1993 г. М.: Российская политическая энциклопедия, 1995. С. 47.

народ Свой миром" (Пс. 28:11)»[1]. Патриарх предложил посредничество и место для встречи — Данилов монастырь.

Здесь особо следует подчеркнуть, что «Воззвание» было составлено Святейшим, когда он (с 27 сентября) пребывал в Соединенных Штатах Америки. Однако Патриарх Алексий счёл необходимым прервать свой визит в связи с событиями в Москве и 30 сентября вернулся в Москву, а не переждал смуту в США.

Вечером 1 октября 1993 г. в Свято-Даниловом монастыре начинаются переговоры между противоборствующими сторонами. Они приводят к следующему результату: проведению поэтапной демилитаризации в здании Верховного Совета и прилегающей к нему территории.

2 октября переговоры в Свято-Даниловом монастыре между представителями Президента России и Верховного Совета продолжились с участием Святейшего Патриарха. В 10.00 участники переговоров подписали программу мер, разработанных группой экспертов, по нормализации обстановки вокруг Белого дома. Программа предусматривала: взаимное предоставление информации о планируемых действиях и составе вооружённых сил и вооружений у каждой из сторон, разработку совместного графика сокращения вооружений, одновременную ликвидацию сторонами заграждений вокруг Белого дома. В 15.00 предполагалось подписать график совместного сокращения сторон и документ, гарантирующий безопасность лицам, находящимся в Белом доме. По оценке Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, «были у нас сегодня и драматические минуты, были и минуты согласия и доброты. Я думаю, что надо продвигаться вперёд».

К сожалению, в первые октябрьские дни 1993 г. «минуты согласия и доброты» не восторжествовали над часами взаимной ненависти. Переговоры сторон не удались. Кровопролитие не было остановлено.

Тем не менее, после кровавых событий 3–4 октября 1993 г. авторитет Русской Православной Церкви для новых российских парламентариев стал весьма значителен: удалось избежать гражданской войны. Едва ли не все депутатские фракции новой Государственной Думы стремятся подчеркнуть свою лояльность Русской Православной Церкви. Достаточно вспомнить, что депутат Государственной Думы от фракции «Демократический выбор России» Виталий Викторович Савицкий, установив доверительные отношения с митрополитом Санкт-Петербургским

[1] *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения 1990–1998. М., 1999. С. 577–578.

и Ладожским Иоанном (Снычевым, †1995), одним из первых попытался ограничить деятельность тоталитарных сект, враждебных традиционным религиям нашей страны. Именно при участии ныне покойных митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна и В. В. Савицкого в Санкт-Петербурге в октябре 1994 г. прошла международная конференция «Тоталитарные секты и права человека», участники которой обратились к Государственной Думе с просьбой провести парламентские слушания о деятельности тоталитарных сект на территории Российской Федерации.

И вместе с тем, другой депутат Государственной Думы в своём политическом докладе от 22 ноября 1998 г. говорил: «Возрождающаяся Церковь станет в нашем растерзанном смутой обществе одним из главных гарантов национального единства, защитником народных святынь и традиций, хранителем и проповедником вечных ценностей православной духовности и христианского патриотизма. И это закономерно. На протяжении долгих столетий Церковь являлась духовной опорой нашего национального общественного и государственного бытия. Её терпеливому окормлению русский народ — как уникальная духовная общность — обязан самим фактом своего появления на свет»[1]. Возможно, кто-то будет удивлён, но это слова лидера КПРФ Г. А. Зюганова.

Нельзя не отметить, что и в книге В. В. Жириновского «Последний удар по России» название одной из глав — «Тайный приговор православной державе»[2] — звучит как грозное предостережение. «Мишиах, — пишет лидер ЛДПР В. В. Жириновский, допуская ошибку в правописании еврейского термина (правильно, конечно же, [машиах] — мессия), — приход которого к управлению миром призваны обслуживать все разветвлённые мондиалистские институты, с точки зрения таких ортодоксальных религиозных традиций, как Православие и ислам, ассоциируется со зловещей фигурой антихриста. Мишиах Мирового правительства — это не просто “культурный проект”, новый социальный миф или “утопический гротеск”, это нечто гораздо более серьёзное, реальное и страшное»[3].

И словно вторя своему политическому антагонисту, Г. А. Зюганов в работе «Югославский рубеж. Балканский кризис в зеркале русской смуты» пишет: «Следующим непременным признаком “либе-

---

[1] *Зюганов Г. А.* Святая Русь и кощеево царство. Основы русского духовного возрождения. М., 2003. С. 56.

[2] *Жириновский В. В.* Последний удар по России. М., 1996. С. 36.

[3] Там же. С. 35.

рального" фашизма является мондиализм, то есть целенаправленное стремление к разрушению суверенитета и независимости национальных государств, имеющее своей конечной целью построение единой глобальной, наднациональной политической структуры с мировым Сверхправительством во главе»[1]. Какова же, по мнению лидера фракции КПРФ в нынешней Государственной Думе Г. А. Зюганова, альтернатива мондиалистским устремлениям Запада? Идейную основу для этой альтернативы он, слава Богу, находит уже не у Маркса и Ленина, а в русском Православии у старца Филофея из Псковского Елеазарова монастыря. «Россия является законным историческим наследником великой цивилизации, восходящей к Риму апостольских времен и окончательно оформившейся в рамках Византийской Империи. <...> Москва естественным путем становится их преемником и наследником. Третий Рим святой Руси против кощеева царства западного гегемонизма — эта формула на долгие века станет определять мировую историю и политику»,[2] — замечательным образом провозглашает лидер современных российских коммунистов.

Нет нужды говорить о том, что свою преданность православным духовным ценностям декларировали депутаты и других думских партий. Достаточно показательным в этом отношении является участие вице-спикера Государственной Думы РФ II и III созывов Сергея Николаевича Бабурина в 2005 г. в юбилейных мероприятиях, посвящённых столетию такой (критикуемой в советское время во всех учебниках истории) православной и монархической организации, как «Союз русского народа». Сегодня депутаты VII Государственной Думы, в частности, вице-спикер Пётр Толстой, Виталий Милонов открыто борются с оголтелыми атеистами и инославными за, казалось бы, абсолютно законную передачу Исаакиевского собора Русской Православной Церкви, для которой он строился и которой почти век принадлежал. Наталья Поклонская — героический прокурор Крыма, а ныне заместитель Председателя комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции, стоит на ответственном и опасном рубеже, на защите русских святынь в пространстве современной культуры. Противники Православия, безнравственные бесталанные режиссёры, создающие себе имя на скандалах, а не на художественных достижениях, сегодня пытаются опрочить священные русские имена, продолжают казнить Императора

[1] *Зюганов Г. А.* Святая Русь и кощеево царство. Основы русского духовного возрождения. М., 2003. С. 92.

[2] Там же. С. 118–119.

Николая II. При жизни у святого Царя было мало защитников. Сегодня их, слава Богу, много больше и, к счастью, на государственном уровне.

Не следует забывать и то, что депутатами I, II и др. Государственных Дум новой России были люди, являющиеся прямыми потомками замечательных русских священнослужителей. В этой связи заслуживает особого упоминания Николай Анатольевич Бенедиктов из Нижнего Новгорода, чей дед, Андрей Николаевич Бенедиктов, расстрелянный в 1937 г. и реабилитированный в 1957 г., был канонизирован в 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе[1]. Что касается участия священников в современном парламенте, то вопрос этот имеет уже свою историю, вновь неоднозначную. Это связано с раскольнической деятельностью лишённого сана бывшего священника Глеба Якунина (уже почившего), который, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, после путча 1991 г. рьяно возглавил комиссию по расследованию деятельности КГБ внутри Церкви, пытаясь рассорить её и государство. И поэтому в 93-м году было принято решение о том, что священник не может быть депутатом. В феврале 2011 г. в интервью газете «Комсомольская правда» глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин говорил: «В современной России, я считаю, священники-депутаты не нужны. Тот опыт, которому я был свидетелем, не очень хорошо кончился. В парламенте было несколько архиереев, которые, если и выступали, обычно говорили об интересах Церкви. Но были и священники, которые выдвинулись в депутаты по своей инициативе... Когда Архиерейский Собор принял решение, что из правила о неучастии духовенства в парламентской деятельности можно сделать исключение, имелись в виду ситуации, когда раскольнические или иноконфессиональные силы пытаются использовать выборные органы власти против Православной Церкви. Пока такого рода случаи были только на Украине. Я не вижу в обозримом будущем поводов для того, чтобы такие же исключения появлялись в России», — подчеркнул священник. Сегодня вопрос об участии священников в выборных органах власти не поднимается.

В результате обращения к истории русского парламентаризма, которая не может быть полной без фактов новейшего времени, складывается впечатление, что четыре революции, пережитые нашей страной в XX в. и повлёкшие за собой гибель миллионов людей, научили наконец российских парламентариев бережнее относиться к тому, что всегда составляло духовную основу нашей государственности — к Православной

[1] *Бенедиктов Н. А.* Русские святыни. М.: Алгоритм, 2003.

вере и Церкви Христовой. Хочется думать, что не только в подражание нашему Президенту Владимиру Путину, человеку верующему и ценящему святые ценности русской духовной традиции, сегодня принимают участие в религиозных празденствах и церковных Таинствах избранные во власть представители народа, а по зову своих христолюбивых душ и сердец, хранящих вековую память о верных Богу собственных предках. И есть надежда, что великая «Русская симфония» — симфония взаимопонимания и соработничества Церкви и государства вновь обретёт своё стройное традиционное звучание и грянет под сводами нерушимого вневременного Собора русской веры и любви к Отечеству.

«НЕ РАЗЛУЧИВШИСЬ С ПАСТВОЙ»

Подвиг русского православного духовенства
в Первую мировую войну 1914–1918 гг.

Церковь как носительница и хранительница Христова Откровения есть живое огнилище, а не властное водительство; она есть источник любви и благодатного света, а не педантичный нажим на человеческую жизнь; она есть зов, а не приказ.

Иван Ильин

«Бог воззовёт прошедшее»

(Еккл. 3:15)

О необходимости современного осмысления
исторической действительности Первой мировой войны

Сто лет прошло с трагического дня начала Первой мировой войны, значение которой можно и следует рассматривать не только в границах астрономического времени, но и в смысловых соотношениях тварного и нетварного бытия, в категориях духовных, чтобы понять не одно лишь её историческое, фактическое прошлое, но грядущий смысл, вечностную семантику. Для чего нам нужно сегодня, в нашем достаточно благополучном настоящем, выяснять это значение, вспоминать трагические дни почти «забытой войны»? Есть на поставленный нами вопрос древний мудрый ответ у библейского Екклезиаста: «что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовёт прошедшее» (Еккл. 3:15). На современном языке это звучит примерно так: «Служить вечному можно, только отдаваясь вполне настоящему, и это потому, что историческое настоящее благодаря своей осмысленности и направленности воскрешает в себе прошлое и даёт верный залог будущего»[1].

[1] *Болдырев Н. В., Болдырев Д. В.* Смысл истории и прогресс. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 184.

Обращение к исторической действительности Первой мировой войны во многом помогает осознать неразрывную связь вечного и настоящего, переходящего в прошедшее и в будущее. Прошлое, сменяемое настоящим, так же как настоящее, сменяемое будущим, не исчезает бесследно, не заменяется абсолютно, но остаётся в настоящем необходимой базисной составляющей. «Поскольку прошлое уходит в глубину настоящего, постольку оно придаёт ему творческую силу»[1], формирующую исторический путь, ведущий к идеалу. Именно эта незримая цепь обеспечивает историческую крепость и придаёт смысл исторической действительности. В относительной вечности исторического бытия, в каждый момент настоящего нужно слышать, как Бог во имя будущего «воззывает прошедшее», где сегодня, во времена новых непростых для России испытаний, слышатся столетние громы Первой мировой войны.

То, что во всемирной истории Первая мировая — событие особо значимое, понимали уже её современники. Например, так считал церковный историк С. Г. Рункевич: «Настоящая великая отечественная война принадлежит к такого рода мировым явлениям, которые с самого момента действительности переходят на страницы исторического своего значения критерием давности. Церковная жизнь в истории нынешней великой войны, благодаря высокопатриотической деятельности церковных учреждений и организаций, занимает бесспорно выдающееся место»[2]. На протяжении всей истории дореволюционной России Церковь и государство, то приближаясь друг к другу, то, иногда, отдаляясь, всё же сосуществовали в симфонии.

Тем не менее, такая симфония не всегда обеспечивала благоденствие государству, находящемуся под прицелом алчной европейской политики. Выявляя для России аналогию двух, как будто симметричных отрезков «смутных времён» — начала и конца XX в., философ А. С. Панарин отмечал: «В мировой войне Россия осознала себя форпостом славянского мира, отстаивающего себя перед натиском мира гражданского. Причём сама война рассматривалась как кульминация того ползучего натиска германского начала на Россию и славянство, который ощущался на всём протяжении Петербургского периода нашей истории. Тот самый Запад, в котором русские прогрессисты видели

[1] *Болдырев Н. В., Болдырев Д. В.* Смысл истории и прогресс. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 185.

[2] *Рункевич С. Г.* Распоряжения и действия Священного Синода в 1914–1915 гг. Петроград, 1916. С. 3.

землю обетованную — воплощение свободы, терпимости, просвещённой широты и пацифизма, в противовес деспотичной туземной азиатчине, неожиданно явил себя агрессором, открыто выставляющим право силы и отбросившим весь гуманистический и демократический камуфляж»[1].

Августовская икона Божией Матери

Кажется, что русский народ один такой, который, упорствуя в своём исконном стремлении к духовному идеалу и независимости, выстоял в самых тяжёлых войнах в истории человечества, вынес невыносимые испытания. И с Божией помощью в историческом бытии занял исключительное, подобающее ему место. Воистину, через жертву, через духовный подвиг «воплощают идеал в исторической действительности только отдельные народы, образованные Самим Богом после разрушения Вавилонской башни и уничтожения общего всем языка. Народы, доросшие в своём духовном развитии до мировых ролей»[2]. И таков народ русский. Нет сомнения, что именно в этой, мировой роли выступает Россия и сегодня, спустя 100 лет после начала Первой мировой войны, когда весь западный мир по наущению заокеанского государства-монстра вновь ополчился на нашу Родину, пытается изолировать её, оболгать, унизить, насильно удержать в развитии, втянув в изнуряющую гонку вооружений, подавить идеологически, оторвать от славянского мира. Не только из-за жажды наших богатств, но из-за невыносимости сравнения со своими «двойными стандартами» нашей единственной правды, нашей силы и веры. Но ничего опять не получается у западной цивилизации, потому что судьба России промыслительна, и погубить её можно только вследствие событий, ведущих к гибели всего земного мира, который без Рос-

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 190–191.

[2] *Смолин М. Б.* Русский путь в будущее. М.: Фонд ИВ, 2007. С. 115.

сии существовать не может, как смерть не может быть осмыслена без жизни, тьма без света.

Бесспорно, можно наблюдать и славить «всемирную судьбу России» (Ф. И. Тютчев), видеть её мировую роль, но невозможно предположить, что рост духовного развития народа и «таинство пресуществления идеала в действительность» могут происходить без одухотворяющей благодати Церкви. Поэтому роль Церкви в Первую мировую войну можно рассматривать составляющей и русской победы, и русского поражения. О наступающих трагических временах предупреждала Пресвятая Богородица Своим явлением в 1914 г., на второй месяц войны. Она явилась русским войскам под городом Августов (ныне территория восточной Польши). На левой руке Пречистая держала Богомладенца, правой — указывала на запад, как будто предостерегала: оттуда идёт опасность смертельная, там будут для русского воинства жертвы неимоверные. Явлению Божией Матери посвящена икона, которая называется «Августовская победа» (празднование 1(14) сентября). Икона подтверждает Божию помощь и символизирует великую роль Русской Православной Церкви в трагические для России времена.

«Зов, а не приказ»

Организация деятельности
Русской Православной Церкви в начале войны

Тяжела была эта роль не только потому, что священники шли на передовую плечом к плечу с солдатами. Но потому, что по совокупности известных социально-политических условий и усилий либерально-демократической пропаганды в начале XX в. началось заметное расцерковление русской жизни. Как с горечью отмечал архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий): «Наше отечество, наш народ повергнут в тяжкую беду. Сколько злодеяний, сколько убийств, грабежей и поджогов совершено за эти два года! Конечно, больше, чем за 20, за 50 лет нашей прежней мирной жизни. Как теперь люди потеряли страх Божий, как дети и юноши плюют в глаза своим родителям, бьют своих учителей, воруют и развратничают! Церкви пустеют, а притоны пьянства и беспутства умножаются. Как все изолгались, как ожесточились! С таким-то великим злом придётся бороться новой Думе, если в неё соберутся люди благонамеренные, а если соберутся люди злонамеренные, то так легко им будет теперь губить вконец нашу потрясённую Родину, добивать всё, что ещё живёт в ней добро-

го» (Слово на молебствии 6 февраля 1907 г. перед выборами членов Государственной Думы от Волынской губернии)[1]. Выступление Владыки Антония было обусловлено тем, что в своём мнимом героизме русская интеллигенция настойчиво призывала к «отбрасыванию христианства», к установлению атеистических норм жизни, к разрыву русской традиции духовного просвещения. Мало кто мог предположить, что скоро, уже во втором десятилетии века, в результате революционных преобразований Русская Православная Церковь будет почти уничтожена. В начале столетия при численности населения России 147 млн человек более 83 млн человек причисляли себя к православному вероисповеданию. Причём эта цифра год от года росла и в 1907 г. составляла уже 92 миллиона. К 1901 г. в России насчитывалось 63 епархии, более 500 мужских и более 300 женских монастырей, общее число монахов составляло 58 тыс. человек, а число белого духовенства превышало 100 тыс. человек[2].

Даже будучи подконтрольным государству — этот мощный духовный Светоч представлял собой не «властное всеобъемлющее начало», не клерикальное руководство русской жизни, но «источник любви и благодатного света». Как говорил Иван Ильин: Церковь — «*есть зов, а не приказ*». В ней происходит «служение Благодати и служение Благодатью». И в Первую мировую войну Русская Православная Церковь во всей полноте явила через своих пастырей «молитвенную силу, любящее сердце и свободную, живую христианскую совесть» (И. Ильин). Она услышала зов о помощи своих сыновей, умирающих на фронтах Первой мировой, и во их спасение бесстрашно встав рядом, сама тихо призвала страждущих в свои объятья. И этот встречный зов, это встречное движение народа и Церкви явились залогом невероятных проявлений героизма русских людей и блистательных воинских побед во славу России.

Начало войны, которая была объявлена 1 августа 1914 г. (по нов. ст.), ознаменовалось единением всего русского общества в патриотическом, освободительном порыве. «В серьёзности положения сомнений не было. Война сбросила скрывавшую её лицо вуаль и прямо глядела в очи. Русский народ встретил дерзкий вызов с достоинством. Мощный дух патриотизма великого народа сдунул как пушинку все бывшие до последних дней беспорядки и волнения»[3]. Наоборот, начались кругло-

---

[1] *Антоний (Храповицкий), митрополит.* Собрание сочинений. М.: ДАРЪ, 2007. Т. II. С. 635.

[2] По материалам: Дроба Сергий, священник. Церковь, государство и общество XX века по периодическим изданиям и воспоминаниям. Тверь, 2010. С. 7.

[3] *Рункевич С. Г.* Распоряжения и действия Священного Синода в 1914–1915 гг. Петроград, 1916. С. 4.

Всенародный патриотический Крестный ход в Петрограде. По фотографии С. Соколова (здесь и далее фотографии взяты из дореволюционных журналов и архивов)

суточные манифестации в поддержку Правительства и во славу Отечества, так что пришлось обращаться к населению с призывом соблюдать спокойствие и выдержку. Затаив дыхание, вся Россия, казалось, вслушивалась в слова Манифеста, провозглашённого Императором Николаем II, текст которого завершался так: «С глубокою верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наше Божие благословение»[1]. После зачтения Манифеста в сослужении придворного духовенства был совершён молебен о даровании русскому воинству победы над врагом. На аналое, приготовленном к молебну, находилась Чудотворная икона Спасителя из часовни домика Петра Великого и Чудотворный образ Богоматери из Казанского собора. Приложившись после молебна ко кресту, Государь Император обратился к представителям армии и флота со словами о том, что со спокойствием и достоинством Россия встретила известие об объявлении войны, и выразил убеждение, что с таким же чувством спокойствия мы доведём войну, какая бы она ни была, до победного конца. Государь Император завершил свою речь историческими словами: «Я здесь торжественно

[1] Правительственный Вестник. 1914. № 161.

В Казанском соборе. Молебствие о даровании победы над врагом русскому воинству (Рисунок с натуры для «Русского Паломника» художник А. Сезько)

Патриотические манифестации в столице. Манифестанты на площади перед Зимним дворцом, около Александровской колонны

заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдёт с земли нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих Мне войск Гвардии и Петербургского военного окру-

га, и в вашем лице обращаюсь Я ко всей единородной, единодушной, крепкой как стена гранитная, Армии Моей и благословляю её на труд ратный»[1].

В первые дни войны патриотическая эйфория и уверенность в непременной победе России оказались настолько сильными, что зазвучали надежды о скором освобождении Константинополя от турок; позже, в результате победоносного наступления русской армии, они нашли отражение даже в серьёзных обсуждениях в Синоде. Но уже в последние дни мира, в ожидании войны, было ясно и то, что для успешных действий Церкви в новой ситуации потребуется ряд неотложных преобразований.

Всё русское духовенство поддержало Царя с первого дня войны, названной Великой. В этот день Святейшим Синодом в Казанском соборе было совершено всенощное молебствие о даровании победы российскому воинству, после чего состоялось синодальное заседание. С необычайной серьёзностью в предчувствии совершенной исключительности события церковное руководство осознало необходимость выхода за привычные рамки, в которые обычно укладывались в соответственных случаях синодальные распоряжения. В прежние войны военное духовенство заранее не разрабатывало специального плана. Каждый священник обычно руководствовался личным усмотрением. На фронтах деятельность духовенства сводилась к совершению молебнов, панихид и иногда литургий, отпеванию умерших, напутствию больных и умирающих. Многие священники (по воспоминаниям современников) плохо представляли, где им быть — на передовой, в перевязочном пункте или в обозе. Даже протопресвитер военного и морского духовенства во время Русско-японской войны не появлялся на театре военных действий.

Как вспоминал протопресвитер Георгий Шавельский, ставший последним протопресвитером русской армии и флота, «единственным руководством для священников на войне служило Высочайше утверждённое положение об управлении войск в военное время. Но оно не предусматривало всех обязанностей священника, а тем более возможностей для его работы на бранном поле. Иногда же своею краткостью оно сбивало с толку не только рядовых священников, но и начальствующих лиц. Присланный из Иркутской епархии священник Попов явился в госпиталь, согласно положению, с епитрахилью, дароносицей, крестом и кадилом, без антиминса и полного священнического облаче-

[1] Правительственный Вестник. 1914. № 161.

ния. Когда благочестивый главный врач госпиталя попросил его отслужить литургию, он ответил, что у него нет принадлежностей для этого, да он и не обязан совершать литургии: согласно положению его дело — напутствовать и хоронить. Когда в 1904 г. благочинный 9-й Сибирской дивизии потребовал от подчинённых ему госпитальных священников, чтобы они обзавелись антиминсами и совершали литургии, его начальник — главный священник Маньчжурской армии, прот. С. А. Голубев возразил ему: "Госпитальному священнику антиминса не полагается". А между тем, где же на войне служить литургии, как не в госпиталях?»[1]

В 1914 г. активизировались все формы церковной жизни. Принятое в июле 1914 г. Святейшим Синодом постановление за № 6502 совершенно выходило из прежних рамок и являлось патриотическим актом высокой важности, заключающим в себе общие и деловые директивы для всего непризванного к оружию православного населения в патриотической его деятельности во время войны. Молитва к Богу о помощи теперь составляла, бесспорно, первое дело Церкви. Предписывалось собираться на моления Господу Богу о даровании победы Христолюбивому российскому воинству, свершаемые во время брани с супостатом, с коленопреклонением, по чину, напечатанному в Последовании молебных пений, с произнесением при этом пастырского поучения, а затем приносить Господу Богу в церквах повседневные молитвы о победе над врагом. Это предписание было напечатано в «Церковных ведомостях» и его приложениях. Таким образом, Церкви, являвшейся одним из важнейших факторов в строении государства, предписывалось взять на себя в максимальной степени инициативу организации содействия Отечеству в великом для Родины деле победы над врагом.

Святейший Синод призывал монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов, на вспомоществование семьям лиц, призванных на войну; предписывалось установить во всех церквах особые кру́жки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны. Монастыри, общины и другие духовные учреждения должны были подготовить помещения под госпитали и содержать их. Боголюбивые люди были призваны Церковью к пожертвованию собственных сил и средств на благополучную работу этих медицинских учреждений. На призыв к заповеди о христианской любви «во имя облегчения печали и улучшения матери-

[1] Материалы по истории Церкви. Кн. 11–12 / *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. 3-е изд. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2010. С. 424.

ального положения семей воинов, ушедших на фронт», откликнулась вся Россия. Призыв к патриотической проповеди казался естественным и не требовал, разумеется, детальных пояснений.

В это же время состоялся единственный в предреволюционной России Съезд военного духовенства, который затронул вопросы: об инструкциях военному священнику; богослужебные; катехизации; библиотечной деятельности; миссионерской деятельности; правовой деятельности (о суде); благотворительной деятельности; о борьбе с алкоголизмом и воспитании заключённых. Таким образом, на Великую войну священники направились со строго разработанной Съездом инструкцией. Надо отметить, что инструкция не была результатом кабинетной деятельности, она отражала предшествующий опыт и наблюдения за всеми возможностями, какие представляются для работы священников на поле брани, поэтому имела значение первостепенной важности.

По свидетельствам протопресвитера Георгия Шавельского можно судить о значении этой инструкции для фронтового духовенства и всего фронта. Она оговаривала точный круг работ и обязанностей каждого прибывающего на фронт священника, что особенно важно было для вновь мобилизованных, незнакомых с требованиями и условиями военной службы. А таковых было большинство: в мирное время в ведомстве протопресвитера состояло 730 человек, за время войны в армии пребывало свыше 5 тысяч лиц духовного звания. Инструкция точно разъясняла каждому полковому, госпитальному, судовому священнику, где он должен находиться, что должен делать во время боя и в спокойное время, где и как он должен совершать богослужение, о чём и как проповедовать и т. д.

Помимо общеизвестных обязанностей инструкция возлагала на священников, участвовавших в войне, много того, о чём не помышляли их предшественники. Строевому священнику вменялось в обязанность: помогать врачам в перевязке раненых, распоряжаться перенесением с поля боя убитых и раненых, заботиться о поддержании в надлежащем порядке воинских могил и кладбищ, извещать родственников убитых и раненых воинов, пополнять походные библиотеки и тому подобное. Госпитальному священнику вменялось в обязанность возможно чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать, утешать, писать письма под диктовку раненых, погребать покойников с возможной торжественностью. По мере выявления новых нужд выработанная Съездом инструкция пополнялась распоряжениями и указаниями протопресвитера, объявлявшимися в особых приказах.

Духовный управляющий аппарат на театре военных действий представлял собой стройную и совершенную организацию: протопресвитер, его ближайшие помощники; главные священники, их помощники; штабные священники; наконец, дивизионные и госпитальные благочинные и гарнизонные священники. В конце 1916 г. Высочайшим повелением были учреждены должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов. Для лучшего объединения и направления деятельности духовенства армии и флота регулярно проводились совещания протопресвитера с главными священниками, последних — со штабными и благочинными, были и Съезды по фронтам под председательством протопресвитера или главных священников.

Георгий Шавельский вспоминал: «Должен по совести сказать, что почти всегда мне приходилось слышать от начальствующих лиц и от рядовых офицеров самые лестные отзывы о работе военных священников. Но без исключений, конечно, не могло обойтись. <...> О деятельности военного духовенства на театре военных действий я имел счастье слышать блестящие отзывы от обоих Верховных Главнокомандующих. В конце 1916 г. Государь как-то сказал мне:

— От всех, приезжающих ко мне с фронта военных начальников, я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах Армии.

Ещё решительнее, в присутствии чинов своего штаба, отозвался в 1915 г. Великий князь Николай Николаевич:

— Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в Армии.

Я дважды слышал от него эти слова»[1].

Такие отзывы были вполне заслужены духовенством. В войне, названной современниками Великой, военное духовенство впервые работало дружно, согласно, по самой широкой программе. Священники делили с воинами все тяжести и опасности, возбуждали дух, будили совесть, своим участием согревали уставшие души, предохраняя их от возможного на войне ожесточения и озверения. Вот с какими словами на обедне обращался священник Олег Адамóвич к солдатам 1-го Егерского графа Йоркского батальона, вступившим на землю неприятеля, в Ортельсбурге:

«Третий день сегодня, как мы на вражеской земле. Сделали два больших перехода. Жители бегут в панике. Оставляют дома. Бросают иму-

[1] Материалы по истории Церкви. Кн. 11–12 / *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. 3-е изд. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2010. С. 431.

щество. А вчера нашли брошенного спеленатого младенца. Мать в безумном страхе бросила то, что ей дороже всего, бросила своё грудное дитя. Где теперь эта бедная мать? Опомнившись от первого страха, где-нибудь на дороге или в лесу, голодная и холодная, она ломает руки и молит Бога спасти её родное дитя.

Братья воины! Мы должны разить врага, когда он с оружием в руках идёт против нас. Когда же он просит пощады, мы должны щадить его и миловать. Ещё мягче мы должны относиться к мирным жителям. Вы сами видели, в каком бедственном положении они находятся. Не будем их обижать. Не будем трогать их имущества. Пусть они возвращаются в свои дома, найдут всё в таком виде, как и оставили.

Тогда они будут благословлять русских воинов и восхвалять Бога, в Которого мы веруем»[1].

Конечно, трудно поверить, что все священники действовали строго по инструкции, что они не могли проявить героическую самостоятельность и принять собственное творческое решение по обстановке. Когда требовало дело, оказывалась бессильной инструкция, предписывающая священнику находиться в перевязочном пункте, если он понимал, что в этот миг нужен в окопе или даже за ним, впереди отряда, атакующего неприятеля.

«Сам Суворов плакал...»

Подвиг русского священства в Первую мировую войну

Невозможно представить подвиг священников Русской Православной Церкви на фронтах Первой мировой войны отдельно от подвига всего русского воинства. Священник и солдат, показывая чудеса профессионализма и героизма, вместе стояли перед лицом смерти, вместе шли на врага Отечества, но оружие у них было разное. Глубокая вера, крест и молитва — оружие несокрушимое, победоносное и спасительное. Именно с таким запасом «боевых средств» шли священники и в лазарет, и к разверстой братской могиле, и на передовую. Издревле Русская Православная Церковь утверждала, что нет различия между нею и воином, воюющим за благо Отечества, воином, соблюдающим долг Присяги и совести. Известно, что Сам Иисус Христос не только не отверг просьбы боголюбивого римского сотника, который был как отец солдатам, но даже поставил его веру выше веры многих, сказав, «и в Израиле не нашёл Я такой веры» (Лк. 7:9). Вера делает человека человеком, сыном Отечества и, если надо, верным его защитником. В «Сво-

[1] Вестник Военного и Морского духовенства. 1915. № 24. С. 832.

де военных установлений», выпущенном при Николае I, сказано, что «дурной сын Церкви не может быть добрым сыном своего Отечества». Эта немудрёная истина имела яркие подтверждения в русской истории.

Неисчислимо примеров тому, что означает «добрый сын Отечества». Применительно к воину, кратко говоря, — это тот, кто обладает силой воинского духа. Со времен Суворова сутью русской национальной доктрины, сформулированной в его «Науке побеждать», является превосходство духа над материей. Но вся эта мудрёная «наука», как энергия в атомном ядре, сосредоточена в нескольких простых строках Молитвы воина перед вступлением в бой с врагами Отечества:

«Господи Боже, Спасителю мой! По неизреченной любви Твоей Ты положил душу Свою за нас. И нам заповедовал полагати души наша за друзей своих. Исполняя святую заповедь Твою и уповая на Тя, безбоязненно иду я положить живот свой за веру, Царя и Отечество и за единоверных братий наших. Сподоби мя, Господи, непостыдно совершить подвиг сей во славу Твою. Жизнь моя и смерть моя — в Твоей власти. Буди воля Твоя. Аминь».

Все свои теоретические положения глубоко верующий и прививавший веру своим героическим солдатам Александр Васильевич Суворов доказал собственным примером и опытом ведения победоносных сражений. Но кроме неколебимого духа необходимо воину милосердие, которым, как известно, в избытке обладал генералиссимус. Наверное, в силу такого своего благодатного качества характера оказался он и на кровопролитных фронтах Первой мировой, не смог не помочь своим духом сыновьям России в жесточайшей человеческой бойне под названием Первая мировая война.

От очевидцев известно, что великий русский полководец явился на помощь отступавшему в кровопролитном бою четвёртому батальону 11-го Фанагорийского полка, поднял наступательный дух бойцов и увлёк их в контрнаступление. Много тому свидетелей, а поручик этого полка поэт Арсений Несмелов запечатлел чудесное явление в своём стихотворении[1].

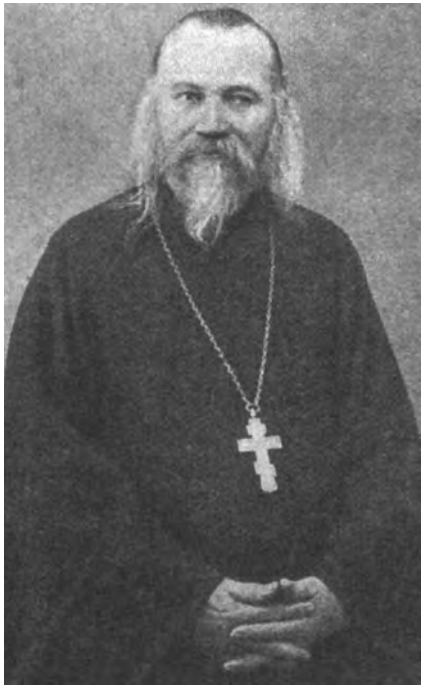
В это утро перебило лучших
Офицеров. Командир сражён.
И совсем молоденький поручик
Наш, четвёртый, принял батальон.
А при батальоне было знамя,
И молил поручик в грозный час,

[1] Воскресни, Русь! О патриотизме, достоинстве русского человека и православном понимании войны. М.: Даниловский благовестник, 2001. С. 52.

Чтобы Небо сжалилось над нами,
Чтобы Бог святыню нашу спас.
Но уж слева дрогнули и справа,
Враг наваливался, как медведь,
И защите знамени — со славой
Оставалось только умереть.
И тогда, — клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг!
Сам Генералиссимус Суворов
У святого знамени возник.
Был он худ, был с пудреной косицей,
Со звездою был его мундир.
Крикнул он: «За мной, фанагорийцы!
С Богом, батальонный командир!»
И обжёг приказ его, как лава,
Все сердца: святая тень зовёт!
Мчались слева, набегали справа,
Чтоб, столкнувшись, броситься вперёд!
Ярости удара штыкового
Враг не снёс; мы ураганно шли,
Только командира молодого
Мёртвым мы в деревню принесли...
И у гроба — это вспомнит каждый
Летописец жизни полковой, —
Сам Суворов плакал: ночью дважды
Часовые видели его.

Не могли оставаться равнодушными и полковые священники. Они, конечно, не имели права показать слёз сочувствия, они сами должны были утешать и поднимать солдатский дух, молить Бога о помощи русским сынам. Свидетельством самоотверженного священнического служения являются исторические воспоминания и статистические данные протопресвитера Георгия Шавельского.

В Русско-японскую войну был убит один священник. Погибшие на кораблях в Цусимском сражении не учтены. В Первую мировую убитых и умерших от ран священников было более 30 человек. В Русско-японскую войну раненых и контуженых священников не набралось и десяти, в Великую войну их было более 400. Более ста военных священников попали в плен. Пленение священника говорит о том, что он находился на своём посту, а не прятался от опасности в тылу.



Иеромонах Антоний (Смирнов)

Священник
Парфений Холодный, 1913 г.

О мужестве православных священников свидетельствуют их ордена. Из оставшихся в живых пастырей-героев 14 были награждены офицерскими Георгиевскими крестами 4 степени. За всё время существования Георгиевского креста, учрежденного Императрицей Екатериной II до Великой войны, этой наградой было удостоено всего 4 священника. А во время Первой мировой войны — 14. Каждый из этих четырнадцати человек совершил какой-нибудь особый подвиг. По современной статистике все эти цифры оказываются гораздо выше. Так, за годы войны священникам было вручено: 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов св. Владимира 3 степени с мечами, 203 ордена св. Владимира 4 степени с мечами, 643 ордена св. Анны 2 и 3 степени с мечами[1]. Для получения каждой из этих награды, конечно, требовался подвиг.

[1] *Новиков В. С.* Армия и Русская Православная Церковь // Военная мысль. 1992. № 4–5. С. 60.

«Подвиг русского православного священника Парфения Холодного». Лубочный плакат

Вот как торжественно и благодарно звучал Высочайший Указ от ноября 1914 г. о первых наградах священникам, участвовавшим в Великой войне.

«Государь Император Высочайшим Указом на имя Капитула Российских Императорских и Царских орденов, данным в 6-й день ноября сего года, в Царском Селе, Всемилостивейше соизволил сопричислить протопресвитера Военного и Морского духовенства Георгия Шавельского, во внимание к отлично-усердной службе его Церкви Божией и особым трудам, понесённым им во время военных действий, к ордену св. Владимира 2-й степени.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Синодального Обер-Прокурора о засвидетельствованных военным начальством особых трудах, понесённых нижепоименованными семью священнослужителями во время военных действий, и согласно определению Святейшего Синода, в 6-й день ноября сего года, в Царском Селе, Всемилостивейше соизволил: 1) на пожалование золотого наперсного креста на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества — священнику 99-го пехотного Ивангородского полка Андрею Аркадову и 2) на сопричисление к орденам св. Владимира 3-й степени с мечами: протоиерея Кавалергардского Ея Величества Государыни Марии Фёдоровны полка Стефана Щербаковского и без мечей: протоиерея лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка Иоанна Смоленского; св. Анны 2-й степени с мечами: священника 105-го пехотного Оренбургского полка Иоанна Миролюбова и 3-й степени с мечами: священников пехотных полков: 171-го Кобринского — Феодора Георгиевского и 108-го Саратовского — Евсевия Ланге и священника лейб-гвардии Конного полка Николая Комарицкого».

Не мечтали о наградах ни эти, награждённые, ни многие другие, не отмеченные Государем священники, когда свершали свои «особые труды» на бранном поле во славу Божию и на благо Отечества. У одних эти

«особые труды» выражались в мужественном исполнении своих обязанностей под огнём врага, другие — под этим огнём выносили раненых с поля сражения. Так, в бою 19 октября 1916 г. священник 318-го Черноярского пехотного полка Александр Тарноуцкий и иеромонах, имя которого не сохранилось, исполнявший обязанности священника в одном гвардейском стрелковом полку, и несколько других полковых священников были убиты, когда они с крестами в руках шли впереди своих полков. О деятельности многих священнослужителей остались скудные сведения, а от некоторых не осталось даже имён. Так не будем забывать то немногое, что история сохранила для нас, потомков этих героев.

Ведь глядя сегодня на тот ужас, который вызывают у современных врагов России давние исторические подвиги русских воинов и сохранившиеся символы их героических деяний, можно быть уверенными, что подвиг не имеет срока давности, герои не уходят в безвестность. Они и сейчас, во втором десятилетии от начала III тысячелетия, своим примером действуют в рядах русской армии. Иначе бы не лютовали бандеровцы современной Украины, не боролись бы со своими славянскими соотечественниками, не сжигали бы Георгиевские ленточки вместе с их носителями в оккупированной ныне Одессе, не расправлялись бы фашиствующие молодчики с беззащитными участниками Великой Отечественной войны — победителями фашизма. Почему такую агрессивную ненависть на современной Украине и в некоторых странах Запада вызывает двухцветный бант с чёрно-золотыми полосами? Кажется, всего лишь архаичная деталь — сопутствующая парадным облачениям выдающихся государственных деятелей царской России. Но этот символ подчеркивает первостепенность их государственных заслуг, их особого служения Отечеству на поле брани и в политических баталиях. Екатерина Великая носила Георгиевский орден с гордостью. Как писал обер-камергер граф Литта: «бессмертная законодательница, сей орден учредившая, полагала, что лента его соединяет цвет пороха и цвет огня». Но это метафора; чёрно-золотые цвета полос Георгиевской ленты, получившей название от имени Георгия Победоносца во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., повторяют цвета государственного герба России, содержащего чёрного двуглавого орла на золотом фоне и являющегося символичной репликой инсигний, известных со времен Восточной части Римской Империи, именуемой сейчас «Византия». Георгиевская лента — символ непобедимого в своей справедливости и милосердии нашего Православного Отечества и в Первую мировую, и в Великую Отечественную, и в другие возможные в грядущем войны.

Имя первого убитого в Первую мировую войну священника Николая Саввича Кульчицкого сохранилось в краткой справке «Вестника Военного и Морского духовенства» № 19 за 1914 год, но о его служении сказано мало. «Сообщаем только, что получены краткие сведения об убитом на поле брани священнике Николае Саввиче о. Кульчицком. Он убит 5 сентября разрывом шрапнели. Смерть постигла о. Кульчицкого в расцвете сил, в сорокалетнем возрасте. В военном ведомстве он служил 10 лет, но пришлось участвовать и в русско-японском походе. В нынешнюю войну он оказался первою жертвою из среды военного духовенства».

16 октября 1914 г. геройски погиб священник линейного заградителя «Прут», иеромонах Бугульминского монастыря, 70-летний старец Антоний (Смирнов). Когда «Прут» во время боя начал погружаться в воду, о. Антоний стоял на палубе и осенял Святым Крестом свою паству, боровшуюся со смертью в волнах. Ему предлагали сесть в шлюпку, но он, чтобы не отнять место у ближнего, отказался. После этого он спустился внутрь корабля и, надев ризу, вышел на палубу со Святым Крестом и Евангелием в руках и ещё раз благословил своих духовных чад, осенив их Святым Крестом. А затем вновь опустился внутрь корабля. Скоро судно скрылось под водой.

Удивительно созвучно этому героическому, не единичному для русских священников подвигу, стихотворение современной петербургской поэтессы Валентины Ефимовской, являющееся свидетельством бессмертия памяти и подтверждением возможного духовного прозрения художника, который может и не знать о конкретном историческом факте.

Под Андреевским флагом

Блаженно дыхание бриза,
Томительно чайки кричат,
Златою, нетленною ризой
На волны ложится закат.
Вздыхая, печалится море,
Что зыбок и призрачен мир.
В пучине лежат, как в соборе,
Священник, матрос, командир.
И вижу я, глядя на воду,
Картины геройских смертей —
В сраженьях морских за свободу
Великой Отчизны моей...

На палубе крови без меры,
Сражения близок конец...
Своею молитвенной верой
Спасает духовный отец.
Волна заливает каюты,
Корабль оседает кормой,
Кадит до последней минуты
Священник с седой головой.
Детей своих — добрую паству —
Светло осеняет крестом,
Чтоб каждый из гибнущих спасся
И был бы утешен Христом.
«Сдавайтесь! — стихия бесилась. —
И жизнь вам враги сохранят».
Но насмерть герои стоят,
Приемля лишь Божию милость
К погибшим за други своя.

Ещё один герой: священник 154-го Дербентского полка Павел Иванович Смирнов личным мужеством и спокойствием в трудную минуту так поднял дух полка, что полк, вдохновлённый своим пастырем, не только преодолел опасность, но и одержал победу. Имя отца Павла после этого стало геройским для всей Кавказской армии. Священник был награждён орденом св. Георгия 4 степени.

Иного рода подвиг в начале войны совершил священник 58-го Пражского полка Парфений Холодный. Полк действовал тогда в Галиции. Отец Парфений с полковым врачом и одним из младших офицеров переезжал в двуколке по мосту реку. Тут они наткнулись на австрийскую засаду, спрятавшуюся под мостом. Выскочив с ружьями наперевес, австрийские солдаты окружили двуколку. Отец Парфений не растерялся. Осенив крестом своих врагов, он обратился к ним из двуколки с увещеванием, что не должно братьям проливать кровь и, кроме того, впереди и позади большие русские отряды, засаде не уйти от гибели, поэтому лучше, не проливая крови, сложить оружие. Убедительная и вдохновенная речь о. Парфения была понятна нападавшим, так как среди них были чехи и угрорусы. Пошептавшись между собой, они начали сдавать оружие, которое было сложено в двуколку. А пленники, конвоируемые офицером и доктором с о. Парфением, были приведены в находившийся невдалеке штаб полка. Отец Парфений стал первым священником, награждённым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Но не всегда священнические подвиги проходили так легко и бескровно. В праздник Богоявления протоиерей Александр Павлович Холмогоров, свершив Божественную литургию при штабе дивизии и Крещенское водосвятие, несмотря на свою усталость и сильный мороз, без замедления отправился на позицию с духовным утешением к своим чадам, находившимся в окопах. Так как был ясный морозный день, то над позицией кружились вражеские аэропланы и ещё с утра начался артиллерийский обстрел наших окопов. Отец Александр смело направился прямо к окопам и стал окроплять их иорданской водой, начав с крайнего левого фланга. Когда он дошёл до среднего, самого опасного боевого участка, вблизи которого, как бы предупреждая пастыря, разорвались, не задев его, две бомбы, он не прекратил окропление, хотя офицеры советовали ввиду сильного обстрела перенести чин на другой день. Но неустрашимый пастырь, считая окропление святой водой в защиту чад своих от гибели важнее собственной жизни, продолжал своё святое дело. Вдруг послышался свист бомбы, она летела прямо на о. Александра. Благочинный получил более двадцати ран от осколков, один из них повредил позвоночник неустрашимого батюшки. Истекающего кровью его, не потерявшего сознание, бойцы перенесли в лазарет, где после исповеди и причастия священник скончался на руках вызванного из ближайшей артиллерийской бригады о. Кашубского.

Слова, прозвучавшие в память об о. Александре, могли бы быть, наверное, посвящены большинству священников, показывающих на фронтах Первой мировой войны воодушевляющий паству героизм и отеческую мудрость. В последний путь героя провожали с такими проникновенными словами: «...С первых дней твоего духовного общения с полком ты стал для всех дорогим, желанным, ты стал душой полка. Скоро ты сумел занять почётный уголок в душах и сердцах всех твоих духовных чад — от рядового солдата до командира полка включительно. Все увидели в тебе облик евангельского доброго пастыря, полагающего душу свою за овцы своя, что так дорого всегда для военной паствы, а особенно теперь, в тяжёлую войну, явным подтверждением чего явилась твоя мученическая кончина в передовой линии окопов... Земно поклоняясь пред твоим прахом, благодаря перед твоей памятью, сплетём тебе, собрат и незабвенный пастырь, не из роз живых и листьев дубовых венок, но из наших сердечных чувств уважения и любви к тебе. В горячей молитве к Богу да изольётся наша печаль»[1].

[1] Вестник Военного и Морского духовенства. 1917. № 4. С. 117.

Другой тип героического характера или священнического пути, не такой яркий, но не менее значимый, можно увидеть на примере фронтового служения о. Василия Румянцева, мобилизованного в первые дни войны. Он был призван на должность полкового священника в один из сибирских стрелковых полков. С полком батюшка находился неотлучно более двух лет. Много трудностей пришлось пережить вместе. Скромный и трудолюбивый священник жил интересами полка, радовался его радостями и скорбел его печалями. Отец Василий находился всегда в полковом перевязочном пункте, исполняя здесь свои прямые обязанности. Сам помогал врачам перевязывать раненых и отправлять их в тыл. Батюшка был любимцем и солдат, и офицеров. В январе 1915 г. он получил общую контузию от разорвавшегося снаряда, а в бою в октябре 1916 г. в Галиции от осколков гранаты получил шесть ранений, приведших к смерти. Мучительны были последние два дня его жизни: слабый сердцем, худенький священник лишь на моменты приходил в сознание. В некрологе было написано: «Покойный отличался редкой добротой и самопожертвованием»[1]. Сослуживцы подтверждали, что батюшка был очень скромен и деликатен в своих словах и поступках, был отзывчив и нетребователен — довольствовался малым. Жизнь этого священника достаточно типична и показательна в смысле понимания, что такое «зов, а не приказ». Так пример веры, скромности, милосердия, оказывающийся убедительнее любых наказаний и команд, пересиливал человеческие немощи и страхи.

Но были священники и другого темперамента, как, например, о. Сергий Соколовский, свершивший не только подвиг священнического служения, но и ряд военных подвигов и награждённый орденом Святого Георгия. Как было сказано в ответе Духовного Правления на запрос Главного Штаба, «по имеющимся сведениям о. Соколовский награждён назначенным орденом не за определённый подвиг, а за легендарную храбрость»[2]. Героическая отвага о. Сергия была, действительно, легендарной. С первых дней пребывания на позиции — а она всегда была не более чем в 200 шагах от его землянки, — протоиерей непременно стремился туда, где визжали пули и рвались снаряды. Отец Сергий, происходивший из новгородской священнической семьи, сознательно выбрал военное поприще. В 1900 г. он поступил на службу

---

[1] Иркутская жизнь. № 273, 4. XI. 1916.

[2] *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия. М.-Белгород: Летопись, 2012. С. 683.

в Военное ведомство. В Русско-японскую войну получил два ордена. С 1906 по 1916 гг. — он оставался священником 7-го Финляндского стрелкового полка. В Первую мировую войну о. Сергий Соколовский был трижды ранен, последний раз — с потерей кисти правой руки. Протопресвитер Георгий Шавельский вспоминал, что когда на австрийском фронте 7-му Финляндскому стрелковому полку нужно было разрушить проволочные заграждения, и было сделано несколько безуспешных попыток, не принесших ничего, кроме больших потерь для полка, помочь вызвался о. Сергий. С разрешения командира полка он повёл за собой несколько десятков солдат-добровольцев, которые под покровом ночи смогли разрушить проволочные заграждения.

А вот с какими оценками его личных качеств рассказывалось о легендарном священнике в выписке из рапорта священника Особого пехотного полка Николая Богоявленского от 8 декабря 1916 г. № 48. Полк, находящийся в 1916 г. в провинции Шампань, должен был произвести скрытый набег на неприятеля с целью захвата пленных. Горстку бойцов-добровольцев возглавил о. Сергий. Идя смело впереди всех со Святым Крестом «в рое свистящих пуль и бросаемых неприятелем бомб, он зорко следил за своими солдатами». Первую медицинскую помощь оказывал им сам. «Он ничего не боялся», — это слова его солдат, воодушевлённых примером священника! Цель набега была осуществлена блестяще. По рассказам очевидцев, священник, как всегда, возвращался последним, но, не дойдя немного до своих траншей, получил от осколков разорвавшейся бомбы два тяжелейших ранения: в правую руку и в правый бок. Первое время состояние здоровья священника было ужасное, особенно от потери крови. Французский солдат — санитар Матирин Потье предложил свою кровь, видя, как тяжело страдает легендарный батюшка. Операция по переливанию спасла жизнь о. Сергию, но правой руки он лишился. Отец Сергий Соколовский снискал славу и почёт и в союзных войсках, собственноручно в госпитале Орденом Почётного легиона его наградил командир корпуса генерал Дюна, а командир армии прислал для передачи ему Военный крест.

«Шёл первым — возвращался последним!» Вот формула поведения на войне многих героев-священников. Но подобный подвиг одним из батюшек был совершён ранее, он имеет поныне зримый образ, запечатлённый литературными и художественными средствами. С почтением и благодарностью имею честь вспомнить и рассказать о своём прадеде, протоиерее Стефане Щербаковском. Можно предположить, что его

подвиг, свершённый в Русско-японскую войну, ставший широко известным не только в России, вдохновлял многих священников и в Первую мировую войну. Стефан Щербаковский родился в 1874 г. в семье псаломщика села Качкаровка Херсонской губернии. Окончил Одесскую Духовную семинарию. На Русско-японскую войну о. Стефан ушёл добровольцем, став священником 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Вместе с ним ушла и его жена, записавшись сестрой милосердия. О его службе и подвигах достаточно подробно рассказано в книге К. Г. Капкова «Священники кавалеры Императорского Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия»[1].

Стефану Щербаковскому довелось участвовать в Тюренченском бою у реки Яла 18 апреля 1904 г., где «6000 русских с 30 орудиями дрались с 36 000 японцев при 128 орудиях»[2]. Сопротивление русских войск продолжалось 10 часов; в неравном бою были убиты или ранены 75 % личного состава. Потери японцев были также велики. В этот день воины Восточно-Сибирского полка находились в центре боя. Под звуки полкового марша и российского гимна «Боже, Царя храни!» солдаты несколько раз бросались в атаку. Но одолеть японцев не удавалось. Когда был убит командир полка, о. Стефан с поднятым крестом в руках и пением «Христос Воскресе» поднял в атаку остатки полка, встав впереди знаменосца. После этого полк отбил сопку и дал возможность другим войскам выйти из окружения. Пробиваясь вперёд, мой прадед был ранен в руку, в ногу, контужен в бок и потерял сознание.

Вот как сам о. Стефан скромно вспоминал тот день: «Много сейчас про меня в газетах неправды пишут, героем каким-то великим представляют. А всё случилось как-то случайно, само собою. Вижу — бойцы лежат рядами. Ранило командира полка. Его бережно положили на носилки, но вторая пуля уложила его на месте. Я машинально взял тогда крест и встал перед ранеными воинами. Музыка играла справа марш, потом “Боже, Царя храни”. Солдаты и офицеры были настроены великолепно. В этот момент я был ранен и потерял сознание»[3]. В другой раз о. Стефан рассказывал более подробно о своем подвиге. «Встал я 18-го числа рано, в три часа ночи. Я знал, что бой будет отчаянный, и решил

---

[1] *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия. М.-Белгород: Летопись, 2012.

[2] *Керсновский А. А.* История Русской армии. М.: Изд. Московской Патриархии, 1999. С. 427.

[3] *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия. М.-Белгород: Летопись, 2012. С. 650.

исполнить свой пастырский долг до конца, показав воинам пример самоотвержения и любви своею смертию... В 4 часа я помолился Богу, составил завещание и встал в знаменной роте... В 3 часа пополудни полк выстроился и под звуки полкового марша двинулся в атаку. Я надел епитрахиль, взял крест, благословил солдат и с пением “Христос Воскресе” пошёл во главе стрелков знаменной роты. Картина была поразительная, грандиозная... Без малейшего колебания шли славные стрелки на верную смерть, в адский огонь, среди рвущихся снарядов. Только каждый, пред тем как двинуться в бой, крестился. Потом всё смешалось. Музыка тот час же смолкла. Кто побежал вперёд, кто упал убитым или раненым. Я почувствовал сильный удар в руку и в ногу и упал навзничь, потеряв сознание»[1].

Много говорит о природе христианского подвига на войне такая подробность. Отца Стефана, истекающего кровью, положили на подводу, следующую в госпиталь. По пути священник очнулся и увидел, что солдата хотят похоронить без отпевания. Ослабевший священник поднялся с подводы и в заботе о спасении души незнакомого ему раба Божия сумел отслужить панихиду по убитому, тем добавив ещё один стежок на прекрасное полотно всеобщей Божественной гармонии.

Личной глубокой любовью к Богу ведóм в своём подвиге священник, в душе которого радость о мире соседствует с пониманием необходимости этот мир созидать и защищать. В Новом Завете мир — это дар Божией любви, он равнозначен эсхатологическому спасению. Мир — это благодатное состояние человеческой души, освобождённой от рабства греха. Состояние бытия в Боге — есть нормальное состояние твари, «потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира» (1 Кор. 14:33). Но для того, чтобы наш человеческий мир был гармонично устроен и устойчив, нужна опора, и отыскать её не сложно; давно и точно каждому из нас сказано: «только во Мне опора твоя» (Осия. 13:9). Поэтому невозможно представить подвиг священника, идущего с крестом впереди войск в рое вражьих пуль и разрывах снарядов, лишь как следствие его личного усилия. Без Божией помощи нет победы и подвига. Только во встречном движении любящей человеческой души к Богу и Бога к человеку осуществляется восстановление ущербов бытия. Победа над врагом в войне есть составляющая всеобщей победы над грехом и злом.

---

[1] *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия. М.-Белгород: Летопись, 2012. С. 651.

Священники понимали это и шли на войну вместе с народом, и разделяли все его тяготы. Исконно всех русских людей связывает атмосфера общих чувств, единого порыва, подобное каждый из нас не раз испытывал и испытывает в новейшее время. Эту национальную особенность хорошо сформулировал в 1904 г. русский публицист М. О. Меньшиков: «...нужна общая гармонизация чувств, нечто понятное и дорогое не отдельным людям, а всем вместе. Непременно всем, как мгновенно понятны народная песня и язык. И как хорошо, что, вопреки беспочвенным рационалистам, сектантам, интеллигентам-интернационалистам, мы всё-таки, оказывается, имеем общую живую веру, общую с народом поэзию быта, общую с ним любовь. И только это общее дает силу жить и сопротивляться. Если за что не жаль отдать жизни, то только за это. За благовест бедной церкви, за "Христос Воскресе", за землю отцов и дедов, тоже когда-то ливших свою кровь за Русь Святую, за святое счастье быть русским»[1].

За счастье быть русским, за возможность передавать его по наследству шли священники в Первую мировую войну на поле брани, не жалея жизни, исполняли не только возложенные на них обязанности, но и значительно расширяя их число. Генерал А. А. Брусилов, вспоминая о тяжёлых днях для русской армии в 1915 г., писал: «В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастерок мелькали чёрные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, **не разлучившись с паствой**»[2].

Этому священному единству, общему подвигу, посвящено стихотворение военного топографа капитана М. Н. Левитского. О бое, который возглавил о. Стефан Щербаковский, он написал так:

...Тогда на место командира
Священник наш отец Стефан
С крестом в руках встаёт пред нами,
Подъемля крест пред небесами,
Ведёт бойцов на вражий стан:
За крест, за Родину! За мною!..
И мы пошли... Со всех сторон
Несётся грохот, свист и стон
Над омрачённою землею,

[1] *Меньшиков М. О.* Вечное Воскресение. М., 2003. С. 63.

[2] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914 г. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 681.

И у священника из рук
Валится крест на землю вдруг;
Но он, без слов творя молитву,
Другой рукой его берёт.
И снова рать ведёт на битву...

Протоиерей Стефан Щербаковский был награждён орденами св. Георгия 4 степени, св. Владимира 4 степени с мечами, св. Анны 2 степени с мечами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Он участвовал в боях Первой мировой войны. Его подвигу посвящена большая картина художника М. Л. Маймона. Открытки и художественные настенные фарфоровые тарелки с изображением атаки, возглавляемой о. Стефаном, выпускались в начале XX в. даже во Франции. Интересно, что на выпущенной в 1919 г. в Европе серии почтовых марок, приписываемых правительству А. И. Деникина, в частности, повторялась иконография вышеназванной картины.

«В горах Тюренчена, 18 апреля». Художник М. Л. Маймон, 1905 г.

В октябре 1914 г., вдохновлённый подвигом о. Стефана Щербаковского, повторил его полковой священник о. Василий Шпичек. Когда его 9-й драгунский Казанский полк дрогнул перед врагом, на своей тощей лошадёнке вылетел вперед скромный и застенчивый о. Василий и с криком «За мной, ребята!» понёсся вперед, увлекая в атаку бойцов. Противник бежал, полк одержал победу. Священник был награждён Георгием 4 степени.

Наверное, образ именно такого, возглавляющего победоносную атаку батюшки наиболее яркое и убедительное свидетельство подвига свя-

щенства в Первую мировую войну. Но кто-то ведь следил за подвигами священников, кто-то учитывал их и выносил решения о награждении, кто-то безустанно управлял делами всей Церкви. Да, почтенного возраста иерархи Церкви, высшие церковные чины, богословы, учёные тоже не оставались в стороне, свершая свой личный подвиг служения Родине и народу.

Пётр Иванович Лепорский был известным профессором по кафедре догматического богословия Санкт-Петербургской Духовной академии. Во время Первой мировой войны с августа 1914 г. до сентября 1915 г. и с мая по начало октября 1916 г. протоиерей П. И. Лепорский был назначен Императрицей Александрой Фёдоровной в её Северный Её Величества военно-санитарный поезд. В связи с этим о. Петру пришлось прервать свою преподавательскую деятельность.

В начале декабря 1916 г. протопресвитер Военного и Морского духовенства Г. И. Шавельский направил из ставки Главнокомандующего телеграмму следующего содержания: «Протоиерей Лепорский крайне необходим для должности главного священника армии, митрополит отпускает. Усердно прошу в особое одолжение отпустить с сохранением кафедры и содержания». В результате, в том же месяце Святейшим Синодом протоиерей П. И. Лепорский был назначен на должность главного священника армий Румынского фронта. Однако неудачи русской армии и события февраля 1917 г. вынудили уже новое Временное правительство рассматривать вопрос о реформировании фронта. С декабря 1917 г. по начало февраля 1918 г. протоиерей Лепорский, как видно из документов, занимался демобилизацией священников армий фронта. И в феврале 1918 г. был уволен со своей должности. Дальнейшему его продвижению по должностной лестнице военного духовенства помешал ставший неприемлемым для Синода при Временном правительстве факт биографии: о. Петру в вину ставилось уже то, что он был священником в санитарном поезде Императрицы Александры Фёдоровны[1].

Непосредственным начальником о. Петра Лепорского по линии военного духовенства был о. Георгий Иванович Шавельский, человек, выбравший воинскую стезю сознательно. После окончания Санкт-Петербургской Духовной академии он занял должность священника Суворово-Кончанской церкви Императорской Николаевской академии

[1] На эту тему под руководством архиепископа Константина (Горянова) в Санкт-Петербургской Духовной семинарии была защищена дипломная работа.

Тарелка со сценой подвига о. Щербаковского. Начало XX века. Франция

Генерального Штаба. Эта церковь была построена по инициативе Александра Васильевича Суворова в 1789 г. в селе Кончанском Новгородской губернии. В память 100-летнего юбилея со дня смерти генералиссимуса в 1900 г. она была перенесена в Санкт-Петербург. Во время Русско-японской войны о. Георгий был назначен дивизионным благочинным, а закончил войну в должности Главного священника Маньчжурской армии.

О своих трудах на войне Шавельский писал: «...перевязывал доктор, а я живых утешал, ободрял, напутствовал, умерших погребал; когда же не было опасно больных и умерших, помогал перевязывать, поил чаем раненых и проч... Когда бой шёл по всей линии полка, я неотлучно находился на перевязочном пункте, куда стекались все страдальцы, и где я был нужен им. Когда же бой вёлся частью полка, и когда я мог быть уверен, что раненых не пронесут мимо меня, я старался во что бы то ни стало побывать у страждущих. Ценили это наши солдаты; большую радость и ободрение всякий раз доставляло им моё появление во время боя под огнём. Сказанное в это время слово особенно близко принимается к сердцу и, кажется, никогда не забывается»[1]. Историческим достоянием являются записки протопресвитера Георгия Шавельского «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота». Благодаря этому труду сохранены многие имена и подвиги военного священства.

В 1911 г. о. Георгий был назначен протопресвитером военного духовенства с пожалованием митры и, кроме того, в 1913 г. — протопресвитером Фёдоровского собора Собственных Его Величества конвоя и Сводного пехотного полка. Имея цель поднять уровень религиозно-

[1] *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия. М.-Белгород: Летопись, 2012. С. 633.

Протопресвитер Георгий Шавельский (крайний слева) среди духовенства в Ставке. 1916 г. Под орденской звездой протопресвитера медаль «За храбрость»

го воспитания солдат и офицеров, Шавельский успел до войны значительно реорганизовать и упорядочить управление военным и морским духовенством. В течение 1914–1917 гг. за исключением времени, проводимого в поездках по фронтам, протопресвитер находился непосредственно в Ставке и имел возможность личного доклада Царю, из рук которого получил ордена св. Владимира 2 степени и Александра Невского.

После Февральской революции Георгий Шавельский был одним из немногих представителей высшего эшелона власти, временно оставшихся на своей должности. Он также был одним из кандидатов на Патриаршество и получил 13 голосов. Спасаясь в дальнейшем от красного террора, о. Георгий Шавельский сначала служил протопресвитером военного духовенства Добровольческой армии, а после войны в эмиграции в Болгарии начал службу рядовым священником. В Болгарии он пользовался большим уважением церковных служащих, студентов и иерархов Болгарской церкви.

Оказался на фронтах Первой мировой и иеромонах Нестор Камчатский (Николай Анисимов), героический просветитель аборигенов Камчатки. В 1914 г. он ушёл на фронт добровольцем. Организовав са-

Нестор (Анисимов). Иеромонах Камчатской миссии, 1911 г.

нитарный отряд «Первая помощь под огнём врага», о. Нестор два первых года неотлучно провёл на фронте. Он вспоминал: «мне, как начальнику санитарного отряда, приходилось ездить верхом на лошади вдоль линии огня и руководить не только врачебным и санитарным персоналом, но и обозом с медикаментами. Неоднократно случалось смотреть в глаза смерти под градом пуль, среди рвущихся с оглушительным грохотом фугасов и снарядов, утешать напутственной молитвой умирающих воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания оперативной медицинской помощью. Любовь к ближнему и к Родине побеждали, заглушали во мне вспышки страха перед смертью... Приходилось подолгу находиться в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг за Родину, за Русскую землю»[1].

«Россия — священная наша Держава»

Заветы нашему Отечеству

Когда под российский гимн «Боже, Царя храни!» русская армия на фронтах Первой мировой сражалась за Русскую землю, в тылу начались необратимые процессы уничтожения Российского государства. Додумался смекалистый враг, что сакральное содержание крепости Российской Державы отражено в первой строчке её гимна, и принялся разрушать означенные здесь сущности. Если первоочередно русские молят

[1] *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. великомученика и победоносца Георгия. М.-Белгород: Летопись, 2012. С. 669.

Бога о своем Царе, значит, надо поколебать веру, осмеять молитву и любыми способами расправиться с Царем: оболгать, сокрушить, убить, и тогда падёт Россия. Так и случилось.

В тылу воюющей России происходило предательство на многих уровнях. Известный писатель, философ Д. С. Мережковский в одном из своих выступлений на заседании «Религиозно-философского общества», действовавшего в Санкт-Петербурге (Петрограде) с 1907 по 1917 гг., говорил: «был порыв необычайный, и вдруг война грозит обратиться в **патриотическую** в гнусном смысле этого слова, как его употребляет "Новое время". Опасность явилась; народ оказался беспомощным, не мог своего первого порыва закрепить. Не было каких-то граней в сознании. Почему же? Да потому, что это народ православный, и весь идеализм его, все глубины этого идеализма, самая его жертвенность, весь он — неразрывно связаны с православием, с церковью, а церковь, конечно, неразрывно связана с абсолютизмом, то есть с самой страшной формой национализма»[1]. Война, когда прозвучали эти предательские слова, шла уже четыре месяца. Четыре месяца погибали солдаты, офицеры, священники за Россию, а в столице в это время благополучно проживал названный писатель. Как не вспомнить сегодняшних наших либералов, чаще гуманитариев, признанных литераторов, историков: они «...сало русское едят» (С. Михалков), но предают и продают своё Отечество, поддерживая все виды антироссийских сил и пропаганды, направленной на унижение современной российской армии, на дискредитацию Русской Православной Церкви. И даже на русский язык. Культура — то пространство, где более всего пытаются *трансформировать нашу устойчивую цивилизационную модель* её тысячелетние противники. Так открыто выражает свою воинственную позицию наш современник преподаватель Гуманитарного университета, культуролог Игорь Яковенко, непримиримый борец с русской ментальностью: «чаще всего люди со стороны трактуют сторонников цивилизационного видения как эссенциалистов, утверждающих наличие неизменных и вечных качеств вещей, объединённых некоторой родовой характеристикой. Раз у России сложилась такая ментальность, то быть ей таковой навечно. Прежде всего, в этом суждении содержится имплицитная уверенность в вечном характере объекта "Россия", что есть чистая химера. Ничто не вечно, а иррациональная убежденность в вечности "своего" народа или его культуры — одна из универсальных иллю-

[1] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907–1917. Т. III. 1914–1917 (прения по докладу З. Н. Гиппиус «История в христианстве»). М.: Русский путь, 2009. С. 95.

зий, которую культура формирует у своих носителей, и в этом — одно из проявлений манипулирования человеком со стороны культуры»[1]. Здесь яростная русофобия завуалирована наукообразием. Но сегодня не счесть более нетерпимых, вызывающе русофобских заявлений. Вот, например, демагогическое высказывание известного правозащитника Сергея Адамовича Ковалёва:

«...Это совершенно извращённое азиатское представление о роли и месте государства в жизни страны унаследовано нами не только от советского режима — оно насильственно прививалось национальному сознанию в течение всех десяти веков российской истории.

Пока наше национальное сознание, наша внутренняя и внешняя политика не избавились от комплекса державности, ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать. А в глазах просвещённого человечества мы так и останемся нелепым соломенным пугалом, годным лишь на то, чтобы на собственном опыте учить других, как не надо жить». (*Сергей Ковалёв*[2])

А Новодворская ещё более разоткровенничалась и кратко выразила истинную сущность всех этих псевдофилософских и якобы правозащитнических измышлений.

«Русскому народу место в тюрьме, причём не где-нибудь, а именно у тюремной параши...» (*Валерия Новодворская*[3])

После этих цитат не удивляет, что и сто лет назад именно интеллигенция, люди культуры начали крестовый поход на своё Отечество.

Если внимательно прочитать материалы и документы выше названного столичного «Религиозно-философского общества», то становится ясно, что подвиг русского священства в Первую мировую войну был не только воинский. Героическим пастырям приходилось принимать участие в сражениях против внешнего врага, а также верно и смиренно служить Отечеству в системе тотальной оскорбительной либеральной пропаганды и агитации, нацеленной на несвоевременную, выдуманную необходимость реформирования Русской Православной Церкви. Как жёстко противостояли традиционной церковно-монархической идее многие представители российской интеллигенции в то время, когда уже шла Отечественная война, и совершались славные русские победы

[1] *Яковенко И. Г.* Что делать // Трибуна. 22 марта 2012 г.

[2] http://stihiya.org/news_1235.html

[3] Там же.

и подвиги, дают представление доподлинные слова, зафиксированные в протоколах выступлений членов многочисленного, уважаемого «Религиозно-философского общества», благополучно просуществовавшего до самой революции.

Памятуя о том, что участниками этого Общества были известные писатели, философы, историки, богословы, священники, можно сказать, что их, в основном либерально-демократическое, мировидение не есть единичное мнение, но мировоззренческий срез большой части образованного русского общества, которое дружно выступало с тотальной критикой русской жизни как таковой и её духовной составляющей в особенности. Такие известные представители русской интеллигенции как историк культуры, философ Александр Мейер, историк литературы, писатель Дмитрий Мережковский, публицист, поэт, критик Сергей Соловьёв, правовед, философ Сергей Гессен, церковно-общественный деятель, протоиерей Константин Агеев и мн. др. не только выражали своё личное мнение по современным проблемам, но влияли на мнение общественное, тем более, что обладали талантом красноречия.

Вот один из примеров шельмования русского православного патриотизма и восхищения польским католицизмом. В своём докладе «О религиозной лжи национализма» 26 октября 1914 г. Мережковский призывает: «Борьба с национализмом — главная задача русской интеллигенции... В настоящей войне происходит торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в “зоологический патриотизм”. Вот почему исконная задача русской общественности — борьба с национализмом — сейчас труднее и ответственнее, чем когда-либо. Борьба велась доныне в позитивной плоскости. Но окончательное преодоление славянофильского национализма возможно только в той плоскости, где сам он движется, а именно — в религиозной... Польша и есть новый Израиль, воистину новый народ Божий»[1].

Враги императорской России правильно определили своего главного противника на пути разрушения государства — Русскую Православную Церковь. Сколько же несправедливых обвинений в адрес служителей Церкви было выплеснуто с разных трибун русского общества в это время, сколько сказано унизительных слов и о Самодержце, и о Православии, радеющих за единство нации. И боролись не только на словах, но и на деле интеллигенты не за подъём народного духа, не за сплочение

[1] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907–1917. Т. III. 1914–1917. М.: Русский путь. 2009. С. 17, 23–24.

боевых рядов, а за мнимую «общечеловеческую правду», являющуюся, по определению председателя Общества Антона Карташёва, явлением непостижимым и уникальным: «Ведь мы не сможем указать более ни одной интеллигенции в мире, которая так равнодушна была бы к своему национальному самосознанию, чем интеллигенция великорусская. В некоторых отношениях это — факт даже загадочный. Ни у одного из культурных народов мира мы не найдём такого большого количества детей в школе, гимназии и университете, которые так специфически отвращались бы от материалов своего народного творчества, от своих былин, древностей и национального стиля. Это — что-то прирождённое, а не навеянное предубеждениями старшего поколения. Мир Вальтера Скотта здесь милее мира Виктора Васнецова»[1].

Да что, кажется, художественный мир Васнецова, когда под ударами оказалась Русская Церковь? Не глубок в осмыслении понятий «блага», «идеи» и «идеала» даже священник, один из учредителей Религиозно-философского общества, протоиерей Константин Агеев (1868–1920/21?). Так, например, в его обширном докладе, сделанном 11 октября 1915 г., то есть в разгар Отечественной войны, ничего не говорится о подвигах духовенства и солдат на фронтах, но много демагогических рассуждений, продолжающихся в прениях, о необходимости обновления Русской Православной Церкви, о безотлагательном её реформировании. Очень показательны слова Председателя Общества Карташёва, прозвучавшие в прениях по докладу отца Константина. «Все мы до сих пор остаёмся наполовину пацифистами и отрицателями войны, но весьма скверно это делаем. Поэтому в вопросах, которые встали в связи с войной, об отношении к государственности, к правительству, к национальным целям, все эти вопросы нам пока чужие... Ибо в наших общественных идеалах при систематической, уродливой, острой борьбе с правительством образовалось отношение только отрицательное. Уже сегодня высказывалось, что самым большим, идеальным выходом из положения в этом вопросе будет вопрос об отделении Церкви от государства». И сам даёт ответ на вопрос, как это сделать: «Германский народ был настолько силён, чтобы по-своему переродить христианство и родить целое вероисповедание. Сила перерождения может быть так сильна, что даст другую форму христианства. И если вопрос о реформе Церкви, вопрос, который, может быть, подспудно идёт

[1] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907–1917. Т. III. 1914–1917 (прения по докладу А. Мейер «Религиозный смысл мессианства»). М.: Русский путь, 2009. С. 28.

из недр общества, не есть ли это вопрос о действительной реформе русской Церкви? Не того ли хочет общество, стоящее вне Церкви?»[1]

О пропасти непонимания между фронтовыми офицерами («*В это утро перебило лучших офицеров*»... (А. Несмелов)) и полковыми священниками, с одной стороны, и декаденствующей столичной интеллигенцией, зубоскалящей по поводу «окопной правды» — с другой, свидетельствует стихотворение участника боёв князя Ф. Н. Касаткина-Ростовского. В сражениях Первой мировой войны князь получил ранение и четыре контузии, был отправлен в госпиталь, но настоял на возвращении в строй. После убийства большевиками его матери и сестры вступил в Добровольческую армию, известен как автор гимна Добровольческой армии. Ему принадлежит и такое щемящее в своей откровенности стихотворение «Исповедь»:

Он ночью был в атаке тяжко ранен
И перевязанный в пустой избе лежал.
Усталый взгляд его был смутен и туманен,
И тихо он священнику шептал:
«Я знаю, я умру... Я это понял ясно,
Я с жизнью примирён, не смею я роптать,
Но мучит мысль одна... Ведь будет так ужасно,
Когда про мой конец моя узнает мать.
От детских лет мы с нею жили дружно,
Делились мыслью каждою своей...
Про то, как я страдал, ей говорить не нужно,
Что думал про неё, о том скажите ей.
Послушайте...» — И, в трепетном сиянии
Мерцающей свечи, он долго говорил,
Про жизни дни свои, про прошлые желанья,
О том, как мать он искренно любил.
Шла тихо исповедь, порою прерываясь,
Молился пастырь, слушая слова,
Безмолвно было всё... Лишь где-то, удаляясь,
«Ура» в окопах слышалось едва[2].

---

[1] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907–1917. Т. III. 1914–1917 (прения по докладу К. М. Агеева «Ближайшие судьбы Русской Церкви»). М.: Русский путь, 2009. С. 218, 236.

[2] Поэты Первой мировой войны: Антология // сост. А. К. Соколов; под ред. Б. А. Орлова. СПб.: ОАО «Петроцентр», 2016. С. 135–136.

В среде столичной интеллигенции этого времени, однако, никого не волнует вопрос ни об исповеди, ни о покаянии, тем более личном. Участников Религиозно-философского общества мучит не задача, как помочь Родине в тяжелейшие годы войны, а надуманный и преувеличенный «жгучий пункт о порабощении Церкви государством»[1]. И отвечает о. Константин Агеев: «я считаю, что для Церкви установить нормальные или разорвать ненормальные отношения Церкви и государства есть ближайшая судьба Церкви»[2]. Удивительно, что отвечая на реплику о том, что духовенству «*надо очиститься духовно*»[3], о. Константин говорит о человеке духовного звания, как о пророке, но не приводит ни одного, из возможных сотен, примера высокого духа пастырей, воюющих на фронтах Первой мировой войны в то самое время, когда проходил этот диспут. В Религиозно-философском обществе можно было даже услышать такие утверждения, что *нет более отвратительного зрелища, чем поп с крестом впереди военного отряда*.

В связи с этим вспоминается великая объединяющая роль Русской Православной Церкви в борьбе с польскими захватчиками в страшные Смутные времена начала XVII века. К сожалению, духовенство в начале XX в. не смогло сохранить своё единство и как в прежние времена напомнить русским людям, что они должны сплотиться в единой борьбе против врага. Не смогло, наверное, и потому, что враг этот говорил не по-польски, не по-шведски или по-французски, а изъяснялся, красноречиво, ярко, парадоксально на правильном русском языке. А может быть, кроме святого праведного Иоанна Кронштадтского не нашлось других таких прозорливых и бесстрашных пастырей, какими в своё время были Патриархи Иов и Гермоген, митрополиты Ефрем Казанский, Исидор Новгородский, Филарет Ростовский, Владыки Феоктист Тверской, Галактион Суздальский, Иосиф Псковский и др.? Все они, когда, казалось, Русь погибла, смогли мудрыми поступками и наставлениями, не жалея собственных жизней, спасти Родину от польско-шведской интервенции. Они объединили народ общим постом, общим покаянием и примирением; по выражению Н. М. Карамзина, в то время «в духовенстве особенно сияла доблесть». Почему же не стала всеобщей эта священническая доблесть в Первую мировую войну? Может, потому что

---

[1] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907–1917. Т. III. 1914–1917 (прения по докладу К. М. Агеева «Ближайшие судьбы Русской Церкви»). М.: Русский путь, 2009. С. 234.

[2] Там же. С. 254.

[3] Там же. С. 255.

все самые отважные священники ушли на фронт? Может, потому что не все пастыри понимали, что любой враг веры — есть враг Отечества, даже говорящий на русском языке?

Да, надо согласиться, что в годы Первой мировой войны, в преддверии новой революционной смуты, собственно русская либеральная пропаганда сильно повлияла на мировоззрение немалого числа священников, которые сочувственно или смиренно приняли революционные лозунги и преобразования. В опубликованной резолюции Всероссийского съезда военного и морского духовенства, состоявшегося в 1917 г., было сказано: «Съезд постановил единодушно приветствовать совершившийся государственный переворот как исторический момент исключительной важности, открывший перед русским народом светлые перспективы обновлённой политики и церковно-общественной жизни, построенной на евангельских началах свободы, любви, равенства, братства... Служители Церкви, проповедующие вечные истины, должны стоять выше изменяющейся политики и каких-либо партий, но будучи в то же время гражданами, призванными в данный момент осуществить свои гражданские права, священно-церковнослужители могут присоединяться к политическим партиям и поддержать (например, в Учредительном Собрании) тех представителей, которые борются за проведение в жизнь христианских начал и идей народовластия»[1].

В этой резолюции духовенства уже нет упоминания о Царе, а понятие веры заменено сомнительными политическими конструкциями: «христианские начала и идеи народовластия». Философ А. С. Панарин чётко говорит о произошедшей страшной подмене понятий: «Красные агитаторы поощряют дезертирство с фронта, говорят об одностороннем разоружении и о желательном поражении собственной страны в этой войне. И самое чудовищное состоит в том, что им внимают, у них находится всё больше сторонников. Обнаружилась загадочная способность российского прогрессизма наихудшие человеческие чувства и страсти — дезертирство и предательство, капитулянтство и преклонение перед наглеющей силой — “конвертировать” в звонкую монету самых передовых, самых радикальных лозунгов. Эта инверсия моментально превращала самых худших в самых передовых, а наиболее терпеливых, самоотверженных и стойких — в тёмные силы реакции, шовинизма, империализма и т. п. ... В массовом дезертирстве 1917 года сказался не

[1] *Капков К. Г.* Очерки по истории военно-морского духовенства Российской Империи XVIII — нач. XX века. Итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 176.

христианский дух, а языческий — стремление спасти себя за счёт ближнего, уйти от испытаний, "повеселиться" вокруг огня, в котором сгорает собственная страна»[1].

После Февральской революции престиж всех священнослужителей, как военных, так и приходских, стал катастрофически падать, несмотря на то, что в годы Первой мировой войны русскими пастырями было явлено большое число примеров героизма. Из среды военного духовенства вышли такие священномученики, как Пётр (Зверев), Анатолий (Панкеев), Аркадий (Остальский), Аркадий (Ершов), Алексий (Сабуров), Сергий (Флоринский), священноисповедники Сергий (Серебрянский), Роман (Медведь) и др. Но именно в 1917–1918 гг. многие священники, оставшиеся верными идеалам императорской России, в продолжение подвигов мученичества на бранном поле и в эпоху гонений совершали подвиги противостояния смуте, начавшейся в 1917 году.

Большевики представляли народу Русскую Православную Церковь как государственную машину, направленную на обман населения, или как организацию, руководящую контрреволюционными заговорами. Поэтому жестоко расправлялись и со священниками, и с паствой. Пулемётной очередью был убит в Александро-Невской Лавре протоиерей Пётр Скипетров. Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) был убит у ворот Киево-Печерской Лавры. Протоиерей Алексей (Ставровский) был одним из нескольких десятков расстрелянных после убийства Моисея Урицкого. Большевики расстреливали людей целыми Крестными ходами. Так, были расстреляны Крестные ходы в Воронеже, Тамбове, Шацке, Самаре, Белгороде, Перми, Вятке, Новгороде, Харькове[2]. В 1918 г. началась широкомасштабная братоубийственная война.

Первым, кто не побоялся выступить против новой власти, был Патриарх Тихон (Беллавин), он выпустил своё знаменитое послание «Об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной». Непобедимо в своей духовной силе он открыто встал за землю Русскую в годы разгула зла, обрушившегося на Россию. Подвиг его с годами становится всё ярче, всё значительнее, несмотря на то, что не увлекал он бойцов за собой в атаку, не служил в войсковом лазаре-

---

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 193, 196.

[2] *Дроба С., священник*. Церковь, государство и общество XX века по периодическим изданиям и воспоминаниям. Тверь, 2010. С. 53.

те и на передовой. Он был великим молитвенником. Не уповая на фактические победы, Патриарх Тихон был уверен, *что лишь претерпевый до конца, тот спасен будет* (Мф. 10:22). И претерпел: и тюрьмы, и издевательства, и смерть мученическую. Но всё это будет потом. А сначала либеральная свора над духовенством попросту глумилась.

Общее неуважение к духовенству, внедряемое в предреволюционные годы либеральной пропагандой, началось с насаждения непозволительной фамильярности, когда даже среди офицеров укоренялось такое обращение к священнику, как «батя», «батька», «поп». Для дискредитации духовенства в войсках распространялись по большей части лживые утверждения о некомпетентности священников, об их низких образовательных знаниях и слабом уровне духовной проповеди. А ведь наряду с рядовыми героическими батюшками, обладавшими талантом доходчивой сердечной проповеди, наиболее действенной в простонародной солдатской среде, обязанности простых полковых священников исполняли архиереи-богословы, такие, например, как епископ (позже митрополит) Трифон (Туркестанов), впоследствии вспоминавший, что подвергался оскорблениям со стороны солдат уже в 1914 году.

Переломить нравственное развращение солдат священники пытались до конца своего служения на фронтах. Так, ещё в 1916 г. были учреждены должности армейских проповедников, на которые приглашались наиболее талантливые пастыри. В Особую армию был назначен архимандрит Пётр (Зверев), впоследствии архиепископ и мученик, в 5-ю Армию — петроградский епархиальный миссионер Николай Чепурин, в 1-ю Армию — иерей Валентин Свенцицкий. Многие священники были хорошими проповедниками, и по свидетельству протопресвитера Г. Шавельского «своими вдохновенными проповедями потрясали воинские части, их приветствовали громогласными “ура”, выносили на руках, умоляли ещё раз посетить их»[1].

Но не всем проповедникам удавалось заручиться поддержкой своей военной паствы. Так, замечательный пастырь, главный священник Черноморского флота протоиерей Роман Медведь не только претерпевал насмешки со стороны офицеров и матросов, но и едва не был расстрелян в декабре 1917 года[2]. На флоте, действительно, священники жестоко изгонялись матросами, бывали даже случаи убийства священников матросами или солдатами. Сердца солдат были ожесточены неимоверно не столько от войны, сколько от революционной умерт-

[1] ГАРФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 533.

[2] Житие священноисповедника Романа Медведя. Тверь, 2000. С. 15.

вляющей души либерально-демократической пропаганды. Даже на проповедях от священников либерального настроения можно было услышать о «заре свободы». Но эта «заря свободы» дорого стоила и русскому народу, и Русской Православной Церкви.

Были и удачи миссионерской деятельности в эти времена. Так, например, среди причин успеха священника А. Сокольского называется тот факт, что в феврале 1917 г. он «появлялся на кафедре не в рясе пастыря церкви, а военном мундире»[1]. Находили священники и другие способы заставить слушать своё слово. Проповедник 3-й Армии протоиерей Иоанн Голубев в своём отчёте летом 1917 г. пишет: «В настоящее время, прежде чем приступить к проповеди, приходится сначала приласкать всех и лаской согреть сердца их, любовью к себе и ко всему, и тем хотя бы войти в доверие слушателей... Во многих воинских частях армии нельзя было произносить в каком бы то ни было смысле: победа, начальство, подчинение и дисциплина, ибо вся аудитория разойдётся с криками — долой, вон его, провокатор, буржуй, поп-кровопийца, паук, арестовать его и т. д. (Слово “победа” солдаты понимали все, как войну до победного конца)»[2]. Проповедь попадала на благодатную духовную почву лишь там, где у воинства ещё сохранялись христианские идеалы.

Открытые гонения на русское военное духовенство начались сразу после Февральской революции, отменившей сакральную для России формулу: «За веру, Царя и Отечество». В своей деятельности священники оказались лишены одной из главных своих духовных опор. Не имея возможности проповедовать исконные русские смыслы, они не могли приветствовать новые идеи, заключавшиеся в пропаганде братаний и дезертирства на фронтах, что вызывало у солдат рост протестного отношения к армейскому священству. Прямые угрозы и оскорбления в адрес духовенства принуждали военных пастырей покидать армию. «Трёх святых воронов-дармоедов необходимо в течение трёх дней, считая с 4 декабря, выселить из бригады», — говорилось, например, в резолюции совета депутатов 2-й Латышской стрелковой бригады. 21 ноября 1917 г. гарнизонный благочинный г. Нарвы протоиерей Иоанн Юхновский писал: «Солдаты всего гарнизона совсем обезумели, озверели. На улицах — оскорбления священников и угрозы вслух: погодите, мы и здесь перевешаем этих попов». Некоторые священники были даже вы-

---

[1] РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 20. Л. 132–132 об.

[2] *Капков К. Г.* Очерки по истории военно-морского духовенства Российской Империи XVIII — нач. XX века. Итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 180.

нуждены спасаться бегством, переодеваясь в светскую одежду и сбривая бороды[1].

Вот ещё пример, следующий из документов Священного Собора 1917–1918 гг.: «Председатель:

— Профессор протоиерей о. Рождественский доложит о своей поездке на Кавказский военный фронт с Посланием от Собора.

Протоиерей А. П. Рождественский:

— Путь наш вместе с членом Собора И. И. Архангельским был и долгий, и трудный, и опасный. Опасный потому, что наш путь лежал через Грозный, где перед этим ингуши сделали нападение на поезд, произошло крушение, многие были убиты и остальные ограблены... Главнокомандующий генерал Пржевальский очень осторожно отнёсся к нашему появлению и желанию раздать солдатам Послание. Он сказал, что волна большевизма докатилась и до Кавказского фронта, что отношение солдат к офицерам и духовенству стало напряжённо-недоверчивым и враждебным. В воскресенье 8 октября было совершено торжественное архиерейское богослужение в Тифлисском военном соборе. После запричастного стиха Владыка сказал речь на тему о воскрешении Христом сына наинской вдовы. Здесь он сравнил с наинской вдовой нашу Родину, а сына вдовы — с нашим войском и выразил надежду, что Господь воскресит и нашу армию, как воскресил сына наинской вдовы... Собор был переполнен, были и солдаты, но особенно много было офицеров. Слушали с большим вниманием, многие даже прослезились. Это Послание особенно благотворно повлияло на офицеров. Один офицер, с которым я потом говорил, прочитал Послание, перекрестился и сказал: “Слава Богу! Нас, очевидно, понимают, а то мы думаем, что нас никто не понимает! Теперь мы видим, что нас понимают и ценят”. После богослужения и целования креста раздавалось Послание, и его не нарасхват, а на разрыв разбирали, все стремились получить Послание. Несомненно, это Послание произвело благотворное впечатление. Солдаты также разбирали Послание, но отдельных заявлений с их стороны слышать не приходилось, своих настроений они не выражали. Лучшие из них отнеслись осторожно, не заявляя своего сочувствия»[2].

Из этого исторического факта следует, что офицеры даже в смутные времена, осознавая враждебное отношение к ним солдат, остава-

---

[1] По материалам статьи А. А. Кострюкова «Русское военное духовенство в 1917 году. Комментарий в свете веры».

[2] Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2015. Деяние № 28. С. 560–561.

лись верны Присяге, хранили понятия о долге и чести. «Лучшими солдатами», надо понимать, были те, у кого так же ещё оставались честь и совесть. Но они воспринимали слова Послания Церкви сдержанно, осторожно, явно не выказывая поддержки и радости, потому, что были запуганы своими обольшевиченными товарищами. Они знали, что вырази они этому Посланию открытое одобрение, ночью в казарме солдаты-большевики, разложенные революционными пропагандистами, жестоко расправятся со всеми, верными Царю и Отечеству (задушить подушкой за любовь к России и Церкви — было самое лёгкое из того, что могли себе позволить солдатские агенты большевиков).

С каждым месяцем офицерам и духовенству становилось всё тяжелее держать контроль над нижними чинами армии. Проповеди приходилось вести в опасных для жизни обстоятельствах. В такой ситуации военное духовенство, однако, оставалось в армии до её реформирования в 1918 году. Приказ Наркомата по военным делам № 39 от 16 января 1918 г. об упразднении института военного духовенства констатировал полное изгнание священников из армии. Несмотря на личную доблесть большинства военных пастырей, на их огромный профессиональный и армейский опыт, нейтрализовать большевистскую пропаганду и остановить духовное разложение армии они не смогли. По мнению генерала А. И. Деникина, духовенство «в этом, конечно, нисколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические принципы, и не было вовсе места для религиозного экстаза»[1]. Современные историки объясняют частичное падение авторитета Церкви особенностями государственной системы, в которой на протяжении трёх веков Церкви отводилась лишь роль ведомства. Глубокий внутренний раскол всего общества начался с Петровских преобразований, а в Церкви — с установления института обер-прокурорства.

Трагично в большевистские времена сложились судьбы большинства священников и, конечно, тех, о которых здесь рассказывалось. А ведь число русских священников, прошедших армейское служение, по современным сведениям превышало 5 тыс. человек (А. Кострюков). Синодик военных пастырей, убитых за веру, был открыт уже в 1917 году. В декабре этого же года был расстрелян севастопольский протоиерей Михаил Чафранов, впоследствии включённый в список новомучеников, канонизированных Русской Православной Церковью Заграницей.

---

[1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии: февраль–сентябрь 1917 года. Париж, 1921–1922. Репринт. М., 1999. С. 80.

Протоиерей Михаил был обвинён в том, что причащал матросов, приговорённых к смерти. Трагична судьба главного священника Юго-Западного фронта протоиерея Василия Грифцова. Он был изгнан со своего служения и в 1918 г. расстрелян красноармейцами[1]. Сам протопресвитер Георгий Шавельский, осенью 1918 г. отстранённый от своей должности, едва избежал гибели. «7 сентября, — писал о. Георгий, — поздним вечером прибывший из Витебска учитель тамошней Духовной семинарии Махаев, живший у меня на даче, сообщил мне, что Витебский совет рабочих депутатов, составленный из очень подозрительных людей, узнав о моём пребывании в Шеметове, постановил расстрелять меня. Решено произвести казнь 9 сентября. Мне оставалось спасаться бегством... Я ночевал обычно в сараях, зарывшись в сено, чтобы в случае обыска не могли меня найти»[2].

Многие из названных выше героических русских пастырей вынуждены были эмигрировать, скитаться по чужим странам: это Георгий Шавельский, Сергий Соколовский и др. Митрополит Нестор (Анисимов), вернувшись на Родину из эмиграции, провёл, будучи в почтенном возрасте, восемь лет в лагерях. Легендарный священник Стефан Щербаковский был зверски замучен в родном городе в 1918 г. в подвалах Одесской ЧК. По свидетельству Георгия Шавельского, находящегося до конца жизни в эмиграции, он получил на свой запрос справку, из которой следовало, что из 40 военных и морских священников, оставшихся в Петрограде после революции, к середине 40-х годов в живых никого не осталось[3].

Но не эти мучения — самое важное в судьбах русских пастырей. Самое важное то, что личным примером они доказали, что для успеха на войне сильнее огнестрельного оружия, технических средств и приёмов — помощь Божия, если её призывают. Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Если ты хочешь видеть силу непобедимую, прибежище неизменное, крепость непреодолимую, ограду непоколебимую, прибегни к Богу, обратись к Его силе»[4]. И вставала крепость непреодолимая на пути врагов Русской земли, когда она обращалась к Богу. Но когда иссякала духовная сила, падала та крепость под вражьим натиском. Но

---

[1] По материалам статьи А. А Кострюкова «Военные священники в сонме новомучеников и исповедников Российских» [Электронный ресурс]. URL: http://pstgu.ru/scientific/newest/employee/Kostrukov_A_A

[2] ГАРФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 550.

[3] ГАРФ. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 8. Л. 684.

[4] *Иоанн Златоуст*, *святитель.* Творения. Т. 5. Кн. 1. Репр. Изд. им. св. Игнатия Ставропольского, 2009.

потом с Божией помощью снова восстанавливалась и возрастала. Милостив Господь к нашему Отечеству, которому многое «завещано веками» (Ф. Тютчев).

Фото Нестора (Анисимова) из следственного дела, 1948 г.

Не иначе, как Промысел Божий, чудо великое — первая строка гимна современной России, одолевшей за свою историю не одно иго.

Россия — священная наша Держава.

Эта строка кажется сгустком всех русских смыслов. Здесь нет зримых материальных составляющих русского мира, за которые научились цепляться в своём разрушительном стремлении наши исконные враги. Русский мир задан в истинах религиозно-духовных и представлен в образе сакрального «русского узла», где слово «священная» (обладающая святостью, глубоко чтимая, заветная, такая, на которую нельзя посягнуть, в высшей степени почитаемая и значимая, неприкосновенная) соседствует со словом «Держава». Держава — это обозначение могущественного независимого государства и символ Царской власти, увенчанный крестом. Незримое присутствие Креста свидетельствует о том, что Держава здесь имеет смысл закона в понимании благодати, то есть нравственного закона, без которого Россия не может существовать как государство.

Братская могила в Козеницком лесу.
Панихида по чинам, павшим 1–2 октября 1914 г.

Ставка. Молебен на празднике Георгиевских кавалеров 26 ноября 1915 г.
в присутствии Императора Николая II и Царевича Алексея

Это доказано историей Первой мировой войны, пришедшейся на начало богоборческих времен, когда русский народ сам стал отказываться от Бога. Пока русская армия шла на врага под знаменем Господа, под сенью Креста и по благословению Венценосца — она побеждала. Отступившись от Бога, Россия потеряла свою главную опору. Этот закон распространяется и на нынешние, и на будущие времена. Конечно же, были и дипломатические интриги, и политические провокации, и происки зарубежных спецслужб, но всё это неизбежно в любой войне.

Сегодня мы, вспоминая трагическую историю Первой мировой войны и украденную у России победу, убеждаемся в том, что Православная вера — основа нашей жизни. Если русский народ в своём большинстве покаянно обратится к Богу и сделает Православную веру основой своей жизни — не будет у России врагов, способных её сокрушить. А если Россия отвернётся от зова Божиего, вне зависимости от своего политического и военного потенциала, — она может исчезнуть с исторической арены, может раствориться среди прочих народов. Так в азарте мефистофелевского соблазна не только самые худшие, но и лучшие военные, и народные низы, в первую очередь пострадавшие от разрушения Российской государственности, поддержали государственный переворот, купившись на демагогические лозунги «Мир — народам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим».

То же, примерно, произошло и 70 лет спустя, когда неизбывный враг России, восстановившейся и процветавшей в качестве Советского Союза, взял за цель смыслы первой строки советского гимна «Союз нерушимый республик свободных». Разорение сильной страны началось именно с разрушения единства её национальных республик, с расшатывания народных устоев, с осмеяния принадлежности к русскому роду, с искажения национально-нравственного смысла понятия «патриотизм».

Сегодня у нас вновь державный гимн, верующий, православный руководитель страны, показывающий осмысленное отношение к истории, знающий, к каким необратимым последствиям и человеческим жертвам могут привести необдуманные поступки и личные амбиции в международных делах. Сегодня русский человек вновь обращается к Церкви, потому что понимает, что единолично ответственен за своё Отечество, которое опять находится под прицелом сил, не раз приносивших на нашу землю национальное унижение, беды, страдания и лишения. А без Божиего Промысла нам врага не одолеть. Есть надежда, что исконный, непримиримый враг не сможет нас одолеть ещё и потому, что в силу своей глубочайшей прагматичности не смо-

жет осознать незримые, нематериальные, духовные скрепы нашей жизни, означенные первой строчкой современного российского гимна. Сегодня, когда мы, кажется, оказываемся пред «последним выбором»: или нас ждёт апокалиптическая бездна, или мы сохранимся как нация, как единственное в мире христианское государство, и спасём этот мир, — нам особенно нужны героические образцы прошлого. Подвиг русского священства во время Первой мировой войны — есть тот образ, из которого можно черпать и духовные смыслы, и уверенность в победе, и камни веры для укрепления духовного фундамента русской жизни, на котором происходит устроение священной нашей Державы — святой Русской земли.

ХРИСТИАНСКИЙ ПОДВИГ МОНАРХА

Факты и подоплёки убиения Семьи Николая II

На земле нет, и не может быть идеальной формы государственного устройства. У каждой формы государственности есть свои достоинства и недостатки. Это мы знаем по новейшей истории России, в которой только в течение одного XX в. была и монархия, и диктатура, и демократия. Совершенное общественное устройство в нашем грешном мире так же недостижимо, как Царство Божие на земле.

И всё-таки в России, которая, пройдя трагические испытания, сохранилась православной, остаётся интерес к монархии, к её основополагающим, показавшим в веках свою жизнестойкость принципам, которые многие современные политики пытаются осмыслить и использовать в новых государственных условиях. Укоренение Православной веры, увеличение срока президентского служения, борьба с коррупцией, точнее, с разграблением страны, укрепление армии — всё это признаки современной власти, которая стремится быть не правлением временщиков, а властью самостоятельной, ответственной, заинтересованной в том, чтобы Россия была сильной и процветающей. Много аналогий с современными политическими идеалами можно найти в характеристике монархии, данной ей известным историком, профессором М. В. Зызыкиным. «Власть православного самодержца есть власть, выросшая из Церкви, из церковного идеала, органически связанная с Церковью и по идее, и по установлению, и потому ограниченная учением Церкви, её канонами и православным народным бытом... Власть православного царя не есть феодальная привилегия, но власть подвижника Церкви, власть, немыслимая без смирения, самоотречения и жертвенного подвига всей жизни... Православный царь выражает не сиюминутную волю толпы, а миросозерцание православного народа, и его власть представляет христианский идеал, и следовательно, ту Высшую Силу, которая этот идеал создала... Только через то, что власть царя является выражением жертвенного христианского подвига, основанного на

воле Божией, она и становится властью самодержавной, независимой от воли человеческой. Верховная власть здесь сознает себя основанной не на воле народа, а на Той Высшей Силе, которая дала народу его идеалы... Власть православного царя есть свыше данная миссия, существующая не для него самого, а составляющая его служение — его крест»[1].

Однако монархическое государство не предполагает, что монарх существует сам по себе, в своём служении он неотделим от своих верноподданных, верного ему народа, с которым составляет единое целое. Как говорил И. Ильин, «Монархическая верность есть такое состояние души и такой образ действия, при котором человек соединяет свою волю с волею своего Государя, его достоинство со своим достоинством, его судьбу со своею судьбою»[2]. А последний русский Царь был насильно лишён своих верноподданных, внешние силы постарались разделить связь стремлений и судеб Царя и народа, обесценить «монархическую верность», чаемую Иваном Ильиным.

Сегодня нам хорошо известен отлично отработанный в XX в. механизм насильного, преступного свержения законного правителя в любой стране. «Государственные преступники, свергающие власть, во все времена прикрываются “интересами народа”. Схема, которую они пытаются навязать обществу, выглядит следующим образом.

1. Действующий режим “прогнил”.

2. Народ, измученный властью, “спонтанно и стихийно” поднялся, вышел на улицы и потребовал отставки первых лиц государства.

3. Силовики “прогнившего режима” частично перешли на сторону “народа” и отказались защищать государственную власть, а частично просто попрятались, разбежались и растерялись, испугавшись “народного протеста”.

4. И вот результат — власть свергнута, появляется новое правительство, которое “нельзя” называть узурпаторским и незаконным. Это люди, болеющие за интересы страны, отстаивающие идею свободы, демократии и так далее.

Последние перевороты, известные как “Майдан” и “арабская весна”, являются типичными примерами такого рода»[3].

Примерно по этой схеме развивалась «народная революция» в Российской империи, приведшая к тому, что тяжелейший крест царско-

---

[1] *Хомяков Д. А., Карташёв А. В., Зызыкин М. В., Константин (Зайцев), архимандрит.* Церковь о государстве. Старица, 1993. С. 47.

[2] *Ильин И. А.* Собр. соч. в 10-ти т. М., 1994. Т. 4. С. 503.

[3] *Зыкин Д.* Перевороты и революции: зачем преступники свергают власть. СПб.: Питер, 2016. С. 5.

го служения превратился в крест физического и нравственного страдания законного правителя государства, а его смерть — во святой подвиг. ***С Николаем II без суда и следствия расправились потому, что по своей воле он от Престола не отрекался, власти своей царской никому не передавал и фактически оставался Помазанником Божиим, законным властителем России. Поэтому сокрушители Российской Империи, узурпировавшие власть, жестоко убили всю Семью, то есть и Наследника.***

Экзамен на верность Христу

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнём-ка пулей в Святую Русь.

А. Блок

Поныне многие русские люди убеждены, что последний русский Царь, Император Николай II по собственной воле допустил своё отречение или, вернее, отрешение от царского Престола. Во имя требуемой для страны мнимой свободы, как будто по собственной воле Помазанник Божий смиренно принял мученической венец и обрёл свободу вечную. Воля и свобода — смысловое различие этих священных русских слов, имеющих синонимическую общность, может почувствовать только русский человек, знающий нелёгкую историю своей Родины. Только русскому человеку дано понять трагическое различие слов: отречение и отрешение, Царь-Помазанник и Император, казнь и убиение. Это природное лингвистическое чувствование, корневое семантическое слышание связано не только с национальной принадлежностью, но с тем, что живой славянорусский язык есть древо русской жизни, творение Божественной воли. Святая вера и богословие присущи нашему благодатному языку, который способствует осмыслению исторического и современного значения величайшей русской трагедии.

Уже столетие гуляет по миру большевистская ложь о причинах и событиях отречения Николая II от богоданной власти. Целый век народу внушается, что Помазанник, слабовольный Царь, «тряпка» и плохой командующий, будучи не в силах управлять страной, претерпев необратимые поражения на фронтах мировой войны, испугавшийся гнева народных масс, сам отрекся от русского Престола, оставил Россию на произвол судьбы. Нам внушают свидетели и советские историки, что Император собственноручно написал и подписал карандашом (?) Акт (или Манифест) об отречении от власти в пользу своего брата — Великого князя Михаила — «во имя горячо любимой Родины». Действительно, там есть такие слова:

«Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, всё будущее дорогого Нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно со славными Нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть». Тогда как в 1927 г. в предисловии к сборнику «Отречение Николая II» большевик Михаил Кольцов писал: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самогó Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам Монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили»[1].

С других позиций оценивает героический, высоконравственный выбор Императора Николая II директор Российского института стратегических исследований, известный историк Л. П. Решетников: «Николай II предпочел заточение, мученическую смерть и даже гибель своей семьи участию в братоубийственной войне и беззаконию. Царь вслед за Спасителем, которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все блага мира, отвечал сатане: “Изыди от Мене, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши” (Мф. 4:10). 2 марта в занесённом пургой Пскове не Государь Николай Александрович отрёкся от престола — большая часть России не захотела иметь Царя. Николай II лишь склонился перед Волей Божьей, в точности как это сделал пророк Самуил, когда народ больше не захотел видеть его судьей: “И сказал Господь пророку Самуилу: послушай голос народа во всем, что они говорят тебе, ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня. Чтобы Я не царствовал над ними” (1 Цар. 8:7–18)»[2].

Почти век бытовало у народа убеждение, что во всём виноват один Царь, который сам признал свою вину, то есть изрёк её и отрёкся от власти. Но так ли это? Первые сомнения возникают уже при знакомстве с обстоятельствами, в которых оказался Император в канун этого истори-

---

[1] *Иоффе Г. З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 52.

[2] *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. М.: ФИВ., 2013. С. 89–90.

ческого события, на самом деле подготовляемого на протяжении многих лет тайной, кропотливой, планомерной работы враждебных России сил, старающихся отъединить Царя от народа и армии.

Сегодня известно, что в преддверии Февральского переворота на Россию и её Царя были нацелены действия правящих кругов Англии и Франции, обеспечивающие тайные и явные меры по расшатыванию государственных основ России. Были и закулисные силы, координирующие внутрироссийские разрозненные усилия. Примером может быть известное германское золото, выделенное на русскую революцию. Как говорит историк В. Е. Шамбаров, «...рассматривать пресловутое "германское золото" в качестве германского совершенно неправомочно. Да откуда бы взялось у Германии столько "лишнего" золота?! Она три года вела тяжелейшую войну, вела в условиях блокады, закупая через нейтралов стратегическое сырье, оборудование, даже продовольствие. И ещё "взяла на себя" союзников, обеспечивая вооружением и боеприпасами Австро-Венгрию, Турцию, Болгарию. А средства на подрывную работу притекали через Варбургов и других банкиров, тесно связанных с банкирами США и даже из стран Антанты»[1].

Перед войной Россия была крепко опутана иностранными предприятиями. В результате договора 1904 года немецкие фирмы глубоко проникли в российскую экономику, торговлю, банковское дело. Только в одной Москве действовало свыше 500 германских компаний. Рьяно иностранные правительства во время войны взялись разыгрывать украинскую, польскую, еврейскую карты. Как открыто говорил австрийский канцлер Бертольд, «Наша главная цель в этой войне — ослабление России на долгие времена, и с этой целью мы должны приветствовать создание независимого украинского государства»[2]. В Германии была создана «Лига вызволения Украины», через германские посольства в Константинополе и Бухаресте на Украину стали засылаться эмиссары, агитационная литература. Проводилась работа по отделению Финляндии, по активизации грузинских, северокавказских, крымских сепаратистских настроений. Самым раскачиваемым и результативным был «еврейский вопрос». Верховное командование армий противника выпустило воззвание, призывающее евреев к вооружённой борьбе против русских и обещавшее «равные гражданские

[1] *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 150.

[2] Цит. по: *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 126.

права для всех, свободное отправление религиозных обрядов, свободный выбор места жительства на территории, которую оккупируют в будущем Центральные Державы»[1].

Здесь позволю себе сделать политическое отступление и приведу пример из сегодняшних реалий, показывающий, что даже спустя век ничего не изменилось в мировоззрении и намерениях ведущих западных держав. Бывший офицер армии США, специалист по психологической войне Скотт Беннетт озвучил 13 июня 2017 г. в интервью PressTV государственную доктрину США на основании заявления министра обороны США Джеймса Мэттиса, который уверен, что «у США есть некое непреложное право контролировать мировые энергоресурсы и выступать в качестве всемирного полицейского, а **Китай и Россия должны служить вассальными государствами США**» (выд. авт. ст. — *М. К.*). Министр обороны предупредил, что Россия и Китай оспаривают военное господство Америки, используя технологические достижения и «угрожая международному порядку». Мэттис заявил об этом 12 июня 2017 г. на слушаниях в Комитете по делам вооружённых сил Палаты представителей Конгресса США, посвящённых военному бюджету Америки на 2018 год. Он подчеркнул, что технологические достижения России и Китая ставят под угрозу контроль США в море, на земле и в воздухе[2]. На основании этого заявления можно предположить направления дальнейшего развития международных отношений с Западом.

Но вернёмся на 100 лет назад. Страны Запада, участники блока Антанты, так называемые «союзники» России, сознательно вредили ей на фронтах Первой мировой войны. Вместо выполнения поставок вооружения по обязательствам, вместо снабжения русской армии винтовками, союзники требовали от России направить во Францию русских солдат. И требуемое получили. Неудачи русской армии в 1915 г. были обусловлены объективными причинами. Российское военное министерство во главе с Сухомлиновым заказало британской компании «Армстронг и Виккерс» 5 млн снарядов, 1 млн винтовок, 250 тяжёлых орудий, 27 тыс. пулемётов и т. д. Но фирма по решению правительства Англии отказалась поставлять военную продукцию России. В результате наша армия осталась без боеприпасов, что явилось причиной поражений на фронтах. В 1916 г. было модернизировано российское

---

[1] Цит. по: *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 127.

[2] http://zlobodnevno.com/blog/43730547162/Skott-Bennett:-Rossiya-i-Kitay-dolzhnyi-stat-vassalnyimi-gosudar? Опубликовано 15.06.2017 в 18:44.

производство, кризис был преодолён, и последовала блестящая победа — Брусиловский прорыв.

О модернизации русской армии в Российской империи в ходе Первой мировой войны даже говорилось в секретных материалах, подготовленных в Коммунистической академии в 1934 г., то есть тогда, когда по официальной идеологии царская Россия называлась полуколониальной страной и за положительные оценки бывшей России людей привлекали к уголовной ответственности. А книга «Мировая война в цифрах», вышедшая в репрессивное время, содержит многоговорящие данные производства винтовок за 1916 г.: Франция — 800 000, Англия — 853 000, Россия — 1,2 миллиона. Среди стран Антанты у России первое место.

Конечно, вопрос снабжения имеет более широкие рамки. Поэтому будет интересно обратиться к цифрам, которые Военный министр Российской империи генерал Дмитрий Шуваев в ноябре 1916 г. привёл в своём докладе в Думе.

«Я возьму три цифры: первую, за январь 1915 г., — за единицу, затем — во сколько раз она увеличилась 1 января 1916 г., и в настоящее время.

Трёхдюймовые орудия: 1 января 1915 г. — единица, 1 января 1916 г. — в 3,8 раза и в августе 1916 г. — в 8 раз (голоса: “Браво!”).

Если же мы примем введённую вставку стволов, починку орудий, то мы получим такие результаты: 1 января 1915 г. — единица, 1 января 1916 г. — в 5,7 раза и в августе 1916 г. — в 13,2 раза (голос: “Браво!”).

48-линейные гаубицы: это орудие сложное, господа, и трудно подготовляемое, но и оно в январе 1916 г. удвоилось, в августе почти учетверилось сравнительно с январём 1915 года.

Винтовки в январе 1916 г. (количественно) увеличились в три раза, а в августе 1916 г. увеличились в 4 раза сравнительно с январём 1915 года.

Снаряды 42-линейные: в январе 1916 г. увеличились в 6,5 раза, в августе 1916 г. — в 7,5 раза.

48-линейные снаряды: в январе 1916 г. увеличились в 2,5 раза, в августе 1916 г. — в 9 раз.

6-дюймовые снаряды: в январе 1916 г. — в 2 раза, в августе — в 5 раз.

3-дюймовые снаряды в январе 1916 г. увеличились в 12,5 раза, а в августе 1916 г. — в 19,7 раза.

Взрыватели, этот важный элемент для снарядов, увеличились в январе в 6 раз, а в августе — в 19 раз.

48-линейные и 6-дюймовые фугасные бомбы — в 4 раза и в 16 раз.

Взрывчатые вещества — я не буду перечислять вам, господа, все, но увеличение произошло в некоторых случаях даже в 40 раз (голоса: "Браво! Браво!").

Удушающие средства... Господа, надо кланяться нашим артиллеристам. Жаль, что я их не вижу. Я бы в присутствии вас низко им поклонился. Удушающие средства увеличились в январе 1916 г. в 33 раза, а в августе — в 69 раз (голоса: "Браво! Браво!"). Я остановил ваше внимание, господа, на артиллерийском снабжении, не касаясь интендантского.

Я скажу во всеуслышание, что изъяны есть, недочёты есть. Но, в общем, дело терпимо. Скажем, в инженерном, военно-техническом снабжении, в общем, мы встречаем затруднения с автомобилями, и то вследствие причин, от нас не зависящих. Авиация тоже в таком положении находится. Развивается, господа, дело внутри России, и нужно только стремиться и желать, чтобы оно пошло быстрее. Так вот что дала дружная, общая, совместная работа. Позвольте, господа, надеяться и просить вас помочь и в будущем в этой совместной работе на снабжение нашей доблестной армии (голоса справа: "Браво!").

Господа! Враг сломлен и надломлен. Он не оправится. Я ещё раз повторю: каждый день приближает нас к победе, и каждый день приближает его, напротив, к поражению»[1].

То, что речь генерала от инфантерии Дмитрия Шуваева не являлась пропагандистской, подтверждает оценка состояния русской армии, данная легендарным полководцем Первой мировой войны, начальником германского Генерального штаба Паулем фон Гинденбургом. Он пишет в своих мемуарах: «Что касается кампании 1917 г., то мы находились в раздумьях относительно того, с какой стороны придёт главная угроза: с Запада или Востока. С точки зрения численного превосходства представлялось, что бóльшая угроза находится на Восточном фронте. Мы должны были ожидать, что зимой 1916 –1917 гг., как и в прошлые годы, Россия успешно компенсирует потери и восстановит свои наступательные возможности. Никаких сведений, которые бы свидетельствовали о серьёзных признаках разложения русской армии, к нам не поступало. К тому же опыт научил меня относиться к таким донесениям очень осторожно, вне зависимости от того, из какого источника и когда они исходят»[2].

---

[1] http://www.km.ru/v-rossii/2014/05/10/istoriya-rossiiskoi-imperii/739536-pervaya-mirovaya-voina-obekt-antirossiiskoi-l

[2] Marshal von Hindenburg. Out of my life. Cassel and company, LTD, London, New York, Toronto and Melbourne, 1920. C. 243.

День тезоименитства Николай II отмечает в действующей армии

Таким образом, нет сомнения, что к сражениям 1917 г. Россия была уже подготовлена отлично. Решающее, победное наступление было назначено на май. Поэтому атаки либералов и масонов на власть усилились к осени 1916 г. и достигли апогея в марте 1917 г., когда и был разыгран спектакль с «отречением».

Подписанный фальсификат с хитрой подачи близкого окружения Царя стали называть Актом отречения. Но разве можно назвать отречением, то есть сознательным отказом от власти, изменой своей клятве, высокопарный текст, которому предшествовал заранее разработанный, предательский захват Императора, удерживаемого несколько дней в изоляции в вагоне практически насильственно пленённого поезда.

Приказания Царя военными и административными властями намеренно не исполняются. Все командующие фронтами, связанные масонскими клятвами, ему изменяют, и сам он попадает в западню. Окружавшие Царя предатели искажали реальные факты, заговорщики в своих интересах снабжали действующего Императора и главнокомандующего дезинформацией, навязывали свои решения, беспрекословно убеждали

в необходимости отречения якобы во имя России. Но каково в это время было положение России? Прислушаемся к мнению и доводам учёного-историка П. В. Мультатули о положении страны накануне переворота и об истинных причинах расправы с Николаем II.

«В 1915 году Николай II становится во главе армии, и армия начинает побеждать: мы остановили наступление врага. В 1916 году — великое наступление на Луцком направлении, которое вошло в историю под названием "Брусиловский прорыв". Армия поднимается, создана химическая промышленность в России... Такие темпы были только в Великую Отечественную войну — мы создали пять химических заводов по изготовлению отравляющих газов. Вся химическая промышленность была поставлена на оборонные рельсы. Кстати, ею руководил брат Ипатьева, в доме которого была убита Царская Семья.

И что происходит в 1915 году? Николай II потребовал от союзников признать за Россией её права. Нам должны были после победы отойти черноморские проливы, Константинополь, всё Средиземноморское побережье, и самое главное — Палестина. Ещё Наполеон говорил: "Кто владеет Палестиной, тот владеет всем миром". Естественно, этого не могли допустить союзники! Кроме всего прочего, союзники очень хорошо поняли, что как только царская Россия выиграет войну, она становится державой номер один в мире. Ничего без решения России сделать было бы нельзя — единственная страна, которая могла бы воевать с Россией, была Германия. Если бы Германия была разбита, конечно, никакие Франция, Англия или Соединённые Штаты Америки не могли противостоять России. А это означало, что весь план нового мирового порядка, который уже тогда навязывался миру (это была главная тайная цель Первой мировой войны), рухнул бы. Никогда бы Николай II не позволил сделать то, что сделали с германским народом после Первой мировой войны — значит, не было бы Гитлера. Значит, если бы победил Николай II, никогда бы не было унижения других государств, никогда бы не возникли бандитские режимы, как режим Пилсудского, никогда бы не возникли те чудовищные структуры, которые дали потом фашизм не только в Германии и в Италии, а во всех приграничных с Россией государствах, в будущем — граничащих с Советским Союзом. И не надо забывать: вся Прибалтика была фашистская, Польша, Румыния — это были фашистские государства, в классическом смысле. В Польше православный человек не мог попасть ни в одно высшее учебное заведение. Если бы Россия Николая II победила, то мир был бы совершенно другим — этого не допустили так

называемые союзники. Именно поэтому они не просто поддержали, а возглавили заговор против Императора»[1].

К этим словам уважаемого историка можно добавить, что если бы усилиями революционеров, масонов, американских и немецких банкиров, иллюминатов, сионистов не было бы сокрушено Самодержавие, не было бы и Бабьего Яра, Освенцима, тысяч концлагерей и гетто (по последним данным на территории Европы существовало 42 500 таких учреждений). Не было бы уничтожения 6 миллионов простых евреев, которые стали заложниками амбиций властных единородцев и своими жизнями искупили их преступления против России и Удерживающего «тьму беззакония», поглощающую на своем пути всё и всех, не разделяя людей ни на расы, ни по национальностям.

Надо сказать, что начавшаяся Первая мировая война вызвала огромный патриотический подъём среди всего еврейского населения. Выступавший вместе с представителями других национальностей в Государственной думе 26 июля 1914 г. член кадетской фракции Н. Фридман говорил: «Никакие силы не отторгнут евреев от их родины России, от земли, с которой они связаны вековыми узами». С призывами отстоять Отечество выступила и еврейская печать. В синагогах и молитвенных домах проводились богослужения о даровании победы русскому оружию. В первом номере газеты «Война и евреи» (1914) была опубликована статья князя П. Д. Долгорукова, который, в частности, отмечал: «Сотни тысяч евреев проливают кровь за великую Россию, между тем они лишены прав, которых ни один из русских подданных не может лишиться иначе, как по суду за преступление». Не очень симпатизировавшая евреям газета «Новое время» писала:

«Манифестация русских евреев... должна вызвать во всех нас, русских, чувство глубокого удовлетворения... Такие минуты не забываются... Пронесётся гроза, выглянет солнце Мира над родиной, и русский народ не забудет о тех, кто в дни испытаний бодро шёл с ним рядом, плечом к плечу»[2]. При этом не лишены справедливости слова Леонида Андреева: «наше пресловутое “варварство”, в котором обвиняют нас... всё целиком и исключительно основано на нашем еврейском вопросе и его кровавых эксцессах»[3].

---

[1] Беседа П. В. Мультатули в эфире православного телеканала «Союз» [Электронный ресурс]. URL: http://www.hram-ks.ru/multatulli1.shtml)

[2] http://www.liveinternet.ru/users/rinarozen/post323783580

[3] *Андреев Л.* Первая ступень // Щит: Литературный сборник / под. ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Соллогуба. М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916. С. 5.

Красноречивую и много объясняющую цитату можно привести из Солженицына, ссылающегося на книгу Г. Б. Слиозберга «Дела давно минувших дней. Записки русского еврея. Париж. 1933 г.». «И если “лучшие представители еврейского общества и интеллигенции” боялись, что “победа Германии... послужила бы только укреплению антисемитизма... и поэтому одному не могло быть речи о симпатии к германцам и надеждах на их победу”, то из Дании уже слышим от русского военного агента в декабре 1915, что успеху антирусской пропаганды “способствуют и евреи, которые открыто заявляют о том, что не желают победы России и, как результат её — обещанной автономии Польши, ибо знают, что последняя примет энергичные меры для изгнания евреев из её пределов”, то есть... в самостоятельной Польше евреев, может быть, ждёт жребий похуже российского»[1].

Множество подвигов совершили евреи, защищая Отечество в годы Великой Отечественной войны. Более 500 тыс. их было призвано в армию. Абрам Левин 22 февраля 1942 г. закрыл грудью амбразуру вражеского дзота, подвиг Николая Гастелло повторил летчик Исаак Пресайзен и ещё 11 летчиков. Ефим Дыскин в одном бою, будучи трижды раненным, уничтожил 7 фашистских танков. И таких подвигов было много.

Но всё это будет потом, а сейчас, в начале XX в., западные враги России хорошо понимали то, что самодержавная Россия не допустит победу ни Германии, ни «нового мирового порядка». Поэтому необходимым условием для победы революции стали свержение Императора Николая II генералитетом и Думой, поддержанное правительственными и аристократическими слоями общества, и его последующее убийство[2].

Ложь господствующей сегодня точки зрения, что Февральская революция была спонтанной, народной и не имела организаторов, подтверждают слова Ленина, не скрывающего, что заговор против России существовал. «Без революции 1905–1907 годов, без контрреволюции 1907–1914 годов невозможно было бы такое точное “самоопределение” всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917

---

[1] *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 487.

[2] См.: *Константин (Горянов), митрополит.* «Горькая ошибка». «Церковная революция» 1917 года, её последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края // Родная Ладога. 2017. № 1.

года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, "разыграна" точно после десятка главных и второстепенных репетиций; "актёры" знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперёк, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приёмов действия. Но если первая, великая революция 1905 года... через 12 лет привела к "блестящей", "славной" революции 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют "славной", ибо она (пока) дала им власть, — то необходим был ещё великий, могучий, всесильный "режиссёр"... Этим всесильным "режиссёром", этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война... Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна была превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. Это превращение начато февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во-первых, совместный удар царизму, нанесённый двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми её бессознательными прихвостнями и **со всеми её сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов** (выд. авт. ст. — *М. К.*) с одной стороны, и Советом рабочих депутатов, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой»[1].

Наверное, здесь не лишним будет и портрет «благодетеля» русских революций Парвуса, данный историком Игорем Фрояновым. «Известно, что поступление немецких денег в партийную кассу большевиков обеспечивал Парвус — личность до сих пор во многом таинственная, загадочная. Он заслуживает того, чтобы сказать о нём особо. Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд (Парвус, Молотов, Москович) родился в 1867 г. в местечке Березино Минской губернии в семье еврейского ремесленника. Учился в одесской гимназии. В Одессе примыкал к народовольческим кружкам. Будучи 19-летним юношей, Парвус уехал в Цюрих, где познакомился с видными членами "Группы освобождения труда" — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и Верой Засулич. Под их влиянием молодой Гельфанд-Парвус стал марксистом. В 1887 г. он поступил в Базельский университет, который окончил в 1891 г., получив звание доктора философии. Вскоре переехал в Германию и вступил в немецкую социал-демократическую партию, не порвав, впрочем, отношений с русскими социал-демократами. Познакомился с К. Каут-

[1] *Ленин В. И.* Письма издалека. 1917. ПСС. Т. 31. С. 12–14.

ским, К. Цеткин, В. Адлером, Р. Люксембург. Очень рано им заинтересовалась немецкая полиция. Ему пришлось буквально кочевать по немецким городам, живя то в Берлине, то в Дрездене, то в Мюнхене, то в Лейпциге, то в Штутгарте. В Мюнхене Парвус встречался с Лениным, который вместе с Крупской не раз бывал у него в гостях»[1].

При его участии подрывная работа против России вышла на новый мировой уровень. В 1915 г. Израиль Парвус предложил свои услуги правительству Германии и представил программу, в которой доказывал, «что русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьётся успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор, пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров»[2]. В Берлине эта теория понравилась, её одобрил сам кайзер, и Парвусу было выделено 2 млн марок на работу по разрушению России, потом ещё 20 млн, а осенью 1915 г. ещё 40 миллионов марок.

Парвус консолидировал революционные силы, финансировал Ленина и Троцкого, подкармливал и меньшевиков, создал революционный штаб, финансировал подрывную пропаганду. Он начисто был лишён чувства Родины. «Я ищу государство, где человек может дёшево получить отечество», — писал он как-то В. Либкнехту.

Вот таким людям на самом деле был выгоден этот «совместный удар по царизму» (Ленин), но в первую очередь иностранным державам и их русским пособникам, заботящимся о своих финансовых и властных интересах. При соблюдении более ли менее благопристойной с юридической точки зрения внешней стороны, заговорщики, боящиеся зоркого ока истории, по сути, осуществили насильственный военный переворот, отстранение от власти законного правителя, которое следует называть не отречением, а ***отрешением***, то есть лишением власти, насильственным свержением с помощью внешних сил. Долго и успешно, на местной, финансово удобрённой почве, они готовили русскую трагедию, которая состояла не в отречении Царя от власти, а, наоборот, в отречении от оклеветанного и преданного законного Монарха — высшего

---

[1] *Фроянов И. Я.* Октябрь семнадцатого / Глядя из настоящего. СПб., 1997. С. 23.

[2] Цит. по: *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм. 2006. С. 129.

света, политиков, родственников Венценосца, а затем и народа. Обманутый русский народ легко поверил в хорошо отрепетированное и быстро разыгранное театрально-политическое действо.

Заговорщики или невидимые их руководители, явно любители мистификаций, даже выбрали соответствующее место, где начиналось историческое событие, станцию с говорящим названием «Дно», что должно было свидетельствовать о руке судьбы, отстранившей от власти Царя, доведшего, якобы, Россию до самого дна. Так же как в новейшее время, в начале июля 2016 г. для проведения юбилейного саммита НАТО наши извечные противники выбрали именно Варшаву, как символ победы над Варшавским договором. Ведь ровно 25 лет назад 1 июля в Праге был подписан Протокол о полном прекращении Варшавского договора, оберегавшего Советскую империю: мол, «рука судьбы», а не заокеанских кукловодов. И в 1918 г. многие в эту «руку судьбы» для Российской империи тоже поверили, не распознав заготовленного заранее сценария. А по сценарию расправа с русской православной монархической властью началась задолго до марта 1917 г., сначала путём систематического террора, которым дирижировал центральный комитет эсэров, в него входили Азеф, Гоц, Швейцер, Лейба Сикорский, Дора Бриллиант, Борис Савинков, Каляев и др. Верных царских слуг начинают систематически истреблять. Погибают от выстрелов и бомб Великий князь Сергей Александрович, министры Плеве, Сипягин, Боголепов, Столыпин, генерал-губернаторы и губернаторы граф Игнатьев, Старынкевич, Хвостов, Александровский, Слепцов, генералы и адмиралы Чухнин, Сахаров, Мин, Карангозов, Алиханов и сотни других. Убийства совершаются с особой жестокостью и издевательствами. За шесть недель только с 1 июля до 15 августа 1906 г. террористы партии Керенского совершают 613 покушений, ими убито 244 человека. Это не борьба за свободу, это очевидное разрушение государства.

Но этого разрушения как будто не видят или не понимают дворянство, интеллигенция, купечество. Многие представители этих сословий или приветствовали убийства известных сынов нации, или трусливо отмалчивались. Так, например, сообщение в Думе об убийстве адмирала Чухнина вызывает гром аплодисментов. Лидер кадетов Милюков едет в Лондон уговаривать Ленина продолжать политические убийства и скорее готовить революцию. Купец и миллионер Савва Морозов посылает деньги большевикам и страхует в их пользу свою подозрительно скоро окончившуюся жизнь. В числе сочувствующих террористам можно видеть представителей известных дворянских фамилий: это князья Львовы, Долгорукие, Трубецкие, Шаховской; Родзянко, Самарин, ге-

нералы, члены Государственного Совета; грешили свободомыслием и некоторые члены Царского Дома, Великие князья — цвет русского общества. Так об их деятельности высказался очевидец — французский журналист Густав Эрвэ: «Мы всем сердцем жалеем русскую аристократию и буржуазию, которые перенесли с 1917 г. страшные испытания, но приходится признать, что, подобно и нашей аристократии старого режима, они проявили в критический час легкомыслие, безрассудность и отсутствие политической устойчивости поистине изумительное. <...> Часть русской элиты своим разлагающим и мелко фрондирующим настроением, своим сочувствием самим разрушительным идеям, своими интригами во время войны — могла подготовить ужасную трагедию»[1].

Важно подчеркнуть, что в России к тому времени не было почвы для революции. Народ не бунтовал, а работал и сражался на фронте. Государство распадалось не вследствие объективных причин, а благодаря тайным усилиям неких врагов и в результате разложения правящего класса, который старался разъединить единственно оставшиеся здоровыми элементы общества — Царя и народ. Произошла не «народная революция», а свершился с помощью военной силы в лице генштаба, командующих фронтами и Думы насильственный захват власти. «Анализ показывает, что революция (переворот) готовится задолго до формального начала уличных беспорядков. Свержение власти — это спланированные и хорошо продуманные действия, в основе которых лежит военная сила. Вместе с тем в качестве камуфляжа используются разнообразнейшие приёмы переключения внимания общества с истинных заказчиков и исполнителей государственного преступления на внешнюю шумиху, митинги, громкие заявления на улицах и прочую пропагандистскую трескотню» [2].

Здесь вновь встаёт закономерный вопрос — являлась ли деятельность русских либералов и революционеров свободной от постороннего влияния? И насколько сильно было влияние хитрого, замаскированного внешнего врага?

О значении и степени разрушительной деятельности тайных обществ в русской революции сегодня говорится много. Не следует, вероятно, преувеличивать их бесспорную роль, когда правящие круги по собственной воле сдавали свою страну и первыми отрекались от свое-

---

[1] Император Николай II и революция // под ред. С. Фомина. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 62.

[2] *Зыкин Д.* Перевороты и революции: зачем преступники свергают власть. СПб.: Питер, 2016. С. 6.

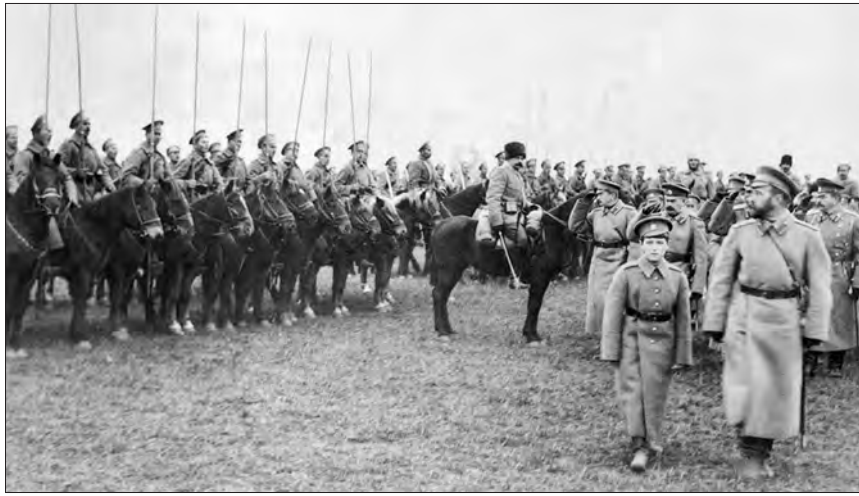
го Царя. Известны слова Брусилова, который говорил: «Если придётся выбирать между Царем и Россией — я пойду за Россией». «Начинайте, и мы вас поддержим», — говорил генерал Крымов, «Нет, пусть армия добивается отречения», — отвечал Родзянко. А чего стоит высказывание командира Финляндского полка Теплова во время приёма в масонскую ложу. Когда одним из братьев ему был задан вопрос о Царе, генерал не раздумывая, не по принуждению, а по собственной воле, ответил: «Убью, если велено будет...»[1]. В сплетении личных и государственных интересов уже было трудно определить, где кончалась измена Монарху и начиналась измена Отечеству.

Последним оплотом Царя оставался народ, который за него и за Матушку-Россию проливал кровь на фронте. К концу 1916 г. положение укрепилось на всех фронтах. Снаряды доставлялись в достаточном количестве, части были укомплектованы. Ставка, не без помощи волевых усилий Государя Императора, который не боялся появляться в сопровождении Наследника на передовой, ободрял солдат в тяжёлые минуты, вникал во все военные операции, готовила к маю 1917 г. решительное наступление против обессилевшей к тому времени Германии.

Поныне дискутируется вопрос о компетентности Николая II в вопросах военной науки, считается, что он зря возложил на себя обязанности Главнокомандующего, что он был бездарным военным. Эти сомнения — следствие антироссийской пропаганды столетней давности, которой поныне верят больше, чем историческим фактам. Во многих воспоминаниях современников отражён тот факт, что Николай Александрович Романов с раннего возраста, с того времени, когда ему нужно было выбирать учителей, кроме общего образования начал получать и военное. Нельзя забывать, что его отцом был царь-миротворец, царь-богатырь, не допустивший войны во время своего правления, Александр III. Первым военным учителем Наследника был генерал от инфантерии Георгий Георгиевич Данилович. Генерал настолько основательно подготовил Николая Александровича по военной науке и азам солдатской жизни, что Государь мог управлять любым военным соединением. Государь обожал армию и флот, в бытность Наследником он служил в Преображенском и Гусарском полках и всегда с восторгом вспоминал эти годы. Государь говорил, что солдат — это лучший сын России. С участием Императора в подготовке военных операций Первой мировой войны связаны многие победы, особенно в 1916 году.

---

[1] *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. М., 2007. С. 215.



Николай II и Наследник на фронте

Но всё усиливающаяся оппозиция со стороны Государственной Думы и измена в военных кругах подрывали возможность окончательной победы. Пропаганда Гучкова, членов Думы, Земгора (Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов) и германских агентов на фронте возымела своё действие, в некоторых частях замечалось уже тревожное волнение. Началось распространение пораженческих настроений, выгодных врагам России, и постепенное разложение народной армии.

Государь всё же чувствовал себя увереннее и спокойнее в армии, среди преданных ему генералов и верных Отечеству солдат. Поэтому революционный центр пытался перетянуть на свою сторону многих военачальников, возбуждая в них честолюбивые планы. В результате подпольной пропаганды понемногу стала образовываться ячейка военных, готовых оказать помощь перевороту. В течение лета 1916 г. в само́й Ставке уже идут совещания и обсуждается возможность низложения Государя. К концу 1916 г. военный заговор созрел настолько, что перестал составлять тайну для общественности. Сегодня, с высоты прошедшего времени, явственно вырисовываются в кажущейся хаотичной политической картине, предшествовавшей гибели монархии, спроецированные направления, отрегулированные действия, как будто подвластные палочке закулисного «дирижёра». Этот «дирижёр» заранее знал, что после революции, после измены Батюшке-Царю

русский народ откажется воевать за новых господ, и произойдёт долгожданное крушение русского фронта, а вслед и самого русского государства.

На протяжении почти всей истории христианской России ей приходилось бороться не только с внешними, явными врагами на поле брани, но и со скрытыми, невидимыми, подтачивающими духовно-нравственные и политические устои государства силами, искусственно приводящими к смутам и революциям. Но так ли всемогущ был бы этот незримый хитрый противник, если бы не было у него алчных до денег и власти пособников внутри православной страны, представляющей угрозу для мирового зла своей духовно-нравственной крепостью, хранителями которой были Православная Церковь и Царь Помазанник Божий. Всегда против них велась подлая подпольная война, в начале XX в. превратившаяся в открытое массированное наступление. Во время царствования Николая II идейное противостояние в обществе достигло предела, не стало единого мнения в понимании добра и зла, правды и кривды. Тяжелейшая болезнь «чужебесие» охватила все слои общества, восставшего не только против социальных порядков, но и против всего русского, родного. Гимном антирусских настроений стали строки сочинителя В. Печорина (1807–1885), который, будучи блестящим филологом, владевшим восемнадцатью языками, профессором Московского университета, стал по собственной воле эмигрантом, а потом после нескольких лет бесплодных заграничных скитаний сделался католическим монахом и священником.

Как сладостно — отчизну ненавидеть,
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

(Берлин. 1823–1825)

Но не только эти строки можно спроецировать на события начала XX века. Вспомним, что и великий Пушкин отмечал вспышки ненависти к своему Отечеству в российском обществе и так обращался к русскому либералу:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел
И нежно чуждые народы полюбил,
И мудро свой возненавидел.

Родоначальниками этой русской русофобской традиции, надо сказать, были не космополиты евреи, не просвещённые англичане, а такие русские аристократы, как Чаадаев, Бакунин, Герцен, склонные к идеям французских просветителей.

Участие евреев в катаклизмах начала XX в. сегодня известно и широко обсуждается. Очевидна значительная их роль в подготовке русских революций, но преувеличивать её тоже не стоит. Активное участие принимало меньшинство, да и те, кто участвовал в революции, называли себя интернационалистами, порвавшими со своими национальными корнями[1]. Об их роли в истории России, как мне кажется, хорошо сказал русский поэт-символист и философ Вяч. И. Иванов: «Мне думается, что евреи — провиденциальные испытатели наши, и как бы всемирно-исторические экзаменаторы христианских народов по любви к Христу и по верности нашей Ему»[2]. И, добавим, по верности Его Помазаннику, православному Царю, правителю России. Этот экзамен в начале XX в. не сдали ни элиты, ни народ.

Очевидно, в русском высшем свете этой верности накануне революций не наблюдалось. Об этом свидетельствуют, например, воспоминания фрейлины Анны Танеевой (Вырубовой). В частности, она передает слова Императрицы Александры Фёдоровны из письма графине Ранцау. «Моего мужа отовсюду окружает лицемерие и лживость. Чувствую, что нет никого, кто мог бы быть действительной его опорой. Немногие любят его и своё отечество, и я чувствую, что ещё меньше тех, кто действительно выполняет свои обязанности по отношению к моему мужу. Всё делается ради личных выгод, и повсюду интриги, и всегда только интриги». Анна Танеева добавляет: «Как же правильно поняла Государыня по прибытии в Россию положение Государя! Но о том, что и она сама также окажется жертвой интриг, она вряд ли могла догадываться. День за днём мы замечали, что направленная против Государыни недобрая молва только усиливалась. Когда мы находились, к примеру, в Главном штабе, я заметила, что Государыня явно не была желанным гостем. Даже приглашённые туда иностранные атташе пытались не являться на обед к Государю, сочиняя зачастую очень “прозрачные” отговорки. У Генерала Алексеева стало привычкой высказывать

---

[1] Я. М. Свердлов, однако, воспитанный отцом Мовшей Израилевичем в религиозных традициях, в анкетах жандармского управления, заполняемых при аресте, в графе вероисповедание указывал «иудейское», а не как большинство его соратников, указывающих — «атеист».

[2] Цит. по: *Шафаревич И. Р.* Трёхтысячелетняя загадка. СПб.: Библиополис, 2002. С. 156.

оскорбительные замечания о Государыне, но Государь со своей стороны не мог осознать, что в такой злобе мог бы быть смысл. Его совесть была чиста»[1]. И поэтому, хорошо зная о подрывной деятельности сэра Джорджа Бьюкенена и о том, что почти все близкие родственники Императора настроены против него и замышляют его свержение с Престола, чтобы наречь Государем Кирилла Владимировича, ни Николай II, ни его супруга не предпринимали никаких действий, так как были уверены в своей правоте и в верности им народа и армии.

Но не только среди высшего окружения Императора не было искренности, и простой народ вёл себя бессовестно. Известно, что у больного наследника был «заботливый», «любящий» несчастного малыша матрос-телохранитель Деревенько. Казалось, не будет конца их взаимной привязанности. Матрос носил Наследника на руках, оберегал от неожиданных травм, дети матроса часто приглашались играть с Алексеем. Деревенько почти всю жизнь несчастного ребёнка был рядом с ним. Но как же притворялся обласканный Императором и Императрицей этот хитрый простолюдин!?

Искренне возмущается Анна Танеева (Вырубова): «Все думали, что Деревенько всем сердцем привязан к ребёнку. Но как мало один человек может знать другого, даже если они связаны службой более десяти лет! Я не могла даже и представить, что Деревенько был готов предать своего господина при первом случае. Когда началась революция, Деревенько был первый приверженец нового и сразу же покинул своего подопечного. В первые дни революции, когда я зашла в детскую комнату, Деревенько сидел, развалившись в кресле, руки в карманах и приказывал Наследнику оказывать ему всевозможные услуги. Мальчик был в совершенном недоумении. Всё же он выполнял приказы Деревенько, его “дядьки”, его слуги, совершенно не понимая, почему роли поменялись»[2]. Или доктор Гедройц, приближённая к Императорской Семье, обучавшая Императрицу и Великих княжон на курсах сестёр милосердия. После революции она оказалась грубой, дерзкой по отношению к своим благодетелям и сразу примкнула к революционерам.

Имеются объективные причины, по которым XX в. предъявил русскому народу очередной экзамен на верность Христу. К началу царствования Николая II общество требовало перемен, не осознавая их вероятных последствий. Власть, пытаясь бороться с террористами-

---

[1] Анна Танеева — фрейлина Государыни // под ред. И. Вихерюури. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 152–153.

[2] Там же. С. 156.

одиночками, с революционерами-подпольщиками, недопонимала, что происходит идейная трансформация целых слоёв общества. «В первом десятилетии XX века **отречение большей части образованного общества от русской духовности, традиций достигло таких масштабов, что можно смело говорить об отречении от исторической государственности. В таких условиях русский Царь как Помазанник Божий становится непонятным и ненужным** (выд. авт. ст. — *М. К.*). И это в ситуации, когда в царствование Императора Николая II Россия достигла невиданного материального расцвета»[1].

«Да будет воля Твоя»

Остановитесь и познайте, что Я — Бог:
буду превознесён в народах, превознесён на земле.
(Пс. 45:11)

Каждый из православных русских Царей династии Романовых прославил себя подвигами: кто военно-стратегическими, кто политическими, кто в социально-государственном устроении страны. Николай II отличился на всех выше перечисленных поприщах, но с детства чувствовал своё особенное предназначение, свою жертвенную миссию, в тяжёлые для России времена говорил: «Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия!». Может, это убеждение было связано с днём рождения старшего сына Императора Александра III? Николай Александрович родился 6 мая (19) 1868 г., в день памяти святого и праведного Иова Многострадального. С детства отличавшийся волевым характером, достойным самообладанием, сдержанностью, чувством долга, стремящийся заслужить любовь своего народа, Николай Александрович Романов сохранил все эти качества на всю жизнь. Став российским Императором, он свято соблюдал обет Помазанника Божия, то есть властителя, ставящего волю Божию, жизнь по Заповедям выше своего желания и обстоятельств. Православный воцерковленный человек, Николай II был убеждён, что лишь в Божией воле, которую надо уметь услышать и которой следует подчиняться, можно быть по-настоящему свободным, что Россия может быть свободной лишь устроенная и живущая в согласии с Божиим Промыслом. И в этом своём убеждении был непреклонен последний русский Царь, видимая сдержанность и сми-

[1] *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. М.: ФИВ, 2013. С. 71–72.

ренность которого была истолкована многими далёкими от церковной жизни современниками как слабость, как нерешительность. Хотя в это же время президент Французской республики Лубэ, человек умный и проницательный, так отзывался о русском Императоре: «Он предан своим идеалам, он защищает их с трепетом и упорством; у него задолго продуманные планы, которые он постепенно осуществляет... Царь обладает сильной душой и мужественным непоколебимо верным сердцем. Он знает, куда идёт и чего хочет»[1].

Не такая свобода ценилась в высших российских кругах. Многим представителям аристократии, промышленникам, политикам и государственным деятелям хотелось лишь свободы беспрепятственного обогащения за счёт государства и народа, свободного подчинения законной власти своим корыстным интересам, многие понимали свободу как вседозволенность. Руководствуясь этими принципами, большая часть русской элиты стала благодатной почвой для пропаганды интересов западных стран, мечтавших о слабой России, понимавших, что она может стать таковой лишь при уменьшении влияния Православной Церкви и уничтожении Самодержавной власти, и накинулась с клеветой и ложными обвинениями на Николая II и его Семью. В аристократических салонах и либеральных кругах создавались такие сплетни, о которых английский атташе при Ставке генерал сэр Вильямс после общения со своим соотечественником, проведшим в столице всего 24 часа и передавшем всё, о чём наслышался, сказал так: «...он дал мне о Государе такой отзыв, что я подумал, что он эти часы провёл в помойных ямах Петрограда, ибо иначе он нигде не мог собрать сведений более лживых, несправедливых и столь же ошибочных, как и злостных»[2].

В подтверждение звучат слова Анны Танеевой (Вырубовой), двенадцать лет бывшей в свете, вблизи Императрицы Александры Фёдоровны: «Когда я вспоминаю все события того времени, мне кажется, будто Двор и высший свет были как бы большим сумасшедшим домом, настолько запутанно и странно всё было. Единственно беспристрастное изучение истории на основании сохранившихся документов сможет внести ясность в ту ложь, клевету, предательство, неразбериху, жертвами которых, в конце концов, Их Величества оказались»[3].

---

[1] Николай II и революция / под ред. С. Фомина. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 40.

[2] Там же. С. 42.

[3] Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюури. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 321.

Показательны слова философа Василия Розанова, который, находясь в своих трудных исканиях и заблуждениях, не будучи монархистом, восклицал, отбиваясь от идейных соблазнителей: «Почему вы пристали к душе моей и пристали к душе каждого писателя, что он должен НЕНАВИДЕТЬ ГОСУДАРЯ. Пристали, как шакалы, воющие у двери. Не хочу я вас, не хочу я вас...»[1]. В первую очередь в «заслугу» соотечественникам можно поставить успехи по дискредитации Самодержавия в среде русского народа и в рядах солдат, несущих тяготы мировой войны. Именно там эти предательские, антипатриотические усилия дали свои ядовитые, по сей день не увядшие всходы.

Что сегодня простой народ знает о военных, политических и социально-культурных достижениях в царствование Николая II? Что всё было плохо! Но это не соответствует действительности. Можно спорить о мнениях, оценках, но не о фактах и цифрах, многим неизвестных и сегодня. К 1914 г. население Российской империи возросло со 129 млн (по переписи 1897 г.) до 178 млн человек. По данным Энциклопедии Брокгауза и Эфрона за двадцать два года царствования Государя Николая Александровича была начата и отчасти осуществлена величайшая аграрная реформа, которую когда-либо знала история, стабилизована национальная монета установлением золотой валюты, разработано и установлено народное представительство, в международной области — взята инициатива учреждения международного Гаагского суда, действующего и поныне. Добавим к этому, что за двадцать два года правления Николая II экономическое развитие России до войны шло таким быстрым темпом, который уступал лишь США. Урожай хлебов поднялся на 116 %, добыча угля увеличилась на 400 %, нефти — на 65 %, чугуна — на 250 %, золотой запас Государственного Банка увеличился с 648 млн руб. до 2257 млн руб., большая часть страны покрылась сетью железных дорог. Государственные доходы, несмотря на Русско-японскую войну, на саботаж Государственной Думы, увеличивались темпом, неведомым ни одному другому европейскому государству: если в 1867 г. они составляли 415 млн руб., то в 1913 — 3417 млн руб., причём ко времени начала войны оставались значительные излишки после покрытия текущих и чрезвычайных расходов. Россия могла позволить себе щадящие налоги.

Россия преуспевала не только экономически. За время царствования Николая II смета Министерства народного просвещения возросла с 25 млн руб. до 161 млн рублей. Число учащихся в начальных учебных

[1] Цит. по: *Шафаревич И. Р.* Трехтысячелетняя загадка. СПб.: Библиополис, 2002. С. 153.

заведениях увеличилось на 159 %, в средних — на 264 %, в высших — на 433 %. Нигде в мире женское образование не стояло так высоко, как в императорской России. Нужно ли говорить о достижениях русской науки, русской культуры?!

А вот факты из военной сферы: героическое наступление русской армии, которое спасло Париж в 1914 г., преодоление бедствия отступления без снарядов, постепенное восстановление сил, яркие победы, вхождение России в кампанию 1917 г. непобеждённой, более сильной, чем ранее. По данным из монографии М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти», «несмотря на войну, продолжается быстрое экономическое развитие России. В 1914 г. русская экономика составила по сравнению с 1913 г. — 101,2 %», в 1915 — 113,7 %, в 1916 — 121,5 %».

Страстно и доказательно сегодня возражает историкам-мошенникам и «февральским преступникам», посеявшим миф о революционной ситуации, и наш современник, писатель, публицист, военный историк Кавад Раш. В своей книге «Русский выезд» он приводит высказывания англичанина Мориса Беринга, который несколько лет провёл в России. Вот что писал иностранный исследователь накануне Первой мировой войны: «Не было, пожалуй, никогда такого периода, когда Россия более процветала материально, чем настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось, меньше оснований для недовольства... У случайного наблюдателя могло явиться искушение воскликнуть: “Да чего же большего ещё может желать русский народ?!”»[1].

Статистика того времени даёт удивительные цифры экономического роста, экономика — поразительные факты. Оказывается, к 1913 г. рост промышленности был таков, что позволил заложить уже тогда ДнепроГЭС, Байкало-Амурскую магистраль, осуществлялся проект Урало-Кузбасса, закончен проект Транссиба, готовилась прокладка каналов Рига–Херсон и Кама–Иртыш. До 1917 г. в императорской России создано 34 авиационных предприятия с десятью тысячами занятых на них рабочих и основано 13 авиационных школ, создана победоносная военно-морская авиация. В начале 1916 г. правительство учреждает отпуск кредитов на строительство шести автомобильных заводов-гигантов — пяти частных и одного государственного. Инициатива исходила от Царя. К началу 1917 г. заводы, для которых в США закуплены совершенные станки, в основном возведены. Разве не к славе русского Самодержца вся эта статистика, все эти начинания, многие из которых присвоили большевики себе?

---

[1] *Раш К.* Русский выезд. Омск, 2007. С. 18.

Разве не к славе Царя его нежные отношения в кругу боголюбивой семьи? Разве не в радость его красивые добрые дети, так любящие свою Россию, что старшая дочь Ольга Николаевна отказалась от брака с принцем Ка́ролем, будущим королем Румынии, лишь бы не расставаться с Родиной, не менять веру? И все остальные сестры клялись, что никогда не изменят Православию, пусть даже вообще не пойдут замуж. А матушка-Государыня! Не было причин такого непочтительного к ней отношения высшего общества. В начале войны возникли безосновательные подозрения, что она, якобы, на стороне немцев. Её называли «немкой», как в своё время Марию Антуанетту назвали «австрийкой». Но никто не удосужился принять к сведению, что Александра Фёдоровна никогда не любила своего двоюродного брата, кайзера Германии Вильгельма. У неё не было никакой переписки с Германией во время войны, за исключением того случая, когда кайзер попросил её позаботиться о содержании немецких военнопленных, которые находились в России в ужасных условиях, и упрекнул в непатриотичном поведении русскую Императрицу по отношению к её бывшей родине. Она была противницей войны, в уверенности, что война принесёт неисчислимые бедствия России.

Государыня своё служение понимала, прежде всего, в исполнении долга матери и жены. Она не любила ни роскоши, ни блеска, была рав-

Венценосная Семья

нодушна к туалетам настолько, что камеристкам приходилось ей напоминать о необходимости заказать новые платья. Александра Фёдоровна могла носить одно и то же платье годами, во время войны она не заказала себе ни одной принадлежности туалета. Детей воспитывала строго, учила их быть нетребовательными, дети носили скромные хлопчатобумажные одежды, друг за другом донашивали вещи. Государыня распоряжалась сравнительно большими средствами, но тратила их не на себя, а на благотворительные цели, так что иногда не оставалось средств на необходимый новый наряд для особого торжества.

У Государыни был тонкий изысканный вкус, художественное чутьё, даже директор Императорского фарфорового завода приходил к ней за новыми идеями, показывал образцы готовой продукции. Императрица была покровительницей ряда учреждений, в том числе Школы народного искусства, где обучались кустарному ремеслу крестьянские девушки, бывало вместе с ними, встав на колени, она делал чертежи к коврам.

Народ любил Императрицу. Она часто ездила по уездным городам, деревням, монастырям. За несколько месяцев до революции Государыня была в Новгороде. В маленьком монастыре она посетила старицу Марию (Новгородскую) (1808–1917). Когда Императрица подошла к старице, та воскликнула: «Вот идёт мученица, Царица Александра!». Императрица Александра очень любила Россию, страну, где родились её дети, землю её возлюбленного мужа и любившего её народа. Невозможно поверить в какие-либо происки против России Государыни, которая незадолго до смерти, в письме из Тобольска 10 декабря 1917 г., пишет такие проникновенные слова. «Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребёнка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать из моего сердца любовь к России, несмотря на чёрную неблагодарность к Государю, которая разрывает моё сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!»[1]. Но злостная клевета упорно ползёт по городу, потоки грязи льются из великосветских салонов так густо, что брызги летят до самого царского дворца. Почему разлилась тёмная «сила беззакония», которая вновь схлестнулась с Удерживающим от неё, с Помазанником Божиим, и на этот раз временно победила?

Вероятно, в Самодержавном здании, ведущем счёт своим летам от Руси Святой, образовался ущерб или трещина, которая ослабила его

[1] Цит. по: Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюури. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 337.

вековую крепость. Много тому во все времена могло быть причин. Но одной из главных следует считать постепенное подчинение Церкви государству и подмену объединяющей все народы и слои общества национальной духовной идеи только идеей государственной — идеей Империи. Православная Церковь всегда была защитницей и хранительницей нравственно-религиозного идеала Святой Руси-России, предполагающего, что «взаимоотношение государственной и церковной власти характеризуется симфонией, параллелизмом самобытных по существу и происхождению власти Царя и Патриарха. Божественные каноны, являющиеся законом Божиим, требуют безусловного подчинения всех христиан, в том числе и царей. Судьёй того, грешит Царь или нет, является духовенство»[1]. Но первый российский Император Пётр I увидел по-своему взаимоотношения Церкви и государства в Империи, что отразил в своей книге «Правда воли монаршей» главный идеолог духовной революции Феофан Прокопович. Эти взаимоотношения можно тезисно сформулировать так: «Государство обладает верховенством, а потому всякая иная власть (включая церковную) верховенством не обладает и юридически подчиняется государственной власти. Верховная государственная власть повинуется только Богу и никаким человеческим нормам, в том числе и церковным канонам. Судьёй того, соответствует ли её решение воле Божией или нет, является сама Верховная власть»[2].

Между взаимоисключающими идеологическими полюсами оказалась Россия, ослабевающая в непрекращающемся конфликте национально-религиозного идеала и идеи Империи, в конфликте интересов этноса, нации и государства, метущаяся над всё расширяющейся духовной пропастью, постепенно заполняющейся тёмной «силой беззакония» вследствие всё возрастающей национальной разобщенности. Николаю II, находящемуся ближе многих к идеалам Святой Руси, было трудно, даже невозможно привычными, *от мира сего* способами восстановить единство русского общества, с одной стороны бесцельного, злостного, утопающего в роскоши, жадного до сенсаций, с другой — замученного непосильным трудом, непрестанно жертвующего Родине своих сыновей. Однажды Царь предложил спасительный выход из создавшейся ситуации — избрать его Патриархом. Но это предложение было встречено в Святейшем Синоде молчанием. И тогда не столько

---

[1] *Экономцев Иоанн.* Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992. С. 142.

[2] Там же.

понимая, сколько чувствуя последнюю и единственную возможность спасения возлюбленной России — принесением себя в жертву, Помазанник сознательно довёл до праведного конца подвиг своей жизни.

Когда сегодня многие рассуждают о том, что было бы, если бы Царь спасся, как бы сложилась его судьба в эмиграции, какие более решительные меры можно было предпринять и т. п., удивляешься, как они не понимают, что Николай II пришёл на эту землю не для того, чтобы утопить Россию в крови гражданской войны или прятаться в чужеземных дворцах, но чтобы вместе с ней пережить страшные испытания и не получить за них вознаграждения на этом свете во имя того, чтобы над Россией не закатился Свет Вечный. И вся его Святая Семья, составлявшая единое целое, тоже уверовавшая в необходимость жертвы, выживи, не смогла бы существовать отдельно от своего главы. «Когда ты будешь сгибаться под тяжестью креста, возложенного на тебя Господом Богом, подними свои очи к Нему, мой единственный обожаемый, и Он тебя утешит, ибо мы смертные, слишком слабы, и трудно сказать: "*да будет воля Твоя*", если сердце разрывается от большого горя», — писала мужу задолго до трагических событий Императрица. Сказать было трудно, но легко оказалось страдать и умереть, повторяя «да будет воля Твоя».

О подобном богоугодном отречении, как о высшем познании Бога, говорится в Книге Псалмов: «Остановитесь и познайте, что Я — Бог: буду превознесён в народах, превознесён на земле» (Пс. 45:11). Вот как поясняет эти слова преподобный Максим Исповедник. «Существует шесть видов упразднения, достигая которых, мы можем познать Бога. Первое есть упразднение от осуществления греха, второе — от разжигающей пищи, третье — от места средоточия живущих в беспечности, четвёртое — от поведения, не подобающего для богоугодной жизни, пятое — от жизни [полной] ссор и пересуд и влекущей ум ко множеству предметов, шестое — совершенное отсутствие собственной воли. И это есть истинное и богоугодное отречение и повиновение»[1]. В соответствии со всеми этими шестью правилами жил Император Николай II, недосягаемый в своей духовной высоте и оболганный современниками. Познавая Бога, в этом невероятно трудном «богоугодном отречении» и «повиновении» осознанно страдали и умирали все члены Святой Семьи, безропотно принимая Божию волю.

---

[1] *Максим Исповедник, преподобный.* Вопросы и недоумения: Пер. с древнегреч. Д. А. Черноглазова; науч. ред. Г. И. Беневич; отв. ред. Д. А. Поспелов. М.; Святая гора Афон: Никея, 2010. С. 208–209.

Чёрная месса революции

И сказал Господь Самуилу:
послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе;
ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня,
чтоб Я не царствовал над ними;
(1 Цар. 8:7)

Духовно-мистическое содержание присуще всей жизни Николая II. Особенно оно проявилось в трагические дни «отречения» и в последовавшие за ним мучительные месяцы плена. Государь был мужественно смиренен, понимая, что именно ему выпало доля претерпеть во спасение русского народа от погибели, подобающей за отречение от Бога и от Его Помазанника. Это спасение предполагало жертву, оно не стало бы возможным, если бы Царь озаботился собственной безопасностью. Помазанник не стал умолять Господа не только о том, чтобы посланы были ему двенадцать легионов воинов, но не молил даже и о 12-ти не изменивших присяге верных ему офицеров или солдат. Он знал о пророческих писаниях Авеля-прорицателя, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского. Знал, что такова воля Божия. Блаженная Матрона Московская (1881–1952), будучи ещё ребёнком, попросила у матери куриное перо, общипала его исказала: «Вот так обдерут Царя-батюшку». Позже говорила об Императоре: «...Принудили. Пожалел народ, собою расплатился! Зная вперёд путь свой».

Подрывная деятельность врагов России и атеистическая пропаганда были настолько сильны и повсеместны, что отход русского общества от Бога и Церкви совершился быстро и неожиданно, хотя подготавливался многие годы. И как в многочисленных случаях богоотступничества древнего Израиля, о которых мы читаем в Библии, так и болезнь России не могла быть уврачевана обычными средствами. Ради вразумления и исправления Бог предавал израильтян в руки неверных. Та же участь постигла и нас в начале XX века.

Император Николай II принёс себя в жертву с надеждой, что это спасёт русский народ от кровопролитной гражданской войны, на которую на протяжении нескольких десятилетий настойчиво и умело провоцировали различные по своему статусу и положению агенты западного капитала. Царь понимал, что, подними он восстание, это вызовет братоубийственную гражданскую войну и неизбежное поражение России в мировой войне. У Ленина была диаметрально противоположная цель, и он действовал по схеме: мировая война — революция — гражданская война. В 1913 г. Ленин писал Горькому, как своему единомышленни-

ку: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»[1].

Русский Царь, почти тысячу лет спустя, в XX в. совершил святой подвиг, подобный подвигу первых русских святых Бориса и Глеба, совершённому в XI веке. Подвиг святых братьев имел важное государственно-политическое значение, они сознательно приняли смерть, но не подняли руку на старшего брата, стремящегося к власти, не допустили кровопролитных междоусобных распрей. Их подвиг имеет символичный христианский смысл. Выбрав смерть, Борис и Глеб не преступили Господних заповедей, стали образцом христианского благочестия и смирения. Они стали главными заступниками за Русскую землю, не допустив обагрения её кровью сородичей. Как говорит неизвестный автор «Сказания о Борисе и Глебе»: «Не знаю... какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарёк бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим»[2].

Много исторических аналогий событиям начала XX века. В своё время царь Иоанн Васильевич Грозный оказался в ситуации, подобной нами рассматриваемой. Он, будучи глубоко религиозным человеком, услышал голос Божий и совершил подвиг личного самоумоления, самоуничижения, оставив Царский Престол ради вразумления согрешивших людей его Царства. На самом деле Царь не отрёкся и не оставил свой Престол, но унёс его с собой вдаль от непокорных людей. Он не отрёкся от Святого Миропомазания, но ушёл по велению Божию подальше от людского греха против Духа Святаго. Митрополит Петербургский Питирим (Окнов) говорит: «Помазанник Божий Государь есть орудие воли Божией, а эта воля не всегда угодна людям, но всегда полезна им». Иоанн Васильевич исполнил волю Божию, наказав взбунтовавшийся народ уходом от управления ими и, как видно из истории, вскоре за искреннее раскаяние людей вернулся на Царство в Москву.

Но в России XX в. такого народного раскаяния не случилось. ***И Николай II, помазанный Святым Миром на Царство, даже пленённый,*** был опасен новым руководителям государства, узурпировавшим власть, и их заграничным кукловодам. Кроме получения выгод, здесь явно присутствует и религиозно-мистический фактор. Поэтому, для укрепления своего положения в захваченной России, узурпаторам власти ***необходи-***

---

[1] http://n–lenin/livejournal.com/3320.html

[2] Цит. по: *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. С. 155.

мо было убийство с элементами религиозного ритуала Помазанника и всей Семьи. Кроме того, насильственный захват власти и убийство Царя прервали процесс развития русского народа по законам Божиим. В настоящее время это очевидно. Казалось бы, зачем надо было Императора и его Семью арестовывать, если он был полностью отстранён от власти и от политической деятельности. Прот. С. Н. Булгаков вскоре после февральских событий писал: «У меня была смерть на душе... А между тем кругом всё сходило с ума от радости..., брехня Керенского ещё не успела опостылеть, вызывала восхищение (а я ещё за много лет по отчётам Думы возненавидел этого ничтожного болтуна)... Я... знал сердцем, как там, в центре революции ненавидели именно Царя, как там хотели не конституции, а именно свержения Царя... Всё это я знал вперёд и всего боялся — до цареубийства включительно — с первого же дня революции, ибо эта великая подлость не может быть ничем по существу, как цареубийством, которое есть настоящая **чёрная месса революции** (выд. авт. ст. — *М. К.*)»[1].

Временное правительство во главе с Керенским, не первый год возглавлявшим масонскую ложу «Великий Восток Народов России», получило власть распоряжаться судьбой Помазанника Божия и его Семьи и пленило их. Но Царь ещё оставался Удерживающим от разгула демонических сил. Русское Самодержавное Царство или наследственно-преемственная власть Русских Царей, по толкованию древних и новых Отцов Церкви, есть не что иное как «Удерживающий»: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь (2 Фес. 2:7). С его отъятием от среды, по словам ап. Павла, связано пришествие в мир человека беззакония, сына погибели, сопротивника Христа и Русского Царя, то есть антихриста. Очевидно, что враги осознавали, что русский Православный Царь, даже вдали от трона, оставался Удерживающим от тьмы беззакония, так алчущей завладеть Россией. Что он ещё остается носителем духовно-генетического благородства.

Великий князь Михаил, над которым не было совершено таинство Миропомазания на Царство, не давший окончательного согласия быть Царем, с юридической точки зрения был лишь кандидатом на трон. Потому заговорщики постарались всяческими способами помешать Царю покинуть страну. Да Государь и не помышлял об этом предательстве Отечества. Перед войной английский король Георг V писал своему

---

[1] *Булгаков С. Н.* Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. С. 313.

двоюродному брату и российскому Императору: «Да, мой самый дорогой Ники, я надеюсь, что мы всегда будем продолжать нашу с тобой дружбу; ты знаешь, я неизменен... и помни, что ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего друга». Сразу после трагических мартовских событий готовы были принять в Лондоне семью русского Императора, но 10 апреля 1917 г. под давлением определённых сил Георг V взял назад своё королевское слово.

«Охота на царя» дело не новое. В Византии на протяжении всей её истории служение византийского императора было самым опасным. Из 107 василевсов, правивших между 395 и 1453 гг., только 34 умерли собственной смертью. Остальные приняли насильственную смерть. Византия пережила 65 крупных дворцовых переворотов, не считая мятежей и интриг[1]. Продолжилась эта «охота» и в новой истории. На Императора России Николая II она длилась не один год, и гибель Царской Семьи нельзя назвать «революционной ошибкой». Наводит на мысль о подготовке убийства русских Монархов такое символичное событие. В 1910 г. Монаршая чета посетила с визитом Францию, которая принимала Николая II с супругой особенно торжественно. В Париже им отвели покои Марии Антуанетты и Людовика XVI. Александре Фёдоровне подарили портрет казнённой французской императрицы. Что это — случайность или предостережение сил, которые задолго до крушения русской монархии задумались об уничтожении русских монархов? И в дальнейшем есть немало совпадений.

Пётр Мультатули в своих работах, в частности в статье «Король Людовик XVI и Николай II» отмечает параллели в судьбах названных монархов. Первым делом в Тампле королевская семья была разделена, так же как и в первое время после ареста по приказу Керенского Государь Николай II и Государыня Императрица были разлучены в Александровском дворце. Обоим императорам были даны прозвища. Людовика XVI прозвали Луи Капет, хотя он был из династии Бурбонов и к Капетингам отношения не имел. Но Филипп IV Капетинг покончил с тамплиерами и их магистром Жаком де Моле (Капет по-гречески означает «конец», «могила», на еврейском — «капорес» — заместительная жертва, само жертвоприношение. Заместительная кровавая жертва, начиная с жертвоприношения Авраама, положена в основание всей ветхозаветной системы богослужения), а Новый Завет отменил кровавые жертвы. Вероятно, в случае с французским монархом именно это прозвище символизировало ритуальный смысл его убийства. Марией «Кровавой»

[1] *Козлов Николай (Щедрин А. А.).* Царская жертва. М., 2010. С. 138–139.

слыла рьяно защищающая католичество королева Шотландии Мария Стюарт. Подобно этой аналогии, Государю Николаю II борцами с Православием было присвоено символичное, связанное с кровавой жертвой определение «Кровавый».

Употребление эпитета «кровавый» по отношению к какому-либо лицу имеет магический механизм подобия, заключающийся в перенесении свойств одного предмета на другой, в данном случае отрицательных. «Пароль “человек кровей” употреблялся в Средние века для травли неугодных “жидовству” монахов»[1]. Под «жидовством», согласно ап. Павлу (Гал. 1:13–14) «разумеется иудейство покривленное, в котором и главное понятие об иудействе покривлено..., противное Церкви Божией»[2]. Прозвище «кровавый» было присвоено Николаю II революционной прессой после Кровавого воскресенья, которое, так же, как и Ходынка, было спланировано и умело спровоцировано революционными провокаторами для подрыва веры народа в Царя-батюшку.

Надо заметить, что первым всё-таки принял решение об аресте Государя Совет рабочих и солдатских депутатов, так им не терпелось расправиться с исконной Россией. Уже на следующий день после отстранения Царя от власти Исполнительный комитет Петроградского Совета принял решение арестовать семью Романовых и предложил созданному накануне Временному правительству произвести арест, совместно с Советом рабочих депутатов. Временное правительство дало распоряжение об аресте Николая II и его супруги не сразу, а только 7 марта. 8 марта исполком Петросовета постановил арестовать всю Царскую Семью. С 9 марта Император с Семьей находился под арестом в Царском Селе, где супруги были разделены и могли видеться только за трапезой. Постановление об аресте не имело никакого законного юридического обоснования, так как ему не предшествовало никакое судебное расследование. Однако 4 марта правительство создало Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Комиссия предприняла большие усилия с целью выявить документы, свидетельствующие о противозаконной, антигосударственной деятельности бывшего Государя и его супруги. Предполагалось предать их суду по обвинению в государственной измене. Следственная комиссия не добыла ничего, что подтверждало бы обвинение. Но вместо того, чтобы осво-

---

[1] *Козлов Николай (Щедрин А. А.).* Царская жертва. М., 2010. С. 9.

[2] *Феофан, епископ.* Толкование на послание ап. Павла к Галатам. М., 1893. С. 89.

бодить невиновных узников, Временное правительство 1 августа 1917 г. отправило Царскую Семью в ссылку в Тобольск.

И большевики, вскоре пришедшие к власти, не нашли за что судить Императора, и не стали проводить открытый процесс, который был бы не в пользу новой власти. Решением ВЦИК весной 1918 г. Николай II с Семьей был переведён в Екатеринбург. Современные историки подвергают сомнению версию непричастности большевистских лидеров к убийству Царя, основанную на отсутствии подтверждающих архивных документов. Романовых большевики убивали именно в том порядке, в котором они могли занять пустующий русский трон. Хронология соблюдалась строго. Михаил Романов являлся основным претендентом на трон, и убит он был из Романовых первым.

Сегодня уже известно, что в 1922 г. следователю Н. А. Соколову с помощью специалиста по шифрам удалось прочитать телеграфные сообщения, которыми большевистские вожди обменивались перед убийством Царской Семьи. Телеграфные ленты они не успели уничтожить в спешном отступлении, когда Екатеринбург занимали отряды Белой армии. Из одного из этих сообщений становится видно, что Свердлов связывался с Юровским и передал приказ, подписанный Шиффом, о необходимости «ликвидировать всю семью». Приказ этот был передан в Москву через Американскую миссию, находившуюся в Вологде. Через эту миссию передавались и ответные сообщения.

«Свердлов подчеркивал в своём разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме него, Свердлова, обо всем этом неизвестно, и что он в таком же порядке передает приказание “СВЫШЕ” — ему, Юровскому, для исполнения. Юровский, по-видимому, не решается сразу привести в исполнение этот приказ, но на следующий день он вызывает к аппарату Свердлова и высказывает своё мнение о необходимости убийства лишь ГЛАВЫ СЕМЬИ — последнюю же он предлагает эвакуировать. Свердлов снова категорически подтверждает приказание убить ВСЮ семью, выполнение этого приказа ставит под личную ответственность Юровского»[1].

Джейкоб (Яков) Шифф — зловещая личность русской революции. Этот американский банкир родился в Германии в семье раввина, получил превосходное религиозное и светское образование. Наоми Коэн, биограф Джейкоба, называла отношение Шиффа к царской России своего рода «личной войной, продолжавшейся с 1890-х до 1917 года,... которая с годами усиливалась и превращалась во всепоглощаю-

[1] *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 323.

щую страсть. <...> Банкир настойчиво сравнивал положение евреев в России с библейской историей Египетского исхода, а себя самого видел новым Моисеем. <...> Именно крестовому походу против России обязан Шифф своим возвышением на невиданную прежде для еврейского лидера высоту»[1]. После Февральской революции отношение Шиффа к России изменилось — он приветствовал Временное правительство, отменившее вероисповедные ограничения, и обеспечил финансовую поддержку его военного займа.

Символичную антропонимическую особенность отмечает Пётр Мультатули: со времён казни магистра ордена Тамплиеров Жака де Моле, казнённого по приказу короля, самые крупные антимонархические организации как во Франции, так и в некоторых других странах, носят имя Якова, начиная с Жакерии и заканчивая якобитами в Англии и якобинцами во Франции. В России с именем Якова связаны имена главных цареубийц — Якова Юровского, Якова Свердлова и Якова Шиффа (по совпадению ли?). Известный факт, что якобинцы на тайных заседаниях, со словами «Великий учитель будет отмщён!» отрубали кукле короля голову. «Мотив отмщения прослеживается в переименовании Вознесенской площади в Екатеринбурге, на которой стоял дом Ипатьева, в площадь “Народной мести”»[2]. Наводит на мысль, что в Екатеринбурге было совершено ритуальное убийство, перечень предполагаемых новых имён этого города, который большевики хотели назвать Красноград, Реваншбург, Местеград. Но он почти на век стал Свердловском.

Тайно, по распоряжению «СВЫШЕ» в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге без суда и следствия, якобы только по решению президиума Уралсовета и коллегии Уральской ЧК, были уничтожены все члены Царской Семьи — Император Николай Александрович, его супруга Александра Фёдоровна, Наследник Цесаревич Алексей, Великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, их слуги и сопровождавшие — лейб-медик Е. С. Боткин, лейб-повар И. М. Харитонов, камер-полковник А. Е. Трупп, комнатная девушка А. С. Демидова. Всего 11 человек. В тот же день ВЦИК и Совнарком получили телеграмму из Екатеринбурга с уведомлением о состоявшейся казни, которую по всем нравственным и юридическим нормам следует называть только — убийством. Казнят после суда преступников, вина которых или очевидна, или доказана. Император был предательски убит за то, что являлся Православным русским Царем и верой и правдой служил

[1] Naomi Wiener Cohen, 1999. С. 124, 126.

[2] *Козлов Николай (Щедрин А. А.).* Царская жертва. М., 2010. С. 141.

Богу и России. Помимо Семьи Николая II новая власть расправилась со всеми членами Дома Романовых, оставшимися в России, за исключением Великого князя Николая Константиновича, умершего в 1918 г. в Ташкенте, и двух детей его сына, доживших в Москве до 90-х годов. И никто членов Царской Семьи не защитил. И на защиту своего Императора Россия не встала, не оказалось слаженности и единомыслия и у немногочисленных защитников монархии. Не выступили они таким же монолитным фронтом, не нашлось красноречивых защитников идеи, как, например, у большевиков. Вспоминается такой факт, касающийся депутата IV Думы от питерских рабочих А. Е. Бадаева, который в сентябре 1913 г. был приговорён к шестидневному заключению за неповиновение полиции. На его защиту встали депутаты большевистской фракции, заявив, что если власти арестуют Бадаева, то все заводы Петербурга и не только Петербурга приостановят работу — весь пролетариат готов был оказать поддержку своему депутату. Полиция так и не решилась арестовать Бадаева. Такой поддержки у оболганного и свергнутого Императора не было. И он был убит вместе со своей Семьей с молчаливого согласия русского народа.

“Belsatzar ward in seibier Nacht
Von seinen Knechten umgebracht”

До сего времени рассматриваются разные подоплёки убийства, остается много неясного, специально скрытого. Одним из первых попытался найти истину судебный следователь по особо важным делам армии Колчака, бывший надворный советник, убеждённый монархист Николай Соколов. 3 марта 1919 г. ему была вручена следующая охранная грамота:

«Верховный правитель России.
3 марта 1919 года.
№ 588/Б 32, город Омск.
ВСЕМ
Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования судебного следователя по особо важным делам Н. А. Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве бывшего императора, его семьи и великих князей.
Адмирал А. Колчак.

Исполняющий обязанности директора канцелярии Верховного правителя генерал-майор В. Мартьянов»[1].

4 марта 1919 г. Н. А. Соколов выехал в Екатеринбург, где проводил следствие до 11 июня 1919 года. Осмотрел место убийства, находил очевидцев, допрашивал свидетелей. К сожалению, дело попало в руки Соколова с большим опозданием, из-за чего немало следов и деталей преступления было утеряно и искажено. Соколов организовал поисковые работы, распространившиеся на много километров вокруг, им было обследовано 29 шахт. После этого следователь сделал вывод: императорская семья была убита, трупы расчленены и сожжены при помощи керосина, а обугленные останки уничтожены серной кислотой. Он обнаружил и Алапаевский жертвенник.

В конце февраля 1919 г. некоторые следственные материалы были опубликованы в омской газете «Заря». После захвата Екатеринбурга красными 15 июля 1919 г. Соколов продолжил свою работу, во время отступления белых он проводил допросы свидетелей и экспертизы, понимая, что надо было спасать следственные материалы. Через Харбин Соколов добрался до Парижа. Здесь он подготовил отчёт для вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны, матери Николая II, и восемь томов дела для передачи в суд. Но 23 ноября 1924 г., в садике у своего французского дома, следователь Николай Алексеевич Соколов был найден мёртвым, ему было 42 года. Согласно официальной версии, смерть наступила от разрыва сердца, однако её обстоятельства вызвали немало кривотолков (например, сообщалось, что он погиб и от отравления, и от огнестрельного ранения).

Следователь
Николай Алексеевич Соколов

Непосредственный начальник Н. А. Соколова, генерал Дитерихс, назвал убийства

[1] Цит. по: «Совершенно секретно», № 38/367. *Нечаев С.* Он слишком много знал.

Царской Семьи «особо исключительными по зверству и изуверству, полными великого значения, характера и смысла для будущей истории русского народа».

Много сторонников у версии «ритуального жертвоприношения» Удерживающего Православной цивилизации, разработанной следователем Соколовым. Против ритуальной версии выступает старший прокурор-криминалист Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ Владимир Николаевич Соловьёв. Уголовным делом по убийству Николая II и его Семьи он начал заниматься с 1993 г., когда оно было возбуждено в связи с найденным под Екатеринбургом захоронением с останками девяти человек. Потребовалось опознание, а для этого — разносторонние экспертные работы, к которым следователь привлекал учёных и других квалифицированных специалистов, в том числе иностранных. В 1998 г. комиссия под руководством вице-премьера России, покойного ныне Бориса Немцова, признала девять найденных под Екатеринбургом, в Поросёнковом логу, человеческих останков — останками членов Царской семьи и Царских слуг. До сих пор абсолютной уверенности в том, что это останки Святой Семьи нет, очень уж политизировано было в то время это дело, находящееся под личным контролем Ельцина, в свою очередь находившегося под полным контролем западных «покровителей» и советчиков. В том же году в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга состоялись торжественные похороны, представленные как захоронение останков членов Царской Семьи. Тогда уголовное дело было прекращено, а вновь возобновлено уже в 2007 г., когда неподалеку от основного захоронения местные поисковики

По настольнымъ реестрамъ:
1) Судебнаго Слѣдователя № 20-1919 г.
2) Прокурора Суда №
3) Прокурора Судебной Палаты №

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ,
ПРОИЗВЕДЕННОЕ
Судебнымъ Слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ Н. А. СОКОЛОВЫМЪ
по дѣлу

Начато 7 февраля 1919 г.
Окончено 19 г.

Обложка следственного дела Н. А. Соколова по убийству Николая II

нашли фрагменты ещё двух человек, по предположению — сына и дочери Николая II. И опять следствие по этому делу с участием многих экспертов, завершённое постановлением от 15 января 2009 г., вёл Владимир Николаевич Соловьёв.

Это расследование важно не столько в установлении причины зверского убийства, сколько в воспроизведении картины преступления и выявлении преступников. Вот, что говорит следователь: «С точки зрения закона обсуждение вопроса о “ритуальных убийствах” некорректно, поскольку существующее российское уголовное и гражданское законодательство не знает такого понятия. Российскому законодателю до 1917 г. также не было известно такое юридическое понятие, хотя существовали неоднократные попытки проведения процессов об убийствах как о преступлениях “ритуальных”. Нам не известно ни об одном следственном деле или судебном процессе о “ритуальных убийствах”, возникшем после октября 1917 года. Характерно, что такие процессы не проводились даже в фашистской Германии, где евреи преследовались повсеместно» <...>

Следователь Соловьёв подтверждает свою уверенность рядом рассуждений и доказательств. «Имело ли место ритуальное убийство семьи российского Императора Николая II? Следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколов по поручению адмирала А. В. Колчака в феврале 1919 г. возглавил следствие по убийству российского Императора Николая II, членов его семьи и слуг. Установив факт гибели всех членов царской семьи, Н. А. Соколов большое внимание уделил доказательствам, связанным с умыслом на уничтожение Романовых. В 1920-е гг. он пришёл к выводу о том, что причины гибели семьи кроются не только в действиях непосредственных исполнителей смертного приговора, но и в процессах, отнесённых во времени на отдалённый от 1918 г. срок. По мнению Н. А. Соколова, высказанному в частном письме, “за много лет до революции возник план убийства, имеющий целью разрушение идеи монархии. ...Распутин был центром немецкой агентуры. В последние годы его жизни он являлся орудием в руках организации, носившей наименование зелёных. Её центром был Стокгольм. Организация эта умышленно толкала волю Распутина во все главные акты верховной власти. Путём пропаганды она же сама подчеркивала эти факты в России и за границей, дискредитируя власть монарха”. Большую разрушительную роль при этом, по мнению Н. А. Соколова, М. К. Дитерихса и Р. Вильтона, играли еврейские круги в лице А. С. Симановича, Манасевича-Мануйлова и других. В кругах,

близких Н. А. Соколову, М. К. Дитерихсу и Р. Вильтону, влиянию евреев приписывали решение о расстреле царской семьи. Генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу представлялось, что большевики создают в России некое "еврейское царство". <...>

Версия об "отрезанных головах" разрушена в ходе расследования уголовного дела № 18/123666-93, возбуждённого по обстоятельствам обнаружения останков семьи и слуг российского Императора Николая II. По заключению экспертов, останки всей царской семьи, исключая царевича Алексея Николаевича и великой княжны Марии Николаевны присутствуют в захоронении, никаких следов, свидетельствующих об отчленении голов, нет. <...> Во время осмотра комнаты, где произошёл расстрел царской семьи, судьёй Екатеринбургского окружного суда Сергеевым была обнаружена надпись на немецком языке:

"Belsatzar ward in seibier Nacht
Von seinen Knechten umgebracht".

Эта надпись расшифровывается как вольное толкование стихотворения немецкого поэта еврейского происхождения Гейне: "В эту самую ночь Валтазар был убит своими слугами (холопами)". Содержание стихов взято Гейне из библейской истории, в которой царь Валтазар, унижавший израильского Иегову, был убит своими собственными слугами. Стихи описывают суверена, не еврея, который оскорбил Ветхий Завет Израиля». <...>

«Наличие на стене надписи на немецком языке романскими буквами не даёт оснований для утверждения о ритуальном характере действий инициаторов и участников расстрела. Не имеется данных об участии Гейне в каких-либо иудейских религиозных течениях. Скорее наоборот, это был крещёный ассимилированный еврей. Наличие этой надписи говорит только о том, что в комнате до или после расстрела побывал человек, знающий немецкий язык и знакомый с произведениями Гейне. Не имеется ни одного упоминания исследователей "ритуальных убийств" о том, что стихи Гейне включены в священные тексты или "ритуальные действа" евреев"» <...>

Хотя надо отметить, что Гейне были присущи очень сильные родовые национальные чувства, при том что он мог реализовать себя только как немецкий поэт. Две вещи он ненавидел более всего — немцев и христианство. Поэт придумывал для немцев клички, как, например, «Геттингенские жители разделяются на студентов, профессоров, фили-

стеров и скотов»[1]. О скотах мы ещё услышим в России во время красного террора. Гейне в письме к своему другу Сёте откровенничает: «всё немецкое мне противно. А ты, к сожалению, немец. Всё немецкое действует на меня как рвотное»[2]. Или такое откровение поэта, которое приводит крупный немецкий историк Генрих фон Трейчке: «Есть такие разновидности идей-насекомых, которые долго смердят, если их раздавить. Таково христианство. Этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?), а до сих пор отравляет нам, бедным евреям, воздух»[3].

«Время появления цитаты из стихов Гейне и “каббалистической надписи” не установлено, как и её возможные исполнители. Не исключается, что они могли быть нанесены в период с 19 по 25 июля 1918 г., уже после того, как охрана покинула дом. Жилищный комиссар областного совета Урала Жилинский вспоминал в 1934 г.: “Я хочу отметить, что после того, как совершили расстрел и был объявлен митинг (18 июля 1918 г.) ...никакого караула (в доме Ипатьева) не было... 19–20 числа там уже никого не было в этом доме, как сукно оставалось и патроны, так и лежали. Мы их тогда забрали”. В протоколе осмотра дома Ипатьева, проведённого следователем по особо важным делам Екатеринбургского окружного суда Намёткиным, отмечен факт взлома двери в доме Ипатьева». <...>

«Действия участников сокрытия и уничтожения трупов носили стихийный, вынужденный характер. Участники этих действий выбирались произвольно, без учёта их национальной и религиозной принадлежности». <...>

«Для того чтобы подтвердить или опровергнуть версию о так называемом “ритуальном убийстве”, необходимо прежде всего уяснить, что “популяризаторы” такого рода убийств понимают под ними. Ритуал, по определению, — это порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта. Для ритуальных действий характерны их строгая последовательность, повторяемость, сакральный смысл, они приурочены к определённым датам»[4]. Ничего подобного, как отмечает В. Н. Соловьёв, не обнаружено. Он считает, что с расстрелом поторо-

---

[1] Цит. по: *Шафаревич И. Р.* Трёхтысячелетняя загадка. СПб.: Библиополис, 2002. С. 104.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 105.

[4] Проверка версии о так называемом «ритуальном убийстве» семьи российского Императора Николая II и лиц из его окружения в 1918 году [Электронный ресурс]. URL: http://romanovy.narod.ru/ritual.htm

пились только по причине существования заговора по освобождению Царской Семьи. Сейчас известно, что дезинформация об этом заговоре на самом деле являлась провокацией большевиков, стремившихся получить основание для уничтожения Романовых. Существовала, как отмечает следователь, якобы вероятность и народной расправы с Царём, ведь чуть не увенчалась успехом попытка более тысячи горожан устроить самосуд во время прибытия Николая II на вокзал в Екатеринбург из Тобольска.

«Получив, по-видимому, “по причинам военного времени” санкцию на расстрел только одного царя, Президиум Уралсовета принимает самостоятельное решение о расстреле всей царской семьи и лиц из окружения. Мотивы такого решения, прежде всего, политические, не связанные с какими-либо религиозными тайными культами. Среди большевиков, принимавших такое решение, лица еврейского происхождения находились в меньшинстве. Приводимые списки национальной принадлежности членов Президиума Уралсовета (из пяти членов Президиума один еврей) и Коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии (из шести членов Коллегии два еврея), принявших окончательное решение о расстреле всей царской семьи, не дают оснований для утверждения о “доминировании евреев”. Изучение личных дел членов Уралсовета и УралоблЧК говорит о том, что среди них не было ни одного человека, активно участвующего до и после революции в каких-либо религиозных организациях. Можно с уверенностью сказать, что все еврейские участники решения о расстреле, в том числе и в Кремле, и исполнители приговора были людьми нерелигиозными, оторванными от еврейских общин, атеистами»[1].

Существуют ещё и списки непосредственных исполнителей расстрела, но и здесь нет однозначного мнения о ритуале. Встречаются имена русских, латышей, эстонцев, евреев. Историк Церкви, известный санкт-петербургский прозаик Николай Коняев, занимающийся историей расстрела Царской Семьи, приводит такие данные. «Считается, что Шая Исакович (Голощёкин) и привёз в Екатеринбург инструкции Якова Михайловича Свердлова. В Екатеринбург он приехал 14 июля. В тот же день, в 10 часов вечера, состоялось объединительное заседание Уральского Областного комитета коммунистической партии и Военно-революционного Комитета, на котором Шая Исакович Голощёкин до-

[1] Проверка версии о так называемом «ритуальном убийстве» семьи российского Императора Николая II и лиц из его окружения в 1918 году [Электронный ресурс]. URL: http://romanovy.narod.ru/ritual.htm

ложил директивы Якова Михайловича Свердлова, а начальник губчека Яков Хаимович Юровский, которого в Екатеринбурге знали просто как Янкеля-фельдшера, доложил свои соображения по ликвидации Царской семьи.

План его был утверждён, и 16 июля вечером Яков Хаимович явился в дом Ипатьева и приказал начальнику охранного отряда Медведеву собрать все револьверы системы Нагана. Медведев выполнил приказ, и собранные наганы раздали членам комиссии особого назначения — чекистам с нерусскими именами, неведомо как возникшим в доме Ипатьева. По многим свидетельствам, они проходят как латыши, но, судя по именам, никакого отношения к латышам не имели.

Сохранился список их фамилий, отпечатанный на бланке Революционного штаба Уральского района: "Горват Лаонс, Фишер Анзелм (вероятно, в имени пропущен мягкий знак — Анзельм), Эдельштейн Изидор, Фекете Эмил (тоже пропущен в имени мягкий знак — Эмиль), Над Имре, Гринфелд Виктор (Гринфельд), Вергази Андреас"[1]...

Семеро (выд. Н. Коняевым. — *авт. ст. М. К.*) должны были расстрелять **семерых** членов Царской Семьи. Более эти имена ни разу не встретятся ни в каких чекистских документах...

Эту семерку то ли подобрали из военнопленных, то ли специально для расстрела Царской Семьи вызвали в Екатеринбург...

Незадолго до полуночи в Ипатьевский дом приехал Шая Исакович Голощёкин, и Яков Хаимович Юровский велел поднимать Царскую Семью. Он сказал, что получил приказ увезти Семью в безопасное место. Когда все оделись, Яков Хаимович приказал всем следовать за ним в полуподвальный этаж. "Романовы, — как писал в своей записке Юровский, — ни о чём не догадывались"»[2].

Но как соотносится с неритуальной версией убийства Императора ещё и такой исторический эпизод? «За день до ритуала появляется ещё одно действующее лицо трагедии. Как установило следствие из опроса свидетелей, "в Екатеринбург из Центральной России прибыл специ-

---

[1] О «латышах» ничего не было известно до 1956 года, пока в немецком журнале «7 ТАГ» не появились воспоминания австрийца Майера, впервые огласившего их имена. Судьба этих людей — ещё одна загадка, связанная с убийством Царской Семьи. Ни один из них впоследствии никак не обозначился, не оставил воспоминаний. Некоторый свет на их участь проливает страшная находка, сделанная следственной комиссией Соколова. В окрестностях того места, где сжигались трупы Царской Семьи, было обнаружено захоронение — пять трупов в австро-венгерской форме (сноска сделана автором статьи. — *М. К.*).

[2] *Коняев Н. М.* Что читал Государь в Тобольске. СПб.: Русь, 2013. С. 396–397.

альный поезд, состоявший из паровоза и одного пассажирского вагона. В нём приехало лицо в чёрной одежде, похожее на иудейского раввина. Это лицо осмотрело подвал дома" (то есть место ритуала). О неизвестном еврее "с чёрной как смоль бородой" пишут Дитерихс и Вильтон. Он был важным лицом, прибыл с собственной охраной из 6 солдат. Доказательством его присутствия стал и найденный в камине дома Ипатьева незаполненный бланк на идиш — бланк органа центрального комитета еврейской коммунистической организации в Москве. Той самой, созданной под эгидой Свердлова на Варравке»[1]. Этот персонаж появляется и после убийства, в пятницу 19 июля. Только с приездом «человека с чёрной как смоль бородой и усами» тела Царственных Мучеников были подняты из шахты и состоялось жертвоприношение[2].

Как бы ни было, окончательный вывод следователя В. Н. Соловьёва таков: «Суммируя изученные данные, можно прийти к выводу о том, что решение о расстреле российского Императора Николая II, членов его семьи и лиц из окружения, а также посмертные манипуляции с телами погибших не имеют признаков так называемого "ритуального убийства" и напрямую связаны с политическими и организационными вопросами, прежде всего, в деятельности Президиума Уралсовета и УралоблЧК»[3].

Генеральная прокуратура РФ в своём постановлении о «Прекращении уголовного дела № 18/123666-93 "О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 годов"» квалифицировала убийство Царской Семьи и приближённых лиц, как **«умышленное убийство»**. Уголовное преследование в отношении установленных следствием убийц прекращено «в связи со смертью лиц, совершивших преступления». В сентябре 2015 г. Следственный комитет России в связи с новыми фактами возобновил расследование по факту гибели Царской Семьи. Много неясного с архивами, которые в 1918 г. были основательно подчищены, хотя имеется надежда, что часть их сохранилась и может содержаться в спецхранах ФСБ как центрального, так и областного уровня. Историк-архивист В. М. Хрусталев на основании переписки между различными правительственными ведомствами, касающейся представителей

---

[1] *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 322.

[2] *Козлов Николай (Щедрин А. А.).* Царская жертва. М., 2010. С. 142.

[3] Проверка версии о так называемом «ритуальном убийстве» семьи российского Императора Николая II и лиц из его окружения в 1918 году [Электронный ресурс]. URL: http://romanovy.narod.ru/ritual.htm

Дома Романовых, предполагает о существовании «двойного делопроизводства» и считает, что окончательную точку в расследовании убийства ставить рано. Остаётся эта тема на усмотрение историкам.

«Кругом измена, трусость и обман»

Царь Николай II

«Кругом измена, трусость, и обман!» — эти слова, которые записал в дневник Государь Николай Александрович 2 (15) марта 1917 г., известны сегодня многим. Но хронология последних дней последнего русского Царя и его святой Семьи остается не проясненной до конца, поныне существует немало версий и мнений об отречении Николая II, о событиях ему предшествовавших, об убийстве Царской Семьи. Неоднозначно и отношение к самому факту убийства. Убедительным, наиболее доказательным мне представляется историческое расследование этой темы профессиональным историком и учёным, кандидатом исторических наук Петром Мультатули, который сравнивал убийство Царской Семьи с уничтожением самой российской государственности. Царь, по мнению его убийц, являлся священным символом России; убивая Царя, большевики уничтожали саму историческую, православную Россию. Учёный называет св. Императора Николая II исключительной личностью в истории России. «Второй такой личности, где бы сочетались и политическая воля, и огромные преобразования, и в тоже время нравственная чистота, я в русской истории, именно государственной истории, не знаю. Это действительно не только история государства, но и Русской Церкви, русской духовности»[1]. «Николай II — фигура объе-

[1] Беседа П. В. Мультатули в эфире православного телеканала «Союз» [Электронный ресурс]. URL: http://www.hram-ks.ru/multatulli1.shtml

диняющая; это фигура, которую надо сегодня рассматривать не только с точки зрения исторической и духовной, но и с точки зрения политической... Николай II — это украшение русских царей: в нём воплотились лучшие черты русской монархии. Русская монархия всегда была самоотверженной, христианской, и христианский подвиг стоял всегда выше не только личных интересов, но даже выше интересов земного Отечества... В Николае II христианский подвиг русской монархии воплотился наиболее сильно. И в то же время Николай II был человеком исключительно интересным в личностном плане как государственный деятель. Просто его оболгали, и ответственность за катаклизмы, что произошли при нём, лежит не на нём, а на обществе, которое с какой-то тупой решимостью делало всё, чтобы Царь не совершил великих начинаний, какие хотел»[1].

С болью вспоминает фрейлина Императрицы Анна Танеева (Вырубова): «...я видела слёзы на глазах Государя, когда он рассказывал о предательстве Великих князей, генералов, командиров полков и своих слуг, и о том, как его принуждали под угрозой убийства семьи отречься от престола. “Государыне никто не причинит вреда, не перешагнув вначале через мой труп”, — был ответ Государя на угрозу»[2].

Как же могло случиться, что от такого действительно прекрасного человека отвернулся народ? Нельзя, конечно, к апостасийному, расцерковленному русскому обществу начала XX в. подходить с мерками воцерковленного верноподданного соборного народа Святой Руси. Смешение сословий, городского и сельского населения, газетная пропаганда, огромное имущественное расслоение, принижение роли и осмеяние деятельности Русской Православной Церкви привело к выхолащиванию русской души, к оскудению любви к Богу, а значит, и ко всему Божиему миру. Страшные последствия вырождения любви, заключающиеся в клятвопреступлении и отступничестве, предчувствовал и пророчил ещё Ф. Тютчев:

И отповедью —
да не грянет
Тот страшный клич,
что в старину:

---

[1] Беседа П. В. Мультатули в эфире православного телеканала «Союз» [Электронный ресурс]. URL: http://www.hram-ks.ru/multatulli1.shtml

[2] Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюури. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 175.

«Везде измена —
Царь в плену!» —
И Русь спасать его
не встанет.

(8–11 апреля 1865 г.)

О том же сокрушался воплотитель Белой Идеи генерал М. К. Дитерихс: «Никакими социалистическими, демократическими или иными земными законами и измышлениями человеческого разума нельзя достигнуть истинного проведения в жизнь русского национально-религиозного, государственного строительства. Только одна новая заповедь о любви, данная Христом, является единственно верным путём и прочным фундаментом для строительства и существования здания Российского государства»[1]. Но как быть с тем, что в последней русской Государственной Думе под усмешки и аплодисменты рифмовали «патриот — Искариот»?

Поэтому реконструкцию трагических событий нельзя выстроить без осмысления духовно-нравственного состояния предательского близкого окружения Николая II, сфальсифицировавшего так называемое «отречение». «Произошло грехопадение, отступление народа от понимания смысла православной монархии. Но в первую очередь несёт за это ответственность элита. Потому что элита должна объяснять народу; она, аристократия, была призвана сохранять монархию. Если народ видел, что аристократия вела себя предательски по отношению к Царю, то, естественно, “если господа себя так ведут, почему и нам нельзя?”»[2]

И всё-таки хочется верить, что победоносные русские генералы, служившие Императору долгие годы верой и правдой, в предреволюционные дни предали интересы России и того, кому присягали верноподданнически, не в силу своих антироссийских убеждений, а вследствие излишней доверчивости, политической неискушённости, обмана союзниками Антанты, с которой эти «бессознательные прихвостни» (по Ленину) оказались связанными масонскими клятвами и по понятиям чести их исполняли. Личные трагедии высшего военного руководства, приведшие к трагедии России, связаны с неспособностью «различенья духов», выявления сил зла, с душев-

[1] Цит. по: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/03/25/krugom_izmena_trusost_i_obman

[2] Беседа П. В. Мультатули в эфире православного телеканала «Союз» [Электронный ресурс]. URL: http://www.hram-ks.ru/multatulli1.shtml

ной глухотой. Эта неспособность есть следствие невоцерковленности. Церковная жизнь для многих слоев общества в то время была формальной, состояла из системы церемониальных правил, проходила без молитвенного и литургического единения со Христом. Поэтому для них не казалось грехом ни нарушение клятвы, ни участие в заведомом обмане Венценосца.

Но Царь, даже зная о военном заговоре, не ожидал от единомышленников клятвопреступления и до последних дней верил своей армии, своим генералам, эта вера укрепляла веру в близкую победу России в войне, победоносное окончание которой не вызывало сомнений и было для Николая II превыше всего. Да и как можно было не верить генерал-адьютантам Брусилову, Рузскому, легендарному контр-адмиралу Колчаку, овеявшим себя славой исторической. А генерал М. В. Алексеев?

Вот как об этом достойном русском воине пишет историк А. Я. Дегтярев в сборнике научных трудов, посвящённом 60-летию И. Я. Фроянова. «Лето 1915 г. — чёрное время взаимного кровопускания — Алексеев встретил в должности командующего Западным фронтом. Почти три четверти русской армии находилось под его командой. Ему доверились в момент, когда надежд почти не оставалось: прорыв немцев в районе Вильно-Свенцяны фактически открывал им дорогу на Москву. Именно в этих условиях талант Алексеева поднялся до высоких мер военной гениальности. Точно высчитав замысел противника, быстро и скрытно перегруппировав огромную массу войск, генерал Алексеев разгромил прорвавшиеся группировки и тем сорвал несомненно победоносный замысел Людендорфа. Именно в это время пришло к Алексееву признание. “Спаситель русской армии” — вот звание, стоящее выше всех наград, присвоенное ему тогда современниками»[1]. Почему же этот герой Отечества остался в истории как предатель, был изгнан новой властью масона Керенского, ради которой, не понимая подоплёк, погубил душу, и умер от тяжёлой болезни 8 октября 1918 г., пережив своего святого Царя на несколько месяцев?

Потому что не знал, что глава французской военной миссии при царской Ставке Морис Жанен 7 апреля 1917 г. записал в свой дневник, что Февральская революция «руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом» (П. Мультатули). Генерал прислушивался не к Божиему зову, а к командам руководителей заговора. Заговорщикам надо было выманить Царя из столицы, иначе бы

[1] *Дегтярёв А. Я.* О генерале М. В. Алексееве // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. С. 706.

революция в это время не состоялась. И в этом много помог начальник Штаба генерал-адъютант М. В. Алексеев, который находился в это время на излечении в Крыму. Император доверял Алексееву, верил дезинформации, исходившей от него. Когда генерал находился в Крыму, ему 7 декабря 1916 г. пришла поддерживающая телеграммы от Царя: «Надеюсь, южное солнце и воздух восстановляют Ваше здоровье»[1]. Историк К. М. Александров писал, что Николай II не изменил своего отношения к Алексееву и в дни Февральской революции — в дневниковых записях от 3 и 4 марта 1917 г. он продолжал называть Алексеева «добрым», не высказывая в его адрес никаких обвинений[2]. Алексеев со своей стороны в эти же дни не называл Николая II «бывшим», подчёркивая его прежний статус.

Государь не встревожился, когда М. В. Алексеев прервал свой отпуск и внезапно 18 февраля 1917 г. вернулся в Могилёв. Сразу же направил Императору телеграмму с просьбой срочно прибыть в Ставку, хотя необходимости в том не было. Но Николай II уважал своего генерала, соглашался с его решениями и покинул столицу, не подозревая о своей дальнейшей участи, о том, что Акт его «отречения» уже подготовлен заговорщиками.

Что касается процедуры «отречения», то сегодня многим учёным уже понятно, что это было хорошо подготовленное и разыгранное действо. Манифест — фальсификация. Акта личного отречения Николая II не существует. Кроме того, основные Законы Российской Империи никакого «отречения» Царствующего Императора от Престола не предусматривали (а стало быть, оно было полным беззаконием). Царь имел право отрекаться только перед смертью, если принимал монашеский сан и передавал Престол Наследнику. Продуманную цепь заведомо преступных действий доказывает тот факт, что ещё до «отречения» Временное правительство поспешило вывесить над Зимним дворцом красный флаг. Надо сказать, что в эти дни широко использовался красный революционный флаг, который по постановлению Юридического совещания от 25 апреля 1917 г. был заменён на национальный бело-сине-красный.

---

[1] *Куликов С. В.* Бюрократическая элита во время «штурма власти». Гл. III // Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 31.

[2] *Цветков В. Ж.* Телеграфная переписка Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале–марте 1917 года. Публикация документов из сборников «Красный архив». Т. 2 (21), М.-Пг. 1927. С. 3–78; и «Красный архив». Т. 3 (22), М.-Пг. 1927. С. 3–70. Сайт «Добровольческий корпус».

Итак, 4 марта 1917 г. был объявлен Манифест об отречении Императора Николая II от Престола в пользу своего брата Великого князя Михаила Александровича. «Однако оригинала никто не видел вплоть... до 1928 г., когда он был обнаружен в архиве Академии наук в Ленинграде. Это был набранный на печатной машинке текст, где подпись Николая II сделана карандашом (!). Отсутствуют титул Императора и личная Императорская печать. Вот этот документ до сих пор считается оригиналом Манифеста и хранится в Госархиве РФ! Понятно, что документы госважности никогда не подписывались Государем карандашом. В 2006 г. исследователь Андрей Разумов фактически доказал, что «карандашная подпись» взята с Приказа Николая II по армии и флоту от 1915 года. «Переведена» по специальной технологии... Говорят, что Император сам составил Манифест. На самом деле документ был написан генералом Рузским и Председателем Государственной Думы Родзянко за несколько дней до событий. Государь его даже не видел. Подпись Императора подделали. После «написания» Манифеста об отречении 8 марта 1917 г. Императора арестовывают официально. Заговорщики испугались, что, если Государь выйдет из-под контроля, он сразу же заговорит и опровергнет своё отречение. Император, Императрица и дети до самой кончины были под жёстким домашним арестом»[1].

Но если даже принять версию, что Николай II сам решил отречься от престола, вызывает недоумение процедура этого отречения. Все мы были свидетелями недавних громких отречений папы римского Бенедикта XVI и Президента России Бориса Ельцина. Папа римский решил отказаться от Престола по возрасту и состоянию здоровья, он заранее уведомил о дне отречения итальянскую газету Corriere della Sera, символично выбрал время: соответствующее заявление сделал на латинском языке накануне Пепельной среды 13 февраля — это начало Великого поста у католиков. Борис Ельцин выбрал для своего досрочного ухода канун Нового года и Нового тысячелетия и обратился к россиянам по телевидению с объяснением своего решения. Почему же Николай II (если предположить, что это было добровольное решение) отрёкся тайно, да ещё и на станции с названием «Дно», символизирующим провал его политики? А ведь тогда, хоть телевидения и не было, но любопытных журналистов и газетчиков было не мало. Никаких интервью, ника-

[1] См. подробнее: *Мультатули П.* Николай II не отрекался от престола. Знаменитый манифест — фальшивка века? [Электронный ресурс]. URL: http: //www.aif.ru/society/history/14475. 24.02.16. 23-35

ких пресс-конференций. Почему Государь не мотивировал свое отречение благом Отечества, почему не обратился к исполнительной власти в Зимнем или в Таврическом дворце? Его бы туда на руках внесли, если бы он при всех произнёс четыре слова: «Я отрекаюсь от Престола». Не было обращения и к Церкви. А ведь Православная Церковь в России была государственным органом. Спрашивал же он у членов Святейшего Синода разрешение стать Патриархом Русской Православной Церкви и согласия не получил.

Почему же всё произошло так, как произошло? Неужели из-за любви заговорщиков к России и вследствие их стремления помочь союзникам?

«С высоты сегодняшнего дня оправданы сомнения насчёт искренности желания таких деятелей, как Милюков, Гучков, Родзянко, Родичев, помочь Сербии и Франции. Их “патриотические” настроения прикрывали планы использовать войну для изменения политического строя России. Об этом откровенно высказался один из главных организаторов февральского переворота А. Ф. Керенский, который действовал в полном согласии с кадетско-гучковской оппозицией. “Революция нам нужна, — заявлял Керенский в январе 1917 г., — даже если б это стоило поражения на фронте”. Уже после февральских событий П. Н. Милюков в письме монархисту И. В. Ревенко признавал, что оппозиция твёрдо решила “воспользоваться войною для производства переворота. Ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая 1917 г. наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намёки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования”»[1].

Доказательством того, что революция была спровоцирована элитой, является тот факт, что вопреки попытке высокопоставленных руководителей переворота показать его как результат волеизъявления всего народа России, революционные волнения были сконцентрированы сначала только в Петрограде. Всероссийской революционной ситуации, как отмечал в своих мемуарах князь Н. Жевахов, не было, но были лживые измышления политиков и представителей близкого окружения Царя Николая II. Даже Троцкий признавал: «Февральскую революцию совершил Петроград. Нигде, кроме Петрограда, борьбы не было», «Переворот в Москве был только отголоском восстания в Петрограде», «В ряде провинциальных городов движение началось только 1 марта, после того как переворот совершился уже и в Москве». Именно в

[1] *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013. С. 81–82.

Петрограде успешно действовали революционные пропагандисты, вооружённые революционной теорией Ленина. Вот как об этом пишет Троцкий в книге «История русской революции».

«Мистика стихийности ничего не объясняет. Чтобы правильно оценить обстановку и определить момент удара по врагу, нужно было, чтобы у массы, у её руководящего слоя были свои запросы к историческим событиям и свои критерии для их оценки. Другими словами, нужна была не масса вообще, а масса петроградских и вообще русских рабочих, прошедших через революцию 1905 г., через московское восстание декабря 1905 г., разбившееся о гвардейский Семёновский полк; нужно было, чтобы в этой массе рассеяны были рабочие, продумывавшие опыт 1905 г., критиковавшие конституционные иллюзии либералов и меньшевиков, усвоившие себе перспективу революции, задумывавшиеся десятки раз над вопросом об армии, наблюдавшие пристально за тем, что совершалось в её среде, способные делать из своих наблюдений революционные выводы и сообщать их другим. Нужно было, наконец, наличие в частях самого гарнизона передовых солдат, захваченных или хотя бы задетых в прошлом революционной пропагандой.

На каждом заводе, в каждом цеху, в каждой роте, в каждой чайной, в военном лазарете, на этапном пункте, даже в обезлюженной деревне шла молекулярная работа революционной мысли. Везде были свои истолкователи событий, главным образом из рабочих, у которых справлялись, что слышно, от которых ждали нужного слова. Эти вожаки часто были предоставлены самим себе, питались обрывками революционных обобщений, доходивших до них разными путями, сами вычитывали из либеральных газет что им было нужно между строк. Их классовый инстинкт был изощрён политическим критерием, и если не все свои идеи они доводили до конца, зато мысль их неизменно и упорно работала в одном и том же направлении. Элементы опыта, критики, инициативы, самоотвержения пронизывали массу и составляли внутреннюю, недоступную поверхностному взгляду, но тем не менее решающую механику революционного движения как сознательного процесса»[1].

После Февральской революции единство антироссийских сил нарушилось. Правящие круги Англии и Франции своей цели достигли, Россия была ослаблена, Царя свергли, значит, можно было не выполнять взятые союзнические обязательства. Другим внешним силам Германии, Австро-Венгрии, Турции — достигнутого было недостаточно.

[1] *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/trozky/irr/1-8.html

«Им нужен был сепаратный мир на Востоке, поэтому шла поддержка большевиков, левой части меньшевиков и эсеров. Требовалось отчленение от России национальных окраин, чтобы после войны включить их в свои сферы влияния — поэтому шла поддержка сепаратистов. Третья внешняя группировка, сионистские круги, желали полного распада и уничтожения России. Поддерживали любые силы, "углубляющие" революцию»[1].

В дополнение ленинскому из Германии в Россию последовал второй десант «делателей революции» — из Америки во главе с Троцким. В его группировке были отколовшиеся от Ленина большевики-примиренцы и выходцы из других партий. Активистами Троцкого стали Луначарский, Володарский (Гольдштейн), Урицкий, Иоффе и др. Троцкий, как о нём говорил контрразведчик, действительный статский советник В. Г. Орлов, был величайшим преступником в России. Он стоял в партии особняком, ни с кем не сближался. Его двигали исключительно личные интересы, не имеющие никакого отношения к благу государства. «Троцкий был активным масоном, поддерживал связи с американскими сионистскими ложами. В частности, с Якобом Шиффом Лев Давидович лично встречался и контактировал... И сама группировка троцкистов по сути представляла не только центристов, а масонирующее течение социал-демократии. Впрочем, к "вольным каменщикам" разных лож и направлений относились и многие видные большевики: С. П. Середа, Ю. В. Ломоносов, И. И. Скворцов-Степанов, Г. И. Петровский, Н. И. Бухарин, К. Радек (Собельсон), М. И. Скобелев, Н. Д. Соколов, А. В. Луначарский»[2].

Керенский и его Временное правительство подыгрывают Ленину и Троцкому, выполняя волю могущественной иностранной державы Великобритании, заинтересованной в гибели своего конкурента Германии. В огне Первой мировой войны сокрушили друг друга Германия и Россия. Это англичане через подставных лиц убедили германское руководство разрешить приехать Ленину через немецкую территорию и выделить большевикам денежные средства, о чём подробно пишет Н. В. Стариков[3]. «Уничтожение Российской империи — это самая грандиозная операция британской разведки за всю её историю... Февральская революция разлагает страну, армию и народ, а пришедшие им на смену в октябре большевики приводят русское государство к уничтожению

---

[1] *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 28.

[2] Там же. С. 188.

[3] *Стариков Н. В.* 1917. Разгадка «русской» революции. М.: Яуза, 2008.

и распаду», — убедительно доказывает Николай Стариков[1]. Историк делает вывод: «ведь не ради торжества идеи интернационала британские спецслужбы помогали Ленину и его компании взять власть. Нет — ради развязывания Гражданской войны. В её огне должны были сгореть экономика, исчезнуть легитимные правители и «расплавиться» территория огромной империи»[2]. «Если бы белые армии выдвинули идею мужицкого царя, мы бы не продержались и недели», — скажет позднее Троцкий.

Ловко эти деятели обделывали свои дела «под шумок» народного ликования. Но не все русские люди инфантильно упивались революционными надеждами. Такой выдающийся мыслитель, как И. Л. Солоневич, прозревал через февральские дни мучительное будущее России. «Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, — какая великая безмозглость спустилась на страну. Стотысячные стада совершенно свободных граждан толкались по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге, — эти стада: проклятое кровавое самодержавие — кончилось! Они были счастливы — эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 г. они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами, и гражданскими и мировыми, полным опустошением половины России, — пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, — считали себя совершенно разумными существами: помилуй Бог: двадцатый век, культура, трамваи, Карла Марла, ватерклозеты, эсэры, эсдеки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, — и над всем эти бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых орателей»[3].

Поэт Андрей Белый промыслительно воскликнул: «Сгибнет четверть вас от глада, мора и меча». А один из лидеров Французской социалистической партии Альберт Тома, общавшийся с Керенским, приветствовал февральский государственный переворот и величал его как «самая солнечная, самая праздничная, самая бескровная русская революция»[4]. Не столь поэтично, но более подробно и с перспективой

---

[1] *Стариков Н. В.* Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб.: Питер, 2010. С. 6–7.

[2] Там же. С. 74.

[3] *Солоневич И. Л.* Народная монархия // отв. ред. О. М. Платонов. Институт русской цивилизации, 2010. С. 213.

[4] *Деникин А. И.* Крушение власти и армии / Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 34.

на будущее пишет об этом же известный историк Н. Стариков: «То, что мы сегодня видим, — это только начало. Как февраль 1917-го стал началом трагедии для десятков миллионов людей. Сначала в России, потом в Германии. Там был свой "февраль" — ноябрь 1918-го. Точно такой же. Полное торжество свободы. Радостные демонстранты. Прогнивший режим пал! После была перекроена ВСЯ КАРТА ЕВРОПЫ. Затем эти "радостные демонстранты" стали пухнуть с голоду, потому что победители-англосаксы обобрали их до нитки. "Радостные демонстранты" в России к тому времени уже давно убивали таких же, как они, граждан России в Гражданской войне. Тиф. Голод. Эпидемии. ЧК. Расстрелы. Казни. Белый и красный террор. Расстрелы пленных и заложников. Всё это плоды "победы" великой бескровной революции, как называли предатели и дураки февральский переворот. А ведь корни Второй мировой оттуда же, из февраля 1917-го. Куда заведёт мир череда нынешних февральских революций, даже сложно себе представить»[1].

Каменное сердце

...и возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотяное, чтобы они ходили по заповедям Моим, и соблюдали уставы Мои...

(Иез. 11:19–20)

Есть документальный рассказ одного из перебежчиков, который сообщал о практике употребления чекистами человеческой крови наряду со спиртом и кокаином, как средства для снятия нервных напряжений, возникавших вследствие непрерывных массовых кровавых расправ над людьми. Со слов очевидца: «Один из палачей харьковской чеки говорил: "Мучился, да товарищ научил выпить стакан крови. Выпил, сердце как каменное стало"».

Архив русской революции. Берлин. 1922 г. Т. 6. С. 338

Одним из первых встали в этот предсказанный поэтом ряд — Царь Николай II и его Семья. Свидетельством того, что было незаконное пленение и преступное убийство Венценосцев, стали всевозможные фальсификации трагического события. Самая чудовищная из них — сообщение об убийстве одного Царя Николая II. **О трусости и подлости убийц свидетельствует тот факт, что народ обманули, сообщили только о расстреле Царя, а Семью, якобы, пощадили. Разорители России понима-**

[1] *Стариков Н. В.* Хаос и революции — оружие доллара. СПб.: Питер, 2011. С. 106.

ли, что они убивают не просто Семью Романовых, но ненавистный им своими православными корнями Царизм.

По сей день окончательно не выяснены все обстоятельства расстрела Царской Семьи. Если и есть проясняющие документы, то даже по истечении 100 лет они остаются государственной тайной. Как говорит Пётр Мультатули: «факт расстрела Царской Семьи, каким его излагают главные палачи, реальные или мнимые, произойти не мог. В 25-метровой комнате расстрелять одиннадцать человек из маузеров, браунингов, винтовок, выпустив почему-то неимоверное количество пуль в маленьком, замкнутом пространстве, невозможно. Там будут рикошеты такие, что пули будут в головы стрелков лететь! Значит, уже какое-то вранье. Воспоминания Юровского и всех прочих — это ни в коем случае не может являться доказательством по уголовному делу. Потому что доказательством в уголовном деле может являться только допрос: тебя вызвали, допросили в качестве подозреваемого, обвиняемого или свидетеля — это показания и факт для уголовного дела. А всё, что писал Юровский после революции, сидя в Москве, и всё, что писали за границей другие люди, не может являться доказательствами: это мы можем только принимать к сведению как исторический документ. Между показаниями обвиняемых есть большие нестыковки, и, к сожалению, почему-то в следствии Соколова нет ни одной очной ставки. И не только у Соколова, потому что там не один был следователь. Почему? — не понятно. Но совершенно ясно, что есть противоречия, а раз есть противоречия, мы не можем не задумываться, что же там произошло на самом деле. Значит, либо это был другой расстрел, по-другому проведённый, либо это было убийство другим способом. И об убийстве другим способом мы знаем — об этом говорили те же Медведев, Кудрин и так далее: обсуждался вариант — убить их всех кинжалами. Известно, что применялось и холодное оружие. Соколов говорит о найденных следах от ударов штыком»[1].

Существуют воспоминания местных жителей, что, на самом деле, на месте преступления было найдено около 700 гильз от разных видов огнестрельного оружия. Окрестные мальчишки вытаскивали их из подвала и играли. Можно представить, как издевались палачи над своими жертвами, убивали медленно, постреливая по ним, старались выпустить из страдальцев как можно больше крови, наслаждались мучительной гибелью христианских праведников. Обычно чекисты убивали одним выстрелом, а допрошенный свидетель П. С. Медведев говорит,

[1] http://www.proza.ru/2012/05/30/175

что «У каждого было по нескольку огнестрельных ран в разных местах тела». Ещё есть свидетельство о 32 ранах на теле Демидовой. Судебно-медицинским эскпертом Ю. А. Григорьевым дана критическая оценка «фактам», на которых зиждется официальная версия трагедии. Автор утверждает, что история гибели Царской Семьи, которую нам преподносят, являет собой не более чем фальсификацию. Он приходит к следующим выводам:

«— в течение часа трупы раздевали, снимали с них спрятанные драгоценности. Но главное — у трупов ОТРЕЗАЛИ ГОЛОВЫ.

— только ОТРЕЗАНИЕ ГОЛОВ может объяснить странную реакцию Павла Медведева, Дерябина и других охранников на события той ночи.

— только переноской голов в машину к парадному крыльцу, мимо поста Брусьянина, можно объяснить бегство часового.

— трупы увезли в лес на одной машине, головы увезли из дома на другой»[1].

Большевики не скрывали от современников ритуальный характер многочисленных казней, происходящих по всей России, которые в документах революционной эпохи называли «всероссийской кровавой повинностью», «кровавой жертвой духу большевизма»[2]. Как отмечает кн. Н. Д. Жевахов, входивший в состав деникинской Особой комиссии по изучению зверств большевиков на захваченных ими территориях, «тот, кто знает еврейский язык, знает и то, что слово “чека” является не только сокращением слов “чрезвычайная комиссия”, но на еврейском языке означает “бойню для скота”»[3]. Что такое «бойня для скота» можно представить по воспоминаниям Мельгунова, который цитирует автора книги, изданной на немецком языке, где даётся описание этой бойни в Киевском ЧеКа. «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими останками. Все стены были забрызганы кровью... (*часть невыносимых для нормального человека подробностей опускаю из этических соображений. — авт. ст. М. К.*). Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вёл жёлоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины. Этот жёлоб был на всём протяжении до верху наполнен

---

[1] *Григорьев Ю.* Последний император России. Тайна гибели. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2016. С. 195.

[2] *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 54.

[3] *Жевахов Н. Д.* Воспоминания. Новый Сад. Королевство С.Х.С. 1928. Т. 2. С. 176.

Семья купца Поленова, полностью расстрелянная в 1918 г. большевиками[1]

Палачи[2]

[1] Фото из книги: *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013.

[2] Там же.

кровью»[1]. Подобные зверства происходили в Воронеже, Одессе, Харькове, в общем, по всей России. Революционной необходимостью объяснить их было нельзя, только «жертвоприношением духу коминтерна». Как говорит князь Жевахов, с точки зрения здравого смысла они ужасны, если не учитывать ритуальную, подразумевающую собирание крови жертв цель.

Надо заметить, что к ряду ритуальных кровавых человеческих жертвоприношений относится и ритуальная проституция, которая в истории часто использовалась как военно-магическая хитрость. Через блудное смешение, через маргинальные браки происходило подчинение высшей человеческой породы низшей, пресечение династического родового отбора. Известная роль в этом принадлежит искусству танца, искусству волхования посредством движений обнаженного тела. Библейские соблазнительницы были превосходными танцовщицами — Юдифь, Эсфирь, Саломея. Балет — этимологически связанный с практикой служения Ваалу или Балу, в последующие века был средством генетического пленения императорской крови. Известны увлечения некоторых Великих князей балеринами. Сегодня для унижения русского святого страстотерпца Николая II подобный факт в гипертрофированно-художественном виде прикрепляется к его биографии. Хотя он, будучи в юности увлечён известной танцовщицей, никаких обетов не нарушал, тогда он не был ни мужем, ни Венценосцем. Подвигом любви и верности можно назвать отношения Николая II с его возлюбленной женой Императрицей Александрой Фёдоровной, с которой он жил счастливо и умер в один день. Многие святые приходили к святости через осознание и искупление своей греховности.

И большевики использовали проституцию как своё оружие. В царской России проституция долгое время была запрещена, позже строго регламентирована и подконтрольна надзорным органам власти. Сразу же после Февральской революции все нормы полицейской регламентации проституции были отменены. «Труженицы пола» получили свободу и признание в своей профессии, о чём говорится, в частности, в поэме Блока «Двенадцать»:

И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:

[1] *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 127.

На время — десять, на ночь — двадцать пять...
И меньше — ни с кого не брать...

Стихия блуда и стихия бунта являются взаимосвязанными и усиливающими друг друга.

Общество «Долой стыд!», проекты декретов Коллонтай о гражданском браке, заменившем церковный, соответствовали политике официальных властей и были необходимы, чтобы «изжить в людях чувство стыда, как проявления ханжества».

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!

Но более всего в этом ажиотаже уничтожения института семьи страдали дети. Одно из самых любимых утверждений Коллонтай было: «Ребёнок принадлежит обществу, в котором родился, а не своим родителям». Это ли не детское жертвоприношение «духу коминтерна»? Вообще дети с древнейших времен были объектами кровавых мистерий. Самой дорогой жертвой божеству считалось жертвоприношение первенца из «презренной» семьи. Поэтому не стоит говорить о безжалостности в случае убийства малолетних Царских детей. Для палачей они были просто материалом кровавого обряда.

Мы не знаем всех деталей убийства Царской Семьи. Но как бы оно ни происходило, в час ночи 17 июля Россия лишилась своего Царя, своего Удерживающего. 18 июля президиум ВЦИК по докладу председателя Свердлова о расстреле Царской Семьи единогласно принял резолюцию: «Президиум признаёт решение правильным». Таким образом, самый высокий орган советской власти официально солидаризировался с убийцами, что само по себе является соучастием в преступлении. Таким образом, получается, что до сих пор мы читали историю из рук предателей и убийц. Нет, не на радость трусливых палачей, которым на том свете досталась во много раз бóльшая кара, не во славу кровавых временщиков было совершено это страшное убийство, значение которого начинает проясняться только в наши времена.

Сегодня, когда прошли окаянные времена, когда кровавые войны смели́ не только жизни, но и имена предателей Родины, стало видно, что сполна досталось и участникам, и воздержавшимся, что исстрадался весь наш народ, вольно или невольно предавший Христа, попустив страшный грех убийства Помазанника Божия.

Первым об этом грехе смело сказал 21 июня 1918 г. на литургии в соборе Божией Матери Казанской на Красной площади в Москве Патриарх Тихон (Беллавин), тоже введённый в заблуждение, поверивший, что расстрелян только Царь, а его Семья якобы спасена. Об убийстве Помазанника Божия он сказал так: «...совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководимая Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падёт и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он отрёкся от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней... Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может. И мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьму, пусть нас расстреливают» (Слово на убиение Императора Николая II. Москва. Казанский собор, 8/21 июля 1918 г., праздник Казанской иконы Божией Матери). Но что бы сказал Патриарх, узнай, что зверски уничтожена вся Царская Семья вместе с невинными детьми?!

Царская Семья подверглась незаконным политическим репрессиям как со стороны Временного правительства, Петросовета и входивших в них партий, так и со стороны РКП(б), Совнаркома, ВЦИК и подчинявшихся им органов советской власти. И до октября, и после — причиной репрессий было то, что Помазанники являлись живым символом Российской Империи с её государственной религией — Православием.

До сих пор не утихают сожаления и недоразумения по поводу того, почему Царская Семья не нашла убежища в Англии, не смогла перебраться к монаршим родственникам. Чаще всего винят в этом одну сторону — английскую. Но на самом деле всё было сложнее, и основная вина лежит на совести А. Ф. Керенского, запоминающийся портрет которого оставил в истории товарища обер-прокурора Св. Синода князь

Н. Д. Жевахов, после того как новый правитель России посетил своих высокопоставленных пленников в Таврическом дворце: «В это момент послышался какой-то шум и суета за дверьми, и в нашу комнату пожаловал Керенский. За ним, семеня ногами, как-то вприпрыжку, двигалась целая свита, его адъютанты и солдаты... Речь его была порывистая, нервная; каждое слово сопровождалось выкриками и жестикуляциями, причём Керенский ударял пальцами правой руки о стол с такой силой, что пальцы были окровавлены... В последующие разы он являлся с забинтованной рукой. Ответом на эту речь было гробовое молчание. И не потому мы молчали, что нам нечего было сказать Керенскому в ответ, а потому, что все, в равной мере, испытывали величайшее презрение к нему, видели эти гнусные приёмы, эту его ложь и недоумевали, зачем ему нужно было оправдываться перед нами и прикрывать свою ложь трескучими фразами, рисоваться своим великодушием. Была ли с его стороны только глупость, или Керенский и в самом деле, отдавая приказ о нашем аресте, желал укрыть нас от народного гнева?.. (не тот ли самый вопрос задавали пленённые Романовы? Наблюдается лживая политическая метода Керенского. — *авт. ст. М. К.*)... Он был весь на пружинах, упивался славой и верой в себя и своё призвание. Безмерно честолюбивый, он не сознавал, что производил впечатление глупого, бездарного актёра провинциального театра, и что над ним смеялись даже те, кто создавал ему его славу. Это был совершенно невменяемый человек, производивший до крайности гадливое впечатление»[1].

А вот что вспоминает фрейлина Анна Танеева (Вырубова) о Керенском, хорошо его знавшем, о мартовских днях 1917-го, когда её впервые арестовали. «Влетел Керенский с каким-то солдатом и крикнул на меня и на мою подругу, чтобы мы назвали свои фамилии. Лили не сразу к нему повернулась. “Отвечайте, когда я с вами говорю!”, — закричал он. Мы в недоумении на него смотрели. “Ну что, довольны теперь? — спросил он солдата, когда мы наконец назвали наши фамилии”»[2].

Временное правительство в первые мартовские дни давало громкие гарантии, что примет для отправки Николая Романова в Англию «все меры, имеющиеся в его распоряжении»[3]. Почему этого не произошло, — однозначного ответа у участников этих событий не было. Львов, Милюков, Керенский, оказавшись впоследствии в эмиграции, стали

---

[1] *Жевахов И. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М.: Родник, 1993. М., 1993. Т. 1. С. 297.

[2] Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюури. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. 2012. С. 186.

[3] Красный арх. 1927. Т. 3 (22). С. 54, 55.

писать мемуары, не углубляясь в причины изменения судьбы Романовых. Керенский не мог выполнить своё клятвенное обещание, потому что все его заверения всегда носили пропагандистский характер и были направлены к собственной выгоде и популярности. Тем более что положение в городе контролировало не столько Временное правительство, сколько Петроградский совет, опиравшийся на революционные массы, однозначно определяющие свою нетерпимую позицию по Романовым. «По воспоминаниям члена Исполкома Совета Б. Любарского, уже 1 марта Исполком на закрытии заседания обсуждал вопрос о мерах, которые должны быть приняты по отношению к Николаю II и всей царской фамилии. Поручили члену "Союза офицеров-республиканцев" эсеру Филипповскому рассмотреть вопрос "в узком кругу". На этом совещании, состоявшемся 3 марта, присутствовали 6 человек, все — представители от солдат: Линде, Утгоф, Филипповский, Любарский, Скобейко и "неизвестный". Предложение Линде об убийстве царя было отвергнуто; решено было предложить Исполкому Совета арестовать Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно. В случае же отказа предполагалось запросить, каково будет отношение правительства, если Совет сам арестует царя и его семью»[1].

Керенский, находясь под давлением революционных рабочих масс, лавировал, затягивал решение о судьбе Царя и его Семьи. Всё крепче в «левых» членах Временного правительства, лидером которых становился Александр Фёдорович, проявлялось желание упрочить своё политическое положение среди революционных слоёв, угодить им, поэтому, рассчитывая на дополнительные политические дивиденды, было решено заменить высылку бывшего Царя в Англию на домашний арест. Это приносило Временному правительству дополнительные политические дивиденды. «Не исключено, что в этих демагогических целях Керенский (как министр юстиции и "генерал-прокурор") рассматривал даже возможность некоего показательного суда над бывшим императором»[2].

Нет оснований думать, что Керенский сам принимал решения по таким значимым для революции вопросам, как судьба Царской Семьи. Он был подконтролен западным своим покровителям, а сохранение жизни Романовым не входило в их планы. Артистичный Керенский пред свер-

---

[1] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполкома и Бюро ПК. М.-Л., 1925. С. 9. (Цит. по: *Иоффе Г. З.* Революция и семья Романовых. М.: Алгоритм, 2012. С. 91, 92.)

[2] *Завадский С. В.* На великом изломе // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 50. (Цит. по: *Иоффе Г. З.* Революция и семья Романовых. М.: Алгоритм, 2012. С. 93.)

женным Монархом только талантливо исполнял роль заботливого революционного товарища. «Союзники полностью контролировали Временное правительство. И разлагавший страну и армию Керенский был любимцем западных политиков и репортеров. Убедиться в этом легко — возьмите списки всех составов Временного правительства, и вы увидите, что единственной персоной, бывшей членом Временного комитета Государственной думы всех последующих составов правительства, был только один человек — "непотопляемый" А. Ф. Керенский. "Непотопляемый" именно потому, что упрямо и твердо вёл страну к гибели, прикрываясь мастерством оратора и демагога. Поэтому из правительства уходили и приходили все, кто угодно, но Керенский был там навсегда, и раз от разу его власть только возрастала»[1].

Керенский своей красноречивой демагогией опьянил всю Россию, но сам упорно вёл дело к её краху. Чего только стоят его усилия по развалу армии или обеспечение условий для «революционного дезертирства». Став военным министром, Керенский сразу издал документ, который генерал Алексеев назвал «последним гвоздём, вбитым в гроб русской армии». Измена Царю неизменно сопровождалась изменой Родине.

До опубликования текста так называемого отречения Николая II, в печати появился «Приказ № 1» и была сформулирована Декларация прав солдата. Вот некоторые пункты Декларации:

1. Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан.

2. Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества, союза.

3. Каждый военнослужащий, во внеслужебное время, имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды...

6. Все без исключения печатные издания (периодические или непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам...

12. Обязательное отдание чести, как отдельными лицами, так и командами, отменяется...

15. Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего... не допускаются[2].

Главным в Приказе №1 был пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офице-

---

[1] *Стариков Н. В.* Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2014. С. 274.

[2] Там же. С. 270.

рам, а своим выборным комитетам и Совету. Один из авторов Приказа меньшевик Иосиф Гольденберг объяснял позднее причину появления Приказа: «Приказ номер один — не ошибка, а необходимость... В день, когда мы "сделали революцию", мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались и приняли решение в пользу последней и употребляли — я смело утверждаю это — надлежащее средство»[1]. Начались братания с врагом, русские солдаты покидали окопы и сам фронт. Для германского командования русская революция стала подарком. Немецкий генерал Людендорф писал: «На востоке наступила огромная перемена. В марте споспешествуемая Антантой революция свергла Царя. Власть захватило правительство с сильной революционной окраской. Наше общее положение значительно улучшилось. Предстоящие на западе бои меня не страшили»[2].

Такие пропагандистские документы провоцировали «революционное дезертирство», которое великий современный философ и историк А. С. Панарин считает одной из причин революционной ситуации, помимо мировоззренческих, культурно-антропологических, психологических. Революционные настроения, подогреваемые западной пропагандой, глубоко запали в души русских людей. В них, смущённых лазутчиками иностранного резидента Керенского, убеждавших солдат повернуть штыки против своего Царя, взбушевали архаические стихии, затопившие чувство христианского сознания. «Революционное дезертирство» учёный считает главной причиной трансформации национального сознания. «"Революционное дезертирство" — это страх, конвертированный в классовую ненависть и жестокость. Большевистская пропаганда, с её лозунгом "грабь награбленное", явно взывала не к лучшим, а к худшим чувствам, безошибочно играя на понимание (в духе винеровского закона энтропии, гласящего, что хаос — наиболее вероятное, то есть не требующее специальных усилий ума и воли состояние). Следовательно, в массовом дезертирстве 1917 г. сказался не христианский дух, а языческий — стремление спасти себя за счёт ближнего, уйти от испытаний, "повеселиться вокруг огня", в котором сгорает собственная страна... Инфантильная реакция народа, взбунтовавшегося против государства — Отца, ведёт к отцеубийству и, следовательно,

---

[1] *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. М.: ФИВ, 2013. С. 99.

[2] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов / под ред. А. Свечина. М.: Государственное издательство, 1924. С. 132.

к сиротству народа, которого больше некому защищать от внешних и внутренних хищников.

Хищники эти, как оказывается, значительно лучше подготовлены к существованию в условиях хаоса, к игре без правил, чем доверчивые массы. Мало того, у хищников всегда налицо и мощная организация, и международная поддержка (ибо противники России используют и финансируют их как пятую колонну). В результате реальные условия жизни народа оказываются неизмеримо худшими, чем прежде, до всех этих радостно встречаемых катаклизмов. Так было после большевистского социалистического переворота, повлекшего за собой настоящий провал из цивилизованности в варварство, голод и холод, царство беззакония. Результат — уменьшение населения российского на 13 миллионов человек, в период с 1917 по 1921 год... Противник в свою очередь понимает, что лобовой атакой Россию победить невозможно, но развалить российский фронт изнутри, всячески пропагандируя, ободряя и финансируя партию поражения, возможно. Что касается народа, то он, давно втайне ропща против собственной власти, проглотит эту капитуляцию государства, если подать её как победу сил мира и прогресса. Потом, когда народ опомнится, будет уже поздно»[1].

Как отмечает историк Игорь Фроянов, «Временное правительство, стремясь перевести Россию на путь западных демократий, лишало русский народ национальных ориентиров, побуждая его отказаться от собственного исторического опыта, собственных ценностей и перенять ценности западной цивилизации. Такая политика вполне объяснима, если учесть, что проводили её лица, принадлежащие к масонству. Но то было очевидное насилие над Россией»[2].

7 марта Временное правительство приняло постановление, первый пункт которого гласил «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишёнными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»[3]. По мере того, как Петроградский совет забирал всё бóльшую власть, жизнь Царской Семьи становилась тяжелее. Усиливалась антимонархическая пропаганда. Император подвергался унижениям и оскорблениям. Так вспоминает о содержании царскосельских пленников граф Бенкендорф: «С первых дней начальники караула требовали, чтобы при смене им показывали Им-

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 119–120.

[2] *Фроянов И. Я.* Октябрь Семнадцатого (Глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 44–45.

[3] ЦГВИА. Ф. 366 (кабинет военного министра). Оп. 2. Д. 1. Лл. 16–17. Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта.

ператора и Императрицу, в доказательство Их пребывания во Дворце. Было установлено, что начальники сменяющегося и вступающего караула являлись ежедневно в половине второго... к Императору. Их Величества принимали их вместе и разговаривали с ними несколько минут, — обычно всё происходило довольно спокойно. Но сегодня начальник вступившего караула, бывший фельдфебель, сразу выделившийся своими революционными речами, заявил, что он хочет обыскать весь дворец, и если окажется что-нибудь подозрительное, то горе виновным. Когда император протянул ему руку, он отступил назад и крикнул: "Ни за что на свете!" Император, подойдя к нему, спросил: "Что вы имеете против Меня?"»[1].

К концу марта и инициатива англичан о принятии Царской Семьи заглохла в связи с чисто политическими соображениями. Предоставление убежища Романовым могло поколебать налаживающиеся отношения двух стран, ведь Англия к тому времени открыто заявила о поддержке «обновлённой России» и «духа демократии». Поэтому уже в апреле английскому послу Дж. Бьюкенену было предложено довести до сведения Временного правительства о том, что до конца войны приезд Царской Семьи в Лондон не желателен, и дать совет — отправить пленников в другую страну. По ряду соображений и опять же к своей пользе Керенский, якобы заботящийся «о безопасности» узников, выбрал не страну, а сибирский город Тобольск. Лживый политик пообещал пленникам, что сразу после Учредительного собрания они смогут вернуться в Царское Село или другое место по выбору. И даже из переезда Царской Семьи в Тобольск Керенский пытался извлечь для себя дивиденды, поясняя своё решение, которое должно было поднять его престиж в правых кругах, только заботой о Семье. Во-первых, он якобы выводил её из зоны революционного кипения, во-вторых, прислушался к рекомендации епископа Тобольского Гермогена, который настаивал на переезде Романовых в Тобольск, под его защиту. Керенский даже сам написал инструкцию для охраны, сопровождавшей узников на пути следования. И в подтверждение к ним своего доверия разрешил Николаю II встречу с братом Михаилом Александровичем.

Это была последняя встреча братьев. Великий князь Михаил Александрович, сосланный большевиками в Пермь, станет первой жертвой кровавой революции и богоборческой власти, распустившей слух, что он бежал из заключения. Но следственными властями при Белых армиях будет установлено, что Великий князь Михаил Александрович и

[1] *С(ловцов) Р.* Сегодня. № 47. Рига. 18 февраля 1928 г.

его секретарь англичанин Джонсон были расстреляны 31 мая чекистами под командованием Мясникова.

Царская Семья не узнала об этом. Романовы не сопротивлялись своей участи ещё и потому, что не намеревались покидать пределы Отечества. Когда в Царском Селе пленникам сказали, что ведутся переговоры об их отправке в Италию, Императрица ответила: «Тот подлец, кто бросает свою родину в такой тяжёлый момент. Пускай с нами делают что угодно, сажают в Петропавловскую крепость, но мы никогда не уедем из России»[1].

О чистоте помыслов и великой любви Государя к Отечеству свидетельствуют воспоминания графа П. Н. Апраксина, гофмейстера Императрицы. Прощаясь с ним перед отъездом из Царского Села, Император сказал: «Граф! Помогите сами и скажите тем, кто служил Мне, чтобы они помогали теперь всеми силами Временному правительству. Служите ему, как мне служили и Родине. Помните только одно: никогда ещё в России не нужна была такая твёрдая и крепкая власть, как сейчас. Я об этом уже говорил, предупреждал и просил князя Львова... Помните это!»[2]. Но долгие годы завет Государя о сильной власти не будет услышан и исполнен.

Несладко жилось пленникам в Тобольске. Но их утешало и обнадеживало знание о том, что существуют силы, пытающиеся их освободить для восстановления в правах Венценосцев. Однако эти попытки по ряду известных и поныне неизвестных причин, не увенчались успехом: не хватало средств, не было централизации освободительного движения, в монархической среде предположительно действовали предатели, большевистские и немецкие осведомители и т. п. По официальной версии (но вероятно по соображениям подготовки ритуального убийства) большевистские комиссары по решению Центра и во избежание непредвиденного развития событий, спекулируя на ложной информации о возможности скорого вызволения Царской Семьи, решили ужесточить содержание пленников, для чего переправили их в Екатеринбург, где незадолго до этих событий известный предприниматель, нажывший состояние на торговле чёрными металлами, капитан горного корпуса, инженер Ипатьев *по распоряжению Войкова (Пинхуса Лазаревича Вайнера)* купил бывший публичный дом для размещения и казни Импера-

---

[1] Марков С. Покинутая Царская Семья. Вена: Amalthea-Verlag, 1928. С. 155.

[2] *Руднев С.* Царский завет // Император Николай II и революция. Ред. С. Фомин. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 661.

тора. «То есть получается, что дом *сделали* “домом Ипатьева”. Найдя человека с подходящей фамилией, обеспечивая “роковое совпадение” и замкнув таким образом каббалистический круг между Ипатьевским монастырем и местом убийства»[1]. Активное участие в подготовке этого очередного символичного акта в своё время принял временщик Керенский, который, убегая из революционной России, передал власть своему друг детства Ленину.

Хотя в следственном деле нет подтверждения, что убийство Царя было заранее продуманным и загодя подготовлен его ритуал, нельзя отрицать, что ритуальный компонент там не присутствовал. Символика играла заметную роль в деятельности первых большевиков. Например, момент восшествия их в историю России как новых правителей ознаменовался выстрелом крейсера «Аврора». Но, как известно из мифологии, сын утренней звезды Авроры — Люцифер — падший ангел, сатана. Убийство Царской Семьи произошло 17 июля за день до «плача по Иерусалиму». «Это был канун 18 июля 1918 года. По иудейскому календарю эта дата соответствовала 9 ава 5678 года. В этот день иудеи отмечают “День памяти и скорби”, так как в этот день были разрушены два иерусалимских храма — первый и второй»[2].

Символичен и выбор места убиения Царской Семьи. Царь Михаил Фёдорович, ставший основоположником династии Романовых, был провозглашён правителем Руси в марте 1613 г. после обряда, проведённого в Ипатьевском монастыре вблизи города Костромы. Согласно наиболее общепринятой версии, монастырь основан около 1330 г. татарским мурзою Четом, родоначальником рода Годуновых и Сабуровых. Он бежал из Золотой Орды к Ивану Калите и принял в Москве крещение под именем Захарий. В благодарность за исцеление от болезни Захарий на этом месте основал монастырь, ставший колыбелью Династии Романовых. В этом же месте ему было видение Божьей Матери с предстоящими апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским, прославившимся подвигом змееборчества в царствование императора Констанция, во дворце которого возле царской сокровищницы поселился огромный змей, умерщвлённый святым епископом Ипатием.

В отступление от темы можно провести образную аналогию. В тысячелетней борьбе добра со злом русский Царь (sar, shar, щит, удер-

---

[1] *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 318.

[2] *Мультатули П. В.* Свидетельствуя о Христе до смерти. СПб., 2006. С. 620.

живающий) является щитом, защитником. По Святым Отцам, генетический противник русского Царя, еврей из колена Данова, согласно Божественному откровению изображается в виде змея, угрызающего конскую пяту: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадёт назад» (Быт. 49:17). Несколько столетий мы наблюдаем эту схватку, глядя на знаменитого Медного Всадника, являющегося символом Санкт-Петербурга. Конь Петра I по правде жизни и по замыслу мудрого Фальконе топчет змея, шипящего и извивающегося под железным копытом. Русский Царь из династии Романовых побеждает змея-антихриста так же промыслительно, как в древние времена это делал святой Ипатий Гангрский. В обители, посвящённой ему, принял Помазание на Царство родоначальник рода Романовых Михаил Фёдорович, давший клятву за весь свой будущий род на служение народу и Отечеству и противостоянию антихристу.

Торжественно именно здесь отмечали празднование 300-летия Дома Романовых. У всех в России имя монастыря было на слуху. Слышал его, вероятно, и Войков, бывший комиссаром Уральского совета большевиков. Он находился в приятельских отношениях с инженером Ипатьевым и, вероятно, сообразил, что будет символично, если именно здесь, в доме с одноимённым названием, совершится убийство. Убийцы, подчеркивая династическую преемственность ненавистных им русских царей, надеялись, что этот символизм начала и конца поможет им исторически оправдать кровавое беззаконие.

Казалось бы, ничто не мешало большевикам расправиться с Помазанниками в Тобольске, но зачем-то предпринимается длительное и рискованное перемещение пленников в Екатеринбург. Вероятно, для усиления символичности, затем, что именно там находился этот жуткий «Дом особого назначения», имевший не только подходящее для кровавой мистерии название, но и мистическую историю. Как известно, в Екатеринбурге существует немало *мистических мест, где происходили весьма трагические события, дом Ипатьева — одно из них.*

Дом был построен в конце 1880 г. горным чиновником статским советником И. И. Редикорцевым и представлял собой каменный двухэтажный особняк.

Личность господина статского советника Редикорцева была неоднозначна. Он являлся владельцем двух публичных домов, где кроме всего прочего предоставлялись и гомосексуальные услуги, которыми не прочь был попользоваться и сам владелец. Одним из этих «увеселительных домов» прежде был и дом Ипатьева. В дальнейшем Редикорцеву, чтобы расплатиться по векселям, пришлось продать дом известному зо-

Дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге

лотопромышленнику купцу И. Г. Шаравьеву (Саравьеву). Однако тот был обвинён в мошенничестве, потратился на судебные тяжбы и был также вынужден продать строение. Военный инженер-строитель Николай Николаевич Ипатьев купил дом в январе 1918 году.[1] До революции в нижнем этаже здания, по официальным сведениям, помещалась контора по операциям с чёрным металлом «Макшеев и Голландский». П. В. Мультатули отмечает, что Ф. Ф. Макшеев был инженером путей сообщения и состоял в масонских ложах. Точных данных о Голландском на сегодняшний день не имеется, но по всей вероятности он был русским евреем. И это обстоятельство позволяет предположить, что в подвальной комнате, где была убита Царская Семья, размещалась хасидская синагога (точных доказательств нет)[2].

Белый, оштукатуренный в псевдорусском стиле, с тесовой зелёной крышей дом находился на спуске с косогора, поэтому первый этаж, в котором Ипатьев разместил конторские помещения, получился полуподвальным, а на площадь выходил лишь второй этаж, отведённый под жилые помещения, где и жила семья Ипатьева. Большое влияние на Николая Николаевича оказал его дядя, Д. А. Ипатьев, ко-

[1] *Козлов Николай (Щедрин А. А.)* Царская жертва. М., 2010. С. 218 [Электронный ресурс]. URL: http://fb.ru/article/176260/dom-ipatevyih-v-ekaterinburge-rasstrel-tsarskoy-semi-v-dome-ipatevyih

[2] *Мультатули П. В.* Свидетельствуя о Христе до смерти. СПб., 2006. С. 613.

торый не верил в Бога и не ходил в церковь, а также брат Владимир, он неприязненно относился к Императору Николаю II. Н. Н. Ипатьев был видным екатеринбургским кадетом, после Февральской революции входил в Комитет общественной безопасности, в котором состоял будущий комендант «Дома особого назначения» (так стали называть дом Ипатьева после заключения в нём Царской Семьи) большевик Яков Юровский, а также и другие деятели Уралсовета. Так что с организаторами расстрела Царской Семьи Ипатьев был лично знаком. Жена инженера Ипатьева была родственницей московской актрисы М. Ф. Гельцер[1].

О том, что дом заранее готовился к приёму особых гостей, говорит изменение его облика. Один из современных свидетелей пребывания Царственных узников в Екатеринбурге так передаёт своё впечатление от места их заключения. «Проходя мимо дома Ипатьева, я лично всегда получал тяжёлые переживания: как тюрьма древнего характера —скверный частокол с неровными концами. Трудно было представить, что им хорошо живётся»[2]. Сопоставление некоторых фактов опять наводит на мысль, что всё, что делалось с Романовыми, имело символичный характер. Этот страшный забор вокруг дома Ипатьева напоминал ограду не только острога, но и зверинца, загона для диких животных. Известно, что русского Царя нередко изображали в виде медведя с короной на голове. Кстати, нечто похожее можно было видеть в Ленинграде в 1927 г., когда вокруг памятника Александру III на площади у Московского вокзала поставили по проекту И. Фомина ограду, имитирующую зверинец — «пугало в клетке». А аббревиатура ДОН (дом особого назначения), которую большевики придумали для дома Ипатьева, имеет смысловое значение «зверинец».

Об отношении большевиков к привилегированным представителям русского общества как к зверям, которых надо травить, сдирать с них кожу, свидетельствуют, например, факты расправы с элитой г. Пятигорска в октябре 1918 года. «Взгляд матросов-большевиков, приходивших в “концентрационный лагерь”, на заложников в достаточной мере характеризуется словами одного из матросов, сказанными в их присутствии: “Здесь сидят не люди, а медведи и волки, которых нужно повести на гору Машук и поступить с ними так же, как с Николаем II, рассеяв их прах”»[3].

---

[1] *Козлов Николай (Щедрин А. А.)* Царская жертва. М., 2010. С. 194.

[2] Там же. С. 223.

[3] Там же. С. 226.

Вызывает восхищение высокое самообладание, благородство, воодушевление, верность клятве, присущие Помазанникам в эти зловещие дни. Когда, будучи ещё в Тобольске, Император узнал о необходимости нового переезда, он с детской доверчивостью, связанной с врождённой правдивостью его личности, подумал, что его хотят отправить в Москву, и с самоотверженностью, считая, что он ещё послужит России, воскликнул: «В таком случае, это значит, что они хотят заставить Меня подписать Брест-Литовский договор. Скорее, я дам отрубить себе руку». Императрица в сильном волнении говорила: «Я не могу покинуть Государя в такие минуты. Я чувствую, что его хотят заставить подписать что-то под угрозой опасности для Его близких... Наверное, они хотят заставить Его подписать мир... Немцы должны это требовать, доверяя только Его подписи... Мой долг этого не допустить...»[1]. Во дни, приближающие их к смерти, эти святые люди думали не о себе, не о спасении своих детей, а о России, верными которой оставались до последнего вздоха. Благородному, доверчивому Семейству и в голову не могло прийти, какое кощунство готовят новые хозяева России.

Екатеринбург стал конечной точкой Царского Голгофского пути. Во время приезда туда Царской Семьи Екатеринбургский уезд управлялся Уральским совдепом. Главари его не упустили случая расправиться с Главой России и совершили преступление, подобное преступлению Библейского царя Ирода, отсекшего главу Иоанна Предтечи.

Ярким свидетельством участия в этом преступлении безблагодатных сил могут быть портреты его идеологов и исполнителей, приведённые в книге русского эмигранта И. П. Якоби, составленной на основе редких воспоминаний современников. Книга эта впервые была опубликована в 1931 г. во Франции, а на русском языке — в 1938 году. Позволю выборочно процитировать эти выразительные психологические портреты.

«Председатель совета и его исполнительного комитета Белобородов (Вайбарт /?/. — *авт. ст. М. К.*), молодой, худой, бледный рабочий, был типичнейший большевицкий хулиган, для которого вся идея социализма сводилась к словам, брошенным Лениным низким инстинктам толпы: “грабь награбленное!” — награбленное, конечно, буржуями, объявленными вне закона советским законодательством...

Сафаров, один из “надежд партии”, принадлежал сам к той буржуазии, о разгроме которой он мечтал. Впрочем, под этой маской, смор-

[1] Слова эти приведены наставником Цесаревича П. Жильяром в показаниях следователю Соколову и в его книге “Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille” P. 218–219.

щенной и порочной, никогда не таилось высокой, хотя бы и ошибочной, идеи, никакого порыва политического фанатизма. Толкнула Сафарова в лагерь бунтарей простая трусость: он дезертировал во время мобилизации, перешёл границу и в один прекрасный день очутился в Швейцарии, где Ленин и завербовал его. И, таким образом, после революции 1917 г. попал он в ту банду, которую будущий большевистский диктатор триумфально привёз с собой в Россию в знаменитых запломбированных вагонах.

Настоящим главарём чёрной екатеринбургской шайки был Шая Голощёкин... Мелкий невельский мещанин, этот будущий революционер начал свою карьеру крайне мирно: по получении аттестата зрелости он обучался в рижской зубоврачебной школе и, казалось, был предназначен судьбою безболезненно извлекать зубы своих сограждан. Каким образом обратился он в жестокого большевика? Всё, что мы знаем об этом инкубационном периоде деятельности Голощёкина, он же "Филипп", он же "Борис Иванов" — это ряд арестов... Во время одного из своих сидений Голощёкин сдружился с единоверцем Янкелем Свердловым; после октябрьского переворота Свердлов, ставший председателем центрального исполкома, послал Голощёкина в Екатеринбург в качестве военного комиссара... Голощёкин принадлежал весь патологии; ничего человеческого не оставалось в этой тёмной душе, охваченной садистскими инстинктами крови и убийства и паническим страхом за свою жизнь... Содрогаясь в садистских конвульсиях, пугавших самих палачей, он выслушивал донесения о пытках, совершённых по его приказу, выспрашивал их ужасные подробности. Этот поставщик ЧеКа обладал лицом иуды-предателя, каким его изображали великие итальянские мастера Чиквеченто: окаймлённое клочьями курчавых рыжих волос искажённое лицо с клиновидной мефистофелевской бородкой, бегающие фальшивые глаза, рот, искривлённый злобной усмешкой.

И, наконец, сам цареубийца, тот, чьё имя будет произноситься с ужасом в последней избе самой затерянной деревни России: Янкель Юровский... В какое время этот часовщик примкнул к революционной партии, мы не знаем. Известно только, что в 1905 г. он съездил в Берлин и вернулся оттуда лютеранином, снабжённый деньгами и говорящий по-немецки... Янкель Юровский жаден, жесток, сластолюбив, он терроризует своих братьев, вытягивая от них деньги, в которых они не смеют ему отказать. "Янкель был характера вспыльчивого и упрямого. Он любил угнетать людей", — говорит о нём его брат Лейба, а его невестка прибавляет: "Это был эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, своего брата". Как только первые известия о февральской революции

достигли Екатеринбурга, Юровский, очертя голову, бросился в самую необузданную демагогию; он повёл пропаганду среди солдат, подстрекая их на убийство офицеров... После бегства Временного правительства Юровский сразу сделался видным лицом в Екатеринбурге, был избран членом местного Совета, потом комиссаром юстиции.

Наружность этого человека ничем не изобличала его расу; в молодости у него резкие черты лица, тяжёлая нижняя челюсть, глубоко посаженные глаза, густые сросшиеся на переносице брови, широкий круглый нос, как у русского мужика, закрученные усы и чёрные, подстриженные бобриком волосы; носит сюртук, крахмальный воротничок и галстук, как почтенный купец. Но потом, сделавшись видным большевиком, Юровский, как истинный актёр, превращает себя в сибирского разбойника: густая нестриженная борода, всклокоченные волосы. Красная русская рубаха. Настоящий Стенька Разин с его воспетыми народной поэзией кровавыми подвигами...

Из этих четырёх действующих лиц: Белобородов — ленивый, гулящий краснобай-рабочий; Сафаров — мещанин, трусливый и озлобленный; Голощёкин и Юровский — человеконенавистники, беспощадные исполнители кровавых заветов талмуда. Этот большевицкий мир в миниатюре не был бы вполне завершён без пятого типа революционера: выродившегося, безнравственного, заносчивого и дерзкого интеллигента. Таким был Пётр Войков, комиссар по продовольствию Уральской области. Фигура жуткая, вся в глубоких тенях и пламенных красках, хвастун, игрок, карманщик; убийца, если нужно; писатель в моменты досуга, сластолюбец, грубый Дон Жуан, резкий, злобный, глухой к чувству жалости, чести, патриотизма, дружбы — таков был человек, карьера которого, рождённая в убийстве, погибла в крови»[1]. Эти люди казнили Помазанников Божиих и попытались скрыть для истории свои преступления. На какое-то время с помощью лжи русофобских властей это удавалось.

Путь Царский

...ибо кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным?

(1 Цар. 26:9)

Долгие годы русские люди не знали о том, что произошло с Венценосной Семьей. Не знали об убийстве, и убийц Царя не знали ни в

[1] *Якоби И. П.* Император Николай II и революция / под ред. С. В. Фомина. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 313–316.

лицо, ни по фамилиям. Но это только казалось, что не знали. Конечно, знали! Ведь ещё в школе каждый читал поэму Блока «Двенадцать», в которой всё сказано про убийц Царя и России. Поэтам, особенно таким, как великий Блок, дано видеть невидимое, находить образы точные и обобщающие, предостерегающие и предвещающие. Задолго до трагедии, он предчувствовал убийство Царя. Как говорит литературовед О. Б. Сокурова, «И слух, и зрение Блока уже тогда были, в некоторых отношениях, поистине пророческими. Так, в том же 1903 г. — времени пока ещё вполне благополучном — он пишет поразительное стихотворение, не только предвосхитившее последующие трагические события русской истории, но и вскрывающие их духовный первоисточник.

Поскольку это стихотворение мало известно, приведём его полностью.

— Всё ли спокойно в народе?
— Нет, император убит.
Кто-то о тёмной свободе
На площадях говорит.
— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.
— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идёт.
— Кто ж он, народный смиритель?
— Тёмен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп...
Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

Точная дата создания этого произведения — 3 марта 1903 года. Март — трагический месяц для династии Романовых. В марте 1801 г. был убит император Павел I, в марте 1881 — Александр II. А через 14 лет после написания блоковского стихотворения, в марте 1917 г., русский император Николай II был принужден подписать отречение от престола

(легитимность этого документа до сих пор ставится под сомнение). Это событие неотвратимо повлекло за собой гибель Царской Семьи и крушение Российской империи»[1].

Хоть и восклицали радостно блоковские (и реальные) герои революции: «Бежим от Суда!», Суда Божиего и суда истории избежать не удастся никому, даже тогда, когда кажется, что «иго лёгкое» Христа сброшено окончательно, и пьянящая вольница освобождённой стихии завоёвана в полной мере. Как у тех, двенадцати: «Свобода, свобода, эх, эх, без креста!» Понятно, что Христос и христианская совесть, проявителем которой была Православная Церковь и православный Царь, мешали революционному грабежу и «свободе» греха. Потому возникает естественное решение: из души, из жизни — долой их, пусть исчезнут хотя бы на время самоубийственного греховного разгула.

Удивительно, что Николай II воспринимал этот «разгул» сдержанно, даже можно сказать — понимающе, что позволяет провести ещё одну евангельскую аналогию, о которой так говорит О. Сокурова: «Сверхлогична парадоксальность ситуации состоит в том, что красноармейцы *преследуют* Христа и в то же время *следуют* за Ним. Они — на тот момент Его враги и одновременно Его блудные дети»[2]. Кто знает, может быть уже прозревался в истории 1941 год... Да и в самом Блоке с переменным успехом боролись противоположные духовные силы. Вероятно, и Государь Император относился к своим преследователям поотцовски, милосердно надеялся, что одумаются заблудшие его дети. «Но ведь они, ...идут “без имени святого”, у них сниженные, пародийные по отношению к апостольским, имена-клички. Может, это лжеапостолы? Не мешает вспомнить их коллективный портрет:

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Портрет не оставляет сомнений: это уголовники-разбойники. С одной стороны, их обобщенный образ соответствует историческим реалиям (из таких вот, подчас выпущенных из тюрем, нередко формировались отряды “стражей и защитников революции”), а с другой стороны, в плане метаисторическом, напоминает евангельские события: разбойника

[1] *Сокурова О. Б.* Поэма А. Блока «Двенадцать» и пути России // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917–2017: в 3 т. / сост., вступ. ст. А. Л. Казина. СПб.: Алетейя, 2016. Т. I. 1917–1934. С. 36–37.

[2] Там же. С. 59.

Варавву, мятежника, бунтовщика, требовала отпустить на свободу беснующаяся народная толпа — и распять Иисуса. В России 1918 г. тоже был выпущен на свободу разбойник и вновь распинался Христос»[1].

Поэма «Двенадцать» была написана Блоком в январе 1918 г., то есть за полгода до большевистской расправы с Царём. Но в этом поэтическом откровении тема грядущего распятия звучит в нарастающей динамике, будущее, которое не пощадит и поэта, уже зачато и развивается в его поэтических строках. Мистическая поэтизация вообще присуща судьбе и кончине святого Царя Николая II. Очевидно магическое содержание цитаты из Гейне, написанной на стене подвала Ипатьевского дома. Кто-то зашифровал послание потомкам, стремясь подвести исторические аналогии под убийство русского монарха и тем оправдать этот вопиющий акт. Другими словами — «умыть руки».

Исследователи установили, что надпись представляет собой слегка изменённую 21 строфу поэмы «Валтасар». На стене было написано Belsatzar (Бельзатцар), то есть белый царь. В исконной транскрипции имя вавилонского царя Baltahasar (baltas — лит., «белый», hasar — по Фасмеру, «красный»), может читаться как красно-белый — символика, восходящая к Пророку Иезекиилю, означающая — князь великий, главный, в данном случае — Царь Русский. Державное историческое предание производит Великокняжескую династию потомков варяжского князя Рюрика — Рюриковичей — от родственников римского кесаря Августа. Кровнородственные связи русских великих князей и царей с византийским императорским домом, историческое преемство и православное помазание на Царство легитимизировали Российскому Императорскому Престолу наследование древнего Рима, а русским Царям — корону вселенских Императоров.

Генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, возглавлявший расследование убийства Царской Семьи, заметил по поводу этой надписи: «Как смерть халдейского царя определила собой одну из крупнейших эр истории — переход политического господства в Передней Азии из рук семитов в руки арийцев, так смерть бывшего российского Царя намечает другую грозную историческую эру — переход духовного господства Великой России из области духовных догматов Православной веры в область материализованных догматов социалистической секты»[2].

---

[1] *Сокурова О. Б.* Поэма А. Блока «Двенадцать» и пути России // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917–2017: в 3 т. / сост., вступ. ст. А. Л. Казина. СПб.: Алетейя, 2016. Т. I. 1917–1934. С. 52.

[2] *Дитерихс М. К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 1991. С. 206.

Мистический смысл перефразированного двустишья состоит ещё и в том, чтобы переложить вину за кровь русского Царя на его русских подданных, которые должны были присутствовать при совершении ритуального цареубийства как обязательные в таком случае свидетели и соучастники. Для этого позже устраивается инсценировка. В Перми на сфальсифицированном судебном процессе под председательством главного идеолога и организатора убийства Янкеля Свердлова был вынесен смертный приговор группе русских по национальности эсеров из Екатеринбургского совета за якобы «самовольную расправу» над Царской Семьей, на самом деле не имеющих к этой трагедии никакого отношения. «Около года спустя, 17 сентября 1919 был организован в Перми в здании городского суда фарс-суд по делу убийства Императора Николая II, на котором истинные убийцы осудили на смерть свои новые жертвы: Яхонтова, Грузинова и Милютина, членов Екатеринбургского совета. И двух женщин: Марию Апраксину и Елизавету Миронову. В “Правде” за сентябрь 1919 г. появилось “сенсационное” сообщение о том, что “самовольная” расправа над царем и его семьёй была наказана, и виновные (русские. — *автор цитаты*) понесли заслуженные наказания. В газете сообщалось, что “Следственный комитет об убийстве императора Николая Второго” (так мировые изобретатели лжи назвали свой фарс), состоял из Янкеля Свердлова как председателя, Сосновского, Теодоровича, Смидовича, Розенгольца, Розина и Гришфельда (евреев), Аванесова (армянина) и (двух русских) Митрофанова и Максимова. Янкель Мовшевич Свердлов председательствовал на суде, на котором разбиралось его собственное преступление. До этого нужно было додуматься»[1].

Нет сомнения, что до этого додумался сам Свердлов — человек беспринципный, коварный и жестокий, знающий о жизни в местах лишения свободы не понаслышке, связанный смолоду со структурами ОПГ (организованная преступная группировка). Именно он создал в партии Ленина аппарат с жёсткой структурой бандитской власти, действующей под фальшивыми лозунгами якобы в интересах рабочих и крестьян. Свердлов выстроил партийный аппарат на принципах жесточайшей субординации и ответственности. За невыполнение приказа — расстрел. Все повязаны кровью. Именно беспощадные действия Свердлова помогли большевикам удержаться у власти (например, геноцид казачества). Хотя, может, того не осознавая, поспособствовали большевикам

[1] *Козлов Николай (Щедрин А. А.)* Царская жертва. М., 2010. С. 259.

и белогвардейцы, подтверждая слова, сказанные Николаем II, — «везде измена, трусость и обман».

В Екатеринбурге все знали, что в застенке «Дома особого назначения» томится отстранённый от власти Император Николай II. Поверим, что простые жители не могли одолеть небольшой большевистский отряд, охранявший Семью. Но именно в Екатеринбург в это же время была эвакуирована Николаевская академия генерального штаба, переименованная Лениным в Военную академию РККА. В июле 1918 г. основная масса преподавателей и учащихся отказалась выступить против наступавших на Казань частей Чехословацкого корпуса и Русской армии и перешла на их сторону. В связи с этим в августе 1918 г. приказом Реввоенсовета республики академия формально была расформирована. Но многие её слушатели продолжили службу в рядах белого движения. Осилить охранников Царской Семьи участвовавшие в боях офицеры могли бы даже голыми руками, без оружия. Но никому из них это не пришло в голову. Почему? Вряд ли вследствие трусости. Изменили своему Государю лучшие офицеры его армии вследствие чудовищного обмана, связанного с тем, что все русские люди поверили в мистификацию с отречением и в добровольный отказ Государя от власти и России: тогда ещё верили слову, ведь ни телевидения, ни интернета, ни пропагандистских передач ещё не было.

Вызывает недоумение и ещё один факт. Менее чем через десять дней после убийства Царской Семьи в Екатеринбург вошли передовые белые части. Ещё 26 мая чешская бригада заняла Челябинск. От Челябинска до Екатеринбурга — несколько часов езды по железной дороге. О боеспособности формирующихся в Челябинске белогвардейских частей говорят их успехи. За июнь-июль 1918 г. ими были взяты многие города: Кыштым, Миасс, Троицк, Верхнеуральск, Магнитогорск, Златоуст, Шадринск, Курган, Петропавловск и другие. «Создается впечатление, — пишет Дмитрий Суворов в работе “Все против всех”, — будто белогвардейцы предлагают красным своего рода чудовищную “игру в поддавки”: мы даём вам время и шанс сделать ответный ход в отношении Царской Семьи; мы на вас наступаем, но не так, чтобы отрезать все концы, — нет, мы вас обкладываем, как волка флажками, но при этом ниточку Транссибирской магистрали не перерезаем: пожалуйста, драпайте, как вашей душе угодно! И Царя вывозите, куда хотите! Ведь если вспомнить, что Голощёкин умудрился в этой ситуации съездить в Москву за инструкциями и вернуться — вернуться в полуокружённый Екатеринбург — для того, чтобы ликвидировать Семью, и отнюдь не сразу, а ещё как минимум через неделю (в условиях гражданской войны это

чудовищно много). И то после телеграфного сигнала, который дал ему из Перми командующий фронтом Р. Берзин. Как понимать такие действия "рвущихся на спасение" белых? И простым совпадением фактов всё сие не объяснишь»[1].

Всё это похоже на «договорную» войну. Вокруг Екатеринбурга нагнеталась военная напряжённость как будто специально, чтоб ускорить и оправдать попыткой освобождения убийство Царской Семьи, чтобы замаскировать ритуальные элементы «охоты на Царя». Это предположение подтверждается тем фактом, что возглавлявший чехословацкие формирования генерал Гайда впоследствии у себя на родине был осуждён за шпионаж в пользу Советов.

Настораживают и факты из истории первого правительственного расследования цареубийства. Начал его член Окружного суда выкрест И. Сергеев. Для надзора за следствием в составе французской военной миссии, возглавляемой генералом Жаненом, в штаб Колчака прибыл майор французской армии Зиновий Пешков, родной брат Янкеля Свердлова, крещённый и усыновлённый писателем Максимом Горьким (Пешковым). Белогвардейская пресса позже отмечала факт, что во врангелевском Крыму, под командованием Жанена вместе с майором Зиновием Пешковым находился граф дю Мартель, женатый на свояченице Ротшильда[2].

Решительные действия большевистских убийц были, если не лично санкционированы, то спровоцированы и поддержаны новыми руководителями страны и определялись нетерпимой к России позицией Ленина, который говорил: «То, что вынужден терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости»[3].

Следует отметить, что и современные исследователи достоверных данных о причастности Ленина к убийству Царской Семьи не обнаружили. Лишь в мемуарах Троцкого приводится такой диалог со Свердловым. Когда Троцкий, вернувшийся из командировки и удивившийся свершившемуся убийству, спросил Свердлова: «А кто решил?», Свердлов ответил: «Мы здесь решили» и упомянул Ленина. Есть ещё мемуары бывшего комиссара Яна Свикке «Ясные дали великого пути», написанные в 1960 г. и не изданные, в которых он утверждает, что по всем вопросам, вплоть до содержания Романовых, охранники консультиро-

---

[1] *Коняев Н. М.* Гибель красных Моисеев. М.: Вече, 2004. С. 343–344.

[2] *Козлов Николай (Щедрин А. А.)*. Царская жертва. М., 2010. С. 253.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 26.

вались с Лениным. Но ряд историков, и в частности историк Валерий Шамбаров, убеждены, что Свикке попросту врёт, повышая цену своим воспоминаниям.

Одно точно известно, что прикрываясь «законностью и справедливостью» (Ленин) происходил тотальный геноцид всех слоёв населения России. Основываясь на материалах следствия Н. А. Соколова, исследованиях историков О. Платонова, Д. Меркулова, В. Бобровника и др., сегодня можно достаточно полно представить жуткую картину происходящего. Убийства членов Императорской фамилии начались с Великого князя Михаила Александровича. 12 июня 1918 г. в Перми его вместе с секретарем Джонсоном вывезли за город, расстреляли и тайно закопали. Это убийство было политическим и совершено было с пониманием того, что Михаил Александрович юридически ещё оставался претендентом на Российский Престол. Поэтому его было необходимо убрать прежде Николая II, которому уже был подписан приговор, чтобы Великий князь не смог по закону заместить убитого Императора.

Потом началась подготовка к мистерии в Ипатьевском доме. Историки, основываясь на том, что Ипатьев был хорошим знакомым Войкова, предполагает, что Войков не только потребовал от своего друга освободить роковой дом, но незадолго до трагедии помог Ипатьеву его приобрести. Покупка дома в январе 1918 г. выглядит странно. Когда начались экспроприации, когда национализировались банки и промышленные предприятия, зачем, а главное, на какие средства, этот дом был приобретён инженером? Не для того ли, что дом заранее рассматривался как символичный элемент подготавливаемой ритуальной мистерии? Не для того ли, что был нужен именно «Дом Ипатьева»?

Была заранее просчитана и примерная дата ритуального убийства. В донесении Белобородова в Москву о цареубийстве в предложении «В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведён в исполнение», как заметили исследователи этого документа, приобретённого на аукционе «Сотби» в 1990 г., были проставлены только единицы, а цифры 6 и 7 вписаны позже другими чернилами. Вероятно, этот текст Голощёкин возил в Москву для согласования со Свердловым. Дата была утверждена ориентировочно и уточнена после убийства. Известно, что Юровский загодя обследовал район вблизи Ганиной Ямы, где было много старых шахт и штолен, искал подходящее место для сокрытия трупов. Все его усилия были вознаграждены, он первым выстрелил в Царя Николая II и навеки оставил чёрный след в истории России.

В тот же день 17 июля произошло ещё одно символичное убийство. В Алапаевске в старую глубокую шахту были сброшены настоятельница обители Великая княгиня Елисавета Фёдоровна, состоявшая при ней монахиня Варвара, Великий князь Сергей Михайлович, князья Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович, князь Владимир Палей и Ф. Ремеза. Второе групповое убийство, жертвы которого были сброшены живьём, наводит на мысль об известном иудейском ритуале с двумя козлами, заключавшемся в принесении жертвы во искупление грехов иудейского народа. В традиции жертвоприношения один козел предназначался Яхве, убивался в качестве искупительной жертвы, и кровь его помещалась в храме. На второго козла (козла отпущения) возлагались грехи иудейского народа, и он «отпускался», то есть изгонялся живым в пустыню, предназначался в жертву Азазелю, демону пустыни. Вспомним предостережение сестрицы Алёнушки братцу Иванушке — «Не пей из копытца, козлёночком станешь!» Царская Семья была убита с пролитием крови. В Алапаевске люди были сброшены (изгнаны во тьму, вглубь шахты) живыми.

Очевидно — это символичная расправа с русской аристократией, правящей верхушкой тысячелетней России. Хотя в обоих случаях убийства были выполнены не так как требовали «СВЫШЕ». В Алапаевске мученики не погибли сразу, долго из шахты доносились стоны и молитвы, поэтому палачи решили добить несчастных, бросили в шахту бомбу, потом кинули для удушения горящую серу. И с телами расстрелянных в Екатеринбурге не получилось управиться сразу. Шабаш в Ганиной Яме с раздеванием и ликвидацией тел затянулся, особенно, когда палачи нашли бриллианты царевен, зашитые в платья. 18 июля пришлось всё переделывать, перепрятывать, расчленять, сжигать, обливать керосином и кислотой, припрятывать по болотам и штольням. Но, как говорится в Библии, «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» (Марк 4:22; Лука 8:17).

Следствием свершившегося государственного переворота под знаменем классовой борьбы и социальной справедливости стал планомерный геноцид в отношении коренного русского населения, для чего был создан карательный орган — ВЧК. Антирусский характер карательных операций скрыть было невозможно, поэтому для придания геноциду законности и была создана эта организация. От ВЧК в прессу посыпались всевозможные распоряжения и предупреждения по борьбе с контрреволюцией. Трудящиеся массы натравливались друг на друга под надуманными поводами. Династический геноцид, истребление аристократии, духовенства сначала осуществлялся в формах более тонких, чем

поголовное истребление. Тех, кто не отважился служить новой власти, истребляли незаметно, с постановлениями, сфабрикованными уже после убийства.

Накануне 100-летия Октябрьской революции появилось много книг, авторы которых пытаются обелить, оправдать высшую большевистскую власть, придать видимость законности совершённого злодеяния. Например, в книге известного историка Г. З. Иоффе «Революция и семья Романовых» говорится, что расстрел Романовых впоследствии обернулся многочисленными антисоветскими спекуляциями, возникновением и циркулированием мифов и легенд. Историк такой, например, ссылкой подтверждает законность казни: «20 июля Я. М. Свердлов в разговоре с Екатеринбургом по прямому проводу сообщил о постановлении Президиума ВЦИК, признавшем решение о расстреле Николая Романова правильным, и ответил согласием уральцев санкционировать переданный ими текст. 21 июля он был опубликован в Екатеринбурге»[1]. А заканчивает своё историческое исследование уважаемый автор, проживающий в США, такой, сообразной его мнению, цитатой из «великого» революционера Герцена: «Какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слёзы, и если иногда следует перешагнуть их, то без кровожадного глумления, а с печальным трепетным чувством страшного долга и трагической необходимости»[2].

Члены Царской Семьи были убиты не как конкретные люди, в этом качестве они не представляли реальной угрозы никому, Белая армия воевала не под монархическими знаменами. Их, как живые символы Православной России, нужно было уничтожить для полного разрыва с великим прошлым непобедимой страны, пред народом которой палачи хотели опорочить их Царя-батюшку. Отчасти это удалось, но история из своих богатых тайных недр понемногу выносит на поверхность жизни правду. Молитва Царя, не о себе, идущем на казнь, а о России, его слова из дневника «Боже, как тяжело за бедную Россию!» многое проясняют сегодня. Постепенно на наших глазах обновляется картина тех страшных времён. Взять хотя бы такой пример. Известное стихотворение «Молитва»: «Пошли нам, Господи, терпенье...», посвящённое Великим княжнам и приписываемое царевне Ольге, не так давно обрело своего истинного автора. Эти строки принадлежат талантливейшему русскому православному поэту Сергею Бехтееву. Сегодня мы знаем, что он написал его в Ельце в октябре 1917 г. и через графиню Анастасию

[1] *Иоффе Г. З.* Революция и семья Романовых. М.: Алгоритм, 2012. С. 346–347.
[2] Там же. С. 347.

Васильевну Гендрикову передал в Тобольск. Читая эти строки, нетрудно представить, как святые молитвы звучали из уст Государя Николая II и его Семьи, приемлющих один путь: «Да будет воля Твоя».

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, смертный час...
И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

Сегодня мы знаем и возвышенные слова наставника Цесаревича Алексея Николаевича, верного слуги Монарха П. Жильяра о смысле Царского подвига: «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою родину — они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие не проистекало от их царственного сана, а от удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальной силой. И в самом своём уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость, и которая торжествует в самой смерти»[1].

Этот Царский подвиг — событие объективного, вселенского содержания, поэтому невозможно не верить провидческим видениям святителя митрополита Московского Макария, постигшим его вскоре после революции 1917 г., когда ещё в России никто и представить не мог такого страшного её продолжения и кровавого укоренения. Так духоносный старец рассказывает о своих снах: «...Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю: “Видишь, в моих руках две чаши. Вот эта — горькая, для твоего народа, а другая, сладкая, для тебя”. Государь падает на колени и долго молит Господа дать ему выпить горькую чашу вместо своего народа. Господь долго не соглашается, а Государь всё неотступно молил... Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскалённый уголь и положил его Государю на

[1] *Жильяр Пьер.* Император Николай II и его семья. (Цит. по: Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюури. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 358.)

ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух. На этом я опять проснулся. Заснул вторично, я вижу громадное поле, покрытое цветами. Стоит среди поля Государь, окружённый множеством народа, и своими руками раздает им манну. Незримый голос в это время говорит: “Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощён”»[1].

С юности Государь Николай II предчувствовал свою жертвенную судьбу и помышлял об искупительном жертвоприношении русскому народу и России. Господь послал ему и жену, которая была объединена с ним единым духом. Царица Александра понимала и озаряла Царский, жертвенный путь супруга, сопровождала его во всю жизнь и не отступила с этого пути ни на шаг. Промыслительным было её духовное прозрение в последние месяцы жизни, когда она в письме из Тобольского заключения от 20 марта 1918 г. писала такие слова: «Как будто все святые угодники Божии особенно близки и незримо готовят душу ко встрече Спасителя Мира. Жених грядёт, приготовимся Его встречать: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты — всё суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у святых угодников. Не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему навстречу! Он за нас, грешных, страдает, принесём Ему нашу любовь, веру, надежду, души наши. Упадём ниц перед Его пречистым образом: поклонимся Ему и попросим за нас и за весь мир прощенье, за тех, кто забывает молиться, и за всех, да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побежим Ему навстречу, радостно откроем наши души»[2].

Сегодня мы знаем не только о том, что произошло в Екатеринбурге, не только подробности страшной расправы с Царской Семьей, но и другие кровавые преступления большевиков. Вслед за екатеринбургской резней начались другие убийства. Полгода спустя большевики провели новую расправу над ненавистными им Романовыми. 14 января 1919 г. во дворе Петропавловской крепости были из наганов расстреляны чекистами узники — Великие князья Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович.

---

[1] Видение митрополиту Московскому Макарию вскоре после революции 1917 года [Электронный ресурс]. URL: http://nikolai2.ru/son-moskovskogo-mitropolita-makariya-vskore-posle-revolyutsii-1917-g.html

[2] Цит. по: Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюури. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 393.

Однако не со всеми Великими князьями большевики обращались как с классовыми врагами. Они оказались милостивыми к Великому князю Николаю Николаевичу, который был посвящён в замыслы заговорщиков, проводивших тайное совещание в декабре 1916 г. в Москве под председательством кн. Львова. На этом совещании было решено, что Николай II будет свергнут. С молчаливого согласия Николая Николаевича свершился государственный переворот, в результате которого Великий князь надеялся занять должность Верховного Главнокомандующего. Однако, получив письмо главы Временного правительства князя Г. Е. Львова с решением Временного правительства о невозможности для него быть Верховным Главнокомандующим, после совещания с генералом М. Алексеевым отказался от этого поста, вышел в отставку и уехал в крымское имение Дюльбер.

Позже, в эмиграции, Великий князь Александр Михайлович вспоминал, какие доводы приводил ему свергнутый Царь Николай II в пояснении своего шага: «...Он показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих разными фронтами в ответ на его запрос. За исключением генерала Гурко, все они, и между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский, советовали Государю немедленно отречься от престола. Он никогда не был высокого мнения об этих военачальниках и оставил без внимания их предательство. Но вот в глубине пакета он нашёл ещё одну телеграмму, с советом немедленно отречься, и она была подписана Великим князем Николаем Николаевичем.

— Даже он! — сказал Ники и впервые голос его дрогнул»[1].

В Крыму Великий князь Николай Николаевич во время октябрьского переворота и после него жил вместе с Императрицей Марией Фёдоровной достаточно свободно. От крымских большевиков, которые стремились всех Романовых расстрелять или повесить, их охраняли матросы-большевики во главе с комиссаром Севастопольского Совета Задорожным, который подчинялся напрямую Ленину. Такова была благодарность за участие в свержении монарха. Вот как это описывает в своих воспоминаниях Великий князь Александр Михайлович: «Тяжёлые подводы, нагруженные солдатами и пулемётами, останавливались у стен Дюльбера. Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского совета товарищ Задорожный. Товарищ Задорожный, здоровенный парень двух метров росту, приближался к воротам и расспрашивал новоприбывших о целях их визита. Мы же, которым в таких

[1] *Романов Александр Михайлович, Великий князь.* Книга воспоминаний // Глава XVII «Война и революция». Париж, 1933. С. 185.

случаях было предложено не выходить из дома, слышали через открытые окна обычно следующий диалог:

— Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский совет держит за собою незаконно. Мы даём пять минут на размышление.

— Пошлите Ялтинский совет к чёрту! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам отведать севастопольского свинцу!

— Они вам дорого заплатили, товарищ Задорожный?

— Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

— Председатель Ялтинского совета донесёт о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

— Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключённых. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я старый большевик. Я принадлежал к партии ещё в то время, когда вы сидели в тюрьме за кражу.

— Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

— Убирайтесь к чёрту!

Молодой человек в кожаной куртке и таких же галифе, бывший представителем Ялтинского совдепа, пытался нередко обратиться с речью к севастопольским пулемётчикам, которых хотя и не было видно, но чьё присутствие где-то на вершине стен он чувствовал. Он говорил об исторической необходимости бороться против контрреволюции, призывал их к чувству "пролетарской справедливости" и упоминал о неизбежности виселицы для всех изменников. Те молчали. Иногда они бросали в него камушками или же даже окурками»[1].

С угрозой вступления в Крым красных войск в конце марта 1919 г. Великий князь Николай Николаевич покинул Родину на английском дредноуте «Мальборо». Михаил Назаров в книге «Миссия русской эмиграции» так говорит о дальнейших политических настроениях этого Великого князя: «...Русские и немецкие правые круги одинаково ощущали несправедливым решения Версальской конференции и считали, что их пересмотр возможен только в сотрудничестве Германии и России (которая в конференции вообще не участвовала). В этом и заключалось тогдашнее "германофильство" русских правых, которые именно поэтому сконцентрировались тогда в Германии. (В отличие от "франкофилов", которые не могли простить немцам финансирова-

[1] *Романов Александр Михайлович, Великий князь.* Книга воспоминаний // Глава XVII «Война и революция». Париж, 1933.С. 196–197.

ние Ленина и всё ещё надеялись на поддержку Антанты: такова была и ориентация Вел. кн. Николая Николаевича...)»[1].

С ненавистью к новой власти относились русские эмигранты, оставившие драгоценные свидетельства и воспоминания. С болью о потерянной России пишет И. П. Якоби: «Палачи праздновали победу в Кремле. Послы их являются желанными гостями в европейских столицах; монархи и президенты жмут руки, на которых видна несмываемая кровь их Верного Союзника. Еврей Валлах-Литвинов председательствует в Женеве над представителями сорока четырёх государств. Убийца и преступник Троцкий... спокойно живёт в Мексике в то время, как его сторонники продолжают вести по всему миру революционную пропаганду; так же безпечно проживает во Франции чекист Мясников, убийца Великого князя Михаила Александровича.

Некоторые из цареубийц уже понесли возмездие за своё преступление: Свердлов, душа заговора, умер от побоев, нанесённых ему рабочими фабрики Морозова в Москве в 1919 г.; Ваганов, узнанный на улице Екатеринбурга после бегства красных, был тут же разорван толпой; Медведев умер в тюрьме, говорят, от тифа; Якимова постигла та же участь; Войков, назначенный советским посланником в Варшаве, был сражён пулей молодого русского эмигранта-героя Бориса Коверды. Юровский умер или погиб при неизвестных обстоятельствах. Надо сказать, что после убийства Царя судьба "верного свердловца" Юровского не была уж такой трагичной. Он возглавлял Гохран, активно занимался перепродажей русских сокровищ на запад, понятно, под прикрытием "СВЫШЕ". Юровский попытался вывезти за границу царскую корону, державу и скипетр, но был пойман и отделался лишь увольнением с доходной должности. Ермаков, снова ударившийся в уголовный бандитизм, был пойман в 1929 г., судим революционным трибуналом и приговорён к расстрелу, что было заменено ему десятилетним лишением свободы; Белобородов, арестованный недавно, как троцкист, падёт, быть может, как Зиновьев и Каменев, от наганов чекистов»[2]. Сегодня мы знаем больше, знаем, что не только рок, а чаще сами большевистские палачи уничтожали своих единомышленников, чтобы скрыть в истории следы кровавых преступлений.

Всероссийский батюшка святой праведный Иоанн Кронштадтский задолго до кровавых событий предчувствовал богоборческие време-

---

[1] *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. М.: Родник, 1994. Т. 1. С. 107.

[2] *Якоби И. П.* Император Николай II и революция / под ред. С. В. Фомина. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 353.

на и неоднократно прямо и решительно предупреждал, что до тех пор антихрист не придёт, пока существует в России Самодержавная Царская власть, которая «сдерживает бесчинное шатание безбожников». «...Царь, как получивший царскую державу от Самого Бога, есть и должен быть Самодержавен... Держись же, Россия, твёрдо веры твоей и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия, безначалия и не хочешь лишиться Царства и Царя Православного. А если отпадёшь от своей веры, как уже отпали от неё многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга... И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, так как Носитель и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный, без Него Россия — не Россия» (1907).

Эти слова св. прав. Иоанна Кронштадтского русские люди осознали много-много позже, когда уже ничего поправить было нельзя. В отличие от тех, кто остался в большевистской России, русская эмиграция могла более свободно осмыслить произошедшее и понять, что причиной русской катастрофы является Богоотступничество. Общество могло быть крепким, действенным, стойким перед внешней угрозой только при Православии и Православном Монархе. В эмиграции, как Георгий Иванов, многие русские люди, оглядываясь назад, видели щемящую в своей невозвратности картину

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадёжно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

1949 г.

Историк, русский духовный писатель Н. Д. Тальберг, чая воскрешения любви и гармоничных отношений в русском обществе, очень точно и кратко пояснил безусловный смысл Царского пути, который осилил Император Николай II и его Святая Семья. «Жила она, эта Богохранимая Семья, полной жизнью семейного счастья, неся бремя Царской власти. ...О, если бы покаянно могла склониться перед духовной

красотой умученной Царской Семьи вся Россия! Это означало бы воскресение России к новой, светлой жизни, это означало бы наступление конца того страшного кошмара, который висит над миром, застилая Солнце Правды. Об этом можно молиться. Но за себя отвечает каждый. И едва ли есть вопрос личной совести, имеющий такое неизмеримо великое значение общественное, как вопрос отношения каждого из нас к Царской Семье, как оценка каждым из нас высоты её духовно-нравственного подвига»[1].

Русский народ, обжёгшийся дыханием антихриста, заглянувший в адовы бездны, сегодня, глядя на икону Царя-мученика, начинает понемногу выздоравливать духовно, понимать отличие свободы-вседозволенности от воли Божией. Как впоследствии писал архиепископ Иоанн (Максимович), «Царь Николай II является образцом благочестия и полной преданности воле Божией. Восприняв благодатную Печать дара Духа Святого в Таинстве Миропомазания, Император Николай II был до конца жизни верен своему высокому званию и осознавал свою ответственность перед Богом. Император Николай II в каждом поступке отдавал отчёт перед своей совестью, вечно ходил перед Господом Богом. Благочестивейший во дни своего земного благополучия, он во дни своих испытаний проявил терпение, подобное терпению праведного Иова... Пред униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь»[2].

Да, именно вся Россия-Русь, потому что как бы велика ни была роль западной «закулисы», русский народ оказался соучастником преступления не только против своего Царя, но против своей страны, её истории, её будущего.

Точна оценка этого преступления, данная схимонахом Никодимом Святогорцем: «Отвергли царскую власть, отдали убить царя, освободили себя от Божественной власти — и попали под сатанинскую власть. Ох, какой это тяжкий грех!.. И согрешили в нём все русские люди, кто делом, кто словом, акто помыслом, желанием, согласием. За этот великий грех весь мир страдает, а русский народ — больше всех...

Ради благодати помазания в Русских Царях Бог щадил весь мир, даже противников Своих, язычников и еретиков.

И вот русские люди отвергли — не удержали эту благодать, потому и страдают они больше всех, **не сознают глубоко своей вины**, греха перед

---

[1] *Тальберг Н. Д.* Светлой памяти возлюбленного Государя. www.russportal.ru/index.php?id=church_writing.talberg_nd1960_00_011

[2] Благодатный Царь над Россией. СПб., 2000. С. 21.

Николай II в Тобольске. 1918 г.

Помазанником Божиим, не сознают, что наказываются именно за этот грех, и не каются...».

Да, грех страшный, но Бог не отступился от России, не свершил Свой Страшный Суд. По утверждению Григория Нисского, Бог Отец предоставит это судопроизводство Сыну. «Если бы Бог Отец производил всеобщий суд самолично, то Он в данном случае, при оценке человеческих поступков, руководился бы Своей абсолютной правдой, и тогда — так как перед абсолютной Божией правдой все люди являются неизменно виновными — никто из людей не мог бы достигнуть спасения. Но Бог Отец... предоставляет производство всеобщего суда Своему Сыну, Который, будучи на земле, жил человеческой жизнью, испытав на себе все трудности и страдания, Который хотя сам и не согрешил, однако знает, что человеку очень трудно сохранить себя чистым от грехов. Это последнее обстоятельство собственно и побудило Его поступиться требованиями абсолютной Божьей правды в пользу требований неизмеримой любви Божией»[1].

Неизмерима Христова любовь к России, на защиту которой в богоборческие времена встала Богоматерь Державная, взяв в Свои руки российские Державу и Скипетр. Подобно матери, любящей больше детей слабых, неразумных, чем преуспевающих, Христос более расположен к «нищим духом», к кающимся, чем к гордым победителям, безупречным исполнителям закона. Показательным примером этой антиномии могут быть две фотографии. Обе они сделаны в последние дни жизни двух непримиримых противников: «Николай II в Тобольске. 1918 год» и «Ленин в Горках. 1923 год». Глубокое духовное содержание личности, несломленность воли, веру в своё предназна-

[1] *Макарий (Оксиюк), митрополит*. Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999. С. 473.

чение являет светоносный образ Царя, подчиняющегося воле Божией, закону христианскому. Образ Ленина страшен. Безумный его взор изливает неистощимую злобу, глаза беспросветны как бездна, все отталкивающие черты личности проявились в облике этого человека, недавно бывшего рьяным исполнителем кровавого человеческого закона. Эти фотографии при сопоставлении показывают образы силы горней и мерзости дьявольской.

Один — спаситель России в веках, другой — временщик, разоритель своей Родины.

«Мыслящая гильотина», как называл П. Струве вождя мирового пролетариата Ленина, не стесняясь, провозгласил: «...а на Россию мне наплевать!» и любил повторять «русские — “говнюки”». Он являл собой духовную и мировоззренческую антитезу святому Царю. Вот что писал И. А. Бунин об Ульянове-Ленине: «...Выродок, нравственный идиот от рождения. Он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек... И всё-таки мир уже настолько сошёл с ума, что среди бела дня спорит, благодетель он человечества или нет?»[1]

Поныне актуален этот вопрос, относящийся к одной из самых кровавых личностей русской истории, к тому, кто и сегодня «живее всех живых» (!?). Трудно этот тезис опровергнуть, трудно с ним согласиться. Ведь В. И. Ленин или ВИЛ находится по-прежнему в центре столицы в телесной целостности, но не потому, что свят, а благодаря искусству бальзамирования. Это искусство имеет древнюю практику, оно развивалось под покровительством Ваала (или Вила — беса полуденного). В эпоху Возрождения практика мумифицирования, достигшая расцвета, совпала

Ленин в Горках. 1923 г.

[1] Из речи «Миссия русской эмиграции». Париж, 29 марта 1924 г. https: // www.inpearls.ru/

по времени с распространением в Европе практической каббалы, представляющей собой осуществляемую при помощи человека «попытку дьявола выкарабкаться из преисподней». Были попытки проникновения культа Ваала из апостасийной Европы на Русь. «При Иване Грозном брестские евреи привезли в Москву с разными товарами продавать и мумию. Эта-то мумия и накликала на них беду; товары их были сожжены, а сами они выгнаны из Москвы... В Московской Руси хорошо умели различать козни дьявола»[1]. В сегодняшней России существуют секретные практики, позволяющие современным жрецам Вила подпитывать и сохранять мумию идеолога и вершителя «русской», а точнее, русофобской революции. Хотя перспектива этих усилий известна. В книге пророка Даниила содержится исторический рассказ о существовании в Вавилоне культа Вила и о его сокрушении силою Божественной Премудрости (Дан. 14:3–22). Кажется, что эта история повторится и в наше время, явно ознаменованное Божиим промыслом. Большевизм сокрушён неведомой силой, Россия возвращается к своим корням. Но во искупление страшного греха мало надеяться на Божие милосердие, каждому надо взыскать с себя.

На протяжении почти всего XX в. этот духовный закон проявился в страшных последствиях отказа человека от Бога, от Церкви. Страна попранного Православия потерпела сокрушительное поражение в Первой мировой войне, уменьшилась в размерах, покрылась сетью концлагерей. На духовно обессиленную советскую Россию напала, в полной уверенности своего превосходства, фашистская тьма. Только тогда Сталин начал понимать, что в этой адской войне русский народ не сможет победить без помощи Божией, и стал потихоньку, опасаясь большевистских соратников-богоборцев, которым на Россию было по-прежнему «наплевать», открывать церковные врата. Взял в помощники священство. И Господь услышал их молитвы, принял жертвы русского воинства и народа, и адова тьма была побеждена. А в Сарове, в местах одухотворённых молитвенным подвигом великого заступника земли Русской Серафима Саровского, свершилось чудо обретения Россией атомной бомбы, наличие которой поныне является залогом нашего мирного существования. Но дело не только в оружии. Н. Стариков в своей книге «Ликвидация России» делает следующий вывод: «Социальный взрыв будет там, где его готовят, где на него выделяют огромные средства. Крах государства будет там, где его противникам путём **ежедневной** пропаган-

[1] *Козлов Николай (Щедрин А. А.)* Царская жертва. М., 2010. С. 129–130.

ды удаётся внушить населению антигосударственные воззрения. Словно мыльный пузырь лопнет та империя, чья элита решит себе за благо "сдать" Родину в обмен на материальные блага. Так погиб Советский Союз, так погибла Российская Империя»[1].

И сегодня Россия держит оборону. Весь мир, введённый в заблуждение горсткой алчных приспешников золотого тельца и Маммоны, ополчился на наше Отечество. Немыслимая ложь и клевета льются на великую победную историю нашей страны, на руководителей государства, осуществляются попытки расшатать устои Православной веры. Но Президент России В. В. Путин неколебим в своих духовных устоях. Его невероятные, непостижимые успехи являются не только следствием его мудрой политической воли, но имеют метафизические основы. Кажется невероятным бескровное возвращение в Россию Севастополя и Крыма, где Херсонес является духовно-территориальным истоком русского Православия. Очевидно, что это мистическое событие, произошедшее на глазах всего мира, не произошло бы без помощи Божией. Зримым доказательством духовной крепости нашего Отечества и залогом его благополучного будущего является образ нашего воцерковленного Президента, молящегося перед ликами святых заступников Отечества, среди которых и Святые Страстотерпцы — Семья Николая II.

Конечно, кровь Венценосцев, пролитая в Екатеринбурге, не может быть просто искуплена кровью тех, кто совершил кощунство. Это преступление требует всенародного осознания и покаяния, которое стало возможно в наше время пред иконой святого Царя-Мученика и его Семьи. 14 августа 2000 г. Русская Православная Церковь причислила Царя Николая II и членов его Семьи к лику святых как страстотерпцев. И Русь в Крестных ходах и молебнах склонилась пред тем, кто осенил её новой славой, и прославила своего нового Небесного Заступника и его Семью. Но тёмные силы не унимаются, продолжают глумиться над Святыми Венценосцами средствами лживой медиопропаганды, фальсифицированной истории, либерально-русофобского искусства. Мало знать о подробностях Святого подвига Царя, необходимо размышлять об истоках духовного превосходства, о непоколебимой глубокой вере страстотерпца. От нас требуются искренние духовные усилия. Как говорил в одном из своих выступлений Патриарх Алексий II: «Ныне, отрекаясь от грехов прошлого, мы должны понять: благие цели должны

[1] *Стариков Н. В.* Ликвидация России. СПб., 2010. С. 59.

Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.
Молебен у мощей преподобных Сергия и Германа Валаамских. 11.07.2016

достигаться достойными средствами. Созидая и обновляя жизнь народа, нельзя идти по пути беззакония и безнравственности. Совершая любое дело, даже самое доброе и полезное, нельзя приносить в жертву человеческую жизнь и свободу, чьё-либо доброе имя, нравственные нормы и нормы закона»[1].

Для понимания этого — требуется от народа укрепление в вере, собственное воцерковление, осознание того, что русский Царь представлял не режим, не сословие, не класс. Он представлял Россию, был от неё неотделим и не оставил Отечество на его крестном пути, повторив Путь Христа — Путь Царский. Надо проникнуться страхом Божиим, ощутить собственную ответственностью за день нынешний и воспринять как личную — трагедию столетней давности, о которой в 1942 г.

[1] Слово Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода русской Православной Церкви к 75-летию убиения Императора Николая II и его Семьи.

выдающийся поэт, участник Белого движения Арсений Несмелов написал эти, не имеющие срока давности строки.

Цареубийцы

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжём,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идём.
Бережём мы к убийцам злобу,
Чтобы собственный грех загас,
Но заслали Царя в трущобу
Не при всех ли, увы, при нас?
Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать иль тридцать пять?
Как же это могло так статься, —
Государя не отстоять?
Только горсточка этот ворог,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными — сто сорок
Миллионов себя звало.
Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни, —
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни.
И один ли, одно ли имя,
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.
И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ты, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь!

Чтобы «дом Ипатьева» действительно стал последней вехой «давнего кровавого пути», чтобы не допустить убийственного попрания Царя-страстотерпца в наше время, необходимо строже относиться к своим словам и поступкам, пресекать клевету на святую Церковь и Отечество, не потакать глумливой культуре, знать свою настоящую историю. Нужно вспомнить слова российского генерал-фельдмаршала Бурхарда Кри-

Икона Царственных Страстотерпцев. Художник Филипп Москвитин

стофа фон Мюнниха: «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно Самим Богом, иначе невозможно понять, как оно существует». Нужно проникнуться переживаниями старца Николая Гурьянова, которому Господь открыл истину о Царе-страстотерпце, когда имя Венценосца было под запретом богоборческих властей. Батюшка повторял и плакал «Как их мучили! Помните об этом и не забывайте: царственный мученик своими страданиями спас нас. Если бы не муки Царя, России бы не было! Царь очень жалел и любил Россию и спас её своими мучениями. Он отдал на заклание наследника Алексия, отраду и утешение своего сердца».

Поскольку Россия верна себе и следует за Христом, она призвана идти вслед за Ним крестным путем. Силами мирового зла Россия определена на заклание и «клеветники, враги России» неистово кричат: «распни её». Но Христос — Повелитель смерти и ада, указал путь через покаяние. Необходимо в покаянное сердце вместить правду о нашем Отечестве, правду о царствовании и судьбе Николая II. Тогда будет искуплён страшный грех цареубийства и осознано значение царского мученичества, совершённого за наши жизни и за наше духовное прозрение. Только тогда сполна будет взыскана правда об эпохе великого царствования, когда весь русский народ вернётся в свой исконный духовный Дом — Русскую Православную Церковь.

«ГОРЬКАЯ ОШИБКА»

«Церковная революция» 1917 года, её последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края

написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих
(Мф. 4:4)
написано также: не искушай Господа Бога твоего
(Мф. 4:7)
отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи
(Лк. 4:8)

Введение. Церковь Христова как Богочеловеческий организм и её свойства

Хлеб, **чудо**, **власть** — те, присущие человеческому бытию, категории, посредством которых подвергался искушениям Христос в пустыне, и всё человечество подвергается поныне. Христос выдержал их, «*слово уст Его осудило сатану*» (Ефрем Сирин. Толкование на Четвероевангелие). Но по свидетельству апостола Луки, дьявол оставляет Иисуса Христа лишь «до времени» (Лк. 4:13) и продолжает свои искушения позже через народ иудейский и даже через учеников Спасителя, строя новые козни. Эти искушения проходят через всю христианскую историю и затрагивают уже укрепившуюся христианскую Церковь и христиан.

Так называемая «Церковная революция» 1917 г. в России явилась звеном драматической цепи этих искушений и противоборства Бога и сатаны, когда на время тёмные силы беззакония поколебали христианские устои. Свт. Иоанн Златоуст говорит, что христианин сможет противостоять искушениям дьявола, если будет подражать Христу — Главе Церкви Христовой. Поэтому богоборческие силы, захлестнувшие Рос-

сию в начале XX в., обрушились в первую очередь на Русскую Православную Церковь. Но для того, чтобы понять все трагические события и последствия так называемой «церковной революции», надо уяснить, что же такое «Церковь».

Если коротко, то Церковь Христова есть от Бога установленное общество людей, соединённых Православною верою, законом Божиим (заповеди), священноначалием (каноническим, то есть законным духовенством), едиными Таинствами (в Православии их семь). Это общество возглавляется и управляется Самим Господом Иисусом Христом по воле Бога Отца и одушевляется, живится и освящается Духом Святым. Основатель христианской Церкви — Господь Иисус Христос, Богочеловек. Во дни Своей земной жизни Господь не называл общество Своих учеников Церковью, и само название Церкви относил к будущему времени: «...создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Мф. 16:18). Общество учеников стало Церковью в день Пятидесятницы, когда на учеников Христовых сошёл Святой Дух и навеки соединился с Церковью в лице апостольской общины. Выдающийся русский догматист епископ Сильвестр (Малеванский) по этому поводу пишет: «Между тем, передавая такого рода власть и распоряжения Апостолам, Иисус Христос вместе с сим ясно выразили ту Свою волю, чтобы всё это сохранилось и продлилось до скончания века, так как Он им относительно имеющего приити Св. Духа обещал: да будет с вами во век (Иоанн. 14:16), а относительно Себя: се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Матф. 28:20), и, кроме того, о Своей Церкви прямо сказал, что и врата адова не одолеют ей (Матф. 16:18). А потому с несомненностью должно полагать, что Он вместе с властью учительства, священничества и пастырства передал Апостолам и полномочие на непрерывную передачу этой власти их преемникам, что, как вскоре из практики и учения Апостолов увидим, и на самом деле совершалось»[1].

К Церкви принадлежат, во-первых, все верующие во Христа, живущие на земле, во-вторых, души скончавшихся в вере и, в-третьих, космические ангельские миры. На этот счёт есть ясные свидетельства Священного Писания: «Бог... положил... всё небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф. 1:3, 9–10). «Он есть глава тела Церкви; Он — начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всём первенство, ибо благоугодно было *Отцу*, чтобы в Нём обитала всякая полнота, и чтобы

[1] *Сильвестр (Малеванский), архимандрит*. Опыт православного догматического богословия: в 5-ти т. СПб., 2008. Т. 4. С. 244.

посредством Его примирить Собою всё, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» (Кол. 1:18–20).

Поэтому Христову Церковь можно условно разделить на две части — земную и небесную. Земная — это все православные христиане, живущие сейчас на земле. Эту Церковь в богословии ещё именуют «странствующей или воинствующей». Странствующей потому, что мы «не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13:14), то есть цель «странствующей» Церкви — достижение Небесного отечества, Царства Небесного. Церковь именуют воинствующей, потому что христиане борются, в первую очередь, со своими грехами и пороками, с силами зла, а также иногда и с проявлениями бесовщины. Возглавитель этой борьбы со злом — Сам Христос: «Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои» (1 Кор. 15:25).

«Церковь небесная», или «торжествующая», — это ангелы и души всех усопших в вере и покаянии. Все члены как «воинствующей», так и «торжествующей» Церкви соединены с Господом, как со своим Главой, и в Нём друг с другом. В Послании к Ефесянам святого апостола Павла Иисус Христос прямо именуется: «...главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего всё во всём» (Еф. 1:22–23). Души усопших благочестивых христиан из земной Церкви постоянно переходят в небесную, поэтому это разделение условное.

Таким образом, Церковь — это не просто человеческая организация, общество верующих, но живой Богочеловеческий организм, в основе её лежит Личность Богочеловека Иисуса Христа. Будучи Телом Христовым, Церковь также соединяет в себе два естества или две природы — божественную и человеческую — с присущими им действиями или энергиями. Мы составляем Церковь — мы люди грешные и борющиеся с грехом, падающие, немощные и восстающие. Но главное то, что человечество в Церкви представлено также одним Человеком (с большой буквы), Единственным, Кто в полном смысле *человек* — это Господь наш Иисус Христос, Который во всём подобен нам, кроме греха.

Основные свойства Церкви как Богочеловеческого организма определяются словами Никео-Константинопольского Символа Веры «Верую... во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь...». Церковь едина, ибо создана по образу Триединого Бога — Святой Троицы и состоит из множества отдельных личностей, скреплённых единством веры и Таинств. Святость Церкви обусловлена не только святостью Христа как её Главы, но и святостью, к которой призваны все её члены (к святости призван каждый христианин). Церковь Соборна или Вселенская, то есть объединяющая христиан не только в пространстве, но

и во всех временах. Апостольство Церкви заключается в том, что она основана апостолами — учениками Иисуса Христа, сохраняет верность их учению, имеет от них преемство (через епископат) и продолжает их служение на земле.

Таким образом, Церковь связана с миром по своей человеческой природе. Более того, земная Церковь состоит из простых людей. А людям, как известно, свойственны как добрые, так и злые деяния и поступки, которые определяют в том или ином русле ход человеческой, в том числе и земной церковной истории. Церковь, с одной стороны, для нас является предметом веры, но, с другой стороны, мы Церковь наблюдаем и в истории. Церковь веры нам представляется в каком-то изумительном сиянии святости, красоты, величия. Церковь на земле в её истории порой представляется нам тусклой, а порой трагичной, а порой вызывает недоумение: какое соотношение есть между Церковью, которую мы исповедуем как *святую*, и той Церковью, которую *мы* собой представляем. Что же мы за общество? Мы — больное общество, мы больны смертностью, мы больны грехом, мы больны колебанием между добром и злом. Апостол Павел в своё время говорил: «Ибо ради вас... имя Божие хулится...» (Рим. 2:24). Поэтому Церковь ещё называют врачебницей или лечебницей, в которой, по слову Христа, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мк. 2:17).

В статье речь пойдёт о Церкви как организации со своей структурой (Церковь как институт), которая существует в конкретном государстве со своим законодательством, в определённом пространственно-временном историческом контексте. Однако эти взаимодействия, соприкосновения Церкви с миром и взаимоотношения людей в самой Церкви ни коим образом не нарушают её вышеприведённых существенных свойств: Единства, Святости, Соборности и Апостольства. Итак, когда речь идёт о так называемой «церковной революции», то имеется в виду состояние Русской Православной Церкви **как института** в 1917 году.

В эпицентре революционных событий

Революционное возмущение или привычнее — «смутное время» — в России, кажется, является закономерным модусом исторического процесса. Не счесть, сколько раз ход истории насильно разрывался и социальный или религиозный уклад нашего Отечества подвергался революционным преобразованиям, в результате которых происходило изменение исторического качества, смена системы. Революцию называют «локомотивом истории» или «процессом социального творчества» —

звучит красиво. Но что представляет собой этот, по выражению Маркса, «локомотив истории»? Что или кого кидают в его топку? Чем надо рассчитываться за возможность «социального творчества», за право небольшой группы людей изменить ход истории в нужном ей направлении. И такими ли уж массовыми и непреложными являются все революции, как нас заставляют думать?

Беспорядки, умышленно спровоцированные несвоевременными поставками **хлеба** в Петроград, начавшиеся 23 февраля (по ст. ст.) 1917 г. привели к тому, что уже 27 февраля на сторону восставших стали переходить части Петроградского гарнизона. Кому-то нужно было, чтобы хлеб в точно определённый срок исчез и в точно определённый день «вдруг» нашёлся. Это «вдруг» стало как будто **чудесным** следствием действия революционных сил: отстранили Царя от власти, и тут же булочные наполнились хлебом, а очереди с ликованием ушли на революционные митинги.

Как позже выяснилось, нарушил железнодорожное сообщение, вызвавшее хлебные очереди в Петрограде, скромный чиновник Министерства путей сообщения — Юрий Ломоносов — приятель депутата Думы Бубликова. Через несколько дней два этих друга с группой уголовников лично захватят министерство и заблокируют железную дорогу, по которой должен был ехать Царь. Ломоносов, кстати, был приятелем ещё и Ленина! Масон. Уже после Октябрьской революции его назначат уполномоченным Совнаркома по закупке паровозов за границей. Будет жить в Лондоне, а умрёт в Канаде. Напрасно нас убеждают, что Февраль обошёлся без большевиков. Они тоже были в числе «расшатывателей устоев и подгрызателей опор»!

Те, кто организовывал Февральскую революцию, понимали, что надо торопиться, так как через несколько месяцев Россия одержит полную победу в войне, и Самодержавие докажет свою силу. Идея голода была для заговорщиков наиболее подходящей, хотя в реальности всё было иначе. «И союзники России, и её враги в феврале 1917-го давно жили по карточкам. Все продукты там распределялись строго по нормам. Никакого свободного рынка в Европе на тот момент не было! Только тотальная мобилизация и учёт всего — та экономическая политика, которую потом большевики, ничего не придумав — только слямзив, назовут “военным коммунизмом”!..

...А в России на момент Февральской революции по карточкам распределялся лишь сахар. Все остальные продукты, вплоть до красной и чёрной икры, находились в свободной продаже. И было их столько, что хватило бы даже не на две, а на три России. Есть красноречивый при-

мер. Уже когда закончится не только Февральская, но и Октябрьская революция, и немцы после Брестского мира весной 1918-го войдут в Киев, их поразит, прежде всего, обилие еды. Кайзеровские солдаты будут пялиться на витрины киевских магазинов, переполненные колбасами и булками. И нажираться от пуза впервые за всю войну»[1].

Да, на начало Февраля голода в столице не было, и ничто не предрекало такого стремительного развития революционной ситуации и смены **власти**. Нет причин сомневаться в выводах и фактах, изложенных в воспоминаниях товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя И. Д. Жевахова о почти незаметном, не предвещающем трагического развития начале Февральской революции 1917 года. «Возвратясь в Петербург 24 февраля 1917 г., я застал в столице необычайное возбуждение, которому, однако, не придал никакого значения. Русский человек ведь способен часто прозревать далекое будущее, но ещё чаще не замечает настоящего. Менее всего я мог думать, что те ужасные перспективы, о которых я предостерегал своими речами и которые чуяло моё сердце, уже настали, и что Россия находится уже во власти революции... Я не хотел, я не мог в это верить. Проехав перед тем тысячи верст, я видел не только полнейшее спокойствие и образцовый повсюду порядок, но и неподдельный патриотический подъём; я встречался с высшими должностными лицами, со стороны которых не замечал ни малейшей тревоги за будущее; все были уверены в скором и победном окончании войны и, в откровенных беседах со мной, жаловались только на то, что один Петербург, точно умышленно, создает панику, а Государственная Дума разлагает общественное мнение ложными сведениями о положении на фронте. Видел я и возвращавшихся с фронта солдат, и направляющихся на фронт новобранцев, и любовался их бодрым настроением и весёлыми лицами, их уверенностью в несомненной победе, их молодцеватым видом и выдержкою. Не испытывало никаких лишений и население. Всего было вдоволь...»[2]. А в учебниках истории прежних и настоящих рассказывается о восставшей против Царя поголовно всей России. Так ведь без лжи революции не делаются, как говорит автор названных воспоминаний, «... всякая революция есть ложь: она начинается и проводится надувательством и обманом, ибо есть порождение дьявола — отца лжи»[3]. Ложью запугивают население, ложью побеждают.

---

[1] *Бузина О.* Расстрелянная правда / сост. А. А. Бобров. М.: Алгоритм, 2015. С. 279.

[2] *Жевахов И. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 284.

[3] Там же. С. 286.

Всего за четыре дня до начала революции во всех кафедральных соборах России в Неделю торжества Православия (19 февраля ст. ст.) все архиереи Русской Православной Церкви возглашали: «Помышляющим, яко православнии Государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению и при помазании на царство дарования Духа Святаго к прохождению великого сего звания на них не изливаются: и тако дерзающим против их на бунт и измену: анафема». Почему же так скоро эти слова оказались забытыми? Почему оказалась пустой клятва на верность династии Романовых, данная в 1613 г., и Присяга лично Государю Императору Николаю II? Почему находящиеся в Петрограде члены Святейшего Синода не потребовали очной ставки с «отрекшимся» Царём, ведь статус государственной Церкви предполагал это? Почему избылось понимание того, что **любая революция есть сатанинское дело**, и иссякла память о том, что первым революционером был сам сатана? Куда делся страх того, что даже бездеятельная поддержка революции, даже простое непротивление ей может считаться грехом для православного христианина и тем более для пастыря.

Размышлять о са́мой кровопролитной, бесчеловечной революции 1917 г. легче, опираясь не на современные либеральные умозаключения, а на свидетельства современников и участников событий вековой давности, на достоверные документы, открывающие не только фактическую сторону события, но проявляющие идеологическую подоплёку, раскрывающие истинный нравственный смысл происходящего. О том, в каких сферах вершилась русская революция, можно представить также по воспоминаниям очевидца князя И. Д. Жевахова, который в силу своего государственного положения оказался в эпицентре революционных событий. Будучи помощником Царя, одним из выдающихся деятелей Святейшего Синода, он, человек глубоко верующий, всей своей жизнью был предан Отечеству, пытался отстоять императорскую Россию, её исконный уклад жизни, основанный на Господних истинах, показывал искусственность дурмана, проникшего во все слои русского общества и охватившего даже правительство и армию. К несчастью, в разрушении русской государственности принимали участие не только враги России, но и те, кому была вверена её охрана, кто стоял на страже её интересов.

Будучи арестованным Временным правительством, пленённый в Таврическом Дворце, многое видел князь. «Нет слов, во что превратился Таврический Дворец!.. Базарная площадь провинциального города, в дни ярмарки, в праздничный день, казалась чище, чем залы этого исторического дворца, заплёванные, покрытые шелухой подсолнухов, окурками папирос и утопающие в грязи...

Я встретился по пути с Милюковым и его быстро бегающими, хитрыми глазами крысы... Он был окружён жидками, солдатами и рабочими, у которых заискивал и перед которыми принимал умильные, предупредительные позы. “Преступник и предатель!” — подумал я, глядя на него с презрением...

Видел я и пастырей Церкви, членов Думы, но ни один из них не сделал даже движения в мою сторону; а, между прочим, ещё так недавно они приносили мне горячие благодарности за проведение пенсионного Устава духовенства; ещё так недавно величались моим вниманием к их нуждам»[1].

«Преступником никто из нас не был; укрываться от преследований не учился: такие приёмы претили нашему нравственному чувству, и вот почему Керенскому не стоило ни малейшего труда арестовать всех нас... Но величаться такой победою, конечно, мог только глупый человек.

С Керенским я не был знаком, но встречал его в Думе. Это был типичный еврей-неврастеник. По бумагам он значился православным, но в действительности, как утверждали, был внебрачным сыном еврейки Кирбис, вышедшей замуж за православного, который усыновил младенца Аарона, дав ему имя Александр... Он был весь на пружинах, упивался славой и верой в себя и своё призвание. Безмерно честолюбивый, он не сознавал, что производил впечатление глупого, бездарного актёра провинциального театра и что над ним смеялись даже те, кто создавал ему его славу. Это был совершенно невменяемый человек, производивший до крайности гадливое впечатление»[2].

И таким лидерам верили, за ними шли. Значит, была почва. Князь Жевахов свидетельствует и размышляет о революционных настроениях в других слоях населения. Вот диалог с молодым человеком 18–19 лет, выходцем из семьи священника.

«... “Ваш Синод вдвойне виноват перед народом, так как умышленно тормозит его развитие”.

Я посмотрел на болвана и спокойно спросил его:

“Почему вы пришли к такому несправедливому заключению?”

“Как почему!” — запальчиво спросил юноша, оказавшийся семинаристом. “А зачем вы насильно загоняете народ в церкви и школы?.. Ведь это насильственное обучение Закону Божию детей, даже не христианских вероисповеданий, каких, я слышал, много на Кавказе, где

---

[1] *Жевахов И. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 295.

[2] Там же. С. 297.

есть и евреи, и магометане, ведь это же возмутительное издевательство над свободою!"

Я не мог не улыбнуться, глядя на этого болвана, и сказал ему:

"В первый раз слышу, чтобы народ насильно загоняли в церковь или евреи и магометане насильно обучались бы Закону Божию. Об этом вам нарочно наговорили, а вы и поверили".

"Как наговорили! — вспыхнул семинарист, — мой отец сельский священник, и я это лучше знаю, чем вы... Народу церковь не нужна; всё это выдумки попов, чтобы обирать народ"»[1].

Проясняет настроения народа и беседа князя Жевахова с солдатом, также убеждённым в намерении священников грабить народ.

«Оно не то, примерно сказать, чтобы производилось ограбление, а так сказать, вымогательство, потому, значит, как не заплатишь, так тебя и не повенчают, али чего и другого не совершат»[2].

Князю Жевахову, который знал эту проблему и много занимался облегчением материального положения священников, удалось если не переубедить порабощенного пропагандой солдата, то заставить задуматься над причинами происходящего. Значит, не по природе своей, не по убеждению этот православный человек ругался на Церковь, добавляя, «"коли бы по деревням была настоящая власть, то ничего бы и не случилось, и народ жил бы по-Божьему. Там, где власть, взять бы Земского, была смелою да строгою — там всё шло по-иному". Мужик ищет правды, а строгости не боится.

Что я мог возразить солдату, если он указал на первопричину всех причин, родивших зло, разложивших нравы, опустошивших народную душу, указал на либерализм, доведший Россию до гибели, на безверие, лежавшее в основе этого либерализма, искавшего дешёвых эффектов... Несчастные, обманутые люди! Что я мог сказать им в ответ, когда знал, что их распропагандированные товарищи разорвали бы на куски каждого, кто решился бы пойти к ним спасать их, когда психоз проник уже в самую толщу народа, и вся Россия превратилась в сумасшедший дом!»[3]

В дни Февраля стало очевидно, что у населения сильны представления о духовенстве как об «агентах старого режима». Священнослужители везде были на виду, и происходящее в храмах неизменно привлекало к себе всеобщее внимание. В отчёте за три месяца со дня начала работ

---

[1] *Жевахов И. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 300–301.

[2] Там же. С. 307.

[3] Там же. С. 327.

Отдела сношения с провинцией (учреждён ВКГД 10 марта 1917 г.) сообщалось: «Наибольшие симпатии к старой власти и наименьшую активность в возвещении начал нового строя проявило, между прочим, духовенство. Нет почти ни одного делегатского отчёта, в котором не было бы указания на это»[1]. Не вызывает сомнения, что и свержение самодержавия воспринималось некоторыми священно- и церковнослужителями — как крах привычной картины мира и вызывало настоящий шок. «Православная церковь встретила свержение самодержавия не как самостоятельная структура, а как государственное ведомство, в котором служители алтаря действовали в качестве чиновников, обязанных подчиняться начальству... Любое не негативное высказывание священников о павшей династии воспринималось как контрреволюционное выступление. Февральские события в Петрограде были отмечены разрушением храмов, а в Александро-Невской Лавре произошла реквизиция части помещений. Вместе с тем, часть духовенства связывала со свержением самодержавия надежды на возможность изменения существующего положения в церкви, её всестороннего обновления»[2].

О подобной ситуации нашего времени, подготовившей киевский Майдан, ставший результатом западных манипуляций и технологий, мы можем судить как очевидцы такого же тщательно спланированного массового **психоза**. То, что всё это майданное действо давно готовилось, стало понятно, когда киевские газеты начали писать о секретных тренировочных лагерях «свободовцев», куда журналисты не допускались. Бюджет на Евромайдан закладывали огромный. Любая революция — это деньги, деньги и ещё раз деньги. Чем больше вложишь в тёмное буйство «масс», чем круче заведёшь пружину пропагандистской пластинки в мозгах сочувствующих, тем бóльшую прибыль в результате получишь.

Современный Евромайдан на деньги Госдепа США — хорошая иллюстрация для понимания переворота, удавшегося сто лет назад. Ведь после него тоже встал вопрос — почему это случилось? Почему победило зло, неправда, неверие? Потому что, как говорит философ А. С. Панарин, «порок получает наибольшее вознаграждение — и это не по воле слепого случая, а согласно рецептам либерального технологизма»[3]. Эти технологии, прежде всего, направлены на сокрушение народного духа, христианской веры. В основе любого революционного оболванивания

---

[1] *Соколов А. В.* Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПб РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 133–135.

[2] Там же. С. 146–147.

[3] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 240.

лежат не социальные факты, которые есть просто декорация или предлог, а, главное, **религиозный элемент**.

С загадочными снайперами киевского Майдана перекликается также дезинформация, что в феврале 1917 г. царская власть установила на крышах пулемёты, из которых полиция вела огонь по восставшим. «Вопрос о том, кто в действительности стрелял с крыш по улицам Петрограда, остаётся открытым, однако, историками признаётся, что выстрелы были единичными, и пулемёты для рассеивания толп не применялись»[1]. «В февральские дни православные храмы не только не являлись огненными точками царской полиции, но сами стали жертвами обстрелов. Однако важен даже не этот вывод сам по себе, а то восприятие Церкви народом, которое продемонстрировали случаи с "призраками" на колокольнях. Ведь кроме имевшей место **истерии**, связанной с поисками по чердакам и подвалам врагов народной свободы, необходимо признать наличие негативного отношения революционных солдат и рабочих к духовенству, в котором видели сторонников и защитников старого строя. Поэтому с такой лёгкостью принимались на веру и распространялись слухи об укрывающихся в храмах и на колокольнях полицейских. Неуважение к религиозным святыням проявилось с самых первых дней Февраля, и то, с каким остервенением вчерашние прихожане стали расстреливать храмы, свидетельствует о катастрофическом падении авторитета церкви у населения накануне революции. Таким образом, мы видим, что вовсе не большевики первыми инициировали "гонение" на Православие: разрушение церквей началось задолго до Октябрьского переворота»[2].

В Православии Царь — «Удерживающий», Богом вменяется Царю охранение вверенного ему народа от крайних демонических проявлений. Значит, для успеха сил зла надо убрать Царя. Вот как говорит об этой взаимосвязи украинский писатель — историк Олесь Бузина, лично познавший мрак и беспощадность революции XXI в., ставший её жертвой. «Царь не просто держит в руках скипетр и державу. Он — удерживает мир от прихода Антихриста. Не только нас, русских, избранных Богом сохранить светоч истинной веры, но и всю землю. Стоило пасть монархии в России, и через год рухнули короны в Германии и Австро-Венгрии. Ночь нацизма накрыла Европу. Зажглись топки концла-

---

[1] *Соколов А. В.* Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 108.

[2] Там же. С. 119–120.

герей. Вот она — мистическая связь между евреем-террористом Мордехаем Богровым, стрелявшим в Столыпина — премьер-министра православного царя — и его безымянным соплеменником, сгоревшим в печи Дахау. Причина и следствие. Выстрел Богрова услужливо открывал... дверь газовой камеры и дверцу крематория — расчищал путь Гитлеру. Пули Юровского и его подручных, прекративших в Екатеринбурге земную жизнь православного императора и членов его семьи, — это первый порыв ветра Провидения, который загонит топор в железную башку Троцкого. Масонская наглость начальника Генерального штаба Алексеева, потребовавшего у государя отречься в дни Февраля, приведёт его к позорной смерти беглеца в обозе деникинской армии, а не к славе победителя во Второй Отечественной войне, как называли Первую мировую в тогдашней России. Душевная слабость Николая II, позволившего себе на мгновение забыть об обязанностях помазанника Божия и поддаться на уговоры Алексеева и ему подобных, вместо того, чтобы сказать: "Вы можете убить меня, господа, но я — ваш император, и я не отрекусь, и пусть кровь моя будет на вас", ввергнет царя в тот самый подвал, где его ждёт пуля Юровского. Всё замыкается. Спасения нет. Ибо царь отрёкся от своего народа. А народ отрёкся от своего царя. И горе всем тому поспособствовавшим. Всем»[1].

Да, можно удивляться недомыслию людей, которые за социальными лозунгами, за фальшивой пропагандой, не увидели истинных причин — ненависти ко Христу и войны против Православной Церкви. И сегодня этот религиозный элемент является основополагающим всех противостояний и революций.

Предпосылки

Февральская революция 1917 г., ставшая детонатором «церковной революции», полностью изменили жизнь православных верующих по всей России. Как было замечено князем И. Д. Жеваховым, ни общероссийских массовых выступлений, ни явных причин к ней не было, но искренний, верующий, православный российский народ, подвергшийся тотальному либеральному обману, распропагандированный и сбитый с фундаментальных религиозных смыслов, был насильно поставлен перед выбором. Первейшей и главной предпосылкой переворота следует считать чудовищную фальсификацию так называемого «отречения» Николая II. Ненавистникам России нужно было пленить «Удерживаю-

[1] *Бузина О.* Расстрелянная правда / сост. А. А. Бобров. М.: Алгоритм, 2015. С. 277–278.

щего» от мирового зла и высвободить тьму беззакония. Нужно было разрушить государственную власть, которая является установлением божественным (Рим. 13:1). Она призвана препятствовать распространению зла и содействовать утверждению добра (Рим. 13:3–4). Именно такой, богоугодной государственной власти, учение Церкви призывает христиан быть законопослушными и исполнителями её повелений. Противящийся власти противится Божию установлению (Рим. 13:2). Посягательство на власть или бунт против неё признаётся Церковью грехом.

Постановочный Акт «отречения» или, вернее, «отрешения» от власти законного Главы государства Императора Николая II, являлся необходимым, чтобы народ поверил в «предательство» своего Царя, и людям не на что стало опереться в исканиях и колебаниях. Масоны прекрасно это понимали, поэтому так хорошо всё срежиссировали на выбранной тупиковой станции с красноречивым названием «Дно». По сей день это кощунственное событие, замутнённое множеством версий и легенд, остаётся тёмным пятном в российской истории. Хотя по закону обратной перспективы, чем дальше отстоит от нас трагическое время, тем полнее проявляются его истинные события, которые полностью скрыть невозможно.

И сегодня уже не остаётся сомнений в том, что Николай II не по доброй воле отрёкся, а был предан близким окружением и фактически отрешён от власти, а после по надуманному обвинению в госизмене был арестован на якобы юридическом основании. Подлинного документа «отречения» нет, а ведь в оригинальном документе в высшей степени были заинтересованы лица, фактически арестовавшие Царя. Если бы был оригинал Манифеста, то его бы сфотографировали (с фотографией тогда проблем не было) и фотографии Манифеста опубликовали бы во всех газетах и журналах. Это было бы для народа неопровержимым вещественным доказательством. А так — только афиши на заборах, тумбах и смутные оттиски в газетах... Царь был пленён «изменой, трусостью и обманом», высшими офицерами из своего доверенного окружения.

Но этой подделки оказалось достаточно, чтобы 4 марта в своей проповеди архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) заявил, что отпечатанный в газетах «Акт» об отречении — это якобы тот «документ, которым Царь Сам освобождает нас от присяги, данной на верное ему служение», а посему «освобождённые Самим Государем от присяги Ему, мы имеем в лице Временного Правительства, Государственной Думой учреждённого, вполне законную власть», которой «должны теперь повиноваться, как повиновались не за страх, а за совесть Госуда-

рю своему»[1]. Накануне отречения Святейший Синод в резкой форме отклонил предложение обер-прокурора Н. П. Раева выступить в защиту рушащейся монархии. Охваченные революционными настроениями прихожане начали пристально следить за речами священников, и даже простое упоминание в положительном ключе бывшей царствующей династии вызывало обвинение в «черносотенстве» и «контрреволюционности». Образующиеся по всей России на базе губернских масонских лож Комитеты общественной безопасности и советы первым делом начали «изучать» действия местных епархиальных преосвященных в плане их лояльности новому строю.

9 марта Святейший Синод выпустил обращение «К верным чадам Православной Церкви», опубликованное в «Вестнике Временного правительства». Февральский переворот характеризовался там словами «свершилась воля Божия», и далее шло: «Россия вступила на путь новой государственной жизни». 9 марта 1917 г. Святейший Синод обратился к народу с призывом принять волю Николая II и Великого князя Михаила Александровича и признать власть Временного правительства. Так Церковь пыталась освободиться от государственной опеки и надеялась в дальнейшем руководствоваться собственными духовными принципами, отвергающими принцип Симфонии властей.

Очень удобный повод оправдания греха клятвопреступления. Выгодно было «добровольное» отречение Царя и для Временного правительства, претендующего на законность своих революционных полномочий. Акт «отречения» будто автоматически устранял действие верноподданнической Присяге Царю. Так Государственная Дума и учреждённое ею же Временное правительство провозгласили акт самозванства, подтвердив, что революция — есть беззаконие, подготовка пришествия Беззаконника, «которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными» (2 Фес. 2:8).

Надо отметить, что Император Николай II более всех помазанников заботился о Церкви, стремился к идеалу Православного Монарха, был кротким и благочестивым. Против него-то и был направлен удар церковных реформаторов, позже оформившихся в так называемое обновленчество. Накануне Февральской революции в церковных кругах была широко распространена привнесённая масонами ложная теория, будто Симфония Церкви и Царства является не благом для Русской Пра-

[1] *Троицкий П.* Русская Церковь в Февральской революции [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/167/167_16.htm

вославной Церкви, но помехой церковному развитию, будто поддержка Церкви Самодержавным Царём есть насилие над её свободой, есть унижение Церкви и рабская зависимость от светской власти. Поэтому реорганизация церковной структуры, изменение порядка назначения епархиальных архиереев, отстранение епископов, неугодных новому правительству, сходило с рук и не воспринималось как узурпация прав.

В начале революции обер-прокурором Святейшего Синода или, как говорили, главой Ведомства православного исповедания, стал В. Н. Львов, ставленник Временного правительства. Здесь надо подчеркнуть, что это наименование условное, в перечне ведомств Российской Империи такого ведомства нет, нет устанавливающего юридического документа и юридического статуса, хотя это название было на слуху. А вот о том, как правильно называлась сама русская Церковь, знали, наверное, не многие: Греко-Российская Православная Церковь. И она никогда не была на положении ведомства. Эти нестыковки заставляет заглянуть в историю, обратиться к причинам их возникновения, коренящимся в реформах Петра I. Идеологом Царя Петра был архимандрит Феофан (Прокопович) — создатель сочинения «Правда воли монаршей». Составлено оно было по поручению Самодержца, намеревавшегося законным путем оградить от власти своего наследника Царевича Алексея. Положения этого сочинения по многим пунктам отличались от традиционного понимания взаимоотношения государства и Церкви.

Противоречие между традиционным Православием и новым рационалистическим «светским» миропониманием достаточно быстро переросло в духовное противостояние двух религиозных сознаний, наметился процесс десакрализации царской власти и как следствие — деперсонализация личности монарха. Как считает доктор исторических наук С. В. Перевезенцев: «Рационалистическое переосмысление прошлого и настоящего России имело вполне зримые и неоднозначные последствия, в том числе идейно-политические. К примеру, в ходе утверждения “рационализма” возникла одна серьёзная проблема — десакрализация как идеи власти, так и самой государственной власти. С одной стороны, Пётр I и его наследники разделяли убежденность своих предков в том, что власть русских монархов имеет своим истоком Божественное происхождение. Однако, с другой стороны, признавая Божественное происхождение своей власти, российские государи впервые в русской истории отказались от достижения в своей деятельности каких-либо духовных целей. Следовательно, произошёл разрыв с предшествующей духовной русской традицией, в соответствии с которой

Российское государство есть, прежде всего, государство истинной Православной веры»[1].

Во многом это было следствием устранения Патриаршества. Вопрос о его ликвидации связан с негативным отношением Петра I к должности Патриарха, ведь глава Церкви именовался Великим государем, а в Вербное воскресенье Царь должен был вести за узду лошадь, на которой восседал Патриарх. Самолюбивому Петру I хотелось не только такого же почитания, но полной самостоятельности в делах и абсолютной духовной независимости. Взамен Патриаршества Петром I был восстановлен Монастырский приказ, в ведение которого передавалось управление церковными вотчинами, ему вменялось посредничество между Церковью и государством. Позже Пётр I подписал Указ об учреждении Духовной Коллегии, которая постепенно была переименована во Святейший Синод. Титул «Святейший», по мнению Царя, больше подобает собранию — синоду, чем отдельному человеку. Святейший Синод был поставлен под контроль государства, осуществлявшийся через обер-прокурора. Исполнять контрольные функции обязывали даже священников, им предписывалось раскрывать содержание исповеди преступников и политически неблагонадёжных граждан, готовивших заговор. Постепенно единство пастырей и паствы разрушалось. В записке С. Ю. Витте «О современном положении в Православной Церкви» (1904) говорится: «Учреждённый Преобразователем России Синод носит только внешние, отнюдь не канонические черты соборности. В нём соборное начало подменено коллегиальностью. Сущность соборного начала не в том, что во главе правления стоит не одно, а несколько лиц, а в том, что каждое из этих лиц является представителем целой общины. Коллегиальность же есть система внутренней бюрократической организации»[2].

Но Церковь в своём сакральном бытии не может быть подвергнута никаким насильственным реформам или трансформациям по усмотрению кого бы то ни было. Она может существовать даже в отсутствие государства. Как говорил Христос, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18:20).

Много старался обер-прокурор В. Н. Львов, упиваясь своей мнимой властью, чтобы «освободить» Церковь от «реакционного», то есть верного Помазаннику епископата, не соответствовавшего духу нового вре-

---

[1] *Перевезенцев С. В.* В поисках нового консерватизма // Родная Ладога. 2016. № 4. С. 47.

[2] Цит. по: *Экономцев Иоанн, игумен.* Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992. С. 160.

мени. Первым делом Львов потребовал устранения из Синода митрополитов двух столиц — Петрограда и Москвы. Сразу же были отстранены митрополиты Питирим и Макарий. В новый состав из прежнего Синода вошёл только архиепископ Сергий (Страгородский), которому предстояло через десятилетия в сане Патриарха искупить ошибки иерархов и начать восстановление погубленной Русской Православной Церкви.

14 апреля 1917 г. масон В. Н. Львов получил от Временного правительства указ о роспуске прежнего состава Синода и назначении нового. Свою хитрую синодальную ротацию он объяснял также стремлением к сплочению духовенства по признаку отношения к госпереворо ту, дабы не расшатывать духовную иерархию. Львов пытался на своей деликатной должности вести себя как «революционный диктатор». Его отличало вызывающее поведение по отношению к архиереям, он победил, добившись указа Временного правительства об отставке Синода. «Церковная революция апреля — августа 1917 г. показала слабость центральной власти на местах, а выбираемые в епархиях архиереи получали гораздо больший авторитет и поддержку, чем назначенный сверху Синод. Можно даже сказать, что Львов 14 апреля использовал “последний патрон” в обойме: после этой даты Временное правительство больше не вмешивалось во внутренние вопросы церковного управления»[1], благодаря чему и появилась возможность проведения Поместного Собора и выборов Патриарха. Лишь 14 июля 1917 г. Временное правительство утвердило «Закон о свободе совести».

Львов легко убедил духовенство признать Временное правительство. Синод, полностью потерявший понимание значимости Богоустановленной власти, не поднял голос в защиту Царя, настойчиво повторяя, что Царь сам отрёкся. А кто из членов Святейшего Синода был свидетелем этого эпохального события или навестил Царя и спросил у него лично?

«Синод не просто узаконил клятвопреступление, не отменив предыдущую присягу и начав приводить к новой. С церковной точки зрения даже свергнутый с престола Государь оставался Помазанником Божиим. Члены Петроградского религиозно-философского общества, обсуждая на своих заседаниях 11–12 марта церковно-государственные отношения, оказались гораздо последовательнее Синода, когда постановили довести до сведения Временного правительства следующее:

---

[1] *Соколов А. В.* Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. С. 236.

“Принятие Синодом акта отречения Царя от престола по обычной канцелярской форме «к сведению и исполнению» совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности факту, которым Церковь признала Царя в священнодействии коронования Помазанником Божиим. Необходимо издать для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства Царского миропомазания, по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинств брака и священства”»[1]. Недавно канонизированный Русской Православной Церковью архиепископ Серафим (Соболев) делал вывод, что «царская самодержавная власть основана на Священном Писании», поэтому «основные истины о Царе и его власти можно назвать догматами царского и государственного права, как об этом свидетельствует митрополит Филарет (Дроздов)»[2]. Так, отрекшись от монархии, представлявшей интересы Церкви, она подписала себе смертный приговор, который очень скоро был приведён в исполнение.

Следует признать охлаждение к вере народа и значительного числа священников, особенно выходцев из народной среды. К началу XX в., и особенно во время Первой мировой войны, религиозность русского народа в целом заметно пошатнулась. Не редкостью стали неверующие, не понимающие сакральных истин священники. И таковых было много, иначе не объяснить того, что в среде рядового духовенства, как белого, так и чёрного, и церковнослужителей, отношение к перевороту было восторженным. Февральская революция рассматривалась иерархией и клириками Русской Церкви не как общенациональная трагедия, а как простая смена одного государственного строя другим, лучшим. Наше тогдашнее священноначалие обнаружило полное забвение учения Церкви о государственной власти, о Симфонии Церкви и Царства, грехе клятвопреступления.

Надо сказать, что к Февралю 1917 г. всё российское общество было психологически подготовлено к смене строя. Расшатывание самодержавных устоев началось с революции 1905 г., сигналом к которой стало «Кровавое воскресенье». Революционные силы «втёмную» использовали харизматичного священника Георгия Гапона, имевшего огромный авторитет среди рабочих, тогда ещё доверявших слову священника. Не-

---

[1] *Троицкий П.* Русская Церковь в Февральской революции [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/167/167_16.htm

[2] *Соболев Серафим, архиепископ.* Об истинном монархическом миросозерцании. СПб., 1994. С. 40, 42.

легалы на рабочие массы влияния не имели, но ловко сумели «подружить» Гапона с «комиссаром» Рутенбергом Пинхусом Моисеевичем. Этот «закадычный друг и соратник» Гапона не только разрабатывал и воплощал сценарий революционных выступлений в столице в январе 1905 г., но в 1906 г. лично руководил убийством прозревшего Гапона. Гапон к тому времени стал для заговорщиков ненужным, отработанным материалом, вдобавок он начал понимать истинные цели своих друзей-комиссаров, заключавшиеся в уничтожении не только царской власти, но и самой России. Вдохновлённые удачной мистификацией с Гапоном революционеры-эсеры во главе с Азефом Евно Фишелевичем пошли дальше, стали рассматривать варианты покушения на Венценосца. «Обсуждался проект, согласно которому удар царю нанесёт священник (был один готовый на дело юноша, который только что окончил семинарию и мог по протекции родных получить место близ Царского Села)»[1]. Другим способом это намерение было успешно осуществлено в Февральскую революцию, достаточно легко вовлёкшую в свои водовороты и Церковь.

Возможные результаты «церковной революции» вдохновлённые «свободой» священнослужители начали коллегиальным образом обсуждать уже через несколько дней после насильственного отрешения от власти Помазанника Божия Царя Николая II. Приоритет в этом принадлежит профессуре Духовных академий, собраниям духовенства столичных и губернских городов. Несколько позже, начиная со второй половины марта, по всей стране стали созываться многочисленные епархиальные, викарианские, городские и благочинические собрания и съезды духовенства.

В марте и апреле эти съезды собирались по инициативе самих рядовых священнослужителей или местных архиереев. 5 мая 1917 г. определением Святейшего Синода Русской Православной Церкви всему российскому духовенству было дано официальное разрешение на проведение на местах различных съездов с участием представителей духовно-учебных заведений и прихожан. На них обсуждению подлежали не только вопросы, касающиеся местных дел, но и проблемы, вызванные происшедшими переменами в политической жизни страны. Решения съездов по каждому вопросу принимались в виде отдельных резолюций.

На формирование мнения приходского духовенства о революционных событиях влияло несколько факторов. Первый из них — это позиция Синода, распоряжениям которого (например, об изменении бого-

[1] *Шубинский В. И.* Азеф. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 252–253.

служебных чинов и молитвословий) православные священнослужители подчинялись согласно внутрицерковной дисциплине. Так, например, 22 марта 1917 г. Синод рекомендовал епархиальным архиереям изъять всю монархическую литературу из епархиальных храмов и монастырей.

Вторым фактором являлся **революционный настрой**, **доходивший до массового психоза**, охвативший с первых чисел марта 1917 г. часть населения страны. Достаточно увидеть кадры кинохроники. В те дни монархические идеи были крайне непопулярны. В отчёте обер-прокурора Святейшего Синода дана характеристика морального состояния православного населения, составленная (на материалах своей епархии) Екатеринославским епископом Агапитом (Вишневским), в которой преосвящённый разделил прихожан епархии на три категории. Самой малочисленной он назвал людей русско-православного мировоззрения и старинного уклада. К наиболее многочисленной категории, по его мнению, принадлежали люди, чья вера была неясной и неглубоко проникала в их жизнь. Они, отдававшие все силы организации своей бытовой жизни, по мнению епископа, настоящими ревнителями веры не были. К третьей категории Владыка отнёс представителей молодого поколения, которых коснулся «современный тлетворный дух отрицания и сомнения, дух гордыни и неповиновения»[1]. Эти молодые люди, писал епископ Агапит, «мечтают о новой революции, от которой ждут для себя “земного рая”, то есть всяческих благ и удовольствий для тела, а главное — ничегонеделания»[2]. В соответствии с такими отчётами, **государственный переворот воспринимался как насущная необходимость для спасения и счастья России**. Из этой благой, общечеловеческой цели логически следовало оправдание ареста и убийства Царской Семьи.

Третьим фактором, определявшим позицию духовенства, являлось отношение к революционным событиям местных правящих архиереев. Февральский переворот нарушил ход церковной жизни, обернувшись для многих представителей духовенства настоящей трагедией. Местные епархиальные преосвященные, которые наряду с губернаторами являлись в глазах населения представителями самодержавной власти, не имея достоверных сведений из столицы и не получая руководящих указаний от Синода, вынуждены были в первые революционные дни принимать

---

[1] Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви) / сост., авт. Предисл. и комм. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2008.

[2] См. подробнее: Всеподданнейший доклад обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913. С. 153–157.

самостоятельные решения, не всегда соответствовавшие происходящим событиям. Многие послания и обращения епископов конца февраля — начала марта 1917 г. опубликовал М. А. Бабкин, блестящий анализ действий преосвященных провели П. Г. Рогозный и А. В. Соколов. Основываясь на этих исследованиях, можно составить картину происходящего.

Епископы своими распоряжениями, проповедями, официальными посланиями и зачастую личным примером давали подчинённым определённую установку на оценку произошедшего переворота. Мнения архиереев, как правило, сильно влияли на позицию рядовых священнослужителей, если епископы пользовались авторитетом у своей паствы. В противном случае, духовенством, зачастую при участии местных органов новой власти, предпринимались меры для увольнения своих архиереев с их кафедр. В некоторых епархиях съезды духовенства и новообразованные церковные советы открыто выступили против своих архиереев, ходатайствовали перед Синодом об удалении («чистке») неугодных иерархов под всевозможными предлогами: за излишнюю строгость и взыскательность, за деспотический нрав, за имевшуюся у них в прошлом репутацию черносотенцев, за связь с Г. Распутиным и т. п. Следует отметить, что большинство обвинений в адрес епископата базировались на слухах и анонимных доносах, не подтверждённых никакими фактическими данными. В некоторых российских епархиях в 1917 г. подобные методы «церковного большевизма» принимали скандальный характер, однако Святейший Синод, несмотря на общий паралич власти в России, пытался сохранять роль решающего арбитра.

За первые месяцы Февральской революции было уволено около полутора десятков правящих архиереев[1], причём большинство из них было отправлено Синодом в отставку по ходатайствам местных епархиальных съездов, часть из которых находилась под сильным влиянием Комитетов общественной безопасности. Эти Комитеты безопасности «внезапно» появились по всей России сразу же после Февральской революции, будучи организованы губернскими масонскими ложами. Такие факты весной 1917 г. были нередки и имели место вследствие проходившей в тот период «церковной революции», явления уникального для России.

П. Г. Рогозный приводит в качестве примера ситуацию в Орловской епархии[2]. Епископ Макарий был назначен епархиальным архиереем в

[1] *Бабкин М. А.* Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году (часть 1), 23 июня, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://relig-articles.livejournal.com/52064.html

[2] *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. СПб.: Лики России, 2008. С. 110–122.

Орёл перед самой революцией. При вступлении на кафедру Владыка остановился на трудностях переживаемого страной военного времени, отметив «противогосударственную деятельность тех слоёв нашего народа, которые возомнили губительное намерение использовать час страданий народной государственой жизни для целей своих политических партий». Касаясь реформ в Церкви, епископ Макарий заметил, что о необходимости подобных преобразований пишется «в таких органах, которые явно принадлежат евреям». Комитет под председательством местного священника С. Аракина, куда входили священники, а также все до одного диаконы и псаломщики «для кворума и демократического ансамбля», вошёл в сношение с Комитетом общественной безопасности. В Синод посыпались жалобы, что Макарий «неуместен и даже опасен в качестве иерарха при новом порядке». Сам Макарий также слал в Синод рапорты и, оправдывая свою деятельность, говорил, что он «всемерно работал... над освобождением, хотя и не полным, рабочего класса из цепких лап жестокого и чуждого русскому народу капитала». Преосвященный отмечал, что у него нет «непростительных грехов против демократии и свободы народной». Отрицал Макарий и то, что он в своих проповедях «сравнивал убиенного иудеями Иисуса Христа с насилием, или что-то в этом роде, над Николаем Вторым». По его словам, он способствовал пресечению еврейского погрома в Киеве в 1906 г. и даже являлся председателем городской комиссии по оказанию помощи евреям.

Однако попытка епископа перейти на революционный язык не принесла успеха, а только вызвала уничижительную иронию у представителей «революционной общественности». Все попытки Макария найти компромисс с Комитетом только подогревали аппетиты последнего. Ни Синод, ни обер-прокурор не желали слушать оправданий и уволили Макария на покой с формулировкой «по собственному желанию». Это особенно удивило Владыку, так как никаких прошений об увольнении он не подавал, о чём и направил в Синод письмо. Но принятое Синодом решение было оставлено в силе. Тогда епископ Макарий написал прошение, чтобы ему на покое проживать в Высоко-Петровском монастыре. «Этой нахальной прямо просьбой возмутил меня преосвященный Макарий», — записал в свой дневник член Синода протопресвитер Н. Любимов. Рогозный подчеркивает, что и сам епископ Макарий допустил ряд серьёзных ошибок. Тут и поиски бесполезных попыток найти компромисс с Комитетом, поочерёдное благословение съезда духовенства и мирян, который только и занимался, что обсуждал реакционную деятельность архиерея. Да и публичные оправдания Макария,

пытавшегося представить себя в роли друга рабочего класса, не принесли ему дивидендов среди ярых противников и отпугивали потенциальных сторонников.

Почему же приходское священство так активно приняло революционные изменения? Для того чтобы это понять, следует обратиться к истории, к характеристике того, какое место священник занимал в государстве и в народной среде императорской России. Приходское духовенство ближе других сословий было к народу, к крестьянству, которое на протяжении веков оставалось глубоко верующим. Приходские священники, кроме собственно религиозных функций, исполняли и ряд чиновничьих обязанностей, вели метрические книги, лечили, учили, сообщали прихожанам государственные указы и распоряжения. То есть являлись тем звеном, через которое государственная власть общалась с народом. При всех этих обязанностях государственного обеспечения у приходских священников не было. Материальное положение России не позволяло перевести священников на государственное жалование, хотя этот вопрос прозвучал в начале 1860-х гг., когда появились первые публикации, посвящённые данной проблеме. К началу XX в. только небольшая часть священников получала казённое жалование. Но на протяжении всей своей истории духовенство было малообеспеченным сословием, которому приходилось тяжело в первейших заботах о пропитании. Не было секретом, что священники, особенно сельские, голодали в прямом смысле этого слова.

Как писали «Московские церковные ведомости» в 1906 г.: «Материальное положение нашего духовенства не из завидных. Небогато живут наши сельские священники; только при деревенской простоте жизни и можно сводить концы с концами. Притом и это скудное обеспечение даётся со страшною тяготою и постоянными уколами совести: и у народа ничего нет, а священник всё же должен с него брать»[1]. Обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев в одном из отчётов сообщал: «Если принять во внимание возлагаемые на духовенство многоразличные обязанности по долгу службы, те требования, какие предъявляет к духовенству нынешняя жизнь и современное общество, и, наконец, вообще служебное положение духовенства, требующее лиц с известным образовательным цензоми, следовательно, с известными умственными запросами и нравственными убеждениями, то справедливость требует признать, что получаемое духовенством вознаграждение за свои труды,

[1] Необычные для нашего времени речи // Московские церковные ведомости. 1906. № 31. 6 августа. С. 313.

действительно, далеко не достаточно, а способ получения этого вознаграждения и условность его размеров слишком тяжело отзывается на нравственном состоянии духовенства»[1].

Священники постоянно говорили и писали о своей бедности, а крестьяне (их прихожане), чьи жизненные потребности были иными, постоянно упрекали своих пастырей в жадности и скупости. Например, бóльшую часть своего дохода клирикам приходилось тратить на образование своих детей, что для крестьянина не являлось насущной необходимостью[2].

Изменение отношения паствы к своим священникам, которым подчас не хватало времени активно заниматься духовным просвещением и воспитанием своих прихожан, и священников к пастве зависело и от перемен, охвативших все государство в начале XX в., в частности, от индустриализации и становления рабочего класса, повлиявшего на смену идеологии. Очевидной становилась антирелигиозная и антицерковная пропаганда и политика культурных слоев общества и части светских властей под лозунгом: «Со Христом против Церкви». Особенно усердствовала в этом направлении интеллигенция. Так, на заседании религиозно-философского общества в Петрограде 8 ноября 1915 г. было высказано Л. М. Добронравовым следующее мнение о Русской Православной Церкви: «Мне безразлична её форма, протестантская она или католическая, имеет ли она иерархию или нет, и каноны безразличны... Что касается того, что Церковь сейчас находится в состоянии паралича, что слышен запах тления, то мне кажется, что Церковь издаёт его не с прошлого дня, не с прошлого года и не десятки лет, а с того времени, когда Церковь до такой степени вошла в связь с государством, что государственные акты совершаются Божией Милостию, ею освящены насилия и т. д. Может быть, с государственной точки зрения и нужно, чтобы духовник исповедовал осуждённого на смертную казнь и провожал его на место казни, но для меня, как для христианина, это довод отвратительный. Может быть, для нашего национального сознания и гордости восхитительно и превосходно, что священник с крестом в руках ведёт в атаку полки, но для меня, как для христианина, это образ тоже отвратительный. Церковь в теперешнем её виде, как она существует, то есть в виде учреждения, которое регламентируется всякими разъяснительными циркулярами, записками, распоряжениями епархиаль-

---

[1] Церковные ведомости. 1905. № 35.

[2] *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 151.

ной власти, обер-прокуроров и пресловутыми канонами, Церковь в том виде, как она есть, это Карфаген, который должен быть непременно разрушен, не во имя каких-нибудь случайных миросозерцаний, а Церковь теперешняя должна быть разрушена во имя Христово»[1]. Так что блоковское: «в белом венчике из роз — впереди Иисус Христос», возникло не на пустом месте.

Для противостояния всем новым опасностям и тенденциям Церкви требовались изменения, необходимо было обновить приходскую жизнь, усилить пастырскую работу. Во многом этому мешало отсутствие у прихода прав собственности и юридической самостоятельности, которая позволила бы на уровне прихода решать многие вопросы не только церковно-просветительские, но социальные. Церковь ожидала перемен, она их с наивным воодушевлением приняла в феврале 1917 г., не осознавая истинных подоплёк революции и её трагических последствий.

Со стороны рядовых клириков достаточно громко звучали голоса о желании повсеместного введения выборного начала, об установлении выборности епископата, о необходимости участия приходских священнослужителей в управлении епархиями, об уравнивании в правах белого, женатого, и чёрного, монашеского, духовенства, о передаче управления епархией белому духовенству, о справедливом распределении между членами причта церковных доходов[2].

Но жизнь Церкви никогда не исчерпывалась и не сводилась к деятельности только её органов управления, и даже если бы эти органы были совсем уничтожены, то Церковь от этого не перестала бы существовать как богочеловеческий организм. Важнейшие сферы церковной жизни — богослужение, богословие, и благочестие Синодальная система никак не затрагивала и не могла затронуть. Поэтому требовался не слом внешней ограды Церкви и не освобождение её от обязанно-

---

[1] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. // Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека — фонд «Русское Зарубежье» / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 3: 1914–1917. С. 258–259.

[2] Комиссия по реформе прихода, работавшая накануне революции, вынуждена была констатировать катастрофическое положение рядового духовенства и низших церковнослужителей. В среде последних в годы войны были зафиксированы даже случаи голодной смерти. См. подробнее: Материалы заседаний комиссии по реформе прихода // РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 3.

сти государственного служения, а лишь починка этой ограды и более правильное распределение обязанностей.

Также на формирование политической позиции приходских священнослужителей сёл и небольших уездных городов оказывал влияние ещё один фактор: **мнение о революционных событиях духовенства крупных городов, в том числе и профессоров Духовных академий.** Зачастую в этих промышленных, транспортных и культурных центрах имелась значительная концентрация антимонархически настроенного населения. Под влиянием общественной атмосферы оказывалось и многочисленное городское духовенство.

Аресты и высылка представителей духовенства начались сразу после Февральской революции. Чаще всего они происходили по инициативе новых местных властей, советов, Комитетов общественной безопасности, мотивирующих свои решения якобы реакционными действиями епископов и священников. Особенно преследовались православные архиереи. Исследуя феномен «церковной революции», П. Г. Рогозный отметил, что наиболее конфликтные ситуации у епархиальных архиереев возникали потому, что Комитеты общественной безопасности и советы видели в них агентов «старого режима». Местные власти всеми способами старались избавиться от неугодных им Владык.

Таким образом, вследствие различного влияния перечисленных факторов, духовенство Русской Православной Церкви на местах занимало неоднородную позицию относительно революционных событий: от выражения откровенной радости по поводу свержения монархии до заявления об аполитичном отношении к государственному перевороту. Но мнимая февральская свобода скоро превратилась в кровавое порабощение Церкви.

Революционные иллюзии

В Карелии (тогда Олонецкая губерния) происходили те же процессы, что и по всей России, только более жёстко, непримиримо, безжалостно. Из доклада наркома внутренних дел КАССР С. Т. Матузенко на XIV областной партконференции в 1938 г.: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено. (Смех в зале)»[1]. Статистика объективна: перед войной в 1941 г. — ни одного хра-

[1] *Чухин И.* Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 40.

ма. А с каким радостным воодушевлением всё начиналось в 1917 г. после свержения Царя под лозунгами свободы, равенства и братства!

Из постановлений Олонецкого епархиального съезда духовенства и мирян 18 июня 1917 г.[1]

1. Епархиальный съезд духовенства и мирян Олонецкой епархии **приветствует совершившийся государственный переворот**, раскрепостивший русский народ и давший Церкви свободу самоуправления, и вместе с тем благоговейно вспоминает и молитвенно чтит память борцов за свободу народа и независимости церкви, а равно благословляет живых, которые стали во главе народного движения к свержению старого строя.

2. Хотя свободная Христова Церковь может существовать при всякой форме государственного устройства, но более благоприятные условия развития церковной жизни даёт демократическая форма государственного управления.

3. Съезд признаёт, что с падением царского самодержавия вся полнота народной власти перешла к Временному правительству, которому выражает полное доверие, высказывает свою готовность содействовать водворению и укреплению на местах нового строя и призывает Божие благословение на исторические труды Временного правительства для блага Родины[2].

В данном постановлении говорится о приветствии духовенством государственного переворота. Обновление страны ассоциировалось у церковных пастырей с наступлением коренных демократических изменений в государственной и общественной жизни. Духовенство публично и официально высказывало свое видение будущего страны, построенного на началах свободы, равенства, братства, правды, добра и справедливости.

Об этом же говорилось и в постановлениях Подольского, Воронежского, Полтавского, Рижского и Ярославского епархиальных съездов, на Закавказском церковном соборе, на Всероссийском съезде военного и морского духовенства, на собраниях священнослужителей Коломны,

---

[1] Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви) / сост., авт. Предис. и комм. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2008. С. 188.

[2] Журналы Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии.17–25 июня 1917 г. // Олонецкие епарх. ведомости. Петрозаводск, 1917. Приложение к № 16. Офиц. отдел. С. 23–24.

Пензы и Вятки. На некоторых городских собраниях духовенства подчёркивалась недопустимость возврата к монархическому строю.

Приходское духовенство в целом, рассматривая вопрос о причинах, вызвавших Февральскую революцию, не говорило об остром политическом и экономическом кризисе в стране. В резолюциях некоторых съездов указывалось, что события в России произошли «по воле Божией и народа». Тем самым фактически утверждался тезис о богоугодности революционных событий, которые воспринимались как «весна России», как «Пасха Красная»[1].

Телеграмма министру-председателю князю Г. Е. Львову Олонецкого епархиального съезда духовенства и мирян 18 июня 1917 г.[2]

Одушевлённый порывом созидательной работы на благо свободной церкви, Олонецкий епархиальный съезд духовенства и мирян приветствует народное Правительство в его стремлении укрепить в стране законность, порядок и свободу, довести войну до конца, достойного великой России, обеспечить братский международный мир и дать исстрадавшейся родине желанное успокоение. С нами Бог[3].

Известия о революционных событиях, происходивших в Петрограде в феврале 1917 г., пришли в тихий, провинциальный Петрозаводск с опозданием, и поначалу лишь в виде слухов, иногда противоречивших друг другу. Местная организация РСДРП, созданная политссыльными ещё в период первой революции 1905–1907 гг., прекратила своё существование и была возрождена только к 1917 году[4]. Пролетариат был крайне немногочислен — его представляли лишь рабочие Александровского завода, лесопильных заводов Кеми, Сороки, к их же числу, правда, с большими оговорками, можно отнести рабочих Мурманской железной дороги (их русской части), основную массу которых составляли

---

[1] *Рогозный П. Г.* «Церковная революция»: март–август 1917 года // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 58.

[2] Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви) / сост., авт. предисл.и комм. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2008. С. 284.

[3] Журналы Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии.17–25 июня 1917 г. // Олонецкие епарх. ведомости. Петрозаводск, 1917. Приложение к № 16. Офиц. отдел. С. 14.

[4] Очерки истории Карельской партийной организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 35, 51.

вчерашние крестьяне, ставшие чернорабочими. Главными вдохновителями революционных идей в немногочисленной рабочей среде были политические ссыльные — недоучившиеся студенты, рабочие, взявшие на себя после событий 1905 г. организацию маёвок и митингов. С 1916 г. в Олонецкий край перестали ссылать членов разного рода запрещённых партий ввиду большого скопления рабочих на строительстве Мурманской железной дороги.

К началу революционных потрясений 1917 г. Петрозаводск жил обычной повседневной жизнью. В конце февраля 1917 г. в местной печати не публиковалось никаких сведений о том, что происходит в столице. Только после того, как среди горожан, разными путями узнававших о последних событиях, началось заметное для губернской власти волнение, 4 марта было опубликовано обращение Городской думы к населению с сообщением об избрании Временного правительства. Ночью с 3 на 4 марта на концерте в здании Общественного собрания (кинотеатр

Здание кинотеатра «Триумф» (Благородного собрания) в Петрозаводске, где проходили выборы в Комитет общественной безопасности. Слева — здание закрытого и переоборудованного кафедрального Святодуховского собора. Петрозаводск, 1931 г. Автор съёмки: Г. А. Анкудинов. Национальный архив РК

«Триумф») был прочитан Манифест об отречении от Престола Государя Императора Николая II. Несколько человек, приехавших вечером из Петрограда, руководили разоружением находившихся здесь представителей местной полиции и жандармерии. Сразу после концерта началось многолюдное собрание с участием интеллигенции, рабочих и офицеров 7-го железнодорожного батальона (строившего участок Мурманской железной дороги) под председательством полковника К. Д. Межинского. На нём было решено создать Комитет общественной безопасности (КОБ), которому должны были подчиниться все учреждения, с целью сохранения порядка в городе при отсутствии полиции.

Состав Комитета на протяжении его существования менялся несколько раз. Первым председателем его стал адвокат И. И. Леви, о котором в городе говорили, что если он брался за какое-либо судебное дело, то заранее можно было быть уверенным, что дело выиграно[1]. Кроме него в комитет также вошли К. Д. Межинский, Р. Л. Прушевский, В. П. Лядинский, Лебедев, Бергер (впоследствии осуждённый за мошенничество).

Утром 4 марта из Петрограда в Петрозаводск прибыли ещё несколько революционных матросов и солдат, которые разоружили всю городскую полицию и жандармерию, отобрали у некоторых горожан хранившееся оружие, произвели обыски и арестовали жандармского подполковника (!). Это свидетельство полного паралича власти. На Александровском заводе был организован массовый митинг с выступлениями нескольких ораторов, а затем — многолюдная манифестация с участием оркестра 7-го железнодорожного батальона, которая прошла с пением песен и красными флагами по центральным улицам Петрозаводска до вокзала[2]. Вечером того же дня на экстренном совещании Городской думы в присутствии многочисленной публики был избран новый состав Комитета общественной безопасности. Его главой стал известный в городе потомственный купец и благотворитель Г. Е. Пименов, членами — гласные Городской думы, представители земства, местной интеллигенции, рабочих, воинских частей, от духовенства — ректор Олонецкой Духовной семинарии протоиерей Николай Чуков (впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий). После низложения губернской администрации Комитет стал един-

---

[1] *Митрофанов А. М.* Записки старого петрозаводчанина. Петрозаводск, 1987. С. 74.

[2] *Крылов В.* Первые дни революции в Петрозаводске // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1917. Т. 9, № 1–3. С. 22–23.

Г. Е. Пименов (1871–1919), петрозаводский городской голова, преемник И. И. Леви в должности председателя Комитета общественной безопасности

Л. В. Никольский (1884–1930), в 1917 г. инженер управления Мурманской железной дороги, социал-демократ, преемник Е. Г. Пименова в должности председателя Комитета общественной безопасности. Место, год, автор съёмки не установлены. Национальный архив РК

ственным органом местной власти, не прекратив своё существование и после официального назначения комиссара Временного правительства инженера И. Ф. Кучевского. Ещё один представитель петрозаводского духовенства, ключарь кафедрального Святодуховского собора протоиерей П. Метелёв, был занят в работе Комитета — его избрали в продовольственную комиссию КОБ[1].

5 марта 1917 г. после утреннего богослужения в Петрозаводском Святодуховском кафедральном соборе епископ Иоанникий (Дьячков) прочитал перед прихожанами Манифесты Государя Императора об отречении и Великого князя Михаила о передаче власти Временному правительству. Затем был совершён благодарственный молебен Господу

[1] Известия Комитета общественной безопасности. 1917. 17 марта (№ 2).

Скульптурный бюст А. М. Кузьмина (1888–1908), казнённого в 1908 г. за покушение на жизнь председателя Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинникова. Место, год, автор съёмки не установлены. Национальный архив РК

Богу, возглашение имен Царской фамилии на богослужениях с этого дня было навсегда прекращено. Ещё спустя несколько дней, 9 марта, Петрозаводск отмечал «праздник Свободы», в котором наряду со всеми участвовало и духовенство. Перед Святодуховским собором собралась многочисленная толпа, прибыли войска железнодорожного батальона с оркестром и с лозунгами «Свобода, равенство, братство», «Да здравствует новое правительство!», «Да здравствует республика!» Затем на площади перед храмом появились командир бригады полковник Алексеев с офицерами, а из собора вышло духовенство в **белых** праздничных облачениях во главе с епископом Иоанникием. В данном случае, в угоду политической конъюнктуре был нарушен Церковный устав, предписывающий духовенству в дни Великого поста носить чёрное или тёмно-фиолетовое облачение (9 марта 1917 г. пришлось на вторую неделю Великого поста). Прозвучал знаменитый гимн Д. Бортнянского «Коль славен наш Господь в Сионе»[1], затем под открытым небом началась панихида по «павшим за свободу России» в дни переворота. Впервые в истории города в панихиде участвовало несколько тысяч человек. После того, как была пропета «вечная память», епископ Иоанникий пошёл по рядам войск и народа, стоявшего на площади, благословляя крестом и окропляя святой водой

[1] Гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» часто исполнялся в общественных местах и на собраниях, как духовное песнопение: во время молитвы в войсках, на крестных ходах, в моменты военных церемоний, при погребении старших офицеров.

стоявших. После этого в городе продолжился светский праздник с многотысячной манифестацией[1].

Позже, в конце марта 1917 г. в Петрозаводске с опозданием на неделю была устроена манифестация в память погибших в Петрограде «жертв революции», похороны которых состоялись там ещё 23 марта 1917 г. на Марсовом поле. Манифестанты с красными флагами прошли по центральным улицам города, и, задержавшись у кафедрального собора, пропели «вечную память» погибшим в Петрограде «борцам за свободу»[2]. В Петрозаводске было известно имя одного местного уроженца-«революционера», 19-летнего А. Кузьмина, который, совершив покушение на председателя Петербургской судебной палаты, был казнён в 1908 году. Влияние большевиков в 1917 г. в Петрозаводске было незначительным, в местном Совете рабочих и солдатских депутатов до января 1918 г. преобладали меньшевики и эсеры.

Революционные перемены затронули и приходскую жизнь в губернском центре. Впервые для того, чтобы прихожане в дни Светлой Седмицы могли принять у себя священника с крестом, им было необходимо заблаговременно предупредить об этом причт и выслать приглашения. Это было сделано для того, чтобы после объявленной правительством свободы вероисповедания не «оскорбить» чувства тех, кто не желал видеть священника в своём доме в праздничные Пасхальные дни[3].

В 1917 г. «февральские» настроения распространялись на всё большее число жителей Петрозаводска, в том числе и на духовенство. Священник П. Метелёв публикует в местной печати следующее объявление: «Граждане! Нам не нужны бронзовые романовские медали и др. знаки — отдадим их на нужды обороны!..» Протоиерей Н. Суперанский, охваченный общим порывом, написал стихотворение «Гимн свободе», начинавшееся такими словами:

Отчизна ль Россия? — того мы не знали,
Жалкую участь влача здесь рабов.
Во имя царизма в нас мысль подавляли,
Боялись живых человеческих слов...[4].

---

[1] *Крылов В.* Первые дни революции в Петрозаводске // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1917. Т. 9, № 1–3. С. 33–34.

[2] Манифестация // Известия Комитета общественной безопасности. 1917. 31 марта (№ 13).

[3] Известия Комитета общественной безопасности. 1917. 28 марта (№ 10).

[4] Известия Комитета общественной безопасности. 1917. 19 марта (№ 4); Гимн свободе // Известия Комитета общественной безопасности. 1917. 29 апреля (№ 35).

Потом, на строительстве Беломорканала, или в пыточных камерах НКВД, или перед казнью в Сандормохе, где было расстреляно 11 111 человек, они услышат *такие* «живые человеческие слова», которых при Царе точно не слыхали.

Правящий архиерей, епископ Иоанникий (Дьячков), был настроен не менее радикально. Он возглавлял Олонецкую епархию с 1916 г. вместо умершего преосвященного Никанора (Надёжина). Епископ приехал в Петрозаводск в декабре 1916 г. и управлял епархией всего около двух с половиной лет, причём почти половину из этого времени жил сначала в Петрограде, а затем на родине, в Вятской губернии, где и остался, будучи уволен на покой Святейшим Патриархом в конце 1918 года. За время своего пребывания на Олонецкой кафедре епископ Иоанникий не предпринимал никаких действий как управляющий епархией. Более того, он даже не пытался отстаивать интересы Церкви в то тяжёлое время. Приехав в епархию, епископ начал с того, что, по выражению верующих, «втоптал в грязь постройки и распоряжения своего предшественника и нашёл их никуда не годными и, не прилагая ни рук, ни сил к довершению неоконченного, решил продать и дома, и храм... Но в этом случае воспрепятствовала Петрозаводская городская управа и не разрешила продать принадлежащее ей, занимаемое архиерейскими домами плановое место, составляющее целый квартал»[1].

Понимал ли епископ Иоанникий во всей полноте, какие перемены наступают в жизни государства и общества и каким образом они могут отразиться на судьбе Русской Церкви? Факты свидетельствуют лишь о том, что он старался соответствовать духу времени. Один из примеров — его реакция на ситуацию, произошедшую в значительно удалённом от губернского центра Вытегорском уезде. Там местное духовенство не высказало поддержки Временному правительству, более того, в Вытегорском Совете рабочих и солдатских депутатов даже посчитали, что некоторые священники «восстанавливали население против правительства». В результате из Вытегры в Петрозаводск на имя епископа Иоанникия была направлена телеграмма с просьбой «принять энергичные меры» против непослушных. Архиерей, проявив рвение в данном вопросе, не замедлил с ответной телеграммой, которая была опубликована в газете «Известия комитета общественной безопасности». «Удивляюсь, — вопрошает он, — неужели пастыри Церкви забыли пример Пастыреначальника Господа нашего Иисуса Христа и Его святые заве-

[1] *Басова Н. А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 46.

ты? Напоминаю таковым, что долг пастырей служить примером послушания Временному правительству и, мало того, призывать свою паству к тому же словом убеждения, вразумления и всеми тому подобными средствами. И пастыри Церкви, решающиеся восстановить население против Временного правительства, пусть знают, что за такого рода деятельность они подлежат в правовом государстве суду по всей строгости законов, как враги государства. Как не отвечающие высокому назначению, такого рода пастыри будут устранены и по суду церковному от пастырского делания»[1].

Подобным образом, в духе времени, отреагировал он и на жалобу на одного из священников, отказавшегося служить панихиду по «борцам за свободу». На жалобе он оставил свою резолюцию: «Разъяснить причтам епархии, что служение панихид по павшим в борьбе за свободу — святой долг и обязанность пастырей Церкви. Пастыри Церкви, отказывающиеся от служения таковых панихид, обнаруживают не только полное непонимание своих прямых обязанностей, но и нежелание уяснить их себе... Советую пастырям церкви побольше обращать внимания на самообразование, чтобы быть истинными светочами миру»[2].

Подобная ситуация наблюдалась практически во всех российских епархиях. Поддержка, приветствие, доверие и готовность содействовать Временному правительству были засвидетельствованы в постановлениях многочисленных епархиальных съездов (Московского, Ставропольского, Рижского, Нижегородского и др.), в резолюции Закавказского церковного собора, в постановлении Московского совета благочинных, в резолюциях собраний духовенства ряда городов.

Некоторые епархиальные съезды, например, Вятский, Тверской, Донской и Таврический, а также собрание духовенства Курганского уезда Тобольской губернии высказывались за отделение Церкви от государства. Впрочём, основная масса духовенства придерживалась иной точки зрения, выступая за предоставление Церкви самостоятельности в управлении, то есть за некоторое «отдаление» Церкви от государства. Широко звучавший на десятках съездов и собраний духовенства тезис о полной совместимости Церкви с какой угодно формой государственного правления, на страницах церковной периодики стал даже называться «шаблонным».

---

[1] Телеграмма Вытегорского исполнительного комитета на имя Его Высокопреосвященства Иоанникия, епископа Олонецкого и Петрозаводского // Известия Комитета общественной безопасности. 1917. 14 апреля (№ 22).

[2] О служении панихид по борцам за свободу // Известия Комитета общественной безопасности. 1917. 5 мая (№ 41).

Одна из типичных точек зрения духовенства на события в стране была выражена на пастырском собрании г. Владимира. 21 марта оно постановило, что церковная проповедь не должна иметь политического характера (например, о форме правления, о выборах в Учредительное Собрание и т. п.). Главную цель своей проповеднической деятельности владимирское духовенство видело в миротворчестве: во внушении прихожанам любви и единения между собой и обязательном подчинении Временному правительству. Резолюция этого собрания весной 1917 г. неоднократно публиковалась в церковной периодической печати в качестве положительного примера и образца аполитичности.

Хотя в стране и раздавались отдельные голоса духовенства с призывами вернуться к старому порядку, но они заглушались всеобщей радостью по поводу свержения монархии. Если священник занимал контрреволюционную, «недопустимую для данного момента» позицию, то остальные зачастую публично осуждали его, заявляя об «отмежевании» от контрреволюционера, о своей «несолидарности» с ним.

Наиболее чётко официальная позиция рядовых священнослужителей Русской Православной Церкви в отношении к политическому перевороту и к новому политическому строю страны была выражена на созванном по благословению Синода Всероссийском съезде православного духовенства и мирян, открывшемся в Москве 1 июня 1917 года. Среди более 1200 его делегатов фактически отсутствовали представители епископата. Причиной тому было стремление не допустить, чтобы этот съезд по своему статусу стал Поместным собором. Декларация съезда, принятая на его заключительном заседании 12 июня практически единогласно, являлась обобщением резолюций епархиальных съездов. В ней падение монархии признавалось закономерным и «народоправие» объявлялось лучшей формой государственного устройства. В частности, декларация, взятая за образец для постановлений на последующих епархиальных съездах, гласила: «Приветствуем совершившийся политический переворот, давший церкви свободу самоуправления. ...Чтим, как граждане, память самоотверженно страдавших и умиравших в борьбе за права народа и благословляем имена живых, ставших во главе народного движения к свержению прежней, потерявшей общее доверие власти».

К официальному голосу клириков Русской Православной Церкви о Февральской революции можно также отнести и слова, обращённые к российскому духовенству, от священников — членов Государственной Думы, которые 4 марта 1917 г. характеризовали смену формы власти как происшедшую «для блага» народа.

Таким образом, Всероссийский съезд православного духовенства и мирян, Всероссийский съезд военного и морского духовенства, большинство епархиальных, широкий ряд городских и благочинических съездов отрыто и официально дали положительную оценку происшедшим в России революционным событиям. Анализ резолюций этих съездов позволяет сделать вывод, что в 1917 г. российское духовенство в целом относилось к императорской власти не как к сакральной власти Помазанника Божьего, а как к переходной форме политической системы, соответствующей определённому историческому этапу развития России. Всё высшее духовенство и подавляющее большинство рядового духовенства признали новую власть. Основная причина этого заключается не в сервилизме иерархии и запуганности рядового духовенства, не в мнимом противостоянии «священства» и «царства», не в неких революционных наклонностях духовенства, а «в многолетнем разложении синодального строя»[1], как считает П. Г. Рогозный.

«Крах всей синодальной системы, бунт низшего духовенства против иерархии, повсеместное введение выборного начала — таковы основные черты “церковной революции”»[2], спусковым крючком которой была ложь об отречении Царя Николая II. И все ожидания оказались ложными. Но в «синодальном периоде» далеко не всё было плохо, и как справедливо подчеркивает священник Александр Шмеман, «и под этим, ставшим до конца чуждым, государственным прессом — жизнь Церкви не замирает, и “синодальный период”, вопреки очень распространённому убеждению, никак нельзя считать временем упадка, оскудением духовных сил, какого-то вырождения... За официальной, сложной, трагической историей Петербургской России мы видим снова и снова другую, никогда не прекращавшуюся: историю медленного собирания духа, “стяжания благодати”, просветления почерневшего человеческого образа — неизреченной славой Первообраза»[3].

Несмотря на объявленную в 1905 г. веротерпимость, именно «господствующую церковь» проправительственные и умеренно-оппозиционные силы склонны были считать главной виновницей духовного

---

[1] *Рогозный П. Г.* «Церковная революция»: март–август 1917 года // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 56.

[2] Там же.

[3] *Шмеман Александр, протоиерей.* Исторический путь Православия. М., 1993. С. 382.

и отчасти политического кризиса. Широко было распространено представление о её стагнации, вызванной всевластием так называемой «синодальной бюрократии»[1]. Под ней понималось как чиновничество «ведомства православного вероисповедания», так и церковный епископат. Докладчик октябрьской фракции Государственной думы по церковным вопросам И. Никаноров в главном рупоре партии — газете «Голос Москвы» — в статье «На краю пропасти» писал об «ужасном состоянии» Русской Церкви, виной чему были именно «синодальные порядки»[2]. Интересно отметить, что политические деятели склонны были обвинять «синодальную бюрократию» как раз в тех грехах, которые им самим вовсе не были чужды. Прежде всего, речь шла о втягивании Церкви в политику и различные общественные скандалы[3]. Никаноров в своих статьях призывал рядовое духовенство протестовать против вмешательства светской власти в церковные дела и отмечал, что такое вмешательство происходит по вине епископата[4]. «Синодальная бюрократия» обвинялась в реакционных взглядах и в обслуживании интересов реакционного правительства.

Яркой иллюстрацией является ситуация думских выборов 1912 г. Министерство внутренних дел и ведомство обер-прокуратура попытались использовать духовенство для избрания послушных власти депутатов. Предполагалось заставить священников провести агитационную кампанию среди паствы, а также выдвинуть максимально возможное количество духовенства в выборщики и депутаты. Русский консервативный публицист, один из идеологов русского националистического движения Михаил Меньшиков выразил резкий протест против «адского плана» ввести в Думу 20 епископов и 200 священников. Он писал, что избиратель «должен послать в Государственную Думу не 200 жидов и не 200 попов, а 200 граждан — с одним заветом: спасти Россию на высоте культурного величия. Парламент наш дол-

---

[1] *Гайда Ф. А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 18.

[2] *Никаноров И.* На краю пропасти // Голос Москвы. 1910. 10 августа.

[3] *Гайда Ф. А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 18.

[4] *Никаноров И.* Постыдный приказ // Голос Москвы. 1916. 16 июня.

жен быть не партийный и не сословный, а государственный, или одной ***горькой ошибкой*** в нашей стране и истории будет больше»[1]. Кроме того, по мнению политиков, «синодальная бюрократия» оказалась погрязшей в безнравственности[2].

Скандалы, связанные с церковной тематикой, активно обсуждались в прессе. Наиболее распространённой была распутинская тема «о влиянии тёмных сил». Газеты писали, что Распутин руководит кружком, в котором практикуется «духовное и телесное сближение слушательниц с проповедником», и что он имеет «высоких покровительниц». Всё это должно было внушить публике «полное отвращение, если не омерзение»[3]. На самом же деле, личность Распутина не играла существенной роли, ибо важно было доказать не то, что Распутин падший человек, а то, что Царь окружает себя безнравственными людьми, позволяет им вмешиваться в дела Империи. Личность сибирского старца Григория была использована противниками монархии как орудие против Императорской Семьи и Церкви. «Д. С. Мережковский говорит после этого, что спасение Церкви в том, чтобы она была гонима. Он желает этого гонения и думает, что иначе и быть не может, что только гонимой Церковь и может быть спасена. Дмитрий Сергеевич, по-видимому, не замечает, что православная Церковь давно гонима. Сама гонительница, она в то же время и гонима, и последние десять лет она гонима, угнетаема и умерщвляема самым ужасным, самым постыдным образом, о чём знает весь свет, потому что весь свет теперь знает, что над русской Церковью православной стоит и попирает её своей мерзкой ногой какой-то ужасный смердящий гад, вылезший из сибирских болот, которому поклоняются епископы»[4]. Убийство Распутина — всего лишь зримое дей-

---

[1] *Меньшиков М. О.* Предвыборная тревога // Новое время. 1912. 13 сентября.

[2] *Гайда Ф. А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 19.

[3] Непорочное сближение // Голос Москвы, 1910. 17 июня.

[4] *Соколов В. П.* Природа в Церкви и её судьба в истории // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека — фонд «Русское Зарубежье» / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 3: 1914–1917. С. 260.

ствие незримого до поры заговора российской, французской и английской элит[1].

Многое способствовало тому, что «в политических кругах Русская Церковь в основном воспринималась как часть бюрократического механизма, поражённая всеми характерными для него в целом язвами. Это представление активно внушалось стране как оппозиционными, так и проправительственными партиями, поскольку пользовалось определённой поддержкой части общества и позволяло политическим деятелям таким образом повышать собственную популярность в глазах избирателей. Рост оппозиционных настроений в перспективе неизбежно вёл и к общественной изоляции Церкви»[2]. Как писал в «Русской мысли» непосредственно перед началом Февральской революции А. С. Изгоев, духовенство осталось «за пределами традиционного мировоззрения русской общественности»[3]. Сразу после победы революции А. Ф. Зайцев в новом, близком по духу к революционному Временному правительству журнале «Русская свобода» напишет: «Церковь в условиях новой жизни есть лишь одна из других многочисленных *общественных* организаций»[4]. В данном случае в термине «общественный» содержался не позитивный, а негативный смысл: Церковь не связывалась с обществом, а отделялась от государства, от претензий на определяющее всероссийское значение[5].

Олонецкая губерния с первых дней Февраля не отвергла политических игр и лозунгов и присоединилась к общероссийской перестройке, оказавшись во власти революционных иллюзий. Весной 1917 г. церковно-общественная жизнь Петрозаводска бурлила, как никогда ни до, ни после этого. Активная подготовка к Поместному Собору, на-

---

[1] См. подробнее: *Стариков Н. В.* Кто и зачем убил Распутина? [Электронный ресурс]. URL: http://lit.md/files/nstarikov/1917_razgadka_russkoj_revolyucii.pdf

[2] *Гайда Ф. А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 23.

[3] *Изгоев А. С.* На перевале. Наша гражданственность // Русская мысль. 1917. № 2. II пагинация, С. 109.

[4] *Зайцев А. Ф.* Важнейшая задача // Русская свобода. 1917. № 1. С. 15.

[5] *Гайда Ф. А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 23.

чавшаяся по всем епархиям весной 1917 г., воспринималась и духовенством и мирянами как давно назревшая необходимость. И, тем не менее, для большинства из них стремительно происходившие перемены были неожиданными. Ректор Олонецкой Духовной семинарии протоиерей Н. Чуков, осмысливая происходящее, писал в статье «Ближайшая задача духовенства», опубликованной 15 апреля 1917 г. в «Олонецких епархиальных ведомостях»: «Совершившийся государственный переворот с неизбежностью влечёт за собой изменение в положении русской Церкви вообще и духовенства в частности. Создаются новые условия для внешней жизни Церкви; произойдёт коренное переустройство и внутри Церкви на широких началах соборного самоуправления. Свобода совести оставит в ограде Церкви только тех, кто искренно, по совести останется православным; свобода вероисповеданий освобождает противоборствующие православию силы и ставит все исповедания в равное положение, оставляя в руках духовенства только единственное надежное оружие — духовное. Конечно, этой свободе надо только радоваться и приветствовать её как проявление духа Христова. Но, надо правду сказать, этот переворот застаёт Церковь неподготовленною ни к формам нового строя, ни к внутреннему церковному движению. И естественным является некоторое церковное смятение и недоумевающие вопросы: как быть? что делать?»[1].

С февраля 1917 г. повсеместно при учреждениях, организациях начали массово возникать разного рода комитеты, союзы, и пр. Местное духовенство также проявило инициативу по созданию собственного объединения. 19 марта в здании Духовной консистории прошло организационное собрание белого духовенства, на котором присутствовали и миряне. Обсуждались вопросы образования местного Союза белого духовенства и присоединения его к Всероссийскому, созыв епархиального съезда духовенства и мирян, вопрос о церковном Соборе. Таким образом, в марте 1917 г. для подготовки выборов депутатов на Поместный собор и обсуждения насущных общественных и церковных проблем в Петрозаводске возник Союз белого духовенства, который со временем должен был охватить все приходы епархии. По общей традиции того времени на собрании был избран исполком, в который вошли протоиереи Н. Чуков, Д. Островский, иереи Н. Звероловев, А. Петропавловский, диакон П. Логиневский, диакон А. Казанский и псаломщик А. Петров. Задачей этого органа стало решение организационных во-

[1] *Чуков Н. К., протоиерей*. Ближайшая задача духовенства // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 8 (15 апреля). С. 172–173.

просов, связанных с созданием Союза духовенства и его дальнейшего функционирования.

В условиях нарастающей политизации общества всё бóльшую роль начинали играть политические партии, общественные комитеты и советы. Наиболее организованными в Олонецкой губернии оказались партии социалистов-революционеров (эсеры) и социал-демократов, которые сформировали свои комитеты уже в самом начале апреля 1917 года. Последующий захват власти большевиками не нашёл понимания в земской среде Олонецкой губернии. Земцами также было заявлено о необходимости решительно выступать против нарушения демократических свобод (слова, собраний и т. д.) и насилия со стороны большевиков, «превосходящего в своих проявлениях худшие приёмы самодержавия»[1].

Весной-летом 1917 г. «церковная революция» достигла пределов Олонецкой епархии, в этот период в местную церковную жизнь было привнесено много новшеств. В течение марта-апреля 1917 г. в губернском центре прошёл ряд собраний, на которых обсуждались важнейшие вопросы церковной жизни. 23 марта, 4, 5 и 14 апреля на заседаниях Союза белого духовенства были разработаны вопросы созыва предстоящего Епархиального съезда духовенства и мирян, его состав и порядок выборов, а также организация Совета при епископе. Было решено организовать при правящем епископе постоянно действующий Епархиальный совет из двенадцати выборных членов, с участием мирян, отменить духовную цензуру «Олонецких епархиальных ведомостей» и проповедей городского духовенства. Было принято постановление о переизбрании по епархии благочинных и, в соответствии с распоряжением Св. Синода, об амнистии всех подсудных из духовенства. Духовная консистория при участии исполкома Союза белого духовенства должна была распределить 25 000 рублей в пособие беднейшим членам причтов, так как главным образом именно они, образовав свой диаконский союз, проявляли «революционную активность», требуя финансового равноправия, разделения причтовых доходов поровну со старшими членами причтов. В мае был избран Епархиальный совет при епископе, в него вошли три священника, три диакона и шесть мирян[2]. В приходской жизни впервые стало применяться выборное нача-

[1] *Баданов В. Г.* Земские учреждения Олонецкой губернии (1867–1918): самоуправление, хозяйство и культура. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. С. 353.

[2] Члены Совета при Олонецком епископе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 11 (21 мая). С. 252.

ло. Самые первые в истории Олонецкой епархии выборы на церковную должность состоялись в июне 1917 г. в г. Каргополе. Собрание прихожан и городского духовенства избрало настоятеля городского собора — им стал епархиальный миссионер, священник И. Ильинский[1].

Съезд духовенства Олонецкой епархии с большим представительством мирян, которых активно привлекали к участию в церковной жизни, проходил в Петрозаводске с 17 по 25 июня 1917 года. В день его открытия перед началом работы епископом Иоанникием с духовенством в Святодуховском соборе был отслужен молебен, а при начале работы съезда в Братском Назарьевском доме была провозглашена «вечная память» почившему епископу Никанору, предшественнику епископа Иоанникия, и «павшим борцам за свободу». В начале работы съезда сложилась уникальная в своём роде ситуация — глава епархии, извинившись перед присутствующими, покинул съезд и в дальнейшем совсем не участвовал в его работе, объяснив это «занятостью канцелярскими и хозяйственными хлопотами»[2].

В работе этого представительного собрания участвовало 200 депутатов, из которых 2/3 составляли миряне. В большом количестве, как писал митрополит Григорий (Чуков) в своих воспоминаниях, на съезд прибыли низшие члены клира, которые, по его выражению, придали этому собранию «распущенный характер», хотя заранее было определено, что на съезде будет равное представительство духовенства: одинаковое число депутатов от священников и от диаконов с псаломщиками[3]. В епархиальной газете он поделился своим впечатлением от съезда, отмечая непривычно большое для епархиальных съездов духовенства число участников и тот «дух времени, угар революции, **психоз**», который охватил даже церковных людей. Некоторые участники съезда в этом порыве предлагали, например, сократить содержание епископа, Архиерейского дома и консистории[4]. Тем не менее там было принято и много нужных и полезных решений.

---

[1] Первый избранный пастырь // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 13. (11 июня). С. 286.

[2] Журналы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. 17–25 июня 1917 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 16 (15 июля). Приложение к «Официальному отделу». С. 4.

[3] *Александрова-Чукова Л. К.* Портал «Богослов.ru». Григорий (Чуков): вехи служения церкви Божией. Воспоминания, дневник, документы, речи и статьи. 1917–1923 гг. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bogoslov.ru/persons/571152/

[4] *Чуков Н. К., протоиерей.* Впечатления от епархиального съезда // Олонецкие епархиальные ведомости, 1917. № 15 (1 июля). С. 332.

На съезде обсуждались важнейшие вопросы, связанные с демократизацией епархиального управления, оживлением приходской жизни, при этом полное отделение Церкви от государства признавалось нежелательным. Разрешение множества других насущных проблем стояло перед участниками съезда, который проходил в течение недели. Однако многие полезные решения так и остались на бумаге, поскольку жизнь внесла свои коррективы.

С мая 1917 г. в губернии и, прежде всего, в Петрозаводске началось массовое учреждение самостоятельных приходов при храмах. Первоначально они назывались попечительства или братства, а впоследствии переименовывались в приходские советы. Существование приходских советов — органов общин верующих, было явлением новым, не имевшим ещё традиций и примеров для подражания. Их деятельность строилась на основе выработанных общиной уставов. Впоследствии, с началом репрессивной политики советского государства в отношении Церкви, эти объединения стали серьёзной опорой для своих храмов и священнослужителей. Первое совместное многочисленное собрание петрозаводского духовенства и мирян, посвящённое обсуждению этих проблем, состоялось 26 апреля 1917 года. На повестке дня стояли проблемы регламентации приходской жизни, выяснение прав и обязанностей приходских общин, собраний. За основу для регулирования приходской жизни было взято «Положение о приходских собраниях и советах» 1905 г., в которое был внесён ряд поправок[1].

После первого собрания состоялось ещё несколько, на которых выступали священники, преподаватели Олонецкой Духовной семинарии с разъяснением многих вопросов церковной жизни и особенностей современного момента, проходили выборы на Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве, на Епархиальный Съезд духовенства и мирян, на Поместный собор. В каждом приходе обсуждались вопросы, связанные с происходящими изменениями в церковной жизни, велась регистрация прихожан, происходили выборы в приходские советы. Однако нельзя сказать, что местное духовенство активно включилось в эти преобразования — не все его представители были открыты навстречу переменам. Основную массу духовенства Олонецкой епархии составляли сельские священники, традиционно отличавшиеся консерватизмом и осторожностью. По словам митрополита Григория (Чукова), к какой бы то ни было «политической» деятельности олонецкое духовенство было совершенно непричастно.

---

[1] Из церковной жизни г. Петрозаводска // Известия Комитета общественной безопасности, 1917. № 42 (6 мая).

В статье «Организация в приходах», опубликованной 15 октября 1917 г., протоиерей Николай Чуков писал о том, что в большинстве приходов работа, начатая «революционной» весной, продвигается медленно. Отсутствие инициативы он объяснял многолетней привычкой духовенства, с одной стороны, беспрекословно подчиняться начальству и ждать его прямых указаний, а с другой, полной зависимостью от прихожан. Несколько позже, вспоминая этот момент, о. Н. Чуков писал: «...Мы большей частью пребывали в беззаботной уверенности, что революция добродушно пройдёт мимо Церкви. От вопроса об отделении Церкви от государства мы думали отделаться как от назойливой мухи...»[1]

Отец Николай Чуков, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий

За десять дней до октябрьского переворота автор названной статьи, уже не питавший никаких «февральских» иллюзий, предупреждал о том, что стало для него очевидно: «Момент серьёзный и даже грозный. Нельзя спокойно ждать, что всё само собою устроится... Тут опасность грозна не одним пастырям, но и всем верующим... Православная вера не будет ни кем защищаема..., храмы будут имуществом государства и могут быть обращаемы для государственных надобностей в лазареты, казармы, склады, а то и театры... Закон Божий будет изгнан из школы, ...браки могут быть без церковного венчания, дети без крещения, люди могут быть без всякой веры...»[2]. Спустя несколько месяцев все его опасения полностью подтвердились, и это происходило на протяжении всего XX века.

---

[1] *Чуков Н. К., протоиерей.* Отделение Церкви от государства // Олонецкие епархиальные ведомости, 1917. № 3/4 (1–15 февраля). С. 19.

[2] *Чуков Н. К., протоиерей.* Организация в приходах // Олонецкие епархиальные ведомости, 1917. № 22 (15 октября). С. 427–429.

Пасха Красная

Самым значительным церковным результатом 1917 г. можно считать то, что на Поместном Соборе Русской Православной Церкви на Патриарший престол был избран святитель Тихон (Беллавин). Это событие, явившееся залогом спасения Церкви в дальнейшем, произошло 5/18 ноября 1917 года.

Революционные иллюзии духовенства стали рассеиваться очень скоро. «Если в марте подавляющее большинство населения испытывало эйфорию по поводу совершившегося переворота, то по мере "углубления" революции многие стали её проклинать»[1].

В 1918–1930-х гг. продолжались национализация церковных земель и зданий, ликвидация монастырей, изъятие мощей, гонения на духовенство. В Олонецкой епархии ярким примером преследования за веру Христову стало разорение в 1918 г. великой северной святыни Александро-Свирского монастыря и расстрел настоятеля архимандрита Евгения и двух человек, находящихся с ним. Они стали первыми мучениками на Карельской земле. Также были убиты иноки Важеозерского, Яшеозерского, Николо-Ондрусовского и др. монастырей. Назвать этих иноков капиталистами, буржуями, эксплуататорами никак нельзя. Причина их расстрелов — осатанелость и ненависть к Церкви Христовой её гонителей.

Осенью 1918 г. духовенство было отстранено от совершения актов гражданского состояния. Тогда же за противодействие декрету СНК РСФСР о свободе совести, выразившееся в отказе передать государству Духовные учебные заведения, из Олонецкой епархии были высланы видные священнослужители Русской Православной Церкви: ректор, протоиерей Н. К. Чуков, председатель Совета Духовных училищ епархии священник П. В. Дмитриев, протоиереи Метелев, Дроздин, священники Звероловлев, Сперанцев и другие. Северной Голгофой для русского духовенства стал Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), открытый в 1920-х гг. на острове в Соловецком монастыре. Самым крупным в системе ГУЛАГа на территории Карелии был лагерь, сформировавшийся на базе строительства Беломоро-Балтийского канала в 1930–1933 годах[2].

---

[1] *Рогозный П. Г.* «Церковная революция»: март–август 1917 года // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Издво Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 61.

[2] *Сорокина Т. В.* О деятельности комиссии по сбору материалов к прославлению подвижников Петрозаводской и Карельской епархии // Право-

Советская власть пыталась использовать для дискредитации духовенства массовый голод 1921 года. В 1922 г., заявив о сопротивлении высших церковных иерархов изъятию церковных ценностей, власти начали судебные процессы против церковнослужителей. 4 августа 1922 г. Карельская областная ЧК арестовала священников Александро-Невской церкви В. Т. Хазова, Г. И. Гумилева, а также членов приходского совета Святодуховского собора. Они обвинялись в контрреволюционной агитации, нелояльности к советской власти. После ареста Патриарха Тихона руководство церковной жизнью в России попытались взять в свои руки обновленцы, избравшие Высшее церковное управление (ВЦУ). В Петрозаводске инициативная группа «Живой церкви» возникла в июне 1922 года. Её возглавил настоятель Крестовоздвиженского собора протоиерей П. Дмитриев, он же стал уполномоченным ВЦУ. Канонический епископ Евфимий был отстранён от управления епархией, дважды подвёргся аресту и был сослан в Надымский край. ВЦУ назначило новым «главой» епархии «архиепископа Вологодского» Александра (Надеждина), прибывшего в Петрозаводск весной 1923 года. Верующие разделились на два лагеря — тихоновцев и обновленцев. Горожане, поддерживающие Патриарха Тихона, сплотились вокруг Святодуховского кафедрального собора. В состав приходского совета собора входило более 40 мирян, 10 членов совета, по сведениям на конец 1924 г., были осуждены. В январе 1930 г. постановление исполкома Петрозаводского совета назвало Кафедральный собор «центром группировки враждебных трудящимся антисоветских элементов». 2 марта 1930 г. в помещении закрытого кафедрального собора Святого Духа начала действовать общественная столовая на 5000 мест. В 1936 г. здание собора было взорвано. 26 июля 1929 г. была закрыта и передана под музей Александро-Невская церковь[1].

В этих условиях активизировалась антицерковная кампания. Первые ячейки Союза воинствующих безбожников (СВБ) в Карелии возникли в г. Петрозаводске весной 1926 года. К началу 1930 г. в Карелии насчитывалось 5327 членов СВБ.1 февраля 1930 г. было принято правительственное решение прекратить колокольный звон во всех дерев-

---

славие в Карелии (Материалы 2-й международной научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов) / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 422.

[1] См.: *Филимончик С. Н.* Горожане и Церковь в Карелии в 1920-е гг. // Православие в Карелии (Материалы 2-й международной научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов) / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 440–442.

Разбитие колокола кафедрального Святодуховского собора. Петрозаводск, 1930 г. Автор съёмки: Г. Анкудинов. Национальный архив РК

нях Карелии, а все колокола передать в фонд индустриализации. Храмы закрывались под разными предлогами и без предлогов, священников ссылали в концлагеря. Часто осуждённые внесудебными органами, тройками ОГПУ, представители духовного сословия, священники и монашествующие приговаривались к ВМН (высшей мере наказания) — расстрелу. Все они пострадали за Христа, приняв мученическую кончину, и предстоят теперь пред Господом в сонме новомучеников и исповедников Российских.

К 1930 г. из 594 храмов было закрыто 330, из 1724 часовен — 1708, из монастырей не осталось ни одного, из 1370 священников осталось только 200. К 1936 г. по Карелии осталось только 100 церквей и 77 священнослужителей[1].

[1] Материалы об Олонецкой епархии в годы репрессий (конец 1920-х — 1930-е годы) подготовлены на основе данных из книг: *Детчуев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения Карелии (1917–1990). Петрозаводск, 1999; Их называли КР: Репрессии в Карелии 20–30-х годов / сост. А. М. Цыганков. Петрозаводск, 1992; *Чухин И.* Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

В 1937–1938 гг. по стране прошла волна массовых репрессий, в том числе против духовенства и верующих. В течение длительного времени история этой национальной трагедии была известна только в общих чертах и в намеренно искажённом виде. Существовала продуманная государственная система дезинформации общественности как внутри страны, так и за её пределами, которая действовала очень эффективно, так что и собственные граждане часто оказывались введёнными в заблуждение относительно «конфликта» Церкви и государства. На словах провозгласив религию частным делом граждан, государство с самого начала выступило сильным и коварным врагом не только религии, но и всех своих граждан — верующих и, прежде всего, священнослужителей. Зачастую принадлежность человека к духовному сословию являлась причиной ареста. Жизнь в тот период контролировалась инспекторами по наблюдению и негласными осведомителями НКВД. По любому доносу священнослужители подвергались аресту. Обвинение, как правило, предъявлялось по «политической» 58-й статье — в антисоветской агитации, контрреволюционной деятельности и пр.

Разборка Голгофы в кафедральном Святодуховском соборе. Петрозаводск, 1930 г. Автор съёмки: Я. М. Роскин. Национальный архив РК

«Репрессии в Карелии, — пишет известный исследователь этой темы И. Чухин, — проходили по общим планам Центра, на основе решений ЦК ВКП (б) и приказов НКВД СССР»[1]. Как и всем республикам и областям СССР, республике сверху был отпущен свой специальный «лимит», который было необходимо выполнить. И. Чухин приводит следующие цифры: в 1937 г. «лимит» в общей сложности предполагал

[1] *Чухин И.* Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 36.

репрессировать 3700 человек (2800 — I категория, расстрел; 900 — II категория, лишение свободы). Число 37 — случайное ли совпадение?

Огромные масштабы репрессий в Карелии явились следствием, по данным И. Чухина, двух агентурных разработок, заведённых районными отделениями НКВД ещё в 1936 г. Эти разработки получили названия «Повстанцы» и «Диверсанты». Реализация первой началась в июне 1937 года. Все районные отделения НКВД включились в соревнование по борьбе с «повстанцами». В рамках этого дела арестовывались различные категории «контрреволюционеров»: троцкисты, эсеры, меньшевики, в их числе оказалось и духовенство. Самое большое число священнослужителей, по данным И. Чухина, было репрессировано в Заонежском (епископ Трофим Якобчук, священник Пётр Смирнов, сторож церкви Лидия Шежемская), Пудожском (архиепископ Феодор Яковцевский), Кемском (игумен Соловецкого монастыря Василий Челпанов), Олонецком (священник Михаил Воздвиженский) районах. Всего в ходе этой операции было арестовано: священников, диаконов, монахов — 63 человека, «церковников» — 124 человека[1].

Самым «передовым» в борьбе с «врагами народа» оказался Заонежский райотдел (РО) НКВД: на территории Заонежского района находилось большее, по сравнению с другими районами республики, количество духовенства и действующих храмов. В этом райотделе ещё с 1927 г. существовала агентурная разработка «Чудотворцы», которая спустя десять лет (в рамках разработки «Повстанцы») была реализована под названием «Церковники» (в результате было репрессировано 60 священнослужителей из более чем 500 репрессированных жителей района). Отмечая особенности репрессий в Заонежском районе, И. Чухин относит к их «достижениям» нацеленность на Церковь. В июле 1937 г. начались аресты заонежского духовенства. Большинство священников, служивших в Заонежье, являлись выпускниками Олонецкой Духовной семинарии, в которой сохранялись лучшие традиции воспитания духовных пастырей, поэтому церковная община в этом районе была достаточно сильна. Это не могло остаться незамеченным местными органами НКВД.

Аресты производились сотрудниками Заонежского РО НКВД без предъявления обвинительных материалов, лишь на основании справок местных сельсоветов[2]. Справки-характеристики на тех, кого планиро-

---

[1] *Чухин И.* Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 40.

[2] *Чухин И.* Указ. соч. С. 30, 57; Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-5455. Т. 1. Л. 204.

валось арестовать, председатели сельсоветов писали под диктовку начальника райотдела милиции в его кабинете. Согласно установившейся практике, арестованным не давали читать протоколы допросов. В них оперативными работниками дополнительно вносились недостоверные показания, «изобличавшие» обвиняемых, с признаниями собственной вины и именами «сообщников». Таким образом, круг лиц, подлежавших аресту, расширялся. Для того чтобы получить подпись под документом, следователи зачитывали лишь подлинные показания, опуская сфальсифицированные. Зачастую начальник Заонежского отделения НКВД заранее писал протоколы допросов, содержащие признания во всех предъявляемых обвинениях от имени тех арестованных, которые ещё ни разу не были на допросе[1].

Следственная практика в Карелии в те годы ничем не отличалась от общепринятой. Генеральным прокурором СССР А. Вышинским был сформулирован тезис о том, что признание обвиняемым своей вины является главным доказательством. Именно на этом — на «выбивании» признаний — строилось всё «следствие» 1937 года. В работе с арестованными применялись избиения, угрозы, издевательства, допрос «стойка», непрерывный допрос, фальсификация материалов. Следствие велось далёкими от уголовного права методами: помимо «выбивания» показаний от измученных бессонницей арестованных, «корректировки» протоколов и подлогов, широко использовались показания умственно отсталых людей[2].

Аресты Заонежского духовенства начались в июле 1937 года. По версии, сфабрикованной в РО НКВД, в районе существовала «контрреволюционная повстанческая организация, подготовлявшая вооружённое восстание в целях свержения советской власти и реставрации капитализма в СССР»[3]. Организатором её был «назначен» епископ Трофим (Якобчук), который в 1926 г. был выслан из Москвы за «религиозную деятельность» и отбывал долгую ссылку в Карелии. На момент ареста он жил в д. Масельская Гора Толвуйского сельсовета. Епископа Трофима, которому в мае 1937 г. исполнилось шестьдесят восемь лет, обвинили в руководстве повстанческой организацией, якобы созданной им и действовавшей с 1927 года. Он был арестован 27 июля 1937 года. Вслед за ним арестовали ещё двух человек, священника Петра Смирнова и жену

---

[1] *Чухин И.* Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 59.

[2] Там же. С. 16, 48, 51.

[3] Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-12581. Л. 151.

высланного священника, служившую сторожем при храме, Лидию Шежемскую. Они обвинялись в руководстве контрреволюционными повстанческими группами на территории тех сельсоветов, где жили[1]. На основании сфальсифицированных протоколов допросов этих первых трёх человек, обвинённых в руководстве и активном участии в повстанческой организации, начались массовые аресты духовенства, церковнослужителей и мирян по всему Заонежью, которые продолжались на протяжении осени и зимы 1937–1938 годов.

1 октября 1937 г. были арестованы священник Яндомозерской церкви Виктор Орлов, иеромонах Василий (Угаров), священник Толвуйской церкви (в 1908–1914 гг. — монах Палеостровского монастыря) и псаломщик Вырозерской церкви Алексей Поляков. 24 октября — священник Кижской церкви Алексей Петухов, 28 октября — священник Кажемской церкви Александр Гедевский, 12 ноября — бывшие священники Тимофей Петровский из с. Великая Нива и Константин Дикаревский (был арестован в посёлке Мереж-Наволок Кондопожского района). 18 ноября — священник Сенногубской церкви Василий Остроумов, 22 ноября — бывший священник Дмитрий Маклионов, живший в с. Кажма. Аресты продолжались и в 1938 г.: одним из последних 5 марта был арестован бывший священник, принадлежавший к секте скрытников, Фёдор Маклионов, живший в д. Фоминская Паяницкого сельсовета. На протяжении осени и зимы 1937–1938 гг. Заонежское районное отделение НКВД продолжало аресты остававшихся на свободе священно-церковнослужителей и мирян.

Всем им приписывалось активное участие в контрреволюционной повстанческой организации, которое заключалось «в проведении антисоветской агитации, вредительстве, вербовке новых лиц в свою группу, посещении нелегальных собраний, на которых обсуждались вопросы подготовки вооружённого восстания». В дополнение к этому, тех, кто в годы Гражданской войны оказался в Финляндии или в приграничных с ней районах, обвиняли в шпионаже и связях с иностранной разведкой (о. Алексей Петухов, Дмитрий Маклионов).

Во всех следственных делах, без исключения, на первом допросе арестованные отказывались признать предъявленные обвинения. Но в процессе «расследования», после применения следователями запрещённых методов воздействия на заключённых, характер их показаний меняется. Протоколы допросов, составленные в Заонежском райотделе

[1] Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-12584. Л.156-157; Д. 18527. Л. 7-7 об.

НКВД, заранее отпечатанные на машинке, почти не отличаются друг от друга. Написанные казённым, канцелярским языком советского судопроизводства, с традиционными языковыми штампами того времени, все они содержат признания в собственной вине и списки лиц, причастных к «преступной деятельности». Как правило, «правдивые» показания начинаются со слов: «Я убедился в том, что следствию всё известно, а поэтому решил говорить только правду. Признаюсь в том, что до дня моего ареста я являлся активным участником контрреволюционной организации»[1].

Таким образом, после получения многочисленных «признаний», выявления так называемых сообщников, а также выяснения обстоятельств дела, была реализована разработка органов НКВД под названием «Церковники». В результате, все арестованные священнослужители Заонежского района обвинялись по различным пунктам 58-й статьи УК РСФСР, согласно которой были приговорены к расстрелу. Расстрелы начались в конце октября и продолжались до марта 1938 г., но большинство заонежских священнослужителей погибло в ноябре–декабре 1937 года. Всего за шесть месяцев 1937 г. в районе не осталось не только духовенства, но и многих верующих, членов церковных советов. С этим связано и относительно большое число арестованных в районе женщин. К духовной оппозиции властям была отнесена и большая группа учителей[2]. Одному Богу известно, через какие страдания им пришлось пройти, прежде чем завершился их земной путь.

В большинстве дел, заведённых в ходе этой операции, содержатся лишь необходимые судебно-следственные документы, без приобщения других материалов, которые бы выступали в качестве доказательств (проповеди, речи, переписка, личные, финансовые и имущественные документы и т. п.). Единственным исключением является содержащаяся в материалах уголовного дела на кижского священника о. Алексея Петухова его проповедь, сказанная в последний, перед арестом настоятеля и закрытием церкви, престольный праздник Преображения — 19 августа 1937 года. Это были дни тяжёлых испытаний для пастыря, который выступил против превращения храма в светский музей. Когда после закрытия в 1936 г. Преображенской Кижской церкви никто из верующих не надеялся больше в Светлое Христово Воскресение переступить порог этого храма, о. Алексей, вопреки решениям властей, провёл

---

[1] Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-5455. Л. 16.

[2] *Чухин И.* Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 95.

в нём Пасхальную службу. И всё лето 1937 г. священник, как это было на протяжении двухсот лет и до него, встречал прихожан в древнем храме, бесстрашно исповедуя свою веру.

В проповеди в день Преображения Господня 1937 г. о. Алексей обратился к своей пастве с такими словами: «Сегодня мы, дорогие слушатели, вспоминаем и празднуем Славное Преображение Пречистаго Тела Господа нашего Иисуса Христа, которое произошло во время Его земной жизни на горе Фаворе в присутствии трёх любимейших учеников. В память этого события ваши прадеды выстроили и освятили сей великолепный храм, а ваши отцы и деды богато и художественно его украсили. Свыше двух столетий храм этот служит украшением вашей местности, а сейчас пользуется вниманием со стороны верующих и неверующих. В день храмового праздника позвольте поздравить Вас с двойным праздником и побеседовать вообще о Церкви и также о вере православной. Церковь Христова в Слове Божием часто сравнивается с кораблём. Плывёт этот корабль Христов по житейскому морю, на нём есть кормчие и матросы, на нём есть также и пассажиры — это сыны Церкви. Все ждут тихой пристани и приятного путешествия. Корабль Христов — Церковь Православная, теперь переносит страшную бурю и находится в страшной опасности.

За 1000 лет существования Православной Церкви на Руси никогда она не была в столь тяжёлом положении, как сейчас. С одной стороны, религиозное невежество самих христиан, религиозное равнодушие, ненависть к вере, а с другой стороны — современное безбожие, неверие и распри в самой Церкви, всё это вместе подняло страшную бурю, все устремились на Церковь, чтобы обессилить её, вконец разбить её. Враги христианства не дремлют, враги напрягают все силы, чтобы утопить священный корабль Христов и уничтожить веру православную. Но мы знаем, что на корме корабля церковного стоит невидимо Небесный Кормчий — Господь наш Иисус Христос. Мы знаем из Священного Писания, что даже врата адовы не одолеют Церковь, мы знаем, что этот корабль не погибнет до конца мира, и что рано или поздно он придёт к тихому и верному пристанищу. Но мы и то знаем и видим, что в эту безбожную бурю многие из плывущих на корабле гибнут, гибнут и по чужой, и по собственной вине. Жаль их, и к ним всегда применим голос Кормчего, Спасителя: “Бодрствуйте, будьте готовы!”

Итак, ревёт буря, тьма безбожная вокруг, волны заливают корабль, а мы на корабле спим непробудным сном! Довольно спать! Нужно работать, нужно употреблять все законные меры, способы и все усилия, чтобы довести корабль до тихой пристани, и на нём самим спастись.

Поэтому в первую очередь мы должны: усилить хождение в храм в праздничные дни к богослужениям, изучать Закон веры православной, дать детям религиозное воспитание, теснее сомкнуться около Церкви, открыто показать врагам веры, что мы Церковь нашу любим, любим Ея учение, богослужение и Ея влияние на жизнь. Если Церковь Христова жила во времена гнёта языческого, во времена господства всяких нечестий и лжеучений, то и теперь, что бы ни случилось, какие законы бы ни были изданы, какая-либо безбожная проповедь ни раздавалась, Церковь устоит, и православная вера не погибнет, лишь бы мы не спали, были ревностны для веры и помогли бы общему делу спасения.

Итак, долой уныние и сон смертельный, который ведёт к вечной погибели. Будем все трудиться для Христа, для Его Церкви и Его Евангелия. И через общие наши усилия, с помощью Божией доведём корабль — Церковь Христову до тихой пристани, и с нею сами спасёмся. Аминь»[1]. Безусловно, каждое слово этой проповеди в 1937 г. могло стоить жизни. Так и случилось: в конце октября того же года о. Алексей был арестован, а 20 ноября расстрелян.

Массовые аресты, проходившие по всей Карелии, не могли не затронуть и петрозаводское духовенство. В столице республики к концу 1930-х гг. осталось всего две действующие кладбищенские церкви. В одной из них, во имя св. вмц. Екатерины, служили тихоновцы, в другой, Крестовоздвиженской — обновленцы. Репрессии коснулись и тех и других. Дело, заведённое на священнослужителей Екатерининской церкви, содержащее в числе прочих материалы на протоиерея Николая Богословского, дало основание к канонизации этого пастыря в сонме новомучеников и исповедников Российских.

Священномученик Николай Петрозаводский (Николай Иванович Богословский) родился 3 мая 1875 г. в деревне Паяницы Петрозаводского уезда (впоследствии — Заонежского района) Олонецкой губернии в семье священника. После окончания Казанской Духовной семинарии в 1897 г. он был рукоположен в сан священника, после чего продолжил своё образование в Казанской Духовной академии, которую к тому времени, несмотря на начавшиеся гонения, сумел сохранить её ректор, епископ Анатолий (Грисюк)[2]. Спустя три года о. Николай окончил Академию, но служить в храме стал только с 1925 г. — сверхштатным свя-

[1] *Цыганков А. М.* И стоял народ и смотрел // Их называли КР: репрессии в Карелии 1920–1930-х годов / сост. Цыганков А. М. Петрозаводск, 1992. С. 169–171; архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-5455. Лл. 3–4.

[2] Архив УФСБ РФ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-3708. Л. 24.

щенником Святодуховского кафедрального собора в Петрозаводске. Через год он был возведён в сан протоиерея, а 30 октября 1929 г. утверждён штатным соборным священником[1]. В конце того же года храм закрыли, и его причт и община перешли служить в кладбищенскую церковь во имя св. вмц. Екатерины (после ухода оттуда обновленцев). Отец Николай жил в Петрозаводске со своей матушкой, Александрой Георгиевной, детей у них не было. В течение семи лет, до дня своего ареста, священник служил в Екатерининской церкви. В июле–сентябре 1937 г. было арестовано всё духовенство этого храма по обвинению в создании «контрреволюционной организации церковников». В ходе непродолжительного «следствия» велись допросы, которые начались сразу же после ареста и продолжались в течение двух месяцев. Только одному Богу ведомо, что пришлось пережить в условиях неволи и мучений отцу Николаю, которому к тому времени было уже шестьдесят два года. Но он не подписал ни одного из тех протоколов, в которых от него требовалось признать выдвинутые против него обвинения в «контрреволюционной деятельности». 2 ноября 1937 г. тройка НКВД Карельской АССР приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Богословский был расстрелян 4 ноября 1937 г., в день Казанской иконы Божией Матери[2]. 25 марта 2004 г. на заседании Священного Синода под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от Петрозаводской и Карельской епархии в Собор новомучеников и исповедников Российских XX в. был включён священномученик Николай.

Невозможно было оценить последствия репрессий духовенства для епархии. Характеризуя ситуацию повторим, что, И. Чухин приводит в своей книге выдержку из доклада наркома внутренних дел КАССР С. Т. Матузенко на XIV областной партконференции: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено. (Смех в зале)»[3]. Такая политика государства привела к тому, что в 1940-е гг. Олонецкая епархия перестала существовать как самоуправляющаяся: были разрушены или закрыты практически все храмы, уничтожено духовенство.

С 1 сентября 1944 г. Олонецкая епархия утратила свою самостоятельность и перешла в ведение Ленинградской и Новгородской митропо-

---

[1] Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 2961, Д. 3/50. Оп. 1. Л. 81 об., 82.

[2] Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-3708. Лл. 60, 61.

[3] *Чухин И.* Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 40.

лии, которая назначала благочинных для управления делами. Попытка церковного руководства (митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова)) восстановить в Карелии самостоятельную епархию была предпринята только в 1947 г., однако не увенчалась успехом. В течение двух лет, в 1947–1949 гг., на Олонецкую кафедру назначались архиереи, но власти не допустили возрождения самостоятельной Олонецкой епархии. В результате с 1949 г. епархия управлялась митрополитами Ленинградскими и Ладожскими, а восстановление её самостоятельного статуса произошло только в 1990 году.

«Последствия этих гонений, — по словам игумена Дамаскина (Орловского), — сказываются и по сию пору. Массовое уничтожение святителей, просвещённых и ревностных пастырей, подвижников благочестия понизило нравственный уровень общества, из народа была выбрана соль, что поставило его в угрожающее положение разложения...»[1].

Однако, несмотря на проведение антицерковной государственной политики, на протяжении 1930-х гг. власти вынуждены были констатировать, что население Карелии оставалось религиозным. Вопреки гонениям, сохранялось массовое посещение церквей в дни религиозных праздников, подтверждением чему служило соблюдение церковной обрядности, массовые прогулы на предприятиях, лесозаготовках и в колхозах в дни церковных праздников. Достаточно высоким был авторитет духовенства среди населения. Репрессии против православных священников, монахов и верующих продолжались вплоть до Великой Отечественной войны.

К началу Великой Отечественной войны церковная жизнь в Олонецкой епархии была полностью уничтожена, уже в 1940 г. на территории всей Карелии не было ни одного служившего священника. Большинство священнослужителей были расстреляны, отправлены в тюрьмы и лагеря, остававшиеся в живых были вынуждены уехать или искать любую работу, чтобы выжить. Три последних храма, один в Повенце и два в Петрозаводске, официально были закрыты весной–летом 1941 года.

В период финской оккупации церкви, закрытые или переоборудованные под клубы, школы, склады, вновь открывались для богослужения, допускалась организация церковно-приходских школ. В храмах служили финские священники. Богослужения, как и преподавание За-

---

[1] *Дамаскин (Орловский), игумен.* История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается: Специальный выпуск «Вестника архивиста». М., 2001. С. 97.

кона Божия, совершались на финском языке. В целом к концу 1943 — началу 1944 гг. в Карелии открылось около 40 православных храмов (после изгнания финнов на 1 ноября 1944 г. в списке действующих числилось 18 церквей)[1].

В отличие от «национального» населения, карелов и вепсов, русское население перемещалось в лагеря, большей частью, находившиеся вблизи Петрозаводска. Оккупационные власти узнали, что в одном из лагерей для «ненационального», т. е. русского населения, совершаются богослужения. Их совершал заштатный священник Пётр Макаров, один из немногих священнослужителей, уцелевший от репрессий. Он был родом из Заонежья, из деревни Леликово. Когда храм в его деревне был закрыт в конце 1920-х гг., он уехал жить в Петрозаводск, где его и застала война. Священник Пётр Макаров начал исполнять пастырские обязанности по просьбам заключённых с конца 1941 г. в шести лагерях, в каждом из которых под церковь было выделено и оборудовано небольшое помещение. Первая литургия была совершена им 8 января 1942 года. Сначала ему приходилось надевать изношенное, рваное облачение, не было церковного вина, пшеничной муки для просфор, вместо них использовались ржаной хлеб и брусничный сок на сахарине, вместо богослужебных сосудов — стеклянная сахарница на ножке, кофейная ложечка и обычная тарелка под хлеб. После разговора с финским православным священником Эркки Пийроненом, ходатайствовавшим за русского священника перед комендантом лагерей, отцу Петру было разрешено пользоваться облачениями из петрозаводской Крестовоздвиженской церкви, использовать богослужебные сосуды, взятые оттуда же, кроме того, был выделен мешок пшеничной муки и 10 литров церковного вина. Только в июле–сентябре 1943 г. о. Пётр совершил 53 службы, на которых присутствовало 1692 причастника и 11500 молящихся, совершил 103 крещения. Всё это, безусловно, утешало людей и давало им силы выжить в нечеловеческих условиях. К сожалению, по окончании Великой Отечественной войны, в 1946 г. о. Пётр был обвинен по ст. 58-п.1 (измена Родине) и выслан на 10 лет отбывать заключение в лагерях. Священнику в 1946 г. исполнилось 69 лет, о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

---

[1] Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 3. Оп. 3б. Д. 101; *Басова Н. А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 45–240; *Детчуев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990). Петрозаводск, 1999. С. 10–111.

Отец Александр Романушко с партизанами

Другой пример ревностного служения Богу и людям в годы войны показал протоиерей Александр Федорович Романушко (1894–1955). Отец Александр скончался в Петрозаводске, исполняя обязанности благочинного церквей епархии и являясь настоятелем Крестовоздвиженского собора (в 1954–1955 гг.). В годы войны он находился далеко отсюда, в Белорусском Полесье — служил настоятелем храма в Мало-Плотницком приходе Логишинского района Пинской области БССР.

Село Малая Плотница было оккупировано немцами в июле 1941 года. С конца лета 1941 г. на белорусской территории стало формироваться партизанское движение. В 1942 г., когда священнику Александру Романушко удалось связаться с партизанами-подпольщиками, он начал активно им помогать.

С 1 марта 1943 г. о. Александр сам стал работать в подполье, получая задания руководителей партизанского движения, сочетая эту деятельность со служением в храмах. А в ноябре 1943 г. он вместе со всей семьёй ушёл в партизанскую бригаду им. Куйбышева. Священник не раз участвовал в боевых операциях, ходил в разведку, был в полном смысле слова партизанским батюшкой. В оставленных духовенством храмах и местностях, где церкви были сожжены, о. Александр совершал отпевания расстрелянных, заживо сожжённых, а также павших на поле боя партизан. И неизменно во время богослужения призывал

верующих помогать партизанам и защищать родную землю от захватчиков. Священник не боялся брать с собой сводки Совинформбюро, другие материалы и листовки. Беседуя с людьми, он просил их не поддаваться ни на какие провокации немцев, мобилизовывал местных жителей на борьбу. В характеристике, данной отцу Александру командиром партизанских соединений Пинской области генерал-майором Комаровым и начальником Штаба партизанских соединений капитаном Федотовым, отмечено: «Священник Романушко А. Ф. безукоризненный патриот своей Родины».

Стал хрестоматийным следующий пример смелости священника о. Александра Романушко.

В 1943 г., когда люди собрались отпевать убитого полицая, при всём народе и вооружённых товарищах убитого о. Александр сказал: «Братья и сестры, я понимаю большое горе отца и матери убитого, но не наших молитв и "Со святыми упокой" своею жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо "Вечной памяти" произнесём же: "Анафема". А затем, подойдя к полицаям, призвал их искупить свою вину и обратить оружие против немцев. Эти слова настолько впечатлили людей, что многие прямо с кладбища ушли в партизаны»[1].

Протоиерей Александр Романушко участвовал в партизанском движении с лета 1942 до лета 1944 года, т. е. до самого освобождения Пинской области от оккупантов. Впоследствии он был награждён медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «Партизану Отечественной войны» I степени. Долгое пребывание в лесах, среди пинских болот, сильно подорвало здоровье священника.

Сразу после освобождения территории от захватчиков в 1944 г. о. Александр Романушко был назначен временно управляющим приходами Пинско-Полесской епархии. В 1945 г. он передал управление назначенному Московской Патриархией архиепископу Минскому и Белорусскому Василию (Ратмирову), а сам был назначен управляющим делами Полесской епархии, благочинным Полесского округа и настоятелем Михайловского собора г. Мозыря. В 1945 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием I (Симанским) он был возведён в сан протоиерея. За служение на церковной ниве ему было преподано Патриаршее благословение и благодарность. До 1950 г. протоиерей Александр Рома-

[1] *Якунин В. Н.* Велик Бог земли Русской // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 37.

нушко совмещал служение в соборе с исполнением всех административных обязанностей, возложенных на него.

В октябре 1950 г. по ложному доносу его арестовали органы госбезопасности. Под «следствием» в заключении его держали почти три года. Семья священника уехала в Харьков, к ней он смог вернуться только летом 1953 г., после снятия ложных обвинений и освобождения. Длительное заключение окончательно разрушило его подорванное в годы войны здоровье, поэтому после освобождения он вынужден был лечиться, будучи за штатом.

Но в 1954 г. священник получает новое назначение — его посылают служить в далёкую северную Олонецкую епархию. Отец Александр становится настоятелем Крестовоздвиженского собора г. Петрозаводска и благочинным церквей Олонецкой епархии, которая с 1944 г. управлялась из Ленинграда. Оказавшись на новом месте служения, протоиерей Александр Романушко энергично взялся за исполнение возложенных на него обязанностей — ездил по епархии, пытался отстаивать от закрытия и без того немногочисленные действующие храмы. Но, к сожалению, сил и здоровья у священника к тому времени почти не осталось. На новом месте он прослужил чуть больше года — с марта 1954 по июнь 1955 года. 27 июня 1955 г. протоиерей Александр Романушко скончался и был похоронен в Петрозаводске.

Возрождение

1950–1960-е гг. явились особым периодом в деятельности Русской Православной Церкви. Наметившаяся в годы Великой Отечественной войны тенденция к религиозному возрождению и улучшению отношений Церкви и государства в эти годы сменилась антиклерикальной политикой, по сути направленной на полное уничтожение Церкви. В 1950 г. в Карелии насчитывалось всего 7 действующих церквей: Крестовоздвиженский собор и Екатерининская церковь в Петрозаводске, Соломенская, Олонецкая, Сортавальская, Лавдинская и Заонежская церкви. В них служили 11 священников, 3 диакона и 1 псаломщик. Кроме того, 51 человек составлял церковный актив. Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви В. Клишко был составлен план мероприятий, включавший усиление антирелигиозной пропаганды среди населения, особенно в Петрозаводске, Сортавале, Олонце, где оживилась деятельность Церкви. Усилился контроль за посещением церквей. Информация об участии в церковных обрядах служила причиной преследования людей по месту работы или учебы. В 1950 г. была уволена с работы сотрудник комитета радиоинформации Р. Я. Прохорова, ис-

ключён из партии казначей Крестовоздвиженского собора, зав. прионежской сберкассой О. В. Егоров. В 1953 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) обратился к Патриарху Алексию с жалобой на местные власти Карелии, которые запрещали выезды духовенства в районы под страхом лишения регистрации.

Однако, несмотря на применение антицерковных мер, в дни больших праздников церковные службы в Петрозаводске, Сортавале, Олонце посещало до 1760 человек. Такое положение вызывало озабоченность властей. **В 1961 г., в бытность Хрущева, у которого были троцкистские замашки, Карелия была официально провозглашена экспериментальной площадкой по внедрению тотального атеизма.** В результате, к 1962 г. в Республике осталось всего 4 церкви и 8 священнослужителей: две в Петрозаводске, по одной в Сортавале и Олонце. Духовенство было отстранено от финансовых и хозяйственных дел на приходах, и функции управления церковными делами переданы церковному активу, так называемой «двадцатке». Священнослужителям запрещалось посещать квартиры мирян под любым предлогом, кроме тяжёлой болезни.

Церковь была лишена даже права нанимать в частном порядке художников-реставраторов для реставрации произведений живописи без ведома органов охраны памятников. В 1961 г. в Карелии был проведён учёт церквей. Учтено 156 недействующих церковных зданий, сохранявших свой вид, из них 25 являлись памятниками архитектуры. Районные исполкомы советов предложили приспособить под культурно-просветительные учреждения 8 церковных зданий, под хозяйственные нужды — 16, снести 107, из них из-за ветхости 94, из-за невозможности использовать для других целей — 12, из-за реконструкции Петрозаводска — 1. Подобное решение вызвало протест деятелей культуры республики. По инициативе первого директора Музея изобразительных искусств М. Поповой 150 человек подписали заявление о необходимости сохранения богатейшего культурного наследия. Совместными усилиями церкви тогда отстояли, хотя впоследствии они всё равно уничтожались. Сотрудникам музея удалось в 1960-е гг. вывезти в Петрозаводск самые ценные в художественном отношении памятники, в том числе более 2 тыс. икон, которые составили всемирно известную коллекцию музея. Часть икон была направлена в Кижи, Кемь, Олонец, Вирму, благодаря чему организовано 5 центров хранения живописи XV—XVIII веков[1].

---

[1] См.: *Вавулина Л. И.* Православная Церковь в Карелии в 1950–1960 гг. // Православие в Карелии (Материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов) / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 447–451.

Таким образом, хотя деятельность Русской Православной Церкви в 1950–1960-е гг. была существенно ограничена, Церковь сумела выстоять и сохранить своё влияние среди населения Республики, значительная часть которого признавала себя верующими.

Первые ростки нового отношения к Церкви связаны с подготовкой и празднованием 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. Это событие отмечалось не только как религиозное, но и как знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры и государственности. Оно способствовало принятию нового закона «О свободе вероисповеданий». Результатом принятия его стало рассмотрение заявления верующих и регистрации новых православных приходов в городах Костомукше, Кондопоге, Пудоже, Сегеже, Олонце, посёлках Пряжа, Надвоицах и других.

20 июля 1990 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Священный Синод Русской Православной Церкви приняли решение о создании самостоятельной Петрозаводской и Карельской епархии, которая с 1949 г. находилась в подчинении Ленинградской митрополии. «Самостоятельность, — отметил Святейший, — будет способствовать духовно-нравственному воспитанию, укреплению семьи, честному отношению к труду, что всегда проповедовала и будет проповедовать Русская Православная Церковь»[1].

Так, почти на век растянулись последствия «церковной революции». Возрождение Русской Православной Церкви, начавшееся в конце 80-х — начале 90-х гг., тоже не было гладким. В системе кризисов и стереотипов, когда государство надеялось на церковное послушание и подчинение себе Церкви, а Церковь предполагала установление с государством отношений, способствующих общественному благу, эти отношения оставались противоречивыми. Но никакие светские установки не могут исказить Промысел Божий, отвернуть от Христовой Церкви народ, почти сто лет находившийся под испытанием своей веры и пострадавший за неё. Отступников от веры по сравнению с исповедниками и мучениками было много-много меньше. Иначе не восстали бы из руин церкви и монастыри, не был бы разгромлен фашизм, не прекратились бы разделения внутри самой Православной Церкви. За этот век много было явлено свидетельств о Воскресении Христа и Святой Его Церкви.

---

[1] Очерки Православия в Карелии / авт.-сост. Э. Д. Степанова; Федерал. агентство по образованию, Мин-во культуры и по связям с обществ. РК, ГОУВПО «КГПУ». Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2008. С. 204.

Это ли не доказательство Божиего промысла, Божией помощи и необходимости сбережения «христианского чувства истории»? Как говорит А. С. Панарин, «Человеческие попытки заполучить запланированную историю, развивающуюся в заранее заданном направлении, тщетны в принципе, ибо человеческая история слишком серьёзное дело, чтобы принадлежать человеку, — она принадлежит Богу. Если бы она безраздельно попала в руки человеческие, она давно бы уже закончилась»[1].

История России не закончилась тогда, когда, казалось, к тому сложились все поводы и причины, когда был пленён «Удерживающий» — законный правитель России — Помазанник Божий Царь Николай II, и тьма беззакония объяла Православное Царство. Россию, которая во многом была виновата в том, что с ней случилось, милосердный Господь передал под Покров и попечительство извечной Заступницы — Богоматери, чудесно явившейся в день отрешения Императора от Престола в образе «Державной» иконы. Как сказал в день памяти явления иконы Божией Матери «Державная» Святейший Патриарх Кирилл: «Ушёл Царь, но Сама Богородица возглавила страну, и Покров Божией Матери не снимается с нашего Отечества». Так что самым важным юбилеем 2017 г. из всех следует считать 100-летие восшествия на русской Престол Богоматери Державной, которое чудесным образом состоялось в день Русской Голгофы 2 (15 н. ст.) марта 1917 года.

Как сказал на Всемирном Русском Народном Соборе 2016 г. выдающийся современный писатель Владимир Николаевич Крупин, «не будь этого явления, Россия бы тогда погибла: она не может существовать, если над ней нет спасающей защиты сил небесных. Те жертвы, та кровь, которые были вызваны вмешательством в русскую жизнь идей европейского безбожия, вызвали к жизни русское православное сопротивление. Такого поклонения православных иконе Божией Матери не было от века. И не будет потом до похорон священномученика Патриарха Тихона. Было народное предчувствие близкой грядущей катастрофы».

Катастрофа произошла, но Русь-Россия не погибла. Сегодня после десятилетий голгофских страданий Церковь воскресает, и истории не видно конца. Происходят не поддающиеся рациональному объяснению события, как, например, возрождение храма Христа Спасителя в Москве, восстановление древнего Владимирского Собора в Херсонесе — первой русской купели. А возвращение Крыма! Велики заслуги в том наших властей и простых людей, но, очевидно, не без Божией помощи

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 238.

Крым, словно голубь небесный, плавно спускающийся с небес, приник к матушке России, не окропив её неоправданной кровью.

Наверное, потому Господь являет нам во укрепление эти чудеса и знамения именно сейчас, что встают перед современной Россией и её Церковью новые, зловещие, неизвестные ранее вызовы. Например, — «соблазн интеграцией», втягивание России в систему «европейских ценностей» с требованием отказа от собственных традиционных устоев, от своей тысячелетней Церкви. «Требуют отказа от привычного статуса центра всего православного мира — соседние автокефалии должны быть предоставлены самим себе, точнее, мощным иноземным и иноверческим влияниям. Требуют либеральной терпимости и диалога с другими конфессиями — без предварительных условий, с "чистого листа". Иными словами, требуют идейного разоружения, отказа от принципов в духе установок "открытого общества", для которого понятие принципов, как и понятие границ, является чем-то предосудительным. Ну, а самое главное — требуют стереть все черты катакомбной церкви бедных и униженных с её специфическим мироощущением и языком, обращённым к тем, кто не преуспел, кто по установившимся правилам игры в принципе не способен выиграть и потому чувствует и мыслит не прагматически, а в духе таинственного "другого измерения"»[1].

Но можно ли винить во всём только внешние силы? Не надо ли спросить себя, а сохранилась ли в нас это чувство «другого измерения», или, понятнее нам, — дух Святой Руси, с её истинной свободой — свободой во Христе, свободой от страстей и пристрастий, от ненависти и злобы, от безбожия и лени? Сохранилась ли в нас способность «различенья духов», вдохновение духовного творчества, милосердие и патриотизм? Без осознания этого мы не можем сказать, что «революция» побеждена окончательно.

---

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 169.

СВЕТ ВО ТЬМЕ

О святительском подвиге Патриарха Московского и всея Руси Тихона (Василия Ивановича Беллавина)

Патриарх в узах во главе России, в узах стал светом мира. Никогда от начала истории Русская Церковь не была столь возвышена в своей главе, как она была возвышена в эти прискорбные дни испытаний, и во всём христианском мире нет имени, которое повторялось бы с таким уважением, как имя главы Русской Церкви.

Прот. Сергий Булгаков

Времена, в которые случаются гражданские войны во всей истории человечества, именуются *смутными* или *тёмными* временами. И похожи они по многим приметам друг на друга. Россия впервые претерпела гражданскую войну в начале XVII века. Как говорит историк Р. Г. Скрынников, «многие из тех, кто пережил Смуту, винили в своих несчастьях проклятых самозванцев, посыпавшихся на нашу страну как из мешка. В самозванцах, выдававших себя за потомков Ивана Грозного, “законных” наследников престола, историки прошлого видели польских ставленников, служивших орудием иноземного вмешательства. Но это была лишь полуправда. Почву для самозванства подготовили не соседи России, а политические и социальные недуги, подточившие русское общество изнутри»[1].

Ливонская война привнесла в Россию разруху, обеднение населения, закрепощение крестьян. Недовольны были и верхи общества, обладатели огромных богатств — бояре — захотели делить власть с Царём. Россию поразил неурожай: дожди и ранние морозы начисто уничтожили все крестьянские посевы. Борис Годунов, как говорили, взошёл на престол в несчастное время. Николай II (Романов) тоже оказался несчастным Царём. Война, предательство части аристократии, западное вмешательство — Россия оказалась в эпицентре хаоса. Казалось, во тьме революции спасения быть не может. Но тьме не удалось объять и

[1] *Скрынников Р. Г.* Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. С. 280.

погубить Россию. Ведь в Евангелии от Иоанна сказано, «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн 1:5). Эти слова могут быть применены и для конкретной человеческой жизни.

«Человек на своём пути к соединению с Богом никогда не теряет личностного, — пишет выдающийся догматист современности В. Н. Лосский, — хотя и отказывается от своей собственной воли, от своих природных наклонностей. Лишь при свободном отречении от всего, что свойственно ей по природе, человеческая личность полностью раскрывается в благодати... Божественный свет является здесь, на земле, во времени. Он открывается в истории, но не от мира сего, он вечен и знаменует выход из исторического существования... Божественный свет становится основой нашего сознания: в нём мы познаём Бога и познаём самих себя. Он проникает в глубины нашего существа, вступающего в единение с Богом, он становится для него Божьим судом до Страшного суда»[1].

«Аз есм Свет миру». Свет, Слово Божие, необоримы, и в языческом заблуждении, и в отступничестве спасительна проповедь любви. Одним из величайших её проповедников был святой Патриарх Тихон (Беллавин), которому выпало в тёмные времена русской истории, в начале XX в., свидетельствовать о Свете Христовом.

Явление любви

Перед Твоей Державною Иконой
Стою я, трепетом молитвенным объят...

Сергей Бехтеев

Весь род людской делится как будто на две части: на тех, чьи сердца озарены знанием истины, и на тех, кто пребывает во всё ещё непроглядной тьме неверия и вероломства. Свет во тьме верных душ светит, и светит всё ярче и ярче, начинаясь от веры, становясь зримым, но вероломство и неведение неверующих сердец не объяли Слова Божия, блистающего во плоти. Слово апостола Павла, относящееся к язычникам, вполне стало применимо и к тем, кто в православных школах изучал Закон Божий: «Но как они, познав Бога, не прославили Его как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1:21–22). Именно так произошло в России в апокалиптическом 1917 г., отмечен-

[1] *Лосский В. Н.* Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Изд. центр «СЭИ». С. 163, 175, 176.

ном Февральским государственным переворотом, Октябрьской революцией, началом гражданской войны. Начиная со дня, когда врагам России неожиданно легко удалось свержение Помазанника Божия законного Государя Императора Николая II, ощущение приближающегося Апокалипсиса не покидало русских людей всех сословий. И даже демократическая эйфория несла в себе самоубийственный подтекст. Русский народ охватила пагубная радость конца, то настроение, о котором сказал поэт: «Чую, с гибельным восторгом — пропадаю...»

С векового отстояния нам сегодня легко рассуждать о русской революционной катастрофе, с отдаления многое становится понятным, выявляются герои и предатели, причины и поводы, ошибки и просчёты, заживают кровавые раны. Но, тем не менее, та Россия, какой она была на протяжении веков, перестала существовать, пала под натиском сложно-совокупных сил за несколько дней. Явление иконы Божией Матери Державной в день отрешения от престола Николая II стало свидетельством Божией любви к России и Божиего промысла о дальнейшей её истории, доказательством того, что Господь оставляет отступившему от веры русскому народу надежду на грядущее богоугодное обустройство. Чуда лёгкой победы над врагом не случилось, да и не могло случиться без покаяния, искупления, жертвоприношения. Но случилось чудо явления Удерживающего в образе извечной покровительницы Руси-России — Богородицы, принявшей от поверженного своим же народом Помазанника Державу, Скипетр и Корону во имя дальнейшего мирового развития. Пояснить суть этого развития можно словами выдающегося учёного-богослова, заслуженного профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Николая Никаноровича Глубоковского (1863–1937). «Задачей мирового развития могло быть только полное возобладание благодатно-спасительного добра, но в нашем мире, среди ограниченных существ, всё это совершается с медленною и колеблющеюся постепенностью и достигается лишь преодолением и устранением зла в постоянной всесторонней борьбе с ним во всех областях и на всех жизненных путях. Принципиальное должно стать индивидуальным во всех личностях и через них сделаться универсальным во всём нашем космосе, который ради сего подлежит всецелому перерождению во всём своём составе. Для этого необходимо, чтобы *самый спасительный принцип был бесспорен в своей абсолютной силе, несмотря на все яростные обуревания...*» (выд. Н. Н. Глубоковским. — *авт. ст. М. К.*)[1]. Таким бесспорным

[1] *Глубоковский Н. Н.* Благовестие христианской славы в Апокалипсисе. СПб.: Библиоглобус, 2002. С. 88–89.

спасительным принципом для народа революционной России стало явление Матери Света — Богоматери Державной, пред иконой Которой зазвучали слова народной любви.

Радуйся, Матерь Света и Царице Небесная; радуйся, Владычице, Всемилостивая за нас пред Богом Заступнице.

Радуйся, Мати Божия Державная, Заступнице усердная рода христианскаго.

Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Её «Державная». Икос 3

Явление Чудотворной иконы накануне крестных испытаний было и напоминанием об исповеднической верности Христу, и заступничеством, и Материнским утешением, и призывом к покаянию русского народа, отшатнувшегося от веры.

Быстро вся Россия узнала о том, что под Москвой произошло чудесное явление новой иконы. Богомольцы стекались в село Коломенское за благодатной помощью Царицы Небесной. О её получении свидетельствуют молитвенные благодарения. Много было желающих поклониться образу, поэтому икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и заводам. В Вознесенской церкви образ оставался на воскресные и праздничные дни. О том, как происходило Явление Любви, — проникновенное стихотворение Сергея Бехтеева.

Перед Твоей Державною Иконой
Стою я, трепетом молитвенным объят,
И Лик Твой царственный, увенчанный короной,
Влечёт к Себе мой умилённый взгляд.
В годину смут и трусости безславной,
Измены, лжи, неверия и зла
Ты нам явила Образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:
“Сама взяла Я скипетр и державу,
Сама Я их вручу опять Царю,
Дам царству русскому величие и славу,
Всех окормлю, утешу, примирю”.
Покайся ж, Русь, злосчастная блудница...
Омой в слезах свой осквернённый стыд,
Твоя Заступница, Небесная Царица,
Тебя и грешную жалеет и хранит.

Икона некоторое время пребывала в Марфо-Мариинской обители в Замоскворечье, где её торжественно встречала настоятельница, преподобномученица Великая княгиня Елизавета Фёдоровна с сёстрами. Скоро во многих храмах появились списки с «Державной», были написаны служба и акафист, в составлении которых принимал участие святитель Тихон (Беллавин). Именно его, будущего Патриарха и святого Русской Православной Церкви, Путеводительница народов к Царству Небесному избрала Себе в помощники.

В миру будущий Патриарх носил имя Василий Иванович Беллавин. Он родился 1 февраля (19 января) в маленьком городке Торопце Псковской губернии в семье приходского священника Спасо-Преображенской церкви. Семья жила простой народной жизнью. Учился Василий Беллавин, как положено сыну священника, сначала в духовном училище. Затем поступил в Псковскую семинарию и, блестяще её окончив, поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию. С детства чувствовалось особое предназначение этого высокого, белокурого, с ласковым взором и приветливым характером молодого человека. По воспоминаниям студентов, его отличали постоянная доброжелательность, простота, рассудительность. Это отразилось в пророческом прозвище, которое дали ему сокурсники — они уважительно называли его Патриарх. Такое звание казалось шуткой, потому что тогда Патриаршества в России не существовало и не предвиделось его восстановления. В академии Василий Беллавин изучал догматическое и нравственное богословие, патристику, церковную археологию и литургику, общую церковную историю и церковное право, пастырское богословие, гомилетику, педагогику, древние и новые языки и многие другие дисциплины, что свидетельствует о его высочайшей богословской подготовке и широкой образованности. После окончания Санкт-Петербургской Духовной академии Василий Беллавин был назначен преподавателем в Псковскую семинарию. Через два года о. Василий был пострижен в монашество с именем Тихон в честь любимого им святителя Тихона Задонского, а вскоре был рукоположен в сан иеромонаха. Так началась его новая жизнь, полностью отданная служению Русской Православной Церкви.

В 1897 г. на 33-м году жизни архимандрита Тихона в Троицком соборе Александро-Невской Лавры совершается его хиротония во епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. По окончании посвящения будущий Патриарх сказал: «Ныне разумею, что епископство есть прежде всего и более всего не сила, почесть и власть, а дело, труд, подвиг». Прихожане так сроднились с любимым епископом, примиряющим и объединяющим мирян не угрозами, а благодатным зовом

доброго сердца, рукою помощи и светом любви, что некоторые его духовные чада пытались лечь на рельсы, чтобы не дать отойти поезду, увозившему святителя Тихона из их епархии. Направление в Америку стало одним из первых его святительских подвигов.

Патриарх Тихон (Беллавин)

На чужом континенте епископа Алеутского и Аляскинского Тихона ждала новая огромная епархия, в которую входили Северо-Американские Соединённые Штаты, Канада и Аляска. Первыми христианство на Аляску и Алеутские острова в 1793 г. принесли иноки Валаамской обители. Их святой подвиг продолжил епископ Иннокентий (Вениаминов) впоследствии митрополит Московский. Окрепла же епархия во многом стараниями епископа Тихона и его предшественника Владыки Николая.

Это был суровый, недавно бывший частью России край. Преосвящённый Тихон прибыл к месту нового служения в тяжёлые времена, когда Священный Синод прекратил выдачу субсидий Алеутско-Аляскинской епархии. Ему самому пришлось изыскивать средства на содержание епархии. Владыке Тихону и здесь удалось сделать многое. Он деятельно взялся за благоустройство, принял множество мер, чтобы развивалась и укоренялась православная жизнь. Святитель открывал духовные училища, расширял миссионерскую работу, так что даже англикане приходили к Православию. За свои успешные труды епископ Тихон был возведён в сан архиепископа. В результате его работы на американском континенте остались четыреста тысяч православных верующих разных национальностей, храмы, школы, литература, а главное, добрая память среди просвещённого светом Православия местного населения. Но и сам Владыка Тихон приобрёл богатый опыт взаимоотношений с людьми разных национальностей и вероисповеданий, что несказанно ему пригодилось в будущем Патриаршем служении.

На новой кафедре — старейшей Ярославской, архиепископ Тихон показал себя человеком широких взглядов, независимым, деятельным, смелым. Это не помешало ему быть почётным председателем местного отделения Союза русского народа, за что его будут обвинять и преследовать в революционные времена. На протяжении семи лет архиепископ Тихон руководил Ярославской епархией. Главной его деятельностью, конечно, была богослужебная. По американской привычке, Владыка по уездным городам отправлялся пешком, на лошади или на лодке. Ему здесь было легко, потому что всё в ярославских краях было проникнуто исконной историей и светом веры. Как говорили жители, «город Ярославль богомольем взял». Ярославль — жемчужина древнейшего русского края, наша слава, культура, история. Здесь в библиотеке Спасского монастыря сохранялось «Слово о полку Игореве», здесь покоились чудотворные мощи святых русских князей, здесь юный избранник народа Царь Михаил Фёдорович Романов встретил первую Пасху в сане Самодержца всея Руси. Здесь будущий Патриарх «напитался» силой русского духа.

В ходе празднования 300-летия Дома Романовых, когда ликовал, прославляя своего Императора, весь город, Владыка Тихон был рядом

Николай II и Владыка Тихон

с Венценосной Семьей. Он встречал Императора и Царицу у входа в Успенский собор Ярославля в день торжества, сопровождал Императора при посещении Спасского монастыря, бывшего местом пребывания Царя Михаила Фёдоровича в 1613 году. В Ярославле Владыка Тихон сделал очень много, он освящал храмы, наставлял пастырей и пасомых, экзаменовал учеников, занимался благотворительностью. Во времена, когда в государстве участились террористические акты, политические цели стали почитаться выше добродетели, он понимал, что для России наступают тяжёлые времена, к которым готовил Церковь и готовился сам. В 1908 г. Владыка Тихон посетил отца Иоанна Кронштадтского. Это было незадолго до кончины всероссийского пастыря. Два будущих святых сидели рядышком, долго беседовали, а в конце беседы о. Иоанн встал и сказал: «Теперь, Владыка, садитесь вы на мое место, а я пойду отдохну». Во времена своего Патриаршего служения Владыка Тихон не раз вспоминал эти пророческие слова и то, как холодным январским днем на лошадях добрался до Успенского женского скита и совершил заупокойную божественную литургию в сороковой день по кончине в Бозе почившего протоиерея Иоанна Ильича Сергеева Кронштадтского[1].

Жители Ярославля очень любили архиепископа Тихона, и в знак этой сыновней любви избрали его почётным гражданином города, это был едва ли не единственный на то время случай в русской истории. Впоследствии Владыка был переведён на кафедру в город Вильно, стал архиепископом Литовским и Виленским. В день прощания с Ярославлем звучали высокие благодарственные слова Владыке. От городского управления: «Никто не уходил от Вас без утешения, ободрения, ласки, благословения; Вашим светлым умом и добрым сердцем Вы легко проникли в самое сложное дело, за разрешением которого к Вам каждый из пасомых шёл прямо, не обинуясь, как к истинному отцу и постоянному душевному доброжелателю». От корпорации Ярославской духовной семинарии прозвучало: «Мы были возлюблены и почтены Вами, наслаждаясь Вашим начальством, насыщались Вашим человеколюбием»[2].

Всего полгода выпало служить Владыке Тихону в Литовской епархии. Спасая во время начавшейся Первой мировой войны святыни и людей, направился он в Москву, перевозя из Свято-Духова монастыря мощи Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия — первых

---

[1] *Вострышев М. И.* Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона Патриарха Московского и всея Руси. М.: Современник, 1991. С. 14–27.

[2] Там же. С. 31–32.

Владыка Тихон в окопах на фронте

борцов за Православие в Литве. В военное время деятельность архиепископа расширяется, он присутствует в Святейшем Синоде, был на фронте, под обстрелом, постоянно служил панихиды с поминовением православных воинов, павших за Веру, Царя и Отечество, выступал с успокоительными словами перед беженцами. За труды во славу Отечества в 1916 г. Император Николай II пожаловал архиепископу Тихону бриллиантовый крест для ношения на клобуке. Совсем немного времени оставалось и Владыке Тихону, и Помазаннику Божию Императо-

Благословение женского батальона митрополитом Тихоном

ру Николаю II, и православной России до вступления на Голгофскую стезю, до времён, омрачённых так называемой «народно-демократической свободой».

В лихолетье смуты

Невежественная свобода есть матерь страстей...
неуместной этой свободы конец — жестокое рабство.

Прп. Исаак Сирин

Февральская революция провозгласила эпоху моральной свободы. Эта неожиданная, невиданная ранее в России свобода стала орудием развала государства, парализовала деятельность правительственных служб, местных учреждений власти, привела к тотальным экспроприациям. Разлагающее влияние свободы проникло и в церковную среду. Её первые приметы — новоназначенный обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов сразу же разогнал Синод и сместил с кафедр двух главнейших митрополитов Русской Православной Церкви: митрополита Московского Макария (Невского) и Митрополита Петербургского Питирима (Окнова). Антицерковный курс Временного правительства становился более явным, даже агрессивным. Не оставалось сомнения, что симфонии новой власти с Церковью не будет, но зато всё более сплачивались либеральные голоса в вопросе о «раскрещивании» православной России. Многие христиане до такой степени поддались пьянящему чувству свободы, что уже к лету 1917 г. Россия была пронизана духом нравственного разложения — солдаты дезертировали с фронта, убивали командиров, крестьяне жгли помещичьи усадьбы, казнили дворян, в городах растаскивалось господское добро, безбоязненно убивали жандармов, символизирующих прежнюю власть и т. п.

Но имела ли эта революционная свобода, названная её апологетами «истинной», что-либо общее с истинной христианской свободой, к которой осознанно стремится каждый христианин? Понимание христианской свободы имеет несколько измерений, которые систематизировал профессор-богослов А. И. Осипов[1]. Первое — метафизическое, под ним понимается одно из фундаментальных свойств человеческой природы — свобода воли. Она выражается в нравственном самоопределении личности перед лицом добра и зла. Утрата свободы воли приводит к полной деградации личности. Но пока самосознание сохраняется, над личностью не властны ни другие личности, ни государство, никто и ни-

[1] *Осипов А. И.* Путь разума в поисках истины. Основное богословие. М.: Даниловский благовестник, 2010. С. 186–202.

что. Макарий Египетский (IV в.) говорил: «А ты создан по образу и подобию Божию, потому что как Бог свободен и творит, что хочет... так свободен и ты»[1]. Классический афоризм Отцов Церкви: «Бог не может спасти нас без нас» — отражает смысл этой свободы.

Второе измерение свободы — духовное. Духовная свобода в отличие от предыдущей, имеющей внешний смысл, означает власть человека над собой, над своим внутренним миром, над эгоизмом, страстями, греховными чувствами и желаниями. Как говорил блаженный Августин, «Велика свобода — быть в состоянии не грешить, но величайшая свобода — не быть в состоянии грешить». Христианство идеал духовной свободы видит в Боге и отрицает возможность существования какой-либо иной абсолютной свободы, «ибо в веке несовершенном нет совершенной свободы» (Св. Исаак Сирин).

Третий аспект — социальные свободы. Они означают совокупность определённых прав личности в государстве, в обществе. В этой области более всего трудностей, поскольку в обществе в соприкосновении находятся множество личностей, обладающих свободой воли.

Первичной из названных свобод следует считать свободу духовную, которая приобретается в процессе праведной жизни, невозможной без Церкви. Церковь Христова не замкнута на себя, она не одинока, есть у неё наследники, которые, однако, по-всякому могут распоряжаться наследством. Главное богатство — это достоинство христианина как верующего. «...Под водительством божественного Духа мы удерживаем органическую неразрывность с Господом Спасителем через воспроизведение Его в себе, или через возможно полное осуществление “закона Христова”... Христианин живёт свободно, но в строжайшем соответствии со всеми требованиями своего звания. Посему христианская свобода вовсе не сближается и не граничит ни с противозаконием, ни с беззаконием или внезаконностью, ибо в себе самой содержит собственные регулирующие нормы, решительно устраняя те, которые пригодны лишь для рабственности, где они уместны, между тем свободная христианственность выше этого уровня. Тут первее всего желательно ограждение своей сыновней автономности при помощи всегдашней неразлучности от Искупителя, как её источника и подателя»[2]. Из этой верующей активности рождается любовь.

---

[1] *Макарий Египетский*. Духовные беседы... М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1904. Беседа 15. П. 21. С. 121.

[2] *Глубоковский Н. Н.* Благовестие христианской свободы в послании св. апостола Павла к Галатам. Репр. 1935 г. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. С. 168.

Апостол Павел рассматривает любовь в неотрывности от веры. Источник христианской деятельности — во Христе, способ — в вере, руководство — в Духе, святое увенчание — в любви. Именно это направление открывает простор свободы. Непослушание Истине, отказ от Божиего руководства, своеволие, установление человеческого закона — заставляют сойти с благодатной стези. На время иногда это удаётся.

Не обладающее ни Божиим помазанием, ни заповедным усмотрением, ни профессиональным планом социально-политического переустройства страны, самозваное Временное правительство сразу же взялось за установку законов, граничащих с беззаконием, границ, сопряжённых с обособленностью, обобщений, ведущих к раздробленности. Церковь не избегла кровопролитного реформаторства. С начала XX в. искусные атаки на Православие уже не ограничивались только печатной или словесной пропагандой. Манифест о веротерпимости, подписанный 17 апреля 1905 г., явившийся следствием революции, снял ограничения для неправославных религий и сектантов, усиливал влияние католицизма на территории России, оставлял Русскую Православную Церковь незащищённой.

Правда, Царь Николай II надеялся укрепить её влияние в результате созыва Собора Всероссийской Церкви, на котором должно было происходить каноническое обсуждение предметов веры и церковного управления. Так Императору Николаю II был подан доклад о необходимости изменения государственного положения Церкви, содержащий рекомендации о том, чтобы Синод возглавил Патриарх. Однако в бурные предреволюционные годы провести Собор не удалось по ряду социально-политических причин. И отрицательная резолюция Царя со ссылкой на несвоевременность постановки назревшего вопроса оказалась решающей. Но обсуждения о необходимости созыва Поместного собора в архиерейской среде продолжались, как и рассмотрение возможного избрания Патриарха и степени его полномочий. В это время мало кто отрицал, что «при ослаблении общей церковной дисциплины необходима твёрдая власть» (епископ Антоний (Храповицкий)). Безосновательная критика в адрес Синода и Церкви раздавалась в основном с трибуны Думы. Первая мировая война углубила все противоречия. С конца 1916 г. чувствовалось, что уходит в прошлое не только синодальная эпоха, но завершается симфония Церкви и государства.

Свобода, наступившая после Февральского государственного переворота, давала возможность свободных, народных выборов на Московскую и Петербургскую кафедры. Действительно, в древности епископов выбирала христианская община, но впоследствии эта традиция

постепенно перестала практиковаться, и выборы стали прерогативой власти. В Москве Епархиальный съезд московского духовенства и мирян, решавший задачу выбора нового московского архиепископа или митрополита, начался с молитвы перед древнейшей русской иконой — Владимирской иконой Божией Матери. Одним из претендентов на это место был замечательный церковный деятель, бывший обер-прокурор Святейшего Синода Александр Дмитриевич Самарин — «борец за независимость Русской Церкви от государственного гнёта». Может быть, он и был бы избран (редкий случай выдвижения мирянина), но заболел и на съезде не присутствовал. Небольшим преимуществом голосов 4 июля 1917 г. митрополитом Московским и Коломенским был избран архиепископ Тихон (Беллавин), который в это время находился в Москве, был занят в Святейшем Синоде. Новому митрополиту Московскому сразу же пришлось заняться сложнейшим делом — подготовкой Всероссийского Поместного собора, который не без попустительства Царствующего Дома не собирался более двухсот лет.

Поместный Собор 1917–1918 гг., проходивший под председательством митрополита Тихона (Беллавина), по значимости в истории Русской Православной Церкви, по уровню воодушевления и образованности соборного представительства, по степени веры можно назвать проявлением народного подвига. Поместный собор открылся в Успенском соборе Кремля 15 (28) августа в день Успения Пресвятой Богородицы и начался с литургии. После пения Символа веры члены Собора вышли на Красную площадь, где вместе с народом совершили молебное пение. До этого дня было уже понятно, что Временное правительство практически потеряло контроль над страной, над армией, над революционной ситуацией. Повестка Собора была обширной, но главным вопросом был вопрос о восстановлении Патриаршества. Это был безотлагательный вопрос, потому что, как сказал один из делегатов — мирянин Н. Д. Кузнецов, «Нить, связующая государство с Церковью в их заботах о христианском просвещении народа, теперь уже порвалась»[1].

Хотя эта нить грозила оборваться намного раньше, а натянулась она более 200 лет назад, когда в России после смерти в 1700 г. Патриарха Адриана Петром I было отменено Патриаршество. В 1589 г. был избран первый Российский Патриарх Иов (Иоанн). С этого момента Русская Православная Церковь стала полностью независимой от Константино-

[1] *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. С. 340.

поля и заняла полноправное место среди других поместных церквей, а Россия упрочила своё международное положение. Русские Патриархи являлись носителями особого, наивысшего священного сана. Причём Патриарший авторитет был связан не только с самим саном, а с личными качествами его носителя. Каждый из десяти предшествовавших святителю Тихону Патриархов своими деяниями возвышали этот авторитет. Пётр I по ряду своих соображений решил заменить Патриаршество Духовной коллегией, преобразованной в Святейший Правительствующий Синод, возглавляемый обер-прокурором. Таким образом, Русская Православная Церковь утратила номинальную независимость и вошла в состав государственного аппарата. Хотя её положение как духовной основы общества сохранилось. Духовный, экономический, политический кризисы начала XX в. поставили Церковь вне закона. В такой обстановке появилась неотложная необходимость возрождения Патриаршества.

Главное событие

В Москве в Успенском соборе тоже есть русская «стена плача» — пустое патриаршее место.

архимандрит Иларион (Троицкий)

Однако с начала работы Поместного собора вопрос о Патриаршестве откладывался. Делегаты, священники и миряне, говорили о Высшем церковном управлении, о церковной казне, о проповедничестве и многом другом, второстепенном. Но постепенно страстность обсуждений просветлялась, широкие и вольные речи входили в берега разумных смыслов, словно солнце из туч стало выявляться сущностное ядро. Как будто Сам Господь разводил руками мглу и подводил соборян к неотлагательному решению. О том, как оно не просто далось, можно судить из этих стенограмм[1].

Архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий:

— Государство уходит от благотворного влияния Церкви. А сама Церковь не должна страшиться этого, потому что она опирается на благодатные силы: она выше всего, яже суть в мире. Церковь становится воинствующей и должна защищаться не только от врагов, но и от лжебратий. А если так, то для Церкви нужен и вождь.

---

[1] Цит. по: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон Божий избранник. М.: Алгоритм, 2013. С. 20–24.

В. В. Радзимовский, юрисконсульт при обер-прокуроре Святейшего Синода:

— Голосовать за патриаршество вообще не могу, так как не знаю, каков будет объём его власти и каков будет порядок его избрания.

Протоиерей Э. И. Бекаревич:

— Масоны на конгрессе постановили: ловите момент, когда на Руси будет низложен держащий; гоните попов, осмеивайте религию — этого вы достигнете благодаря темноте русского народа. Эта новая религия надвигается на Россию... Распространяются древний гностицизм, спиритизм, каббала, теософия, отрицающие Христа. И я думаю, что нам нужен патриарх, возглавляющий Церковь, который и принял бы на себя борьбу с новой религией.

Профессор Петроградской духовной академии Б. В. Титлинов:

— Если явится один патриарх Московский, который получит наименование Всероссийского, то не можем поручиться, что через несколько месяцев должны будем снять титул Всероссийского. Опасность разъединения вполне реальна, а преимущества патриаршества гадательны.

Профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой:

— Чем кончится война? Возможно, что от государственного тела будут отторгнуты целые области с православным населением. И вот власть патриарха будет распространяться за границы государства, и будет поддерживать в умах и сердцах отторгнутых областей идею национального и религиозного единства.

Торговый приказчик В. Г. Рубцов:

— Мы не должны забывать отдалённых времен, когда не было патриарха. Тогда Русская Церковь возглавлялась митрополитами. Они соревновали друг другу и держали свою паству на высоте христианского влияния. Перейдём к эпохе патриаршества. Он получает власти немного, но взял власть у народа и крепко держал её, стал злоупотреблять властью и расколол русский народ. Эта язва гноится ещё и в настоящее время.

Профессор Московской духовной академии архимандрит Иларион (Троицкий):

— Есть в Иерусалиме «стена плача». Приходят к ней старые правоверные евреи и плачут, проливая слёзы о погибшей национальной сво-

боде и о бывшей славе. В Москве в Успенском соборе тоже есть русская «стена плача» — пустое патриаршее место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и о былой славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская «стена плача»! Да не будет!

Присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов:

— Авторитет Собора требует приведения достаточно обоснованных и обсуждённых мотивов для учреждения патриаршества в России.

Крестьянин Т. М. Гаранин:

— История Русской Церкви научила русский народ учиться не в коллегиальных учреждениях. Он знает Троицкую лавру, Почаевскую лавру, Соловецкий монастырь, и кто в этих монастырях, какие святители и подвижники. По ним живём, слышим их голоса. Потом патриархи Московские, их идеалами живём и движемся. И если бы вы вздумали сказать: «Не следует патриарха» — простой народ был бы страшно опечален.

Протоиерей Н. В. Цветков:

— Почему не следует голосовать за восстановление патриаршества в России? Мы верим в апостольскую Церковь. Под апостольской Церковью я разумею епископскую Церковь. Мне представляется здание с фасадом и крышею. Крыша — это епископы в Церкви. Кто бы ни продырявил крышу, за крышей нашёл бы только небо, Небесного Главу. Зачем нам делать ненужный оплот? К чему эта надстройка над крышей, которая выше епископа в Церкви?

Священник В. И. Востоков:

— Нам известно, что прежние патриархи были печальниками за народ, вразумителями, а когда нужно, и бесстрашными обличителями народа и всех имущих власть. Дайте же и вы народу церковного отца, который страдал бы за горе Руси, умолял бы не губить её, печаловался бы за народ, вразумлял его, а для тёмных сил, которые уводят народ от Христа и Церкви, хотя бы они сидели на правительственных местах, был грозным обличителем.

Мировой судья князь А. Г. Чагадаев:

— Дайте нам отца, дайте молитвенника. Но для этого, если бы Господь послал нам отца и молитвенника, не нужно ни сана, ни титулов. Если Господь пошлёт его, он придёт во власянице. Но где мы найдём такого че-

ловека в своей грешной среде? Не наделает ли патриарх тех же ошибок, как и прежний наш царь, который был с лучшими намерениями, который, может быть, и хотел блага народу, но не мог ничего сделать?

Торговец Д. И. Волков:

— Когда я узнал, что Временное правительство держится определённых антицерковных и антихристианских взглядов, то увидел, что Церковь остаётся предоставленной самой себе и должна иметь своего крепкого защитника и покровителя.

Законоучитель Александровского военного училища протоиерей Н. П. Добронравов:

— Вы даёте ему силу лилипута, а требуете от него богатырских подвигов. Вы не даёте ему ничего, а говорите: «Он встал и спас». Что-нибудь одно из двух: или говорите прямо, что вы хотите дать патриарху всю полноту власти. Но тогда мы вам на это скажем: укажите такого человека, которого эта власть не раздавила. Мышонок львом не станет, и нельзя украшать его львиной гривой. Рождённый ползать летать не может, и неразумно прилеплять ему орлиные крылья. Или же — перестаньте говорить о богатырях и вождях и сознайтесь, что патриарх не будет гранитным колоссом в Церкви, а сделается одною лишь декорацией, правда красивой, но едва ли нужной.

Законоучитель реального училища священник М. Ф. Марин:

— Нельзя же народу полюбить, например, министерство. Народу нужна единоличная власть, которую он полюбил бы.

Но точнее всех выразился смиренный крестьянин:

— У нас нет больше Царя, нет Отца, которого мы могли бы любить. Синод любить невозможно. А потому нам нужен Патриарх. С этим меня и послали.

Народ лучше многих властных деятелей чувствовал, что вместо всех законов для спасения России нужна любовь, носителем которой могла быть только личность Патриарха. Он же становился гарантом того, что с падением Царской власти не погибнет Святая Русь. Вряд ли простые люди могли изъясняться такими словами, как выдающийся богослов Н. Н. Глубоковский, пояснявший учение апостола Павла об истинно христианской жизни на примере послания к Галатам, но смысл чувствовали правильно.

«А когда водителем нашим будет Дух (V, 18) — мы самою своею духовностью изъемлемся из плотяной неупорядоченности и этим избавляемся от законнического соподчинения, ибо для него нет материала, раз у нас в мысли и жизни воцаряется лучшая гармония. Закон не находит тут приложения, ибо приспособлен для плотяности»[1].

Трудно назвать путь служения Патриарха Тихона — «лучшей гармонией», но, наверное, таков он всё-таки был, раз и спустя 100 лет Россия не сошла с заповеданного ей от рода духовного пути, раз, взойдя на свою Голгофу, не погибла, и после века мученичества воскресла. Патриарх Тихон своей жизнью доказал, что не «для плотяности» сохранена в веках Русь, а для существования в Духе, во Христе.

Избрание Патриарха происходило под свист пуль, стрекотание пулемётов и в артиллерийских обстрелах. В храме Христа Спасителя было слышно, как шла битва за Кремль, в которой победили революционеры. Их победа тогда казалась окончательной, казалось, навеки сердце древней русской столицы — Кремль останется в руках победителей. С 4 ноября 1917 г. на долгие десятилетия эта русская святыня стала недоступной для жителей России. Но настоящая вечная жизнь проходила одновременно с видимой, громкой битвой добра и зла невидимо и тихо. Она длилась там, где митрополит Московский Тихон совершал Божественную литургию, там, где служился молебен о прекращении междоусобия, где пели «Со святыми упокой» о всех верующих и погибших на московских улицах в эти кровавые дни.

Члены Собора стояли в длинных очередях к урнам для голосования. Только второе голосование определило трёх необходимых кандидатов на Патриарший престол: архиепископа Харьковского и Ахтырского Антония (159 голосов), архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (148 голосов) и митрополита Московского и Коломенского Тихона (125 голосов). В дальнейшем положились на Божий Промысел. 5 ноября в переполненном храме Христа Спасителя после Божественной литургии, где читался евангельский текст о воскрешении дочери Иаира и исцелении кровоточивой женщины — символы возрождения Руси — старец-затворник Зосимовой пустыни иеромонах Алексий явил России Божию волю. Из ковчежца, стоявшего вблизи великой русской святыни — Владимирской иконы Божией Матери, он вынул жребий и возгласил: «митрополит Московский и Коломенский Тихон!» Испол-

[1] *Глубоковский Н. Н.* Благовестие христианской свободы в послании св. апостола Павла к Галатам. Репр. 1935 г. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. С. 178.

ненный любви к людям, необычайной простоты и доброжелательности, беспорочный Архипастырь России Тихон сознательно принял мученический венец.

В день своего избрания Владыка Тихон, низко поклонившись своему народу, сказал:

— «Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: *Плач, и стон, и горе,* и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез. 2:10; 3:1). Сколько и мне придётся глотать слёз и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжёлую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа, пророку Моисею, и мне придётся говорить ко Господу: *Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашёл милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребёнка... Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжёл для меня* (Чис. 11:11–14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских и предстоит умирание за них во вся дни».

21 ноября по старому стилю в праздник Введения во храм Пресвято Богородицы в Успенском соборе Кремля состоялась торжественная интронизация Патриарха Тихона, который сознательно вступал в смертельное сражение. И глаза его излучали уже не кротость, а волевую решительность, белый куколь, унаследованный от Патриарха Никона, подчёркивал сосредоточенное выражение лица и мудрую решительность. И все взоры упования были устремлены на него, который должен был благословить путь доверившегося ему народа.

«Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас» (Ин. 15:16)

Ты священник вовек по чину Мелхиседека
(Пс. 109:4)

Скорби начались сразу. Во все века народ искал защиту от врага и бед в храме, в духовных объятиях священника, который знал, что защищён рукоположением и объят любовью своей паствы. Тянулись к своему духовному Отцу — Патриарху Тихону многие русские люди, спасались его благословением, и в свою очередь согревали Предстоятеля на пронизанном смертоносными ветрами его поприще своей любовью. Народ необыкновенно любил и чтил своего Патриарха. Везде, где он ни

появлялся, его встречали с воодушевлённым доверием, радостно, многолюдно. Храмы Москвы и Подмосковья, где служил Святейший, были переполнены. В маленьких городах, куда он прибывал, замирала производственная и бытовая жизнь. Все шли к нему на поклон. Показательно отношение народа к Церкви и Патриарху в ряде таких исторических событий.

Жизнь Патриарха Тихона многим связана с Петербургом–Петроградом. Тяжело он переживал то, что в Петрограде начались нападения на Александро-Невскую Лавру. «Комиссар Коллонтай предписала Лавру опустошить и отдать на нужды новой власти. В Лавру явились красноармейцы и потребовали, чтобы она была освобождена. Пришлось ударить в набат. Немедленно к Лавре стали стекаться тысячи, десятки тысяч людей. Красноармейцы, однако, ушли не сразу, здесь тоже были кровавые жертвы»[1]. Но на этом защитники революционных лозунгов не успокоились. Однажды в Петрограде сорганизовалась большая группа матросов, собравшихся в Москву за Патриархом. Целый вагон поезда заняла эта банда, намеревавшаяся арестовать Святейшего. Но то ли Божий Промысел, то ли вера в свою неуязвимость на жертвенном поприще самого Патриарха, который не стал прятаться от революционной матросни, помешали развиться инциденту. Моряки одумались и не совершили святотатство, за Патриархом не пришли. Помитинговав на вокзале в Москве, они отправились обратно в Питер. Это угрожающее событие не устрашило святителя Тихона, и он вскоре принял приглашение посетить Петроград.

Историческая поездка совершилась в 1918 году. Характерно, что власти Москвы отказались предоставить просимое Патриархом место в купе. Ему они отвели унизительную жёсткую полку в плацкартном вагоне. Но разве может унизить Святейшего пребывание рядом со своим народом, который, однако же, сам исправил неправедность власти. Железнодорожные рабочие, вопреки всем начальственным распоряжениям, прицепили к составу целый вагон и разместили в нём Патриарха с сопровождающими лицами. На всех остановках в пути возле поезда собирались тысячи радостных людей, чувствовавших в Патриархе опору и утешение. А в Петрограде его ожидала триумфальная встреча верующих. Выезжал Патриарх и в другие города. В Ярославле даже местные комиссары вынуждены были принять участие во встрече Святейшего.

---

[1] *Воробьёв Владимир, протоиерей.* Светлейший Тихон Патриарх Московский и всея Руси // Вечное. Тринадцатый сборник духовного чтения. № 349 // L'ETERNEL. France, 1992. С. 13.

Это ли не доказательство народного самосознания, верность исторической и духовной традиции даже в разрушительные времена.

Сегодня, по прошествии века, после многих искупительных жертв и прославления русских святых XX в., можно говорить о русской ментальности, как о содержательной неискоренимой национальной черте, метафорическим образом которой является Град Китеж. Сознательное и бессознательное, традиционное и революционное, прошлое и настоящее — эти неразрывные элементы русского национального самосознания проявились в крайних своих формах в революционном хаосе начала века, который всё-таки не смог поглотить русскую мировоззренческую традицию. Её укоренённость в бессознательном, в структурах трансцендентного и архетипического оказалась так крепка, что даже при насильственном изменении повседневного поведения народа не было разрушено онтологическое основание его бытия. При ограниченности человеческих идей и тварного существования была доказана неограниченность духовного мира, восходящего к Богочеловеческой жертве. Через смирение и жертву носителей Божией благодати было показано, какая высота богоподобия доступна человеку. Большинство русских православных священников в кровавые годы разгула богоборческой тьмы на своих жертвенных крестах воссияли Фаворским Светом. Что давало им силы предстать в красоте Христова подвига? Сам Иисус Христос.

Иисус Христос является Первосвященником, приносящим в жертву не кровь овчую, но Самого Себя, «Кровь Нового Завета», Сам жертва и жрец, «приносяй и приносимый». И Он есть глава и начало новозаветного священства. Он рукоположил Своих апостолов ещё до Вознесения, вдунув в них Духа Святого, со словами: «Мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:21–23). Причём это Таинство получило свою полную силу лишь по Вознесении, при сошествии Святого Духа на апостолов, в День Пятидесятницы, который считается днём рождения Церкви.

Служитель Церкви более чем мирянин должен сознавать своё особое призвание, потому что к священнику в особой степени относятся слова Сына Божия «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам» (Ин. 15:16).

После апостолов сообщение благодатных даров Святого Духа в Церкви сделалось полномочием иерархии, т. е. епископата с пресвитерами и диаконами. Уже с конца I и нач. II вв. в творениях мужа апостольского святого Игнатия Богоносца, священномученика Иринея

Лионского, Тертуллиана, а позже к III в. — епископа Киприана Карфагенского, высказывается та же общая мысль, что Церковь собирается возле епископа, епископ же существует преемством апостольского рукоположения, которое есть Божественное установление. Благодать Святого Духа, сообщаемая Церкви, не есть субъективное вдохновение или личная праведность того или иного лица, которые могут быть или не быть ему присущи, но есть объективный факт жизни Церкви, есть всегда и непрерывно и неотъемлемо действующая сила Всемирной Пятидесятницы. Огненные языки её, сошедшие на апостолов, пребывают в мире и всегда преподаются преемством от апостолов. Апостольский лик явился иерархическим приятелищем и посредством для передачи благодати Пятидесятницы. Епископ является преемником апостола и поставляет его Дух Святой.

Новозаветное священство не является простым продолжением ветхозаветного священства, но **вновь** возникает от Великого Архиерея Иисуса Христа, — не по чину Аарона, но по чину Мелхиседека. Об этом подробно и многократно пишется в послании апостола Павла к Евреям. «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Евр. 5:5–6). «Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства. И это ещё яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной, который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. Ибо засвидетельствовано:

Ты священник вовек
по чину Мелхиседека.

Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине её немощи и бесполезности... ибо те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано:

клялся Господь,
и не раскается:
Ты священник вовек по чину Мелхиседека»
(Евр. 7:14–18, 21; ср. Пс. 109:4).

Как повествуется в 13 гл. книги Бытия, Аврам, перекочевавший из Египта, поселился в древнем Ханаане (Быт. 13:12). Эта территория при-

близительно соответствует современным Палестине, Сирии, Иордании, а само событие библейской хронологией датируется, примерно, 1850 г. до н. э. Из 14 гл. Бытия известно, что «Аврам, услышав, что (Лот) сродник его взят в плен, вооружил рабов своих, рождённых в доме его, триста восемнадцать, и преследовал неприятелей до Дана; и, разделившись, напал на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал их до Ховы, что по левую сторону Дамаска» (Быт. 14:14–15). После победного сражения навстречу Авраму, родоначальнику древних евреев, вышел «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего. И благословил его, и сказал: Благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. (Аврам) дал ему десятую часть из всего» (Быт. 14:18–20). Город Салим отождествляется с современным Иерусалимом, в котором тогда, за 2 тысячи лет до н. э., существовала теократия, поскольку Мелхиседек в одном лице был и царём, и священником Бога Всевышнего. Он принадлежал к другому, а не к еврейскому этносу. Аврам — это ещё только родоначальник еврейского народа и в то время не имел ещё сына Исаака. О евреях, как о народе, можно говорить только с появлением 12 колен Израилевых. Аврам признаёт высший авторитет Мелхиседека и поэтому «дал ему десятую часть из всего» (Быт. 14:20). Понятно, что если священник и царь Салима исповедовал веру в Бога Всевышнего (Единого Бога, а не в богов), то и его подданные следовали его примеру единобожия.

Исход 12 колен Израилевых из Египта, Синайское законодательство и учреждение древнееврейского священства из колена Левитова во главе с Ааароном датируется примерно 1250 г. до н. э. Таким образом, священство по чину Мелхиседека древнее священства по чину Аарона на шесть столетий.

«Время требует подвига»

Умереть нынче немудрено, нынче труднее научиться жить.
Патриарх Тихон

С самого своего рождения Церковь стала силой, открывающей положительную реальность, мощью, преображающей в смыслах добра — и человека, и мир в целом. Поэтому и была на протяжении почти всей своей истории она гонима силами зла, беспримерный разгул которых охватил Россию после большевистской Октябрьской революции. Сразу после смены власти, уже в 1917 г., начинается террор. Уже 31 октября (13 ноября) большевиками был убит сподвижник Патриарха Тихона по

американскому служению о. Иоанн Кочуров. Патриарх очень трудно переживал эту первую мученическую смерть. Вскоре, в конце января 1918 г., в Киеве был расстрелян митрополит Владимир, почётный председатель Поместного собора. Жертв кровавых расправ становилось всё больше и больше, полыхала гражданская война, гибли мирные люди, не счесть казнённых большевиками священнослужителей, которые были олицетворением совести и веры. Поэтому их так боялись большевистские разбойники. 13 (26) апреля 1918 г. Патриарх Тихон в храме Московской Духовной семинарии молился об упокоении рабов Божиих, убиенных за веру и Церковь Православную. Он помянул имена митрополита Киевского Владимира, протоиереев Иоанна Кочурова, Петра Скипетрова, Иосифа Смирнова, Павла Дернова, игумена Гервасия, иеромонаха Герасима, священников Михаила Чафранова, Павла Кушникова, Петра Покрывало, диакона Иоанна Касторского и других служителей алтаря Господня[1].

Каждый день приносил новые жертвы, но Патриарх Тихон не забывал никого, усердно поименно поминал казнённых новой властью, хотя списки имен становились всё длиннее и длиннее. В Москве был расстрелян всероссийски известный церковный и общественный деятель протоиерей Иоанн Востроrов, в Петрограде расстреляли настоятеля Казанского собора священномученика Философа Орнатского. Его привели на казнь с двумя его сыновьями. Палачи спросили о. Орнатского: «Кого сначала убить — вас или сыновей?» Священник ответил, что — сыновей. Пока расстреливали молодых людей, он, встав на колени, читал «отходную». Расстреливать коленопреклонённого старца взвод красноармейцев отказался. Отказались и вызванные китайцы. В голову священника выстрелил юный комиссар. Вместе с о. Философом были убиты ещё 31 человек.

Каждый день приносил новые вести об истязаниях и казнях. Священника Никольского большевики вывели из монастыря, заставили открыть рот, вложили в него дуло маузера и со словами «Вот мы тебя причастим» — выстрелили. Священнику Дмитриевскому, которого поставили на колени, сначала отрубили нос, потом уши, потом голову. В Херсонской епархии трёх священников распяли на крестах. В городе Богодухове всех монахинь, не пожелавших уйти из монастыря, привели на кладбище к раскрытой могиле, отрезали им сосцы и живыми побро-

[1] *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. С. 368.

сали в яму, а сверху бросили ещё дышащего старого монаха и, засыпая всех землей, кричали, что справляется монашеская свадьба[1].

Убрали Удерживающего Царя — и осатанелость народа налицо.

Многие священнослужители шли на смерть за веру, за Христа с радостью. Так, например, Епископ Амвросий (Гудко) был убит в августе 1918 года по указанию Льва Давидовича Троцкого (Бронштейна), лично принимавшего участие в казни православного священника. В канун своей кончины на собрании братства православных приходов епископ Амвросий говорил: «Мы должны радоваться, что Господь привёл нас жить в такое время, когда можем за Него пострадать. Каждый из нас грешит всю жизнь. А краткие страдания и венец мученичества искупают грехи всякие»[2].

Но Патриарх Тихон не мог рассчитывать на краткие страдания. Ему, как он правильно понимал, выпал крест «умирания во вся дни» — самый тяжёлый мученический крест, самый мучительный подвиг. Этот подвиг состоял и в том, что он был вынужден ежедневно наблюдать гибель своих со-ратников и простых мирян, видеть трагическую духовную погибель богоборцев, бывших христиан. Это подвиг заключался и в том, что он неукоснительно исполнял свои богослужебные обязанности, защищал от поругания Церковь, открыто обличал сатанинскую власть, к которой во имя сбережения осколков Русской Православной Церкви иногда вынужденно шёл на поклон. Невозможно представить, какие нравственные страдания испытывал этот немолодой смиренный народный пастырь, отразивший в своих многочисленных посланиях и речах мужество и мудрость служения любви. Силой своего просветительского слова он часто побеждал гонителей, стоянием в истине рассеивал надвигающиеся на него адские полчища. Он был как скала, о которую разбиваются бурные волны, зная «претерпевый же до конца, той спасён будет» (Мф. 10:22). Не личного спасения чаял Патриарх, но спасения России, которая невозможна как Держава без веры, без Христа.

Более тысячи богослужений провёл Патриарх Тихон за семь лет своего Патриаршества. В своих проповедях он говорил о христианской любви, терпении, прощении, покаянии. В конце 1919 г. ему вообще было запрещено проповедовать пастве. Более года после ареста в 1922 г. он не мог совершать и богослужения. Его послания, которые до-

---

[1] *Вострышев М. И.* Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона Патриарха Московского и всея Руси. М.: Современник, 1991. С. 88.

[2] *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. С. 369.

стойны ряда лучших богословско-исторических трудов известных Отцов Церкви, отличались не только смелостью, но смысловой глубиной, вдохновенностью, пророчеством, образностью и убедительностью. В них святитель с беспощадной и горькой точностью оценивает состояние русского народа и России и ставит, как истинный духовный врач, верный диагноз: «Грех, тяготеющий над нами, — вот сокровенный корень нашей болезни, вот источник всех наших бед и злоключений». «Где же спасение от гибели? У кого и в чём искать избавления от бед и напастей?» — обращается он к чадам Церкви и отвечает словами пророка Исаии: — «...Обратитеся ко Мне, — глаголет Господь, — и спасётеся...» (Ис. 45:22)[1].

19 января (1 февраля) 1918 г., за день до открытия работы второй сессии Собора, Патриарх выпускает своё знаменитое послание «Об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной», где призвал всех православных встать на защиту Церкви, а тех верующих, кто участвовал в беззакониях, жестокостях и расправах, отлучил от Таинств и предал анафеме. «Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины... Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до Нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чём не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной... Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властию, данною Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной...»[2].

В послании нет прямого осуждения большевистской власти, но большевики приняли слова Патриарха на свой счёт, конечно, не устрашившись анафемы. Тем более, что большинство из новых руководителей были иного вероисповедания или атеистами. Но они поняли эти слова Патриарха как анафематствование советской власти и выпусти-

---

[1] Цит. по: «В годину гнева Божия...». Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / сост. и авт. статьи Н. А. Кривошеева. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2009. С. 7.

[2] Следственное дело Патриарха Тихона // Сб. док. По материалам Центр. архива ФСБ РФ. М.: ПСТБИ, 2000. С. 813–814.

ли листовки: «В связи с декретом Народных комиссаров об отделении церкви от государства высшим церковным органом в лице патриарха Тихона выпущены воззвания контрреволюционного направления, превратно толкующие этот декрет. На почве такой пропаганды могут возникнуть народные волнения, ответственность за которые всецело падает на духовенство, если оно не разъяснит народу истинного значения этого декрета. Все церковнослужители, замеченные в распространении таких контрреволюционных воззваний, а также пропаганды в этом направлении, будут караться со всею строгостью революционного времени вплоть до расстрела»[1].

Большевистская власть остерегалась открыто нанести удар по Патриарху, поэтому в сентябре 1918 г. в печати появляются ложные сведения об участии Патриарха в антисоветском заговоре. Это обвинение послужило поводом для судебного преследования Святейшего и заведения следственного дела. Но и ложью не запугали святителя, который в годовщину большевистской революции обращается к Совету народных комиссаров с такими словами:

«Целый год держите вы в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции; но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды...

Мы знаем, что Наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения Нас в противлении власти; но чем выше будет подыматься “столп злобы” вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости Наших обличений...

Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключённых, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междуусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11:50) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26:52)»[2].

---

[1] Цит. по: «В годину гнева Божия...». Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / сост. и авт. статьи Н. А. Кривошеева. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2009. С. 11.

[2] Там же. С. 16.

Никто не говорил с правителями-богоборцами так открыто и независимо. Но и эти речи не возымели на них действа, хотя уничтожить неугодного Патриарха большевики всё же боялись, боялись народного гнева. Да и Патриарх к этому времени уже обладал всемирным авторитетом. Поэтому они свои действия всячески замаскировывали и надеялись, что кампания по вскрытию мощей отвратит русский народ от веры. Все церкви и монастыри, где находились святые мощи, подверглись поруганию. Несмотря на то, что кощунственное вскрытие мощей было чрезвычайно оскорбительно для Церкви и означало гонение на веру, народ в своём большинстве не ушёл из Церкви, не отвернулся от Патриарха, который в это время обратился к председателю Совнаркома Ленину с резким заявлением: «По долгу пастырского служения заявляю Вам, что всякое оскорбление религиозного чувства народа вызывает в нём естественную скорбь и справедливое негодование, и может волновать его даже в несравненно большей степени, чем все другие невзгоды жизни, а нас обязывает стать на защиту поругаемой святыни и отечески вещать народу: "должно повиноваться больше Богу, нежели человекам" (Деян. 5:29)».

«Оценка предварительна и неточна»

Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало.
Ленин

Обличал Патриарх сатанинских вождей и в моровые голодные годы. До революции такого жуткого голода не случалось. Императорская Россия была запаслива, русский мужик и государство на опыте прошлых веков имели и запасы зерна, и капитала. Большевики своей алчностью и тратами на построение мирового коммунизма, борьбой с контрреволюцией и покупкой зарубежных дворцов для своих полпредов опустошили и казну, и неприкосновенные сельскохозяйственные запасы. В истории России такого голода, как голод 1921–1922 гг., не бывало. На выручку голодающим пришли не власти, а народ, создавший Всероссийский комитет помощи голодающим. И, конечно, Патриарх Тихон и Церковь. В августе 1921 г. они основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим, вскоре признанный ВЦИКом излишним и упразднённым. Голодали Симбирская, Саратовская, Самарская, Уфимская, Марийская, Нижегородская, Пензенская. Царицынская, Астраханская, Уральская. Оренбургская, Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Ставропольская губернии, Татарская, Башкирская, Чувашская, Терская и Горская республики, Немецкая коммуна и др.

6 (19) февраля Патриарх Тихон пишет воззвание об усилении помощи голодающим.

«Леденящие душу ужасы Мы переживаем при чтении известий о положении голодающих... Необходимо всем, кто только может, прийти на помощь страждущему от голода населению... Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи, вследствие истощения средств их, Мы допускаем возможность духовенству и приходским советам с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления... на помощь голодающим»[1].

На этой трагедии большевистские власти опять же хорошо поживились, придумав кощунственную кампанию по экспроприации церковных ценностей якобы для помощи голодающим. Церковь по Призыву Патриарха начала сбор церковных средств, готова была отдать многие храмовые ценности, за исключением тех, которые имеют богослужебное значение. Но правительство это не удовлетворило, и появилась правительственная инструкция о том, чтобы никаких жертв от Церкви не принимать, а просто и в оскорбительной форме произвести массовое изъятие всех церковных ценностей. Особое участие в этой акции принимал Ленин (Ульянов-Бланк). 19 марта 1922 г. он, как председатель Совнаркома, составил в одном экземпляре совершенно секретное письмо, не подлежащее копированию, с планом, по которому должно было начаться решительное искоренение «влиятельнейшей группы черносотенного духовенства».

«...Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого

[1] Следственное дело Патриарха Тихона // Сб. док. По материалам Центр. архива ФСБ РФ. М.: ПСТБИ, 2000. С. 849–850.

настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечивал бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием церковных ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности ещё подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов, то есть эсерам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом проведём с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин. Никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно поэтому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКО и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»[1].

Всё церковное золото и серебро свозили в Москву, и оно сначала оседало в Государственном хранилище. Документы о награбленном имуществе сопровождает однотипная резолюция: «Оценка предварительна и неточна». А голодающие губернии умоляли Москву разрешить оставить у себя хоть немного ценностей на закупку хлеба. Но из Кремля шло распоряжение: «Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами питания недопустима»[2]. Церковные ценности в течение нескольких лет большевистские руководители использовали на свои личные нужды, на революционную армию, на поддержку Коминтерна и т. п. Сколько досталось голодающим, не знал никто. Зато министр финансов Великобритании Чемберлен удивлялся: «Советы только что купили в Лондоне для службы их главного штаба дом, стоящий 260 тыс. фунтов стерлингов. Дворец этот предоставлен Красину, окружённому целой армией стенографисток и дактилографисток... Не проще ли, чтобы Советы продали этот дворец, чтобы купить провиант»[3]. Реально на борьбу с голодом ушло только 2 % награбленных церковных ценностей.

Следует подчеркнуть, что экспроприации подлежали только православные храмы и монастыри. Других конфессий: старообрядцев, различных сектантов, иудеев, мусульман, римо-католиков это не касалось. Мало того, Римо-католическая церковь в лице папы римского Бенедикта XV вначале приветствовала Февральскую и Октябрьскую революции.

---

[1] https://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_членам_Политбюро_от_19_марта_1922_(Ленин)

[2] *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон Божий избранник. М.: Алгоритм, 2013. С. 186.

[3] Там же. С. 176.

Разновидности тьмы. Ватикан и русские революции

Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их — мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их.

(Ис. 59:7)

1917 год принёс много радостных волнений, страхов и разочарований римской курии. Падение царского строя укрепило многовековую мечту окатоличивания России. Российский дипломат (ставший в последствии католическим священником), поверенный в делах России при Ватикане Н. И. фон Бок сообщал Временному правительству, что русская революция обнадёжила Ватикан на «открытие новой эры свободы католичества в России»[1]. Представители буржуазного Временного правительства Гучков, Милюков, Керенский приветствовали дружбу с римо-католиками, надеявшимися на то, что с падением самодержавия будут отменены особые привилегии Русской Православной Церкви. Однако переворот приобретал такие разрушительные и молниеносные формы, что католические священники стали беспокоиться о дальнейшем развитии революции, помня о катастрофических последствиях Великой Французской революции XVIII века. Обеспокоенность тем, как бы революционный пожар из России не перекинулся в Европу, омрачала радость экспансионистских мечтаний.

Общение Ватикана с Временным правительством перешли в сугубо официальную сферу, в частности, в июне 1917 г. российскому представителю при папском престоле был вручен меморандум по вопросам, относящимся к положению католической церкви в России. Поднимались такие вопросы как, например, смешанные браки (католиков с некатоликами) и религиозная принадлежность детей, родившихся от таких браков; допущение русского языка в католическом богослужении; право свободного перехода в католицизм и т. д. Царь охранял Русскую Православную Церковь, и эти вопросы не находили законодательного решения. Не нашли и при Временном правительстве. При большевиках — вообще отпали.

Но условия для активной пропаганды католицизма в России сохранялись. Поэтому в мае 1917 г. в Ватикане была создана конгрегация по делам восточной церкви. В своих сообщениях из Ватикана фон Бок отмечал, что кроме прочих эта конгрегация будет заниматься вопросами взаимного ознакомления, сближения и соединения католической церкви с восточными церквями. Эта организация, префектом которой был

[1] АВПР. Ф. Ватикан. Д. 122. Л. 25.

сам папа, впоследствии стала одним из активных центров антисоветской деятельности Ватикана.

Как всегда, большие надежды по разрушению Русской Православной Церкви католики возлагали на греко-католическую (униатскую) церковь и её главу Андрея Шептитского, который появился в Санкт-Петербурге сразу после Февральского переворота и начал формировать униатские приходы, рукополагать униатских священников. Поступали ходатайства Временному правительству об отпуске средств на содержание католического и греко-католического священства. Позже Шептитский перебрался во Львов, сотрудничал с гитлеровцами, занимался антисоветской пропагандой.

Показательно представители неправославных вероисповеданий сочувствовали Русской Православной Церкви, открыто подвергшейся гонениям. Тем, что большевики не трогали другие конфессии, можно объяснить сочувствие архиепископа Кентерберийского, который знал также о предательстве королём Великобритании своего родственника Николая II и, возможно, ему было стыдно за это. Поэтому он молился о Патриархе Тихоне такими словами:

О, Господи! Ты, Который сказал Своим Ученикам, что — поражу пастыря и рассеется стадо его, умилосердись над рабом Твоим Тихоном, Патриархом всея Руси; спаси и защити его от рук врага; защити народ его в часы тьмы и дай ему мир, ради милосердия Твоего...

Индифферентностью большевиков по отношению к другим религиям объясняется, вероятно, и факт появления снисходительной, участливой статьи юриста М. Винавера, который в газете «Еврейская трибуна» выразил от имени русских евреев протест против преследований Православной Церкви в Советской России: «Глумление над Православной Церковью в Советской России не может не вызвать негодования всего культурного мира... Большевистская власть провозгласила на словах отделение Церкви от государства и в тот же день вторглась в святая святых “отделённой” Церкви... Разбуженные пропагандой инстинкты насыщаются открытым кощунственным грабежом. Грабят уже не добро, “награбленное” буржуями: грабят то, что несли в Церковь верующие люди ради спасения души, следуя внутреннему голосу совести, — что нёс чаще всего трудовой люд на сбережённые от трудовой книжки копейки.

...Еврейская религия, преследуемая в течение веков, испытывала уж не раз все ужасы религиозного мученичества. Воспитанные на сказаниях о тысячелетних страданиях за веру, мы поэтому, быть может, более других способны пережить волнения и муки православных русских людей.

Русские евреи имеют к тому же в прошлом менее всего оснований винить в этих преследованиях Православную Церковь...

Истинно-верующий русский народ, привыкший к разнообразию мнений в вопросах веры, сам склонный искать и углублять вопросы веры, не только мирится, но понимает и уважает инаковерующего, лишь бы вера его была чиста и искренна. И неудивительно, что русские евреи откликаются словом братского сочувствия и сердечного негодования на горе и страдание Православной Церкви»[1].

Но большевиков не устыдили эти увещевания. В связи с кампанией экспроприации церковных ценностей по указанию ненавистника Православия Ленина начались судебные процессы по обвинениям в сопротивлении декретам советской власти. Большинство из них закончились казнью священников в камерах Лубянки по резолюции Политбюро: «Применить к попам высшую меру наказания». Заседавшие в Кремле Ленин (Ульянов-Бланк), Троцкий (Бронштейн), Сталин (Джугашвили), Каменев (Розенфельд), Зиновьев (Апфельбаум), Рыков, Калинин, Фрунзе постановили: «Немедленно привлечь Тихона к суду».

Началась газетная травля Патриарха Тихона. Ему припомнились примирительные послания против гражданской войны, выпущенные в 1918–1920 гг., и инкриминировалось сопротивление советской власти, карающееся расстрелом. Но под пристальным вниманием зарубежной общественности, которая возмущалась привлечением Патриарха к суду, казни не произошло. Зато после долгих мучительных допросов святителя выселяют из Троицкого подворья, и с мая 1922 г. он находится под «домашним арестом» в Донском монастыре, где ему отводятся две небольшие комнаты. В первой из них постоянно дежурят красноармейцы. Патриарх не может служить, к нему не допускают никого из сотрудников. В апреле 1923 г. Политбюро приняло решение: «Поручить Секретариату ЦК вести дело Тихона со всею строгостью, соответствующей объёму колоссальной вины, совершённой Тихоном», что означало указание суду на необходимость вынесения смертного приговора. 19 апреля 1923 г. Тихон был под стражей препровождён во внутреннюю тюрьму ГПУ, где проходили его допросы. Но внимание мирового сообщества к этому процессу не позволило большевикам исполнить смертельный приговор. Тогда они нашли другие способы борьбы с Патриархом.

---

[1] *Винавер М.* Большевики и Православная Церковь // Еврейская трибуна. 1922, № 23 (128), 19 июня.

«Порази пастыря, и рассеются овцы» (Зах. 13:7; Марк 14:27)

Дело-то не Божие, а потому разорится рано или поздно
архиепископ Иларион (Троицкий)

Большевистские вожди знали Ветхозаветное изречение: «О, меч! поднимись на пастыря Моего и на ближнего Моего, говорит Господь Саваоф: порази пастыря, и рассеются овцы!» (Зах. 13:7), и по присущим им манипуляциям, выражающимся глаголами с приставкой «раз-» и «рас-», эти слова рьяно воплощали в русскую жизнь. Разорвать, разломать, расстрелять, рассеять — их любимые действия, которые не могли проистекать сами по себе, для этой работы, для кинетического развития процесса, требовался толчок, внешняя сила: идея, распоряжение, резолюция. Так 20 марта 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) был принят предложенный Л. Троцким «Проект директив об изъятии церковных ценностей», один из пунктов которого гласил:

«...Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу...». Активно вождей поддерживала революционная интеллигенция. Так А. Луначарский в своей книге «Религия и просвещение» возмущался, что народ хочет есть: «И вот это-то царь-народ, воплощённый в Советском правительстве, хочет теперь взять то, что он, и никто другой, раньше давал, и взять он хочет не на войну, и не на политику, а на борьбу с голодом»[1].

А В. Маяковский писал в «Агитплакатах»:

Мы берём ненужное золото, берём для голодных —
никто сказать не смеет, что это вот
против веры христианской идёт.

Здесь надо вспомнить о русской интеллигенции, которая много бед принесла своему Отечеству, в своей безрелигиозности была той силой, что способствовала краху Российской империи. Как говорил историк Пётр Струве, «В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции — ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции»[2]. Струве выразил основные особенности этой, до поры не явно выраженной прослойки, обнаружившей себя в русской истории

[1] https://fil.wikireading.ru/87423

[2] *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей. М., 1909. Репр. С. 164.

только в эпоху реформ, громко заявившей о себе в революцию 1905–1907 гг., прослойки, предъявившей права на место образованного класса, которым всегда было духовенство и дворянство. Интеллигенция приветствовала и поддержала возможность не только отодвинуть, но и уничтожить оба этих конкурентных ей класса. Струве деликатно пояснял суть отщепенства: «Для интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность. Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального или эмпирического»[1]. А если сказать проще, борьба шла за власть и, как следствие, за её блага. Точь в точь как то, что мы видели своими глазами в 90-е годы в постсоветской России. Да и сейчас называющие себя интеллигентами бесноватые театральные режиссёры, художники — проводники параноидального постмодерна, глумящиеся над понятиями совести и чести российские литераторы-русофобы, получающие за это иностранные премии, пытаются разобщить, рассеять народ, сохраняющийся поныне в своей ментальной целостности.

Но это не удалось даже большевикам, которые применяли самые кровавые, человеконенавистнические методы, подобно гонителям первых христиан. Большевистские правители, проводя политику слома государства, прятались за спины народа. Церковь первой испытала ненависть люмпенизированных и распропагандированных масс, чьими руками и жизнями «верные ленинцы» на костях лучших людей Императорской России обеспечивали себе немыслимые богатства и властные привилегии.

Помянем мучеников за веру, вспомнив их имена! Киевский митрополит Владимир был избит, ограблен и расстрелян. Архиепископ Воронежский и Задонский Тихон повешен на Царских вратах церкви Митрофаньевского монастыря. Архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника, отрезав уши и выколов глаза, долго водили по улицам Перми, а потом утопили в реке. Архиепископ Черниговский Василий и Пермский викарный епископ Феофан, приехавшие в Пермь для расследования убийства Андроника, при выезде из города схвачены и расстреляны. В Тобольске замучили архиепископа Гермогена, в Свияжске умертвили, привязав к хвосту лошади, епископа Амвросия, в Самарской губернии епископа Исидора посадили на кол и так предали мученической смерти. Медленно убивали епископа Никодима, ударяя по

[1] *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей. М., 1909. Репр. С. 160.

голове железным прутом. Ревельского епископа Платона обливали на морозе водой, пока он не превратился в ледяной столб...

Обновленчество, спровоцированное революционной властью, было тоже одним из методов церковных гонений и способов разделения русского народа. В годы гражданской войны в Центральной России в среде духовенства был возбуждён раскол, появилась группа священников, призывавших к революции в Церкви[1]. Это были люди, которым не нравились каноны Церкви, они выступали за богослужебное реформирование, за то, чтобы был осуществлён перевод богослужений на русский язык, чтобы епископ мог состоять в браке, требовали двубрачия для духовенства. Большевистское правительство с надеждой на победу над канонической Церковью их поддержало.

Эта историческая версия раскола в Церкви фактически верна, но не точна в части формирования идеологии обновленчества, которое появилось не само по себе, не только как реакция части священства на сопротивление канонической Церкви. Главным идеологом раскола был Троцкий, сначала он доказал Политбюро, что большевистскому правительству нужны не мобильные вооруженные отряды добровольцев, а хорошо организованная, регулярная Красная армия, возглавляемая профессионалами. Таковых Троцкий надеялся набрать из кадровых офицеров Императорской армии. Их он предполагал привлечь и сплотить на основе «красного патриотизма». И это удалось. Следующей идеей расчётливого и беспринципного члена Политбюро стала идея «красного православия». Он понимал, что с руководителями канонической Церкви быстро справиться не удастся, поэтому попытался найти и сорганизовать таких священников, которые согласятся поставить новую церковь под контроль ГПУ. Они будут проводниками идеи, что советская власть является самой гуманной в мире, что социалистические идеи сродни христианским.

Секретное письмо Троцкого по поводу обновленческого раскола:

«Л. Д. Троцкий — членам Политбюро ЦК РКП(б).

15 мая 1922 г.

Совершенно секретно.

Всем членам Политбюро ЦК, копия редакции “Правды”, копия редакции “Известий”, т. Ленину.

---

[1] Подробнее см.: *Константин (Горянов), митрополит.* «Горькая ошибка». «Церковная революция» 1917 года, её последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края // Родная Ладога. 2017. № 1.

По поводу воззвания лояльной группы духовенства, во главе с епископом Антонином, в “Правде” напечатана небольшая заметка, в “Известиях” нет ничего. Опасаюсь, что пресса не обратит должного внимания на этот документ, который будет иметь, однако, огромные последствия, в смысле полного раскола между демократической сменовеховской частью церкви и её монархически контрреволюционными элементами. Сейчас мы, разумеется, полностью и целиком заинтересованы в том, чтобы поддержать сменовеховскую церковную группу против монархической, ни на йоту, разумеется, не отступая от нашего государственного принципа отделения церкви от государства, а, тем более, от нашего философски-материалистического отношения к религии.

Сейчас, однако, главная ***политическая*** (выд. Троцким. — *авт. ст. М. К.*) задача состоит в том, чтобы сменовеховское духовенство ***не оказалось терроризированным старой церковной иерархией***. Отделение церкви от государства, нами раз навсегда проведённое, вовсе не означает безразличия государства к тому, что творится в церкви как в материально-общественной организации, а не как в общине верующих.

Верхи церкви имеют в своём распоряжении самые разнообразные громы для устрашения лояльных элементов. Политика чёрного церковного терроризма сохранила всю свою силу до последних дней. Оппозиционные лояльные и прогрессивные элементы духовенства, исходя отчасти из ложного и чисто формально понятого принципа отделения церкви от государства, отчасти наблюдая переходившую всякие пределы терпимость государства по отношению к контрреволюционным верхам церкви, не рассчитывали, что государство окажет им поддержку как гражданам, как представителям группы верующих, против происков и мер материальной репрессии со стороны церковных верхов.

Одна из задач печати в этом вопросе в настоящее время состоит именно в том, чтобы поднять дух лояльного духовенства, внушить ему уверенность в том, что в пределах его бесспорных прав государство его в обиду не даст, хотя, разумеется, государство отнюдь не покушается на регулирование чисто религиозных споров и отношений. Во всяком случае, необходимо:

1) уделить воззванию Антонина и др. видное место, как симптому, имеющему историческое значение;

2) давать в прессе вообще как можно более информации о движении в церкви, всемерно оглашая, подчёркивая и комментируя сменовеховские голоса;

3) не скрывая нашего материалистического отношения к религии, не выдвигать его, однако, в ближайшее время, то есть в оценке нынеш-

ней борьбы, на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению, а наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме;

4) критику сменовеховского духовенства и примыкающих к нему мирян вести не с материалистически-атеистической точки зрения, а с условной церковно-демократической точки зрения: вы слишком запуганы князьями, вы не делаете всех выводов из засилья монархистов в церкви, вы не оцениваете всей вины официальной церкви перед народом и революцией, и пр. и пр.;

5) однако уже сейчас необходимы историко-материалистические статьи о православной церкви, с выяснением основных особенностей её развития, как сословно-классовой организации (почему в православной церкви не было буржуазной реформации, переплёт начинающейся буржуазной реформации в церкви и пролетарской революции в государстве и пр. и пр.);

6) Главполитпросвету всемерно готовиться к тому, чтобы все вопросы не только церкви, но и религии, поставить ребром, в самой популярной общедоступной форме в листовках и устных речах в самом близком будущем, когда внутренняя борьба церкви привлечёт к этому вопросу внимание широчайших народных масс и разрыхлит почву для семян атеизма и материализма.

Л. Троцкий 4/V 22.

P.S. Ещё раз повторяю, что редакции "Правды" и "Известий" не отдают себе достаточного отчёта в огромной исторической важности того, что происходит в церкви и вокруг неё. Только путём величайших нажимов удается получить статью по этому вопросу. Затем всё входит в колею. Мельчайшая генуэзская дребедень занимает целые страницы, в то время **как глубочайшей духовной революции в русском народе** (или, вернее, подготовке этой глубочайшей революции) отводятся задворки газет. Л. Троцкий 15/V»

Верно! 1000 раз верно! Долой дребедень! Ленин

Пометки В. И. Ленина — автограф; письмо — подлинник[1].

Воплощение идеи Троцкого пришлось на время наибольшего ослабления канонической Церкви. Когда начались гонения на Патриарха Тихона и верных ему священников, активизировалась петроград-

[1] http://www.regels.org/1922maj-ijun.htm

ская группа «прогрессивного духовенства», возглавляемая протоиереем Александром Введенским, священниками Владимиром Красницким, Александром Боярским. Объединённые ГПУ, они стремились к одному — заменить, обновить церковное управление. Новое церковное руководство, по мысли Троцкого и его соратников, должно было сделать Церковь орудием большевистского режима. Обновленцы, как официальные представители Русской Православной Церкви, поддержанные и принятые на правительственном уровне — председателем ВЦИК М. И. Калининым, сразу же попытались обманным путём сместить Патриарха Тихона.

Домашний арест Патриарха, отстранение его от общения с паствой, ограничение богослужебной деятельности могли бы стать поводом к тому, чтобы он согласился найти себе заместителя. Но им не смог стать выдающийся его сподвижник, знаменитый проповедник, богослов, учёный священномученик епископ Иларион (Троицкий), которому народ дал имя «Новый Златоуст», а Патриарх называл его «своим ближайшим помощником». Это особая личность не только в истории Церкви, но и в истории России. Его мученическое стояние за Христа и Русскую Православную Церковь закончилось исповеднической смертью. Во время испытаний, выпавших на долю Патриарха, Владыка Иларион сам претерпевал очередное заключение. Чем и воспользовались обновленцы.

В Донской монастырь к Патриарху Тихону пришли три петроградских священника — Александр Введенский, сыгравший неприглядную роль в аресте митрополита Вениамина, священники Белков и Калиновский с просьбой о резолюции Святейшего на их прошении о приведении церковного управления в порядок на время пленения Патриарха. Тихон всего лишь благословил передачу канцелярии митрополиту Агафангелу при участии своего секретаря архимандрита Анемподиста. На следующий день в печати появилось сообщение о том, что Патриарх Тихон отрёкся от власти, и отныне Русская Церковь возглавляется Высшим Церковным Управлением (ВЦУ), которое представляют Введенский, Белков и Калиновский. Обновленцы по указанию Троцкого повторили сценарий с «отречением» Царя. Они привлекли в соумышленники епископа Антонина Грановского (отправленного на покой за свои провинности), стоявшего у истоков обновленчества, и петроградского протоиерея Владимира Красницкого. Так начались самые страшные годы в истории Церкви.

Действия обновленцев были согласованы с ВЧК, поэтому всюду были разосланы требования, чтобы служители Церкви подчинялись ВЦУ, Патриарх Тихон объявлен контрреволюционером, белогвардей-

цем, а каноническая Церковь названа «тихоновщиной». В 1923 г. над Церковью нависла смертельная угроза. Власти действовали как извне, так и изнутри. Многие храмы по всей стране захватывались обновленческими приходами. В мае состоялся обновленческий собор, на котором Патриарх Тихон был объявлен лишённым Патриаршего сана и монашества. Ему было предписано именоваться гражданином Василием Ивановичем Беллавиным. Очень уж это отрешение от церковной власти напоминает насильственное отрешение от России «гражданина Романова». Алгоритмы действий «отрешающих сил» не изменились поныне: оболгать, потрясти колбочкой с белым порошком, возмутить общественное мнение, разбомбить, уничтожить, подсчитать доходы. Но делается всё так, чтобы истинные акторы, финансовая «закулиса» остались неузнанными и неуязвимыми. Напомним, что Ленин приказал в связи с этими событиями фамилию Троцкого не упоминать, а должна стоять только подпись М. И. Калинина. Так в 1923 г., якобы по желанию народа, который якобы повалил в обновленческие церкви, захваченные у законной Русской Православной Церкви, Патриаршая Церковь фактически оказалась вне закона.

Газеты, поддерживающие обновленцев, распространяли лживую информацию, из которой можно было понять только то, что основная масса священников и епископат переходят под власть ВСУ, а Патриарха Тихона называли «бывшим патриархом». Сторонники Патриарха не могли оправдаться, так как не имели выхода на прессу. Знание современных методов лживой мировой пропаганды, клевещущей не одно десятилетие на Православную Россию, чему мы являемся свидетелями, помогает нам осознать трагичность ситуации и положения Патриарха Тихона, находящегося в полной дезинформации. Непостижимым образом, а скорее, по Божиему Промыслу и по недопониманию временщиками русского духа и возможных последствий, ЧК предложила Святейшему освобождение от ареста с условием унизительного публичного «покаяния» перед богоборческой властью. Большевики надеялись, таким образом унизив Патриарха, добить его Церковь. Во имя спасения Церкви святой Патриарх, не дороживший своей жизнью и говоривший в одном из своих посланий, «умереть нынче немудрено, нынче труднее научиться жить», принял предложение и, пожертвовав своим авторитетом, унизившись перед палачами, написал требуемое от него «покаянное письмо».

Можно представить, с каким трудом давались Святейшему эти слова:

«Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный Суд РСФСР, я считаю необходимым по долгу своей пастырской совести заявить сле-

дующее: будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причём враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям. Как то: обращение по поводу Брестского мира в 1918, анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном Заключении Верховного Суда. Признавая правильность решения Суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из-под стражи»[1]. Однако Предстоятель Русской Православной Церкви оставался непреклонным по принципиальным вопросам, да и вопрос о возможности примирения с новой властью для него не был неожиданным и противным его милосердному христианскому мировоззрению. Ведь это его слова из одного из первых посланий: «Православная Русь, ...меч для кровавой расправы с теми, кого считала бы ты своим врагом, — отбрось далеко...» Не на компромисс с врагом рассчитывал Патриарх, но на его преображение. Что в дальнейшем отчасти и произошло. Но требование ГПУ о примирении с обновленческим архиепископом Евдокимом (Мещерским) Патриарх на Лубянке отверг категорически.

Следует вспомнить, что в 1918 г. Святейший, не убоявшись кары богоборческой власти, открыто осудил расстрел Императора Николая II, обвинив большевиков в убийстве Царя. Причём, узнав об этом святотатстве (о том, что расстреляна вся Царская Семья, он не знал), Предстоятель смело благословил архипастырей служить панихиды не по «гражданину Романову», а по убиенному Государю Николаю II Помазаннику Божию. Хотя некоторые пастыри предлагали келейно молиться о Царе как о частном лице, как о боярине Николае. Не проявляя открыто своего расположения, Патриарх Тихон сочувствовал «Белому движению». Можно представить с какой душевной мукой он осознанно, только для пользы своей Церкви заявил:

— Отныне Церковь отмежевалась от контрреволюции и стоит на стороне Советской власти[2].

---

[1] Текст заявления по факсимиле в: Известия. 1 июля 1923. № 145. С. 1.

[2] Известия. 1924. 23 марта. № 68.

Архимандрит Иларион (Троицкий)

— Церковь признаёт и поддерживает Советскую власть, ибо нет власти не от Бога[1].

Склонив свою голову, пожертвовав своим положением, именем, душевным миром, он спас от разрушения Церковь. Это ли не святая жертва!

Власти так уверились в своей победе, что даже освободили из заключения Владыку Илариона (Троицкого), который поспешил в Москву. В это время он писал: «Что касается смуты церковной, кроме глупости безобразия в ней ничего не вижу... Знаю и некоторых новых “деятелей”. Ждать от них добра, как если бы идти в кучу крапивы и искать малины. Зла от этих деятелей будет очень много. И многим от них придётся пострадать...». «А уж “оживляют” Церковь пусть другие; нам с ними не по пути... Мы лучше по ссылкам поездим, а преклоняться перед наглостью, бессовестностью и глупостью — не преклонимся. Дело-то не Божие, а потому разорится рано или поздно»[2]. И разорилось не Божие дело обновленчества, которое уже после смерти Патриарха Тихона предприняло ещё одну неудачную попытку захвата власти.

Владыка Иларион по приезде в Москву, став правой рукой Патриарха, сразу же приступил к решительным действиям против обновленцев. Он, каждый раз после чина освящения церкви, начал служить в храмах, занятых обновленцами. Произносил проповеди, направленные против раскола, выступал в диспутах с обновленцами. Его «уверенность в истине» (Варлам Шаламов) глубоко действовала на людей. Разъясняя пози-

[1] «Акты патриарха Тихона». М., 1994. С. 296.

[2] Цит. по: Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский: Житие / сост. Е. М. Птицына. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 36–37.

цию Патриарха, Владыка Иларион переговорил со множеством мирян, священников, монахов и монахинь. В обновленческих приходах договорился о присоединении их к Патриарху, разработал чин покаяния для обновленцев. Десятки заблудших шли к Патриарху с покаянием. Он милостиво принимал в общение раскаявшихся, осознавших обман священников, приглашал служить с собой, даже одаривал. Народная любовь к своему Патриарху не поколебалась в связи с его «покаянием». Русская Православная Церковь начала возрождаться и укрепляться. За этот подвиг Иларион получил «в награду» от власти — Соловки, которые принял к пользе своей, считая, что заключение — бесценная школа добродетелей. А Патриарх Тихон вступил на последний этап своего Голгофского пути. Но Русская Православная Церковь была спасена!

Похороны Патриарха Тихона

Последние годы жизни Патриарха Тихона — самые мучительные и в духовном, и в физическом порядке. Допросы, обвинения, оскорбления, ложь, неоднократные покушения на жизнь, убийство келейника — сокрушили Святейшего телесно. Предчувствуя свою кончину, Патриарх думал не о своём здоровье, а о благе Церкви. Он написал завещание, указав трёх местоблюстителей Патриаршего престола. Его смерть в больнице Бакунина на Остоженке вызывает по сей день много вопросов. Ведь Святейший находился в том достаточном здравии, которое позволяло ему проводить в Церкви все главные службы Великого поста 1925 года. Святитель, как будто знал час своего ухода, после того как ему был сделан «смертельный» укол снотворного, сказал: «Ну вот, я теперь усну. Ночь будет долгая-долгая, тёмная-тёмная», и в день Благовещения умер, незадолго до этого увидев смерть своего гонителя Ленина.

С смертью Патриарха окончилась история Российской империи, завершился локальный апокалипсис, и началась история современной

нам России, которая, много претерпев, преобразилась и по милости Божией обрела своё место в непрерывности христианского времени. Не в воле это человеческой, но и без воли и жертвы человеческой невозможно. Патриарх Тихон, несмотря на своё монашеское призвание, тихий, миролюбивый характер, совершил свой непостижимый подвиг в миру, «умирая во вся дни», что во много раз труднее, чем скорая, жертвенная смерть. А поражается Пастырь добрый, чтобы положить душу Свою за овец Своих, и чтобы из многих стад было *одно стадо и один Пастырь* (Ин. 10:16).

«Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5:16)

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
(Иоанн 1:5)

Во тьме богоборческих времен жил светоч русской веры, не видя своего сияния, не понимая своего подвига. Этот подвиг видится с пространственного и временно́го отдаления. Очень мудро сказал в своей молитве о Патриархе Тихоне архиепископ Кентерберийский: «О, Господи... спаси и защити его от рук врага; защити народ его в часы тьмы и дай ему мир, ради милосердия Твоего...». Патриарх Тихон всей своей жизнью доказал, что у тьмы есть только часы, а у милосердия — мир и Вечность. Он доказал, что верующая душа сильнее «комиссарского маузера» — основного и любимого оружия революционных времён, он стал неотъемлемой частью образа красных комиссаров в кожаных куртках, символом непререкаемой власти. Его хранили, им награждали, о нём мечтали, его боялись. А что немощный старец? Кто его убоится? Но где те комиссары, не понимавшие, что ненавистью не победить? А Святой Патриарх, в ликующем облике добра и света, в напоминании нам «Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5:16), ведь смерти нет, — поныне ведёт Россию путём Света. «И не пора ли нам, называющим себя верующими, вспомнить этот сердцевинный парадокс христианства — что побеждает в нём *только крест*, его непобедимая, непостижимая сила, его единственная красота, его дух захватывающая глубина. Не пришёл Христос спасти нас ни силой, ни внешней победой, но заповедал нам, чтоб мы знали, *какого мы духа*, чтобы была в нас сила крестная. И вот показательно, что и сейчас, там, где идёт борьба с религией, там побеждают те, кто силе противопоставляют только правду, ненависти — только любовь и жертву, шуму и грохоту пропаганды — “глас хлада тонка”, тишину и свет подлинной веры. И вот над

шумом слышен только их голос, во тьме светит только их свет, действительно этого света тьме не объять»[1].

Да, Патриарх Тихон — наш Светоч, наш современник.

Он с нами в нашей литературе.

«Патриарх, в митре, опираясь на посох, окружённый высшим духовенством, стоял на углу Исторического музея, против Никольских ворот. Толпа внезапно вынесла нас снизу, от Александровского сада, и почти прижала к Патриарху. Запомнился блеск солнца в митре, двурогий посох, крестное знамение... навсегда врезалось лицо его — с крупным толстовским носом, серыми, простыми глазами, пепельною бородой, обыкновенное хорошее "мужицкое лицо". Огромною серьёзностью, но спокойствием и добротой веяло от него. Он благословлял проходивших. И неотразимо вызывал в памяти образ Николая Угодника, деревенского русского святого»[2].

Патриарх Тихон с нами в современных живописных работах и иконах. Святейшему посвящён незавершённый апокалипсический цикл картин *«Реквием»* или *«Русь уходящая»* Павла Корина. На одном из сохранившихся эскизов, выполненных темперой, символичная композиция: в сонме архиереев три Патриарха Московских и всея Руси — Алексий (Симанский), святитель Тихон (Беллавин) и Сергий (Страгородский) — свидетельство преемственности и непрерывности жизни Русской Православной Церкви.

Мы ощущаем тепло его личности в картинах современного московского живописца Филиппа Москвитина, который создал галерею полотен, посвящённых образу и событиям из жизни своего любимого святого (более 30 работ). Художник изображает будущего святого Патриарха молодым миссионером на картине *«Прощание с Америкой»*. На величественном полотне *«Патриарх Тихон. 1917 год»* художник создаёт образ святителя в день Патриаршей интронизации, когда архиепископ Антоний (Храповицкий) сказал: «Сие избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла». О страданиях русской Церкви и русских людей, о непримиримости богоборческой власти — картина *«Взятие под стражу Патриарха Тихона»*. Полотно, изображающее пленение великого русского Патриарха разнузданными комиссарами на глазах верующих, символизирует неразрывное единство Церкви и народа, пока-

---

[1] *Шмеман Александр, протоиерей.* Проповеди и беседы. М.: Паломник, 2000. С. 120–121.

[2] *Зайцев Б. К.* Венец Патриарха // Перезвоны. Рига, 1926. № 17.

зывает, что в пределах земного человеческого бытия бывают краткие времена, когда тьме удаётся пленить свет. Но иконы Патриарха, созданные Филиппом Москвитиным для московских церквей, свидетельствуют о временности этого пленения и о вечности Господней славы.

Патриарх Тихон с нами в наших молитвах ему:

Избранный архиерею, предивный угодниче и исповедниче Христов, Русския Церкве крепкое ограждение, отечеству нашему ходатаю и заступниче, прославляюще прославльшаго тя Господа, даровавшаго нам в тебе новаго и великаго предстателя, похвальное пение восписуем ти; ты же, имеяй велие дерзновение ко Владыце Небесе и земли, от всяких нас бед свободи, зовущих:

Радуйся, святителю Тихоне, Церкве Православныя похвало и утверждение.

(Акафист святителю Тихону,
Патриарху Московскому и всея России чудотворцу. Кондак 1).

Икона Патриарха Тихона.
Художник Филипп Москвитин

Символичная канонизация Патриарха, первого после 200-летнего перерыва — святителя Тихона (1917) и первого российского Патриарха Иова (1589) произошла ещё в Советском Союзе, в 1989 г. на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви во время празднования 1000-летия Крещения Руси. Это было невероятное для того времени, чудесное событие, хотя звучали возгласы возмущения и обличения Патриарха как известного «антисоветчика». Доказательством Божиего Промысла стало чудесное обретение мощей Святейшего, чему предшествовал целый ряд символичных событий. Люди, не пережившие гонений и мало знавшие о лич-

ности Патриарха, восприняли канонизацию с радостью и почтением. А может, родовой памятью чувствовали, что вновь грядут смутные времена, что вновь России нужен святой защитник. Первое молитвенное поклонение святейшему Тихону было воздано ещё в 1990-м г., в первый день его памяти после канонизации, на Благовещение. Той весной этот праздник совпал с Вербным воскресением. В Малом соборе Донского монастыря, где было только обозначение могилы, совершился первый молебен. В торжестве участвовали Патриарх Алексий II и митрополит Американский Феодосий. Обретение нетленных мощей Святейшего произошло позже, 22 февраля 1992 года. Кстати, похороны Патриарха Тихона в 1925 г. также совпали с Вербным воскресением. И в найденном Божиим Промыслом гробу была вербочка, что не оставляло сомнений принадлежности святых мощей и символизировало бессмертие духа и неразрывность христианского времени. Нет сомнения и в том, что святитель Тихон — Церкви Православной похвала и утверждение — возносил Богу молитвы о России в новые смутные времена конца XX века. И услышал Господь молитвы о заступничестве Земли Русской тех, кто во время гонений засвидетельствовал свою веру, надежду и любовь ко Христу.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Расширенный вариант доклада в Санкт-Петербургской Духовной академии 10 октября 2008 года на конференции, посвящённой 100-летию кончины святого: о значении для современности проповеднического и пророческого подвига святого праведного Иоанна Кронштадтского

«...Русский пыл в крови»

Слово Победа — в этимологическом плане сложное, имеет во многих языках созвучные слова, несколько разнящиеся по смыслам, но объединённые общей нравственной идеей. По-старославянски оно означало «принуждать», по-латышски — это «забота», по-албански — «присяга» и т. п. Но все эти смыслы проявляются одновременно во времена испытаний. Для русского человека «по-беда» означает героическое преодоление «беды», которая в государственном смысле издревле понимается как вторжение на Русь чужеземных захватчиков, ставящих своей целью порабощение великой нации, захват богоданных русских земель, искоренение национальной культуры, а главное, Православной веры. Устойчивое словосочетание «День Победы», в котором оба слова пишутся с большой буквы, вошло в русский обиход после Великой Отечественной войны, в результате которой наша страна, путём неимоверных страданий и потерь, одолела фашизм. Нерусскому человеку, вероятно, не понять, почему по прошествии семи десятилетий с майских победных дней, сегодня, когда всё меньше и меньше остаётся очевидцев и участников Великой войны, значение праздника, который теперь весь мир называет «День Победы», не ослабевает, а только усиливается, всё более приобретает над-исторический смысл и общенациональный охват. Почему в этот день так ликует молодёжь, которая не только не видела войны, но в годы «перестройки» была лишена достоверной о ней информации? Не только генетическая память тому причина.

Ни одно государство в мире, кажется, не испытало стольких «бед», как Россия. Но в XX в. они стали повторяться с большей частотой, нежели в предыдущие века русской истории, каждый из которых имел «беду» свою. Казалось враг, торопясь покончить с Православной цивилизацией, почуяв после Октябрьской революции свой успех, решил не останавливаться. Следом за одной национальной трагедией спешила другая. XX в. для России стал особым испытанием на государственную прочность, которое она, сегодня можем сказать с уверенностью, выдержала. Невозможно судить о цене нашей свободы и независимости, когда, как в последнее время, изменяются и приёмы, и очевидность, и направления военных действий, когда враг переносит сражения с боевых полей в поле души человеческой, когда предают правители, а бывшие друзья становятся идеологическими противниками. Конец столетия был более чем богат подобными примерами. Войны в традиционном её понимании не было, но Россия стояла на грани гибели. Новые «смутные времена», казалось, закончатся опять временами «тёмными», как в начале XX века. Тогда так же постепенно, незаметно сгущались тучи над нашей страной, которая пугала врагов своей нарастающей мощью, стабильностью, процветанием и высотой человеческого духа.

Начало XX в. для России, казалось, стало началом духовного обновления общества, но на самом деле оказалось началом очередного «смутного времени». Столкнулись две тенденции, два пути развития. Один предлагал духовно-нравственное преображение общества, а другой — механическо-революционное преобразование. С одной стороны, и Государь Николай II, и Церковь понимали, что пора отменить синодальную систему и восстановить Патриаршество; происходило всенародное прославление новых святых, как, например, преподобного Серафима Саровского в 1903 году. Широко обсуждались вопросы церковной жизни и реформы, а также общенародные религиозно-философские вопросы. С другой стороны, либеральная и революционно настроенная часть общества, как бы не замечая благотворных изменений в жизни Российского государства, продолжала бичевать пороки уже уходящего дня. Если в первом случае общество нуждалось в постепенном, требующем нравственного труда исправлении уже существующего социального устроения, то во втором предлагалось насильственное и скорейшее уничтожение старого порядка для установления неизвестного нового строя для «счастья народа». Правда, не уточняли, кто подразумевается под этим народом, который «огнём и мечом» нужно непременно осчастливить.

Больше всего этот антагонизм проявился в разнородной среде русской интеллигенции. Одна её часть пыталась понять исторический путь

России в связи с преемственностью и традициями, что выражалось в осмыслении и освоении различных аспектов Православной цивилизации и церковности, а другая часть отказывалась от всякого историзма. Сборник «Вехи» (1909) стал выражением самопознания и самокритики русской интеллигенции. Так, один из его авторов С. Н. Булгаков писал, что «вследствие своего максимализма интеллигенция остаётся малодоступна к доводам исторического реализма... Самый социализм остаётся для неё не собирательным понятием, обозначающим постепенное социально-экономическое преобразование, которое слагается из ряда частных и вполне конкретных реформ, не "историческим движением", но надисторической "конечною целью", до которой надо совершить исторический прыжок актом интеллигентского героизма. Отсюда недостаток чувства исторической действительности и геометрическая прямолинейность суждений и оценок, пресловутая их "принципиальность"»[1].

Историзм же, рассматриваемый в христианском контексте, неразрывно связан с провиденциализмом, с синергией Бога и человека. А в самой жизни синергия осуществлялась и осуществляется в церковной жизни, которой не бывает без храмостроительства и богослужения.

«Я несказанно был рад видеть готовым храм у Варшавского вокзала. Дай Бог Вам кончить святое дело благополучно. Молитесь, Господь промышляет о Своём храме. И он воздвигнется и украсит собою столицу и Церковь Православную. Господь Вам помощник». Так о строящейся на Обводном канале церкви Воскресения Христова (Всероссийского Александро-Невского братства трезвости) во второй день Пасхи 1908 г., незадолго до своей кончины, говорил один из основных благодетелей и жертвователей, протоиерей Иоанн Сергиев, известный всей России под именем Иоанн Кронштадтский. И сами современники восхищались и удивлялись чуду воздвижения этого величественного храма, ведь «постройка как раз пала на годы нашего общественного безумия, когда вся страна переживала период бури и натиска мятежных идей и революционного брожения. И невольно в душе поднималось бодрое чувство при виде того, как, точно наперекор общественному разброду и разложению заветных православно-русских настроений, при отливе пожертвований, у Варшавского вокзала постепенно росло величественное сооружение, ставшее отныне памятником преданности царелюбивого народа русского своим родным свято-историческим заветам»[2].

---

[1] *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 1909. С. 33.

[2] Храм Воскресения у Варшавского вокзала. СПб., 2005. С. 5.

Впрочем, оторванная от жизни основных русских сословий интеллигенция по-своему представляла и народ, и его счастье. Так пишет об ошибках современной ему интеллигенции Н. А. Бердяев: «Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей. Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели её народу будет лучше житься, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича “долой самодержавие”. Оказалось, что ложно направленное человеколюбие убивает боголюбие, так как любовь к истине, как и к красоте, как и ко всякой абсолютной ценности, есть выражение любви к Божеству. Человеколюбие это было ложным, так как не было основано на настоящем уважении к человеку, к равному и родному по Единому Отцу; оно было, с одной стороны, состраданием и жалостью к человеку из “народа”, а с другой стороны, превращалось в человекопоклонство и народопоклонство»[1].

Протоиерей Иоанн Сергиев

Многие русские люди предчувствовали неладное и понимали ошибочность новомодных стремлений задолго до первых народных революционных волнений. Так, несправедливо забытый сегодня, талантливый русский поэт и публицист Василий Величко в 1903 г. писал: «Думайте о благе России, Царя и народа!.. Душа Царя — душа народа! Он Божий ставленник, живая связь народа с Богом!.. Народ не виноват в пороках русской интеллигенции. На крыльях его духа Россия вознесется над миром!..»[2]. Поэт страстно призывал к сплочению русских сил.

---

[1] *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 1909. С. 14.

[2] Русский вестник, 1904. Кн. 2.

В тумане смутных дней
В нелёгкий путь пошли мы,
Огнём любви палимы —
Любви к земле своей.
.....
Обступим стяг священный,
Как доблестная рать!
За Русь! За нашу мать
Поднимем кубок пенный!

За русский пыл в крови,
За славные преданья,
За луч самосознанья
И торжество любви![1]

Революция, казалось, грянула неожиданно. Внешние и внутренние враги России решили воспользоваться неизбежными трудностями Русско-японской войны и взорвать фундамент русской державности, вырвать «якорь русского спасения» (граф С. Уваров) — Православие, Самодержавие, Народность, справедливо полагая, что без него Россия не удержится на волнах мировой истории. Ситуация требовала новых, не только политических, действий. Сегодня, глядя через прошедший век на события его начала, мы видим, что один из немногих, святой праведный Иоанн Кронштадтский, решительно возложил на свои пастырские плечи заботы духовной борьбы за Великую Россию. В «торжестве любви», бесстрашно, будучи в преклонном возрасте, вошёл и воссиял «лучом самосознанья» великий русский подвижник в «туман смутных дней». Если бы только дней! Дни оказались длительными «смутными временами».

«Смутное время» — термин, впервые введённый русскими писателями в XVII в. применительно к конкретной исторической обстановке, в дальнейшей истории России обрёл множественное число. Так назывался период конца XVI — начала XVII вв. не только потому, что в России происходила политическая смута, менялась привычная система государственной власти, возникла угроза потери национальной независимости. В это время, казалось, рушились исконные основы духовно-нравственного и религиозно-философского русского сознания,

[1] Цит. по: *Степанов А. Д.* Чёрная сотня: взгляд через столетие. Царское дело. СПб., 2000. С. 17.

исчезал смысл бытия. Смута властвовала в первую очередь в душах и умах русских людей. Разорение богоизбранной России, казалось, произошло навеки. В связи с этим укоренялось настроение апокалипсиса, связанное с предчувствием гибели Руси. Все сочинения этого периода содержат несомненную мысль, что Господь разгневался за отступление русских людей от истинной веры, за всеобщие неискуплённые грехи народа, потерявшего страх Божий. Во многих произведениях «Смутного времени» можно найти развёрнутый перечень многочисленных прегрешений, характерных для всего русского общества.

Но не только перечисление конкретных грехов составляет предмет религиозно-философской мысли того времени. Появляются новые тенденции, изыскиваются непосредственные виновники происходящего, а именно, к ответственности впервые в русской истории призываются Цари. Это связано с несчастиями царствования Бориса Годунова, с последующими временами польской интервенции и наглой сменой самозванцев, то есть с неспособностью высшей власти защитить Русскую землю и русский народ. «Рассуждения о личной виновности русских царей приводили к тому, что в сознании многих русских людей начала XVII в. начал разрушаться образ “Русского царя” как истинного Помазанника Божиего, который является посредником в общении русского народа и Российского государства»[1].

Но в те же времена наблюдался всенародный всплеск религиозных настроений: существует множество литературных памятников, рассказывающих о знамениях и виде́ниях, об обретении Чудотворной иконы Казанской Божией Матери, Чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. Но более всего о неотступной милости Божией к боголюбивой России, которая выстояла во всех испытаниях и обрела новую крепкую Царскую династию, свидетельствовал жизненный подвиг всероссийского Патриарха Гермогена.

Его служение было до последнего вздоха посвящено государству Русскому и Православной Церкви. Кажется, что одному человеку не под силу свершить все те подвиги, которые выпали на долю героического Патриарха, сумевшего противостоять не только иноземным захватчикам, но, самое трудное, победить предателей в собственной стране. Патриарх не испугался оказать мужественное сопротивление Лжедмитрию, не побоялся один пронести на своих плечах и явить восставшему народу мощи мученика Царевича Дмитрия. Когда мятежники во главе с Бо-

[1] *Перевезенцев С. В.* Тайны Русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. С. 313.

лотниковым и князем Шаховским подступили к са́мой Москве, Святейший Гермоген повелел разослать по городам грамоты с сообщением о бедственном положении столицы, что способствовало созданию войск ополчения. Смело Патриарх препятствовал замыслам поляков покорить Русскую землю, не позволил Сигизмунду занять русский престол. «Предивный радетель христианской веры» своим примером, осуждением мятежа, призывом к всенародному покаянию и прославлением неиссякаемой Божией милости способствовал подъёму православно-патриотических чувств. Патриарх Гермоген выступил против продажных бояр, которые под страхом смерти требовали от него приказ о роспуске ополчения. Патриарх не дал такого приказа, и за это с согласия своих соотечественников-предателей был заключён в Чудов монастырь, где принял мученическую смерть. Уже через полгода благодаря жизненному подвигу и этого премудрого священноначальника Москва была очищена от иноземцев и их пособников ополчением князя Дмитрия Пожарского и гражданина Козьмы Минина. Слава Богу, Русской Победой закончилось это «Смутное время»!

Памятник гражданину Минину и князю Пожарскому

Однако, если внимательно исследовать причины наступления «смутного времени» вообще, то станет видно, что это не всегда следствие подготовленной и успешно проведённой атаки внешних сил зла, что в большинстве случаев можно выявить внутренние, духовные и социальные, то есть сугубо русские причины наступления этого нестабильного времени. Механизм возникновения смуты в России подобен возникновению болезни в ослабленном организме. Ведь известно, что настоящая причина болезни заключается не столько во внешних, агрессивных, всегда существующих условиях, сколько во внутренних, глубоко лежащих изменениях самого организма, не имеющего достаточных сил

бороться с «захватчиками». Внешние проявления, которые есть только поводы для выявления причин внутренних, то есть сущности болезни, помогают врачу диагностировать фактическую причину заболевания, чтобы правильно способствовать целительным силам самого организма в восстановлении норм физиологической жизни.

Государство тоже живой организм, нравственные расстройства которого приводят к глубоким кризисам, внешними проявлениями которых и являются «смутные времена». Для восстановления «физиологических норм» общества тоже требуется врач — духовный. Его обязанности в России с дней своего возникновения возложила на себя Русская Православная Церковь. Праведный Иоанн Кронштадтский, один из лучших её пастырей, яснее многих своих современников видел скрытые болезни любимой Родины. Он пытался лечить их, не щадя ни сил своих, ни самой жизни, которую практически пожертвовал во имя победы над «рабством тления», веря в замысел Божий о человеке, как о существе бессмертном, веря, что смерть физического тела не есть окончательный смертный приговор.

Героическая жертва одной жизни во имя жизни многих имеет в христианской и в русской истории немало примеров. Её духовное осуществление всегда определяется физическим проявлением. Современные фундаментальные исследования естественных наук подтверждают неразрывную связь жизни и смерти, смерти и бессмертия и, в частности, позволяют проследить на клеточном биологическом уровне механизм жертвования в обеспечение жизни всего организма и выявить аналогию феномену, названному поэтом «*русский пыл в крови*». Усилиями представителей нескольких научных направлений — молекулярной биологии, молекулярной генетики, онкологии, биологии развития — было открыто необычное явление — апоптоз, в переводе с греческого — опадание листьев, или «генетически запрограммированная смерть клеток»[1]. Апоптоз принципиально отличается от обычной некротической гибели клеток в результате повреждения. С его помощью поддерживается оптимальное их количество в организме, необходимое для нормального его функционирования. У этого явления есть как будто некая духовная причина. Подчинённая строгим правилам, необходимая смерть отдельных клеток во имя общего блага свидетельствует о высоком биологическом смысле апоптоза, являющегося актом самопожертвования единиц во имя жизни множества.

---

[1] *Муравник Г. Л.* Ибо прах ты и в прах возвратишься // Христианство и наука. М., 2003. С. 357.

«Даждь Ми, сыне, твое сердце!»
(Притч. 23:26)

Жизнь Иоанна Кронштадтского, которую он выбрал сознательно, по воле боголюбивого сердца, была фактически ежедневной, а с годами и ежечасной жертвой. Мало того, что он не щадил своих телесных и духовных сил на избранном поприще, он выносил словесные унижения от врагов Православия, которые не гнушались и издевательств физических. Своею кровью, пролитой от рук наёмных изуверов, мужественный проповедник засвидетельствовал истинность пути пастырского служения. Несколько лет подряд печать при попустительстве властей ежедневно глумилась над его патриотизмом и любовью к Родине, над его чудесами, милостыней, над благотворением его почитателей. Она сочиняла клеветнические выдумки, оскверняла привязанность народа к любимому священнику, насмехалась над народным порывом.

Но как можно было его сдержать, если батюшка Иоанн творил чудеса. Известны многочисленные случаи чудотворений и исцелений по молитвам Иоанна Кронштадтского. Сам пастырь свидетельствовал о них. Приглашённый своим духовным сыном епископом Сарапульским Михеем (Алексеевым) 21 июля 1904 г. Иоанн Кронштадтский в беседе с собравшимися священниками подробно объяснил, как начал молиться об исцелении просящих помощи: «Кто-то в Кронштадте заболел... Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его Святой воли. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка... и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении. ...Тогда я исповедал пред Господом своё ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всём этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою — он выздоровел. ...В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога — молиться за всех, кто будет этого просить. И теперь я и сам знаю, и другие передают, что исцеления по моей молитве совершаются»[1]. Иоанн Кронштадтский не благословлял отказываться от медицинского лечения, но призывал прежде всего прибегать к исповеди и Причастию.

Начало всероссийской известности чудотворений положило благодарственное заявление, опубликованное 20 декабря 1883 г. в газете «Но-

[1] Цит. по: *Вениамин (Федченков)*. Отец Иоанн Кронштадтский. М., 2003. С. 181.

вое время». 16 человек, объяснявшие своё исцеление молитвами Иоанна Кронштадтского, рассказывали о своих болезнях и выражали ему благодарность с упоминанием «спасительного завета» пастыря — как можно чаще приступать к Святому Причастию. Однако обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев был недоволен этой публикацией в светской газете и вызвал Иоанна Кронштадтского для объяснения. По преданию, обер-прокурор сказал: «Говорят, что Вы молебны служите, чудеса творите; смотрите, как бы Вы плохо не кончили». На что о. Иоанн ответил: «Не извольте беспокоиться, подождите и увидите, каков будет конец»[1].

В Дневнике от 26 октября 1872 г. Иоанн Кронштадтский писал о «неосновательных, ложных упрёках», в том числе в подаче милостыни, со стороны клириков, считавших, что он потворствует тунеядцам и мошенникам. Духовенство собора жаловалось на пастыря Санкт-Петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому). Отношения Иоанна Кронштадтского и митрополита Исидора были сложными. В 1890 г., вспоминая прошлое, Иоанн Кронштадтский с горечью отметил, что за 30 лет митрополит Исидор ни разу не встретил его «по-отечески, добрым словом или взглядом, а всегда унизительно, со строгостию и суровостию»[2]. Нередко и сослуживцы завидовали всероссийски известному батюшке. Высказывало недовольство и церковное начальство. Победоносцев внимательно следил, чтобы известия о чудесах не попадали на страницы печати без разрешения Духовного ведомства.

К деятельности Иоанна Кронштадтского первоначально настороженно относились не только представители церковных властей, но и святой Феофан Затворник. Епископ Феофан счёл необходимым написать Иоанну Кронштадтскому письмо с предупреждением о духовной опасности подвижнической жизни в миру, среди житейских соблазнов, искушений и невзгод[3]. Неизвестно, когда именно и по какому конкретному поводу было написано письмо святителя, но история имела продолжение. Поскольку старец Феофан, находясь в затворе, никого не принимал, Иоанн Кронштадтский послал ему ответное письмо. Известно также письмо епископа Феофана некой даме («госпоже М. Д.») и её мужу, в котором святитель писал: «Что касается отца Иоанна Кронштадтского, то я уверен, что он воистину муж Бо-

---

[1] *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. 1994. Т. 1. С. 107.

[2] ГАРФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 26. Л. 29.

[3] См.: *Артамонов-Большаков Н.* И. В защиту о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1910 (1995). С. 132.

жий... Книжки его хороши»[1]. В другом письме им же епископ утверждал, что Иоанн Кронштадтский «ради Бога работает, и силою Божиею укрепляем есть»[2].

После разрешённой Манифестом 17 окт. 1905 г. свободы слова нападки на Иоанна Кронштадтского со страниц леворадикальной печати, имевшие место и ранее, усилились: его критиковали за выступления против Толстого, за резкое неприятие революционного движения и поддержку самодержавной формы правления, в общем, за любовь к Господу, Церкви, к своему Отечеству. На основе сфальсифицированных материалов даже была состряпана бывшим епархиальным миссионером В. П. Протопоповым оскорбительная для батюшки и всей Церкви пьеса «Чёрные вороны», которую оказалось возможным снять с репертуара только личным распоряжением Николая II. Есть версия, что повесть Н. С. Лескова «Полунощники», вышедшая в 1891 г., была жёсткой сатирой на самого о. Иоанна и на его окружение[3]. Активные почитатели Иоанна Кронштадтского — заслуженные столичные протоиереи, представители аристократии и чиновничества даже решили основать Общество для защиты о. Иоанна от клеветы, однако митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) не благословил начинание. Но русские люди отлично знали и видели, что если о. Иоанн мирился с обстановкой, в которой жил, терпеливо перенося многие лишения, то, значит, так это и нужно было, что в этом и заключается его подвиг. Он спасался не в пустыне, не в стенах монастыря, а в самом водовороте страстей и горя — подвиг несравненно более тяжкий и великий. Он спасался, чуя близкие времена, страшнее которых ещё не было на Руси.

Во многих случаях преодоление исторических «смутных времен» ценой неисчислимых жертв и невиданных усилий способствовало укреплению России, сплачивало народ, объединяло его в нацию. Но позитивные последствия были не всегда, они не возможны, если случалась война междоусобная, братоубийственная, гражданская. Такие смуты были пагубны для России. Предчувствуя их смертоносное дыхание, печалился в своих искренних непрестанных молитвах Иоанн Кронштадтский о грядущих бедах Отечества, зная, что русская смута всегда была следствием не прогресса, а регресса больного общества.

---

[1] *Феофан Затворник*. Творения // Собр. писем. М., 1994. Т. 1. Вып. 1. С. 162–164.

[2] Там же. С. 165.

[3] *Киценко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 228.

В этом плане характерна оценка Петром Струве слов одного «левого члена английской Нижней Палаты, который, оправдывая большевиков, сослался на то, что якобы русский народ по своему культурному уровню находится ещё в XVII веке». На что П. Струве отвечает: «Это, конечно, огромное и нелепое преувеличение, но, поскольку в этом указании есть зерно истины, оно содержит в себе справедливое и жесточайшее объективное осуждение русской революции. По своему объективному экономическому и культурному содержанию русская революция есть облечённое в революционную форму, по существу реакционное в дурном смысле, то есть регрессивное, движение, которое отбросило Россию и русский народ назад на целые десятилетия и отчасти века. Только наивные люди, верующие в слова, не знают, что реакция и попятное движение могут облекаться в революционную форму. Такой политический радикал и такой глубоко образованный, напоенный всем знанием своей эпохи социалист, как Лассаль, считал, например, немецкое крестьянское революционное движение XVI в. явлением реакционным... Мысль о регрессивном существе русской революции можно выразить ещё проще так: если вообще русская революция есть чьё-либо дело (а в известном смысле, как я сказал, революции всегда делаются), то она не только злое и дьявольское, но ещё — и, поскольку в этом деле участвовали народные массы, всего больше — глупое дело. Когда у кого-либо сгорел дом, это великая беда. Когда люди сами спалили свой дом, по злобе или по невежеству, это, во всяком случае, глупо. И они должны, прежде всего, восчувствовать это. Эту простую вещь никакая “социологическая” мудрость не может опровергнуть и не должна опровергать»[1].

Противоположным революционному пониманию народа, как инструмента и абстрактной цели революции, было отношение к людям святого праведного Иоанна Кронштадтского. Он не делил просителей по вероисповеданиям, никому не отказывал в молитве. И к нему, кроме православных, обращались лютеране, католики, буддисты, мусульмане, евреи, хотя главной заботой священника было исцелять современников от самого пагубного заболевания — атеизма. Неисчислимы примеры благодатной помощи Кронштадтского батюшки. Так, в почти разрушившуюся Крестовоздвиженскую церковь, находящуюся на берегу Ладожского озера, он прислал недорогую Дарохранительницу, и тут же, неведомо откуда, потекли богатые пожертвования, и старинная церковь обновилась. Явление о. Иоанну во сне Божией Матери означало, что этот праведник не просто утолитель телесных и духовных страданий на-

[1] *Струве П. Б.* Познание революции и возрождение духа. М., 2008. С. 16.

рода, но что служение его имеет особую цель, что в истории России оно столь же значимо, как служение и молитвенный подвиг святого Сергия Радонежского, сподобившегося зреть Божию Матерь тоже в «смутные времена», на рубеже XIV–XV вв., во времена тотального, многовекового порабощения Руси иноземными захватчиками.

Божия Матерь, явившись смиренно-кроткому преподобному Сергию, не только осенила его Божией благодатью, но благословила на борьбу со злом, наделила силой для этой борьбы, показала, что Русь находится под Божией защитой. Обострилось духовное зрение инока Сергия, жившего в уединении, но отчётливо видевшего, что удельная раздробленность, алчность, кровопролитные усобицы князей, то есть неспособность светской власти блюсти интересы государства, являются одной из причин вековых лихолетий на Руси. Однако заслугой святого Сергия Радонежского является не только то, что он помог князьям услышать друг друга, прекратить кровопролитие и победить внешнего врага, к чему ещё несколько веков назад призывал автор «Слова о полку Игореве». Преподобный Сергий Радонежский одним из первых русских подвижников указал единственно верный и спасительный для Руси путь — путь к единению с Богом, что позволило русскому народу с Божией помощью победить внешнего врага и сплотиться в нацию.

Не иначе, как чудесным, можно назвать провидческий дар преподобного Сергия, который, живя в оторванности от мира, не имея достаточной военно-политической информации, точно указал истинных врагов Руси-России, время, место и направление «главного удара». Из жития преподобного Сергия известно, что он за некоторое время до Куликовской битвы отказался благословить Великого князя Дмитрия Ивановича на войну с Ордой, сказав, что следует платить дань и покоряться ордынскому царю. Как объяснить кардинально противоположное решение великого молитвенника Сергия и его строгое напутствие князю на борьбу с захватчиками накануне Куликовской битвы: «Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Поиди против безбожных, и Богу помогающи ти, победиши»!? В первую очередь пониманием святым старцем основного условия существования Русского государства и русской нации — условия существования всенародной Православной веры в лоне Русской Православной Церкви. Как известно из последних исторических исследований[1], Золотая Орда на протяжении многих лет своего владычества терпимо

[1] По материалам книги: *Кожинов В. В.* История Руси и русского слова. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

относилась к русской вере и к Русской Церкви, считая их лишь инструментом обуздания народных масс, вероятно, не понимая главного значения Православия в национальном объединении страны. Несмотря на то, что времена татаро-монгольского ига считаются временами упадка и разорения России, именно тогда происходил невиданный и невидимый духовный расцвет государства. Многие старинные историки считали, что в порабощённой стране духовная жизнь еле теплилась, иссякала. Но уже В. О. Ключевский не без удивления заметил, что с середины XIII в. и до 1480 г. на территории России было создано монастырей в два раза больше, чем в первые века русского христианства, причём, что есть благо, преобладающая часть обителей стала располагаться не только в городах, а на всём пространстве Руси, вплоть до её окраин. Известно даже, что некоторые ханы, конечно, не без влияния русских священников в Золотой Орде, помогали православным в их борьбе против католической Польши, входили в союз с Византией в войне против венецианских и генуэзских колоний в Крыму. Что же заставило русский народ подняться на борьбу с захватчиками лишь в конце XIV в. и выступить именно против войск Мамая?

Икона Благословение преп. Сергия Радонежского на Куликовскую битву

Ещё из «Сказания о Мамаевом побоище» известно, что против Руси хан Мамай нашёл себе новых союзников — литовцев во главе с великим князем литовским Ягайло. Знаменитый русский историк М. Н. Тихомиров в середине прошлого века утверждал, что существуют документальные подтверждения заключения договора с Кафой о помощи генуэзцев. И согласно старинным русским источникам на стороне Мамая выступали «фряги», то есть итальянцы. Сегодня историкам очевиден сговор с папскими структурами Мамая, который уже не представлял

традиционно понимаемую Золотую Орду. А это означает, что против Руси на Куликово поле вышли не только татаро-монголы, но и католический Запад, попытавшийся чужими руками уничтожить ненавистную ему Православную Державу и её Православную Церковь. Таким образом, Сергий Радонежский с Божией помощью вовремя прозрел крестовый поход против Руси и благословил русский народ в лице Великого князя Дмитрия Ивановича на неотлагательную битву за само существование государства.

Только Божией помощью можно объяснить такой провидческий дар святого молитвенника Русской земли. Молитвенный подвиг, наверное, один из самых трудных священнических подвигов. Настоящая молитва, слышная Богу, требует не только особого состояния души, сердца и разума, но и «высокого жития», о котором сам Сергий говорил так: «А ни о чём бесполезном не нужно заботиться, но следует уповать и взирать на Бога, Который может кормить нас, и одевать, и обо всех наших делах заботиться: и от Него следует ожидать всего, что нужно доброго и полезного душам и телам нашим»[1]. «Высокое житие» было не самоцелью, но обеспечением «чистоты души», которая только в состоянии добродетельном, просветлённом любовью и страхом Божиим, могла беседовать с Господом. Только молитвенной, «чистой душе» Сергия Радонежского могла являться Божия Матерь, ставшая Заступницей Руси Православной.

Великое значение молитвы понимал и о. Иоанн Кронштадтский, считавший, что молитва должна быть постоянным спутником нашим. Он всегда поддерживал в себе молитвенное настроение хвалою и прославлением Божией благодати, глубоким покаянием, усердным призыванием имени Иисуса Христа. Он говорил, что молитва — это жизнь души, которую оберегал от искушений. Отец Иоанн молился Богу просто, искренне, но тотчас прекращал, если осознавал, что молитва становится внешней, механической. Он считал несердечную молитву оскорблением Бога, призывающего к Себе человечество словами: «Даждь Ми, сыне, твое сердце!» (Прит. 23:26). Из двух способов познания мира — умом или сердцем, Иоанну Кронштадтскому был близок второй. О таком образе познания мира, словно вторя своему великому предшественнику, образно пишет старец Силуан: «Умом мы не можем познать даже и того, как сделано солнце: и когда мы просим Бога сказать нам, как сделал Он солнце, то читаем ясный ответ в душе: “Смири

[1] *Перевезенцев С. В.* Тайны Русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. С. 184.

себя и будешь знать не только солнце, но и Творца его". А когда познает душа Господа, то от радости забывает солнце и всю тварь и оставляет заботу о земном знании»[1]. Сердцем Иоанн Кронштадтский понимал, что всем известный путь к познанию, направленный вовне, встречающийся с многообразием тварных единиц, множественных проявлений бытия, никогда не приведёт к целостности, к Богу. Наоборот, духовный путь познания, направленный вглубь сердца и осуществляющийся через молитву, позволяет пребывать в Боге и видеть себя и весь мир в единстве. Правильность выбранного священником пути была подтверждена явлением ему Божией Матери.

Промыслительно, что явление Божией Матери о. Иоанну Кронштадтскому произошло в 1898 г., за десять лет до его смерти, когда он в полной мере обрёл мощь своего духа, а Россия незаметно вступала в новые «смутные времена». Тогда ещё можно было предотвратить грядущую катастрофу. Отец Иоанн Кронштадтский, явственно видевший в тонком сне Царицу Небесную, словно назначался Ею на крестное служение, наделялся особой силой предвидения, особым даром слова, чтобы вразумить обезумевшую страну, указать пути спасения, один на один встать перед врагом внешним и внутренним. И сами обличения священника исходили из врождённого глубокого чувства сострадания, из стремления помочь нравственному исцелению российского общества.

Отец Иоанн, прозорливый поборник Православной веры, в своих откровениях не обещал для России благих времён в будущем. Его предвидения трагичны. В 1907 г., в период затишья, мудрый священник грозно, как в своё время Сергий Радонежский или святитель Гермоген, не убоявшися противостоять слабым властям, предрекал: «Царство русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стёртые правосудием Божиим с лица земли за своё безбожие, за свои беззакония. Виновно и высшее правительство, потворствовавшее беспорядкам. Безнаказанность в России в моде. А от того непрестанные у нас аварии с морскими и даже Императорскими судами... Везде измена, везде угрозы жизни и государственному имуществу...»

«Россия мается, страдает и мучается от кровавой внутренней борьбы, от неурожая земли и голода, от страшной во всём дороговизны, от

---

[1] *Старец Силуан*. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. С. 140.

безбожий, безначалия и крайнего упадка нравов. Судьба печальная, наводящая на мрачные думы».

«Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушения и бедствий для всех необходимо, и Господь, нехотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле»[1].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский предупреждал, что если русское общество не вернётся к жизни по Евангелию и к поддержке православной государственности, то власть захватят антихристианские силы: «Вера слову истины, Слову Божию исчезла и заменена верою в разум человеческий, <...> не стало повиновения детей родителям, учащихся — учащим и самих учащих — подлежащим властям; браки поруганы; семейная жизнь разлагается; твёрдой политики не стало, всякий политиканствует, — ученики и учителя в большинстве побросали свои настоящие дела и судят о политике; все желают автономии... Не стало у интеллигенции любви к Родине, и они готовы продать её инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям; уже не говорю о том, что не стало у неё веры в Церковь, возродившей нас для Бога и небесного отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неудержимое распутство с пьянством, расхищение и воровство казённых и частных банков и почтовых учреждений и посылок, и враги России готовят разложение государства...»[2].

Как будто по пророчеству Кронштадтского батюшки произошло крушение мощнейшей мировой державы СССР в конце XX века. Не было у страны веры во Христа, веры в Его Церковь. Империя распалась, но её ядро — любимая Господом Россия, пройдя новые бедствия и горнила борьбы с антихристианскими силами, сохранилась в своей исконной ментальности. И в эти «смутные времена» Бог послал выдающегося Предстоятеля Церкви — Патриарха Алексия II, который, совершив подвиг предотвращения гражданской войны, спасения страны и восстановления Церкви, достоин быть в ряду выше названных святых и святителей земли Русской.

Для революционеров и «освободителей» о. Иоанн был грозным противником. Он боролся с ними с глубокой убеждённостью человека, сознающего их преступность перед Богом и Россией, поэтому был им ненавистен. Ведь для русского народа каждое слово священника являлось непреложной истиной, народ слушал и понимал своего пастыря, пото-

---

[1] *Иоанн Сергиев, протоиерей.* Новые слова, 1908.

[2] Слово на Благовещение 25 марта 1906 г.

му что пастырь этот говорил о том, что жило и находило отклик в душе каждого верного сына России. И в этом о. Иоанн был подобен многим своим предшественникам, великим служителям Православной Церкви, которые с давних времен выступали на защиту Родины в тяжёлые для неё времена и всегда защищали её национальные начала.

Сергий Радонежский с верой в победу благословил на битву Дмитрия Донского. Патриарх Гермоген, этот «начальный человек в безгосударное время» в страшную годину лихолетья пламенно призывал народ на защиту Православной веры и на очищение Родины от врагов внешних и внутренних. Современник Патриарха Гермогена Дионисий, архимандрит Троицкой Лавры, рассылал по всей России грамоты со страстным призывом: «восстать против врагов и избрать Царя над всей Русской землей». Всегда, с тех пор, как Русь стоит, когда внешние или внутренние враги нападали на неё и покушались на её заветы, народные идеалы — на защиту их вставала Церковь Православная в лице своих лучших пастырей.

Представитель действенной, живой народной веры и Православной Церкви о. Иоанн, как и его предшественники, был глубоко национален. Он был истинно русским, и государство, как и Церковь, имели в нём горячего, убеждённого защитника. Жизнь и служение о. Иоанна связаны с Кронштадтом. Его жена, Елизавета Несвицкая, была дочерью ключаря Андреевского собора. Они жили как брат с сестрой. О своём решении сохранять целомудрие о. Иоанн сказал своей жене сразу после венчания, поясняя своё решение такими словами: «Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобою давай посвятим себя на служение Богу». Целомудрие необходимо было святому батюшке, чтобы каждый день совершать Божественную литургию. Супруга приняла эту участь и счастливо прожила с ним 53 года, до самой его смерти.

Жизнь о. Иоанна была не только духовным, но и физическим подвигом. Вставал он около четырёх часов утра, готовился к службе в Кронштадтском соборе, оканчивавшейся около полудня. Потом по распорядку совершал требы, часто его приглашали помолиться у постели больного. Он никогда не отказывал. Приходилось ему часто ездить в Петербург, по таким же просьбам или для посещения общественных мероприятий. Летом он ехал на пароходе до Ораниенбаума, а зимой по льду на санях. Возвращался батюшка домой к полуночи. В период Великого Поста он ограничивал количество поездок и посещений, больше времени отводил на принятие исповеди в своём соборе. Народу было так много, что, начиная в час дня, он мог исповедовать до двух часов ночи, а то и до самой утренней службы. У него не оставалось времени

даже на то, чтобы в течение такого длительного общения с паствой выделить несколько минут, чтобы подкрепиться. Правда, иногда он прерывал исповедь на полчаса, чтобы проехаться в коляске по свежему воздуху. Потом возвращался в собор и продолжал исповедовать. И таков его режим был на протяжении нескольких десятилетий.

Не раз Иоанну Кронштадтскому предлагали перевестись в Санкт-Петербург, но он отказывался. С середины 90-х гг. XIX в. Иоанн Сергиев подписывался «Кронштадтский». В первой же проповеди в Андреевском соборе 17 дек. 1855 г., названной «Паси овцы Моя», Иоанн Кронштадтский изложил свою «пастырскую программу»: «Сознаю высоты сана и соединённых с ним обязанностей... научить, просветить, исправить, утвердить» паству. Своё священническое служение он подкреплял делами благотворения. Отец Иоанн был организатором и попечителем знаменитого Дома трудолюбия, приближался к народу через педагогическую деятельности: преподавал Закон Божий в Кронштадтском уездном реальном училище и ланкастерском классе, позже — в Кронштадтской классической гимназии[1]. Его педагогический стаж составил 32 года. По отзывам современников, о. Иоанн Кронштадтский не ставил плохих оценок, выступал «последним поручителем» за отстающих. Соединение религиозности и народного чувства было в нём так просто, так естественно, так необходимо пастве. Он был именно лучший сын Церкви и лучший сын Родины, за них в последние годы жизни болело его страждущее сердце, а также за всех обездоленных и обиженных. Поэтому в 1903 г., вместе с епископом Волынским Антонием (Храповицким), выступил с осуждением кишинёвского погрома, их совместно подписанное «Слово о кишинёвских событиях» (Кишинёв, 1903, и Одесса, 1903) распространялось еврейскими обществами. Этим навлёк на себя Кронштадтский батюшка гнев и негодование со стороны крайне правых. Хотя он был и оставался, как и все величайшие деятели нашей Церкви, убеждённым патриотом, что доказывало его участие в учреждении и управлении мощной патриотической организацией «Союз Русского народа», оболганной безбожными современниками и их последователями. Он с первых дней приветствовал создание «Союза русского народа» (монархической организации, основанной в 1905 г. и впоследствии ставшей крупнейшей в Империи), а в 1907 г. вступил в него рядовым членом, написав в заявлении: «Желая вступить в число членов Союза, стремящегося к содействию всеми законными средствами правильному развитию начал Русской государственности и

[1] http://www.aphorisme.ru/about-authors/ioann/?q=3193

русского народного хозяйства на основах Православия, Неограниченного Самодержавия и Русской Народности, — прошу зачислить меня как единомышленника». В октябре 1907 г. о. Иоанн был избран пожизненным почётным членом Союза, несколько лет участвовал в его мероприятиях, выступал на монархических собраниях и возглавлял крестные ходы.

«И судим был каждый по делам своим» (Откр. 20:13)

Иоанн Кронштадтский мужественно выступал против назревшей революции и в церковных проповедях подсказывал правителям о долге подавлять смуту. Не только народу, но и властям он указывал 13-ю главу Послания к римлянам: «Начальник не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему зло» (Рим. 13:4). Неоднократно о. Иоанн напоминал, что употреблять меч против зла велит апостол. И сам являл пример непримиримой борьбы с губителями России, так как был глубоко убеждён, что это обязанность пастыря, у которого расхищают его овец, так как был уверен, что будет отвечать перед Богом за каждую из них.

Потому святой праведный Иоанн так яростно боролся с лжеучением Льва Толстого, этого извратителя Евангельских истин и «надругателя» над Христом Спасителем. Принародной была битва двух идеологических великанов-противников. Одного дал народ из своей среды, вынес его на своих плечах и прославил, как воплощение всего святого, всего чистого и великого, скрытого в душе народа русского. Другой — продукт интеллигентской среды, той её части, которая отрицает Бога, хулит Его Имя, которая прославляет своего идола за то, что он бросил грязью в Святую Церковь.

«Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Льве Толстом? А вот что думаю и говорю: он объявил войну Церкви Православной и всему христианству. И как денница и сатана отторгнул своим хребтом третью часть звёзд небесных, то есть Ангелов, и сделал их единомышленниками с собою, так наш Лев, сын противления, носящий в себе дух его, своим рыканьем и хвостом (Откр. 12:4) отторг тоже едва ли не третью часть русской интеллигенции, особенно из юношества, вслед себя, вслед своего безбожного учения, своего безверия. Его безбожные печатные сочинения свидетельствуют о том...

Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит рыбу, подал бы ему змею (Мф. 7:9–10). Толстой именно это и дела-

ет. Он подносит змею вместо рыбы и своему семейству, и всей России, и христианам всех стран и языков. Он хочет вырвать у всех веру в Спасителя, веру в Троицу, в Церковь и во спасительные истины, в которые веровать научила нас Святая Церковь и без которых невозможно жить ни одному здравомыслящему человеку...

О Христе Боже, доколе Лев Толстой будет ругаться над Тобою и Церковью Твоею? Доколе будет соблазнять Россию и Европу? Опять он пишет хулы на Церковь и служителей её, опять клевещет на нас всему миру! Покажи, наконец, Владыко, всему миру адскую злобу его! Буди! Им увлечено в прелесть и пагубу полсвета. Он предтеча антихриста!..

Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб, — говорит Господь в Евангелии (Лк. 19:22), и я скажу: отрицаниями твоими отрину тебя, Лев Толстой, и хулы твои обращу на тебя»[1].

Сегодня, с высоты свершившейся истории, мы видим, сколько пророческих мыслей содержит это обличение. «Предтеча антихриста» разве не то же, что ленинское «зеркало русской революции». Разве не обернулось еретическое учение Толстого против него самого, прибегнувшего в последние дни своей жизни в телесной и духовной немощи на порог Церкви с сознанием своего идеологического поражения, но в дьявольской гордыне так и не склонившего головы. Против Льва Толстого выступали многие современники священника. О лжеучении графа Толстого писали протоиерей Иоанн (Вострогов), святитель Феофан Затворник, митрополит Антоний (Вадковский), архимандрит Антоний (Храповицкий) и многие другие. Но никто так не прозревал грядущее, как святой праведный Иоанн Кронштадтский. «Прейдут все царства со своими земными, временными постановлениями и законами, со своими учреждениями, сословиями, чинами, должностями; лишены будут богачи земли всех богатств земных, и все земные достоинства получат свой конец; потребуются дела, и каждый будет судим по делам своим, как человек, как тварь, по образу Божию созданная и получившая в удел разум, совесть, закон внутренний и внешний, как гражданин, как чадо родителей своих и Отца Небесного. И вот это время и этот суд явит во всей наготе толстовское и всякое зло...»[2].

Иоанн Кронштадтский не только обличал, увещевал, со всей откровенностью выявлял зло, но исследовал способы борьбы с ним и ука-

---

[1] Из дневника Иоанна Кронштадтского «В обличение душепагубного еретичества Льва Толстого», книга «За что Лев Толстой был отлучён от веры». М.: ДАРЪ, 2006. С. 52.

[2] За что Лев Толстой был отлучён от веры. М.: ДАРЪ, 2006. С. 104.

зывал русским людям ясные пути «в тумане смутных дней». Причём, зло он рассматривал не отвлечённо, не как совокупность черт характера, а как систему злонамеренных действий, направленных на уничтожение самобытности русского народа, как категорию, угрожающую благу России, богоизбранной страны, Третьему Риму, Престолу Пресвятой Богородицы. Издревле на Руси была известна выстраданная многими поколениями встречная система обеспечения стабильности и крепости государства, заключающаяся, прежде всего, в симфонии властей: в незыблемости обеспечивающей государственность Царской Власти и духовного приоритета и самостоятельности Русской Православной Церкви. Иоанн Кронштадтский, лучший сын Церкви, лучший сын народа, кажется, не столько внедрялся в богословские аспекты этих взаимоотношений, сколько мудростью своей народной души, просвещённой светом Божественных откровений, сам являл пример симфонии святой русской Православной Церкви и Православного Царя.

Глубоко трогательным было отношение к великому молитвеннику Царской Семьи Александра III, который и умирал на болеутоляющих руках отца Иоанна. Известно, что в 1896 г. о. Иоанн участвовал в совершении литургии в московском Успенском соборе во время Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Фёдоровны. Император Николай II всегда удостаивал Кронштадтского батюшку личными ответами и поздравлениями. Так, на поздравление, полученное от о. Иоанна по случаю годовщины Святого Коронования 14 мая 1898 г., Государь ответил такой телеграммой: «Благодарю вас, батюшка, Иоанн Ильич, за письмо. Молю Бога со всеми истинно-православными русскими людьми — да укрепит Он ваши силы телесные для продолжения светлого и тяжёлого служения вашего Церкви Христовой»[1].

Но такие отношения у священника с Самодержцами были не только вследствие взаимного дружеского расположения, но и в связи с неколебимой убеждённостью Иоанна Кронштадтского в том, что лишь тогда станет благоденствовать русский народ, когда: «...будет держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов... И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши постарались бы уничтожить и самое имя Россия, так как Носитель и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный, без него Россия — не Россия»[2]. Последовавшие события русской истории показа-

[1] Отец Иоанн Кронштадтский. Репр. СПб., 1909. С. 81.

[2] Там же. С. 94.

ли, насколько верны были эти пророчества. Но, очевидно, что неколебимое убеждение в особой Удерживающей значимости Царской Власти для судьбы России является следствием видения Иоанном Кронштадтским целостной системы Божьего мира. Ясно выразил свой взгляд на Самодержавие Кронштадтский батюшка в речи в честь восшествия на престол Николая Александровича.

«Братия! Во всей Вселенной — во всех мирах, видимых и незримых нами, сколь они ни велики и ни бесчисленны — во всём этом дивном, премудром, прекрасном, живом мировом механизме явно примечается одна премудрая, всемогущая, личная, безначальная, всеблагая и всеобъемлющая Сила, которая дала всему этому бесконечному и разнообразному механизму единство, порядок, чудную гармонию и красоту, в целом везде одинаковую, постоянную и неизменную...

Во всём — в малом и великом — в течении светил и действиях стихий, во всех растениях и животных приметна одна всесозидающая, всеоживляющая, всеукрашающая, всенаправляющая Рука Невидимого Творца и Промыслителя. Эта же всенаправляющая Рука правит и всеми народами, всем родом человеческим; Она поставляет царей и переставляет, и на место одних возводит других...

Царь самодержавно правит народом, как образ единоначальной власти Божией, как образ Царя Царей, как Глава Государства, этого великого политического тела, стройно организованного и объединённого единою главою. Все власти в государстве, как радиусы в круге, относятся к Государю, как к своему центру; или все люди в Государстве, как дроби, получают в Царе своём одного знаменателя. Государь в своём Царстве, как душа в теле, сообщает стройность направления и действия всем членам великого политического тела.

Наша Православная Церковь постоянно молит Бога, Вседержавного Царя Царей, о спасении и благопоспешении Царя земного во всём, и покорения под ноги его всякого врага и супостата»[1].

Чуткий молитвенник, Иоанн Кронштадтский этими словами выразил сущность не только Самодержавной Царской власти, но и особого места Христовой Церкви. Если по слову Иоанна Златоуста «истинную природу Церкви разумеет только причащающийся Тела и Крови Христовых», то, понятно, что о. Иоанн, черпавший вдохновение почти в ежедневном служении Божественной литургии, как никто другой должен был понимать, что значит Православная Церковь Христова. Он,

[1] Отец Иоанн Кронштадтский. Репр. СПб., 1909. С. 92.

вдохновляемый Духом Святым, помогал современникам находить истинные решения всех вопросов веры.

Цель жизни для святого Иоанна Кронштадтского — вхождение в полноту христианского совершенства, обожение через покаяние и стяжание Святаго Духа. Всей своей судьбой о. Иоанн доказал, что обычной человеческой жизнью, индивидуальными человеческими усилиями достигнуть этой благодати невозможно. Достижение может быть осуществлено только в теле Церкви Христовой, «необходимо принадлежать к Церкви Христовой, коей Глава есть Всемогущий Царь, Победитель ада Иисус Христос. Царство есть Церковь, понимаемая в смысле общества святых, переселившихся на Небо, всех православных христиан, подвизающихся на земле, воинствующая с началами и властями и миродержателями, тьмы века сего, с духами злобы поднебесными... Один человек тут в поле не воин, да и великое общество, но неправославное и без Главы — Христа — ничего не может сделать с такими врагами, хитрыми, тонкими, постоянно бодрствующими, превосходно изучившими науку сей войны»[1].

«Господь даст силу народу Своему» (Пс. 28:11)

Слова, произнесённые Иоанном Кронштадтским, кажется, обращены к нам, к нашим временам. Сегодня священству, как никогда, приходится вновь бороться за нравственное возрождение народа, почти на век оторванного от Церкви Христовой. Невидимый враг в 90-е годы прошлого столетия против ослабшей духовно России вновь развязал непримиримую войну, в надежде окончательно сбить её с исконного национального пути. Многие из нас оказались участниками и свидетелями недавних новых «смутных времён», так неожиданно обрушившихся на наше многострадальное Отечество. Очевидны известные признаки очередного лихолетья: отпадение погрязшего в пороках народа от Церкви Православной, предательство власть имущих, продавшихся иноземным «руководителям» — иноверцам, потеря исконных территорий, ужасающая смертность русского народа, насильственный разврат и одурманивание людей чуждыми западными идеологиями и т. д. Казалось, что на этот раз Россия не сможет выстоять. Но Господь вновь явил Свою милость, вновь вознамерился спасти Россию, вновь послал на её

[1] Цит. по: Очерки истории СПб епархии / под ред. митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 202.

защиту праведников и святых, среди которых первейшее место принадлежит Иоанну Кронштадтскому, указавшему точные пути ко спасению Отечества, учившему, что необходимо естественное, непринужденное единение со Христовой Церковью.

Великий молитвенник земли Русской святой праведный Иоанн Кронштадтский всегда чаял союз Церкви Небесной и Церкви Земной, в свете которого только и может Россия чувствовать себя в безопасности. В «смутные дни» конца XX в. Церковь под мудрым предводительством Божией милостью Святейшего Патриарха Алексия II много сделала в этом направлении и, в первую очередь, сама пошла навстречу страдающему народу, защитила его во времена властного безвластия, возложила на себя миссию Удерживающего. Немало чудных Божиих знаков свидетельствует о Господней ей помощи.

Промыслительно, что интронизация Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, состоявшаяся 7 июня 1990 г., почти совпала с началом «смутного десятилетия». О своём внутреннем состоянии в канун избравшего его Поместного Собора Святейший Патриарх писал: «Я ехал в Москву на Собор, имея перед глазами большие задачи, открывшиеся, наконец, для архипастырской и вообще церковной деятельности в Петербурге. Никакой, говоря светским языком, “предвыборной кампании” я не вёл. Только после Архиерейского собора... где я получил больше всех голосов архиереев, я почувствовал, что есть опасность, что чаша сия меня может и не миновать. Я говорю “опасность”, при том, что, будучи двадцать два года управляющим делами Московской Патриар-

Возвращение Тихвинской иконы Божией Матери в Тихвинский монастырь. Патриарх Алексий II и архиепископ Константин. 9 июля 2004 г.

хии при Святейших Патриархах Алексии I и Пимене, я прекрасно знал, насколько тяжёл крест Патриаршего служения. Но я положился на волю Божию: если будет воля Господня на моё Патриаршество, то, видимо, Он даст и силы» (из Беседы с Патриархом Алексием II).

Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге

Господь не оставил без помощи Россию в эти тяжелейшие времена, призвав на труднейшее Патриаршее служение вновь одного из лучших сынов России, который так видел его: «Свою первоочередную задачу мы видим, прежде всего, в укреплении внутренней, духоносной жизни Церкви... Достижению поставленных целей будет способствовать также управление церковной жизнью согласно нашему новому Уставу, уделяющему большое внимание развитию соборности. Перед нами стоит великая задача широкого возрождения монашества, во все времена оказывавшего столь благотворное влияние на духовное и нравственное состояние общества... Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во имя Его, мы видим перед собой необозримое поле катехизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и для взрослых, обеспечение паствы и всего общества литературой, необходимой для христианского научения и духовного возрастания. С благодарением Богу мы отмечаем, что перед нами открываются новые пути и средства для развития свободного духовного просвещения в самых различных кругах нашего общества... Немало предстоит сделать в утверждении справедливости в межнациональных отношениях. Будучи многонациональной, Русская Православная Церковь вместе с другими христианскими Церквами и религиозными объединениями нашей страны призвана врачевать раны, наносимые национальной рознью... Как и прежде, мы будем развивать наши братские отношения с Поместными Православными Церквами и тем самым укреплять Всеправославное единство...»[1].

Божьей волей в обеспечение этих намерений святым помощником Патриарха, заступником Русской Православной Церкви и всего русско-

[1] ЖМП. 1990. № 9. С. 21–22.

го народа становится Иоанн Кронштадтский, канонизированный в эти же дни. Промыслительно, что через несколько дней после интронизации, 14 июня, Алексий II отправился в Ленинград, для того, чтобы совершить прославление святого праведного Иоанна Кронштадтского. Торжество Православия совершилось в Иоанновом монастыре, где покоится угодник Божий. Так Церковь духовно укреплялась перед «лихими девяностыми».

В годы «демократизации» перед Русской Православной Церковью открылись новые возможности вернуть себе былой правовой статус, утвердить законное достоинство, восстановить утраченное, наладить новые отношения с государственной властью. Со всем Церковь справилась. Но не только в административном и храмовом строительстве она видела своё главное предназначение. Нельзя было утратить народную веру, исконную духовную силу, во имя чего Святейший Патриарх Алексий II свершил великие дела. Главное, его беспримерными стараниями Россия избежала масштабного кровопролития, когда осенью 1993 г. Российское государство переживало один из самых трагических политических кризисов в своей новейшей истории: противостояние исполнительной и законодательной властей, в результате которого перестал существовать Верховный Совет.

Из русской истории «смутных времён» начала XX в. известно, что антиклерикальные настроения, характерные для первого этапа российского парламентаризма, создали духовно-политические предпосылки для тотального погрома Русской Православной Церкви в первые два десятилетия советской власти. И вместе с тем, окончательное крушение советской власти в октябрьские дни 1993 г., когда в Москве расстреливали защитников Белого дома, привело к удивительным обратным метаморфозам думской формы современного российского парламентаризма.

В Даниловом монастыре при посредничестве священноначалия состоялись переговоры противоборствующих сторон. К сожалению, крови избежать не удалось, но, главное, по молитвам Святейшего Патриарха, священства и боголюбивого народа конфликт решился всё же малой кровью, не случилось худшего — полномасштабной гражданской войны. После этих событий авторитет Русской Православной Церкви для новых российских парламентариев и для всего народа стал весьма значителен.

Церковь в это время проявила мудрую умеренную политику и в оценке очередной годовщины Октябрьской революции, и в оценке падения коммунистического режима. Назвав путь, пройденный Россией, как скорбный и тяжкий, она выразила уверенность, что отныне коммунистическая идеология никогда более не будет государственной в Рос-

Внесение Тихвинской иконы Божией Матери в Александро-Невскую Лавру. Санкт-Петербург, 28 июня 2004 г.

сии. По просьбе Святейшего Патриарха Алексия II с 1991 г. Рождество Христово было объявлено правительством выходным днем. По инициативе Церкви и её главы было осуществлено беспримерное строительство — восстановление главного храма России — храма Христа Спасителя, канонизировано более тысячи святых угодников, новомучеников и исповедников российских, среди них святые страстотерпцы — Николай II и его Семья, о которых при их жизни молился Иоанн Кронштадтский. В 2004 г. из Америки вернулась на родину национальная святыня — Тихвинская икона Божией Матери, которую в Санкт-Петербург ввёз архиепископ Тихвинский Константин (Горянов), ректор Санкт-Петербургской Духовной академии. Свершилось великое событие — объединение Русской и Зарубежной Православных Церквей, что небывало усилило мировое значение всей Русской Православной Церкви и само́й России. Так Божиим соизволением, предстоянием святых у престола Господня, усилиями Святейшего Патриарха Алексия II и стараниями православных пастырей и верующих страна вновь вышла из «смутных времён» победительницей.

Явным подтверждением чему является то, что более осмысленно, в исконных традициях, при участии государственных лидеров вся страна стала отмечать святой Праздник Православной Пасхи. Знаменательным историческим событием становится не имеющее прежде такого размаха празднование Дня Победы. После стольких либеральных лет шельмования, принижения значения извечной защитницы православного духа и Православной Церкви — современной российской армии, она впервые за 17 «перестроечных» лет именно в 2008 г., проходящем в прославлении св. Иоанна Кронштадтского, расправила плечи и в полном боевом блеске вышла на Парад Победы на Красную площадь! Это явилось самым ярким и бесспорным свидетельством окончания «смутных времён». Но можно ли вообще избежать их?!

Наш современник, будучи сам свидетелем «смутных времён», митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн считал, что при наличии в стране здоровой, национально-осмысленной идеологии и связного, целостного, непротиворечивого государственного мировоззрения никакая смута невозможна. Она будет невозможна, если объединить усилия всего народа, верящего в возрождение России. «Кто же объединит исстрадавшихся, обезверившихся людей, даст им силы жить в этом безумном, жестоком мире, укажет смысл бытия, убедит, что понесённые жертвы и страдания — не напрасны? Сегодня — как и сто, и тысячу лет назад, есть лишь одна сила, способная взять на себя решение этой тяжелейшей задачи. Сила эта — Православная Церковь Христова... Церковь может — и станет — опорой возрождающейся России, духовной основой объединения русского народа потому, что именно она наиболее полно, ясно и обоснованно выражает религиозное, нравственное, моральное, этическое и правовое мироощущение простого, душевно здорового русского человека, его понятия о справедливости и благе, добре и зле, чести и совести»[1].

Осмысление духовного наследия, изучение жизненного подвига любимого пастыря русского народа, народа-мученика, после стольких лет мытарств возвращающегося в свой духовный Дом — Православную Церковь, станет и в будущем благодатной почвой для сплочения всех русских духовных сил, понимающих общность своих идеалов и целей, непреходящую значимость Русской Православной Церкви. Возрождение национального религиозно-нравственного мировоззрения есть необходимое условие возрождения России. Только оно объеди-

[1] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Русский узел. СПб.: Царское дело, 2001. С. 42.

нит Россию вокруг её вековых святынь, восстановит историческую преемственность русской жизни, восполнит уверенность в своих силах и в возможности победы над любым врагом.

P.S. Всенародное празднование 100-летия со дня преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского явилось в 2008 г. главным событием в жизни Русской Православной Церкви. 31 октября — 2 ноября 2009 г. в Санкт-Петербурге прошли торжества, посвящённые 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня его кончины, в которых приняли участие представители 144 храмов всего мира, ему посвящённых; малой планете № 16395 было присвоено имя «Иоанн Праведный». Мощи праведного Иоанна Кронштадтского покоятся под спудом в Иоанновском монастыре на Карповке; здесь же находятся известная икона святого Иоанна с его епитрахилью и частью его облачения.

Мы живём в счастливое время, потому что возрождение России началось и происходит на наших глазах. Метафизические смыслы возвращения Божиим промыслом и гением человека в 2014 г. полвека оторгнутого Крыма так раскрывает известный современный русский писатель и философ Александр Проханов, опираясь на слова нашего выдающегося Президента В. В. Путина. «В одном из своих посланий Федеральному собранию он сказал, что с возвращением в Россию Крыма в Россию вернулся сакральный центр российской государственности, российской власти. Он имел в виду Херсонес, где произошло крещение Руси. И этот волшебный чудодейственный мистический акт, когда через князя Владимира свет Православия хлынул на все огромные пространства: сначала от Карпат до Урала, а потом и дальше за Урал к Тихому океану, — этот мистический акт перенёс в российскую государственность Христову святость. А Крым, возвращённый в Россию Путиным, перенёс эту святость в самый центр путинской власти, путинской государственности. Потому что этим своим деянием — в каком-то неопределённом и недогматическом смысле — Путин перенёс в своих руках лампаду таинственного мистического света в Россию, в Кремль, в свой кабинет, в свои чертоги. Он был для этого избран. Он подтвердил это избрание. И он в очень условном виде стал помазанником. Его помазал не Патриарх, его помазание совершилось не в Успенском соборе, его венчание на царство свершилось не при стечении иерархов. Оно свершилось тайным мистическим образом, когда крымская херсонесская лампада в его руках вернулась в Россию»[1].

[1] *Проханов А. А.* «Венценосный Путин». Газета «Завтра». 2017. 4 июля.

Если вернётся вся Россия к спасительной, победоносной Христовой вере, как мечтал святой праведный Иоанн Кронштадтский, к своей матери — Церкви, если станет бороться со всяким злом оружием Божией веры, крестом, правдою и молитвой, только тогда будет в полной мере действенна помощь её святых молитвенников, заступников и героев, таких как Сергий Радонежский, Дмитрий Донской, Патриарх Гермоген, Минин и Пожарский. Только тогда услышит голос Родины и взмолится пред Господом за Россию святой праведный наш соотечественник о. Иоанн Кронштадтский. Только тогда День национальной Победы обретёт неудаляющуюся непрерывную историческую длительность в веках.

О мире и любви говорил Святейший Патриарх всея Руси Кирилл в своём выступлении на Всемирном Русском Народном Соборе 1 ноября 2017 г.: «Революции всегда претендуют на создание нового человека, стремятся сломать традиционное, христианское в нём — “перековать” человека. Отсюда борьба революционеров с традицией, религией, культурой. Но это тупиковый путь, он ведёт к отрицанию и дроблению. Революции совершаются на отрицании, на сломе, а стремление к вечной жизни ничего не отрицает, но всё пронизывает собой. Это — стремление к любви и к Богу.

Если мы в XXI в. хотим быть процветающей страной; страной, которую уважают другие страны; страной, у которой есть будущее, если мы хотим избежать революционных катастроф и гражданского противостояния — мы не должны забывать свой исторический опыт, отказываться от своей исторической судьбы. Если все мы будем руководствоваться общей целью, то любые, даже самые сложные вызовы будут преодолены, и наши потомки смогут с благодарностью говорить о достижениях нашего народа в грядущем столетии и жить в мире друг с другом».

УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ

Доклад на Панаринских чтениях в МГУ им. Ломоносова на философском факультете 20 ноября 2014 г.

2014 год прошёл под знаком восстановления и укоренения памяти о Первой мировой войне, которая в Российской империи называлась также Великой и Отечественной. Обращение к исторической действительности этой войны и последовавшей затем революции во многом помогает осознать неразрывную связь вечного и настоящего, переходящего в прошедшее и в будущее: «*Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовёт прошедшее*» (Еккл. 3:15).

Выявляя для России аналогию двух, как будто симметричных отрезков «смутных времён» — начала и конца XX в., выдающийся современный философ Александр Сергеевич Панарин замечает: «В мировой войне Россия осознала себя форпостом славянского мира, отстаивающего себя перед натиском мира германского. Причём сама война рассматривалась как кульминация того ползучего натиска германского начала на Россию и славянство, который ощущался на всём протяжении Петербургского периода нашей истории. Тот самый Запад, в котором русские прогрессисты видели землю обетованную — воплощение свободы, терпимости, просвещённой широты и пацифизма, в противовес деспотичной туземной азиатчине, неожиданно явил себя агрессором, открыто выставляющим право силы и отбросившим весь гуманистический и демократический камуфляж»[1].

Если вспомнить все сметённые с лица земли народы, жившие на территории основных западноевропейских стран, то вы ужаснётесь, причём делалось это систематически. Гуманнейший и просвещённый английский историософ Арнольд Тойнби с торжеством рассказывает,

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 190–191.

как были уничтожены народы, не принадлежавшие к основной европейской цивилизации. От пруссов осталось лишь слово «Пруссия», они были полностью уничтожены германцами, а ведь это был самый мощный, самый высококультурный из всех прибалтийских этносов. Не забудьте также о полабских славянах в Германии, целиком и полностью вырезанных за время Столетней войны.

Суть процесса объединения славянских народов вокруг России точно сформулирован А. С. Панариным, попытавшимся, по его собственному выражению, «оценить соответствующий потенциал российской цивилизации, коренящейся, в частности, в её православном архетипе» (из вступления к книге «Православная цивилизация...»).

В годы Первой мировой войны ярким светом, как будто сверхновой звезды, вспыхнула благодать Церкви, чтобы вскоре померкнуть на длительные богоборческие десятилетия. Но, как известно, долго ещё живёт свет погасшей звезды, напоминая о временах её расцвета. Так и память о героях Первой мировой войны даёт нам сегодняшним много духовных примеров. Я заметил, что в современных изданиях о Первой мировой войне нет полноценного исследования подвига православного священства, исключение составляет книга председателя Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга капитана I ранга А. П. Белякова «История православного духовенства военного флота России и его роль в системе воспитания военнослужащих» (СПб., 2008 г.) и Вячеслава Бондаренко «Герои Первой мировой», получившая премию «Александр Невский» в 2014 году. В ней одна глава посвящена иеромонаху Антонию (Смирнову). Но ведь героев-священников были сотни. Вся Русская Православная Церковь встала на защиту Отечества, которое приняло вызов славянству, брошенный кайзеровской Германией.

Количество убитых священников доподлинно неизвестно, так как после революции никаких точных подсчётов не велось. Раненых было более 400, около ста военных священников попали в плен, это говорит о том, что они находились на своём посту, а не прятались от опасности в тылу. О мужестве православных священников свидетельствуют их ордена. Из оставшихся в живых пастырей-героев 14 были награждены офицерскими Георгиевскими крестами IV степени. За годы войны священникам было вручено 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов св. Владимира III степени с мечами, сотни священников «за особые труды» были награждены другими наградами[1]. «Шёл

[1] *Новиков В. С.* Армия и Русская Православная Церковь // Военная мысль. 1992. № 4–5. С. 60.

первым — возвращался последним!» Вот формула поведения на войне многих героев-священников.

Александр Сергеевич Панарин

Когда под российский гимн «Боже, Царя храни!» русская армия и Церковь на фронтах Первой мировой сражалась за Русскую землю, в тылу начались необратимые процессы уничтожения Российского государства, происходило предательство на многих уровнях, начиная с высших офицеров Генштаба. Героическим пастырям приходилось принимать участие в сражениях против внешнего врага, а также верно и смиренно служить Отечеству в системе тотальной оскорбительной либеральной пропаганды и агитации так же, как и ранее в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Вот как описывает праздничный приём, устроенный интеллигенцией по случаю одного из поражений русской армии, Н. Б. Козлова: «Едва вся эта “интеллигентная”, но далеко не воспитанная компания села за стол, как полились речи о текущих событиях. Но мне не передать того издевательства над армией, того дикого злорадства нашим неудачам, которыми были полны их слова. Злейшие враги не могли больше радоваться, чем они... Впоследствии одна медсестра рассказывала мне, что в первые дни боя под Лаояном целая компания врачей и студентов заседала по вечерам в “Красном домике”, пьянствовала и пела неприличные песни на мотивы Херувимской и других церковных песен»[1].

Вот ещё один из многих примеров шельмования русского православного патриотизма. В Санкт-Петербурге в период с 1907 по 1917 гг. проходили знаменитые заседания Религиозно-философского общества, материалы и документы которого опубликованы в 2009 г. в трёх томах.

[1] *Козлова Н. Б.* Под военной грозой // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 1. С. 30.

В своём докладе «О религиозной лжи национализма» в октябре 1914 г. Д. Мережковский призывает: «Борьба с национализмом — главная задача русской интеллигенции... В настоящей войне происходит торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в “зоологический патриотизм”. Вот почему исконная задача русской общественности — борьба с национализмом — сейчас труднее и ответственнее, чем когда-либо. Борьба велась доныне в позитивной плоскости. Но окончательное преодоление славянофильского национализма возможно только в той плоскости, где сам он движется, а именно, — в религиозной...»[1].

В выступлениях в Религиозно-философском обществе можно было даже услышать такие утверждения, что *нет более отвратительного зрелища, чем поп с крестом впереди военного отряда*. Эти собрания проходили в столице Империи открыто во все годы войны и насчитывали десятки человек элиты, которую сегодня принято называть «пятой колонной». В III томе материалов Религиозно-философского общества за 1914–1917 гг. нет ни одного доброго слова о Царе, Армии и Церкви. В лучшем случае, снисходительные советы, как им следует себя вести, а чаще — пренебрежительное высокомерие. А ведь известно, что когда Царь Николай II стал Главнокомандующим и уехал в Ставку со своим больным сыном, то в 1916 г. произошёл победоносный перелом на фронтах, и России в 1917 г. до победы оставалось лишь несколько месяцев.

Открытые гонения на русское военное духовенство начались сразу после Февральской революции, отменившей сакральную для России формулу: «За веру, Царя и Отечество». Большевики физически расправлялись со священниками и с паствой. Пулемётной очередью был убит в Александро-Невской Лавре протоиерей Пётр (Скипетров). Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) был убит у ворот Киево-Печерской Лавры. Протоиерей Алексей (Ставровский) был одним из нескольких десятков расстрелянных после убийства Моисея Урицкого. Большевики расстреливали людей целыми Крестными ходами. Так, были расстреляны Крестные ходы в Воронеже, Тамбове, Шацке, Самаре, Белгороде, Перми, Вятке, Новгороде, Харькове[2].

---

[1] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917. М., 2009. Т. III. 1914–1917. С. 17, 23–24.

[2] *Дроба С., священник*. Церковь, государство и общество XX века по периодическим изданиям и воспоминаниям. Тверь, 2010. С. 53.

В 1918 г. началась братоубийственная Гражданская война. Первым, кто не побоялся выступить против новой власти, был Патриарх Тихон (Беллавин), который выпустил своё знаменитое послание «Об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной»: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятью потомства в жизни настоящей — земной».

Приведу цитату А. С. Панарина, уже как богослова: «Самое неистовое и разрушительное зло — это бывшее добро — падший ангел, становящийся демоном. Мировые трагедии тоталитаризма не обходятся без змия-искусителя, предпочитающего играть не на худших, а на лучших чувствах. Заполучать худших — не большая заслуга "профессионала" зла. Настоящий азарт мефистофельской игры состоит в том, чтобы совратить лучших. Худшие по природе никогда не будут так неистовы, так вдохновенны и талантливы в злобе, как лучшие, совращённые духом максимализма»[1], — так объясняет Панарин мистические основы того явления, что не только самые худшие, но и лучшие военные и народные низы, в первую очередь пострадавшие от разрушения Российской государственности, поддержали государственный переворот, купившись на демагогические лозунги о мире и земле. «Вставай, проклятьем заклеймённый!».

Очень похожие процессы мы видим сегодня на Украине, когда на Майдан вначале вышли люди, возмущённые коррупцией и продажностью власти, а затем пошла старая песня «Мы наш, мы новый мир построим». Кстати, панаринская цитата во многом объясняет, почему атака сатанинских сил «евросодома» в Европе направлена именно на православные народы Сербии, Грузии, Украины и России, а на очереди — Белоруссия.

Сегодня мы, вспоминая трагическую историю Первой мировой войны и украденную у России победу, убеждаемся в том, что Православная вера — основа нашей жизни. Поэтому ни одну другую религиозную конфессию ни тогда, ни сейчас не шельмуют с такой злобой подконтрольные пятой колонне «независимые» СМИ. Если Россия отвернётся от зова Божиего, вне зависимости от своего политического и военного потенциала — она может исчезнуть с исторической арены,

---

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 209–210.

может раствориться среди прочих народов. Тем более, что Россия в составе Царской империи или СССР была более сильной и самодостаточной, чем сейчас. «Сегодня, будучи выведенной из восточного блока и так и не принятой в западный — вопреки коварным обещаниям “стратегического партнёрства”, — Россия стала крайне одинокой и потому крайне незащищённой, — предостерегает А. С. Панарин. — Мало того, попавшая в руки компрадоров, готовых торговать ею по частям и, судя по всему, взявшим на себя совершенно определённые обязательства по её стратегическому демонтажу, она выглядит почти обречённой. Ибо и те, кто имеет решающие преимущества силы во внешнем мире, и те, кто обладает такими же преимуществами внутри страны, кажется, исполнены готовности идти до конца — до полного разрушения великой страны... Экономическая деградация страны продолжается...»[1].

Американские политтехнологи ведут очень успешную информационную войну, направленную на изоляцию России, на её демонизацию. Особенно успешно это происходит на Украине посредством украинских СМИ. На Украине сейчас идут плохо дела во всех сферах: политической, экономической, социальной, военной. И только в области антироссийской пропаганды успех налицо. Это подтверждает тот факт, что информационная война осуществляется из институтов США, а иначе она не была бы столь успешной. Так же и перед мировыми войнами — украинский национализм сначала готовился на кухне австрийского, а затем германского Генштабов. Эта человеконенавистническая пропаганда зомбирует людей и превращает братский народ Украины в патологических русофобов. Цель — создать на границе с Россией враждебное славянское и пока православное государство, чтобы в случае военной конфронтации православные уничтожали друг друга.

При этом используется религиозный фактор. Украинский народ–мученик конфессионального разделения на православных и униатов. В 1596 г. в результате предательства или недальновидности двух западнорусских епископов Ипатия (Потея) и Кирилла (Терлецкого), заявивших от имени епископата о признании ими всех решений Ферраро-Флорентийского и Тридентского соборов, то есть по сути всех догматически значимых соборных установлений Римо-католической церкви, украинскому народу была навязана Брестская уния. Так проводилась в жизнь давняя мечта Рима: господство католицизма на территории западнорусских православных епархий. В наше время начало

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 379.

конфронтации положено расколом Православия на Украине, который осуществил расстрига-лжепатриарх Филарет (Денисенко).

Как тогда, так и сейчас раскол в украинском обществе был создан целенаправленным внешним вмешательством. Произошла узурпация власти активным меньшинством и, естественно, западенско-киевская меньшая часть силовыми методами старается закрепить новый порядок. В частности, это закон о люстрации, а также закон, частично запрещающий использование русского языка. Мир между Украиной и Россией был разрушен «антимоскальским» переворотом в Киеве, активно спонсируемым США: «Хто не скаче — той москаль!».

Разумеется, Майдан 2013–2014 гг. по сути не имел ничего общего с «общенародным свержением коррумпированного режима Януковича» — кем бы Янукович ни был на самом деле. Механизмом обоих Майданов было стремление более пассионарного в национально-религиозном отношении Запада Украины насильственным путём свергнуть доминирующих во власти представителей Восточной Украины, поскольку практически на всех выборах более многочисленный Восток «переголосовывал» западную часть страны. В результате, у представителей Запада не оставалось иного выхода, кроме государственного переворота.

Таким образом, старый этнический и религиозный конфликт между «западенцями и москалями», между Западной и Восточной Украиной — это пожароопасный материал Унии, на котором сегодня хотят погреть руки не только римо-католический мир, но и заокеанские советчики «самостийной» Украины. Сегодня на Украине нет единого народа, а есть население, и не все его представители — нам братья. Сегодняшняя гражданская война на Украине — прежде всего духовная, и её главная цель — оторвать Украину от Руси и постепенно уничтожить в ней Православие. Пока что больше половины населения Украины не поддерживает курс на вхождение в НАТО и закрепление статуса украинского языка как единственного государственного в стране. Разумеется, есть и другие факторы, кроме религиозного, но их я коснусь только вскользь.

На Украине и в Прибалтике в результате развала СССР к власти пришли сепаратисты. Главная для них задача — сохранить власть и не исчезнуть под воздействием интеграционных сил, когда кризис в России пройдёт. Для этого необходимо найти нового сильного хозяина. Он не заставил себя долго ждать: у майданутых за спиной маячит физиономия «дяди Сэма». А лозунг: «Москаляку на гиляку!» — не только молодёжная речёвка, а реальная идея, подтверждением чему служат зверские расправы неонацистов над жителями Одессы и Донбасса.

Киевское правительство получает деньги за ненависть к России. Выращенная в закрытых лабораториях Запада генномодифицированная Украина, подменившая собой родину для миллионов великороссов и малороссов, сегодня целенаправленно истребляет тысячи своих сыновей и дочерей — и тех, кого смерть нашла в школе или в яслях, и тех безусых хлопцев, которых собственные генералы загоняли в «котлы». Да, загоняли, прекрасно понимая, что обрекают необученных солдат на позорную смерь, ибо нет большего позора, чем умереть за интересы врага. Ради чего столько мук, столько гробов? Ответ есть. Подлинная цель — воздвижение незримой, но непреодолимой Стены между этническими составляющими русского народа. Стена должна отделить великороссов с их русским (великорусским) языком и великой русской (общерусской, всенациональной) культурой от малороссов. Малороссов же оставили один на один с бандой нацистов и олигархов, со слежкой и доносами, жесточайшей самоцензурой, а ещё — с одесской Хатынью и негласными убийствами несогласных.

А ведь известно, что благодаря русским православным Царям, которые столетиями после Переяславской Рады 1654 г. присоединяли к Малороссии свои и отвоёванные у Речи Посполитой, Крымского ханства и турков земли, территория Малороссии — Украины увеличилась во много раз. Дадим краткую справку. Переславской Раде предшествовали почти три года казачьих неудач. Летом 1651 г. Войско Запорожское потерпело страшное поражение от поляков под Берестечком. Богдану Хмельницкому удалось заключить с польским королем Белоцерковский мир, но условия его были ужасны. Подконтрольная гетману территория ужималась до пределов Киевского воеводства. Но польский Сейм даже это не ратифицировал, так как панству показалось, что Хмельницкому оставили слишком много. Ленин, предоставив Украине независимость, по Брестскому миру, заключённому с Германией, отдал на востоке Украины угольный Донбасс — Новороссию. Сталин на западе увеличил территорию Украины на четверть.

Сегодня Новороссия стала важнейшей точкой сопротивления воистину дьявольскому мировому порядку, который, по выражению генетического русофоба З. Бжезинского, строится на костях России. Православный народ Украины протестует против «евросодома», но узурпировавшие власть в стране политические преступники своей основной целью поставили цель — войну с Россией. США — мастера наживаться на войне, воевать на чужих территориях чужими руками. Украинскому народу уготована роль пушечного мяса, поэтому русофобия стала неотъемлемой частью политики. Незавидна участь граждан-

ского населения Донбасса, оккупированного карательными батальонами, которые проводят показательные чистки. Народ Юго-Востока нельзя оставлять на растерзание.

Американские марионетки, киевская хунта, захватившие власть в результате государственного переворота, организованного ЦРУ, не посмеют ослушаться своих хозяев, да и вряд ли захотят, ибо «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф. 6:21), учит Господь Иисус Христос. Кстати, поэтому и олигархи стремятся всячески помешать России в укреплении её суверенитета. Они уже давно встроились в глобальный мир, о чём хорошо пишет Панарин — уроженец Новороссийского края.

Украинский народ, как когда-то русский, должен осознать, что Отечество — дар Божий. Только упоминанием о «царской тюрьме народов», о голодоморе и стыдливым уничтожением памятников богоборцу Ленину — основателю Украинского государства в существующих сегодня границах[1] — здесь не обойтись. Следует вспомнить слова апостола Павла: «Преклоняю колена мои пред Отцем Господа Нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3:14–15) и вернуться в лоно трёх братских народов, «стараясь сохранять единство духа в союзе мира» (Еф. 4:3).

Завершить свой доклад я хочу словами митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева): «Критерием государственного устройства должна быть его богоугодность, соотнесённость с тысячелетними святынями веры. Нужно во всей полноте использовать богатейший опыт русской государственности, выкинуть на свалку наглую ложь об “империи зла”, “России — тюрьме народов”, “гнилом царизме”, сказать правду о семидесятилетнем пленении Православной Церкви и русского народа. Нужно осознать, что у Православной России есть враги, ненавидящие наш народ за его приверженность к Истине, за верность своему религиозному служению, своим христианским истокам и корням. Осознать, что если мы хотим выжить — нам надо научиться защищать себя, свою веру, свои святыни...»[2]. У русских это всегда получалось. Уверен, получится и в будущем. Такова наша судьба — стоять на старже мира и Міра. А без нас — и жизнь на земле погибнет, как погибает плоть, лишённая духа.

---

[1] Одним из первых декретов советской власти была Декларация прав народов России 2 (15) ноября 1917 г., которая провозгласила право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

[2] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Одоление смуты. СПб.: Царское дело, 1995. С. 13.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Исторические книги всегда вызывают большой интерес. И не только потому, что человек любознателен и ему необходимо знать, что происходило в минувшие столетия, а потому что в истории, даже при кажущейся её нелогичности, хаотичности событий, всегда присутствует строгая закономерность, образ бытия Вечности. Во многом помогает в этом видении новая книга выдающегося богослова, историка, митрополита Константина (О. А. Горянова) «Апокалипсисы революций». Её можно рассматривать в двух аспектах, во-первых, как философско-историческое исследование, содержащее глубокое осмысление патриотической деятельности Русской Православной Церкви, во-вторых, как современный вклад в антропологическую науку, основателями христианского крыла которой являются русские религиозные философы.

Академик Российской академии естественных наук митрополит Константин известен как учёный-богослов, изучивший и разъяснивший современному секулярному миру религиозно-философскую антропологию выдающихся русских философов В. И. Несмелова и В. С. Соловьева. С богословско-антропологических позиций митрополит Константин подходит к осмыслению разных периодов человеческой истории, исследует на конкретных примерах их взаимосвязи и взаимозависимости, доказывает, что только тогда человеческое бытие имеет смысл и логику, когда человеческая жизнь уподобляется предстоянию перед лицом Создателя.

Наука как таковая обладает нравственным императивом. Наука историческая должна развиваться в русле христианской нравственной идеи. Сознанию современного человека трудно представить безмерность Вечности и вечность человеческого бытия, но человечество тоскует по идеальному недостижимому. Как говорил выдающийся естествоиспытатель В. И. Вернадский, «В современной общественной и социальной конструкции человечество в большей степени управляется идеями, которые уже более не соответствуют реальности и выражают состояние ума и на-

учные знания поколений, исчезнувших в прошлом»[1]. Стремление к идеалу определяется тем, что для человека невыносимо понятие вре́менного своего существования, это кажется ему неправильным.

О том, каким может и должно быть «правильное» существование, говорится в статьях, посвящённых историческим личностям России. Героические люди чаще появляются в переломные, революционные времена, на резких поворотах истории, когда взрываются привычные траектории геополитических процессов или когда человек сознательно отказывается от присущего ему образа Божия. В этот период возникает потребность в обновлении взглядов на текущую социально-историческую реальность, не существующую в отрыве от единого исторического процесса развития человечества. Тогда встаёт на защиту Православия Иосиф Волоцкий, проповедует Иоанн Кронштадтский, совершает жертвенный подвиг Патриарх Тихон.

Обращаясь к предыдущим книгам учёного «И познаете истину», «Встань и иди в дом твой», можно заметить, что митрополита Константина в большей степени волнуют события, происходящие в современном мире. Но глубже понять, легче исследовать их можно в процессе сравнительно-исторического анализа. Учёный предлагает методику изучения новейшей истории, основанную на сопоставлении исторических фактов, отстоящих друг от друга на века и тысячелетия, но приводящих к аналогичным социально-политическим последствиям. В книге «Апокалипсисы революций», обладающей историософской спецификой, представлен анализ причин возникновения и последствий смутных времён в российской истории. Об исторической амплитуде содержания книги свидетельствует её название. Глубоко символичен поэтический образ Максимилиана Волошина из его обращения к «Потомкам», увещевающего нас, сегодняшних, предостерегающего от своего трагического опыта:

Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.

Исторические исследования митрополита Константина также проникнуты его личной болью, оттенены событиями судеб предков. Использование в некоторых статьях семейных хроник и уникальных свидетельств священнического рода, к которому принадлежит учёный, способствует более реалистичному восприятию далёкой истории сегодняшним читателем. Обращаясь к событиям Первой мировой войны или

[1] Автотрофность человечества. М., 1993. С. 469.

к древней истории Руси, писатель рассматривает исторический процесс в событийной целостности и взаимосвязи с судьбами и подвигами людей, участников этих событий. Показывает, что людям «идеальной линии», то есть тем, кто считал истинной жизнью не жизнь плоти, а бытие духа, удавалось выпрямить и исторический вектор, спасти своё Отечество от, казалось бы, неминуемой гибели.

Такой творческий приём, состоящий в совмещении времён, идеально-возвышенного и реально-будничного смыслов человеческого подвига оправдан тем, что история развивается по законам собственной преемственности, и прошлое не перечёркивается настоящим и будущим, но и не входит механически в условный исторический процесс. Митрополит Константин обращается к известному историческому методу, который был присущ древнерусской литературе — к провиденциализму, к постижению Божественной истины и замысла Господа о мире и человеке. И в этом смысле работа имеет первостепенное значение для философского анализа истории.

Как богослов, учёный доказательно исследует исторические факты и зависимости, присущие Божественному мироустройству, но, несмотря на философско-богословскую направленность труда, в нём отводится особое внимание отдельной человеческой личности, уделяется внимание проблеме человека в отношении жизнесмыслового ядра Православной веры. Он показывает, что великие духовные подвиги русских святых простираются и в наши времена, и влияют на них. Не менее важны деяния малоизвестных русских священников, бывших не только пастырями, но просветителями, врачами, воинами, поднимавшими солдат в атаку на врага. Митрополит Константин раскрывает духовные и нравственные подвиги Православной Церкви в смутные времена, во дни войн и революций, от которых предостерегали и Господние заповеди, и нравственные законы, и русские священники.

В современную эпоху, когда мировая цивилизация достигла высочайшего уровня технического развития, когда воплотились многие мечты человечества, и сама жизнь в бытовом плане стала легче, межнациональные, конфессиональные и территориальные конфликты, казалось бы, должны были прекратиться. Но этого не происходит, наоборот, отношения между людьми и странами ожесточаются. Их развитие — следствие не только глубоких геополитических катаклизмов, но и снижения космопланетарной ответственности и разумности человечества, несоблюдение Божьих законов, данных человеку. В бездуховные времена нарушается логика развития исторического процесса, и «апокалипсисы революций» учащаются и расширяются.

Новая книга митрополита Константина «Апокалипсисы революций» заставляет в наши тревожные времена обратиться к тайне бытия человека, понять смысл исторического процесса. Николай Бердяев говорил: «Свет рождается после внутреннего очищения и аскезы. Это — закон духовной жизни» и «Величайшую ответственность за торжествующее в жизни зло несут те, которые зачали его в идее, те первые немногие, которые в извращённом духовном опыте поддались обманчивыми и лживым призракам»[1].

Академик Олег Александрович Горянов во многом восстанавливает хронологический ряд истории и даёт глубокое и содержательное осмысление её с позиций духовности и нравственности современности. Его фундаментальный труд свидетельствует, что история учит будущему, и опыт предыдущих поколений необходимо учитывать, чтобы не оказаться в эпицентре нового апокалипсиса.

Книга «Апокалипсисы революций» имеет большое научное значение для формирования мировоззрения человека и взгляда в будущее человечества. Раскрывает пути нового исторического этапа Величия России и новой плеяды Героев.

Вице-президент Российской академии естественных наук,
председатель секции междисциплинарных проблем науки и образования,
Лауреат Государственной премии России, заслуженный деятель науки РФ,
академик, доктор медицинских наук, гранд-доктор философии, профессор
В. С. Новиков

---

[1] *Бердяев Н. А.* Духовные основы русской революции. СПб., 1999. С. 164.

Для заметок

Для заметок

Митрополит Петрозаводский и Карельский
Константин (Горянов)

АПОКАЛИПСИСЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Редактор *Валентина Ефимовская*
Корректоры *Галина Ильина, Наталия Першакова*
Компьютерная вёрстка *Татьяна Макарова*
Дизайн обложки *Генриетта Алкаева*

Подписано в печать 06.11.2017. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Объем 35 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ 12260.

Издательский дом «Родная Ладога»
191014, Санкт-Петербург, Ковенский пер. 30/7,
литер А, помещение 4-Н.
http://rodnayaladoga.ru e-mail: tradicia-mag@mail.ru

Отпечатано в типографии «Политехника-принт»
с оригинала-макета заказчика.
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д.